

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра криминалистики

Тактика и методика расследования преступлений:
теория, практика, инновации

Материалы круглого стола
с международным участием
25-26 октября 2024 г., Минск, Беларусь

Минск
2024

УДК 343.985(06)
Т 157

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета БГУ,
25 ноября 2024 г., протокол № 3

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, профессор В. Б. Шабанов (отв. ред.);
кандидат юридических наук, доцент И. Р. Веренчиков;
кандидат юридических наук, доцент В. С. Красиков;
кандидат юридических наук, доцент И. А. Лапина;
кандидат юридических наук, доцент Е. П. Орехова

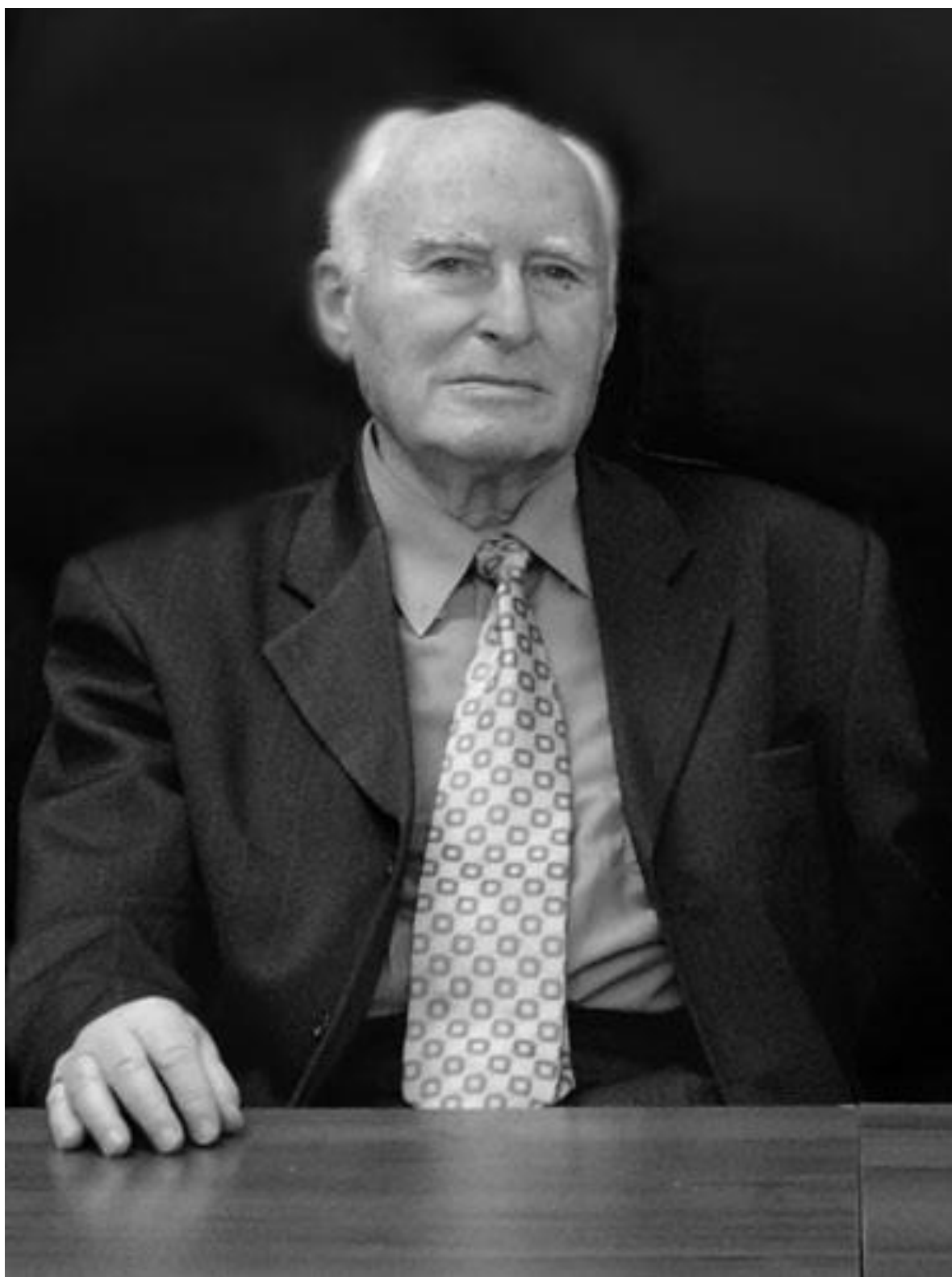
Рецензенты:
А. А. Данилевич, заведующий кафедрой уголовного процесса и
прокурорского надзора юридического факультета Белорусского
государственного университета, кандидат юридических наук, профессор;
Р. Г. Зорин, начальник научно-исследовательской части
УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”»,
кандидат юридических наук, доцент.

Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с международным участием, 25-26 октября 2024 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. криминалистики ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) и др. – Минск : БГУ, 2024. – 521 с. – Библиогр. в конце отд. ст.

В сборнике помещены научные статьи ученых-юристов и практикующих работников правоохранительных органов Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на круглом столе, приуроченном к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова. Сборник адресован научной юридической общественности, практическим работникам, аспирантам, магистрантам и студентам, обучающимся по специальностям юридического профиля.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание, грамотность, достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционной коллегии и рецензентов.

**АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДУЛОВ – ВЫДАЮЩИЙ УЧЕНЫЙ-
КРИМИНАЛИСТ, ОПЕРЕДИВШИЙ СВОЕ ВРЕМЯ**

Асаёнок Б. В.

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, д. 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь,
boris.asayonok@gmail.com

В данной работе исследуется соотношение цифровых следов с традиционными видами следов в криминалистике: материальными и идеальными следами. В качестве основы для сравнения используется криминалистическая теория отражения. По результатам изучения делается вывод о наличии существенных методологических отличий указанных категорий следов.

Ключевые слова: криминалистическая теория отражения; классификация следов; следы-отражения; цифровые следы.

Категория «след» является краеугольным камнем криминалистической теории. Она, по сути, является отправной точкой формирования криминалистики как самостоятельной отрасли научного знания и практической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В настоящее время эта категория пронизывает все разделы и отрасли криминалистики и служит базисом для многих других криминалистических конструкций: механизм следообразования, криминалистическое следоведение (трасология), следовая картина преступления и др. В силу этого и в настоящее время вопрос о сути категории «след» является одним из наиболее актуальных как с точки зрения криминалистической теории, так и применительно к практике борьбы с преступностью.

Методологическим базисом криминалистических взглядов на категорию следа явились фундаментальные труды выдающегося криминалиста профессора Р. Ф. Белкина, а также сформированная им впоследствии криминалистическая теория отражения. В частности, им отмечалось, что «применительно к процессу доказывания изменения в среде как результат отражения в этой среде события и есть доказательства этого события, то есть те фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления. Следовательно, сам процесс возникновения доказательств есть процесс отражения, а возникновение доказательств – результат этого процесса» [1, с. 9]. Определяющее значение теории отражения в криминалистике также отмечал и патриарх белорусской криминалистики профессор А. В. Дулов, говоря, что «ее применение обосновывает изучение преступной деятельности; организацию всех

элементов и этапов борьбы с преступностью; решение всех целей и задач криминалистики на основе применения всех видов, элементов, этапов развития теории отражения» [2, с. 145].

В данном контексте следует говорить о том, что криминалистическая теория отражения в целом раскрывает механизм образования информации о преступлении как явления материального мира и о принципиальной возможности познания этой информации для дальнейшего использования в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Эта информация и является в широком смысле следами преступления. Благодаря выявленным особенностям механизма отражения в результате взаимодействия элементов преступной деятельности с окружающим миром в настоящее время устоявшимся является выделение отражения следов преступления на объектах неживой и живой природы. При взаимодействии с объектами неживой природы образуются материально-фиксированные следы, а при взаимодействии с объектами живой – идеальные.

Хотя такую классификацию можно признать в некоторой мере условной, поскольку только при взаимодействии с психикой человека как элементом живой природы действительно образуются идеальные следы. Следообразование же при непосредственном контактном (физическом) взаимодействии объектов живой и неживой природы с живыми организмами следует признать более близким по своему механизму к взаимодействию объектов неживой природы, поскольку образование следов воздействия характеризуется изменением внешней структуры живых организмов (к примеру, причинение телесных повреждений). Вместе с тем, наличествуют те особенности, которые связаны с прижизненным функционированием живых организмов, а также с их посмертным изменением.

Учитывая эти особенности Т. В. Аверьянова, раскрывает следующие виды физического взаимодействия: «механическое, термическое, комбинированное (физическое и термическое одновременно), химическое, биологическое» [3, с. 10].

При отражении преступления в материальном мире дает основание для классификации материальных следов по следующим группам:

- 1) следы-предметы;
- 2) следы-вещества;
- 3) следы-отображения [4, с. 133].

У Р. С. Белкина применительно к криминалистической теории отражения есть упоминание и относительно психического отражения: «мысленная (образная) форма информационного сигнала является субъективной формой психического отражения» [5, с. 91]. Вместе с тем, криминалистическое учение о механизмах следообразования, изложенное

им во втором томе «Курса криминалистики» содержит преимущественно различные аспекты криминалистической трасологии [6, с. 20-44].

Вместе с тем, криминалистические взгляды на идеальные следы, их роль и классификацию в достаточной мере представлены в современной правовой доктрине. Так, Л. А. Суворова приводит следующие признаки идеальных следов:

- 1) они содержат криминалистически значимую информацию;
- 2) информация воспринимается человеком;
- 3) информация воспринимается посредством органов чувств;
- 4) информация существует в форме мысленных образов в памяти человека;
- 5) информация должна быть воспроизведена в доступной исследованию форме;
- 6) способ воспроизведения информации должен быть допустимым с точки зрения процессуальной формы [7, с. 11].

На основе этих признаков ею дается определение, близкое к традиционному пониманию идеальных следов в криминалистической доктрине. Их она определяет в качестве «... криминалистически значимой (уголовно-релевантной) информации, воспринятой и запечатленной человеком в виде мысленных (памятных) образов, и которая может быть им воспроизведена в вербальной или иной форме либо извлечена из его памяти средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве [7, с. 11].

Собирание таких следов осуществляется преимущественно в процессе вербальных следственных действий.

Включение идеальных следов в систему криминалистического следоведения как частного подраздела (теории) общей теории криминалистики поддерживается учеными-криминалистами в качестве основы формирования единого учения о следах (а не только в рамках трасологии в криминалистической техники) [8, с. 64-65; 9, с. 60; 10, с. 17 и др.].

Изложенные подходы к материальным и идеальным следам в контексте криминалистической теории отражения позволяют в большей степени прояснить вопрос о месте цифровых следов в системе следов преступления. При этом мы не ставим задачей всецело ответить на все те вопросы, которые до сих пор остаются в криминалистической доктрине в сфере данной проблематики. Так, дискуссионным продолжает быть вопрос о названии этой категории следов: компьютерные следы, бинарные следы, виртуальные следы, электронные, электронно-цифровые или цифровые. Исходя из формы представления информации нами более приемлемым представляется название цифровых следов.

В отношении же места цифровых следов в системе следоведения, необходимо отметить, что, исходя из материальности их носителя, такие

следы нередко относятся к материальным. Хотя есть мнение о возможности их отнесения более к следам идеальным [11, с. 44].

В этой связи представляется необходимым обратить внимание на следующее. С точки зрения отражения информации о преступлении, без сомнения, цифровые следы являются следами преступления и, соответственно, имеют самостоятельное доказательственное значения. Но применительно к традиционным видам следов следует считать их самостоятельной категорией, поскольку их отличия не позволяют в полной мере отнести их ни к материальным, ни к идеальным следам.

Формой существования материальных следов являются материальные объекты (и для следов-предметов, и для следов-отображений) или вещества. Следы-предметы и следы-отображения обладают материально-фиксированной формой. Следы-вещества хоть такой формой и не обладают, но для них все же характерна определенная пространственная локализация, которая может быть зафиксирована, что определяет их материальный характер. Для цифровых следов такое материально-фиксированное существование не характерно. Можно с некоторой долей допущения говорить о материально-фиксированном характере электронных носителей информации, но это не будет являться формой существования самих цифровых следов. Отождествление цифровых следов и их носителей с точки зрения теории отражения не может признано обоснованным. Цифровая форма документа, к примеру, лишь находится на определенном носителе и может быть свободно отделена от него, перенесена на другой носитель, сервер и т.д., в силу чего последние не могут считаться формой существования цифровых следов. Применяя аналогию, если бы носитель являлся формой существования гипсового следа обуви, то упаковочный пакет, коробка должны были бы считаться формой существованию такого следа. Но такое утверждение для теории и практики доказывания по уголовным делам не может считаться сколь-нибудь соответствующем правовой действительности.

Формой существования идеальных следов является только отображение их в психике человека с последующим закреплением в материалах уголовного дела. Эти следы могут восприниматься лишь посредством органов чувств человека, что не свойственно для цифровых следов. Да, возможно чувственное восприятие цифровой информации, но лишь с того момента, когда они из цифровой формы приобретают визуальную или аудиальную (возможно, и тактильную, осязаемую) форму, доступную к восприятию сознанием человека. Само же непосредственное восприятие цифровых следов затруднительно, поскольку они предназначены к обработке соответствующими устройствами. В теории криминалистики существовали предложения, к примеру, распечатывать и прилагать к материалам дела в печатном виде цифровую информацию,

обрабатываемую в машиносчитываемой форме. Это позволяло бы, по мнению авторов, их считать письменными доказательствами. Но такая распечатка давала бы в уголовном деле ненужный объем печатных документов, который не доступен к непосредственному восприятию и анализу сознанием человека, в силу чего такие предложения не получили сколь-нибудь минимальной поддержки. Изложенное позволяет говорить о самостоятельности следов по характеру их формы и носителя.

Но наиболее существенные различия в видах следов наблюдаются в механизме следообразования. Материальные следы образуются в результате контактного взаимодействия материальной структуры преступления с окружающей средой. Применительно к следам-отображениям появились категории следообразующего и следовоспринимающего объекта, идентифицирующего признака, идентификационного поля и т.п., то есть всего, что является непосредственным применением криминалистической теории отражения. Но указанные материальные, по сути, категории мало применимы к цифровым следам. Механическое отражение невозможно в цифровой среде, поскольку цифровые следы не имеют материально фиксированной формы. Вместе с тем, это не значит, что криминалистическая теория отражения «не работает» в цифровой среде. Факт, ход и результаты преступного воздействия отражаются на цифровых объектах. Но такое воздействие носит информационный характер – появление, изменение и уничтожение информации в цифровой форме. Эти изменения могут касаться и файловых систем, и программного обеспечения, и других элементов цифровых систем. Крайне редко результаты такого воздействия материализуются в классические материальные следы. Такое преобразование цифровых следов в материальные практически всегда носит целенаправленный характер. Так, результаты преступной модификации цифровой информации могут привести к изменению баланса карт-счета, остановке производственных мощностей предприятия и в других материализованных общественно опасных последствиях.

Важным отличием цифровых следов от следов материальных является также и то, что они могут копироваться неограниченное количество раз без существенного изменения их содержания (хотя сам факт несанкционированного копирования, к примеру, уже сам по себе может являться самостоятельным цифровым следом).

Проблематичным является отождествление механизма образования цифровых и идеальных следов. Процесс образования последних включает в себя восприятие, запоминание и воспроизведение информации человеком посредством его психики. Каждому из этапов соответствуют определенные психические особенности, в том числе, применительно к конкретному человеку. При образовании цифровых следов на определенных этапах,

конечно же, участвует психика человека, но она опосредована спецификой электронных сетей, программного обеспечения и другими элементами цифровой среды. К примеру, это хорошо демонстрируется в ряде случаев процессом исследования при проведении компьютерно-технической экспертизы, где основным средством ее проведения является соответствующее программное обеспечение, и включение человеческого сознания в порядок обработки и исследования цифровой информации ограничено по объему.

Процесс создания и модификации цифровой информации, а соответственно, и образования цифровых следов, еще менее включает человеческое сознание при использовании систем искусственного интеллекта, где роль человека (в том числе, и при совершении преступного деяния) еще более ограничена. Здесь человеческая психика участвует, по сути, только на этапе постановки задачи искусственному интеллекту, а способ и средства решения этой задачи может избираться программой самостоятельно. Здесь же возможны эксцессы в достижении определенного (и преступного тоже) результата, поскольку внутренние процессы функционирования программ искусственного интеллекта зачастую недоступны обычному пользователю. Все это существенно рознит механизм следообразования для идеальных и цифровых следов.

Эти и многие иные аспекты применения криминалистической теории отражения, по нашему мнению, дают основания полагать о самостоятельности категории «цифровые следы» в системе следов преступления и составляют важную теоретическую основу для исследования этих следов в доктрине криминалистики.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Изд-во МВШ СССР, 1970. – 130 с.
2. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск: Изд-во БГУ, 1959. – 188 с.
3. Аверьянова, Т. В. Значение криминалистической теории отражения для судебно-экспертной практики / Т. В. Аверьянова // Труды Академии управления МВД России. – 2017. - № 3(43). – С. 9-13.
4. Комиссарова, Я. В. Понятие и классификация следов в криминалистике / Я. В. Комиссарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3 (55). – С. 131-141.
5. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. / Р. С. Белкин. 3-е изд., дополненное. – М., 2001. – 323 с.
6. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. / Р. С. Белкин. 3-е изд., дополненное. – М., 2001. – 313 с.

7. Суворова, Л. А. Идеальные следы в криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. А. Суворова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 24 с.
8. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. / Р. С. Белкин. – М., 2001. – 313 с.
9. Малыхина, И. Н. Идеальные следы в криминалистике / И. Н. Малыхина // Правовое государство: теория и практика. – 2014. - № 3 (37). – С. 59-61
10. Смахтин, Е. В. Некоторые аспекты методологии криминалистических научных исследований / Е. В. Смахтин // Юристъ-правоведъ. - 2009. - № 5 – С. 15-18.
11. Компьютерная информация в следственной деятельности: сборание, оценка, использование : учеб. пособие / Ю. Ф. Каменецкий [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2022. – 376 с.

Бахтеев Д. В.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева»,
ул. Комсомольская, 21, 620137, г. Екатеринбург, Россия, ae@crimlib.info

Целью настоящей статьи является обеспечение связи современных технологий, используемых при проведении тактических операций, с криминалистическими особенностями реализации указанных комплексов и тактикой психологического воздействия на подозреваемых и обвиняемых. На примере использования сведения из реестра операционной системы описывается модель тактической операции по преодолению противодействия конфликтующих лиц.

Ключевые слова: цифровая криминалистика; специальные знания; реестр операционной системы; тактические операции; противодействие.

Современные технологии могут использоваться в следственной деятельности не только как инструмент познания материального мира, но и как средство наступательного воздействия на подозреваемых и обвиняемых в процессе производства отдельных следственных действий и тактических операций.

Ещё в 1997 году отмечалось, что «следователи часто не располагают информацией о возможностях компьютерно-технических исследований в плане увеличения доказательственного значения добытой информации» [1, с. 119]. Призывы к совершенствованию криминалистической техники и распространению цифровых технологий звучат и сейчас [2; 3]. К настоящему времени ситуация, несомненно, улучшилась, однако отдельные пробелы в квалификации следователей всё равно продолжают встречаться. Знания следователя о следах, которые могут содержаться на компьютерных устройствах подозреваемых и обвиняемых, и механизме их образования могут оказать огромную помощь в разрешении конфликтных ситуаций. Однако это возможно лишь при условии того, что следователь владеет нужной информацией, а лицо, ему противостоящее, об этом не знает. Рассмотрим модель такой ситуации на примере.

Не так много людей, не связавших свою жизнь с информационными технологиями, знает, что реестры всех операционных систем как на стационарных, так и на мобильных устройствах содержат большой объём криминалистически значимой информации. Так, в реестре наиболее распространённой операционной системы в мире – Windows от компании Microsoft – фиксируются следующие сведения:

- о подключении аппаратных устройств (накопителей информации, принтеров, сканеров, аппаратных токенов и т. д.);
- о запуске программного обеспечения и открытия документов;
- история посещения веб-сайтов;
- факты подключения к проводным и беспроводным сетям;
- время включения и выключения компьютерных устройств.

Все эти сведения могут быть получены в ходе обыска участвующим в нём специалистом, а следователь может использовать их не только как вещественные доказательства, но и в качестве ориентирующей информации для получения первичных показаний от задержанных в ходе обыска подозреваемых и обвиняемых по преступлениям, при совершении которых использовались компьютерные устройства. Так, в реестре операционных систем мобильных устройств содержится информация обо всех беспроводных сетях, в зоне действия которых находилось такое устройство. Запуск на компьютере торгового робота свидетельствует об участии в тендерном производстве, а посещение форума в даркнете – о заинтересованности в отдельных направлениях незаконной деятельности.

В результате уже на первом допросе или даже в ходе доследственной проверки сведения, полученные из реестра, могут быть предъявлены допрашиваемому (лицу, приглашённому для дачи объяснений) с указанием на то, что они очевидно свидетельствуют о причастности лица к совершению преступления или иным образом опровергают его алиби. За счёт эффекта внезапности это может нарушить логику противодействия со стороны конфликтующих субъектов. Отметим, что подобное тактическое решение наиболее целесообразно в случае занятия уголовно-преследуемым лицом конфликтной позиции: неперенным условием достижения целей психического воздействия должно быть возбуждение достаточной психической активности объекта воздействия [4, с. 160]. В описанном случае также требуется определённый технический уровень противодействующего лица: с одной стороны, он должен понимать, что предъявляемые ему сведения могут быть действительными, с другой – считать сам факт их обнаружения собственной ошибкой.

Примерная конструкция тактической операции, в которой используются сведения из системного реестра ОС Windows, может выглядеть следующим образом.

Обыск, при котором в порядке ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации производится изъятие или копирование информации с электронных носителей.

Предварительное исследование специалистом копии системного реестра, получение необходимых сведений, передача их следователю.

Допрос подозреваемого (обвиняемого), свидетеля или потерпевшего по поводу механизма произошедшего преступного события. Сведения,

полученные из системного реестра, могут быть использованы как резервный ресурс следователя и применяться в случаях, когда допрашиваемый искажает показания или, в силу разных причин, затрудняется описать действия, как собственные, так и иных лиц.

Проведение компьютерно-технической экспертизы, уточняющей механизм компьютерного преступления.

Предъявление её результатов ранее допрошенному лицу.

Аналогичным образом и другие цифровые технологии могут быть использованы для изобличения противодействия: например, классический приём предъявления детализации переговоров для опровержения версии защиты об отсутствии связи между абонентами.

Ещё раз подчеркнём, что подобное сближение юридических и технических наук возможно лишь путём развития компетенций сотрудников правоохранительных органов в сфере современных технологий, постоянной актуализации используемых методов и технологий.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>.

Библиографический список

1. Касаткин, А. В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Касаткин. – М., 1997. – 215 с.
2. Бессонов, А. А. Современные информационные технологии на службе следствия / А. А. Бессонов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1(35). – С. 94–100.
3. Цурлуй, О. Ю. Тенденции развития современной российской криминалистики / О. Ю. Цурлуй // Российский следователь. – 2023. – № 7. – С. 8–12.
4. Дулов, А. В. Судебная психология / А. В. Дулов. – Минск: Высшая школа, 1975. – 465 с.

Бачиева А. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФАЙЛИНГА В СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

АОУ ВО ЛО «Государственный институт экономики, финансов,
права и технологий», Рощинская ул., 5, 188300, г. Гатчина, Россия,
albinab07@mail.ru

В статье рассматривается криминалистического профайлинга для раскрытия и расследования преступлений. Автором рассмотрены методики криминалистического профайлинга в стратегии и тактике следственных действий. Возможность использования результатов профайлеров в правоохранительной деятельности при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и при проведении следственных и процессуальных действий.

Ключевые слова: профайлинг; криминалистический профайлинг; психологический профиль; специальные знания; тактические приемы; допрос; обыск; проверка показаний на месте; расследования преступлений.

Профайлинг (от английского profile — «профиль»), как метод анализа преступлений и личности преступника, который играет ключевую роль в криминалистическом анализе. Он представляет собой комплексный подход к изучению преступлений, который позволяет выявить особенности поведения преступника, его мотивацию и психологический портрет.

Целью профайлинга в указанном контексте является сбор как можно большего количества информации о совершенном преступлении и преступнике, чтобы выстроить целостную картину произошедших событий и прийти к выводу, какова была мотивация человека, и что побудило его к совершению преступления.

Одним из первых и важнейших этапов применения профайлинга является его использование в планировании следственных действий.

При составлении психологического профиля используются следующие данные, полученные в ходе расследования: фотографии места преступления, материалы вскрытия трупа и исследования результатов вскрытия, план перемещений жертвы до момента смерти, документы с информацией о личности жертвы, информация о полной картине преступления и реконструкция механизма содеянного. Расположение указанными сведениями позволяет ответить на вопросы: что произошло? Почему это произошло? Кто совершил преступление? [1, с. 56-57]. На основании вышеперечисленных данных составляется аналитическая справка.

Психологический профиль сужает круг подозреваемых, после чего производится розыск конкретного человека.

Далее, разрабатываются рекомендации по розыску и допросу подозреваемого, что требует совместной работы профайлера с правоохранительными органами и иными субъектами.

Согласно уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, показания свидетелей и потерпевших могут служить доказательствами по уголовному делу. Процесс формирования показаний имеет три стадии: Первая стадия - восприятие информации, вторая стадия-запоминание и сохранение информации, и третья стадия-воспроизведения информации.

Восприятие и запоминание какого-либо события зависит от множества факторов, в которые входят: неожиданность явления, погодные условия, шум, освещение, обстановка местности, состояние органов чувств, эмоциональное состояние и многое другое. [2, с. 39-44].

Следователь готовится, и подходит индивидуально к каждому допросу. Чтобы правильно оценить показания допрашиваемого, из допроса следует найти «чувственные» данные, с помощью которых допрашиваемый воспринимал произошедшие события, а также проанализировать интерпретацию сказанного свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым.

Важным тактическим приемом не прерывать без крайней необходимости повествование допрашиваемого. Заданный в ходе рассказа вопрос рассеивает внимание допрашиваемого и нарушает ход его мыслей. Также в случае, если допрашиваемый указывает какие-либо оценочные прилагательные, то для получения достоверных показаний необходимо уточнять информацию после того, как он закончит свой рассказ. Помимо этого, необходимо правильно подобрать время допроса и следует вызывать допрашиваемого во время его наибольшей продуктивности. Управляющая деятельность следователя осуществляется путем убеждения и переубеждения, путем передачи допрашиваемому информации, из которой он мог бы вывести свое, но predetermined допрашиваемым, решение.

Для совершения данных действий необходимо применение тактических приемов. К тактическим приемам относят:

Смежность: допрашивающий напоминает о предметах и явлениях, которые находились рядом с объектом или действием, которое пытается вспомнить допрашиваемый.

Сходность: представление допрашиваемому элемента действительности, схожим с элементом объекта допроса.

Контрастность: приведение в сравнение противоположных объектов в целях воспроизводства в памяти определенных фрагментов.

Разобщение: помощь в воспоминании путем разъединения образовавшихся связей и вычленении из них отдельных признаков и свойств, усилении их и усиления одного за счет другого.

Наглядность: допрашиваемому помогают вспомнить определенные события путем предоставления шкал цветов, рисунков, моделей, то есть наглядных объектов.

Беседа: проводится в целях завоевания расположения допрашиваемого. Допрос производится с учетом личностных особенностей. [3, с. 7].

Перечисленные методы далеко не панацея, методы изучаются и практикуются специалистами, что и приводит к привлечению профайлеров, для принятия правильной тактики допроса.

Следует отразить особенности обыска и применение метода профайлинга при производстве обыска. Выделяют следующие психологические основы обыска:

- его принудительный характер;
- наличие конфликтных ситуаций при производстве обыска;
- поисковый характер обыска;
- высокая проблемность.[4].

При производстве обыска следователь не имеет информации о том, в каком месте следует искать относящиеся к уголовному делу объекты. В данном случае профайлер может выдвинуть предположения о последующей судьбе объектов, основываясь на личностных психологических характеристиках преступника. Вполне возможно, что производство обыска может быть вовсе не нужным по той причине, что преступник мог и избавиться от объектов.

Выделяют несколько источников информации при обыске: обстановка, характер и расположение вещей; реакция и поведения обыскиваемых лиц; И поведение животных и птиц.

В своих рекомендациях профайлер может указать вероятность существования каких-либо тайников, где могут храниться интересующие следствие объекты.

Перед производством обыска анализируются пол, возраст, характер, интеллектуальный уровень и профессия преступника. Указанные данные несут в себе информацию о предполагаемых местах сокрытия объектов. Также, профайлер может дать рекомендации к поведению следователя и иных участников, в целях предотвращения агрессивного поведения подозреваемого и склонения его к сотрудничеству. Впоследствии, найденные объекты могут помочь в уточнении профиля преступника и о его причастности к совершению преступления. Указанные рекомендации способствуют более эффективному и оперативному расследованию преступления.

Следующее следственное действие, которое необходимо рассмотреть – следственный эксперимент. Данное следственное действие проводится в целях воспроизводства событий опытным путем и выяснения иных обстоятельств преступления. В том числе, следственный эксперимент может проводиться в целях удостоверения в том, что указанные лицом обстоятельства были возможны в действительности, например, мог ли вор войти в данное помещение через открытую форточку. Проведение следственного эксперимента должно быть приближено к обстоятельствам, имеющим место в момент совершения преступления. Воссоздание обстоятельств преступления относится и к психологическому состоянию лица, однако применяется в случае, если это возможно. Естественно, полное восстановление психологического состояния, имеющего место в момент совершения преступления невозможно, но воссоздание обстановки способствует возникновению психологического состояния, приближенного, усиленного или, наоборот, ослабленного состояния, относительно состояния в момент совершения преступления [5, с. 15-28]. Профайлер может дать рекомендации, относительно производства следственного действия, по определенным моментам, которые необходимо проверить. Полученные данные сопоставляются с психологическими характеристиками подозреваемого, что позволяет выявить противоречия и несоответствия. Перед производством следственного эксперимента обсуждаются наиболее вероятные сценарии поведения подозреваемого, разрабатывается круг вопросов. Также является необходимым воссоздание обстановки места преступления, профайлер может дать рекомендации по расставлению акцентов на определенных вещах, в целях приближения психологического состояния субъекта к состоянию на момент совершения преступления. По завершению следственного эксперимента обсуждаются и анализируются полученные результаты, делаются выводы о мотивах и действиях субъекта, в том числе, профайлер помогает следователям правильно интерпретировать поведение участников и строить гипотезы о ходе преступления.

Исходя из выше сказанного, следует отметить, что применение метода профайлинга квалифицированными специалистами в целом повышает эффективность и оперативность расследования. Участие профайлера в осмотре места происшествия позволяет более тщательно и целенаправленно выявить и зафиксировать следы преступления, и помогают нарисовать картину о том, что произошло, и кто мог совершить данное преступления.

Таким образом, интеграция профайлинга в производство следственных действий способствует комплексному подходу к расследованию, повышению его эффективности и результативности. Профайлеры, работая вместе с другими специалистами, помогают следственной группе

использовать все доступные методы и средства криминалистики для достижения конечного результата – раскрытия преступления.

Библиографический список

1. Образцов, В. А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики : учеб. и практ. пособие / В. А. Образцов. – М. : Омега-Л, ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2003. – 208 с.
2. Грицаев С. И. Использование психологических знаний в расследовании преступлений / С. И. Грицаев, Д. А. Влезько, Д. В. Шевель. – Краснодар: КубГАУ, 2013. – 200 с.
3. Экман, П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман. – СПб. : Питер, 2016. – 384 с.
4. Таганов, А. А. Психологические основы деятельности следователя А. А. Таганова, Ж. А. Терещенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России. – 2016. – Режим доступа: <http://yurpsy.com/files/ucheb/psysled/010.htm>. – Дата доступа: 15.08.2024.
5. Варданян, А. В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений: учеб. пособие / А. В. Варданян. – М.: ДГСК МВД России, 2012. – 144 с.

Берестень В. И.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, 21/3, 220099, г. Минск, Беларусь, *prof.beresten@gmail.com*

Криминологическая характеристика закономерностей совершения правонарушений в сфере оборота криптовалюты свидетельствует о том, что бесконтрольная токенизация долговых обязательств государственных и частных компаний формирует угрозы национальным экономическим интересам Республики Беларусь.

Ключевые слова: криптобиржи; криптовалюта; криптокошелек; резидент Парка высоких технологий; криминалистическая профилактика; криминологическая характеристика; цифровая трансформация.

С учетом развития цифровых технологий быстрыми темпами изменяются экономические взаимоотношения. Объем возможностей их применения стремительно расширяется. Цифровая трансформация создает благоприятные условия для формирования и развития цифровой экономики, которая не может обойтись без вышеуказанных технологий. В результате возникает необходимость в развитии виртуальных экономических отношений, электронные платежные сервисы, виртуальные криптобиржи, краудфандинг (способ привлечения финансирования для реализации различных идей и проектов) и т.п., что способствует активному развитию электронных денег и криптовалют.

В этой обстановке происходит модернизация противоправной деятельности в обороте криптовалюты. Возникли новые виды преступности, а также способы и средства их совершения в киберпространстве. Криминальная деятельность в сфере оборота криптовалюты характеризуется высоким уровнем латентности.

Внедрение цифры в различные сферы жизнедеятельности общества и государства вызывает необходимость разработки мер оперативного реагирования по правовому регулированию сферы оборота криптовалюты

Анонимность в обороте криптовалюты затрудняет иногда проведение оперативно-следственных мероприятий. Однако субъекты оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия в настоящее время располагают методикой отслеживания всех транзакции определенного адреса до самой первой транзакции. В результате определяется движение средств, что ставит под сомнение анонимность криптовалюты, но личность установить затруднительно. По биткоин адресу определить пользователя без дополнительных проверочных мероприятий не всегда представляется

результативным. Это связано с тем, что анонимный пользователь использует не один IP-адрес либо привлекаются сторонние программы фишинга, переадресации TOR и др. [1].

Транснациональный характер, проблемы правового регулирования, необратимость транзакций, внушительный объем данных, подлежащих обработке, анонимность пользователя, что обеспечивает сложности в расследовании преступлений в сфере оборота криптовалюты. Для решения этих проблем развивается межведомственное и международное сотрудничество.

В Следственном комитете Республике Беларусь наработана определенная практика по расследованию преступлений в сфере оборота криптовалюты.

Злоумышленник для осуществления своей деятельности может использовать «анонимные» блокчейны, применяющие следующие криптографические технологии:

- сокрытие адреса криптокошелька (повышает конфиденциальность транзакций);

- кольцевая подпись транзакций (кольцевая подпись является вариантом реализации электронной подписи, при котором известно, что сообщение подписано одним из членов списка потенциальных лиц, поставивших электронную (цифровую) подпись, но не раскрывается, кем именно). Лицо, которое поставило электронную подпись, единолично формирует список из произвольного числа различных лиц, включая в него и себя;

- автоматический миксер транзакций (затрудняет отслеживать средства пользователя (пользователей), включая сумму, которую они хранят или используют);

- доказательство транзакции с нулевым разглашением (доказательства с нулевым разглашением не являются доказательствами в математическом смысле этого термина, потому что есть некоторая небольшая вероятность, что обманом доказывающая сторона сможет убедить Проверяющего в ложном утверждении) и др.

Аналитики инвестиционной компании организатора и оператора ICO Finstore (инвестиционная площадка – это онлайн платформа, позволяющая размещать инвестиции онлайн, резидент Парка высоких технологий, работает на рынке онлайн-инвестиций, который активно развивается в Беларуси) отмечают рост в Республике Беларусь интереса к рынку цифровых токенов компаний за 2023 год.

С учетом динамики социально-экономического развития Республики Беларусь предприятия ищут источники дополнительного финансирования для своего развития, а инвесторы – активы с потенциально высокой доходностью. Инструментом для решения этих проблем становятся активы предприятий в токенах. Их использование способствует удостоверить право

собственности на долю в бизнесе, недвижимости, любых других активах. Сложилась ситуация, когда инвесторы готовы вкладывать средства в токены, принимая на себя цифровые обязательства бизнеса. Компании гарантируют возврат вложенных инвестиций и фиксированный процент в оговоренный срок. Проявились предпосылки формирования токеномики. Исследователи и специалисты в этой области определяют токеномику как «науку и практику проектирования и управления цифровыми токенами в блокчейн-системах. Она охватывает все аспекты создания, распределения и использования токенов, а также их влияние на экономику и поведение пользователей в рамках конкретной экосистемы. Основные элементы токеномики включают создание и распределение токенов, механизмы стимулирования, управление и регулирование, а также сценарии использования токенов. Грамотно разработанная токеномика способствует устойчивому развитию блокчейн-проектов и стимулирует активное участие пользователей». Одновременно ими определены подходы к токенизации и раскрыли содержание этого термина. Токенизация – это процесс создания токенов на блокчейне для представления ценности реальных или виртуальных активов. Этот процесс может быть использован для различных целей, таких как улучшение ликвидности активов, оптимизации процесса передачи собственности, облегчение проведения транзакций и так далее. Токенизация может быть осуществлена различными способами, включая использование смарт-контрактов, которые позволяют автоматизировать процессы создания и выдачи токенов на блокчейне, передачу и обмен токенов.

Для выпуска токенов необходимо для эмитента (предприятие, компания и т.д., которая готова к созданию токенов), но организатор ICO устанавливает наличие рейтинга деловой репутации либо кредитного рейтинга.

Проведенная фрагментарная криминологическая характеристика нацелена на поиск криминологических закономерностей совершения криптопреступлений и оценка преимуществ и рисков оборота виртуальной валюты. Выделяются криминологические риски, определяющие условия совершения криптопреступлений:

- высокая курсовая стоимость криптовалюты и ее анонимный характер;
- отсутствие в большинстве стран мира легального определения виртуальной валюты как объекта имущественных прав в гражданском праве;

- рост потребности граждан получить значительные доходы от использования криптовалюты;

- стремительное развитие мошеннических механизмов по обману граждан в киберпространстве;

увеличение количества жертв противоправной деятельности в сфере оборота криптовалюты и т.д.

По данным резидентов Парка высоких технологий рынок ICO Беларуси базируется на токенизации долговых обязательств государственных и частных компаний. Это означает, что компания-эмитент может выпустить на платформе токены, которые обеспечены ее долгом, и предоставить право инвесторам приобретать эти токены на площадке. В связи с этим возникают криминологические риски, связанные с незаконным завладением государственной и частной собственностью. Формируются угрозы национальным экономическим интересам государству, обществу и личности.

В Республике Беларусь принимаются меры по совершенствованию правового регулирования деятельности в сфере оборота криптовалюты. Президент Республики Беларусь 17 сентября 2024 года подписал указ № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)». В соответствии с Указом перечень разрешенных для физических лиц операций с использованием токенов не изменился. В нем уточнен порядок совершения отдельных операций с использованием токенов, предусмотренных декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (способствовал экономическому росту нашего государства, развитию цифровизации государства, бизнеса и общества). Определены обязанности для физических лиц, совершающих операции по приобретению, отчуждению токенов за деньги, электронные деньги: передавать наличные деньги, перечислять (переводить) деньги, электронные деньги со своих банковских счетов, электронных кошельков исключительно резидентам Парка высоких технологий, осуществляющим виды деятельности с использованием токенов; получать наличные деньги, безналичные деньги на свои банковские счета, электронные деньги в свои электронные кошельки в результате совершения данных операций только от указанных резидентов Парка высоких технологий». Принятие данного указа существенно затруднит перевод похищаемых денежных средств в криптовалюты. Кроме того, это защитит граждан, находящихся в поиске «легкого» заработка от вложений в мошеннические криптоплатформы и криптообменники.

По данным Следственного комитета Республики Беларусь стало известно, что «значительная часть денежных средств, дистанционно похищаемых у жителей Беларуси, обменивается на криптовалюты в том числе киберпреступными группами, совершающими преступления из-за рубежа. Преступники используют широкую вовлеченность белорусских граждан в криптовалютный обмен, переводят на их счета похищенные фиатные деньги, получая на свои криптокошельки токены». Этим указом ставится дополнительный барьер (ограничение) в осуществлении ввода и

вывода денежных средств. Представители Следственного комитета отмечают «граждане могут продолжать покупать и продавать токены, но используя для этого надежные отечественные сервисы, где их никто не обманет, а любой возникший спор может быть урегулирован в рамках белорусского законодательства». Результаты правоприменительной практики следователей свидетельствуют о попадании граждан в «мошеннические сети»:

многие граждане вкладывают все свои сбережения, кредитные средства, а также деньги, полученные от продажи личного имущества, в том числе жилья, в созданные мошенниками «биржи», «инвестиционные проекты», «криптоплатформы»;

отдельные граждане нашей страны, используя прямые переводы или иностранные криптообменные сервисы, помогают преступникам, совершающим преступления из-за рубежа, получить доступ к средствам, похищенным у таких же сограждан [1].

Правоохранительные органы Республики Беларусь разработали методики по отслеживанию движения похищенных денег. Следователи и сотрудники милиции устанавливают лиц, проживающих на территории Беларуси, совершивших обменную операцию, в отношении их проводятся оперативно-следственные мероприятия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. При получении доказательств о противоправной деятельности этих лиц, закрепленных процессуальным путем, привлекаются к юридической ответственности (административной, уголовной) [3, с.104–107].

Расследованием должны устанавливаться не только обстоятельства преступления и виновность конкретного лица, но и причины, способствующие его совершению. Криминогенная обстановка в сфере оборота криптовалюты позволяет сформулировать вывод о возрастающей потребности проведения предупредительно-профилактических мероприятий правоохранительными органами с участием органов государственного управления и субъектов гражданского общества среди населения нашей страны. Идеи организации и проведения профилактических мероприятий сформулированы в трудах профессора Андрея Васильевича Дулова [2, с. 95–107]. Общеизвестно, что существуют различные подходы к пониманию криминалистического предупреждения противоправной деятельности. В общем теоретическом и методологическом плане эти проблемы недостаточно подвергались всестороннему исследованию. Автор придерживается мнения, что криминалистическое предупреждение дифференцируется (подразделяются) по следующим видам: предупредительно-профилактическая деятельность на первоначальной стадии правовой оценки имеющихся юридических фактов противоправной деятельности (до возбуждения уголовного дела),

следственную профилактику (проводится в рамках предварительного расследования преступлений) и экспертно-криминалистическое предупреждение преступлений. Криминалистическая профилактику целесообразно осуществлять на всех стадиях уголовно-процессуального производства.

Содержание этого термина мы понимаем в контексте расследования преступлений в сфере оборота криптовалюты. Она представляет собой систему разработанных криминалистикой методов и средств, предназначенных для выявления причин и условий совершения преступлений, а также принятия мер по их устранению, воздействия на социальные процессы и явления в целях недопущения противоправного поведения граждан в цифровом пространстве.

Превентивная деятельность правоохранительными органами проводится в сфере противодействия киберпреступности, но она пока малоэффективна. Число жертв растет. Принимаемые профилактические меры, направленные на снижение количества преступлений и предотвращающих противоправную деятельность в сфере оборота криптовалюты не в полной мере носят системный характер [4, с. 213–215].

Многие исследователи считают, что в каждой методике расследования преступлений необходимо формулировать рекомендации по подготовке и проведению криминалистической профилактики. В научно-методической литературе по криминалистике таковые рекомендации носят общий характер. Целесообразно в методиках расследования раскрывать тактические особенности проведения профилактических мероприятий в процессе расследования уголовных дел в сфере оборота криптовалюты. В этих целях привлекать экспертов Парка высоких технологий и других специалистов, представителей правоохранительных и контролирующих органов, субъектов гражданского общества и отдельных граждан. Профилактика преступлений экономически выгодна государству и обществу. Она способствует своевременному раскрытию и расследованию преступлений. Применение специфических криминалистических методов и средств, определяет предмет теоретической, методологической и практической криминалистической деятельности по предупреждению преступлений (в том числе и в сфере оборота криптовалюты).

Библиографический список

1. Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 года № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» уберезет граждан от вложений в мошеннические криптоплатформы и криптообменники [Электронный ресурс] // БЕЛТА : новости Беларуси. – Режим доступа: <https://belta.by/comments/view/ukaz-ob-obraschenii-tsifrovyyh-znakov-tokenov->

uberezhet-grazhdan-ot-vlozhenij-v-moshennicheskie-9389. – Дата доступа: 22.09.2024.

2. Каменецкий, Ю. Ф. Идеи следственной профилактики в трудах профессора Андрея Васильевича Дулова и перспективы их развития для теории и практики / Ю. Ф. Каменецкий // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы Междунар. науч.- практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 95.

3. Шнейдерова, Д. И. Противодействие использованию цифровой валюты в процессе совершения хищений / Д. И. Шнейдерова // Акад. мысль. – 2019. – № 1. – С. 104–107.

4. Берестень, В. И. Виктимологические факторы в криминалистическом обеспечении противодействия киберпреступности [Электронный ресурс] / В. И. Берестень // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. Андрея Васильевича Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т, Юрид. фак., Каф. криминалистики ; [редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2019. – С. 213–215.

Боярина А. А.

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕЕ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Генеральная прокуратура Республики Беларусь,
ул. Интернациональная, 24, 220030, г. Минск, Беларусь,
soiskatel.npz@gmail.com

Исследуются отдельные вопросы правового регулирования судебно-экспертной деятельности с точки зрения осуществления ее надлежащего научно-методического обеспечения. С учетом важности внедрения в экспертную практику современных научно-технических достижений предлагается дополнить принципы судебно-экспертной деятельности, определенные в Законе Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности», принципом, предусматривающим их использование при проведении судебных экспертиз. Также вносится предложение о корректировке должностных обязанностей государственного медицинского судебного эксперта-специалиста, в которых в отличие от обязанностей судебного эксперта-специалиста не предусмотрено изучение научно-технических достижений для последующего их использования в практической деятельности. Обосновывается целесообразность нормативного закрепления проведения анализа (мониторинга) научно-технических достижений Национальной академией наук Беларуси и информирования о его результатах Государственного комитета судебных экспертиз в целях последующего внедрения их в судебно-экспертную деятельность.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность; научно-методическое обеспечение; научно-технические достижения; внедрение современных достижений.

Развитие судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) предопределяется современным состоянием науки и техники, достижения которых, внедренные в экспертную практику, позволяют оптимизировать процесс специальных исследований, повысить качество и оперативность получения результатов, решать задачи, недоступные ранее в связи с ограниченным характером научных знаний. Согласно статье 4 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» к основным задачам Государственного комитета судебных экспертиз (далее – ГКСЭ) относится реализация единой государственной политики в сфере СЭД, включая ее научно-методическое обеспечение, определение и реализация основных

направлений совершенствования СЭД, внедрение в практику достижений науки и техники, положительного опыта, прогрессивных форм и методов организации и проведения экспертных исследований.

О важности развития науки для СЭД свидетельствуют также положения процессуального законодательства о том, что состояние науки и практики, не позволяющее ответить на поставленные перед судебным экспертом вопросы, является основанием для составления мотивированного сообщения о невозможности дачи заключения эксперта (ст. 61 УПК, ст. 4.7 ПИКоАП, ст. 98 ГПК, ст. 70 ХПК). В то же время иное значение имеет ситуация, когда использование научных знаний позволяет ответить на поставленный вопрос, однако они не внедрены в экспертную практику. В таких случаях представляется возможным ставить под сомнение надлежащий характер оказания содействия уполномоченным государственным органам в выполнении возложенных на них задач путем использования специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности.

Следует отметить, что, к примеру, в статье 4 Федерального Закона Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» одним из принципов государственной СЭД является всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Аналогичный принцип в Законе Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон о СЭД) не закреплён. Полагаем, что с учетом значимости внедрения и использования в сфере СЭД современных научно-технических достижений, целесообразно рассмотреть вопрос о корректировке Закона о СЭД в этой части (статья 5 Закона о СЭД).

Поддерживаем мнение А.И. Шведа, полагающего, что без организации в Республике Беларусь собственного научно-методического обеспечения невозможно добиться повышения эффективности СЭД [1, с. 148].

Согласно статье 48 Закона о СЭД научно-методическое обеспечение СЭД осуществляется посредством в том числе применения в экспертной практике результатов научной и (или) научно-технической деятельности.

Судебные эксперты, решая стоящие перед ними задачи, используют специальные знания в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, как правило, систематизированные и представленные в виде методических материалов. Вместе с тем организованному применению результатов научной и (или) научно-технической деятельности в СЭД предшествует принятие комплексных мер, результатом которых является создание методических материалов, в первую очередь, экспертных методик, и условий для доступа к ним субъектов СЭД. К числу таких мер полагаем необходимым отнести в том числе мониторинг (изучение) научно-

технических достижений, предшествующий рассмотрению вопроса об их внедрении в экспертную практику.

В соответствии с выпуском 35 Единого квалификационного справочника должностей служащих «Должности служащих, занятых в сфере судебно-экспертной деятельности», утвержденным постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 27 декабря 2004 г. № 159, в должностные обязанности судебного эксперта-специалиста (эксперта) входит участие в разработке рекомендаций по совершенствованию СЭД, изучение научно-технических достижений для последующего их использования в практической деятельности. При этом аналогичные обязанности для государственного медицинского судебного эксперта-специалиста (эксперта) не предусмотрены, что представляется необоснованным. К должностным обязанностям начальника экспертного структурного подразделения отнесены изучение научно-технических достижений, обеспечение внедрения новых прогрессивных технологий и методов экспертных исследований, участие в разработке рекомендаций по совершенствованию СЭД.

Согласно пункту 9 Правил профессиональной этики судебного эксперта, утвержденных постановлением ГКСЭ от 9 ноября 2020 г. № 12, судебный эксперт должен углублять и совершенствовать знания в области законодательства, новейших достижений науки и практики.

По результатам проведенного анкетирования более 550 судебных экспертов установлено, что информация о научно-технических достижениях на предмет их возможного внедрения в профессиональную деятельность на постоянной основе изучается только 28,5 % опрошенных, 48,4 % – проводят такое изучение при необходимости (к примеру, дано соответствующее поручение).

Предложения руководству по внедрению научно-технических достижений в СЭД вносились 30,3 % респондентов. При этом в 64,3 % случаев эти предложения были реализованы. Полагаем, что указанные результаты свидетельствует о достаточно высоком уровне внедрения достижений науки и техники, предлагаемых судебными экспертами, обусловленности их практической значимостью.

Будучи заинтересованными в выполнении стоящих перед ними задач, целей СЭД, судебные эксперты и их руководители самостоятельно принимают меры для проведения мониторинга научно-технических достижений и последующего использования полученных результатов в практической деятельности. Однако данная работа не является для них основной и в большинстве случаев не осуществляется систематически (согласно ответам более, чем 70 % опрошенных). В этой связи полагаем, что полное и всестороннее изучение научно-технических достижений во всех сферах жизнедеятельности, представляющих интерес для экспертной

практики, гарантировано быть не может. Интенсификации такого изучения может способствовать его осуществление на системной основе научными сотрудниками. В частности, исходя из основных задач деятельности – работниками Национальной академии наук Беларуси. Принимая во внимание значительное число направлений, по которым могут проводиться исследования, целесообразно при их планировании исходить из заинтересованности в них ГКСЭ как государственного органа, осуществляющего единую государственную политику в рассматриваемой сфере.

По результатам проведенного исследования предлагается:

1) дополнить принципы СЭД, определенные Законом о СЭД, принципом «использования современных научно-технических достижений при проведении судебных экспертиз»;

2) среди должностных обязанностей государственного медицинского судебного эксперта-специалиста (эксперта), закрепленных в Едином квалификационном справочнике должностей служащих, предусмотреть участие в разработке рекомендаций по совершенствованию СЭД, изучение научно-технических достижений для последующего их использования в практической деятельности (по аналогии с обязанностями судебного эксперта-специалиста (эксперта));

3) в Законе Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 159-З «О Национальной академии наук Беларуси» среди функций Национальной академии наук Беларуси закрепить проведение анализа (мониторинга) научно-технических достижений и информирование о его результатах ГКСЭ (в целях последующего изучения возможности их внедрения в СЭД).

Библиографический список

1. Швед А. И. Теоретические предпосылки и прикладные аспекты реализации в Республике Беларусь единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности: дис. ... д-ра. юрид. наук. : 12.00.16 / А. И. Швед. – Минск, 2021. – 240 с.

Буданова Л. Ю.¹⁾, Шабанов В. Б.²⁾
**ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПДД**

¹⁾ Псковский юридический институт, ул. Красноармейская, 1 корп. 2,
180007, г. Псков, Россия, milabudanovapskov@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

В настоящей статье рассматриваются вопросы выявления причин и условий совершения побегов из-под надзора, как одно из условий, необходимых для всестороннего расследования.

Ключевые слова: побег из-под надзора, осужденный, колония поселение.

Вопросы безопасности дорожного движения и снижения травматизма на дорогах на данном этапе развития находятся в центре внимания государственных и муниципальных органов, а также мировой общественности. В сфере машиностроения и автотранспорта цифровые технологии и достижения научно-технического прогресса – это неотъемлемая часть каждого транспортного средства, которая с одной стороны увеличивает степень безопасности участников дорожного движения, путем автоматизации процессов торможения, стабилизации на дороге и различных систем пассивной безопасности, а с другой ставит в опасность жизнь и здоровье людей, по причине производства автомобилей с огромным потенциалом мощности, а как следствие и скорости. Государство, в связи с тенденцией увеличения безопасности дорожного движения, предпринимает многочисленные попытки по реформированию законодательства в области безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и увеличению эффективности работы органов исполнительной власти в данной сфере.

Так, в 2019 году в УК РФ были внесены изменения касающиеся включения неосторожных преступлений, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 15 лет лишения свободы, в категорию тяжких преступлений. Важно отметить, что в УК РФ существует только несколько составов неосторожного преступления, являющийся тяжким – это преступления, предусмотренные ч. 4 и 6 ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) [1].

Помимо указанных изменений, санкция ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ была изменена, путем увеличения сроков лишения свободы и ужесточения иных видов наказания [1].

Правительство ведет активную работу по установлению автономных комплексов фиксации нарушений ПДД на дорогах РФ, что позволяет сокращать количество нарушителей, тем самым увеличивая безопасность дорожного движения в целом.

Однако, несмотря на заинтересованность законодателя в его реформировании в целях совершенствования законодательства, а также законодательные изменения в области безопасности дорожного движения и изменения уголовного закона, в части дорожно-транспортных преступлений, некоторые вопросы, касающиеся привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, до настоящего время остались неурегулированными в удовлетворяющей науку и практику степени.

Так, законодатель исходит из того, что в действиях лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, которое было ранее подвергнуто административному наказанию по ч. 1, 3 ст. 12.8 КоАП РФ и ст. 12.26 КоАП РФ наблюдается большая общественная опасность нежели в аналогичных действиях такого же водителя, но не подвергнутого указанному административному наказанию или, у которого истек срок данного наказания, что является излишне гуманным по отношению к данной категории водителей, ни в одном нормативно-правовом акте не раскрывается содержание понятия «дорожно-транспортного преступления» как отдельной категории, производство освидетельствования фактически невозможно осуществить до возбуждения уголовного дела, по причине противоречия норм УПК РФ, законодателем не решен вопрос о разрешении производства следственного эксперимента на этапе проверки сообщения о преступлении, для решения проблем правоприменения и подмены следственных действий другими. Несмотря на важность такой категории как «следственные действия», законодатель до сих пор не предпринял попыток по закреплению понятия «следственные действия» в нормах УПК РФ, что порождает множество споров и различные противоречия.

Таким образом, в УПК РФ необходимо внести соответствующие поправки, позволяющие производить такое следственное действие как освидетельствование подозреваемого до возбуждения уголовного дела, решив проблему противоречия ч. 1 ст. 144 УПК РФ и ч. 1 ст. 179 УПК РФ, перенеся положения норм УПК Республики Беларусь.

Помимо указанных поправок, законодателю необходимо решить вопрос о разрешении производства следственного эксперимента на этапе

проверки сообщения о преступлении, для решения проблем правоприменения и подмены следственных действий другими, путем внесения поправок в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Необходимо отметить, что исключительно важную роль в расследовании дорожно-транспортных преступлений играют следы информационного характера или цифровые следы. Так, видеозаписи с видеорегистраторов, различных видеокамер помогают в полной мере восстановить механизм ДТП и другие обстоятельства, имеющие значение для органов предварительного расследования и суда. Также к информационным следам можно отнести показания системы «ЭРА-ГЛОНАСС», которая устанавливается на современные автомобили. На наш взгляд, показания данной системы необходимо использовать в процессе доказывания, ведь данная система отслеживает местоположение транспортного средства. Использование ее показаний, может существенно сократить время поиска и установления лица, совершившего ДТП и скрывшегося с места его совершения, а также опровергнуть его доводы о непричастности к дорожно-транспортному преступлению. К сожалению, уголовно-процессуальный закон четко не регламентирует порядок изъятия указанной информации о месте расположения транспортного средства в определенный период времени, что не дает возможности правоприменителям использовать указанные данные как доказательства по уголовному делу.

Таким образом, криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений должна включать в себя общий механизм дорожно-транспортного преступления и действия всех участников происшествия с момента возникновения аварийной ситуации, совокупность как первичной, так и последующей информации об обстоятельствах и обстановке совершения ДТП, включая причины его совершения и механизм ДТП, типичный механизм образования следов преступления, информацию о личности преступника.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 17 июня 2019 г., № 146-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 22.09.2024.

Варавко Ю. В.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Следственный комитет Республики Беларусь,
ул. Фрунзе, 19, 220034, Минск, Республики Беларусь, *otopr@sledcom.by*

Раскрываются понятия и исследуются особенности объекта и предмета информационно-аналитической деятельности следователя. На основании анализа представлений о данных категориях, сформированных в философии и иных сферах информационной аналитики, предлагается определение содержания объекта и предмета информационно-аналитической деятельности.

Ключевые слова: информационно-аналитическая деятельность следователя; объект и предмет информационно-аналитической деятельности следователя, система уголовно-релевантных деятельности и явлений, система расследования, криминалистически значимая информация.

Информационно-аналитическая деятельность следователя (далее – ИАД следователя), являясь по своей сути формой познавательной деятельности, относится к одному из видов отраслевых информационных аналитик в правоохранительной деятельности.

Понимание объекта и предмета исследования в целом позволяет разграничить виды познавательной деятельности, способствует выбору средств и методов ее реализации, определению целей и задач. Необходимость в формулировании объекта и предмета ИАД следователя также обусловлена отсутствием на теоретическом и практическом уровнях единого и системного понимания такой деятельности в условиях роста в цифровую эпоху объемов данных, требующих аналитической обработки.

Объект является фундаментальной философской категорией и в качестве его рассматривается нечто, находящееся в зависимости от субъекта [1, с. 1001], на что направлено его воздействие. В качестве объекта познавательной деятельности, как правило, выступает фрагмент реальности, на котором сконцентрирована активность познающего субъекта.

В литературе, посвященной информационной аналитике, отсутствует единое понимание объекта такой деятельности.

Наиболее широко объект информационной аналитики можно определить как фрагмент объективной реальности, выбранный субъектом познания для аналитического исследования. Кроме того, в качестве него рассматриваются конкретные социально-культурные и духовные феномены

[2, с. 90] либо социальные процессы или явления, содержащие противоречия или порождающие проблемную ситуацию [3, с. 75].

Максимально полно содержание объекта аналитической деятельности сформулировал И. В. Понкин, который в качестве него предлагает понимать органически-целостный фрагмент или фрейм объективной, субъективной, виртуальной или смешанной реальности (действительности) в природе или обществе, живое существо или иной объективно существующий агент, интерреляции, процесс, закономерности, события и факты, идеи, познание, сознание, используемые исследователем в прикладной аналитике для получения, упорядочения или подтверждения знаний [4, с. 242].

В исследованиях, посвященных аналитике в сфере оперативно-розыскной деятельности, объект определяется, исходя из задач, решение которых возложено на соответствующие субъекты. Так, А. Н. Халиков полагает возможным выделить следующие объекты аналитической работы:

- противоправные деяния;
- криминально активные лица, связанные с противоправным деянием;
- правонарушения, не носящие криминального характера;
- факты и обстоятельства непротивоправного свойства, требующие их проверки путем применения оперативно-розыскных мер [5, с. 321].

С учетом приведенных позиций, а также исходя из рассмотрения информационно-аналитической деятельности следователя в качестве элемента процесса расследования преступлений, предлагаем в качестве объекта ИАД следователя рассматривать две системы: систему уголовно-релевантных деятельности и явлений, а также систему деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений (далее – систему расследования).

Более широкое, чем преступная деятельность, понимание объекта ИАД следователя используется нами, поскольку в сферу аналитической деятельности включаются деяния, имеющие отдельные признаки состава преступления, но не являющиеся таковым, что происходит, как правило, на стадии возбуждении уголовного дела. При этом значительная часть таких деяний так и не переходит в разряд преступных.

Кроме того, в целях решения задач предварительного расследования возникает необходимость аналитической обработки данных, касающихся отдельных аспектов личности и поведения как участников процесса, так и других лиц, чья активность либо характер связей и отношений имеют значение для получения новых знаний в ходе расследования, то есть являются уголовно-релевантными.

Помимо того, анализу следует подвергать и данные об определенном рода явлениях, в том числе лишь косвенно относящихся к преступной либо иной уголовно-релевантной деятельности, но позволяющих сделать вывод

о фактах, интересующих субъекта аналитической деятельности (например, природные явления).

Другую составляющую объекта ИАД следователя – систему расследования, предлагается рассматривать как деятельность различных субъектов, направленную на достижения целей и решение задач, стоящих перед органом предварительного следствия по конкретному факту преступной либо иной уголовно-релевантной деятельности. Данная система преимущественно формируется в виде результата проведения следственных и иных процессуальных действий и находит свое отражение в материалах проверок и уголовного дела. Однако в рамках ИАД следователя аналитической обработке следует подвергать ход и результаты судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, аналитику необходимо исследовать информацию, содержащуюся в документах, подготовленных по результатам осуществления прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля и руководства, а также в отрытых источниках информации, базах и банках данных правоохранительных и иных органов (организаций).

Переходя к исследованию предмета, необходимо отметить, что под ним понимается, в первую очередь, философская категория, обозначающая некую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческого познания. В предмет в отличие от объекта входят лишь главные, наиболее существенные свойства и признаки [6, с. 239].

В литературе в качестве предмета аналитического исследования рассматриваются образ объекта исследования [7], деятельность социальных, организационных, организационно-технических систем [8, с. 66].

Предметом аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности, по мнению А. Н. Халикова, выступают наиболее существенные свойства объектов исследования, т. е. характерные особенности или признаки объектов, зафиксированные на соответствующих носителях либо в памяти людей, и их отображения [5, с. 321].

Нам представляется, что наиболее верно для деятельности по опосредованному познанию, к которому относится и ИАД следователя, в качестве предмета признать социальную информацию, локализованную спектром проблем, актуализированных субъектом познания [2, с. 100].

В криминалистической литературе такую информацию именуют криминалистической либо криминалистически значимой информацией. Поскольку для проводимого исследования выбор термина не имеет существенного значения, мы будем использовать второй из приведенных вариантов. При этом представляется важным уделить внимание в первую очередь содержательной стороне информации, используемой в ИАД следователя. В данном случае необходимо согласиться с С. А. Ялышевым,

который условно разделил всю криминалистически значимую информацию на три основные группы:

1. Актуально криминалистически значимая информация, т. е. такая, которая находится в прямой причинно-следственной связи с событием преступления.

2. Условно криминалистически значимая информация, т. е. такая, которая хотя и не находится в прямой причинно-следственной связи с событием преступления, но характеризует лиц, попавших в сферу интересов правоохранительных органов, их связи и взаимоотношения.

3. Потенциально криминалистически значимая информация, т. е. такая, которая не имеет и не может иметь прямой причинно-следственной связи с событием преступления, не выходит в предмет доказывания, но которая объективно необходима для правильного разрешения дела, способствует решению диагностических, классификационных и идентификационных задач [9, с. 25].

Кроме того, процесс расследования можно представить как урегулированную в рамках определенной правовой процедуры деятельность следователя, который, используя теоретические знания в сфере криминалистики и иных наук, при содействии специалистов в других областях знаний, собирает, фиксирует и анализирует информацию, полученную как процессуальным, так и непроцессуальным путем.

В этой связи полностью поддерживаем позицию Д. А. Ефремова, который считает, что помимо информации, полученной в ходе осуществления процессуальной деятельности, с событием преступления могут быть связаны сведения криминалистической науки и иных областей научных знаний, а также законодательно закрепленные сведения, регулирующие деятельность правоохранительных органов по расследованию конкретного преступления и иные сведения правового характера, влияющие на эту деятельность. По мнению указанного автора, элементом криминалистически значимой информации могут быть «информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, сообщения граждан, сведения справочного характера, консультации с коллегами, материалы уголовных дел прошлых лет, публикации в средствах массовой информации и т. п.» [10, с. 33–34].

Подводя итог проведенного исследования, полагаем возможным утверждать, что в качестве объекта ИАД следователя необходимо рассматривать систему уголовно-релевантных деятельности и явлений, а также систему деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Предметом ИАД следователя выступает криминалистически значимая информация в максимально широком ее понимании.

Библиографический список

1. Новейший философский словарь / М. А. Можейко [и др.] ; под ред. А.А. Грицанова [и др.]. – 2-е изд., переработ. и дополн. – Минск : Интерпрессервис, 2001. – 1280 с.
2. Курлов, А. Б. Методология информационной аналитики / А. Б. Курлов, В. К. Петров – М. : Проспект, 2014. – 384 с.
3. Ракитов, А. И. Системный анализ и аналитические исследования : руководство для профессиональных аналитиков / А. И. Ракитов, Д. А. Бондяев, И. Б. Романов, С. В. Егеров, А. Ю. Щербаков; [отв. ред. А. И. Ракитов]. – М. : ООО «Альменда», 2009. – 448 с.
4. Понкин, И. В. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебник / И. В. Понкин, А. И. Лаптева. – 3-е изд. – М. : Буки Веди, 2022. – 754 с.
5. Халиков, А. Н. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под ред. А. Н. Халикова [и др.]. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 472 с.
6. Новая философская энциклопедия : в 4 томах / Новая философ. энцикл.; науч.-ред. совет В. С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2010 – Т. 3. – 692 с.
7. Понкин, И. В. Объект и предмет научного или прикладного аналитического исследования / И. В. Понкин // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 3 (51). – С. 65–69.
8. Конотопов, П. Ю. Аналитика : методология, технология и организация информационно-аналитической работы / П. Ю. Конотопов, Ю. В. Курносов. – М. : РУСАКИ, 2004. – 512 с.
9. Ялышев, С. А. Криминалистическая регистрация : проблемы, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С. А. Ялышев; Акад. упр. МВД России. – М., 1999. – 43 с.
10. Ефремов, Д. А. Научные и правовые основы использования информации при расследовании преступлений / Д. А. Ефремов. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 168 с.

Васильева М. А.

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА НА РАЗВИТИЕ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ В РОССИИ

Университет прокуратуры Российской Федерации,
ул. Азовская, 2-1, 117638, г. Москва, Россия, mav@agprf.org

В статье рассмотрены векторы влияния научных идей профессора А.В. Дулова на развитие криминалистической науки в России. Андрей Васильевич Дулов заслуженно приобрел научный авторитет и всеобщее признание как новатор в области криминалистической науки. Андрей Васильевич всегда был авторитетом для коллег, источником вдохновения для молодых ученых, маститым педагогом для нескольких поколений практических работников.

Ключевые слова: криминалистика; ученые-криминалисты; предмет криминалистики

Возможность участия в международной конференции, посвященной 100-летию известного ученого-криминалиста Андрея Васильевича Дулова, предоставляет широкие возможности научной общественности. Благодаря организации и проведению подобных юбилейных научно-практических мероприятий ученым удастся обмениваться мнениями о современном состоянии и развитии криминалистики, переосмысливать в свете современных тенденций творческие идеи ученых, которые смогли в чем-то опередить свое время и предвосхитить развитие основных направлений криминалистической науки.

Представляется, что имя и научные труды Дулова А.В. получили такое широкое признание благодаря большому научному кругозору, наличию огромного практического опыта расследования преступлений, уникальной способности Андрея Васильевича завладевать вниманием как учеников в учебных аудиториях, так и состоявшихся ученых-криминалистов при проведении конференций различного уровня. Эта позиция является выражением не одного лишь моего восприятия роли и значимости творческого пути Дулова А.В., но согласуется с позицией направивших поздравительные адреса организаторам данной конференции руководства Университета прокуратуры Российской Федерации, в том числе руководства Санкт-Петербургского института (филиала) Университета (с последним в свое время была связана научная деятельность Дулова А.В. в рамках трудового договора). В обращении ректора Университета прокуратуры Российской Федерации И.М. Мацкевича выражаются слова признательности за стремление сохранить память о выдающихся ученых, передать новому поколению знания о богатом научно-практическом

наследии и приумножить их, отмечается значимость творческого научного наследия юбиляра и говорится, что «Дулов Андрей Васильевич – советский ученый-юрист, участник Великой Отечественной войны, специалист в области криминалистики, внесший весомый вклад в развитие юридической науки».

Отдельный пласт научных публикаций А.В. Дулова связан с разработкой вопросов генезиса интеграционных процессов в науках, обеспечивающих борьбу с преступностью.

Профессор Дулов А.В. в частности писал, что к основным разновидностям интеграционных процессов в науке, по его мнению, следует отнести: объединение смежных наук для выхода на новый уровень познания объективного мира [1].

И что же мы наблюдаем через 20 лет с момента его публикации? Позиция профессора Дулова А.В. услышана и реализована. В России произошло объединение научных специальностей в широкие группы. Так, например, под шифром научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки», согласно паспорта данной специальности, сейчас объединяются исследования в том числе по следующим направлениям:

- криминалистика: предмет, объект, задачи, система и функции. Методология криминалистики, ее современное состояние и тенденции развития. Криминалистическая техника, тактика, методика;

- уголовно-правовые науки (уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминалистика, судебная экспертиология, оперативно-розыскная деятельность): теория и методология, предмет, система, принципы, функции науки, история институтов, взаимодействие с другими науками;

- уголовно-правовые науки в зарубежных странах.

Таким образом сейчас объединены такие научные исследования в рамках одной отрасли – «Юридической».

Но профессор Дулов А.В. пошел и дальше. Он делал акценты также на назревающей необходимости объединения нескольких наук для обеспечения потребностей вида практической деятельности, например, в практической деятельности по ликвидации последствий от различных чрезвычайных ситуаций. И действительно, тогда эти вопросы не казались так актуальны, как сейчас, когда о подобных чрезвычайных ситуациях мы стали слышать все чаще в связи с известными обстоятельствами на мировой арене: иногда появляются сведения о взрывах нефтебаз, горят дома и пр.

Также он отмечал, что в праве появляются новые объекты исследования (в частности, он указывал на экологию), которые потребуют взаимодействия ряда уже сложившихся наук, создания новых отраслей знаний [2, с. 244].

Другим аспектом развития мысли профессора Дулова А.В. в области интеграционных процессов в науке, представляется, может стать изучение вопросов необходимости в интеграции знаний при решении отдельных криминалистических задач, в частности при расследовании экологических преступлений.

По моему убеждению, тема интеграции имеет значение для связи других наук с криминалистикой в целом, между разделами криминалистики, а также между отдельными категориями в рамках того или иного раздела (например, особенности тактики следственного действия – допроса, следственного осмотра, обыска и т.д. – в содержании частных криминалистических методик расследования) [3]. Отдельно можно рассматривать в указанном аспекте связь российской криминалистики и криминалистики стран СНГ, в первую очередь криминалистики Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Молдова, которая реализуется в ходе научных дискуссий на международных, такой как нынешняя, криминалистических конференциях, при расследовании преступлений, в том числе экологических.

Из анализа научной литературы и практики усматривается, что при раскрытии и расследовании экологических преступлений часто используется интеграция знаний в криминалистику, причем не только из юридических наук, но и из наук «неюридических» (неправовых): биологии, основ безопасности жизнедеятельности человека, экологии, лесоведения, почвоведения, гидрологии, ихтиологии, орнитологии и пр.

Появляющиеся в других науках новые научные методы исследования могут быть интегрированы криминалистикой через включение их в содержание частных теорий первого раздела криминалистики (ее общую теорию), а затем, в соответствии с его целями и возможностями, – в другие разделы криминалистики.

Таким образом проявляются связи «криминалистика – другие науки», «первый раздел криминалистики – четвертый раздел криминалистики». Достижения других наук реализуются в криминалистике в целях обеспечения раскрытия и расследования экологических преступлений путем использования как общенаучных методов, так и специальных методов, применяемых для решения криминалистических задач путем заимствования и приспособления средств и методов из других отраслей знаний. Повышению эффективности применения такого общего метода, как моделирование, служит разработка компьютерного моделирования, использующего новые программные средства для обеспечения оптимизации планирования расследования преступлений, что было бы полезным в том числе при разработке методики расследования рассматриваемой категории преступлений – экологических.

Спектр специальных методов криминалистики наиболее наглядно реализуется в использовании знаний других наук при проведении предварительных исследований и экспертиз. Даже наименования проводимых исследований (экспертиз) по делам об экологических преступлениях уже указывают на необходимость использования в ходе их производства знаний из других наук: охотоведческая экспертиза; ихтиологическая, орнитологическая, дендрологическая (или дендрохронологическая), лесотехническая, сельскохозяйственная экспертизы; экспертиза объектов растительного происхождения; эколого-биологическая экспертиза; судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств экологического характера; ветеринарно-экологическая, гидрологическая, эколого-геологическая, энтомологическая экспертизы. Одновременная связь между криминалистикой и другими науками, а также между отдельными разделами криминалистики проявляется через призму анализа и использования прежде всего тех частных криминалистических теорий, которые рассматриваются в первом разделе этой науки. Благодаря использованию информации из других областей знаний, они более эффективно применяются для решения задач остальных разделов. Применительно к методике расследования экологических преступлений (как включенных в главу 26 Уголовного кодекса РФ, так и не включенных в нее, но носящих экологический характер) можно дать методические рекомендации по использованию интегрированного материала из общей биологии, ихтиологии, дендрохронологии, медицины, психологии и других наук в целях решения задач использования положений большинства частных криминалистических учений, включаемых в первый раздел системы науки криминалистики, прежде всего теории идентификации, диагностики, механизма преступления, криминалистической регистрации, учений о временных связях (отношениях) в уголовном судопроизводстве, а также о противодействии расследованию и мерах по его преодолению.

Проводимый нами анализ теоретического материала, деятельности практических работников с учетом собственного опыта расследования экологических преступлений позволяет усмотреть в деятельности по повышению степени использования достижений других наук в криминалистике (их интеграции) резервы для оптимизации методик расследования преступлений различных видов, в том числе экологических преступлений [4]. Только комплексный характер использования юридических знаний, в том числе криминалистических, позволит более уверенно говорить о гарантиях достижения обозначенной цели защиты окружающей среды, в частности о более эффективном решении задачи снижения остроты одной из основных проблем, способствующей уничтожению богатейших природных ресурсов страны, – многочисленным

фактам совершения на территории России незаконных рубок лесных насаждений.

Исходя из вышесказанного, представляется, что идеи профессора Дулова А.В. во многом реализованы в настоящее время, и оставляют поле для дальнейших научных разработок, позволяют жить с опорой на опыт предыдущих поколений, что полезно как студентам, так и ученым, и практикам.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Интеграционные процессы в науках, обеспечивающих борьбу с преступностью / А. В. Дулов // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13-14 окт. 2006 г. – Минск: БГУ, 2007. – 243 с.

2. Изучение взаимосвязей наук уголовно-правового цикла – основа формирования общей теории борьбы с преступностью / Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики: сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балащенко (гл. ред.) – Минск: БГУ, 2005. – С. 244.

3. Васильева, М. А. Вопросы интеграции в решении криминалистических задач по расследованию экологических преступлений / М. А. Васильева // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 19–23.

4. Лавров, В. П. История криминалистических учений. Современное состояние и тенденции развития / В. П. Лавров // Известия Тульского государственного Университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3–2. – С. 85–90.

Вашкевич Н. А.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ. КЛАССИФИКАЦИЯ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ

ЧУВО «Международный институт управления и предпринимательства»,
ул. Славинского, 1, 220086, г. Минск, Беларусь, *imb@imb.by*

Описывается краткая история возникновения водяных знаков. Анализ источников в области защищенной полиграфической продукции и технической экспертизы документов показал, что классификация водяных строится, в основном, по двум основаниям: по оптической плотности и по размещению защитного элемента в готовой продукции – в денежном знаке или документе. В последние десятилетия созданы новые виды водяных знаков, которые не вошли в общепринятую классификацию. Представлена более полная и точная классификация, включающая все многообразие видов водяных знаков, предназначенных для защищенной полиграфической продукции. Статья рассчитана на специалистов пограничного контроля, судебных экспертов, сотрудников банков.

Ключевые слова: защищенная полиграфическая продукция, водяной знак, классификация водяных знаков, паспорта, документы для выезда за границу, денежные знаки, пограничный контроль, судебная техническая экспертиза документов.

Необходимость описания истории возникновения водяных знаков связана с тем, что в ней изложены способы изготовления бумаги и техники формования водяных знаков, что имеет большое значение для правильного деления понятий, входящих в классификацию.

Считается, что бумага, приближающаяся по составу и свойствам к современной, была изобретена в 105 г. в Китае Цай Лунем. В действительности, заслуга Цай Луня заключается не в создании нового материала «чжи» для книг, а в том, что он экспериментальным путем сумел подобрать наиболее подходящий состав для бумажной массы и усовершенствовал технологический процесс выработки бумаги. Процесс выработки заключался в формовании листа осаждением на сите разбавленных водой измельченных волокон [1; 2, с. 7]. Китайские мастера долгое время хранили в секрете способ изготовления бумаги.

В III веке бумагу стали вырабатывать в городах Восточного Туркестана. В VII – VIII вв. производство бумаги уже процветало в Средней Азии, Корее, Японии и других странах Азии [3]. Во второй половине VIII в. бумагу начали изготавливать в Самарканде. С конца VIII – начала IX вв. бумагу производили в Багдаде и Дамаске. Из Средней Азии бумага попала на Ближний Восток, затем на Сицилию. Другой путь из Самарканда

проходил через Египет и Северную Африку. Переправившись через Гибралтарский пролив, бумага оказалась в Испании, где первые бумажные мельницы заработали в X веке. В XIII веке первые бумажные мельницы были сооружены в северной Италии, примерно через столетие – во Франции. Из Франции производство бумаги двинулось в Англию, Голландию и на восток – в Германию, Польшу, Россию [2, с. 23].

В Европе с самого начала производства и до XIX в. бумага изготавливалась ручным черпанием с помощью специальной формы. При ее выработке жидкая бумажная масса выливалась в отливную форму с сетчатым дном, состоящим из часто расположенных тонких проволок «вержеров», и крепившихся под прямым углом к ним редко размещенным более толстым проволокам «понтюзо». В процессе покачивания формы сетка пропускала через себя воду, при этом волокна оседали на дне формы неравномерно: толщина бумаги над проволоками оказывалась тоньше, чем в ячейках сетки. В готовом листе отпечатки сетки черпальной формы были видны на просвет в виде более светлых линий, чем общий тон бумаги [4]. В косопadaющем свете на одной стороне листа обнаруживались ярко выраженные рельефные линии – бумага имела ребристую фактуру.

Бумажные мельницы часто строили на территории монастырей. Существует легенда о том, что монах во время розлива жидкой бумажной массы нечаянно уронил крестик в черпальную форму. Когда бумага просохла, на листе просвечивало слабозаметное изображение этого крестика. Монастырская братия сочла это добрым знаком небес [5]. Предположительно так возникла идея создания водяных знаков, не случайно одним из первых изображений водяного знака (филиграни) был простой крест.

На сегодняшний день не известно, где и когда впервые была отлита бумага с водяным знаком. Считается, что это произошло в Италии во второй половине XIII века в небольшом городке Фабриано, так как в нем вырабатывали много бумаги высочайшего качества. Чтобы выделить свою бумагу на фоне других производителей, итальянские мастера стали прикреплять к черпальным формам метки – фигурки из проволоки, выгнутые с помощью специального шаблона. Эти фигурки по внешнему виду напоминали ажурные ювелирные украшения, которые изготавливали из золотой или серебряной проволоки, по аналогии с ювелирной техникой итальянские мастера стали называть проволочные фигурки филигранью.

В проходящем свете на бумаге кроме светлых линий, отпечатывающихся от сетки отливной формы, был замечен более четкий след проволочной метки, который тоже получил название «филигрань». То есть и проволочная фигурка, и ее след на бумаге назывались одинаково. Позднее и в других европейских странах стали изготавливать бумагу с филигранью, но не везде употреблялось это название. Во французском

языке для обозначения маркировочного знака на бумаге, также как и в Италии, использовался термин филигрань – *filigrane*. В немецком языке – водяной знак (*Wasserzeichen*), в английском – водяной знак (*watermark*). В русском языке использовались и до сих пор употребляются оба термина: «филигрань» (транслитерация итальянского слова *Filigrana*) и «водяной знак» (буквальный перевод английского *watermark* и немецкого *Wasserzeichen*), но не всегда в качестве синонима [6, с.15-16]. Более подробно, в каких случаях следует употреблять термин «филигрань», а в каких «водяной знак», изложено в статье [7, с. 97-98].

Использование филигранных, игравших роль клейма, получило распространение в Европе с конца XIII в. Наиболее известными изображениями меток были рисунки животных, региональные или родовые гербы, монограммы владельцев мельниц. Когда возникла необходимость отмечать партию бумаги, отлитую определенным мастером, кроме основного маркировочного знака к сетке черпальной формы стали прикреплять дополнительный – контрамарку, которая обычно представляла собой инициалы мастера [8]. Впоследствии ряд самых распространенных среди производителей рисунков закрепился за определенными видами и форматами бумаги, способствуя упорядочению торговли [2, с. 25].

Изложенное свидетельствует о том, что в средневековой Европе бумага с водяным знаком (филигранью) вырабатывалась ручным способом с использованием техники филигрании. Очередным этапом в развитии производства бумаги стало тиснение рельефных изображений на отливной сетке.

В середине пятидесятих годов XVIII в. известный производитель бумаги Джеймс Ватман Старший изобрел отливную сетку без понтюзо и изготовил бумагу, на которой ребристая фактура была незаметна. Новая сетка получила название «тканая», так как она была образована перекрестным переплетением тонких проволок, расположенных продольными и поперечными рядами. Со временем сетку научились делать очень тонкой, и ее отпечаток на бумаге был почти не виден.

Позднее на тканой сетке стали штамповать рельефные изображения, а с их помощью формировать многотонные (более 2 тонов) водяные знаки, в последствии с плавными полутонными градациями. Техника тиснения сетки была изобретена в 1818 г. в Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ), вскоре после ее организации [9, с. 23]. Экспедиция представляла собой уникальное учреждение для изготовления в одном месте и документной бумаги и денежных знаков. Фактически, тогда наступило летоисчисление в защите от подделки банкнот и ценных бумаг.

В конце XVIII в. был изобретен способ непрерывного отлива бумаги. Первую машину с непрерывным циклом работы, сконструировал во Франции Николя-Луи Робер в 1799 г. [10]. Машина была перспективной, но

нуждалась в доработке, которую по чертежам Робера реализовал в Англии механик Брайан Донкин. Финансировали работу лондонские издатели и торговцы книжной продукцией и канцелярскими товарами братья Генри и Сили Фудринье. Первая усовершенствованная модель машины была установлена в 1803 г. Через год Б. Донкин завершил монтаж второй, более производительной, машины [11, с. 44, 49]. В дальнейшем изобретение Робера легло в основу создания плоскосеточных бумагоделательных машин (БДМ), которые нередко называют машинами Фудринье.

После изобретения машинного способа изготовления бумаги назрела необходимость получения водяных знаков на бесконечном бумажном полотне. Устройство для этого было сконструировано предположительно в 1825 г. на лондонской фабрике Джона Маршалла и установлено на плоскосеточную БДМ, это устройство получило название дендироль [12, с. 107]. Дендироль представлял собой полый вал, изготовленный из проволочного каркаса и обтянутый снаружи сеткой. Изначально он предназначался для выравнивания поверхности бумажной массы, если на сетке отштамповывали рисунки или к дендиролю прикрепляли филигрانی, то в процессе выравнивания ее поверхности формировались и водяные знаки.

В 1809 г. англичанин Джон Дикинсон сконструировал и смонтировал круглосеточную (цилиндровую) бумагоделательную машину. Круглосеточные БДМ отличались высокой производительностью, они позволяли за сутки отливать непрерывным способом до тонны бумаги. В конце XIX в. на круглосеточных БДМ стали вырабатывать документную бумагу с портретными водяными знаками, что существенно повысило защищенность денежных знаков и документов от подделки. Выбор выдающегося деятеля на портрете определялся исторической значимостью личности, культурными и политическими традициями страны.

В 90-х гг. XIX в. производители бумаги вернулись к филигрانی, но проволочные фигурки уже не использовали. Современная филигрань – это филигранный водяной знак, состоящий из светлых контрастных элементов. Такие водяные знаки получают посредством припаивания в заданных участках формирующей сетки водонепроницаемых элементов.

Таким образом, водяной знак, первоначально выполнявший функцию товарного знака производителя бумаги, являлся защитой бренда от контрафакта, начиная с XIX века, он стал использоваться в качестве важнейшего элемента защиты от подделки денежных знаков, ценных бумаг и документов. Все многообразие видов водяных знаков можно увидеть только на защищенной полиграфической продукции.

В последние десятилетия создано много новых видов водяных знаков, и появилась необходимость в более полной и точной их классификации. Классификация – понятие в науке, обозначающее разновидность деления

объема понятия по определенному основанию (признаку, критерию), при котором объем родового понятия (класс) делится на виды, а виды, в свою очередь, делятся на подвиды и так далее.

Исходя из анализа литературы в области защищенной полиграфической продукции, классификацию водяные знаков предлагается выполнить по следующим основаниям: по способу изготовления бумаги; по оптической плотности; по расположению на готовом изделии; по функциям, непосредственно не связанным с защитой денежных знаков и документов от подделки.

1. По способу изготовления бумаги. Бумагу с водяным знаком можно получить одним из четырех классических способов.

1.1. Ручным черпанием с помощью специальной формы, сетка которой имеет узор воспроизводимого водяного знака. Это самый ранний способ изготовления бумаги, зародившийся в Европе в XIII веке. С появлением высокоскоростных БДМ этот способ практически перестал использоваться и сохранился только на некоторых фабриках, например в итальянском г. Фабриано в монастыре Св. Доменика, где основан Музей бумаги и водяных знаков (Museo della Carta e della Filigrana). На Ленинградской бумажной фабрике Гознака участок ручного отлива был закрыт в 1975 г.

1.2. Машинным способом с помощью черпально-листовых машин, осуществляющих формование листа способом, аналогичным ручному черпанию. Первую машину с непрерывным циклом работы изобрел Николя-Луи Робер. Монтаж черпально-листовых машин был очень трудоемким, и какое-то время их не производили. На рубеже 1870–1880-х гг. черпальные машины пережили второе рождение: в то время были запатентованы несколько машин, из которых наиболее конкурентоспособными оказались машины систем А. Дюпона (1878) и М. Зембрицкого (1881). Черпальные машины отлично подходили для производства документной бумаги, так как позволяли получать отчетливый водяной знак, отливать бумагу, равномерную по толщине и весу метра квадратного, с одинаковой растяжимостью в обоих направлениях [13, с. 58].

1.3. На круглосеточных (цилиндрических) бумагоделательных машинах. На сетке цилиндров круглосеточных БДМ отштампован рисунок и/или закреплен филигранный узор для получения бумаги с водяным знаком. При этом знак формируется одновременно с формованием бумажного полотна [9, с. 21].

1.4. На плоскосеточных (столовых) бумагоделательных машинах. На плоскосеточных БДМ водяной знак наносится на формирующуюся, совершенно сырую (сухость 4–6 %) бумажную наслойку с помощью сеточного валика – дендиголя, на поверхности которого нанесен узор методом штамповки сетки или с помощью прикрепленных элементов филигрании [9 с. 21].

В связи с появлением высокопроизводительных БДМ в настоящее время используется два основных способа получения бумаги с водяными знаками – на плоско- и круглосеточных БДМ. Бумага для защищенной полиграфической продукции производится преимущественно на круглосеточных БДМ.

2. По оптической плотности. При дифференциации водяных знаков по оптической плотности, необходимо учитывать технику получения водяных знаков.

2.1. Водяные знаки, получаемые посредством тиснения сетки.

2.1.1. Водяной знак однотонный – водяной знак, содержащий только светлые или только темные, не изменяющиеся по тону, участки изображения по отношению к общему фону бумаги.

2.1.1.1. Водяной знак просветный.

2.1.1.2. Водяной знак затененный.

2.1.2. Водяной знак двухтоновый – водяной знак, содержащий как более светлые, так и более темные, не изменяющиеся по тону, участки изображения по отношению к общему тону бумаги (ГОСТ Р 54109-2010).

2.1.3. Водяной знак многотонный – водяной знак, содержащий изображения, полученные либо в результате плавного изменения оптической плотности изображения, либо в результате ступенчатого изменения, причем число ступеней оптической плотности по отношению к тону бумаги должно быть более двух (ГОСТ Р 54109-2010).

2.2. Водяные знаки, формируемые с помощью водонепроницаемых элементов.

2.2.1. Филигранный водяной знак – водяной знак, состоящий из светлых элементов, отличающихся высокой четкостью и контрастностью по отношению к фону бумаги, образующийся при отливе бумаги за счет использования водонепроницаемых элементов на формирующей бумажное полотно сетке (ГОСТ Р 54109-2010).

2.2.2. Пиксельный водяной знак – филигранный водяной знак, содержащий на светлом фоне темные точки с оптической плотностью, соответствующей оптической плотности бумаги.

2.2.3. Филигрань щелевого типа – филигранный водяной знак, содержащий на светлом фоне темные штрихи с оптической плотностью, соответствующей оптической плотности бумаги.

2.3. Комбинированный водяной знак – водяной знак, формируемый с помощью обеих техник – тиснения сетки и с помощью водонепроницаемых элементов. Для изготовления банкнот и документов чаще всего используется многотонный водяной знак, комбинированный с филигранным [14, с.89].

3. По позиционированию водяного знака на готовом изделии.

3.1. Общий водяной знак – водяной знак, многократно повторяющийся с определенным интервалом по всей площади банкноты или документа.

3.2. Локальный водяной знак – водяной знак, расположенный в определенном месте банкноты или листа документа только 1 раз.

3.3. Полосовой водяной знак – многократно повторяющийся водяной знак, расположенный в виде вертикальной или горизонтальной полосы в определенном месте банкноты или листа документа.

4. По функциям, непосредственно не связанным с защитой денежных знаков и документов от подделки.

4.1. Упрочняющие водяные знаки – водяные знаки, предназначенные для повышения износостойчивости банкнот. Такие водяные знаки содержат темные изображения по отношению к общему тону бумаги. В последние годы такие водяные знаки стали применять и для укрепления углов и краев многостраничных документов (паспорт Эстонии).

4.1.1. Угловой водяной знак – водяной знак в виде параллельных диагональных полос, расположенных в углах банкноты.

4.1.2. Краевой водяной знак – водяной знак в виде параллельных полос, расположенных вдоль длинных краев банкноты.

4.1.3. Краеугольный упрочняющий водяной знак – водяной знак, в котором банкнота содержит угловые и краевые упрочняющие водяные знаки, соединенные в углах.

4.1.4. Водяной знак Iron Frame – водяной знак в виде двух затемненных параллельных полос, расположенных вдоль верхнего и нижнего краев банкноты.

4.2. Водяной знак, предназначенный для машинного считывания. Кодовый водяной знак – водяной знак, состоящий из темных и/или светлых вертикальных полос, расположенных в определенном порядке на запечатанном участке банкноты.

4.3. Технологический водяной знак – водяной знак, состоящий из темных и светлых участков (в виде «гребёнки»), предназначенный для внедрения «оконной» защитной нити в бумагу. Для того, чтобы защитная нить в нужных местах выходила на поверхность бумаги, на сеточном цилиндре БДМ создают специальные рельефные (углубленные и выпуклые) участки. Если полосы расположить определенным образом, технологический водяной знак, как и кодовый, может быть использован для машинного считывания банкнот [15].

Существует множество переходных форм, которые находятся на грани между различными группами разграничиваемых объектов, поэтому любая группировка относительна. С развитием науки существующие классификации и системы будут уточняться, дополняться, заменяться новыми, более точно отражающими объективную действительность.

Библиографический список

1. Как Цай Лунь изобрел бумагу [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/268460> – Дата доступа: 17.07.2024.
2. Балаченкова, А. П. История бумаги и бумажного производства: учеб. пособие и хрестоматия / А. П. Балаченкова, СПб ГТУРП. – СПб., 2011. – 52 с.
3. История бумаги. Эпохи развития [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vseobumage.ru/1310/istoriya-bumagi-epohi-razvitiya/> – Дата доступа: 17.07.2024.
4. Дадыкин, А. В. Методические указания по определению и датировке бумаги русских кириллических книг XV–XX вв. Ростов Великий, 2006 [Электронный ресурс] / А. В. Дадыкин. – Режим доступа: <http://www.raruss.ru/slavonic/1671-dadykin-paper-dating.html> – Дата доступа: 17.07.2024.
5. Демина, М. И хруст бумажных денег [Электронный ресурс] М. Демина // Химия и жизнь. – 2011. – № 2. – Режим доступа: <https://hij.ru/read/our-serials/serial-number-one/329/>. – Дата доступа: 24.07.2024.
6. Есипова, В. А. Бумага как исторический источник: (По материалам Западной Сибири XVII–XVIII вв. / В. А. Есипова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 292 с.
7. Вашкевич, Н. А. О происхождении терминов «бумага», «водяной знак» и «филигрань», являющихся объектами судебной технической экспертизы документов / Н. А. Вашкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2023. – Вып. 1. – С. 92-99.
8. Ранняя технология изготовления бумаги [Электронный ресурс] // История книги. – Режим доступа : <https://maxbooks.ru/dopp1.htm> – Дата доступа: 17.07.2024.
9. Мочалов, И. А. От ручного отлива до банкнотной бумаги / И. А. Мочалов // Водяной знак. – 2012. – №3. – С. 20-26.
10. История бумаги. Эпохи развития. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vseobumage.ru/1310/istoriya-bumagi-epohi-razvitiya/>. – Дата доступа: 17.07.2024.
11. Ильина, О. В. Дизайн бумагоделательных машин. Этапы развития формообразования : учеб. пособие / О. В. Ильина. – СПб ГТУРП. – СПб., 2012. – 71с.
12. Маресин, В. М. Защищённая полиграфия : справочник / В. М. Маресин – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 640 с.
13. Балаченкова, А. П. Об одном опыте франко-русского технического сотрудничества: черпальная машина системы А. Дюпона (1878) в Экспедиции заготовления государственных бумаг / А. П. Балаченкова // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения,

бытования. Вып. 1 / Сб. материалов Первой международной научной конференции (18–19 октября 2018 г., Санкт-Петербург). – СПб.: АО «Гознак», 2018. – 280 с.

14. Вашкевич, Н. А. Многотоновый водяной знак – эффективное средство защиты от подделки денежных знаков и документов / Н. А. Вашкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2024. – Вып. 1. – С. 83-90.

15. Очарование водяного знака [Электронный ресурс] // Банкноты стран мира. – Режим доступа: <https://www.icpress.ru/news/19791/> – Дата доступа: 24.07.2024.

Веренчиков И. Р., Середа А. Е.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ЛИЦА В КНР И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ
ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ**

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

В статье рассматривается законодательный аспект правовой охраны изображения лиц в КНР и Республике Беларусь. Авторы осуществляют сравнительный анализ выявленных правовых особенностей и предлагают некоторые пути решения обозначенных проблем. Установлено, что отсутствуют программы обучения и критерии квалификации специалистов в области систем автоматического распознавания лиц. Акцентируется возможность разработки в Республике Беларусь стандартов применения, обеспечения безопасности персональных данных и подготовки специалистов в области распознавания лиц.

Ключевые слова: распознавание лиц; технологии; идентификация; верификация; персональные данные; информационная безопасность; искусственный интеллект.

В эпоху быстрого расширения технологических горизонтов научной мысли, биометрическая технология распознавания, идентифицирующая и верифицирующая личность человека по его лицу, становится ярким объектом внимания общественности, представляя собой некий рупор прогресса, неизменнодвигающегося по возрастающей в области компьютеризации и цифровизации современного бытия человека. Будущее технологий, как и людей, неразрывно связано с организационно-правовым обеспечением данных изобретений, разработанных и предложенных для имплементации в духе соблюдения чести и достоинства индивида в правовом государстве, а также в соответствии с этическими принципами ценности свободы и творческой мысли человека.

Процессы глобализации и мировой мобильности позволяют в значительной степени ускорить международный обмен знаниями, опытом и технологиями, в некоторой степени открывая двери для взаимного проникновения культур; таким образом зародившееся более 50 лет назад направление компьютерного зрения и статистического анализа образов внешности человека приобрело значимое присутствие во всем цивилизованном мире. По состоянию на 2024 год, значительный вклад в дальнейшее развитие и распространение технологии был внесен Китайской Народной Республикой (далее – КНР), где в промышленных масштабах осуществляется производство, а также реализация данных

технологий для нужд частного и государственного секторов соответственно.

Китайский сектор информатики демонстрирует впечатляющий рост и развитие, с множеством частных компаний, занимающихся разработкой технологий в этой области: китайская индустрия распознавания лиц находится в эпицентре этого «цифрового шторма». Известные на международном уровне компании, осуществляющие разработку и реализацию систем автоматического распознавания лиц, включают следующие: «Huawei», «Hikvision», «Dahua Technology», «ZTE» и др. [1, с. 65] Среди наиболее значимых достижений КНР в области распознавания лиц, а также многообещающих примеров научных исследований и успешной имплементации продукции, следует указать такие как:

1) система социального кредита, получившая широкую огласку и которая предполагает интеграцию технологий распознавания лиц с другими методами сбора данных для создания всеобъемлющей базы учета активности граждан. Технология распознавания лиц является ключевым элементом данной системы, поскольку она обеспечивает идентификацию индивидуумов в общественных местах и позволяет собирать данные о их действиях [1, с. 140];

2) разработка систем автоматического распознавания эмоций: внедрение технологий распознавания лиц становится все более распространенным явлением. Например, компания «Canon» в КНР установили камеры видеонаблюдения с функцией «распознавания улыбок», что позволяет фиксировать эмоциональное состояние сотрудников [1, с. 92];

3) разработка систем, устанавливающих намерения человека: одна из китайских компаний утверждает, что ей удалось создать систему, способную анализировать выражения лиц потенциальных заемщиков с целью определения их намерений относительно погашения кредита [1, с. 152];

4) системы для анализа жестов и обнаружения особенностей скелета: одним из ведущих компаний является китайское предприятие «MEGVII» с ее продуктом «Face++», охватывающим различные уровни сложности и точности: стандартные алгоритмы используют 106 точек на лице для базовой идентификации, тогда как продвинутые версии могут использовать до 1000. «MEGVII» развивает технологии распознавания человеческого тела, включая системы для анализа жестов и скелета человека [1, с. 66];

5) исследование возможности распознавания в области сельского хозяйства: «Huawei» занимает ведущие позиции в разработке коммерческого внедрения распознавания лиц в сельском хозяйстве — включая мониторинг и идентификацию отдельных животных [1, с. 66].

Известные мировой общественности примеры имплементации распознавания лиц в КНР включают:

- использование распознавания лиц для поиска пропавших без вести людей. В рамках первого пробного применения обозначенных технологий для этой цели были найдены и идентифицированы более 6500 людей в результате сканирования около 200000 лиц без определенного места жительства [1, с. 81];

- для поддержания общественного порядка используется система распознавания лиц «Dragonfly Eye». В первые три месяца задействия данной технологии в городе Шанхай правоохранители задержали 567 нарушителей, и уровень карманных краж в городах, где она была имплементирована, упал практически на треть. Полиция города Чжэнчжоу, например, используют очки с системой распознавания лиц, выдающие имя и адрес человека за 2-3 минуты [2, с. 734];

- силовые структуры в ряде крупных городов Западного Китая используют распознавание лиц для идентификации этнической принадлежности человека – в данном случае распознавание лиц применяется как инструмент для систематического наблюдения, что включает в себя сбор биометрических данных и отслеживание местоположения [1, с. 116];

- использование в исправительных учреждениях камер видеонаблюдения и системы распознавания лиц для постоянного мониторинга заключенных не только с целью идентификации лиц, но и анализа поведения для выявления подозрительных действий [1, с. 116];

- розничные компании в Китае, такие как «Jack & Jones» и «Vero Moda», внедряют технологии распознавания лиц для замещения стандартных процедур процесса оплаты (банковские карты, наличные деньги). Участники сообщества в мессенджере «WeChat» (аналог «Viber» в Беларуси) «AI Club WeChat» могут оплачивать покупки посредством распознавания лиц [1, с. 87];

- в условиях пандемии COVID-19 технологии распознавания лиц стали активно разрабатываться для выявления и идентификации граждан, которые не носят маски (а также тех, кто их носит для сокрытия личности), что позволяет реагировать на потенциальные угрозы общественному здоровью [1, с. 143].

Таким образом, явным становятся направления развития и имплементации технологий распознавания лиц в общественной жизни КНР. Законодательство в данной области также имеет свои характерные особенности – например, в настоящее время правовые нормы, касающиеся защиты персональных данных в виде изображений лиц граждан в рамках распознавания лиц в КНР, характеризуются неоднозначностью; кроме того, наблюдается отсутствие специализированного правового регулирования охраны персональных данных в области распознавания лиц. С целью

обоснования вышесказанного следует обратиться к нижеперечисленным нормативным правовым актам [3, с. 273]:

1. Закон КНР от 20 августа 2021 г. «О защите персональных данных». Согласно ст. 26, «установка оборудования для сбора изображения лица и идентификации личности в общественных местах должна быть необходима для поддержания общественной безопасности, соответствовать соответствующим государственным нормам и устанавливать заметные предупреждающие знаки».

2. Закон КНР от 31.10.1993 г. № 11 «О защите прав потребителей» закрепляет права и обязанности операторов по сбору, обработке и использованию персональных данных потребителей. Поскольку информация о изображении лица относится к «чувствительным персональным данным», её сбор, обработка и использование должны осуществляться с согласия субъекта.

3. Закон КНР от 07.11.2016 г. № 53 «О сетевой безопасности» включает персональные данные в качестве объекта защиты, а также устанавливает в ст. 40-50 принципы сбора персональных данных: порядок сбора, хранения и использования персональных данных, право пользователя на распоряжение персональными данными и обязанности оператора по сбору и обработке персональных данных.

4. Гражданский кодекс КНР от 28.05.2020 г. (далее – ГК КНР) содержит положения о защите персональных данных в разделе «личные права» (ст. 1034-1039), включая биометрические данные как вид персональных данных. В ГК КНР также уточнены принципы законности, необходимости и обоснованности, принципы информированного согласия и принципы ограничения передачи при обработке персональных данных, что создает базу механизма гражданской правовой защиты персональных данных.

Поправки к Уголовному кодексу КНР от 28.02.2009 впервые квалифицировали незаконное приобретение, продажу и предоставление персональных данных граждан как преступление, установив, однако, субъектом только сотрудников государственных органов или специальных подразделений. Последующие поправки от 29.08.2015, введя ст. 253-1, расширили субъектный состав до общего субъекта, при этом специальный статус стал отягчающим обстоятельством для совершения данного преступления [3, с. 275].

1 июня 2017 г. Судебный комитет Верховного народного суда и Прокурорский комитет Верховной народной прокуратуры КНР опубликовали Разъяснение, касающееся применения законодательства при рассмотрении уголовных дел, связанных с нарушением персональных данных граждан. Документ состоит из десяти статей, которые определяют [3, с. 275]: объем персональных данных граждан, подлежащих уголовно-правовой защите; критерии для осуждения за преступления с

персональными данными граждан; обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность; вопросы конкуренции составов преступлений, связанных с нарушением персональных данных.

Исходя из этого, данное Разъяснение устанавливает основные параметры уголовно-правовой охраны персональных данных, определяя ее пределы, условия наступления ответственности и влияние квалифицирующих признаков. Это способствует единообразному применению законодательства судами и органами прокуратуры в данной сфере.

В 2021 г. судебный комитет Верховного народного суда КНР опубликовал Разъяснение, касающееся применения законодательства в контексте гражданских дел, связанных с использованием технологий распознавания лиц при обработке персональных данных:

- ст. 14 устанавливает правовые аспекты подачи гражданских исков, касающихся информации о изображении лица;

- ст. 5 устанавливает случаи, когда обработчик информации освобождается от гражданской ответственности. В частности, это касается ситуаций, когда обработка данных о лицах осуществляется в целях реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения или для защиты жизни, здоровья и имущества граждан в условиях кризиса [3, с. 274];

- ст. 2 определяет несколько типов действий, которые нарушают права физических лиц, включая использование технологии распознавания лиц для идентификации в общественных местах, таких как гостиницы и торговые центры, без надлежащего согласия.

С 2012 г. в КНР государственные органы начали активно заниматься стандартизацией в области защиты персональных данных. Национальный технический комитет по стандартизации информационной безопасности разработал и опубликовал «Руководство по государственному стандарту № GB/Z 28828-2012», которое посвящено защите персональных данных в информационных системах государственных и коммерческих служб с использованием технологий информационной безопасности – это руководство стало первым Национальным стандартом в данной области [3, с. 276].

В 2020 г. была опубликована обновленная версия Руководства по государственному стандарту № GB/T 35273-2020 «Технология информационной безопасности – спецификации безопасности персональных данных» (далее – Руководство № GB/T 35273-2020), касающаяся технологий информационной безопасности и спецификаций безопасности персональных данных [3, с. 278]. Данный стандарт устанавливает принципы и требования безопасности, которые должны соблюдаться при обработке персональных данных. Он применяется к

различным организациям и регулирует их деятельность в области обработки персональных данных, включая надзор и оценку со стороны компетентных органов. Руководство № GB/T 35273-2020 впервые различает «персональные данные» и «чувствительные персональные данные» – информация, обработка которой может представлять повышенный риск для безопасности личности или имущества, а также может негативно сказаться на репутации, психическом и физическом здоровье и др.

На основании вышеперечисленного следует сделать вывод, что в настоящее время нормы о защите информации распознавания лиц в Китае относительно разрозненны. Они существуют в законах, постановлениях, ведомственных инструкциях, судебных толкованиях и иных нормативных документах. Отсутствует соответствующее специальное регулирование, нет четко детерминированных положений в законодательстве. Подобный исход законодательного развития в области охраны персональных данных требует исправления ситуации разработки правовых норм для защиты биометрической информации и унификации стандартов правоприменения в сфере защиты персональных данных в распознавании лиц граждан [3, с. 276].

В данной связи, перенимая технологии и ассимилируя новаторские идеи в отношении многочисленных проектов в области биометрии, законодателю в Республике Беларусь нужно также обращать внимание и на проблемные аспекты организационно-правового регулирования данной области у более технологически развитого партнера: с целью внесения конструктивных предложений и обоснованных замечаний, следует осуществить детальное исследование аспектов генезиса и становления правовой охраны изображения лица человека (т.е. персональных данных) в Республике Беларусь.

Представляет интерес тот факт, что первоначально данная сфера не была предметом специального правового регулирования – такой вывод позволяет сделать ретроспективное исследование нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, связанные с обработкой персональных данных в Республике Беларусь. Т.е. правовое регулирование в Беларуси осуществлялось нормативными правовыми актами, которые устанавливали общие принципы и нормы, применимые к более широкому кругу общественных отношений, нежели складывающиеся по поводу обработки персональных данных. К ним следует относить Конституцию Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. №455-3 «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. №418-Э «О регистре населения», Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. №307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовный Кодекс Республики Беларусь

(далее – УК), Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) и др.

В частности, согласно ст. 28 Конституции Республики Беларусь, каждый гражданин имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. В соответствии со ст. 18 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с письменного согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь.

В Законе Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. №418-З «О регистре населения» впервые появилось понятие «персональные данные». Персональные данные физических лиц определялись как совокупность основных и дополнительных персональных данных, а также данных о реквизитах документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные конкретных физических лиц. Среди прочего, к персональным данным обозначенный Закон относил и цифровой фотопортрет. Из этого следует, что различные образы, с которыми работали системы распознавания лиц в Республике Беларусь следовало первоначально обозначать как «информация о личной жизни человека» [4].

В 2010-х гг. широкое внедрение биометрических систем, рост Интернет-технологий и появление искусственного интеллекта на международной арене значительно увеличили потребность в упорядочивании законодательства, касающегося общественных отношений, возникающих в результате сбора, обработки и хранения идентифицирующей информации о человеке. Эти изменения обусловили необходимость адаптации правовых норм к новым вызовам, связанным с защитой персональных данных и обеспечением прав граждан в условиях активного использования биометрических технологий.

Следующим шагом стало то, что в Закон «Об информации, информатизации и защите информации» 4 января 2014 г. было включено дополнение, в котором впервые предпринята попытка дать универсальное определение персональных данных. Под персональными данными было предложено понимать основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. В 2018 г. статья 22.13 КоАП претерпела изменения, в соответствии с которыми установлена ответственность за умышленное незаконное разглашение персональных данных лицом,

которому персональные данные известны в связи с его профессиональной или служебной деятельностью [4].

Нельзя не обратить внимание и на положения УК и КоАП. КоАП, принятый в 2021 г., предусмотрел самостоятельную статью (ст. 23.7), устанавливающую ответственность за нарушение законодательства о персональных данных. В 2021 г. УК дополнен двумя самостоятельными составами, предусматривающими ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных и за несоблюдение мер обеспечения их защиты.

Постепенное «насыщение» законодательства отдельными нормами о персональных данных, а также разрозненный характер имеющегося регулирования привели к необходимости упорядочения получившегося «нормативного массива», что привело к принятию Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». Действительно, определение достаточно четко и однозначно охватывало суть персональных данных: «под персональными данными следует понимать «любую информацию, относящуюся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано» [4].

Дифференциация понятий «персональные данные» и «информация о личной жизни человека» внесла значительный вклад в правовое обеспечение работы биометрических систем. Не в последнюю очередь это связано с тем, что понятие «персональные данные» имеет составной характер своей конструкции – Закон от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» выделяет такие понятия как «биометрические персональные данные», «специальные персональные данные» и др., что позволяет учитывать их различия в фиксации, обработке, хранению и использованию [4].

Помимо законодательно закрепленных процедур сбора, обработки и хранения персональных данных, правовое регулирование систем автоматического распознавания лиц включает формирование и правовое обеспечение функционирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности (далее – РСМОБ): на основании ретроспективного анализа соответствующих нормативных правовых актов, можно утверждать, что в Республике Беларусь с 2012 г. велась работа по созданию единой системы видеонаблюдения, а с 2013 г. началось ее испытательное внедрение. Высокое значение для ее имплементации в Республике Беларусь следует отвести: 1) Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 «Об утверждении Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем наблюдения»; 2) Указу Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения

системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» и др. [5, с. 254]. В названном Постановлении от 11 декабря 2012 г. № 1135 впервые были закреплены термины «система безопасности», «телевизионная система видеонаблюдения», «обеспечение общественной безопасности», «общественная безопасность» и даны их определения [6, с. 6].

Значительным шагом к правовому регулированию систем видеонаблюдения и, впоследствии, распознавания лиц, стали следующие Постановления Совета Министров Республики Беларусь: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 1163 «Об утверждении Положения о порядке предоставления информации, зафиксированной системой видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, и определения размера платы за ее предоставление»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 января 2014 г. № 89 «Об утверждении перечня мест массового пребывания граждан в г. Минске, подлежащих оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности».

Внедрение видеонаблюдения в остальных административно-территориальных единицах потребовало дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования. Важным событием для становления РСМОБ послужило принятие Указа Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. №187 «О Республиканской системе мониторинга общественной безопасности», согласно которому, для повышения уровня общественной безопасности вводится система видеонаблюдения, оснащенная каналами связи единой сети передачи данных. В свою очередь на основании этого нормативного правового акта, впоследствии Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 ноября 2017 г. № 841 было разработано и утверждено Положение «О Республиканской системе мониторинга общественной безопасности и порядке подключения к ней» [5, с. 255].

Указ Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 включил в себя закрепленные в ранее принятых нормативных правовых актах подходы к обеспечению общественной безопасности с использованием видеонаблюдения. В нем определены правовые основы функционирования РСМОБ, а также порядок подключения к ней, как в обязательном порядке, так и по желанию различных субъектов права. Кроме этого, расширен и детализирован перечень задач, решаемых РСМОБ.

Согласно ч. 12 Постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 2 июля 2019 г. №181 «О единых технических требованиях к программному обеспечению видеоаналитики», в части функциональных возможностей технического решения применяемой системы обеспечения общественной безопасности указывается: 1) поиск

похожих людей как по фотографии из базы данных, так и по фотографии, полученной с камеры видеонаблюдения; 2) настройку порога степени схожести изображения распознанных лиц с эталонными фотографиями из базы данных; 3) импорт фотографий в базу данных и экспорт фотографий распознанных лиц во внешние базы данных; 4) интеграцию со сторонними информационными системами и базами данных, содержащими фотографии людей и др.

В соответствии с Решением Минского городского исполнительного комитета от 29 июля 2021 г. №2268 «О перечне объектов, подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения», обязательному оборудованию подлежат с 2021 г. 1090 объектов. Указом Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2022 г. №69 «О развитии Республиканской системы мониторинга общественной безопасности» предусмотрено интегрирование в РСМОБ специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, предназначенных для фиксации в том числе административных правонарушений [5, с. 257].

Немаловажное значение для работы с персональными данными в Республике Беларусь имеет Указ Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. №422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных», в соответствии с которым был создан Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь, учредителем которого является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. К основным задачам Национального центра относятся: 1) принятие мер по защите прав субъектов персональных данных при обработке персональных данных; 2) организация обучения по вопросам защиты персональных данных. К основным его функциям, согласно Положению, относится осуществление контроля за обработкой персональных данных операторами (т.е. уполномоченными лицами) [5, с. 258].

Таким образом, следует отметить, что в КНР, как и в Республике Беларусь, отсутствует специализированное законодательство, регулирующее защиту информации, связанной с распознаванием лиц, что потенциально приводит к разрозненности норм, содержащихся в различных законах, постановлениях и нормативных актах (как было представлено на примере КНР). Исходя из этого, следует поставить вопрос о необходимости разработки специального нормативного правового акта, регулирующего применение систем автоматического распознавания лиц в Республике Беларусь, что будет являться значительным шагом в области организационно-правового обеспечения распознавания лиц при расследовании преступлений: данный нормативный правовой акт должен предусматривать определение понятий, связанных с системами автоматического распознавания лиц, указывать условия их применения, а

также меры, принимаемые для обработки персональных данных в условиях соблюдения белорусского законодательства.

В значительной степени интерес вызывают процессы стандартизации безопасности применения технологий, работающих в сфере биометрических персональных данных – как в случае с Руководства по государственному стандарту № GB/T 35273-2020 «Технология информационной безопасности – Спецификации безопасности персональных данных» в КНР. В данной связи, представляется что разработка в Республике Беларусь специальных стандартов в области: 1) применения; 2) обеспечения безопасности данных; 3) подготовки специалистов для работы с системами биометрической идентификации заметно систематизирует и регламентирует работу систем распознавания лиц и обработку персональных данных в работе с ними.

Практически полностью отсутствуют требования к квалификации сотрудников, работающим с системами автоматического распознавания лиц, что, на наш взгляд, является значительным упущением ввиду характерных особенностей применения обозначенных технологий. Ввиду многогранности и многоуровневости аппаратно-программных аспектов работы систем распознавания лиц, а также обширного рода ситуаций, возникающих в процессе их функционирования, следует обозначить минимальные критерии понимания принципов работы подобных технологий и обучать будущих специалистов в соответствии с разработанными для этой цели квалификационными программами.

В заключение следует отметить, что в результате проведенного анализа было выявлено как преимущественное положение развития Республики Беларусь по отношению к КНР в области распознавания лиц, так и недостающие элементы нашего законодательства. В большинстве же своем, законодательство Республики Беларусь характеризуется большей четкостью формулировок и направлено на обеспечение контроля со стороны государства за деятельностью операторов персональных данных.

Библиографический список

1. Andrejevic, M. Facial Recognition / M. Andrejevic, N. Selwyn. – Polity Press, Cambridge, 2022. – 217 p.
2. Веренчиков, И. Р. Особенности криминалистического распознавания лиц: проблемы и перспективы / И. Р. Веренчиков, А. Е. Середа // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2022. – Вып.17. – С. 733-742.

3. Цзя, Ш. Правовая защита гражданина на изображение лица при применении технологии распознавания лиц в законодательстве Китая / Ш. Цзя, Ц. Чжан // Правоведение, 2024. – №2. – С.271–283.

4. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>. – Дата доступа: 18.09.2024.

5. Луговский, С. Г. Правовое регулирование Республиканской системы мониторинга общественной безопасности в условиях цифровой трансформации Республики Беларусь / С. Г. Луговский // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Республиканской науч.-практ. конференции, Минск, 18–19 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак. Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 253-258.

6. Гиммельрейх, О. В. Республиканская система мониторинга общественной безопасности в системе организационных средств охраны общественного порядка и безопасности / О. В. Гиммельрейх // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 1. – С. 5-11.

Вишневская В. П.
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»,
220086 г. Минск, ул. Славинского, 4, ips@ops.gov.by

Обращается внимание на некоторые значимые аспекты психологического обеспечения расследования преступлений. Указывается на целесообразность совершенствования специальной психологической подготовки специалистов, с учетом современных рисков, вызовов и угроз национальной безопасности Республики Беларусь. Отмечается необходимость совершенствования профессионального общения специалистов, в связи с диффузией различных моделей преступного поведения лиц, группы лиц, в целях повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности. Сделан акцент на целесообразности совершенствования этнопсихологической подготовки специалистов, с учетом имеющих место тенденций преступного поведения лиц, группы лиц, имеющих деструктивную реконструкцию этнического я-образа, этнического мы-образа, а так же их приверженности к нацистской идеологии.

Подчеркивается, что высокий уровень профессионализма специалистов обеспечивает успех раскрываемости различного рода преступлений, тем самым способствует сохранению суверенитета и территориальной целостности государства.

Ключевые слова: психологическое обеспечение расследования преступлений; профессионализм специалистов; профессиональное общение; специфические модели преступного поведения лиц и/или группы лиц; психологический портрета личности, группы.

Актуализация существующих и возникновение новых рисков, вызовов и угроз национальной безопасности Республики Беларусь, обусловленных значительным обострением военно-политической, социально-экономической, миграционной, криминогенной обстановкой в мире и сопредельных стран, оказывают негативное влияние на мировоззрение личности и общественное сознание. В указанных условиях актуализируется ряд вопросов прикладной психологии, в частности, к одному из них может быть отнесен вопрос совершенствования психологического обеспечения расследования преступлений.

Психологическому обеспечению расследования преступлений уделяется достаточно внимания, в тоже время, учитывая динамику

современных вызовов и угроз, возникает необходимость в его совершенствовании.

Одним из путей решения обозначенной проблемы может выступать коррекция организационно-правовых и методических аспектов профессиональной деятельности специалистов, с учетом современных условий, включая, в частности, диффузию:

моделей преступного поведения, как группы лиц, так и представителей различных субкультур деструктивного толка;

специфических моделей преступного поведения лиц и/или группы лиц, имеющих деструктивную реконструкцию я-образа и/или мы-образа;

специфических моделей преступного поведения лиц и/или группы лиц, имеющих деструктивную реконструкцию этнического я-образа и/или этнического мы-образа;

специфических моделей преступного поведения лиц и/или группы лиц, приверженных нацистской идеологии;

специфических, этнопсихологических моделей преступного поведения лиц, и/или группы лиц, в зависимости от их специальной подготовки представителями недружественных государств, и т.д.

Эффективность функционирования системы психологического обеспечения расследования преступлений, во многом зависит от уровня профессионализма специалистов, значимой составляющей которого является профессиональное общение и коммуникативная компетентность.

Рассматривая вопросы совершенствования профессионализма у указанной выше категории специалистов, целесообразно обратить внимание на следующие их, аспекты:

1) совершенствование форм и методов специальной психологической подготовки специалистов;

2) развитие коммуникативной компетентности у специалистов для осуществления оперативно-розыскной деятельности;

3) развитие профессионального общения у специалистов для осуществления оперативно-розыскной деятельности;

4) совершенствование антиманипулятивной стратегии и тактики профессионального общения специалистов для осуществления оперативно-розыскной деятельности;

5) формирование и развитие ролевой компетентности специалистов для осуществления оперативно-розыскной деятельности;

6) использование современных технологий составления психологического портрета личности, группы;

7) использование современных технологий составления психограммы различных видов преступной деятельности;

8) совершенствование (включая тренинговые психотехнологии) этнопсихологической подготовки, переподготовки и повышение

квалификации специалистов, в целях повышения борьбы с преступностью, транснациональной преступностью, торговлей людьми и др.;

9) формирование профессиональной приверженности специалистов;

10) формирование устойчивости специалистов к многообразию приемов и методов информационно-психологического воздействия манипулятивного характера, которые могут быть использованы, против них [1, с.121-122].

Специфика профессиональной деятельности данной категории специалистов состоит в выполнении ими профессиональных задач в обычных, особых, экстремальных и сверхэкстремальных условиях. Высокий уровень эффективности решения вышеуказанных задач обеспечивается профессионализмом сотрудников, значительную долю которого составляет их коммуникативная компетентность.

Коммуникативная компетентность является одной из базовых характеристик профессиональной компетентности специалистов государственных органов системы обеспечения национальной безопасности, а «профессиональное общение выступает «ядром» коммуникативной компетентности специалиста» [2, с. 25].

Изучению вопросов профессионального общения в различных видах деятельности посвящены многочисленные публикации. В рамках рассматриваемого вопроса представляют интерес работы ряда ученых: И. И. Аминова, И. А. Беленько, А. И. Бородича, А. В. Верещака, М. А. Горячевой, Г. В. Грачева, А. Г. Караяни, В. В. Мицкевича, А. М. Столяренко, Е. И. Сутович, В. Л. Цветкова, Н. Е. Шаматовой, В. М. Шевченко, А. А. Шибеева и др., в которых рассматриваются различные аспекты профессионального общения сотрудников правоохранительных органов.

В связи с многогранностью и междисциплинарным характером феномена «профессиональное общение» в научной литературе представлено несколько определений данного понятия.

Профессиональное общение представляет собой «процесс взаимодействия между сотрудником и другими людьми, порождаемый потребностями в обмене информацией, восприятии и понимании другого человека, приводящий к установлению психологического контакта и доверительных отношений» [3, с. 145].

Профессиональное общение – «один из видов межличностного общения, который представляет собой сложный многоплановый процесс развития контактов между людьми в служебной сфере, участники которого выступают в официальных статусах и ориентированы на достижение конкретных задач в профессиональной деятельности» [4, с. 10].

«Профессиональное общение сотрудника правоохранительных органов – это межличностное взаимодействие в условиях

правоприменительной и правоохранительной деятельности, имеющее своей целью намеренное вербальное воздействие на партнера, его поведение, психическое состояние, установку для реализации правовых норм и для утверждения общественной нравственности и социальной справедливости» [5, с. 13].

В оперативной деятельности профессиональное общение – конвергенция делового, межкультурного, межличностного, доверительного, ролевого, рефлексивного, манипулятивного, вербального и невербального видов общения.

В этом же аспекте необходимо отметить, что феномен общения с точки зрения этнопсихологии рассматривается как многогранное психологическое явление, включающее систему специфических детерминант национальных моделей (вербального, невербального) общения, отличающих представителей одной нации от другой. Основу межнациональных различий составляют специфические особенности:

а) национального характера, национальных чувств, национального склада ума, национального самосознания, национальных стереотипов и автостереотипов, чувства юмора;

б) отношения к: религии, традициям, обычаям, культурным и материальным ценностям, этикету, своему внешнему облику, семье, труду, отдыху, территории и пространству, другим народам и т. д.

Использование специалистами на практике знаний этнопсихологических особенностей лиц и/или группы лиц, моделей их преступного поведения, будет способствовать успешному решению профессиональных задач в рамках оперативно-розыскной деятельности, расследования преступлений.

В ракурсе рассматриваемой проблемы необходимо обратить внимание на то, что в международной практике, в целях повышения уровня профессионализма специалистов силового блока, успешно используется система специальных тренингов (многоступенчатая специальная психологическая подготовка), которая включает и отработку навыков составления психологического, социально-психологического портрета личности, группы.

В аспекте совершенствования психологического обеспечения расследования преступлений целесообразно обратить внимание на возросший интерес и дискуссионный характер вопросов, касающихся составления психологического портрета личности, группы (детализации его структуры, полноты и т. д.).

Неоднозначность в оценке психологического портрета личности продиктована также широтой его типологизации. Результаты проведенного теоретического анализа рассматриваемой проблемы свидетельствуют о том, что психологические портреты могут быть классифицированы по: целевому

назначению; категории специалистов, для которых они предназначены; количеству описываемых людей; исходной информации; способу получения информации; методу изучения личности; структуре; способу выделения структуры и т. д.

На основании анализа данных представленных в научной литературе следует вывод о том, что имеет место:

а) неоднозначность теоретико-методологических подходов к составлению психологического портрета личности у представителей различных научных школ;

б) широкий диапазон типологизации психологических портретов, который оказывает существенное влияние на формирование многовариативности в понимании процесса его составления и дальнейшего практического использования;

в) научная полемика относительно: структуризации, рефлексии, психологического моделирования, психологической интерпретации при составлении психологического портрета личности;

г) недостаточное освящение в научной литературе вопросов валидизации, релевантности психологического, социально-психологического портрета описываемой личности, группы и т. д. [1, с. 122-123].

В этой связи на практике специалисты-профессионалы используют эклектический подход, способствующий эффективному решению профессиональных задач.

На основании анализа практического опыта специалистов-профессионалов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность следует вывод о целесообразности, в процессе повышения квалификации вышеуказанной категории специалистов, использования:

современных эффективных ситуативно-образных психотехнологий, например, ситуативно-образного психорегулирующего тренинга и др.;

широкого перечня манипулятивных и антиманипулятивных психотехник, в основу которых заложены разнообразные стратегии профессионального общения;

банка описанных экстремальных ситуаций в оперативно-розыскной деятельности, включая современные данные;

современных тренинговых психотехнологий, направленных на обеспечение эффективности ролевой, этнокультурной, межкультурной коммуникативной компетентности специалистов;

ряда других специальных прогрессивных технологий обеспечивающих успешное решение профессиональных задач в рамках оперативно-розыскной деятельности [6].

На основании анализа данных, представленных в научной литературе, по обозначенной выше проблеме, полагаю целесообразным постановку ряда

взаимосвязанных теоретических и практических задач, требующих научного рассмотрения, в частности:

изучение опыта международного сотрудничества в сфере психологического обеспечения расследования преступлений, с учетом возникновения новых рисков, вызовов и угроз;

изучение международного опыта подготовки специалистов, аналогичного профиля профессиональной деятельности;

разработка (теоретико-методологического) подхода к формированию устойчивости специалистов, профессионального сообщества к многообразию приемов и методов целенаправленного информационно-психологического воздействия, включая манипулирование, которые могут быть использованы против них в информационном пространстве;

разработка (теоретико-методологического подхода) к совершенствованию психологического обеспечения расследования преступлений, с учетом возникновения новых рисков, вызовов и угроз национальной безопасности Республики Беларусь;

разработка (теоретико-методологического подхода) к формированию ролевой компетентности специалистов, с учетом современной специфики преступности в информационном пространстве;

разработка интегративного (теоретико-методологического) подхода к структуризации, рефлексии, психологического моделирования, психологической интерпретации при составлении психологического портрета личности, группы;

изучение валидации, релевантности психологического, социально-психологического портрета описываемой личности, группы и т. д.;

изучение опыта использования современных, эффективных ситуативно-образных психологических технологий (ситуативно-образного психорегулирующего тренинга и др.); широкого перечня манипулятивных и антиманипулятивных психотехник, в основу которых заложены разнообразные стратегии профессионального общения, в целях совершенствования коммуникативной компетентности специалистов для осуществления оперативно-розыскной деятельности.

В аспекте рассматриваемого вопроса необходимо подчеркнуть тот факт, что высокий уровень профессионализма указанной выше категории специалистов обеспечивает успех раскрываемости различного рода преступлений, тем самым способствует сохранению суверенитета и территориальной целостности государства.

Библиографический список

1. Национальная безопасность: информационно-психологическая безопасность, образование: монография / В.Ю. Арчаков [и др.]; под общ.

науч. ред. В.П. Вишневской, С.Н. Князева. – Минск : ГУО «ИПС РБ», 2018 – С.106-131.

2. Вишневская, В. П. Коммуникативная компетентность сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности (теоретические и практические аспекты): учеб. пособие / В. П. Вишневская, Е. И. Сутович. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГУО «ИПС РБ», 2014. – 201 с.

3. Цветков, В. Л. Психология оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. Л. Цветков, В. М. Шевченко, Н. Е. Шаматова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 255 с.

4. Верещак, А. В. Формирование готовности к профессиональному общению у курсантов вуза МВД РФ: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / А. В. Верещак. – Йошкар-Ола: Чувашский гос. пед. ун-т, 2010. – 22 с.

5. Беленько, И. А. Формирование умений профессионального общения у курсантов юридических вузов МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / И. А. Беленько. – Челябинск, 2005. – 26 с.

6. Вишневская, В. П. Совершенствование профессионального общения в ОРД / В. П. Вишневская // Тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции «Борьба с преступностью: теория и практика», (Могилев, 25 марта 2016): в 2-х ч. Ч. 1 / М-во внутр. дел. Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» : редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев. институт МВД, 2016. – С.330-333.

Горошко Е. Ю.
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ ЭКСПЕРТНОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

ГУО «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным
ситуациям Республики Беларусь»,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, Минск, Беларусь,
yzchs.goroshko@mail.ru

Анализируется процесс формирования методологических основ частной научной теории экспертного прогнозирования в контексте использования комплексного подхода; обозначаются основные направления его внедрения в целях повышения судебно-экспертной прогностической деятельности; определяется содержательный компонент комплексного подхода в экспертном прогнозировании при формировании данного направления как частной научной теории и как практической деятельности экспертов; уделяется внимание современным возможностям профилактики преступлений при помощи экспертных прогнозов

Ключевые слова: экспертное прогнозирование; комплексный подход; экспертный прогноз; судебная экспертиза; профилактика преступлений; частная научная теория.

Экспертное прогнозирование – активно развивающееся направление в современной судебно-экспертной деятельности, как в практическом ее сегменте, так и теоретическом. За последние десять лет подготовлен ряд научных работ, в том числе и диссертационных, в которых предпринимаются попытки научного обоснования методологических основ теории экспертного прогнозирования, предлагаются практические инструменты реализации данного направления, обосновываются технологии разработки экспертных прогнозов и т.д. Однако, исследователями, занимающимися формированием теории экспертного прогнозирования, вопросам комплексности внимания практически не уделяется. Очевидный факт, что комплексный подход, остается одним из фундаментальных методологических подходов при формировании любой частной научной теории, особенно в контексте развития общей теории судебной экспертизы. Он объективно обусловлен стремительным ростом и накоплением различных знаний и активными интеграционными процессами, происходящими в современной жизнедеятельности общества. Именно он обеспечивает судебно-экспертную науку и практику возможностями решения multifunctional сложных вопросов за счет адаптации инновационных знаний других наук под экспертные задачи. А.В. Дулов, проводя научные беседы в кругу своих учеников, утверждал,

что при формировании и развитии любого научного знания в области криминалистики и судебной экспертизы комплексный подход должен быть «в одном ряду» с базовыми фундаментальными методологическими теориями (материалистической диалектикой, теорией отражения, причинности и др.). Не снижают значимости комплексного подхода и современные криминалисты. Е.Ю. Хлопцева и Р.Р. Хаснутдинов подчеркивают «комплексный подход как проявление прогрессивного пути интеграции знаний всегда занимал значимое место в развитии криминалистической и судебной экспертизы. Как криминалистика, так и судебная экспертиза – пограничные области научных дисциплин. Ярким проявлением данной тенденции в области судебной экспертизы является активное использование комплексных знаний различного профиля, что послужило выходом в свет новых методов, методик экспертного исследования» [1]. Д.А. Кудряшов отмечает, что «комплексный подход позволяет создать более полную и адекватную картину исследуемого объекта (события), чем разрозненные, обособленные предметные подходы, что еще раз подтверждает эффективность проводимого исследования. Комплексность исследования, как правило, реализуется в отношении одного и того же объекта, благодаря чему достигается всесторонность его изучения» [2]. Представляется, что комплексный подход должен интегрироваться в систему знаний в рамках теории экспертного прогнозирования по двум направлениям:

научном – при формировании системы знаний относительно экспертного прогнозирования;

практическом – при разработке экспертных прогнозов.

Формирование экспертного прогнозирования в частную научную теорию базируется на современных инновационных решениях не только в криминалистике, общей теории судебной экспертизы, но и достижениях естественных наук, IT-сферы и т.д. Взяв за основу фундаментальные теоретические концепции различных областей знаний, переработав их с учетом стоящих перед прогнозированием целей и задач, сформировав на этом свою методологическую основу, теория экспертного прогнозирования трансформируется в четкую структурированную научную систему знаний, полноценную частную научную теорию. Комплексный подход обеспечит необходимый в данном контексте уровень интеграции. А.В. Дулов утверждал, что интеграционные процессы являются причиной не только развития криминалистики, но и обязательным условием появления в криминалистической науке новых направлений [3]. Успешное становление теории экспертного прогнозирования, представляется, находится в прямой зависимости от интеграционных процессов, происходящих между различными научными сферами, задействованными в борьбе с преступностью. Кроме того, комплексный подход при формировании

научной теории является залогом обоснованности и всесторонности изучения всех ее элементов. Очевидно, что научное ядро данной системы составляют положения криминалистики и теории судебной экспертизы, однако, что подлежит интеграции из других наук? Комплексный подход, представляется, и обеспечит глубокое междисциплинарное изучение объекта познания и возможности трансформации его в научную теорию экспертного прогнозирования.

В практической деятельности при формировании экспертных прогнозов комплексный подход предполагает изучение объекта прогнозирования различными инновационными технологиями и создание конечного результата – экспертного прогноза с возможностью высокоэффективной его реализации. Например, на протяжении последних лет учеными прогнозируется формирование новых видов экспертиз и направлений судебно-экспертной деятельности. Т.В. Аверьянова утверждала, что уже сейчас можно спрогнозировать новый вид экспертизы – «цифровая судебная экспертиза», что обусловлено активным внедрением в правоприменительную практику новых видов преступлений (цифровое мошенничество, кража криптовалюты и т.д.) [4]. С точки зрения комплексности, прогноз по формированию новых видов экспертиз должен включать позиции относительно планирования перспективных направлений подготовки экспертных кадров для выполнения данных экспертиз, разработки и совершенствования экспертных методик по проведению данных исследований в контексте появления новых объектов, возможности создания учетов и баз данных (например, «цифровых следов») и т.д. Комплексность при формировании экспертных прогнозов позволит учитывать все системные индикаторы, в том числе и выходящие за рамки теории судебной экспертизы и криминалистики.

Отмечу важную роль комплексного подхода в теории экспертного прогнозирования относительно профилактики преступлений. В целом прогнозирование в целях профилактики противоправных действий – современный тренд правоохранительной системы общества. Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Индия и другие страны активно применяют информационные системы и нейросети «в предугадывании преступного поведения потенциальных правонарушителей и их жертв, контроля за их поведением, используют их для анализа большого массива оперативной, справочной и процессуальной информации, установления связи серийных преступлений, контроля за лицами, условно осужденными, борьбы с киберпреступлениями» [5] и т.д. Комплексность при формировании экспертного прогноза позволит определить формы и методы профилактики того или иного явления, обеспечит стратегическое его изучение с учетом современного состояния преступности. Эксперт, исследуя тот или иной объект, при накоплении

достаточного объема знаний, может определить наиболее «слабые его места» и спрогнозировать перспективные направления его защиты. Например, еще недавно цилиндрические замки системы «ABLOY» наиболее часто вскрывались способом «проворота». Сегодня, заводом-изготовителем запирающая система данных замков усовершенствована: «конструктивно цилиндры ABLOY полностью исключают наличие пружин или штифтов, то есть механизм замка предельно невосприимчив к пыли и грязи. Минимальные размеры входного отверстия затрудняют злоумышленникам действия отмычкой. Причем для дополнительной защиты в замке предусматриваются ложные канавки, издающие при контакте с оружием взломщика щелчок, ошибочно принимаемый за правильное положение механизма» [6]. Экспертный прогноз, сформированный с учетом комплексного подхода, при помощи искусственных интеллектуальных нейронных сетей, может выявлять и индикаторы рисков относительно объектов преступления. Соответственно, искусственный интеллект позволит сформировать предложения по профилактике того или иного вида противоправного деяния. Например, кража электронных денежных средств. Анализируя способ совершения данного преступления при проведении исследования устанавливаются ненадежные системы электронных платежей, выявляются специализированные вредоносные программы, позволяющие получать доступ к денежным средствам в дистанционном формате и осуществлять их переводы на подконтрольные счета и т.д. [7]. Сегодня исследователи активно работают в данном направлении и предпринимаются попытки создания инновационных продуктов, помогающих в борьбе с преступностью. Например, языковая модель GPT-4. Разработчики констатируют, что «помимо прогнозирования преступлений, GPT-4 также может играть решающую роль в предупреждении преступности, выявляя потенциальные угрозы и риски до того, как они материализуются. Например, система GPT-4 может отслеживать платформы социальных сетей и онлайн-форумы, чтобы обнаруживать любые признаки потенциальной преступной деятельности. Оповещая правоохранительные органы об этих угрозах, GPT-4 позволяет им принимать быстрые меры для предотвращения совершения преступлений» [8].

Очевидно, комплексный подход в экспертном прогнозировании необходимо рассматриваться в качестве базового, фундаментального подхода при разработке прогноза. Создание частной научной теории экспертного прогнозирования без комплексного подхода невозможно. Он обогатит судебно-экспертную деятельность высокоинформативными интеллектуальными решениями, которые позволят идти «на шаг впереди» преступности.

Библиографический список

1. Хлопцева, Е. Ю. Современное состояние и перспективы развития комплексных судебных экспертиз / Е. Ю. Хлопцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №3-2 (42) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2020/04/Hloptseva.pdf>. – Дата доступа: 04.09.2024.
2. Кудряшов, Д. А. К вопросу о доказательственном значении комплексной судебной экспертизы / Д. А. Кудряшов // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №5. – С. 10–16.
3. Дулов, А. В. Теоретические предпосылки формирования методологии криминалистики / А. В. Дулов, Е. Ю. Горошко // Право.by. – 2009. – №3(5). – С. 121–124.
4. Аверьянова, Т. В. Прогнозировании в судебной экспертизе на современном этапе / Т. В. Аверьянова // Криминалистика и судебная экспертология: наука, обучение, практика : материалы XV Междунар. Конгресса, 19-21 сент. 2019 г., г. Каунас, Литовская Республика / Литовское общество криминалистов, Университет Миколаса Ромереса. – Каунас : Центр судебной экспертизы Литвы, 2019. – С. 124–137.
5. Гордеев, А. Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) / А. Ю. Гордеев // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 123–135.
6. Замки ABLOY с абсолютной защитой от взлома // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pro-locks.ru/articles/zamki-abloy-s-absolutnoj-zaschitoj-ot-vzloma>. – Дата доступа. – 04.09.2024.
7. Жулева, Е. С. Хищение электронных денег / Е. С. Жулева, В. К. Кулев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hischenie-elektronnyh-deneg/viewer>. – Дата доступа. – 04.09.2024.
8. GPT-4 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openai.com/chatgpt>. – Дата доступа: 04.09.2024.

Григорович В. Л., Ходасевич А. В.
**ПРОВЕДЕНИЕ ОСМОТРА И ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Проведен анализ порядка подготовки и проведения осмотра и обыска при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации. Рассмотрены процессуальные основания проведения указанных следственных действий. Предлагаются рекомендации для повышения эффективности результатов проведения осмотра и обыска и меры по обеспечению сохранности полученных данных.

Ключевые слова: компьютерная информация; модификация компьютерной информации; проведение обыска; проведение осмотра; хищение имущества путем модификации компьютерной информации; следственное действие, следы преступления.

Осмотр и обыск при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации являются важнейшими следственными действиями, которые проводятся на первоначальном этапе расследования хищения имущества путем модификации компьютерной информации. Информация, полученная в ходе осмотра и обыска, может содержать сведения о следах, позволяющих установить механизм совершения преступления. Поэтому качественное проведение осмотра и обыска при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации будет способствовать получению важной криминалистически значимой информации о преступлении.

Отметим, что исследования, посвященные порядку проведения осмотра и обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации, представлены в трудах Григоровича В. Л. и Ходасевич А. В. [1], Маркаряна Э. С. [2], Мельника Л. Л. [3–5], Шнейдеровой Д. И. [6, 7] и др.

Осмотр компьютерной информации при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации является одним из основных следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие цифровых следов.

Суть осмотра заключается в непосредственном исследовании следователем, лицом, производящим дознание, а также другими участниками следственного действия обстановки места происшествия; выявлении, изучении, фиксации и изъятии в установленном законом

порядке материальных объектов и следов на них с целью получения сведений и доказательств, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений, а также событий, содержащих признаки преступления [2, с. 146].

Объекты, подлежащие осмотру компьютерной информации при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации, можно разделить на следующие группы:

1. Технические устройства, в памяти которых сохранились электронно-цифровые следы преступления (мобильный телефон или иное компьютерное устройство потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), устройства, в памяти которых сохранились программы для доступа к интернет-банкингу потерпевшего; устройства с приложениями социальных сетей, удаленного доступа, мессенджерами, иными программами, которые использовались при совершении преступления; электронная почта; истории браузеров; флеш-карты; жесткие диски; диски).

2. Ресурсы сети Интернет, доступ к которым осуществляется удаленно (тематические форумы, социальные сети, торговые площадки).

В случае осмотра технического устройства, в памяти которого сохранились цифровые следы, основным исследуемым объектом является компьютерная информация, однако компьютерная информация в данном случае неотделима от технического устройства, соответственно необходимо прибегнуть к осмотру предметов и компьютерной информации.

При осмотре ресурсов в сети Интернет, доступ к которым осуществляется удаленно, вид осмотра будет определяться исходя из того, с какого устройства осуществляется осмотр. Если осмотр осуществляется со стационарного компьютера сотрудника правоохранительного органа, тогда следует прибегнуть к осмотру компьютерной информации, так как стационарный компьютер сотрудника правоохранительного органа не имеет отношения к материалам проверки либо уголовного дела. В случае, если осмотр производится с технического устройства, использующегося при совершении преступления, следует прибегнуть к осмотру предметов и компьютерной информации.

В соответствии с ч. 2 ст. 204-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), осмотр компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя либо которая содержит информацию о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, проводится только с согласия обладателя информации и в его присутствии или по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя. В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр компьютерной информации может быть проведен по постановлению

следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре.

Анализ положений ч. 2 ст. 204-1 УПК позволяет утверждать, что одним из оснований проведения осмотра компьютерной информации является согласие обладателя информации на проведение осмотра одновременно с его присутствием. Обратим внимание, что на практике обладатели информации в большинстве случаев не возражают против проведения осмотра, самостоятельно предоставляют логины, пароли от устройств, приложений, аккаунтов, однако высказывают мысль о нежелании личного присутствия при проведении следственного действия (невозможность прибытия, потеря личного времени). В связи с этим предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 204-1 УПК, указывающие на возможность вынесения постановления о проведении осмотра компьютерной информации в отсутствие обладателя информации при наличии письменного согласия последнего.

Кроме того, считаем необходимым рассмотреть ситуацию, когда технические устройства, в памяти которых сохранились электронно-цифровые следы преступления, изымаются при проведении несанкционированных выемки, обыска, осмотра места происшествия. При осмотре таких устройств сотрудник правоохранительного органа заранее не может знать о том, содержит ли накопитель информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Следовательно, во избежание признания полученного доказательства недопустимым, сотрудник правоохранительного органа вынужден получить согласие и привлечь к осмотру обладателя информации или вынести постановление и провести осмотр с санкции прокурора.

По нашему мнению, осмотр компьютерной информации должен быть проведен в соответствии с ч. 2 ст. 204-1 УПК в отношении: личных и служебных технических устройств, а также устройств, которые требуют аутентификации пользователя. Осмотр общедоступной компьютерной информации, а именно: компьютерных устройств, носителей информации, нереализованных торговыми сетями; видеозаписей с камер видеонаблюдения, установленных в местах общего доступа, а также содержащихся в республиканской системе мониторинга общественной безопасности; общедоступных интернет-ресурсов – новостных, развлекательных, личных страниц пользователей в социальных сетях, которые доступны для обозрения другим лицам, должен быть проведен без вынесения постановления о проведении осмотра компьютерной информации, санкции прокурора, а также согласия и присутствия обладателя информации [8].

Актуальным остается вопрос исследования и последующего осмотра информации, полученной в ходе проведения компьютерно-технической

экспертизы и экспертизы радиоэлектронных устройств. В рамках проведения исследования эксперт получает доступ, знакомится и копирует, в том числе, информацию о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено. При этом согласие и присутствие обладателя информации, получение санкции прокурора на проведение экспертизы не требуется. В связи с этим предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 204-1 УПК, указывающие на необходимость получения предварительного согласия обладателя информации на проведение экспертизы либо, в случае несогласия последнего, – получение санкции прокурора на проведение экспертизы.

Обыск по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации – неотложное следственное действие, проводимое, как правило, на первоначальном этапе расследования и направленное на поиск и изъятие объектов и цифровых следов, имеющих доказательственное значение для расследуемого уголовного дела, в рамках обследования помещений, иных мест [6].

Основной задачей проведения обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации является отыскание технических устройств, которые сохранили цифровые следы преступления.

Субъектный состав участников обыска белорусским уголовно-процессуальным законодательством конкретно не определен, позволяя следователю, лицу, производящему дознание, установить его самостоятельно.

В соответствии с ч. 4 ст. 210 УПК, в необходимых случаях при обыске участвует специалист.

В случае, если техническое устройство выключено, следователю, лицу, производящему дознание, не вызовет трудностей изъять данное устройство и в последующем произвести его осмотр. При изъятии включенного устройства с доступом к сети Интернет ситуация иная.

Так, например, в производстве Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь находилось уголовное дело №22121081265, возбужденное по ч. 1 ст. 212 УК Республики Беларусь. В рамках возбужденного уголовного дела в ходе проведения обыска сотрудником органа внутренних дел изъят планшет подозреваемого И. с активным сеансом интернет-соединения, а затем передан следователю. При этом, как впоследствии выяснилось, на планшете представляла интерес информация, содержащаяся в аккаунте И. в мессенджере «Телеграм». К осмотру планшета следователь преступил через некоторое время и при проведении следственного действия обнаружил, что аккаунт удален, то есть информация, имеющая значение для расследования уголовного дела, утрачена. В ходе допроса подозреваемый И. сообщил, что

в настройках его аккаунта мессенджера «Телеграм» он установил автоматическое удаление аккаунта при его неиспользовании на протяжении определенного времени [9].

Считаем, что не только в рассматриваемой ситуации, но и в каждом случае при проведении обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации необходимо привлекать специалиста.

Данная необходимость выявлена следующими причинами: во-первых, перед началом следственного действия следователь, лицо, производящее дознание, не могут обладать информацией о состоянии технических устройств, подлежащих изъятию и имеющих значение для расследования уголовного дела; во-вторых, у специалиста имеются необходимые принадлежности – наборы отверток, нужные упаковочные материалы, устройства для предотвращения внесения непреднамеренных изменений на жесткий диск; в-третьих, если в ходе обыска возникнет ситуация, при которой следователь, лицо, производящее дознание, выяснят, что не могут самостоятельно изъять либо копировать необходимую информацию, обыск придется окончить, так как приостановление обыска уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено.

Кроме того, при проведении обыска может возникнуть ситуация, при которой подлежащие изъятию технические устройства находятся во включенном состоянии с активным сеансом интернет-соединения, а на мониторе устройств отображается информация (например, переписка в мессенджерах с пособником, потерпевшим; открыты аккаунты подозреваемого в социальных сетях, мессенджерах, доступ к которым в последующем может быть не получен в связи с отказом подозреваемого предоставить логин и пароль), требующая незамедлительного осмотра из-за угрозы ее удаленного уничтожения, видоизменения.

Ч. 13-1 ст. 210 УПК устанавливает, что, при невозможности или нецелесообразности изъятия объекта, содержащего компьютерную информацию, при проведении обыска или выемки может осуществляться ее копирование (фиксация) в отображаемой форме, в том числе создание образа носителя компьютерной информации [8]. Данная норма предоставляет возможность копирования уже отобразившейся информации (например, открытой во вкладке браузера страницы с перепиской) либо копирование путем присоединения своего устройства и создание образа системы, жесткого диска только в случае невозможности или нецелесообразности изъятия объекта.

Таким образом, при возникшей необходимости проведения осмотра устройства, обнаруженного в ходе обыска, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, следователю, лицу, производящему дознание, необходимо соблюдать следующий порядок:

прекратить проведение обыска и приступить к осмотру компьютерной информации. Если предполагаемая информация связана с частной жизнью лица и подпадает под действие ч. 2 ст. 204-1 УПК, то на проведения такого осмотра необходимо согласие обладателя информации (в случае проведения обыска без санкции прокурора). Такое согласие подозреваемый может не дать, для последующего изъятия осмотренного устройства вновь потребуется вынесение постановления о проведении обыска.

Такой процессуальный порядок значительно затягивает время проведения следственных действий, в связи с чем, по нашему мнению, для обеспечения процессуальной возможности проведения осмотра компьютерной информации при проведении обыска в случаях, не терпящих отлагательств, предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 210 УПК.

Обратим внимание, что на практике также возникают ситуации, когда в ходе обыска при изъятии технических устройств зарядные устройства к ним не изымаются. В случае, если изъятое техническое устройство новой марки и (или) модели, зарядное устройство к нему у следователя, эксперта может отсутствовать. В связи с этим вместо осмотра необходимо прибегать к проведению компьютерно-технической экспертизы, что существенно затягивает срок получения необходимой информации.

В ходе проведения обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации важно обращать внимание не только на технические устройства. Важно установить наличие: документов (блокнотов, записей и т.д.), которые могут содержать в себе информацию о логинах, паролях, реквизитах банковских платежных карт; бумажных криптокошельков; банковских платежных карт. Указанные объекты также будут способствовать получению важной для расследования дела информации, в том числе позволяющей получить доступ к техническим устройствам.

На основании изложенного отметим, что, осмотр и обыск являются важнейшими инструментами установления обстоятельств расследуемого события и главными процессуальными способами изъятия вещественных доказательств по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации [2, с. 146].

Таким образом, можно отметить, что, в связи с тем, что компьютерная информация содержит информацию о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, а также в связи с тем, что доступ к компьютерной информации осуществляется посредством аутентификации пользователя, законодатель выделил ее осмотр в самостоятельное следственное действие и установил порядок его проведения. При этом специфика такого следственного действия не была

учтена в полном объеме. С целью устранения возникающих противоречий предлагаем:

1. В случае наличия письменного согласия обладателя информации на проведение осмотра компьютерной информации проводить осмотр такой информации в отсутствие последнего с вынесением при этом постановления о проведении осмотра компьютерной информации в отсутствие обладателя информации.

2. При направлении технического устройства, в памяти которого сохранились электронно-цифровые следы преступления, для проведения компьютерно-технической экспертизы и экспертизы радиоэлектронных устройств, получать предварительное согласие обладателя информации на проведение экспертизы либо, в случае несогласия последнего, – получать санкцию прокурора на проведение экспертного исследования.

Кроме того, по нашему мнению, при проведении обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации во всех случаях необходимо привлекать специалиста. Это позволит надлежащим образом изъять обнаруженные технические устройства, а также не утратить информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела.

С целью обеспечения процессуальной возможности проведения осмотра компьютерной информации при проведении обыска в исключительных случаях, не терпящих отлагательств, предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 210 УПК.

Библиографический список

1. Григорович, В. Л. Проведение обыска при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации [Электронный ресурс] / В. Л. Григорович, А. В. Ходасевич // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XII Международной научно-практической конференции (Могилев, 19 апреля 2024 года) / МВД Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Лубенков (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2024. – С. 194–197.

2. Маркарян, Э. С. Специфика проведения следственного осмотра при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют / Э. С. Маркарян // Актуальные проблемы российского права, 2018. – № 6 (91). – С. 146–152.

3. Мельник, Л. Л. Осмотр компьютерных систем / Л. Л. Мельник // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции, 2020. – № 13. – С. 280–287.

4. Мельник, Л. Л. О некоторых аспектах рабочего этапа обыска при расследовании преступлений, совершенных с использованием токенов и электронных денег / Л. Л. Мельник // Вестник Академии МВД Республики Беларусь, 2022. – С. 147–152.

5. Мельник, Л. Л. Особенности проведения обыска при расследовании преступлений против информационной безопасности [Электронный ресурс] / Л. Л. Мельник // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей / МВД Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2020 – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/4551/1/melnik.pdf. – Дата доступа: 14.09.2024.

6. Шнейдерова, Д. И. Обыск по уголовным делам о хищениях в сфере оборота криптовалют: тактические и процессуальные проблемы [Электронный ресурс] / Д. И. Шнейдерова // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. – Могилев, 2023.

7. Шнейдерова, Д. И. Особенности тактики проведения осмотра по делам о хищениях в сфере оборота криптовалют: подготовительный этап [Электронный ресурс] / Д. И. Шнейдерова // Проблемы выявления и раскрытия мошенничеств, совершаемых в сети Интернет: материалы междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 14 октября 2022 г. / ООНИиРИР Алматинской академии МВД Республики Казахстан; редкол. А. М. Сайтбеков (гл. ред.) [и др.]. – Алматы, 2022. – С. 107–111.

8. Пянтковский, Г. Р. Уголовно-процессуальный порядок получения доступа к компьютерной информации [Электронный ресурс] / Г. Р. Пянтковский, П. В. Седых // Вестн. Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2021. – № 2 (4). Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/5961/1/pjantkovskij.pdf. – Дата доступа: 12.09.2024.

9. Архив Фрунзенского (г.Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь за 2022 г. – Уголовное дело № 22121081265.

Дедковский А. А.
КРИПТОПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ХАРАКТЕРИСТИКА
ОТДЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, д. 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь,
a.dziadkouski@gmail.com

Представлено авторское определение категории «криптопреступление», выявлены и описаны типичные сведения, образующие криминалистическую характеристику криптопреступлений: личность криптопреступника, способ совершения преступления, способ легализации преступных доходов (через криптосервисы), предмет преступного посягательства, следования картина, обстановка совершения преступления. Определены основные направления развития криптопреступности.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; криптопреступление; виртуальные следы; электронно-цифровая информация; криптовалюта; токен; блокчейн.

Анализ правоприменительной практики Республики Беларусь свидетельствует о том, что состояние преступности характеризуется не просто ростом киберпреступлений, а фактическим стиранием границ, разделявших их с иными традиционными для нашего общества преступлениями. Появление в Республике Беларусь новых способов совершения криминальных деяний, связанных с использованием криптовалют, в настоящее время характерно не только для преступлений против собственности (хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), вымогательство (ст. 208 УК), мошенничество (ст. 209 УК) и компьютерной безопасности (несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК), уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации (ст. 350 УК), неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК), разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств (ст. 354 УК), но и таких предикатных к легализации (отмыванию) средств, полученных преступным путем преступлений, как незаконный оборот наркотических средств (ст. 328 УК), изготовление и распространение порнографических материалов (в том числе с изображением несовершеннолетнего) (ст.ст 343 УК, 343-1 УК), организация незаконной миграции (ст. 371-1 УК), и др. С учетом высокой латентности таких

преступлений и отсутствия целенаправленного учета, в 2023 году возбуждено более 1000 уголовных дел, по которым фигурирует криптовалюта если ни как предмет преступного посягательства, то как средство достижения преступного результата [1].

Отсутствие единого универсального подхода к определению криптовалюты, а равно бессистемное участие банковской системы в криптовалютных транзакциях стимулирует преступников на создание и развитие сервисов по конвертации криптовалюты в фиатную валюту. В итоге именно эти сервисы и становятся основными звеньями в системе легализации преступных доходов. Так, по оценкам специалистов, более 20% всех поступающих на конвертацию криптовалют приходили непосредственно из незаконных источников. С помощью криптовалют сегодня легализуются практически все виды нелегального дохода. Преступники используют анонимность блокчейна, чтобы скрыть источники незаконных средств и конвертировать их в наличные, которые затем могут быть заведены в легальный оборот через банковскую систему. Согласно «Отчету о криптопреступности за 2024 год» от Chainalysis, за 2023 год суммарно через криптовалюту было легализовано более 22 млрд долларов [2].

В научном сообществе на такой феномен, как криптовалюта имеются разные, иногда противоположные взгляды. Одни ученые полагают, что биткоины могут быть использованы исключительно для перевода на другой биткоин-адрес [5, с. 45], другие олицетворяют криптовалюту с электронными деньгами [3, с. 201], что не совсем верно, как в техническом, так и финансово-экономическом аспектах, а по мнению третьих, развитие криптовалют может значительно снизить контроль и эффективность существующих механизмов регулирования на национальном уровне и создать реальную угрозу экономической безопасности любого государства [4, с. 86].

Качественным отличием традиционных преступных посягательств от деяний, механизм которых предусматривает использование ИТ-технологий является возможность совершения последних удаленно, без физических контактов соучастников. Вследствие чего следовая картина таких преступлений обретает определенную специфичность и традиционных криминалистических средств и методов для собирания полноценной доказательственной базы уже недостаточно. Не являются в этом исключением и преступления, по которым в качестве предмета, средства совершения или сокрытия выступают криптоактивы, (далее – «криптопреступление»), в т. ч. криптовалюта, крипто-облигации.

Под криптопреступлением в контексте настоящего исследования предлагается понимать совокупность общественно опасных деяний, в ходе совершения которых в качестве предмета преступного посягательства, средства совершения или сокрытия преступления выступают криптоактивы

(криптовалюта, крипто-облигации и иные формы цифровых финансовых активов).

На основании изложенного классифицировать криптопреступления можно на две основные группы:

Общественно опасные деяния, в ходе совершения которых в качестве предмета преступного посягательства выступают криптоактивы. К таким преступлениям можно отнести хищения, наиболее распространёнными формами которых применительно к криптопреступлениям являются хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК), вымогательство (ст. 208 УК), мошенничество (ст. 209 УК); взяточничество (ст.ст. 430-432 УК); незаконное вознаграждение (ст. 433 УК), когда криптоактивы передаются в качестве предмета взятки.

Общественно опасные деяния, в ходе совершения которых средства совершения или сокрытия преступления выступают криптоактивы: легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК); изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 221 УК), незаконный оборот наркотических средств (ст. 224 УК), взяточничество (ст.ст. 430-432 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК) и др., при совершении которых криптоактивы как средство оплаты используются для сокрытия преступления; мошенничество (ст. 209 УК), когда привлекаются фиатные деньги потерпевших для приобретения криптоактивов.

Качество и полнота расследования данной категории уголовных дел во многом зависят от понимания следователем наряду с классическими элементами криминалистической характеристики преступлений (личность преступника, способ совершения преступления, предмет преступного посягательства, механизм следообразования, обстановку совершения преступления) основополагающих принципов блокчейн-технологий, криптовалютной экосистемы, технической и правовой природы криптовалют, точек соприкосновения криптоиндустрии с привычным нам фиатным финансовым миром.

Анализ правоприменительной практики позволяет смоделировать типичный портрет криптопреступника:

- лицо мужского пола в возрасте от 20 до 40 лет;
- к уголовной ответственности ранее не привлекался;
- обладает высоким интеллектом, способен принимать быстрые решения;
- материально обеспечен (с достатком на уровне среднего или выше среднего);
- не состоит в браке, не имеет детей;

– имеет достаточный опыт работы в сфере информационных технологий;

– работник, добросовестно исполняющий свои обязанности, имеющий устойчивый статус в глазах окружающих людей, любящий работать в уединенной атмосфере, для решения рабочих вопросов до конца часто задерживающийся и редко использующий отпуск.

Немаловажной особенностью такой личности выступает информационно – технические навыки преступной деятельности в удаленном от места происхождения месте, корыстный мотив при решении задач, склонность к творческим открытиям при разработке преступных схем, а также в некоторых случаях, способность вызывать доверие у людей.

При совершении «криптопреступления» применяются следующие наиболее типичные способы:

– использование фейковых (поддельных) электронных кошельков. Потерпевшие, покупая товар или услуги на популярных сервисах, перечисляют деньги на фишинговые кошельки, имеющие другие адреса, посредством использования преступниками вирусных программ;

– создание фишинговых сайтов (или сайтов-копий) популярных ресурсов. Так, популярным способом хищения криптовалюты на данный момент является технология фишинга (phishing), не предусматривающая контакта злоумышленника и жертвы, в основе которой находится рассылка писем на электронную почту владельцев криптовалюты о том, что они якобы стали победителями какой-либо акции. Если владелец переходит на свой кошелек по ссылке, отраженной в этом письме, его данные отсылаются злоумышленникам. Далее единицы криптовалюты потерпевшего без его ведома перемещаются на электронные кошельки, подконтрольные виновным, причем нередко производится коррекция страниц с историей доступного баланса с целью скрыть хищение [6, с. 173];

– краудинвестиционные проекты. Развитие новой модели коллективного инвестирования (ICO, IPO и др.) привело к появлению мошеннических компаний, собирающих с потерпевших средства в криптовалюте, заведомо не имея цели заниматься предпринимательской деятельностью;

– создание инвестиционных фондов, работающих с использованием криптовалюты.

Обращает на себя внимание широкий спектр способов легализации преступных доходов через криптосервисы. Как правило, отмывание денег осуществляется:

1) посредством использования одноранговых транзакций «человек - человек»;

2) применения биткойн-автоматов (крипто-матов, криптотерминалов); отсутствие системы идентификации клиента делает эти устройства

чрезвычайно популярными среди преступников даже несмотря на высокую комиссию транзакций (10-15%);

3) использования смесителей (микшеров), позволяющих запутывать цепочки транзакций;

4) через нелегальные обменные сервисы (В последнее время их популярность стремительно растет. По данным международных экспертов, больше всего «грязных» денег было отмыто через конвертацию валют в странах Европы. В страновом срезе можно заметить интересную закономерность: больше всего «грязных» денег проходит через офшорные юрисдикции, на втором месте - Европа, на третьем - Азия. Список замыкает Африка: на этом континенте сервисы по конвертации практически не развиты. Показательно и то, что до введения в Китае запрета на оборот криптовалюты именно Азия занимала лидирующее положение в рейтинге по отмыванию преступных доходов с использованием криптовалюты. Положительное изменение динамики этих преступлений в Китае является свидетельством того, что криминальный рынок криптовалют чувствителен к нормативному регулированию);

5) популярность приобретает легализация преступных доходов через азартные онлайн игры; по мнению экспертов, именно через смесители и онлайн игры в год отмывается более 78% грязных виртуальных денег [7].

Предмет преступного посягательства характеризуется рядом признаков – экономический (стоимость), физический (материальность), юридический (принадлежность другому лицу). Экономический признак криптовалюты заключается в наличии определенного курса токена к официальным валютам. Токены являются и средством платежа за обычные товары или услуги. Так, Legal Prime GS Consulting, Subway, Amazon, Ebay и ряд других организаций принимают к оплате биткойны. Юридический признак состоит в принадлежности криптокошельков конкретному лицу и проявляется через специфическую форму криптовалюты – цифровой код. Более сложный вопрос с физическим признаком, поскольку предмет материально должен быть очерчен в пространстве (т.е. должен находиться в твердом, жидком или газообразном состоянии, быть одушевленным или неодушевленным). Вместе с тем, в современной уголовно-правовой литературе все чаще стал обсуждаться вопрос о том, что объекты права собственности в условиях современного информационного общества не обязательно должны иметь материальную природу, потому как отношениям собственности в юридическом и экономическом смысле подвержены и нематериальные блага.

Следовая картина криптопреступления непосредственно коррелирует с спецификой средств совершается рассматриваемого преступления – следы представляют собой совокупность материально-фиксированных и виртуальных следов, первые – это отпечатки пальцев на устройствах

периферии, элементах системного блока, вторые – на жестких дисках компьютеров, в истории браузеров, в истории точек восстановления системы, «кэше», cookie-файлы. Виртуальные следы представляют собой зафиксированное в виде цифрового образа формальной модели изменение состояния информации в памяти абонентских электронных устройств (терминалов, биллинговых систем и т.п.), вызванное алгоритмом установленного программного обеспечения и связанное с событием преступления.

Представляется, что следы при расследовании преступлений в данной сфере имеют решающее значение, так как в большинстве случаев являются единственным источником информации и играют немаловажную роль при диагностике, позволяющей восстановить механизм совершения преступления.

В этой связи следователю необходимо:

- знать и понимать основополагающие принципы блокчейн-технологий, криптовалютной экосистемы, технической и правовой природы криптовалют;

- уметь осуществлять поисково-следственную работу в DarkWeb (сервисы – <https://www.producthunt.com/posts/this-person-does-not-exist> или <https://thispersondoesnotexist.com/>; <https://www.mightycall.com/virtual-phone-number/>; <https://www.virtualphone.com/>);

- использовать возможности открытых ресурсов, например, биткойн-платформы: Blockchain.com, Blockchain.org;

- ориентироваться в листинге торговых онлайн площадок в DarkWeb – <https://www.thedarkweblinks.com/> и Dark.fail (для анализа криптотранзакций целесообразно использовать бесплатный софт wallethexplorer.com, который позволяет установить принадлежность кошелька к бирже, сервису или пулу; для анализа транзакций при наличии информации о биткойн-адресе преступника, мест нахождения криптовалютных банкоматов (Coinatmradar.com);

- уметь определять IP-адресов (ripe.net);

- взаимодействовать с IT-компаниями, финансовыми регуляторами (НацБанк, МинФин) по разработке механизмов обнаружения финансовых следов вывода криптовалют в фиат.

Специфична и обстановка совершения «криптопреступления» – виртуальное кибернетическое пространство. Особенностью его является то, что в результате использования информационных сетей (проводных и беспроводных технологий) в одном преступлении одновременно могут быть задействованы множество компьютеров. Соответственно находиться эти компьютеры могут в пространственно удаленных друг от друга местах и даже в разных государствах. Место «криптопреступления» характеризуется двумя составляющими: местоположением в реальном

пространстве (роль индивидуализирующей информации играет адрес местонахождения физического лица, организации, используемых ими аппаратно-программных средств) и местоположением, которое постоянно отождествляется в локальной и глобальной сети с уникальным номером – IP-адресом.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

Под криптопреступлением предлагается понимать совокупность общественно опасных деяний, в ходе совершения которых в качестве предмета преступного посягательства, средства совершения или сокрытия преступления выступают криптоактивы (криптовалюта, крипто-облигации и иные формы цифровых финансовых активов).

Классифицировать криптопреступления можно на две основные группы:

– Общественно опасные деяния, в ходе совершения которых в качестве предмета преступного посягательства выступают криптоактивы. К таким преступлениям можно отнести хищения, наиболее распространёнными формами которых применительно к криптопреступлениям являются хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК), вымогательство (ст. 208 УК), мошенничество (ст. 209 УК); взяточничество (ст.ст. 430-432 УК); незаконное вознаграждение (ст. 433 УК), когда криптоактивы передаются в качестве предмета взятки.

– Общественно опасные деяния, в ходе совершения которых средства совершения или сокрытия преступления выступают криптоактивы: легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК); изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 221 УК), незаконный оборот наркотических средств (ст. 224 УК), взяточничество (ст.ст. 430-432 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК) и др., при совершении которых криптоактивы как средство оплаты используются для сокрытия преступления; мошенничество (ст. 209 УК), когда привлекаются фиатные деньги потерпевших для приобретения криптоактивов.

Систему характерных криминалистических признаков, образующих криминалистическую характеристику «криптопреступлений», составляют описанные выше личность криптопреступника, способ совершения преступления, способ легализации преступных доходов (через криптосервисы), предмет преступного посягательства, следования картина, обстановка совершения преступления.

Следовая картина преступлений, по которым в качестве предмета или средства выступают криптоактивы, в т. ч. криптовалюта, крипто-облигации, является весьма специфичной и традиционных криминалистических средств и методов для собирания полноценной доказательственной базы

уже недостаточно. Модернизированные схемы достижения преступниками преступного результата свидетельствуют о необходимости постоянного системного совершенствования криминалистических средств и методов выявления, фиксации и сохранения следов преступления, формирования доказательственной базы в новых, виртуальных условиях. Неотъемлемой частью организации следственной работы по расследованию преступлений в отношении криптовалют либо с ее использованием является мониторинг развития криптоиндустрии, появляющихся на рынке IT-продуктов в области криптоанализа, ситуационного анализа активности в DarkWeb и их применения при разработке уголовно-процессуальных и криминалистических средств противодействия использованию криптовалют в преступных целях.

Библиографический список

1. Статистика МВД Республики Беларусь [электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.mvd.gov.by/ru/page/statistika](http://www.mvd.gov.by/ru/page/statistika). – Дата доступа: 04.08.2024.
2. Как криминальный мир использует криптовалюту [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knife.media/cryptocriminal>. – Дата доступа: 07.08.2024.
3. Ёлохова, И. В. Подходы к определению правового статуса криптовалют в ведущих странах мира / И. В. Ёлохова, М. И. Ахметова и др. / Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. – №1 (5). – 2019. – С. 201–209.
4. Сильченков, И. А. Криптовалюта как современный вызов экономической системе безопасности государства / И. А. Сильченков // Научный вестник ЮИМ. – №3. – 2019. – С. 83–87.
5. Урбан, П. Д. Криптовалюта как новое явление в преступном мире / П. Д. Урбан, А. Г. Корчагин // Теология. Философия. Право. – №1 (5). – 2018. – С. 43–51.
6. Рубцова, А. С. Криптовалюты : предмет и средство совершения преступления / А. С. Рубцова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – № 12 (52). – 2018. – С. 172–181.
7. Криптопреступность как новое криминологическое явление [электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// https://cyberleninka.ru/article](http://https://cyberleninka.ru/article). – Дата доступа: 14.08.2024.

Джуманбетова А. А.

ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДИКИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ «ЗАКАЗНЫХ» УБИЙСТВ

Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр 13, 119234, Москва, Россия,
a.dzhumanbetova@law.msu.ru

Обзор методики расследования и криминалистической характеристики «заказных» убийств с целью демонстрации их значимости для практики расследования.

Ключевые слова: методика расследования; криминалистическая характеристика; «заказные» убийства; убийства по найму.

В современной криминалистике нередко принижается, а местами и вовсе считается излишней разработка методик расследования отдельных видов преступлений, в том числе криминалистических характеристик отдельного вида преступлений. Однако вспомним, что предметом криминалистики является выявление закономерностей. И именно в группе однородных преступлений, несмотря на индивидуальность каждого из них, проявляются общие признаки = закономерности, которые позволяют следователю на первоначальном этапе сориентироваться.

Как отмечают авторы учебников по криминалистике и ученые-криминалисты, все заказные убийства имеют определенный комплекс общих черт, общих признаков, что позволяет определить особенности возбуждения дел о преступлениях этого вида, выявить типичные версии, возникающие при расследовании этих преступлений, определить характер и задачи первоначальных и последующих следственных действий и т.д., т.е. разработать методику расследования этого вида преступлений [1, 2, 3].

Целью методики расследования преступлений любого вида, в том числе применительно к расследованию «заказных» убийств, является вооружение следователя новейшими, разработанными рекомендациями и методическими приемами, направленными на повышение эффективности и качества работы следственного аппарата по раскрытию и расследованию преступлений [4], что в конечном итоге способствует решению задач «охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств..., а также предупреждение преступлений» [5].

Методика расследования преступлений синтезирует достижения криминалистической науки, техники и тактики применительно к задачам и особенностям расследования конкретного вида преступлений.

Правильно составленная, научно обоснованная методика расследования преступлений, базирующаяся на передовом опыте следственной работы и современных достижениях криминалистики, позволяет следователю наиболее эффективно и быстро решать задачи раскрытия преступления, рационально организовать расследование, способствует предотвращению возможных упущений, ошибок и непроизводительных затрат времени, облегчает полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела [4].

Согласно учебникам криминалистики [6], методика расследования каждого вида преступления и в том числе «заказных» убийств, должна отвечать следующим основным требованиям:

- строго соответствовать нормам законности и обеспечивать полное и объективное выявление и исследование всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу;

- основываться на наиболее передовом, научно обобщенном опыте следственной работы и достижениях криминалистики;

- отражать опыт взаимодействия следователей и оперативных работников по расследованию и предотвращению преступлений, формы использования следователем помощи общественности и специалистов [2, 3, 7].

И да, необходимо понимать, что методика расследования, как и криминалистическая характеристика не являются строгим алгоритмом расследования, а представляют собой рекомендации, где приводятся общие закономерности характерные для данного вида преступлений.

Криминалистика исходит из индивидуальности каждого преступления и лиц, его совершивших, что обуславливает индивидуальность путей установления истины. Однако индивидуальный характер совершаемых преступлений и специфика расследования каждого уголовного дела не означает, что отсутствуют положения, общие для расследования всех преступлений того или иного вида [3, с. 81].

Методика расследования конкретного вида преступления, в том числе заказного убийства, предусматривает:

- определение обстоятельств, подлежащих установлению по расследованию данного вида преступлений, на основе его уголовно-правовой характеристики и задач органов расследования по борьбе с ним;

- определение особенностей возбуждения данной категории дел, общих версий, возникающих в начале расследования, круга первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий применительно к данному виду преступлений. Изложение тактики и использования про этом средств криминалистической техники;

- определение особенностей планирования расследования, круга и тактики проведения последующих следственных действий и связанных с

ними оперативно-розыскных мероприятий, направленных на полное раскрытие преступления и возмещение причиненного им ущерба;

определение мер по устранению причин и условий, способствующих совершению преступления данного вида и рекомендаций по их проведению [3, с. 84].

Убийство по найму – это умышленное и, как правило, профессионально подготовленное лишение жизни заранее намеченного гражданина. Исполнители таких убийств, совершая преступление за оговоренную плату, не бывают их инициаторами. Про этом заказчики преступления редко вступают в непосредственный контакт с наемниками; обычно они действуют через посредников [1, 8].

Согласно мнению Бурдановой В. С., Гуняева В. А., Пелецкой С. М., в подавляющем большинстве случаев само событие убийства по найму имеет очевидный, явный характер [1]. Оно направлено не только на ликвидацию определенного человека, но и на запугивание связанных с ним людей, а иногда имеет цель повлиять на процесс принятия решений органами местной власти.

По мнению Ищенко Е.П., Топоркова А.А., первоначальный этап расследования «заказных» убийств, как правило, осложняется острой нехваткой данных о важнейших обстоятельствах произошедшего, подлежащих установлению и доказыванию. Наибольший дефицит информации связан с установлением заказчиков, посредников и конкретных исполнителей убийств. Для его восполнения следователь и взаимодействующие с ним лица обращаются к различным источникам криминалистической информации, в частности к перечню обстоятельств, подлежащих установлению. Последний аккумулирует данные о типовых признаках деликта, обстановке, времени, месте, способе совершения таких убийств, о наиболее вероятном местонахождении источников доказательств, типологических чертах личности и поведения потерпевших, а также о корреляционных связях между названными элементами [2, с. 153].

Ищенко Е.П., Топорковым А.А. была разработана криминалистическая характеристика «заказных» убийств, которая актуальна и сегодня, и на которую мы приведем далее [2].

Способ совершения преступления – одно из наиболее информативных обстоятельств дела, чье исследование позволяет значительно ускорить раскрытие убийств, осуществляемых наемниками. Наиболее результативен метод раскрытия преступлений «от способа совершения - к исполнителю убийства, а от него - к другим участникам криминального деяния», но лишь про отлаженной системе информационного обеспечения деятельности органов следствия и дознания.

Место совершения большинства «заказных» убийств – это дворы и подъезды жилых домов, лестничные клетки, лифты. Весьма

распространены и подъезды зданий с офисами потерпевших, автостоянки, улицы, по которым обычно следуют автомашины намеченных жертв, а также территории около входа в учреждения.

Третье место по частоте совершения данных убийств занимают рестораны, бары, казино, ночные клубы и другие увеселительные заведения, а также примыкающие к ним территории. Четвертая позиция - квартиры и дачи жертв преступления, их друзей и знакомых, а также служебные кабинеты потерпевших или их партнеров и коллег по бизнесу, в том числе криминальному.

Время совершения «заказных» убийств. Большинство преступлений рассматриваемой категории совершается в утренние или вечерние часы, когда потерпевшие либо идут на работу/по делам или возвращаются после рабочего дня.

Типовые данные о потерпевших позволяют выделить следующие основные группы жертв преступлений (расположены по частоте посягательств):

- 1) руководители различных коммерческих структур (акционерных обществ, банков, других финансово-кредитных учреждений, торговых комплексов, промышленных предприятий, строительных фирм и др.);
- 2) лидеры криминальных группировок, «воры в законе», другие авторитеты уголовной среды;
- 3) сотрудники правоохранительных органов (МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговых служб, таможенного ведомства);
- 4) представители органов государственной власти и управления, активные члены политических партий и общественных движений;
- 5) работники средств массовой информации.

Испытанный алгоритм раскрытия убийств – «от потерпевшего к виновному» имеет здесь особо важное значение. Поэтому установление всех данных о личности убитого, его занятиях, образе жизни, связях, в том числе и неявных, ближнем и дальнем окружении позволяет определить оптимальные пути расследования, быстро и успешно отработать следственные версии. Круг субъектов, заинтересованных в ликвидации потерпевшего, может быть значительным, однако поверхностная проверка версий совершенно недопустима [2, с. 341].

Как отмечают Ищенко Е.П., Топорков А.А., сложность выявления всех связей убитого состоит в том, что они зачастую ведут в криминальные структуры. Активно действуя в теневой экономике, иных сферах преступной и полупреступной деятельности, потерпевшие редко афишируют имеющиеся там отношения и интересы. Выявление всех этих обстоятельств позволяет установить непосредственный мотив «заказных» убийств, раскрыть преступление, действуя «от потерпевшего – к мотиву убийства, а затем к заказчику и другим участникам содеянного» [2, с. 154].

Наемные убийцы часто могут быть установлены только после выявления заказчика, организатора и посредника. Однако возможно и обратное направление в раскрытии, когда первым установленным членом криминальной группы будет наемный убийца.

Типичные исполнители убийств по найму – мужчины в возрасте от 20 до 35 лет. Однако в подготовке посягательств и оказании помощи киллерам иногда участвуют и женщины. Более того, в последнее время они все чаще принимают непосредственное участие в убийствах. Это тревожная тенденция, ибо специалисты-психологи утверждают, что восстановить с помощью, например, фоторобота внешность женщины гораздо сложнее, поскольку свидетели-мужчины обычно запоминают не черты лица, а фигуру незнакомки, а очевидцы-женщины – ее одежду и обувь [9, с. 72]. Большинство наемников-профессионалов часто меняет место жительства, используя, как правило, целый набор поддельных документов. Многие из них поддерживают спортивную форму, особенно в стрельбе. Наемные убийцы, как правило, – решительные, волевые, замкнутые люди, в меру пьющие, осторожные в выборе друзей, круг которых резко ограничен.

Таким образом, мы видим, что разработка криминалистической характеристики «заказных» убийств и его постоянная актуализация могут помочь следователю на начальном этапе расследования для успешного раскрытия и установления личности преступника.

Библиографический список

1. Бурданова, В. С. Расследование убийств, совершенных по найму: учеб. пособие / В. С. Бурданова [и др.]; под общ. ред. В. С. Бурдановой. – СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ, 1997. – 40 с.
2. Ищенко, Е. П. Криминалистика: учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков; под ред. Е.П. Ищенко. – М.: Инфра-М, 2005. – 743 с.
3. Аверьянова, Т. В. Криминалистика / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин. – М.: Норма, 2012. – 740 с.
4. Яблоков, Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории / Н. П. Яблоков. – М.: МГУ, 2000. – С. 3-13.
5. Криминалистика: учебник / И. М. Комаров [и др.]; под ред. И. М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 712 с.
6. Бахин В. П. Особенности расследования заказных убийств / В. П. Бахин. – Симферополь, 2009. – 85 с.
7. Криминалистика: учебник / Под общ. редакцией В. П. Сальникова, И. А. Возгрина. – СПб.: Фонд «Университет», 2008. – 712 с.

Дьяконова О. Г.
ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
125993, ул. Садовая-Кудринская ул., дом 9, Москва, Россия,
oxana_diakonova@mail.ru

В статье рассматриваются ограничения при использовании специальных знаний в виде судебной экспертизы в судопроизводстве. Такими пределами могут выступать в первую очередь научность, как комплексный критерий, включающий совокупность признаков, характеризующих судебную экспертизу, а также необходимость в использовании специальных знаний и констатация невозможности и нецелесообразности установления обстоятельств с помощью других средств доказывания. Автор ссылается на прогностические мысли А.В. Дулова, остающиеся актуальными и по сей день.

Ключевые слова: судебная экспертиза; специальные знания; пределы использования специальных знаний; судопроизводство; эксперт.

Судебная экспертиза выступает одним из наиболее часто используемых средств доказывания по большинству уголовных дел, многим гражданским делам, рассматриваемым в рамках гражданского и арбитражного процесса, а также назначается и производится в административном судопроизводстве. Заключение судебного эксперта нередко негласно придается «высшая» сила в сравнении с другими видами доказательств. Порой не оправдано следователи и судьи отвергают другие доказательства, содержащие сведения, противоречащие изложенным в заключении судебного эксперта.

Сложившаяся судебная практика свидетельствует о повышенном доверии к заключению судебного эксперта, что фактически подтверждает возрождение концепции «эксперт – научный судья» (К. Миттермайер, Л.Е. Владимиров). Дискуссия ученых о такой роли эксперта в судопроизводстве периодически возникает, но *de jure* эксперт не признается научным судьей, а *de facto* лица, ведущие процесс, во многом полагаются на мнение эксперта – выводы, основанные на проведенном исследовании, фактически возводя его в ранг «научного судьи». Но, полагаем, точка в академической дискуссии пока не поставлена и представление аргументов ученых за и против предоставления эксперту роли научного судьи еще не завершено [3].

Не углубляясь в аргументацию, отметим, что концепция «эксперт – научный судья» является весьма жизнеспособной, прежде всего потому, что такой подход позволяет лицам, ведущим процесс, «разделить» ответственность за выносимое по делу решение между собой и экспертом, подтвердить возможность восприятия отдельных обстоятельств дела только опосредованно, через результаты исследования, проведенного экспертом и никак иначе. И в этой связи возникает вопрос о пределах использования судебной экспертизы в судопроизводстве.

Ограничения при назначении и производстве судебной экспертизы выступали предметом исследования ученых практически с момента закрепления судебной экспертизы в судопроизводстве. Большинство авторов писали о важности научной основы судебной экспертизы как некоего гаранта истинности сформулированных по результатам исследования выводов.

Безусловно, научность как комплексный критерий должна сопровождать каждое экспертное исследование. Каждое экспертное исследование должно быть логичным и системным, отвечать критериям истинности, обоснованности, многосубъектной проверяемости, доказательности и рациональности. Эти критерии проявляются в исследовании прежде всего за счет применяемых экспертом методов и методики, основанной на базовой для этого вида экспертизы науки или области научного знания. И мало кто оспаривает это.

Однако в судебно-экспертной практике в последнее время все чаще прослеживаются попытки игнорирования указанных критериев. Во многих экспертных заключениях субъективные оценочные суждения либо камуфлируют недостатки исследования, основанного на методах и методике, либо скрывают его отсутствие вообще. Субъективизм сопровождает все так называемые личные доказательства, к которым лишь в определенной степени можно отнести заключение судебного эксперта, поскольку в судебной экспертизе влияние субъективного должно быть минимизировано. Эксперт, формируя внутреннее убеждение в процессе исследования посредством применения научно обоснованных методов и средств, должен правильно и объективно оценить полученные результаты. Безусловно на это влияют знания, навыки, опыт эксперта, т.е. его компетентность, а также незаинтересованность в юридическом исходе дела. Именно поэтому в настоящее время большое внимание стараются уделять вопросам подготовки судебных экспертов.

К сожалению, помимо компетентности эксперта на высокий субъективизм при проведении судебной экспертизы влияет уровень развития научного знания, которое может быть положено в основу экспертного исследования, разработанность методов и формирование методик.

Так, методы и методики многих судебных экспертиз, основанных на гуманитарных науках, страдают высоким уровнем субъективизма. Это относится к методологической составляющей лингвистической, искусствоведческой, культурологической, религиоведческой экспертиз. Эксперты далеко не всегда разделяют методы экспертного и научного исследования при проведении экспертных исследований с использованием знаний в материнских (базовых) науках, соответственно, лингвистике, искусствоведении, культурологии, религиоведении. Кроме того, до сих пор в этих областях нет единства терминологии. Наименование методов, применяемых в одной и той же, например, лингвистической экспертизе, в заключениях экспертов может не совпадать. Эксперты могут по-разному воспринимать суть применяемых методов. Указанное не позволяет применять критерий верифицируемости экспертного заключения, что опять же подчеркивает высокий субъективизм при проведении судебной экспертизы.

Другая проблема при производстве судебной экспертизы заключается в подмене научной основы экспертного исследования лженаукой. Об этом А.В. Дулов писал еще в 1959 году: «История уголовного процесса России знает период, когда в качестве судебных экспертиз применялись различные лженаучные данные. Так, например, были попытки применения оптографической экспертизы (фотография зрачков убитого), графологической, по установлению почерка убийцы и установлению характера обвиняемых по письму, художественной экспертизы для установления душевного состояния художников в тот или иной период его творчества. Еще большее количество лженаучных судебных экспертиз производилось и производится в капиталистических странах. До настоящего времени не являются исключением факты, когда в уголовном процессе в качестве экспертов используются различные представители оккультных «наук», мракобесы, с помощью которых пытаются устанавливать факты, относящиеся к расследованию уголовного дела» [1, с. 56]. Начиная с 1990-х годов, с легкой руки СМИ, прослеживаются попытки привлечения в уголовный процесс в качестве специалистов (!?) неких экстрасенсов, медиумов и прочих субъектов, преследующих совершенно другие цели, нежели установленные для уголовного судопроизводства, на что обращают внимание ученые [4; 7]. Как справедливо писал А.И. Китайгородский, «лженаука оперирует выдуманными фактами и сочиняет ложные теории для объяснения как выдуманных, так и реальных явлений» [7, с. 115].

Увы, сейчас мало что изменилось, наоборот, появились новые примеры. В судопроизводство проникли заключения судебной экспертизы, основанные на так называемой «деструктологии», признанной в научном сообществе лженаукой. При этом заключение так называемой

«комплексной деструктологической судебной экспертизы» уже фигурировало в уголовном процессе в качестве доказательства, хотя специалисты в области лингвистики, психологии, юриспруденции в один голос заявили, что это «исследование» не может так называться, поскольку экспертиза должна основываться на «положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Как отметили в РФЦСЭ при Минюсте России на запрос адвоката по поводу научности такой экспертизы, «комплексные деструктологические» и прочие аналогичные (с надуманными названиями) экспертизы в этих документах не упоминаются по причине отсутствия в них научной обоснованности» [6]. В этом заключении такой подход не прослеживается.

Раскрывая пределы использования судебной экспертизы, А.В. Дулов писал, что «судебная экспертиза не может и не должна применяться в тех случаях, когда решению подлежит какой-либо вопрос, определяющий общеэтическое, общеэстетическое понятие, в тех случаях, когда необходимо определить понятие преступления» [1, с. 58]. И на сегодняшний день эта позиция представляется актуальной, но судебно-экспертная практика пошла, к сожалению, по иному пути. А.В. Дулов отмечал, что во всех случаях, когда следователю или суду предстоит решение вопроса о наличии или отсутствии таких понятий как «обезображивание лица», «порнография», «нецензурная брань» в действиях того или иного лица, он не может перекладывать это на судебных экспертов, поскольку эти понятия являются общеэтическими, общеэстетическими и должны определяться следователем или судом на основании конкретных материалов дела, правосознания, правил морали и нравственности [1, с.58]. Тем не менее, в рамках судебных экспертиз ставятся вопросы о смысловом значении таких понятий. Появляются, причем сразу на уровне ведомственных приказов (см., например, Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 (ред. от 31.01.2024) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» //Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 25.04.2023), новые виды судебных экспертиз, назначение которых лицами, ведущими процесс, не заставит себя ждать. К таким видам можно отнести политологическое исследование информационных материалов, религиоведческое исследование информационных материалов и этиковедческое исследование информационных материалов.

В отношении «политологической» экспертизы можно отметить дискуссионный характер определения объекта и его размытость,

неразработанность методологии, повышенный субъективизм в политологическом исследовании, а также явное совпадение задач исследования с задачами психолого-лингвистической экспертизы.

В отношении так называемой этиковедческой экспертизы также имеются некоторые вопросы, начиная с наименования, не соответствующего установленным правилам формирования терминов в русском языке. Кроме того, методология такой экспертизы пока просматривается только в общих чертах. Исследователи пишут, что «методики этих экспертиз основаны на гуманитарных науках, что является предпосылкой для формирования нового класса судебных экспертиз – класса гуманитарных судебных экспертиз, ...могут применяться общеполитологические методы – диалектический и эмпирический, ... политологические обобщения, так и данные социологии, психологии, права, эстетики, педагогики, искусствоведения и других наук» [5, с. 12]. Приходится констатировать, что на данный момент даже правильно именованная «этическая экспертиза» не может выступать видом судебной экспертизы, поскольку не сложилось четкое понимание относительно ее предмета, объектов, задач и методологии.

Другим ограничением для использования судебной экспертизы в судопроизводстве является необходимость в применении специальных знаний при установлении отдельных обстоятельств дела, о чем писал и А.В. Дулов [2, с. 10]. В ч. 1 ст. 226 УПК Республики Беларусь это правило закреплено и установлено, что «экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле». Тождественное положение в несколько иной формулировке установлено в ст. 216 ГПК Республики Беларусь. В ст. 92 ХПК Республики Беларусь формулировка более размытая: «для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных познаний, по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе суд, рассматривающий экономические дела, назначает экспертизу». В ч. 1 ст. 195 УПК РФ установлено, что судебная экспертиза назначается, если следователь признает необходимым ее назначение. И эта формулировка несет в себе совсем иной смысл. Следует отметить, что нами не оспаривается необходимость назначения судебной экспертизы в обязательном порядке при установлении обстоятельств, указанных в ст. 196 УПК РФ.

Куда более логичная формулировка содержится в ч. 1 ст. 79 ГПК РФ и ч. 1 ст. 82 АПК РФ, где установлено, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу (инициативно или по ходатайству участвующих в деле лиц).

Процессуальные законы предусматривают довольно большое количество различных средств доказывания, применение которых во многих случаях будет более обоснованным, нежели назначение судебной экспертизы. И необоснованное назначение судебной экспертизы в тех случаях, когда возникает желание переложить или разделить ответственность за принимаемое решение или упрочить свою позицию, подтвердить обстоятельство, фактическое содержание которого уже доказано несколькими доказательствами, еще одним, приводит к затягиванию сроков и удорожанию судопроизводства. Но самое главное, такое назначение судебной экспертизы не дает ничего существенного для рассмотрения и разрешения дела.

Существующее в судебно-экспертной (в том числе и следственно-экспертной) практике положение дел относительно соблюдения пределов использования специальных знаний в виде судебной экспертизы вряд ли можно признать обоснованным. Как уже отмечалось, на это влияют различные факторы, от желания пойти более простым путем и разделить ответственность за принимаемое решение с судебным экспертом, так и вплоть до непрофессионализма и некомпетентности как лиц, ведущих процесс, так и судебных экспертов. Над решением этих проблем ученые бьются уже длительное время. Полагаем, их решение должно включать совершенствование кадровой подготовки судебных экспертов и юристов, в том числе повышение часов на изучение дисциплины «Экспертиза в судопроизводстве» для последних, формирование экспертной компетентности, формирование четкого перечня экспертных специальностей и единых требований к экспертам, учет устоявшейся доктрины при реформировании законодательства, разработка классификации судебных экспертиз и обоснование научной основы каждого рода и вида судебной экспертизы и другое. Пока не будет взят за основу комплексный подход, включающий перечисленные выше компоненты, сложившуюся ситуацию исправить можно только точечно, применительно к каждому уголовному или гражданскому делу.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск: Изд-во БГУ, 1959. – 188 с.
2. Дулов, А. В. Процессуальные проблемы судебной экспертизы: автореферат дис. ...д-ра юрид. наук / А. В. Дулов. – Москва, 1963. – 24 с.
3. Россинский, С. Б. Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы / С. Б. Россинский // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 132–141.

4. Смолькова, И. В. Экстрасенсы и расследование преступлений / И. В. Смолькова //Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3 (15). – С.132-139.

5. Усов, А. И. Судебная этиковедческая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России / А. И. Усов, Г. Г. Омелянюк, Ш. Н. Хазиев, О. В. Галаева, В. В. Гулевская // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 6–15.

6. Центр при Минюсте назвал ненаучной деструктологическую экспертизу по делу Беркович [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6081434>. – Дата доступа: 22.04.2024.

7. Шамурзаев, Т.Т. Криминалистика и спиритизм. О проникновении лженауки в юриспруденцию / Т. Т. Шамурзаев, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Закон и право. – 2019. – № 3. – С.115-117.

Ермолович В. Ф.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ПОСТРОЕНИЯ И ПРОВЕРКИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБЩИХ ВЕРСИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, д. 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь,
v.ermolovich@mitso.by

Актуализирована проблема построения и проверки общих версий при расследовании преступлений. В общей системе версий рассмотрены ее локальные подсистемы об инсценировке преступления и о заблуждении заявителя о преступлении. Указаны их признаки и причины.

Ключевые слова: система; версия о преступлении; инсценировка; сокрытие; противодействие; негативные обстоятельства; причина; признак; добросовестное заблуждение заявителя о версии; общие версии.

Результативность любого труда человека находится в прямой зависимости от его мыслительной деятельности. Не является исключением в этом плане и деятельность следователя по расследованию преступлений. В ней особое место отводится версионной работе, которая функционально подчинена установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию и решению связанных с ними систем задач по уголовному делу.

Если рассматривать совокупность версий как определенную систему, то в ней целесообразно выделять несколько составляющих подсистем – блоков. Эти блоки находятся во взаимосвязи, и их компоновка зависит от соответствующего набора входящих элементов. При расследовании преступлений целесообразно строить целостную систему версий [1, с. 44-45] в содержании которой должны быть подсистемы версий об инсценировке преступления, добросовестном заблуждении заявителя о преступлении.

Сущность инсценировки состоит в создании видимости одного события или состояния вместо другого. При инсценировке создается обстановка, не соответствующая фактически происшедшему событию, что может дополняться согласованными с этой обстановкой материальными, поведенческими и вербальными (словесными) действиями (бездействием) не только исполнителей инсценировки, но и иных связанных с ними лиц, которые не осведомлены об истинных намерениях преступников.

В отдельных случаях некоторые лица совершают действия (бездействия), направленные не на инсценировку, а на достижение какого-либо другого отличающегося от нее последствия. Однако при этом

наступающие последствия объективно способствуют созданию инсценировки конкретного вида преступлений.

В связи с тем, что инсценировки преступлений в практике встречаются довольно часто, целесообразно привести перечень признаков этого явления.

При построении и проверке версий об инсценировке кражи целесообразно учитывать следующие признаки этого явления:

- наличие следов, указывающих на то, что взлом произведен изнутри помещения;
- отсутствие следов в тех местах, где они должны быть закономерно (например, металлических опилок около места распила дужки навесного замка);
- наличие следов на замке (ином запирающем устройстве), указывающих, что он был взломан, когда находился в открытом состоянии, либо взломан в совершенно ином месте;
- несоответствие размеров (габаритов) украденных вещей отверстию (дверному, оконному проему);
- отсутствие следов около окна либо иного места, через которые якобы вынесены конкретные ценности;
- наличие ограниченной возможности проникновения в помещение через окно, выходящее на улицу, где постоянно много людей;
- отсутствие периферических следов ног на чердаке, через который якобы проникли в помещение;
- похищение вещей (предметов), о которых знал только хозяин квартиры;
- наличие в квартире излишнего беспорядка, то есть той обстановки, которую почти никогда не создавали бы воры;
- невозможность нахождения в конкретном месте такого количества вещей, о пропаже которых заявляет их «владелец»;
- повреждение более дешевых вещей по отношению к находящимся в помещении более дорогим;
- наличие в квартире (помещении) драгоценностей, денег, дорогих вещей, имеющих наибольшие размеры, при заявлении о том, что похищены более крупные по размеру и дешевые по стоимости вещи;
- чрезмерное спокойствие хозяина квартиры при отсутствии значительных ценностей;
- неуверенность хозяина квартиры при ответах на поставленные ему вопросы;
- отсутствие достоверной информации о том, что во время совершения кражи хозяин (либо кто-то из постоянно проживающих в данной квартире) находился вне квартиры, например, на работе, в гостях у друзей и т.п.;

- наличие информации о том, что хозяин квартиры (материально-ответственное лицо) в последнее время испытывает дефицит денег, имеет долги, у него пропали застрахованные вещи и т.п.;

- наличие информации о том, что у конкретного материально ответственного лица систематически бывают недостачи, бухгалтерский учет ведется с нарушениями правил [1, с. 45].

Обнаружение на практике какого-либо одного из числа вышеперечисленных признаков либо иного подобного одного признака не должно служить основанием для утверждения, что в конкретном случае имеет место инсценировка кражи. Подобное суждение может возникнуть только при наличии нескольких признаков, причем имеющих логическую связь. Наблюдая ряд обстоятельств расследуемой кражи, можно делать первоначальный вывод об инсценировке и затем считать, что эта версия является наиболее вероятной.

В зависимости от цели, преследуемой субъектом исполнения, инсценировки подразделяются:

- инсценировки с целью сокрытия криминального события (кражи, грабежа, разбойного нападения, получения взятки, дачи взятки, административного таможенного правонарушения и т.п.);

- инсценировки с целью сокрытия некриминального события (нарушения дисциплинарного устава, трудовой, финансовой дисциплины и т.п.).

В системе предприятий агропромышленного комплекса страны известны случаи на «повторный сев зерновых», в связи с якобы плохой погодой, исключившей прорастание растений. Денежные средства похищаются на якобы проведенный «повторный сев зерновых». Для сокрытия хищений путем инсценировки некриминального события получило распространение заявления материально-ответственных и должностных лиц о том, что «несколько телят (коров) ушло по тропинке и затем утонуло в болоте».

В процессе расследования преступлений приходится сталкиваться со специфическими видами обстоятельств, которые способствуют сокрытию преступления и уклонению преступника (преступников) от уголовной ответственности и наказания. Это так называемые «негативные обстоятельства».

Понятие «негативные обстоятельства» давно известно и используется в криминалистике [2, с. 43; 3, с. 45; 4, с. 25; 5, с. 35; 6, с. 93]. Наиболее удачно охарактеризовал данные обстоятельства Р.С. Белкин. По его мнению, во «всех случаях негативные обстоятельства выступают отражением либо подлинности, либо инсценированного действия, не укладывающуюся в типичную для данной ситуации картину отражения, противоречащим ей». При этом он разъяснил, что содержанием доказательственной информации могут выступать не только те изменения, которые претерпевают в

результате отражения среды, но и изменения на отражаемом объекте как последствия акта отражения. Возникает обратная связь между отражающим и отражаемым объектами. Следствием этой связи становится появление отражения на объекте, который первоначально выступал как отражаемый. Отражаемый и отражающий объекты как бы меняются местами, расширяется круг доказательств, границы их следствия раздвигаются, связь между преступлением и средой усложняется. Задача исследования доказательств – выявление этой связи ... в данном случае налицо полный процесс отражения: связь между объектами процесса в буквальном смысле взаимная. Открываются возможности по изменениям на самом отражаемом объекте судить о его связях со средой, например, по признакам, возникшим на субъекте, судить о его связи с предметом преступного посягательства [7, с. 88].

При проверке версий о том, что заявитель о конкретном виде преступлений полностью либо частично добросовестно заблуждается, целесообразно знать признаки данного явления, его причины.

Среди основных признаков, указывающих на то, что заявитель о конкретном преступлении добросовестно заблуждается можно отметить следующие:

- отсутствие у заявителя достаточной информации для того, чтобы сделать правильный вывод о наличии или отсутствии конкретного вида преступлений (например, кражи);

- наличие у заявителя психической (иной) болезни, в силу чего он неправильно оценивает происходящие события;

- наличие в ответах заявителя на уточняющие вопросы противоречий, отсутствие логики в изложении сведений. Подобное имеет место в тех случаях, когда заявитель намеренно желает на почве мести, ненависти и т.п. привлечь конкретное лицо (лиц) к уголовной ответственности и наказанию.

Версия признается доказанной и превращается в истину, если подтверждаются вытекающие из нее следствия и установлена несостоятельность других версий, объясняющих то же обстоятельство, событие, последствие и т.д. [1, с. 47].

Признать версию достоверным объяснением можно только на основе достаточной совокупности доказательств. Подобная достаточность определяется в каждом конкретном случае субъективным мнением субъекта ее построения и проверки – следователя, лица, производящего дознание, прокурора, судьи [8, с. 79].

Опровержение версии возможно и для этого достаточно одного факта в определенной логической цепи причин и следствий, расследуемого преступления.

В логическом плане проверка каждой версии должна рассматриваться как исследование истинности или ложности тезиса. При этом в качестве

тезиса принимается версия, в качестве аргументов – доказательственная информация. Познавательная информация, полученная посредством не процессуальной идентификации, не имеет доказательственного значения по уголовному делу. Ее целесообразно перепроверить и зафиксировать с использованием установленного уголовно-процессуальным законом инструментария.

Библиографический список

1. Ермолович, В. Ф. Версии при расследовании преступлений: моногр. / В. Ф. Ермолович, М. В. Галезник. – Минск: ИНБ Республики Беларусь, 2009. – 215 с.
2. Рейсс, Р. А. Научная техника расследования преступлений / Р. А. Рейсс. – СПб., 1912. – 178 с.
3. Трегубов, С. Н. Основы уголовной техники / С. Н. Трегубов. – Прага., 1915. – 334 с.
4. Гельвин, А. Современная криминалистика / А. Гельвин. – М., 1925. – 100 с.
5. Штибер, В. Практическое руководство для работников уголовного розыска / В. Штибер, Г. Шнейкерт. – М., 1925. – 192 с.
6. Якимов, И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика / И. Н. Якимов. – М., 1929. – 312 с.
7. Белкин, Р.С. Общая теория советской криминалистики / Р. С. Белкин. – Саратов : Саратовский ун-т, 1986. – 398 с.
8. Савич, М. В. Концептуальные подходы систематизации версий о преступлении: теоретические и правовые аспекты / М. В. Савич // Труд. Профсоюзы. Общество. – № 2 (84). – 2024. – С. 76-82.

Зорин Р. Г.

**ОТПРАВЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОННЫХ РАСПОРЯЖЕНИЙ
ОРГАНА ВЕДУЩЕГО УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ**

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, д. 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь, *aspirant@mitso.by*

Исследуются криминалистические и уголовно процессуальные аспекты отправления и реализации законных распоряжений органа ведущего уголовный процесс.

Ключевые слова: законные распоряжения; орган, ведущий уголовный процесс; процессуальные обязанности; совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Надлежащее исполнение обязанностей участников уголовного судопроизводства вносит существенный вклад в соблюдение установленного законом порядка осуществления производства по уголовному делу, а безусловное и точное исполнение участниками вида и меры возложенных на них законодательством обязанностей является гарантией правомерного поведения данных лиц им ведет к достижению существующего у них интереса по уголовному делу [1, с. 58].

В целях надлежащего исполнения возложенных обязанностей на участников уголовного процесса, необходимо создать соответствующие условия. К сожалению, существующие в настоящее время средства (правовые, организационные, технические, иные), использование которых направлено на создание таких необходимых условий, не всегда являются эффективными и достаточными [1, с. 59].

Отечественный законодатель предусматривает в качестве обязанности (защитника, обвиняемого, потерпевшего, законного представителя, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, представителя) участников уголовного процесса подчиняться законным распоряжениям органа ведущего уголовный процесс, но при этом, к сожалению, не дает разъяснений, что же следует понимать под законным распоряжением органа ведущего уголовный процесс. Неясны критерии законных распоряжений, не сформулированы требования, предъявляемые к ним.

На наш взгляд, законное распоряжение органа ведущего уголовный процесс – это непротиворечащее уголовно-процессуальному закону требование органа ведущего уголовный процесс о надлежащем поведении (действиях-бездействии) и исполнении процессуальных обязанностей

субъектами уголовно-процессуальных отношений в целях обеспечения эффективного назначения уголовного судопроизводства.

По мнению О.А. Зелениной, обязанность есть мера определенного поведения субъекта, поскольку объективно существуют и границы обязанного поведения лица, т.е. пределы обязанности. В этих пределах субъект свободен в выборе, определяющем процессуальные действия и поступки.

Мы солидарны с мнением Е.Н. Петухова, который отмечает: «Уголовно-процессуальной обязанности должны быть присущи следующие признаки:

- объективно целесообразное и общественно необходимое поведение участника уголовного процесса;

- закреплена в нормах уголовно-процессуального законодательства;

- адресована участникам уголовного судопроизводства и обусловлена ее местом и ролью в уголовно процессуальной деятельности;

- предопределена принципами уголовного процесса;

- направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства и на защиту публичных и личных интересов;

- основана на закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве потребности совершения активных или пассивных действий участниками уголовного процесса;

- за неисполнение (ненадлежащее исполнение) предусматривается возможность наступления ответственности» [2, с. 7].

При этом необходимо отметить, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют определения понятий «права участника уголовного судопроизводства» «обязанности участника уголовного судопроизводства».

Проблемы отправления, реализации и исполнения законных распоряжений органа уголовного преследования в уголовно-процессуальной науке мало изучены.

Необходимо признать высокую степень значимости и роль выполняемых функций, а также задач в ходе и результате отправления / реализации законных распоряжений органа ведущего уголовный процесс при производстве по уголовным делам.

Правовые гарантии исполнения участниками уголовного процесса распоряжений органа уголовного преследования не имеют надлежащего нормативно-правового обеспечения.

Следует также отметить, что нормами уголовно - процессуального права не предусмотрена юридическая ответственность участников уголовного процесса за неисполнение / ненадлежащее исполнение законных распоряжений органа ведущего уголовный процесс.

Кроме того, законные распоряжения органа ведущего уголовный процесс не имеют внешнего процессуального выражения. Иначе говоря, отечественный законодатель не предусматривает наличие процессуальной формы законных распоряжений компетентных должностных лиц, что не позволяет относить их к категории процессуальных решений / процессуальных актов.

Приведем мнения ученых-процессуалистов относительно понятий «процессуальное решение», «уголовно процессуальный акт».

Сущность процессуального решения заключается в выборе цели и адекватных средств для ее достижения. В уголовно-процессуальной литературе, таким образом, сама сущность решения – выбор цели и средств ее достижения – остается недостаточно разработанной, акцентируется внимание на форме решения – правового акта [3, с. 48].

П.А. Лупинская отмечала, что принимаемое решение в ходе производства по делу «содержит государственно-властное веление, выраженное в определенной форме и направленное на индивидуальное регулирование общественных отношений» [4, с. 23].

Так, по мнению О.В. Гладышевой процессуальное решение – это волеизъявление властного субъекта (единоличного или коллегиального), принятое в установленном уголовно-процессуальном законом порядке и облеченное в предусмотренное в соответствующую процессуальную форму. Требования законности, обоснованности, мотивированности должны распространяться на все процессуальные решения вне зависимости от формы их выражения [5, с. 37].

Всякий уголовно-процессуальный акт должен иметь письменную документальную форму, которая четко определяется законом. Отсутствие документального оформления процессуального действия ставит под сомнение его реальное существование. Уголовно-процессуальные акты выступают своего рода юридическими фактами, влекущими возникновение, изменение или прекращение соответствующих уголовно- процессуальных отношений. При этом инициативой для появления, изменения или прекращения указанных правоотношений выступают как процессуальный документ, так и фиксируемое им процессуальное действие (действия) в их единстве [6, с. 188].

Вместе с тем, система уголовно-процессуальных актов находится в состоянии непрерывного развития, изменяясь сообразно преобразованиям, происходящим в уголовно-процессуальном праве.

Таким образом, можно судить, что в настоящее время уголовно - процессуальный закон Республики Беларусь содержит неполное понятие «процессуальное решение» в п. 35 ст. 6, в соответствии с которым: «процессуальные решения – это выносимые в ходе уголовного процесса правомочными на то органами или должностными лицами решения,

предусмотренные настоящим Кодексом: приговоры, определения, постановления». Понятие уголовно-процессуальный акт в нормах УПК не содержится [7].

Представляется необходимым определить место и роль законных распоряжений органа ведущего уголовный процесс при условии отсутствия внешней уголовно-процессуальной формы его выражения.

В настоящее время не изучены правовая природа (юридическая характеристика, структура, место и роль в сфере уголовно-процессуальных отношений), критерии законных распоряжений органа ведущего уголовный процесс. Это не позволяет в должной мере осуществлять прокурорский надзор за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания и ведомственный процессуальный контроль при даче правовой оценки законности отправления / реализации / исполнения законных распоряжений органом ведущим уголовный процесс.

Ведомственный процессуальный контроль за осуществлением предварительного расследования направлен на недопущение, своевременное выявление и устранение нарушений актов законодательства Республики Беларусь при осуществлении предварительного следствия и дознания, а также при необходимости – на оказание следователям и лицам, производящим дознание, методической и практической помощи по расследуемым уголовным делам [8, с. 160].

Так, задачами процессуального контроля, осуществляемого в Следственном комитете Республики Беларусь, являются:

- повышение качества предварительного следствия, оказание методической и практической помощи в расследовании преступлений;
- выявление негативных тенденций в следственной практике и принятие своевременных мер к их устранению, внедрение в практику положительного опыта, прогрессивных форм и методов организации предварительного следствия [9].

Сочетание различных форм контроля (ведомственного, прокурорского и судебного) гарантирует не только защиту прав участников уголовного процесса, но и успешное расследование преступлений, изобличение всех виновных лиц, возмещение причиненного преступлением вреда и пр. [8, с. 159].

На основании изложенного следует судить о необходимости дальнейшего научного исследования проблемы отправления/реализации (исполнения) законных распоряжений органа уголовного преследования.

Дальнейшие исследования настоящей проблемы могли бы плодотворно продолжить рассмотрение данного вопроса.

Так, например, Е.Н. Петухов целях верного понимания сущности процессуальных обязанностей справедливо акцентирует внимание на

необходимости исследования ряда вопросов, среди которых: какая роль им отводится в реализации назначения уголовного судопроизводства, а также в обеспечении механизмов реализации отдельных уголовно-процессуальных институтов; какие организационно-правовые средства способны в достаточной степени обеспечить надлежащее их выполнение. Исследованию подлежит проблема совершенствования организационных, процессуальных и иных средств обеспечения надлежащего исполнения обязанностей в уголовном судопроизводстве [10, с.7].

Правовая природа законных распоряжений органа ведущего уголовный процесс имеет тактико-криминалистический характер, реализуются в рамках следственных действий в условиях конфликтного-бесконфликтного взаимодействия участников уголовного процесса.

Полезной станет разработка научно-практических (криминалистических) рекомендаций относительно разработки правовых механизмов отправления/реализации законных распоряжений органа ведущего уголовный процесс в целях анализа их критериев, эффективности, пределов, научной и нормативной обоснованности.

Библиографический список

1. Петухов, Е. Н. Направления совершенствования средств обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства со стороны защиты / Е. Н. Петухов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 1 (63). – С. 58-68.
2. Петухов, Е. Н. Основы теории уголовно-процессуальных обязанностей (часть 2) / Е. Н. Петухов // Вестник ДВЮИ России 2020. – № 3 (52). – С. 5-14.
3. Lupinskaya, P. A. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / П. А. Лупинская. – М.: Юрист, 2009. – 1072 с.
4. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – М. 2006. – 240 с.
5. Гладышева, О. В. Уголовно-процессуальные решения: проблема определения / О. В. Гладышева // Вестник ОГУ. – 2012. – № 3 (139). – С. 37-40.
6. Сухова, О. А. Правовая природа, понятие и значение процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве / О. А. Сухова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 1 (14). – 183-190.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

8. Носкевич, И. Д. О некоторых аспектах организации и осуществления ведомственного процессуального контроля в Следственном комитете Республики Беларусь / И. Д. Носкевич // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 14-15 окт. 2016 г.) / БГУ, юридический факультет; редкол.: С. А. Балащенко и др. - Минск: Изд. Центр БГУ, 2016. – С. 158-163.

9. Об утверждении Инструкции о порядке осуществления процессуального контроля в Следственном комитете Республики Беларусь: приказ След. комитета Респ. Беларусь, 27 июня 2014, № 135 // ЭТАЛОН. Другие банки данных / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

10. Петухов, Е. Н. Основы теории уголовно-процессуальных обязанностей (ч. 2) / Е. Н. Петухов // Вестник ДВЮИ России. – 2020. – № 3 (52). – С. 5-14.

Иванова Е. С.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет»,

2-я Красноармейская д. 4, 190005, г. Санкт-Петербург, Россия,

ivas-1977@mail.ru

Исследование посвящено проблемам, связанным с получением образцов для сравнительного исследования, обусловленными недостаточным правовым регулированием данного следственного действия в законодательстве. На сегодняшний день недостаточное внимание уделено конкретным нормам, регламентирующим порядок и условия получения таких образцов, что ведет к неопределенности в правоприменительной практике. Указанные противоречия создают препятствия для их правомерного и эффективного использования в процессе доказывания. Вопрос усугубляется развитием информационных процессов и цифровизации общества, которые не сопровождаются соответствующей правовой и практической платформой, обеспечивающей доказательственность и допустимость получаемых образцов. Сегодня созрела необходимость информационного обеспечения получения образцов для сравнительного исследования, что открывает возможности для их более оперативного и качественного обнаружения. Выше сказанное подчеркивает необходимость проработки возможностей обеспечения правового статуса образцов, полученных с помощью информационных процессов, что повысит точность, достоверность и эффективность правоприменительной практики.

Ключевые слова: информационные процессы; криминалистически значимая информация; образцы для сравнительного исследования; получение и использование образцов.

Актуальность темы исследования определяет необходимость совершенствования организации получения образцов для сравнительного исследования и их использования при раскрытии и расследовании преступлений путем внедрения передовых достижений научно-технического прогресса.

В современных условиях это касается интеграции в деятельность правоохранительных органов, прежде всего, компьютерных технологий, обеспечивающих получение, накопление, хранение, систематизацию, передачу и использование криминалистически значимой информации,

отражающей актуальную информацию о конкретном объекте – объекте последующего сравнения.

Немаловажную роль играют и вопросы совершенствования правового обеспечения получения и использования образцов для сравнительного исследования, включая актуализацию условий интеграции инновационных научно-технических средств и методов, в том числе современные аппаратно-технические комплексы производства экспертных сравнений.

Получение образцов для сравнительного исследования сопровождается рядом трудностей, обусловленных недостаточным правовым регулированием следственного действия в процессуальном законодательстве, что приводит к неопределенности и разнообразию подходов в правоприменительной практике, а также создает препятствия для правомерного и эффективного использования образцов в процессе доказывания.

Выявленная проблема обостряется сегодня, в условиях, когда образцы для сравнительного исследования могут быть получены с использованием информационных процессов, поскольку развитие современного общества неотъемлемо связано с цифровизацией и информатизацией всех его сфер, однако, для обеспечения их допустимости ни созданы ни правовая, ни практическая платформы.

Усложняет возможность применения образцов для сравнительного исследования в практике и отсутствие единого мнения об их юридической природе. Основной вопрос заключается в том, являются ли такие образцы самостоятельным видом доказательств, самостоятельной категорией объектов с особым процессуальным статусом или они служат лишь инструментом для проведения экспертных исследований. Если образцы рассматриваются как самостоятельные доказательства, то их получение должно быть строго регламентировано, с учетом всех процессуальных гарантий. В противном случае, если это всего лишь инструмент для экспертов, процедура их получения может быть более гибкой, однако это может привести к злоупотреблениям и снижению объективности судебных экспертиз. Таким образом, четкое определение правового статуса образцов для сравнительного исследования, в том числе, получаемых с помощью информационных технологий, а равно соответствующее нормативное регулирование данной области правовых отношений являются необходимыми условиями для разрешения ряда прикладных проблем.

Важной характеристикой получения образцов для сравнительного исследования является их вспомогательная природа, проявляющаяся в том, что доказательственное значение они приобретают только в системной связи с результатами судебной экспертизы, которая придает этим образцам объективное и квалифицированное подтверждение или опровержение фактов, важных для расследования [7]. Только проведение последующего

исследования обеспечивает полученным образцам придание результатов правового веса [3], а полученная криминалистически значимая информация приобретает доказательственное или оперативное значение.

Под криминалистически значимой информацией, в свою очередь, понимается вся информация, используемая при расследовании уголовного дела, «полученная по различным каналам информации, могущую выступать в качестве доказательств по уголовному делу или способствующую получению таковой, а также любую иную информацию, имеющую значение для достижения установленных законом конечных целей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [2].

Использование информационных процессов при получении образцов для сравнительного исследования определяется их информационной природой, которая заключается в их способности быть преобразованными в цифровую форму, обеспечивающей как упрощение и фиксацию процесса их сбора, так и их последующее хранения. Кроме того, оцифровывание образцов позволяет эффективно их каталогизировать и защищать от физического повреждения или утраты.

Информационные процессы включают получение, создание, сбор, обработку, накопление, хранение, поиск, распространение и использование информации [1]. Они охватывают действия и технологии, направленные на использование данных в различных областях. Создание информации происходит через исследования и наблюдения, сбор – из различных источников, хранение – на носителях данных, обработка – через сортировку и анализ, передача – через коммуникационные каналы, и использование – для принятия решений и включения в определенную деятельность.

Сущность информационных процессов состоит в обеспечении точности, своевременности, полноты, доступности и актуальности информации. Данные характеристики важны для принятия правильных решений и эффективного управления [5]. Важное преимущество цифровизации состоит в возможности постоянного и неограниченного ни местом, ни временем доступа к образцам для специалистов, что способствует более оперативному и качественному проведению сравнительных исследований.

Кроме того, цифровая форма образцов открывает широкие возможности для их обработки и анализа с использованием современных информационных технологий. Специализированное программное обеспечение позволяет проводить сложные аналитические операции, такие как распознавание и сопоставление образцов, моделирование и прогнозирование. Это значительно повышает точность и достоверность выводов, делаемых на основе сравнительного исследования. Таким

образом, цифровизация образцов не только ускоряет и облегчает процесс исследования, но и повышает его научную и практическую ценность.

Сегодня получение образцов для сравнительного исследования начинает практиковаться органами внутренних дел при обращении к современным достижениям информационных технологий и цифровой криминалистики. Так, существенным потенциалом в данной области обладает АПК «Безопасный город» – комплексная информационная видеосистема, направленная на повышение безопасности и улучшение качества жизни в населенных пунктах. АПК объединяет стационарные и передвижные камеры видеонаблюдения, датчики и системы контроля доступа, а также программное обеспечение для обработки данных и координации действий различных служб. За счет интеграции информации из указанных источников возникает возможность оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации, правонарушения и преступления.

В настоящее время различные информационные процессы и их результаты становятся одним из источников получения образцов для сравнительного исследования. Так, «...при просмотре записей с камер наблюдения правоохранители выяснили, что перед входом в здание одна из преступниц бросила окурков. Биологическая экспертиза помогла установить личность 44-летней жительницы Рязанской области, ранее судимой за мошенничество и кражу. Женщину задержали в Москве, она заключена под стражу...» [6]. Таким образом, видеозапись не только зафиксировала факт противоправного действия, но и предоставила возможность получить физическое доказательство, необходимое для дальнейшего расследования и сбора доказательственной базы. Это стало возможным благодаря современным технологиям и методам анализа биологических материалов, что подчеркнуло важность использования таких технологий в правоохранительной практике.

Современные системы видеонаблюдения, автовидеорегистраторы и даже любительские записи как источники криминалистически значимой информации, могут выполнять ряд функций:

- идентификация и установление личности интересующих объектов;
- запись и анализ видеоматериалов и данных геолокации для документирования противоправных действий;
- наблюдение за передвижениями, социальными связями и финансовыми транзакциями интересующих лиц;
- выявление и предотвращение угроз безопасности через обнаружение подозрительных объектов и ситуаций.

Информационные технологии постепенно позволяют специалистам отказываться от использования традиционных дактилоскопических бумажных карт и чернил, что существенно экономит временные и

человеческие ресурсы. В настоящее время специалистами для получения и обработки дактилоскопических данных используется компьютерная программа «FingerCard» в сочетании с дактилоскопическим сканером, снимающим 10 отпечатков пальцев исследуемого, которые потом оцифровываются «FingerCard». Программа обрабатывает и дактилоскопическую информацию, полученную традиционным способом, но оцифрованную на любой электронный носитель, а также обеспечивает возможность работы с ней не только локально, но и в режиме удаленного доступа.

Опытные криминалисты, обладая специальными знаниями и навыками, предлагают свои варианты решения проблемы ведения криминалистических учетов и получения образцов для сравнительного исследования. Так, И.Н. Мазепиным разработан проект бутоскопа – прибора для получения отпечатков подошв обуви. Исследователь отмечает, что «и способствовало активному предоставлению бутокарт доставленных лиц в экспертно-криминалистическую лабораторию, что способствовало значительной активизации данного учета и, как следствие этого, раскрытию преступлений, в т. ч. по горячим следам. Так, благодаря данному виду учета были раскрыты кражи с недостроенных домовладений по трем ранее возбужденным уголовным делам. При проверке бутокарт, предоставленных сотрудниками уголовного розыска, была подготовлена справка о совпадении следов обуви между собой по вышеуказанным уголовным делам и при проведении дополнительной трасологической экспертизы был дан категорически положительный вывод» [4]. Информационные технологии сегодня способствуют эффективности применения подобных устройств, обеспечив качество получения отпечатков подошв обуви и автоматическое сличение их с аналогичными в специализированной базе.

Одним из примеров такого устройства служит ФоБокс – комплект для съемки следов обуви и шин, предназначенный для цифровой фотосъемки на месте происшествия следов обуви, следов транспортных средств, в т.ч. поверхностных и объемных, при различных режимах освещения [8]. Однако, следует отметить, что возможности информационных технологий сегодня могут существенно расширить функционал данного устройства, обеспечив автоматическое сравнение полученных отпечатков подошв обуви с имеющейся в специальных криминалистических учетах, позволив осуществлять раскрытия преступлений «по горячим следам». Вместе с тем, в доступных источниках нами не обнаружены исследования или патенты, свидетельствующие о проведении разработок в данной области, что, по нашему мнению, требует организации заказных научно-исследовательских работ и привлечения в штаты органов внутренних дел специалистов IT-сферы.

С положительной стороны следует отметить программное обеспечение микроскопа МСК 3-1, позволяющее, выполнять качественную последовательную фотофиксацию, накопление, систематизацию и анализ данных, проводить угловые и линейные измерения следов, использовать видеозаписи для исследования образцов. Продвинутое оптико-электронные характеристики инновационных микроскопов и специализированного программного обеспечения (комплекс «POISC», «POISC-МС») позволяют решать экспертные задачи на новом уровне, включая 3D анализ следов и сложные морфологические сравнения, неподвластные для проведения при использовании традиционных методов.

Важное значение в развитии криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений сегодня является создание АРМ (автоматизированных рабочих мест) для работы криминалиста по каждому из направлений экспертной деятельности. Уже существуют системы АДИС (автоматизированная дактилоскопическая информационная система) «Папилон», АБИС (автоматизированная баллистическая идентификационная система) «Арсенал» и ряд других.

Автоматизацию процесса идентификации личности обеспечивает система мультибиометрической идентификации АДИС «Папилон», представляющая собой комплексную программно-аппаратную систему сбора, хранения, обработки и анализа биометрической информации для регистрации / идентификации личности: по всем видам дактилоскопических отпечатков (пальцев и ладоней); по изображениям лица; по изображениям радужных оболочек глаз. АДИС «Папилон» обеспечивает хранение миллионов записей с возможностью получения к ним удаленного доступа. Использование проверенных алгоритмов анализа и сравнения образцов обеспечивает качество исследований, а совместимость с другими криминалистическими системами – беспрепятственный обмен данными для идентификации и подтверждения личности в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Качество проведение баллистических экспертиз обеспечивается применением автоматизированной баллистической идентификационной системы (АБИС) «Арсенал», представляющей собой обширную электронную пулегильзотеку, содержащую на сегодняшний день сотни тысяч объектов. Система обеспечивает удаленный доступ к информации об огнестрельном оружии, выстреляным пулям, их фрагментам, стреляным гильзам, изъятых с места происшествя; автоматизирует поиск для проведения сравнительных исследований и идентификации оружия по различным следам. Среди функциональных возможностей системы – формирование четырех массивов баз данных, сканирование различных поверхностей пуль и гильз, автоматическое выделение следов и их

корректировка, хранение изображений в базе данных с использованием WSQ-компрессии, и формирование 3D изображений. Оцифровывание следов с пуль и гильз осуществляется с помощью универсального баллистического сканера.

Таким образом, назрела необходимость внесения в российское уголовно-процессуальное законодательство положений, обеспечивающих правовой статус образцов для сравнительного исследования, полученных при помощи информационных процессов. Современные методы обработки больших данных и аналитические способности программного обеспечения значительно повышают роль информационных процессов в получении образцов для сравнительного исследования. В настоящее время требуется адаптация алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта для выявления важных деталей и закономерностей, которые могут остаться незамеченными при традиционных методах анализа видео- и аудиоинформации, получаемой при помощи информационных процессов. Автоматизация рутинных процессов, от которых специалист спустя определенное время испытывает усталость, должна полностью осуществляться соответствующими программами и алгоритмами, сокращая время на обработку данных и уменьшая вероятность ошибок. В результате сотрудники правоохранительных органов смогут сосредоточиться только на сборе и фиксации надежной и детализированной доказательственной информации.

Информационные технологии, включая автоматизированные системы анализа данных, искусственный интеллект и машинное обучение, способствуют повышению скорости и качества обработки больших объемов информации, выявлению скрытых от человеческого глаза фактов и закономерностей. Технологии биометрической идентификации, анализа ДНК и цифровой криминалистики обеспечивают более эффективное собирание и анализ следов, идентификацию подозреваемых и реконструкцию событий преступления. Облачные технологии и защищенные базы данных надежны и эффективны в хранении и доступе к данным, обеспечивают координацию между различными подразделениями.

Интеграция различных источников информационных данных, таких как видеонаблюдение, геолокационные данные, финансовые транзакции и т.д., позволит создать многоуровневую и всестороннюю информационную картину произошедших событий, способствуя раскрытию и расследованию преступлений.

Изучение потенциала использования информационных технологий в получении образцов для сравнительного исследования, по нашему мнению, может быть успешно продолжено в следующих направлениях:

- проведение целевых научно-исследовательских работ с использованием организационной платформы и возможностей Учебно-методической секции, осуществляющей методическую деятельность в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза;
- подготовка методических рекомендаций по сбору, получению, хранению криминалистически значимой информации, использованию ее в качестве образцов для сравнительного исследования;
- организация проведения занятий в системе профессиональной подготовки и др.;
- совершенствование законодательства в области уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности в вопросе получения и использования образцов для сравнительного исследования.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 51583-2000. Защита информации. Порядок создания автоматизированных систем в защищенном исполнении. Общие положения: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 января 2014 г. № 3-ст «Об утверждении национального стандарта» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70598650/> – Дата доступа: 17.06.2024.
2. Григорьев, А. Н. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Н. Григорьев. – Калининград, 2002. – 230 с.
3. Зайцева, Е. А. Получение образцов для сравнительного исследования: теоретические, нормативные и правоприменительные проблемы / Е. А. Зайцева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 4. – С. 17-29.
4. Мазепин, И. Н. Использование нового приспособления для бутоскопирования (из экспертного опыта ведения криминалистического учета следов подошв обуви) / И. Н. Мазепин // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25–26 марта 2021 года. Москва: Российский государственный университет правосудия. – 2021. – С. 379-383.
5. Малахова, О. В. Сущность информационного обеспечения и его роль в инновационной деятельности / О. В. Малахова // Транспортное дело России. – 2013. – С. 24-29.
6. МВД: обворовавшую пенсионера женщину вычислили по окурку в Подмоскovie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ru/regions/vorovku-vychislili-po-okurku-v-podmoskove/> – Дата доступа: 17.07.2024.

7. Стельмах, В. Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы / В. Ю. Стельмах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. №1 (69). – С. 78-83.

8. ФоБокс – комплект для съемки следов обуви и шин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.papillon.ru/wp-content/uploads/FoBox.pdf>. – Дата доступа: 01.08.2024.

Иванова Т. П., Метелица А. В.
ПРОФЕССОР А.В. ДУЛОВ И НОВАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ
УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
ул. Марка Шагала, 8а, 210015, г. Витебск, Беларусь, vf_mitso@mail.ru

Исследуются общие вопросы расследования уголовных преступлений против личности. Обращено внимание на вклад доктора юридических наук, профессора А.В. Дулова в развитие проблематики расследования преступлений.

Ключевые слова: белорусская криминалистика; разделы криминалистики; расследование преступлений; судебно-экспертная деятельность.

Криминалистика как наука прошла сложный, тернистый и достойный путь развития, преодолевая и разрешая на своем пути возникающие вопросы и проблемы. Значительный вклад в ее формирование, становление и развитие внесли белорусские и российские теоретики и практики. На российской основе в белорусской благоприятной среде сформировалась научная школа доктора юридических наук, профессора А.В. Дулова.

Начиная как практик, увлекшись миром правовой науки, А.В. Дулов постоянно стремился привнести новые мысли, версии и теории, направленные на совершенствование расследования преступлений. И.И. Басецкий и А.В. Дулов высказывали мысль о необходимости выделения организации расследования из криминалистической тактики. И объясняли это тем, что «при взаимодействии участники сотрудничества имеют общую цель, а для тактики характерно противодействие. Тактика начинается там, где начинается борьба умов, применение нестандартных тактических приемов». И эта мысль – достижение белорусской школы криминалистики, которое стали использовать и московские следователи [1, с. 17].

Профессор А.В. Дулов в своих публикациях предложил значимые рекомендации для молодых следователей, которые являются одновременно и основой, и глубокими индивидуальными наработками в профессиональной сфере. До настоящего времени актуальны слова А.В. Дулова о том, что нельзя ограничиваться рекомендациями по проведению отдельных следственных действий, а необходимо применять их комплексы, которые во многом типичны и повторяются в своих основных параметрах тактических приемов». И эта мысль – также достижение белорусской школы криминалистики. Разработка теории тактических операций облегчает решение задач алгоритмизации процесса

расследования, учет и использование при расследовании складывающейся следственной ситуации, использование положений научной организации труда следователя, принятие действенных мер к преодолению противодействия расследования [1, с. 18].

Профессор А.В. Дулов развил системно-структурный подход при осуществлении белорусских исследований в сфере противодействия преступности. Этот метод позволил сформулировать новые направления в теории и практике криминалистики. Своеобразно, что он поставил под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер понятия криминалистической характеристики преступления, значительное время доминировавшее в отечественной науке. Профессор отмечал, что в деятельности многих государственных структур и институтов, не занимающихся непосредственно расследованием преступлений, имеется криминалистическая составляющая. Это позволяет шире рассматривать проблему криминалистической профилактики [1, с. 21].

Актуальными остаются и слова профессора А.В. Дулова о том, что «Необходимость постоянного совершенствования процесса осуществления правосудия заставляет нас все время искать такие способы собирания и оценки доказательств, которые в наибольшей степени обеспечивают установление истины [2, с. 66].

Как и правоведы И.И. Карпец и Н.С. Лейкина, А.В. Дулов считал, что личность преступника должна изучаться и для правильного определения ему наказания, для определения путей его исправления, перевоспитания и с целью выяснения причин и условий, способствовавших совершению преступления [2, с. 73].

А.В. Дулов как истинный и глубокий исследователь, работая в архивах Академии наук, находил настоящие сенсации. В частности, о том, что известному российскому М.В. Ломоносову после создания химической лаборатории стали поступать многочисленные просьбы следственных и судебных органов о проведении различных химических судебных экспертиз. В 1961 г. А. В. Дулов высказал предположение, что лаборатория М.В. Ломоносова проводила исследование трупов [3, с. 10].

Ученый поднимал вопрос о развитии моделирования в криминалистике, с которым связана функция интерпретации и объяснения явлений, событий, обстоятельств. Если версия выступает как гипотеза об обстоятельствах преступления, то модель как прогнозируемый результат проверки этой гипотезы.

Дулов, А.В. и Малинок Ж.В. под таким ракурсом рассматривали проблемы моделирования в криминалистике: «Преступление – всегда сложное событие прошлого и не может быть исследовано непосредственно. Различного рода предметы, имеющие отношение к преступлениям, по различным причинам оказываются уничтоженными, утраченными или

настолько изменившимися, что непосредственное их изучение становится невозможным или же сильно затруднено. Моделирование позволяет восполнить существовавшие пробелы посредством создания мысленной информационной модели расследуемого события. Такая модель может выступать как система, в которую могут входить модели места, обстановки и обстоятельств преступления» [4].

Моделирование должно обеспечивать 1) совершенствование методики расследования преступлений; 2) создание принципиально новых программ профилактики преступности, 3) процесс подготовки и проведения судебной экспертизы, 4) весь арсенал дознания – схемы, алгоритмы, чертежи, графики служат не только для описания исследуемых событий, но и для их исследования [4].

Значима роль профессора А.В. Дулова в осуществлении исследований в такой сфере как криминалистическая структура преступления.

Дело профессора А.В. Дулова продолжают современные ученые и практики-следователи, следуют его теоретическим и практическим научным рекомендациям.

Одно из важнейших современных направлений в расследовании преступлений – изучение ДНК, что стало широко применяться в целях идентификации личности. Это позволяет сделать в лаборатории судебные фотоскопические исследования (по фонограммам, записи речи). Именно А.В. Дуловым сделан вывод об изменении роли судмедэкспертизы, ставшей играть важную роль для установления истины [5, с. 44]. А.В. Дуловым особое внимание обращено на издание приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 14 мая 2003 г. № 144, который содержит приложение с Перечнем Судебно-медицинской экспертизы [6, с. 101].

А.В. Дулов призывал активизировать эту работу, отмечал, что не полностью используются возможности развития криминалистики. Отсутствие исследований теории криминалистики приводит к сдерживанию всех родов данного класса эксперта, появление новых экспертиз, особенно сказывается на связях между ними [6, с. 106].

Отметим, что значительная роль в расследовании преступлений принадлежит инновациям. По словам «легенды белорусской криминалистики» профессора А.В. Дулова, важны «инновационные следственные технологии, вовлечение и интегрирование новых судебно-экспертных и иных технологий для увеличения кумулятивного эффекта совместной поисково-познавательной деятельности всех субъектов, вовлеченных в процесс доказывания». Важно идти впереди развития традиционной криминалистики Беларуси. А.В. Дулов одним из первых стал продвигать и разрабатывать идею о стратегической деятельности по расследованию преступлений, о стратегических целях (приоритетах) доказывания [1, с. 17; 7, с. 109].

Научно-методическая составляющая расследования преступлений является составной частью всего комплекса методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений, наряду с теорией, правовым, организационным, научно-техническим и учебно-методическим обеспечением. Научно-методическое расследование преступлений предполагает использование и научно-технических достижений и возможностей при осуществлении судебно-медицинской экспертизы. В настоящее время эффективно зарекомендовали себя использование цианокрилатных камер, аппаратно-программных комплексов и криминалистических комплектов для работы с различными следами, обнаружение ДНК-профиля преступника, использование достижений криминалистической одорологии, передвижная криминалистическая лаборатория, другая современная специальная техника. Создание специализированной базы криминалистического учета позволяет идентифицировать личность преступника, даже спустя годы. Будущее за геномной регистрацией отдельных категорий граждан.

Создание и развитие белорусской школы криминалистики ученых А. В. Дулова и его последователей позволили содействовать совершенствованию всех разделов науки криминалистика.

Генезис законности проходит несколько этапов, проявляясь в виде идеи, принципа, метода и режима, а ее результатом является правовая законность, формирующаяся в правовой реальности. Криминалистика как наука позволяет обеспечить теорию, технику, стратегию, тактику и методику расследования преступлений. А значит, помочь осуществить всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств и установить истину, в конечном итоге обеспечить законность и правосудие.

Библиографический список

1. Андрей Васильевич Дулов: легенда белорусской криминалистики // Предварительное расследование. Научно-практ. ж-л Следственного к-та Респ. Бел. – 2019. – № 1. – С. 15-21.

2. Дулов, А. В. Введение в судебную психологию / А. В. Дулов. – М.: Юрид. лит., 1970. – 160 с.

3. Дулов, А. В. Из воспоминаний о Василии Федоровиче Червакове / А. В. Дулов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сб. научн. трудов. – Минск: Право и экономика, 2009. – № 1 (25). – С. 7-12.

4. Дулов, А. В. Проблемы развития моделирования в криминалистике / А. В. Дулов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сб. научн. трудов. – Минск: Право и экономика, 2009. – № 1 (25). – С. 144-149.

5. Дулов, А. В. Краткий обзор научно-исследовательской деятельности НИИ судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. научн. трудов. – Минск: Право и экономика, 2009. – № 2 (26). – С. 34-46.

6. Дулов, А. В. О формировании теории криминалистической экспертизы /А. В. Дулов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сб. научн. трудов. – Минск: Право и экономика, 2007. – № 1 (21). – С. 101-104.

7. Шумак, Г. А. Андрей Васильевич Дулов / Г. А. Шумак, А. А. Якимов // Весник БДУ. – Сер. 3. – 2014. – № 3. – С. 108-109.

Кабачевский А. А., Красиков В. С.
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПСИХОЛОГИИ
В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

В данной статье рассматривается вопрос о возможностях и пределах применения психологии в контексте криминалистической тактики путем определения системы последней и составляющих ее компонентов.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; компоненты тактики; криминалистическая психология.

Противодействие преступной деятельности представляет собой реализацию установленных полномочий независимыми друг от друга управляемыми системами. Создание и реализация управленческой функции в отношении государственных органов, определение законодательством форм реализации ими полномочий не являются исчерпывающими задачами в целях борьбы с преступностью. Для эффективного функционирования данных систем необходим поиск и внедрение в их деятельность методов, основанных на достижениях научной мысли различных сфер, находящихся на стыке наук. Раскрытие и расследование преступления является ничем иным, как выявление, фиксация, исследование информации, отражающей аспекты исследуемого события преступления. Поиск и анализ информации, имеющей значение для уголовного дела, осуществляется путем проведения компетентными органами следственных и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Таким образом, совершенствование деятельности по раскрытию и расследованию преступлений требует проведения исследований, направленных на повышения качества проведения указанных мероприятий.

Разработка приемов и способов проведения следственных действий является одной из задач раздела криминалистики – криминалистическая тактика. «Криминалистическая тактика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, и приемов конкретных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений» [1, с. 451]. Данное определение характеризует криминалистическую тактику как раздел криминалистики, обобщающий достижения различных областей научного знания с целью использования их для организации

деятельности правоохранительных органов и применения их непосредственно сотрудниками данных органов в профессиональной деятельности.

Одной из наук, состоящей в обеспечении криминалистической тактики, и, соответственно, деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности, является психология. Криминалистическая (следственная, следственно-оперативная) психология, являясь отраслью юридической психологии, изучает психологические аспекты раскрытия и расследования преступлений [2]. Однако, каковы пределы применения сведений, добываемых данной наукой, в контексте криминалистической тактики? Ответ на данный вопрос требует разделения указанной системы на составляющие ее компоненты.

Основные компоненты криминалистической тактики, по представлению В. Б. Шабанова и В. С. Красикова составляют: «организационное обеспечение расследования преступлений, которое включает систему приемов, способов, мероприятий, действий (следственных и оперативно-розыскных), а также управленческую деятельность в ходе процесса доказывания (собираения, исследования и использования доказательств); интеллектуальное обеспечение проведения следственных действий, ОРМ, в условиях преодоления противодействия расследованию, которое раскрывается через интеллектуальное взаимодействие субъектов уголовно-процессуальных (оперативно-розыскных) отношений» [3].

Слово «организовать» имеет значение учредить, основать, предпринять действия, совместно с кем-либо, подготовить, объединить, сплотить во имя какой-либо цели, упорядочить, придать планомерность [4, с. 404]. В контексте тактики противодействия преступности организация данной деятельности представляет собой учреждение, организационно-штатные мероприятия, проводимые в правоохранительных органах, наделение их определенной компетенцией, установление порядка взаимодействия между ними, оснащение научно-техническими средствами, необходимыми для исполнения полномочий. В вопросе тактики расследования преступления, организационный компонент проявляется в выборе процессуальных и иных мероприятий, направленных на достижение задач, определяющихся методикой расследования. Относительно тактики проведения непосредственно следственных действий (ОРМ) организация выступает в виде планирования проведения выбранного мероприятия, определение времени начала, обеспечение присутствия необходимых лиц, определение соисполнителей и разделение задач между ними и т.д.

В свою очередь, интеллектуальный компонент тактики находит свое проявление в формировании и использовании непосредственно в ходе

проведения следственных действий эффективных тактических приемов и состоящих из них тактических комбинаций.

Безусловно, такое разделение криминалистической тактики на составляющие ее компоненты и уровни их проявления является средством изучения последней, так как криминалистическая тактика, исходя из ее предназначения, является системой одновременно функционирующих и взаимообеспечивающих друг друга компонентов.

В настоящее время целесообразность использования психологии как средства разработки, выбора и применения тактических приемов проведения следственных действий (ОРМ) не вызывает сомнения. Исследования, проводимые в прошлом столетии А. Р. Ратиновым и А. В. Дуловым, а также их последователями находят свое отражение в учебниках, посвященных тактике производства следственных действий. Кроме того, некоторое распространение получило ответвление данного направления, изучающее психологические особенности самого лица, проводящего следственное мероприятие (ОРМ), что привело к формированию перечня личных качеств и навыков, необходимых для реализации полномочий. То есть, в настоящее время достижения психологической науки находят свое отражение в интеллектуальном компоненте криминалистической тактики и используются непосредственно лицами, реализующими полномочия в рамках раскрытия и расследования преступлений, исходя из объема их личной компетенции по рассматриваемому вопросу.

В качестве одного из примеров эффективного использования психологии на службе правоохранительной деятельности можно рассмотреть создание в составе Федерального бюро расследований США отдела поведенческих наук, на базе которого в 1985 г. учреждены отдел поведенческих наук Национальной академии ФБР и Национальный центр анализа насильственных преступлений. Если задачей первого является реализация образовательной программы по вопросам применения психологии в ходе правоохранительной деятельности, то вторая структура предназначена для оказания оперативной практической помощи сотрудникам, расследующим преступления, а также проведение исследований в данном направлении. Следует отметить, что учреждение и становление данных структур стали ответом на рост серийной насильственной преступности, что заставило искать способы эффективного противодействия данному явлению. Непосредственная функция центра состоит в сужении круга подозреваемых, составлению рекомендаций для лиц, непосредственно задействованных в процессе расследования преступления, по установлению преступника, а также тактике проведения следственных действий. Указанное осуществляется путем анализа сведений, полученных в результате проведенных мероприятий, и

сопоставления их с накопленными данными об особенностях поведения преступников. Для обеспечения деятельности подразделения создана единая цифровая система, в которую вносятся сведения о всех известных, как раскрытых, так и не раскрытых, тяжких и особо тяжких преступлениях. Внедрение психологии позволило перейти от схемы расследования, характерной для западных стран, основанной на мотивах и возможности или невозможности совершения преступления, к схеме «что произошло + как и почему именно так? = кем совершено». Данный пример указывает на возможность и необходимость применения психологии с целью усовершенствования противодействия преступной деятельности, а именно выстраивания организационного компонента криминалистической тактики, которое влечет развитие интеллектуального компонента.

Как отмечалось ранее, правоохранительная деятельность является компетенцией нескольких независимых друг от друга систем. Однако, в процессе раскрытия и расследования преступлений представители данных систем взаимодействуют в рамках решения одной тактической задачи. В некоторых случаях, данное взаимодействие является обязательным фактом, например, в случаях осмотра места происшествия. В ряде случаев взаимодействие обуславливается экономией ресурсов, эффективностью совместной деятельности и возможностью реализации определенных тактических приемов и комбинаций, например в случае проведения обыска. Правильная организация взаимодействия, от которого в том числе зависит успех проводимого совместного следственного действия, требует применения положений психологии управления как в ходе планирования мероприятия, так и в ходе его осуществления.

Таким образом, выстраивание организационного и интеллектуального компонентов криминалистической тактики возможно с учетом полученных психологической наукой сведений. Внедрение психологии в криминалистическую тактику расширяет тактический арсенал, позволяет спрогнозировать эффективность применения того или иного тактического приема. Данный факт подтверждается наличием соответствующего опыта в правоохранительных органах отдельных государств.

Тактика проведения следственных действий подразумевает учет психических процессов, состояний и свойств как лица, проводящего следственное действие (ОРМ), так и закономерных особенностей поведения преступника во время совершения общественно опасного деяния и впоследствии. Указанное требует накопления, изучения и обобщения сведений о данных закономерностях, опираясь на которые целесообразно формировать рекомендации о применении тактических приемов исходя из складывающейся обстановки. Вместе с тем, использование психологии в правоохранительной деятельности представляет не только диагностику психотипа личности из массы известных в настоящее время, причастного к

совершению преступления, а изучение преступника и его образа действия, являющегося закономерным и обоснованным, исходя из его соображений. Понимание данного вопроса предоставляет возможность иначе взглянуть на преступление и его субъекта, прогнозировать его поведение, а значит решать задачи уголовного процесса.

Библиографический список

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА. – М, 1999. – 999 с.
2. Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология : учебник для вузов [Электронный ресурс]. / Г. Г. Шиханцов. – Режим доступа : https://ebooks.grsu.by/ur_psix/glava-i-predmet-zadachi-sistema-yuridicheskoy-psikhologii.htm_. – Дата доступа : 18.09.2024.
3. Шабанов, В. Б. Проблемы криминалистической тактики: организационные и интеллектуальный компоненты / В. Б. Шабанов В. С. Красилов, // «Труд. Профсоюзы. Общество» : науч.-практич. журн. / Междунар. университет «МИТСО». – Минск, 2022. – № 1. – С. 75–80.
4. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

Карнаухова О. Г., Иванов Д. В.

ТАКТИКА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА В СУДЕ

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»,

2-я Красноармейская д. 4, 190005, г. Санкт-Петербург, Россия,

okarnaukhova @lan.spbgasu.ru

Рассматривается проблема выбора между допросом эксперта в суде и назначением дополнительной экспертизы. Описываются наиболее распространенные вопросы, возникающие в суде во время допроса эксперта. Предлагаются принципы поведения эксперта в суде во время допроса с целью обеспечения максимальной ясности и целостности его показаний.

Ключевые слова: допрос эксперта в суде; дополнительная экспертиза; повторная экспертиза; судебно-экспертная деятельность.

Допрос эксперта в суде – это важный процесс, который позволяет получить более полные и достоверные доказательства в ходе судебного процесса. Основной целью допроса эксперта является выяснение специфических вопросов, связанных с заключением эксперта, и получение более полных и достоверных доказательств.

Одной из распространенных проблем в практике является выбор: допросить эксперта или провести дополнительную либо повторную экспертизу. Дополнительная экспертиза назначается, когда требуется уточнить или дополнить ранее полученные выводы по конкретным вопросам. Повторная экспертиза назначается в связи с возникшими сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения. В отличие от этого, допрос эксперта проводится с целью уточнения и разъяснения информации, уже содержащейся в его заключении.

Эксперта в суде, чаще всего, допрашивают в тех случаях, когда необходимо:

1. Разъяснение специальных терминов и словосочетаний. Эксперт может помочь суду понять термины, которые имеют специфическое значение в его области знаний, что облегчает принятие обоснованных решений.

2. Устранение противоречий между исследованиями и выводами, если такие есть по мнению суда или участников судопроизводства.

3. Объяснение логики исследования. Суду важно понять, каким образом эксперт пришел к своим выводам, что может повлиять на оценку их достоверности.

4. Объяснение выбора определенной методики. Как правило, в зависимости от целей и задач исследования эксперт может выбрать ту или иную методику. Это субъективное решение, не предусмотренное какими-либо законодательными актами. Однако, суду важно понимать логику и обоснованность выбора эксперта.

5. Описание методики исследования. Участники судопроизводства, не являясь специалистами в той или иной области знаний, могут затрудняться в понимании особенностей методики производства экспертизы и задача эксперта разъяснить специфику [1, с. 127].

Подмена дополнительных и повторных экспертиз допросом эксперта и наоборот — это распространённая ошибка, которая может привести к искажению информации и недостоверности материалов дела. В кассационном определении Верховного Суда РФ от 10.03.2022 № 7-УД22-1-К2 сказано, что допрос эксперта в суде вместо дополнительной или повторной экспертизы, для назначения которой имеются основания, не допускается [2]. Таким образом, подменять дополнительную и повторную экспертизу допросом эксперта или наоборот, является ошибкой.

Допрос эксперта в суде — это ответственный процесс, требующий от специалиста не только глубоких знаний, но и умения правильно донести информацию до суда. С целью полного и достоверного получения доказательств, эксперту следует придерживаться следующих принципов допроса в суде.

1. Принцип согласованности.

Показания эксперта в суде должны быть четкими, логичными и согласованными с теми выводами, которые были представлены в заключении эксперта. Это добавляет обоснованности его словам и поддерживает целостность экспертного мнения.

2. Принцип логичности и последовательности.

Эксперту необходимо отвечать на вопросы по существу, выстраивая свои ответы в логической последовательности. Это обеспечивает ясность и доступность информации для всех участников процесса. Логичность и последовательность повышают вероятность правильной интерпретации его слов.

3. Принцип перефразирования.

Эксперту следует умело перефразировать вопросы для лучшего понимания их сути. Это позволяет избежать недоразумений и уточнить, что именно интересует суд. Перефразирование помогает создать более конструктивный диалог и дает возможность отстоять точность выводов.

4. Принцип обоснованности.

Если возникают возражения от участников процесса, эксперт может обратиться к суду с просьбой о предоставлении обоснования этих

возражений. Это позволяет прояснить позицию оппонента и понять, на каких фактах и выводах базируются их утверждения.

5. Принцип нейтралитета [3, с. 15-21].

Эксперту необходимо сохранять нейтралитет и избегать вступления в дискуссии с участниками процесса. В тоже время, концентрироваться на сути вопросов, а не участвовать в спорах.

Следование указанным принципам поможет эксперту эффективно и профессионально представить свои знания и выводы в суде, обеспечивая тем самым максимальную ясность и объективность в процессе.

Библиографический список

1. Российская, Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Российская, Е. И. Галяшина. – Москва: Проспект, 2010. – 464 с.

2. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10.03.2022 № 7-УД22-1-К2 от 10.03.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2096846. – Дата доступа: 11.09.2024.

3. Ахмедшин, Р. Л. Актуальные аспекты тактики допроса эксперта Р. Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 14. – С. 15-21.

Карпенко Д. Д.
**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»
ул. Казинца, 21/3, 220099, г. Минск, Беларусь, *dd.karpenka@gmail.com*

Криминалистическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних свидетельствует о том, что несмотря на принятие ряда профилактических мероприятий правоохранительными органами и усиленную работу в области предотвращения и расследования подобного рода преступлений, уровень совершенных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних остается неизменно высоким.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; несовершеннолетние; дети; половые преступления; преступления сексуального характера.

Преступления в сфере половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних представляют собой одну из наиболее опасных форм асоциального поведения и всегда вызывают широкий общественный резонанс негативной направленности.

В соответствии с уголовным законом, сексуальное насилие над несовершеннолетними – это тяжкое преступление. С медицинской точки зрения, педофилия (педофилическое расстройство) – это психическое расстройство, выражающееся в отклонениях сексуального предпочтения и патологическом влечении к детям. Иными словами, в каком бы ключе не трактовалось это явление, оно представляет собой серьезную девиацию, несущую угрозу для общества.

К преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних относятся:

изнасилование заведомо несовершеннолетнего, малолетнего (части 2, 3 статьи 166 УК);

насильственные действия сексуального характера в отношении заведомо несовершеннолетнего, малолетнего (части 2, 3 статьи 167 УК);

половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (статья 168 УК);

развратные действия (статья 169 УК);

понуждение к действиям сексуального характера заведомо несовершеннолетнего (часть 2 статьи 170 УК).

«Принимаемые комплексные меры позволили стабилизировать ситуацию, но продолжают выявляться преступления данной категории. Только в 2023 году их количество составило 1168, из которых 461 – это тяжкие и особо тяжкие преступления. По подозрению в их совершении задержаны 609 человек, в том числе серийные преступники» [1].

Изучение криминалистической характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних позволит выявить ряд особенностей, которые позволят разработать методы в поиске следов преступлений и в дальнейшем использовании их как доказательств по уголовному делу.

В литературе представлены различные взгляды на понятие криминалистической характеристики. Выделим наиболее типичные элементы:

- 1) способ совершения;
- 2) обстановка совершения преступления;
- 3) характеристика личности преступника;
- 4) характеристика личности потерпевшего;
- 5) следовая картина.

Наряду с обозначенными элементами могут быть указаны и другие.

Способ совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних напрямую связан с таким моментом, как совершено ли такое преступление с применением насилия со стороны преступника или последний воспользовался беспомощным состоянием несовершеннолетнего.

Так, если преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего совершается с применением насилия, то само насилие может быть как физическим, так и психическим, направленным против личных интересов потерпевшего несовершеннолетнего [2, с. 286].

Выбор того или иного способа совершения преступления зависит, помимо прочих обстоятельств, от такого определяющего фактора, как предварительное знакомство между преступником и потерпевшей.

По способу совершения преступления можно определить некоторые данные, характеризующие личность преступника. Взаимосвязь элементов криминалистической характеристики очень важно учитывать в процессе расследования сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних.

На сегодняшний день, среди злоумышленников приобрел популярность такой способ совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних, как груминг. Они находят потенциальных жертв в социальных сетях, онлайн играх, тематических чатах, изучают интересы и увлечения ребенка, после чего, представившись их ровесником, постепенно налаживают общение в рамках обмена текстовыми и

аудиовизуальными сообщениями. Входят в доверительные отношения, часто подкрепляемые финансовой помощью либо подарками. Начинают вести разговоры об интимной жизни несовершеннолетнего, прощупывая почву на наличие сексуального интереса, показывают различные материалы эротического и порнографического характера, впоследствии просят ребенка продемонстрировать интимные части тела в обнаженном виде и прислать фотографии. После чего, путем шантажа склоняют к реальной встрече с целью совершения полового акта. Обстановка совершения полового преступления в большинстве случаев характеризуется отсутствием посторонних свидетелей, выбором безлюдного места как на открытой местности, так и в помещении.

Результаты проведенного нами социологического исследования показали, что из 192 поучаствовавших в исследовании 41 человек (21,4%) был подвергнут онлайн-грумингу: 31 из них в возрасте до 14 лет, 23 в возрасте 15-16 лет. Исходя из приведенных данных мы можем сделать вывод о том, что у некоторых лиц данные деяния совершались неоднократно, повторяясь в разные возрастные периоды. У 27 несовершеннолетних (55,1 %) из 41 злоумышленники выманивали фотографии в обнаженном виде, 21 несовершеннолетнему предлагали встречу в реальности [3].

В рамках изучения такого элемента криминалистической характеристики преступления, как личность преступника стоит отметить, что из опрошенных 192 человек, в отношении 27 человек были попытки груминга оффлайн, в 27,3% случаев они исходили от знакомых и родственников [3].

«С 2017 по 2023 год медицинский диагноз «педофилия» (педофилической расстройство), по данным Государственного комитета судебных экспертиз, был выставлен 105 лицам. Всего же экспертизы были проведены в отношении 2,7 тыс. лиц, совершивших половые преступления. Получается, что общее число педофилов от лиц, совершивших половые преступления, составляет примерно 4%» [1].

Личность потерпевшего – важный элемент криминалистической характеристики. Общеизвестно, что несовершеннолетним присущи психологические особенности, имеющие виктимологическое значение: внушаемость, доверчивость, жажда приключений, любопытство, дезориентированность в конфликтных ситуациях. Все указанное делает эту возрастную группу повышено виктимной.

Большинство несовершеннолетних, вовлеченных в рассматриваемые виды преступных отношений, в определенной степени характеризуются недостатком эмоциональной зрелости или низкой самооценкой, поэтому уязвимы к манипуляциям и запугиваниям. Чаще всего в таких случаях, дети испытывают стыд и отвращение, а также страх перед гневом родителей.

В рамках проведенного опроса было установлено, что большинство несовершеннолетних, подвергшихся сексуальным посягательствам на их половую неприкосновенность и половую свободу со стороны взрослых лиц, не сообщали об этих случаях и не обращались за помощью по нескольким причинам:

- 1) наиболее частая причина – не осознавали опасность совершаемых в отношении них действий;
- 2) стыдились произошедшего и стеснялись вести об этом разговоры;
- 3) боялись отсутствия поддержки со стороны взрослых и последующих обвинений/наказаний в сложившейся ситуации.

В качестве следов половых преступлений в отношении несовершеннолетних можно выделить следы спермы, крови, волосы преступника на теле, одежде потерпевших и предметах обстановки преступления, следы пальцев рук и обуви преступника; следы сопротивления потерпевших. Повреждения у потерпевших чаще всего располагаются в области половых органов потерпевших, на руках, бедрах, в области таза.

Кроме типичных следов данной категории преступлений, следует выделять цифровые следы. При расследовании преступлений они признаются объектом поиска, фиксации, изъятия и судебно-экспертного исследования, а также источником собираемой и используемой в уголовном судопроизводстве доказательственной информации по уголовным делам.

Таким образом, основными наиболее типичными элементами криминалистической характеристики сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних являются: способ совершения; обстановка совершения преступления; характеристика личности преступника; характеристика личности потерпевшего; следовая картина. Следует выявлять причины и условия, которые толкают лиц, не страдающих педофилией, на совершение подобных преступлений. Видится необходимым продолжение исследований в целях выявления причин и условий, которые толкают лиц, не страдающих педофилическим расстройством, на совершение данной категории преступлений, а также способов совершения в сети Интернет.

Подготовлено при финансовой поддержке исследования грантом БРФФИ (Договор № Г23М-019 от 02.05.2023 г.).

Библиографический список

1. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: профилактика и принятие конкретных мер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belta.by/roundtable/view/prestuplenija-protiv-polovoj->

neprikosновенности-nesovershennoletnih-profilaktika-i-prinjatie-konkretnyh-mer-1610/. – Дата доступа: 19.09.2024.

2. Ломакина, А. А. Способы совершения преступлений, как наиболее важный элемент криминалистической характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / А. А. Ломакина // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 29 апреля 2016 года / Краснодарский университет МВД России. – Краснодар: ФГКОУВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – С. 284–287.

3. Социальный опрос на выявление фактов онлайн-гroomинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.google.com/forms/d/153dwzHrnwvlGg1qTOUwkir8Kt_ZjTIYVZCBmpdSBWdc/edit#responses. – Дата доступа: 19.09.2024.

Кашинский М. Ю.

**ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННО
ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ
РАССТРОЙСТВАМИ**

УО «Институт повышения квалификации и переподготовки
Следственного комитета Республики Беларусь»,
ул. Первомайская, 9, 220034, г. Минск, Беларусь, *m.kashinsky@yandex.ru*

В статье рассматриваются теоретико-концептуальные и методологические основы исследования преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами. Установлено, что современные теоретико-концептуальные и методологические основы криминологического исследования проблемы противодействия преступности и общественно опасному поведению лиц с психическими расстройствами обусловлены тесными взаимосвязями криминологии с криминалистикой, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, судебной и общей психиатрией, юридической психологией, общей теорией права, медициной, философией, социологией и другими науками, занимающимися исследованием различных аспектов данной проблемы. Обосновывается, что разработка и реализация программы комплексного криминологического исследования проблем противодействия преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами, требует использования и синтеза соответствующего методического инструментария, в том числе путем обращения к результатам исследований и методам других наук и прежде всего медицинских (общая и судебная психиатрия, психопатология), психологических (юридическая психология, патопсихология, психофизиология, коррекционная психология), педагогических (пенитенциарная (исправительная) педагогика). По результатам проведенного исследования делается вывод о необходимости использования современной криминологией системно-комплексного и междисциплинарного подходов к изучению проблемного поля преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами.

Ключевые слова: противодействие преступности лиц с психическими расстройствами; системно-комплексный и междисциплинарный подходы

По авторитетному мнению мэтра белорусской криминалистики профессора А.В. Дулова, «в развитии современной науки все больше проявляются интеграционные процессы. Усложняются объекты

исследования, что требует взаимодействия ряда уже сложившихся наук, создания новых отраслей знаний. Усложняющиеся процессы изучения объективного мира, социальной действительности делают интеграционные процессы обязательным условием развития наук. Такая же тенденция происходит и в праве» [1, с. 3].

Проведенный анализ специальной литературы свидетельствует, что в последние десятилетия, все большее количество исследователей и прежде всего юристов, занимающихся изучением различных аспектов преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами, акцентируют внимание на комплексный и, несомненно, недостаточно изученный междисциплинарный характер данной проблемы (Ю.М. Антонян, Л.М. Балабанова, С.В. Бородин, Т.Б. Дмитриева, В.В. Дукорский, Е.И. Скугаревская, А.Д. Балашов, Н.Д. Гомонов, А.П. Закалюк, Н.Г. Иванов, Б.Г. Калманов, В.Н. Кудрявцев, Р.И. Михеев, Г.Н. Мухин, Г.В. Назаренко, А.Б. Сахаров, Н.И. Сазонова, О.Д. Ситковская, Б.А. Спасенников, Д. Холмс, Б.В. Шостакович и др.). Однако несмотря на тот факт, что наукой стран дальнего и ближнего зарубежья в целом накоплен уже определенный багаж значимых в теоретическом и прикладном отношении знаний относительно отдельных аспектов преступности, общественно опасного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами, указанные проблемы остаются до сих пор неразрешенными, а системные, комплексные, междисциплинарные исследования, посвященные противодействию преступности, общественно опасному поведению лиц с психическими расстройствами ни белорусскими, ни зарубежными учеными-юристами ранее не проводились. При этом концепция противоправного, общественно опасного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами поведения остается еще недостаточно разработанной в науке и практике, несмотря на неоднократные попытки к ее изучению с позиции различных наук (медицинских, юридических, психологических) предпринимавшихся исследователями дальнего и ближнего (страны бывшего постсоветского пространства) зарубежья.

Как справедливо отмечал классик советской и российской криминалистики Р.С. Белкин, «в современных условиях процессу интеграции науки присущи новые черты. Для изучения одного и того же объекта теперь используются методы и средства исследования самых различных наук. Зачастую без комплексности исследования уже не представляется возможным получить принципиально новое знание. Это приводит к тому, что все большее число объектов становится общим для двух и более отраслей знания, каждая из которых исследует их в комплексе с другими или отдельно, в свое аспекте и исходя из своих целей. Все большее распространение в разных науках получают одни и те же методы.

Специфика методов познания и средств исследования как признак самостоятельности той или иной науки играет все меньшую роль. Все большее значение в научно-техническом прогрессе начинают приобретать общие средства и методы познания. Наконец, интеграция наук объясняется теперь не только общностью объектов, средств и методов познания, но и общественной функцией наук как производительной силы научного общества». [2, с.33-34]. При этом, по авторитетному мнению профессора А.С. Рубиса, «в ходе своего развития процессы дифференциации научных знаний приводят к их интеграции, требующей взаимопроникновения и взаимодействия различных наук, синтеза научного знания. Одним из основных направлений интеграции научных знаний является формирование комплексных, междисциплинарных проблем и направлений исследований. Интеграция научных знаний является одной из фундаментальных закономерностей использования современных достижений науки и техники, что приводит к созданию базисного знания в каком-либо направлении» [3, с. 123], к которому, несомненно, относится и такая междисциплинарная проблема как преступность и общественно опасное поведение лиц с психическими расстройствами

Опыт зарубежной криминологии убедительно свидетельствует, что «с помощью знаний психологии и психиатрии можно достоверно изучить причины наиболее жестоких и серьезных преступлений, анализируя сложное взаимодействие биологических факторов и социума, природы и воспитания» [4, с. 108]. Как отмечает профессор Ю.М. Антонян «психиатрические исследования постоянно обогащают уголовно-правовую науку и криминологию, позволяют обнаружить новые проблемы и взглянуть по-новому на те, которые стали традиционными» [5, с. 9].

Эту же мысль поддержал Г.Н. Мухин, разрабатывая криминалистическую теорию отклоняющегося преступного поведения («совокупность идей и представлений о механизме отклоняющегося преступного поведения, его отражении в окружающей среде, возникновении информации о преступном событии с признаками отклоняющегося преступного поведения и его участниках, о специфике доказывания, определяемой аномальными особенностями личности неустановленного преступника и подследственного») он отмечал, что данная проблема «имеет трандисциплинарную природу, являясь научным продуктом проникновения в криминалистику достижений психиатрии, психологии, судебной психиатрии и психологии, патопсихологии и психопатологии (*раздел психиатрии, изучающий проявления психических расстройств – К.М.*), дерматоглифики, генетики, молекулярной биологии и иных наук», акцентируя внимание, что «эта теория аккумулирует, систематизирует и приспособливает достижения названных наук для нужд криминалистики» [6, с. 8-9]. В тоже время указанный автор подчеркивает,

что «комплексная научная проблема криминогенности психических аномалий не является предметом его исследования» [6, с. 6], как и вопросы «причин отклоняющегося преступного поведения», которые «лежат вне сферы научного познания разрабатываемой криминалистической теории», однако «сам поиск непосредственной связи между психопатологическими и преступными явлениями, проводимый на протяжении достаточно продолжительного периода времени специалистами различных отраслей наук, представляет собой исключительно интересную и важную в научном и практическом смысле задачу, а имеющийся результаты таких исследований – особый интерес для ученых» [6, с. 26]. При этом, рассматривая криминалистические аспекты общественно опасных деяний, совершенных лицами с психическими аномалиями, Г.Н. Мухин делает весьма верное и ценное с нашей точки зрения замечание, что «задача исследования личности преступника вообще и, тем более имеющего отклонения в психике, требует комплексного подхода к ее решению» [6, с. 82], а раскрытие и расследование совершенных ими деяний, особенно серийных «не является узкопрофессиональной задачей, т.к. ее решение всегда находится в междисциплинарной плоскости и требует усилий психологов, психиатров, криминологов, криминалистов и представителей других отраслей науки» [6, с. 114], вместе с тем «недостаточная разработка комплексных теоретических проблем аномального преступного поведения и методики раскрытия общественно опасных деяний лиц с психическими аномалиями существенно затрудняют деятельность правоохранительных органов в борьбе с социально опасными действиями лиц рассматриваемой категории» [6, с. 117]. В этой связи применительно к рассматриваемой проблеме, несомненный научный интерес представляет суждение Г.Н. Мухина, о том, что «следует обратить внимание на особую научную и практическую значимость исследований сложность и специфика проведения которых определяется тем, что он проводятся на «стыке» двух и более наук. Это выгодно отличает данные разработки от исследований, жестко привязанных к сфере одной науки» [6, с. 68].

Одним из универсальных принципов науки, дающим краеугольное направление для исследования и решения сложной практической задачи, является системный подход, ибо «свойство системности непременно сопутствует совершенствованию научного знания» [7, с. 14]. Большинство современных ученых констатирует тот факт, что разрешить проблему преступности и связанных с ней социально-негативных явлений в обществе с позиции лишь одной, отдельно взятой науки не представляется возможным. «Дифференциация наук, их специфика не исключает, а предполагает наличие в них элементов синтетичности, проявляющихся в процессе комплексного исследования сложноорганизованных объектов», «осуществляемого как в рамках одной лидирующей науки, опирающейся на

другие области знания, так и в форме междисциплинарного синтеза» [8, с. 6, 48–49].

В этом плане весьма интересным представляется высказывание профессора Р.С. Белкина, о том, что «диалектика развития науки такова, что она неизбежно заставляет исследователя вновь и вновь обращаться к определению предмета науки, каждый раз с новых позиций, завоеванных познанием», в этой связи совершенно очевидно, что «объединение теорий в систему обусловлено общностью, «родственностью» изучаемых ими закономерностей объективной действительности», поскольку «система познается системой». [2, с. 44, 142].

Теоретическая и методологическая основа исследования проблемы преступности лиц с психическими расстройствами, на наш взгляд, обусловлена тесными взаимосвязями криминологии с криминалистикой, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, общей теорией права, судебной психиатрией, юридической психологией, медициной, философией, социологией и другими науками, что определяет ее междисциплинарный характер. Как справедливо отмечает белорусский ученый-криминалист Г.Н. Мухин «закономерности преступного отклоняющегося поведения и его отражение в окружающей среде могут выступать в качестве объекта как криминологического, так и криминалистического исследования. Результаты таких исследований взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимно обогащают друг друга» [6, с. 64–65]. Соответственно накопленные научные знания требуют систематизации и дальнейшего углубления на основе современной методологии криминологической науки (комплексность, системность, междисциплинарность). Следовательно проблема противодействия преступности лиц с психическими расстройствами «может быть успешно решена с использованием новых достижений различных наук, изучающих человека и условия его жизнедеятельности, на основе эмпирических исследований и правильной теоретической интерпретации их результатов» [9, с. 7], что при современном уровне развития науки становится возможным только путем проведения криминологического исследования основанного на комплексном, системном и междисциплинарном подходах [10, с. 166].

Как справедливо отмечают российские криминологи особенностью любого криминологического исследования является «процесс формирования исследовательской методики, который представляет собой составление совокупности определенных разнородных методов, позволяющих получить искомый результат». При этом «криминология использует довольно широкий спектр методов и, в большинстве случаев, они не являются собственно криминологическими», однако «применение конкретных методов в криминологическом исследовании обусловлено его целью и задачами, а также предметом» [11, с. 154].

По нашему мнению, трудность изучения преступности лиц с расстройствами психики определяется объективной сложностью самого предмета исследования, которая усугубляется сложноорганизованностью ее структуры как объекта исследования. В частности, современной криминологией и в целом отечественной уголовно-правовой наукой еще не достаточно изучены вопросы о детерминантах (причинах и условиях) преступности лиц с психическими расстройствами; не раскрыты механизмы преступного, общественно опасного и противоправного поведения лиц с расстройствами психики; не изучена криминогенность и правовая специфика психических расстройств, их место, роль и значение; в теории и практике регулярно возникают проблемы толкования и применения уголовно-правовых норм, когда психические расстройства могут выступать в качестве обстоятельств исключающих уголовную ответственность (ч. 3 ст. 27, ст. 28 УК); связаны с ситуацией совершения преступления (ст. 30, ст. 31, ст. 140, ст. 141 УК); могут влиять на возможность назначения или отбывания наказания (п. 17 ч. 1 ст. 64, ч. 1 ст. 92 УК); смягчать либо понижать наказуемость лиц, совершивших преступления (ст. 29, ст. 31, ст. 141 УК); обуславливать необходимость назначения принудительных мер безопасности и лечения (ст. 100-107 УК); нормы уголовно-исполнительного законодательства не учитывают состояния психического здоровья осужденных, в том числе и при оказании исправительного воздействия в процессе отбывания наказания.

Очевидно, что перечисленные уголовно-правовые проблемы невозможно исследовать без понимания самой сущности расстройств психики, поскольку «моноюридическое рассмотрение вопроса уголовно-правового значения психических расстройств неэффективно, поскольку при этом не учитываются закономерности психического бытия. Вне межотраслевого анализа, требующего в свою очередь системно-методологической и содержательной разработки целостной концепции уголовно-правового значения психических расстройств, сложно обеспечить реализацию уголовного законодательства в соответствии с современными требованиями развития общества, его основными ценностями» [12, с. 7].

Квинтэссенция проблемы научного исследования преступности, противоправного и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами заключается с одной стороны в объективной сложности ее как объекта исследования, а с другой стороны в ее ярко выраженном междисциплинарном и межотраслевом характере – не случайно она выступает предметом исследования различных отраслей научного знания: юридических (криминология, криминалистика, уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право, судебно-экспертная деятельность), медицинских (общая и судебная психиатрия), психологических (юридическая психология, патопсихология,

психофизиология, коррекционная психология), педагогических (пенитенциарная (исправительная) педагогика), философских, которые как правило решают «свои узкоприкладные и частнотеоретические задачи». При этом «обобщить и систематизировать накопленные знания – задача довольно сложная», поскольку «в таких дисциплинах, как психиатрия, клиническая психология и криминология, интерпретация причинно-следственных связей зависит не только от дедуктивного стиля мышления исследователя, но и от его естественнонаучной позиции», однако, по справедливому замечанию Б.Г. Калманова, «без интегративного сотрудничества и междисциплинарного синтеза накопленных знаний многие вопросы системного характера остаются нерешенными или спорными» [13, с. 7].

Так, как писал еще 1989 г. академик В.Н. Кудрявцев, «предмет изучения требует применения адекватных ему методов научного исследования», а «криминология, социальная психология, психиатрия становятся «точными» науками и все шире опираются на данные смежных дисциплин. Таким образом, происходит взаимное обогащение областей знаний, изучающих отклоняющее поведение, как через используемые им методики, так и путем сопоставления взаимодополняемых моделей (конструкций)». Следовательно, только «комплексный подход к исследованию социальных отклонений обеспечивает более надежное их прогнозирование и эффективную разработку профилактических мероприятий, усиление борьбы с ними» [14 с. 9-11]. Вместе с тем «в большинстве случаев исследования все еще проводятся разрозненно, без связи между собой. Не выработаны общие представления по данным вопросам, а вся сложность механизмов отклоняющегося поведения личности раскрыта недостаточно. Научное разрешение всех этих проблем, требует междисциплинарного подхода, который в данной области знания осуществляется пока слабо» [14 с. 172].

В настоящее время совершенно очевидно, что «без знания и учета психических аномалий невозможно понять действительные причины и механизмы совершения значительного числа преступлений, а, следовательно, эффективно предупреждать их и исправлять преступников», при этом по мнению профессора Ю.М. Антоняна «многие из тех правоведов и криминологов, которые берутся за решения указанных научных проблем, еще слабо знакомы с достижениями современной психиатрии и особенно патопсихологии» [5, с. 9, 13].

Полностью поддерживая мнение известного криминолога академика В.Н. Кудрявцева о том, что «задача общей теории – обобщение научных представлений, полученных при изучении отдельных видов антиобщественного поведения людей: преступности и иных правонарушений, пьянства и самоубийств и т.д.» [14, с. 15], мы глубоко

убеждены, что определяющими характеристиками современной криминологии являются именно междисциплинарность, системность и комплексность. В связи с этим полагаем, что применение именно системно-комплексного и междисциплинарного подходов в криминологии к исследованию проблем преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами, способно не только нацелить (сориентировать) исследователя на целостном восприятии такого сложноорганизованного объекта исследования, но, и позволит вооружить его определенными методологическими, научно-познавательными ориентирами, позволяющими наращивать исследовательский потенциал и реализовывать его в научно-практической деятельности.

Комплексность исследований в криминологии предполагает всестороннее изучение основных факторов, детерминирующих преступное, общественно опасное и отклоняющееся поведение личности; особенности характеристик самой личности правонарушителя (социально-демографические уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, нравственно-психологические, медико-психиатрические и др.) и основных компонентов целостной структуры его личности. То есть речь идет о взаимосвязи всех основных составляющих факторов (элементов), детерминирующих и (или) предрасполагающих к совершению лицом с психическим расстройством преступления или общественно опасного деяния в целостной системе объекта исследования. Соответственно разработка и реализация программы комплексного криминологического исследования проблем противодействия преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами, требует использования и синтеза соответствующего методического инструментария, в том числе путем обращения к результатам исследований и методам других наук и прежде всего медицинских (общая и судебная психиатрия, психопатология), психологических (юридическая психология, патопсихология, психофизиология, коррекционная психология), педагогических (пенитенциарная (исправительная) педагогика).

В этой связи в научно-исследовательских целях, исходя из основных принципов системно-комплексного и междисциплинарного подходов к изучению проблемного поля преступности и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами, считаем целесообразным при проведении нашего криминологического исследования обратиться и к достижениям смежных областей научного знания, и прежде всего философии, судебной и общей психиатрии, медицинской и юридической психологии, психофизиологии и др., занимавшихся исследованием данной проблемы [15, с. 34]. Полагаем, что преступность и общественно опасное поведение лиц с психическими расстройствами, являясь комплексным и общим предметом исследования для всех указанных нами научных

дисциплин, имея сложноорганизованный характер и структуру, должны исследоваться современной криминологией с использованием накопленного багажа знаний перечисленными отраслями научного знания.

Проведенное исследование, анализ специальной литературы и правоприменительной практики показали, что преступность и общественно опасное поведение лиц с психическими расстройствами представляет собой фундаментальную комплексную научно-практическую проблему междисциплинарного и межотраслевого характера, успешному исследованию которой препятствует установленный нами комплекс проблем. В выявленном нами комплексе условно можно выделить три взаимосвязанных между собой блока проблем: теоретико-методологические, организационно-практические и правовые, каждый из которых требует своего поэтапного решения.

В основе выделенных нами теоретико-методологических проблем исследования преступности лиц с психическими расстройствами лежат отличия в теоретических взглядах (порой концептуальные) на понятия «психическое расстройство», «преступность лиц с психическими расстройствами», «общественная опасность лица с психическим расстройством», «вменяемость», «уменьшенная (ограниченная) вменяемость», «невменяемость», «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством (так называемая возрастная невменяемость)», «опьянение», «аффект», «физиологический аффект», «патологический аффект», «принудительные меры безопасности и лечения», «классификация психических расстройств», «влияние конкретных нозологических форм психических расстройств на противоправное, отклоняющееся поведение лица с психическим расстройством» и др. у представителей различных отраслей научного знания и прежде всего юристов, медиков (психиатров) и психологов, а также отличия в теоретико-методологических подходах к предмету исследования.

Организационно-практический блок проблем включает в себя проблемы организации деятельности всех субъектов предупредительной деятельности, включая как проблемы конкретного субъекта в соответствии с его компетенциями, так и проблемы межведомственного и межотраслевого взаимодействия.

Правовой блок проблем включает в себя проблемы нормотворческой, законодательной и правоприменительной деятельности.

Установленный нами комплекс проблем, состоящий из теоретико-методологических, организационно-практических и правовых блоков, препятствует продуктивному исследованию преступности, противоправного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами, а также разработке эффективных мер их противодействия.

При этом следует подчеркнуть, что, выделенный нами блок теоретико-методологических проблем исследования преступности лиц с психическими расстройствами является по нашему глубокому убеждению, ключевым, поскольку без постановки данного блока проблем и его успешного разрешения, бессмысленно приступать к решению организационно-практических и правовых блоков.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Преступность и общественно опасное поведение лиц с психическими расстройствами представляют собой фундаментальную комплексную научно-практическую проблему междисциплинарного и межотраслевого характера, являющуюся объектом исследования различных отраслей научного знания: юридических (криминология, криминалистика, уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право, судебно-экспертная деятельность), медицинских (общая и судебная психиатрия), психологических (юридическая психология, патопсихология, психофизиология, коррекционная психология), педагогических (пенитенциарная (исправительная) педагогика), философских, успешному исследованию которой препятствует установленный нами комплекс проблем (теоретико-методологические, организационно-практические и правовые).

В условиях современного развития науки, именно междисциплинарность, системность и комплексность должны выступать базовыми постулатами, характеризующими современную методологию эффективного научного криминологического исследования проблемы противодействия преступности, противоправного и общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами.

Современные теоретико-концептуальные и методологические основы криминологического исследования проблемы противодействия преступности и общественно опасному поведению лиц с психическими расстройствами обусловлены тесными взаимосвязями криминологии с криминалистикой, судебной и общей психиатрией, уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, юридической психологией, общей теорией права, медициной, философией, социологией и другими науками, занимающимися исследованием различных аспектов данной проблемы. Перспективы противодействия преступности и общественно опасному поведению лиц с психическими расстройствами напрямую зависят от эффективности использования современной криминологией системно-комплексного и междисциплинарного подходов.

В основе разработки эффективных предложений по противодействию преступности и общественно опасному поведению лиц с психическими расстройствами должны лежать научные исследования базирующиеся на

системно-комплексном и междисциплинарном подходах, основанные на глубоком осмыслении проблемы перспективы эффективного противодействия преступности, общественно опасного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами как комплексной проблемы, носящей ярко выраженный межотраслевой и межведомственный характер, напрямую зависят от использования современной криминологией системно-комплексного и междисциплинарного подходов, основанных на глубоком осмыслении проблемы на теоретико-методологическом (криминологическом), эмпирическом (уголовно-правовом, уголовно-исполнительном, судебно-психиатрическом) и философско-психолого-психиатрическом уровнях.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Тенденции развития науки криминалистики / А. В. Дулов // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 окт. 2017 г. / редкол. В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2017. – С. 3–9.
2. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории / Р. С. Белкин. – М.: Юрид. лит., 1987. – 272 с.
3. Рубис, А. С. Достоверность как методологическая основа судебной экспертологии / А. С. Рубис, Р. М. Ропот // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений : проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 окт. 2017 г. / БГУ; редкол. В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2017. – С. 119–125.
4. Гомонов, Н. Д. Криминологическое значение изучения насильственных преступников (по материалам зарубежных исследований) / Н. Д. Гомонов, В. М. Труш, В. П. Тихомиров // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 102–109.
5. Антонян, Ю. М. Предисловие // Ю. М. Антонян // Принудительные меры медицинского характера история, теория, практика / Б. А. Спасенников. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 9–17.
6. Мухин, Г. Н. Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения : монография / Г. Н. Мухин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 215 с.
7. Берков, В. Ф. Философия и методология науки : учеб. пособие / В. Ф. Берков. – М. : Новое знание, 2004. – 336 с.
8. Методологические проблемы междисциплинарных исследований : (по материалам совет. лит.) : сб. обзоров / ред.-сост. Л. Э. Венцовский. – М. : ИНИОН, 1989. – 171 с.

9. Гомонов, Н. Д. Психические дивиаии и преступное поведение: криминол. и уголов.-правовой анализ.: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н. Д. Гомонов. – СПб., 2002. – 496 с.

10. Кашинский, М. Ю. Проблемы исследования преступности лиц с психическими расстройствами /М. Ю. Кашинский // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 26 февраля 2021 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; ред. кол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД, 2021 – С.165–166.

11. Методологические основания криминологических исследований: аспекты профилактики предотвращения преступности / Н. Д. Гомонов, В. М. Труш, В. П. Тихомиров, С. А. Лабузова // Юридическая наука. – 2024. – №1. – С. 153-156.

12. Спасенников, Б. А. К вопросу о медицинском критерии невменяемости / Б. А. Спасенников, А. Н. Тихомиров // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 1. – С. 7–12.

13. Калманов, Г. Б. Принципы системной детерминации при уголовно-релевантных психических расстройствах, не исключающих вменяемости / Г. Б. Калманов // Российский следователь. – 2012. – № 22. – С. 29-32 // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

14. Кудрявцев, В. Н. Социальные отклонения / В. Н. Кудрявцев, С. В. Бородин, В. С. Нерсисянц, Ю. В. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1989. – 365 с.

15. Кашинский, М. Ю. Перспективы предупреждения преступности лиц с психическими расстройствами / М. Ю. Кашинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2019. – № 1 (45). – С. 32-37.

Кирвель В. К.

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА – НАУЧНАЯ
ШКОЛА КРИМИНАЛИСТИКИ БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1963-2021)**

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь *kirvel_vk@pac.by*

Публикация посвящена научной школе криминалистики Белорусского государственного университета, основателем и научным руководителем которой является профессор А.В. Дулов. В статье рассмотрены исторические этапы зарождения, становления, развития и современного состояния указанной научной школы криминалистики; установлены пионеры научной школы криминалистики, ее научный лидер, внёсший существенный вклад в организацию криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности в Беларуси.

Ключевые слова: криминалистика; история криминалистики; научная школа криминалистики; судебная экспертиза; история судебной экспертизы; судебно-экспертная деятельность.

С целью изучения научного наследия профессора (далее – проф.) А.В. Дулова нами проведен анализ защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук (далее – канд. юрид. наук) и доктора юридических наук (далее – д-р юрид. наук) по 5-ти специальностям за 60-летний период с 1961 по 2021 гг.: 12.717 «Криминалистика» (1962–1977), 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность» (1977–2012), 12.00.12 «Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность» (2012–2019), 12.00.12 «Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» (2019 – по настоящее время) и 12.00.16 «Судебно-экспертная деятельность» (2019 – по настоящее время), в их не разрывной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Основные положения проведенного исследования основываются на фондах Национальной библиотеки Беларуси («Авторефераты диссертаций») и открытых электронных ресурсах (сайты ВУЗов). В настоящем исследовании не рассматриваются диссертационные исследования, выполненные или защищенные в нашей стране зарубежными исследователями (Китай, Россия и Украина).

Необходимо отметить, что теме исследования посвящены немногочисленные работы белорусских исследователей Шумака Г.А. [1, с. 194–203; 2, с. 293–300], Хлуса А.М. [3, с. 102–108] и др.

Находим обоснованным выделение четырех основных этапов научной школы криминалистики Белорусского государственного университета (далее – БГУ): зарождение, становление, развитие и современное состояние. Указание конкретных временных периодов существования того или иного этапа весьма условно и субъективно, вместе с тем, обозначим свой взгляд на этот вопрос.

Этапом зарождения научной школы криминалистики БГУ по нашему мнению следует считать 60-е – 70-е гг. XX в., когда были защищены первые диссертации на соискание ученой степени канд. и д-ра юрид. наук: 1-а докторская диссертация (далее – ДД) и 8-ь кандидатских диссертаций (далее – КД), которые были посвящены теоретико-прикладным аспектам проблемы применения положений криминалистической техники и тактики, судебной экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений.

1-ая ДД Дулова А.В. (1924–2018) посвящена теоретико-правовым аспектам проблемы применения судебной экспертизы в расследовании преступлений (12.717: криминалистика, 1963).

1-ая КД Матусевича И.А. (1927–2000) посвящена прикладным аспектам проблемы применения положений криминалистической тактики в расследовании преступлений (12.717: криминалистика, 1968).

Этапом становления научной школы криминалистики БГУ, по нашему мнению, следует считать 80-е гг. XX в., когда были защищены 12-ь КД, которые были посвящены прикладным аспектам проблемы применения положений криминалистической тактики и методики, судебной экспертизы в расследовании преступлений.

Этапом развития научной школы криминалистики БГУ, по нашему мнению, следует считать промежуток времени с 90-х гг. XX в. по 10-е гг. XXI в., когда были защищены 17-ь КД и 1-а ДД, которые были посвящены теоретическим и методологическим основам криминалистики, прикладным аспектам проблемы применения положений криминалистической тактики и методики, судебной экспертизы в расследовании преступлений.

Знаменательным событием данного этапа является защита ДД Рубиса А.С., которая посвящена разработке основ теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью (12.00.09: уголовный процесс; криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность, 2007).

Этапом современного состояния научной школы криминалистики БГУ, по нашему мнению, следует считать промежуток времени с 10-х гг. по 20-е гг. XXI в., когда были защищены 4-е КД и 2-е ДД (2014, 2021), которые были посвящены теоретическим и методологическим основам криминалистики, прикладным аспектам проблемы применения положений криминалистической тактики и судебной экспертизы в расследовании

преступлений, а также теоретическим и методологическим основам судебно-экспертной деятельности.

Знаменательным событием данного этапа является защита ДД Гучком А.Е. и Шведом А.И.

ДД Гучка А.Е. посвящена разработке теории криминалистического учения о материальной структуре преступления (12.00.12: криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, 2014).

ДД Шведа А.И. посвящена теоретическим основам судебно-экспертной деятельности (12.00.16: судебно-экспертная деятельность (юридические, технические, биологические и химические науки), 2021).

Рассмотрим более подробно указанные диссертации.

В 1963 г. на кафедре уголовного процесса и криминалистики юридического факультета БГУ доцентом (далее – доц.) Дуловым Андреем Васильевичем (1924–2018) была подготовлена 1-ая в Беларуси диссертация на соискание ученой степени д-ра юрид. наук по теме «Процессуальные проблемы судебной экспертизы», которая была успешно защищена 15 мая этого года в Московском государственном университете. Ученое звание «профессор» Дулову А.В. было присуждено в 1966 г., в 2004 г. было присуждено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Беларусь».

Проф. Дулов А.В. был одним из ведущих специалистов в странах СНГ по теоретическим и методологическим основам криминалистики (теория тактичных операций при расследовании преступлений, учение о «криминалистической стратегии»), криминалистической тактике, судебной экспертизе и юридической психологии, хорошо известен юридической общественности России, Украины, др. стран СНГ, а также ближнего зарубежья (Польша, Литва).

Дулов А.В. родился в 1924 г. в г. Ленинград. Участник Великой Отечественной войны (далее – ВОВ). Награжден орденами и медалями ВОВ. С 1944 – 1951 гг. – народный следователь, старший следователь прокуратуры г. Ленинграда. В 1949 г. окончил юридический факультет Всесоюзного юридического заочного института (г. Ленинград), в 1951 г. – юридический факультет Ленинградского государственного университета (далее – ЛГУ). С 1952 г. осуществлял научно-педагогическую деятельность в ЛГУ: аспирант, ассистент. В 1955 г. Дулов А.В. защитил диссертацию на соискание ученой степени канд. юрид. наук по теме «Экспертиза на предварительном следствии».

В 1958 г. Дулов А.В. был приглашен на работу в должности старшего преподавателя на кафедру уголовного процесса и криминалистики БГУ. С 1960 г. – доц., с 1965 г. – проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики. С 1972 г. по 1990 г. – заведующий кафедрой

криминалистики, созданной по его инициативе. С 1990 г. – проф. кафедры криминалистики БГУ.

Научные интересы проф. Дулов А.В.: методология криминалистики, криминалистическая тактика и методика, судебная экспертиза и юридическая психология. Дуловым А.В. опубликовано около 500 научных и учебно-методических трудов. Дулов А.В. являлся членом Совета по защите диссертаций БГУ и Академии МВД (далее – АМВД), главным редактором и членом редколлегии научных журналов, неоднократно являлся официальным оппонентом при защите диссертаций на соискание ученой степени канд. и д-ра юрид. наук, рецензентом научных трудов.

Проф. Дулов А.В. является Лауреатом Почетных грамот Президиума Верховного Совета БССР (1961, 1981), Лауреатом премии им. В.И. Пичеты (1999), Лауреатом высшей юридической премии «Фемида» в номинации «За вклад в юридические науки» (2013). Награжден медалью «За заслуги и развитие криминалистики» Российского отделения ЮНЕСКО (2002), Почетной грамотой Генерального прокурора СССР (1948) и Республики Беларусь (2010), ВАК Республики Беларусь (2018) и др. Подготовил 41-го канд. юрид. наук и консультировал 2-х д-ров юрид. наук.

Дальнейшее изложение информации о сотрудниках, которые подготовили диссертации на соискание ученой степени канд. или д-ра юрид. наук, будет структурировано следующим образом: год защиты / ФИО / год рождения / тема диссертационного исследования / научный руководитель / место выполнения диссертационного исследования / диссертационный Совет по защите диссертаций (если имеются данные) / примечание.

Под научным и организационным руководством проф. Дулова А.В. было защищено 44-е диссертации на соискание ученой степени канд. и д-ра юрид. наук, из них, под личным руководством 41-а и 2-е соответственно, которые были выполнены в БГУ, АМВД и Научно-исследовательском институте судебной экспертизы / Научно-исследовательском институте проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы (далее – НИИ) или защищены в Совете по защите диссертаций БГУ, АМВД и Гродненского государственного университета (далее – ГрГУ), которые и составляют научную школу криминалистики БГУ:

1968 г., Матусевич И.А. (1927–2000), «Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений»;

1970 г., Шиханцов Г.Г. (род. 1941), «Профессионально важные психические качества следователя»;

Грамович Г.И. (1938–2010), «Вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений», БГУ / БГУ, сотрудник АМВД;

1971 г., Ямпольский А.Е., «Научные основы тактики допроса подозреваемого»;

1972 г., Костров А.И. (род. 1935), «Проверка показаний свидетелей на предварительном следствии»;

1973 г., Тихиня В.Г. (род. 1940), «Применение данных криминалистической тактики при исследовании вещественных доказательств по гражданским делам (по материалам судебной и экспертной практики БССР)»;

Романов В.В. (род. 1929), «Использование композиционных портретов при расследовании преступлений»;

1979 г., Новик Ю.И. (1946–1999), «Научные основы принятия тактических решений при производстве следственных действий»;

1980 г.: Шумак Г.А. (род. 1950), «Применение следователем бухгалтерских познаний при расследовании хищений социалистической собственности»;

Бабич В. А. «Проблема этической допустимости тактических средств при расследовании преступлений»;

Кульчицкий С.М. (род. 1939), «Вопросы теории и практики экспертной инициативы при производстве криминалистических экспертиз», сотрудник НИИ;

1982 г.: Дворак Г.А., «Основы расследования хищений в рыбной промышленности»;

Андреев И.С. (1951–2007), «Профилактическая деятельность следователя при расследовании дорожно-транспортных происшествий», директор НИИ с 1987 по 1994 гг.;

Янушко В.И. (1935–1993), «Криминалистические проблемы задержания подозреваемого в совершении преступления», сотрудник АМВД;

1986 г., Лапин А.В. (1949–2007), «Теория и практика производства тактических операций при расследовании квартирных краж»;

1988 г., Ревтов Ю.И. (1931–2005), «Опознавание человека по голосу и особенностям речи в процессе расследования»;

1989 г.: Андрианова Т.П., «Применение специальных криминалистических познаний при судебном разбирательстве уголовных дел»;

Печерский В.В. (род. 1962), «Изучение структуры производственной организации при расследовании хищений государственного и общественного имущества»;

Сидорик П.Н. (1952–1994), «Профилактическая деятельность следователя по делам несовершеннолетних», сотрудник АМВД;

Чепик А.А. (род. 1958), «Взаимодействие следователя с государственными инспекциями при осуществлении профилактики преступлений»;

1990 г.: Сидорик В.Н. (род. 1945), «Методика расследования изнасилований, совершенных несовершеннолетними», сотрудник АМВД;

Веренчиков И.Р. (род. 1960), «Профилактическая деятельность следователя»;

1991 г., Мандрик Л.И., «Процессуальные и криминалистические аспекты получения образцов для сравнительного исследования»;

1996 г., Хлус А.М. (род. 1964), «Организационно-тактические проблемы расследования вымогательства», БГУ / ГрГУ;

1998 г.: Дятлов О.М., «Проблемы теории и практики автоматизации судебно-экспертных исследований», АМВД / АМВД, директор НИИ с 1997 по 2004 гг.;

Бочарова О.С. (род. 1967), «Теоретические и методические основы криминалистического исследования ценных бумаг и документов со специальной защитой», АМВД / АМВД, сотрудник НИИ;

1999 г., Гучок А.Е., «Применение метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений», БГУ / ГрГУ, доц., 2004, д-р юрид. наук (12.00.12), 2014;

Зорин Р.Г. (род. 1974), «Применение специальных криминалистических знаний при осуществлении защиты по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях», ГрГУ / ГрГУ, сотрудник ГрГУ;

2000 г., Тарасова Е.К. (род. 1964), «Организационно-тактические особенности производства дополнительного расследования уголовных дел», БГУ / ГрГУ, научный руководитель – канд. юрид. наук, доц. Лапин А.В.;

2001 г., Рубис А.С., «Деятельность прокурора по выявлению преступлений», д-р юрид. наук, 2007;

Климова Е.И. (род. 1956), «Использование моделирования при расследовании фальшивомонетничества», АМВД / АМВД, сотрудник АМВД;

2002 г., Мороз И.А. (род. 1977), «Функции начальника следственного подразделения по управлению расследованием преступлений»;

Ревтова С.Ю. (род. 1956), «Организация и тактика допроса несовершеннолетней потерпевшей по делам об изнасиловании», АМВД / АМВД, сотрудник АМВД;

2003 г., Пономаренко Ю.В. (род. 1978), «Применение метода криминалистической ретроспекции при расследовании преступлений»;

2004 г.: Лапина И.А. (род. 1978), «Преступление в структуре предмета криминалистики», научный руководитель – канд. юрид. наук, доц. Шумак Г.А.;

Егоров К.С., «Применение метода криминалистической диагностики в судебно-фонографической экспертизе», АМВД / АМВД, сотрудник НИИ;

2007 г., Рубис А.С. (род. 1956) подготовил и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра юрид. наук «Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью», науч. консультант – заслуженный деятель науки Республики Беларусь, д-р юрид. наук, проф. Дулов А.В., проф., 2018;

2008 г., Чуприна (Хаткевич) Е.П. (род. 1981), «Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и эксперта»;

2010 г., Чувак А.И. (род. 1984), «Теория и практика изучения личности обвиняемого при расследовании преступлений»;

2010 г., Горошко Е.Ю. (род. 1983), «Комплексные экспертные исследования в уголовном процессе: теоретические и прикладные аспекты», АМВД / АМВД;

2011 г., Павлють О.В. (род. 1980), «Деятельность эксперта-криминалиста в качестве специалиста при осмотре места происшествия», АМВД / АМВД, сотрудник АМВД;

2014 г., Гучок А.Е. подготовил и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра юрид. наук «Криминалистическое учение о материальной структуре преступления», специальность 12.00.12;

2014 г., Орехова Е.П., «Организационно-правовое обеспечение формирования и применения методики экспертного исследования», научный руководитель – канд. юрид. наук, доц. Мороз И.А.;

2021 г., Швед А.И. подготовил и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра юрид. наук «Теоретические предпосылки и прикладные аспекты реализации в Республике Беларусь единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности», специальность 12.00.16.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем констатировать, что основателем, научным руководителем и научным лидером школы криминалистики БГУ является заслуженный деятель науки Республики Беларусь, д-р юрид. наук, проф. Дулов Андрей Васильевич.

Пионерами научной школы криминалистики БГУ являются: Дулов А.В. (1963) и Матусевич И.А. (1968).

Сферой интересов научной школы криминалистики БГУ являются: теоретико-прикладные аспекты теоретических основ криминалистики; криминалистической техники, тактики и методики; теоретико-прикладные аспекты судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности.

Достижения научной школы криминалистики БГУ признаны на постсоветском, национальном, отраслевом и региональном уровне.

Научным результатом деятельности школы криминалистики БГУ за 60-летний период является защита 1-ой диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук (1963) и 41-ой диссертаций на соискание ученой степени канд. юрид. наук (1968–2014) и последующая защита

трех диссертаций на соискание ученой степени д-ра юрид. наук (2007, 2014, 2021).

Благодарности. Автор выражает признательность доц. Шумаку Г.А. за помощь в корректировке архивных данных.

В заключении следует отметить, что автор не претендует на бесспорность высказанных суждений и выводов. Он полагает, что публикация вызовет интерес у заинтересованного круга читателей, дискуссию, которая в свою очередь приведёт к комплексному научно-практическому исследованию исторических аспектов научной школы криминалистики БГУ.

Библиографический список

1. Шумак, Г. А. Белорусская школа криминалистики: традиции, тенденции и новации / А. Г. Шумак, А. В. Дулов // Юридическая наука и образование. – Вып. 2. – Харьков, 2009. – С. 194–203.

2. Шумак, Г. А. Современные направления развития белорусской университетской школы криминалистики / А. Г. Шумак // Проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы : Тезисы докладов науч.-практ. конф., посвященной 40-летию основания кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск, 26 мая 2016 г.). – Минск : Акад. МВД Респуб. Беларусь, 2016. – С. 293–300.

3. Хлус, А. М. Инновационные криминалистические разработки научной школы криминалистики А. В. Дулова / А. М. Хлус // Российский юридический журнал. – 2021. – №4 (139). – С. 102–108.

Ковалик Б. В.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОСМОТР»

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, boriskovalik@yandex.ru

В публикации произведено рассмотрение отдельных норм, регламентирующих порядок проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный осмотр», касающихся изучения, копирования и изъятия информационных систем, информационных ресурсов, предметов и документов, а также компьютерной информации. На основании анализа мнений ученых, зарубежного опыта, а также норм, регулирующих смежные общественные отношения, автором сформулировано предложение о внесении изменений в Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307–З «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельности; оперативный осмотр; уголовный процесс; санкция прокурора; информационная система; цифровой след; компьютерная информация.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), как следует из определения, приведенного в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307–З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) осуществляется в том числе, путем гласного либо негласного проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). В данной связи особый интерес в научной среде представляют вопросы теоретического исследования проблем регламентации и проведения как ОРМ в целом, так и их отдельных видов.

Поводом для настоящей публикации стала существующая в научном сообществе дискуссия о правовом режиме извлечения и использования в процессе выявления и раскрытия преступлений цифровой информации, хранящейся на электронных устройствах, изъятых сотрудниками оперативных подразделений у лиц, причастных к противоправной деятельности. Полагаем, что наличие данной дискуссии обусловлено значительным ростом количества совершенных киберперступлений в рамках выявления и раскрытия которых ценность в первую очередь представляют цифровые следы.

Одним из ОРМ, в рамках проведения которого возможно осуществлять изучение, копирование и изъятие информационных систем, информационных ресурсов, предметов и документов, а также компьютерной информации является «оперативный осмотр».

В соответствии с требованиями Закона об ОРД ОРМ, в частности «оперативный осмотр», за исключением случаев, когда оно проводится с санкции прокурора или его заместителя, может быть проведено исключительно с согласия лица, во владении или пользовании которого находится объект осмотра (ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД).

При обстоятельствах, аналогичных описанным выше, проводится схожее по содержанию ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», регламентированное Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2022 № 638–ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Наряду с данными случаями в специальной литературе обосновывается позиция, согласно которой проведение оперативного осмотра средств компьютерной техники и их использование в целях решения задач ОРД возможно без судебного решения (в Республике Беларусь – санкции прокурора или его заместителя). Выражая солидарность с Конституционным судом Российской Федерации, А.В. Чечетин считает осмотр средств мобильной связи и содержащихся на нем сведений без судебного решения правомерным в случае, если они были изъяты у правонарушителей в установленном порядке и находятся на хранении в уполномоченном органе [1, с. 232].

Проводя аналогию со смежными отраслями права, следует отметить, что в Республике Беларусь, после внесения изменений в Уголовно–процессуальный кодекс (далее – УПК), в отдельное следственное действие был выделен осмотр компьютерной информации (Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112–З). Согласно ч. 5 ст. 204-1 УПК, при обстоятельствах, аналогичных описанным А.В. Чечетиным, без санкции прокурора разрешено проведение следственного осмотра компьютерной информации, однако равнозначная норма о возможности проведения ОРМ «оперативный осмотр» отсутствует.

Полагаем, что в случае дополнительного законодательного уточнения, внедрение подобной практики может оказать положительное влияние на результаты оперативно-служебной деятельности, органов осуществляющих ОРД и в Республике Беларусь. Об эффективности и обоснованности применения данного подхода свидетельствуют примеры из практической деятельности оперативных подразделений Российской Федерации, а также анализ зарубежного законодательства в данной части [1, с. 230-232].

В данной связи с целью гармонизации подходов к регламентации общественных отношений в сферах уголовного процесса и ОРД, полагаем необходимым внести в Закон об ОРД дополнение, касающееся регламентации условий проведения оперативного осмотра компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных

носителях, изъятой в установленном законом порядке, которое необходимо изложить следующим образом:

статью 26 дополнить частью 8 «Оперативный осмотр компьютерной информации, хранящейся в информационной системе, на информационном ресурсе, предметах и документах, изъятых с санкции прокурора в установленном законом порядке, проводится без санкции прокурора».

Наличие данной возможности обусловлено тем, что правовой институт санкционирования является межотраслевым, так как изначально регламентирован конституционно-правовыми нормами, которые в дальнейшем нашли свое отражение в нормах уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и других отраслях права.

Разработанное предложение может быть использовано для совершенствования законодательства, что позволит укрепить систему гарантий соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при проведении ОРМ.

Библиографический список

1. Чечетин, А. Е. О правовых основах использования цифровой информации в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности: Конституционный Суд РФ об осмотре средств мобильной связи в деятельности по раскрытию преступлений / А. Е. Чечетин // Оперативно-розыскная деятельность и современность : сб. науч. трудов / ИНФРА-М ; под ред. В. С. Овчинского. – Москва, 2022. – С. 216–232.

Красиков В. С.

ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Рассматриваются проблемы преступной организованной экономической деятельности в условиях современности. Предлагаются основные направления решения проблемы противодействия организованной преступности в области правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: преступная организованная экономическая деятельность; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность.

Современная преступность, объединяющая экономическую преступную деятельность с организованной (общеуголовной) и коррупционной – социальное явление, обусловленное системой факторов, дающих возможность субъектам (основной причине преступлений) обеспечивать свою деятельность противоправным способом. Под системой факторов, с точки зрения криминалистики и оперативно-розыскной деятельности (ОРД), следует понимать: социальные, правовые, экономические, организационно-управленческие особенности существования суверенного государства, которые во многом определяют объекты преступного посягательства, объекты преступления, предметы преступления и способы (орудия) реализации преступного замысла.

В документах Секретариата ООН организованная преступность характеризуется как сложные уголовные виды деятельности, осуществляемые в широких масштабах организациями и другими группами, имеющими внутреннюю структуру, которые получают финансовую прибыль и приобретают власть путем создания и эксплуатации рынков незаконных товаров и услуг. Это преступления, часто выходящие за пределы государственных границ, связанные не только с коррупцией, получением взяток или тайных сговоров, но также с угрозами, запугиванием и насилием.

Конкретизируя причины и условия преступной организованной экономической деятельности (ПОЭД) А. В. Дулов отмечал, что она «... образуется за счет дефектов в управленческих, социальных системах или паразитирует на их материальных ресурсах. Такая система может быть создана и как средство (специально организованное) разрешения противозаконным путем возникших противоречий внутри системы, между системами. Одна из характерных особенностей такой системы, как преступление, заключается в том, что в ней сочетаются элементы

социальной, технологической, психологической сфер жизни человека. Это комплексная система, своеобразно сочетающая в себе все недостатки, противоречия, которые существуют в социальной сфере, в процессах производства, распределения, обслуживания, в условиях жизни, психических, моральных качествах людей. Таким образом, система «преступление» включает в себя субъект, совершающий уголовно-наказуемые действия, элементы других систем и средства, специально создаваемые для совершения преступления» [1, с. 75].

Этот вывод раскрывает сущность организованной преступности, которая действует вне государственного и общественного контроля, объединяет противоправно активных субъектов в управляемые структурируемые системы, действующие на основе неформальных «законов», поддерживающихся применением жестких методов за их «нарушение». Действия организованной преступности, проникающей в область экономических отношений, направлены на обеспечение контроля и монополизации сфер экономики в целях извлечения максимальной прибыли.

Таким образом, условия ПОЭД определяются, во-первых, субъективными и объективными признаками на основании закономерностей: законной и запрещенной экономической деятельности (правовой, социальный, управленческий и экономический аспекты); во-вторых, возможностями маскировки под легальный бизнес; в-третьих: созданием рынка товаров или услуг по купле-продаже криминального продукта; в-четвертых: уклонением от уплаты налогов и отмыванием денежных средств, полученных незаконным образом; в-пятых, формированием денежных средств, используемых для коррупции, а также влияния на правовые, социальные, управленческие и экономические сферы функционирования государства.

В соответствии с положениями действующей редакции Закона Республики Беларусь 27 июня 2007 г. № 244–З «О борьбе с организованной преступностью» она определяется как общественно опасное социальное явление, выражающееся в создании организованных групп, включая банды, преступных организаций, осуществляющих преступную деятельность, характеризующихся признаками, определенными Уголовным кодексом Республики Беларусь. Организованная преступность, в том числе и в рамках ПОЭД – это:

организация, оказывающая содействие организованной группе, преступной организации, организация, в отношении которой в соответствии с законодательством Республики Беларусь получены достоверные сведения о заведомом предоставлении данной организацией расчетных счетов, производственных и иных помещений, транспортных и других технических средств участнику (участникам) организованной

группы, преступной организации для подготовки и (или) осуществления преступной деятельности, а равно организация, способствующая сокрытию следов преступной деятельности организованной группы, преступной организации;

организация, созданная на средства организованной группы, преступной организации, – организация, в отношении которой в соответствии с законодательством получены достоверные сведения о том, что ее уставный фонд заведомо сформирован (увеличен) с привлечением средств, полученных в результате преступной деятельности организованной группы, преступной организации.

Эти положения, в целом, соответствуют определениям, закрепленным в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года (г. Палермо). В соответствии с этой Конвенцией: «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений..., с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду; «серьезное преступление» означает преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания; «структурно оформленная группа» означает группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура.

С точки зрения социальных, юридических и прикладных наук ПОЭД представляет несомненный интерес в целях познания и разработки мер (мероприятий) по: противодействию межгосударственным, межнациональным, внутригосударственным конфликтам; поддержанию и повышению уровня материального благосостояния граждан; поощрению деловой активности граждан и исключению явлений монополизации в области экономических отношений; поддержанию режима законности и неотвратимости ответственности за коррупцию и участие в организованной преступной деятельности; поддержанию разумного уровня бюрократизма в сферах управления экономическими, правовыми и социальными процессами на всех их уровнях.

Принимая во внимание сложность и комплексность проблемы ПОЭД, угрожающей безопасности суверенного государства, концептуально ее следует решать в рамках усиления уголовной ответственности, криминализации деятельности (бездеятельности) по созданию условий для ПОЭД [2]; обеспечения правового режима противодействия ПОЭД,

который был бы очевиден, ясен и понятен всем гражданам; пропаганды законности и эффективности деятельности правоохранительных органов в решении задач противодействия ПОЭД; создания правовых условий и гарантий, обеспечивающих взаимодействие (сотрудничество) с гражданами, в том числе, вовлеченными в ПОЭД, для полного всестороннего и объективного предупреждения и расследования преступлений.

Библиографический список

1. Криминалистика: Учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1998. – 415 с.
2. Шабанов, В. Б. Значение условий в преступной деятельности (на примере коррупционных преступлений) / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2020. – С. 79–86.

Кузбагарова Е. В.

**МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ**

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет»,
2-ая Красноармейская, д. 4, 190005, г. Санкт-Петербург, Россия,
ekuzbagarova@lan.spbgasu.ru

Подготовка судебных экспертов является востребованным направлением в сфере высшего образования и базируется на использовании методического обеспечения судебно-экспертной деятельности. В рамках данной статьи рассматриваются этимологические, организационные и методические вопросы организации образовательного процесса подготовки специалистов по судебной экспертизе.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; методическое обеспечение; производство судебных экспертиз; подготовка специалистов.

Актуальность темы, посвящённой методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности не вызывает сомнений, в связи с постоянным научным интересом и последующей апробацией полученных результатов в экспертной деятельности и образовательном процессе по подготовке судебных экспертов.

В Российской Федерации методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности является одним из направлений в разработке единых стандартов. В целом, разработка стандартов для судебно-экспертной деятельности требуется по следующим направлениям: роды и наименование экспертиз; терминология и определения; допустимость методов; оценка точности судебных экспертиз, стандартизация экспертных методик и т.д. Приведение к единой системе потребует пересмотра организации образовательного процесса подготовки и переподготовки судебных экспертов по единым стандартам.

В настоящее время проведение судебно-экспертных исследований базируется на применении экспертами специальных познаний, которые формируются, дополняются, трансформируются с учётом технического, информационного и технологического развития соответствующего направления экспертной деятельности [1].

Судебная экспертиза, являясь динамически развивающимся, интеграционным институтом, требует и соответствующей подготовки специалистов для данной области профессиональной деятельности. В

системе образования и подготовки специалистов – судебных экспертов важнейшим элементом является процесс формирования профессиональных компетенций, включающий в себя образование, профессиональную подготовку, трудовую деятельность, участие в профессиональных сообществах и адаптацию к изменениям в отрасли.

Е.Р. Россинская отмечает, что «подготовка судебного эксперта – это не механическое соединение двух образований (юридического и иного), а интегративное образование, позволяющее обучающемуся приобрести необходимые профессиональные компетенции, сформировать экспертное мышление, тогда как отдельно взятые два образования не позволяют этого сделать. Компетенции формируются только в течение нескольких лет экспертной практики, при этом возможны многочисленные ошибки. Поэтому иногда даже двух высших образований недостаточно» [2, с. 79].

Подготовка специалистов по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза базируется на Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования (далее – ФГОС ВО) – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, утверждённый приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 31.08.2020 № 1136. В рамках данного образовательного стандарта обучение специалистов в области судебной экспертизы может осуществляться по следующим специализациям: криминалистические экспертизы; инженерно-технические экспертизы; экспертизы веществ, материалов и изделий; экономические экспертизы; речеведческие экспертизы.

На примере подготовки судебных экспертов по специализации – Инженерно-технические экспертизы, реализуемой на факультете судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета можно продемонстрировать следующее: обучение носит комплексный, интеграционный характер и требует использования широкого спектра методического обеспечения различных видов деятельности. Высшее образование эксперта-инженера включает в себя изучение широкого спектра учебных дисциплин, которые связаны с проектированием, строительством и эксплуатацией зданий и сооружений, в частности: Строительные материалы, основания и фундаменты, Основы строительного производства, Технология производства и многие другие. Обучающиеся изучают также Высшую математику, Начертательную геометрию, блок правовых дисциплин, экономику. Ключевым в подготовке специалистов является изучение специальных дисциплин: Судебная строительно-техническая экспертиза; Судебная экспертиза оснований и фундаментов, Судебная экспертиза инженерных сетей; Судебная автотехническая экспертиза; Судебная компьютерно-техническая экспертиза, Судебная дорожная экспертиза и др. При этом положительным моментом будет

являться наличие в образовательной организации, реализующей вышеуказанный ФГОС ВО, специализированных лабораторий, на базе которых можно проводить практическую подготовку по узкоспециализированным техническим дисциплинам, а также наличие соглашений о практической подготовке с экспертными организациями, в которых выполняют инженерно-технические экспертизы.

Обучение дисциплинам, входящим в обязательную часть реализации основной профессиональной образовательной программы, не вызывает сложностей, в отличие от процесса обучения по специальным (профильным) дисциплинам, связанных с определёнными вопросами методического характера. В частности, в рамках образовательного процесса по специальным (профильным) дисциплинам научно-преподавательский состав должен обучить будущих судебных экспертов проведению судебных экспертиз на основе имеющегося, апробированного методического обеспечения судебно-экспертной деятельности [3, с. 51]. В образовательном процессе учебных заведений МВД России используется методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности экспертных организаций МВД России, активно привлекаются к проведению занятий на безвозмездной основе эксперты-криминалисты территориальных экспертно-криминалистических подразделений, на основе соглашений о практической подготовке обучающиеся по специальности 40.05.03 проходят практики в указанных подразделениях, что является логичным и целесообразным. В высших учебных заведениях, относящихся к Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, осуществляющих подготовку по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, к обучению по профильным (специальным) учебным дисциплинам привлекаются действующие государственные судебные эксперты и судебные эксперты негосударственных экспертных организаций. Соответственно судебные эксперты обучают по тем экспертным методикам, которые используют в своей повседневной профессиональной деятельности. Данное явление характерно не только в сфере образования, но и непосредственно в сфере судебной экспертизы, что обусловлено отсутствием стандартизации экспертных методик [4, с. 134]. Реализация достаточно сложного ФГОСа ВО по судебной экспертизе требует от образовательных организаций комплексного подхода для соблюдения всех требований ФГОС ВО по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза. Комплексность необходима для подготовки специалиста с так называемой «двойной» компетенцией: например, юрист и инженер, юрист и лингвист. Следует отметить, что образовательным организациям было бы значительно легче, если бы были разработаны профессиональные стандарты соответствующих профессиональной

деятельности выпускников с обозначенным обязательным методическим обеспечением.

Этимологическая составляющая методического обеспечения судебно-экспертной деятельности не нашла своего отражения в Федеральном законе Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В целях уяснения этимологической и сущностной составляющих данного организационно-правового явления обратимся к научным исследованиям.

В частности, в словаре основных терминов судебных экспертиз приводится следующее определение: «методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности – оснащённость рода или вида судебной экспертизы методами, позволяющими реализовать решение максимального объёма задач» [5, с. 49].

Вышеприведенное определение «методического обеспечения» не раскрывает сущностную составляющую и указывает исключительно на методы, используемые в судебно-экспертной деятельности, и этот факт является вероятнее всего недостаточным.

По нашему мнению, методическое обеспечение обязательно должно базироваться и соответствовать принципам судебно-экспертной деятельности, таким как: научное обоснование; объективность; всесторонность; полнота судебно-экспертных исследований; соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также юридических лиц.

Следует согласиться с авторами, считающими, что нецелесообразно проводить исследование на основе методики, которая хоть и отвечает вышеуказанным принципам, но не имеет сертификации, она ещё не использовалась на практике, и что это ухудшает процесс судебно-экспертной деятельности [6 с. 58; 7, с. 115].

По нашему мнению, сертификация данных методик должна быть централизованной, потому что только в этом случае будет возникать меньше сомнений в компетентности органа, который проводит сертификацию.

По мнению А.В. Кокина, системы сертификаций, которые все действуют одновременно, не имеют достаточного эффекта, потому что не совсем понятно, на какую из них стоит опираться. Происходит противоречие методик, которые работают в разных условиях и для разных целей [8, с. 23].

Справедливо отмечает Ф.Г. Аминев, что методики должны не только соответствовать главным принципам судебно-экспертной деятельности, но и должны с успехом пройти испытания в лабораториях. После этого можно считать, что методика сертифицирована, однако, чтобы получить

информацию о тех методиках, которые имеются, необходимо создать единый реестр методических материалов [9, с. 212].

Применение методики может быть сопряжено с использованием технических средств, иногда, достаточно дорогостоящих. В связи с чем, возникает вопрос необходимости закупки и внедрения в экспертную деятельность данных технических средств, регулярной поверки на базе судебно-экспертной лаборатории.

Наличие судебно-экспертной лаборатории для судебно-экспертных организации является не обязательным требованием, соответственно и на образовательные организации данное условие может не распространяться. В соответствии с ФГОС ВО по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза обязательно наличие ряда лабораторий, в требованиях к которым, обязательная сертификация не определена. Перечень оборудования и технических средств, компьютерного и программного обеспечения для вузов не определяется и зависит от возможностей образовательной организации. Отсутствие определённого оборудования и технических средств в значительной степени может сказаться на качестве подготовки будущих специалистов. Образовательный процесс в такой ситуации будет носить характер «с оговоркой» – «при производстве судебной экспертизы рекомендуется применять такое-то оборудование, технические средства и программные продукты, прошедшие поверку, но мы продемонстрировать не можем в силу...».

Активное использование лабораторного фонда позволяет комплексно и практикоориентированно организовывать основные виды учебных занятий, направленных на формирование профессиональных компетенций.

Кафедры, осуществляющие образовательный процесс по подготовке судебных экспертов должны активно взаимодействовать с ведущими специалистами экспертных организаций, В рамках взаимодействия в качестве основных направлений следует выделить участие в разработке и совершенствовании образовательных программ, проведении всех видов учебных занятий, осуществление руководства обучающихся при выполнении ими выпускных квалификационных работ, организация прохождения учебных, производственных и преддипломных практик на их базе. Все вышеописанное в совокупности позволяет решить задачи, стоящие перед образовательной программой и нацелено на всестороннюю подготовку специалистов в области судебной экспертизы. Общение с практикующими экспертами позволяет студентам практически с первого года обучения «находиться в профессии», преподавательскому составу кафедры знать о существующих проблемах отрасли. Совместные методические и научные разработки способствуют повышению методического обеспечения и образовательного процесса, и отдельных аспектов судебно-экспертной деятельности. Однако такое успешное

взаимодействие положительно влияет на развитие не всего полного комплекса методического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Как объективно отмечает Е.Р. Россинская, «широкое применение компьютерных и иных высоких технологий в экспертной деятельности ограничено несовершенством нормативно-правовой базы, отсутствием апробированных методик проведения экспертиз» [10, с. 203].

Дополнительно следует отметить, что «внедрение высоких технологий требует от экспертов, прежде всего получение навыков работы с высокотехнологическими средствами, постоянное повышение квалификации, а также переработки методик проведения судебных экспертиз с учётом внедрения новых высокотехнологичных средств и цифровых технологий [11, с. 289].

Представители экспертного сообщества должны стремиться к освоению новых технологий, методов и методик, но зачастую возможности ограничены финансовой и иными составляющими функционирования государственной или негосударственной экспертной организации. Ресурсы экспертных организаций различны с точки зрения материально-технической составляющей методического обеспечения, однако иные элементы должны носить единых характер. В частности, равенство методического обеспечения между государственными судебно-экспертными учреждениями и частными судебно-экспертными организациями, прежде всего должно быть обеспечено единым перечнем экспертных специальностей.

Справедливо отмечают Е.Р. Россинская, Н.Н. Ильин и Т.Ф. Моисеева, что разные перечни экспертиз – общая проблема для всех участников процесса. Необходимо создать единый перечень специальностей, где также бы содержалась примерная информация о компетенции эксперта, то есть какие задачи, он имеет право выполнить в рамках своих экспертиз [12, с.109; 13, с.111; 14, с.68]. Представляется, что отсутствие единых подходов к классификации судебных экспертиз, позволяет различным ведомствам и экспертным организациям использовать различные наименования экспертных специальностей.

На сегодняшний момент присутствует несогласованность между классификацией судебных экспертиз и определением экспертных специальностей. Разработка единой классификации судебных экспертиз приведет к созданию единого перечня экспертных специальностей. Принятие Национального стандарта РФ ГОСТ Р 71232-2024 «Роды судебных экспертиз. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 февраля 2024 г. № 193-ст) следует рассматривать как первый шаг в данном направлении.

Вступление в действие вышеуказанного ГОСТа проекционно потребует внесение изменений не только в ряд действующих ведомственных приказов, но и в ФГОС ВО по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза.

В качестве вывода следует отметить, что в целях повышения эффективности качества подготовки специалистов в области судебной экспертизы целесообразно в ФГОС ВО по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза закрепить обязательное методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности, используемое при производстве определенных родов (видов) судебных экспертиз и обязательное к применению в образовательном процессе. Полагаем, что назрела острая необходимость и в разработке профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников.

В целом наличие единых методик и единого подхода к методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности позволит улучшить сферу судебно-экспертной деятельности и качество подготовки будущих судебных экспертов.

Библиографический список

1. Кузбагаров, М. Н. Интеграция знаний и информационные технологии – драйверы инновационного развития судебной экспертизы [Электронный ресурс] / М. Н. Кузбагаров, Е. В. Кузбагарова, Д. В. Иванов // Международный научно-исследовательский журнал. – № 12 (138). – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december>. – Дата доступа: 02.09.2024 г.
2. Россинская, Е. Р. Стандартизация судебно-экспертной деятельности сквозь призму использования цифровых технологий / Е. Р. Россинская // Вестник экономической безопасности. – 2020. – №. 4. – С. 202-207.
3. Майлис, Н. П. О совершенствовании профессиональной подготовки судебных экспертов / Н. П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 50-53.
4. Чернявская, М. С. Стандартизация как средство регулирования частных судебно-экспертных организаций/ М. С. Чернявская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. – №. 2 (90). – С. 133-142.
5. Словарь основных терминов судебных экспертиз / Ред.-сост. Ю. Г. Корухов; Некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов». – М.: СУДЕКС, 2009. – 119 с.
6. Букур, А. И. О необходимости всеобщей паспортизации методик экспертного исследования / А. И. Букур // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. статей по итогам Всероссийской науч.-практ. конф., Томск, 26–28 января 2017 года. Часть 74. – Томск:

Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – С. 115-116.

7. Жижина, М. В. К вопросу о методическом обеспечении экспертной деятельности/ М. В. Жижина // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 3. – С. 57-64.

8. Кокин, А. В. Проблемы единого научно-методического подхода к экспертной практике, специализации экспертов и их профессиональной подготовке/ А. В. Кокин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – №. 4-2. – С. 22-30.

9. Аминев, Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ... д-ра юрид. наук.12.00.09 /Ф. Г. Аминев. Ростов-на-Дону, 2016. –314 с.

10. Россинская, Е. Р. Актуальные проблемы подготовки судебных экспертов и дополнительного образования по отдельным экспертным специальностям/ Е. Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13. – №. 3. – С. 78-85.

11. Кузбагарова, Е. В. Перспективы использования высокотехнологичных средств в образовательном процессе по направлению подготовки 40.05.03 - Судебная экспертиза / Е. В. Кузбагарова, Е. Г. Светличный // Актуальные проблемы использования высокотехнологичных методов экспертных исследований: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 25 марта 2019 года / Под общей редакцией А.В. Табакова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. – С. 289-295.

12. Россинская, Е. Р. Проблемы производства родов и видов судебных экспертиз, не входящих в номенклатуру государственных судебно-экспертных учреждений / Е. Р. Россинская // Вестник экономической безопасности. – 2018. – №. 1. – С. 107-111.

13. Ильин, Н. Н. Некоторые актуальные проблемы современной практики судебных экспертиз / Н. Н. Ильин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 110-114.

14. Моисеева, Т. Ф. Классификации судебных экспертиз: необходимость унификации / Т. Ф. Моисеева // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 4. – С. 68-72.

Кузьмин В. П., Лазутина Л. Ф.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

ГУО «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилев, Беларусь, *msu@msu.by*

В статье рассмотрено понятие легализации доходов, добытых преступным путем, которое стало широко использоваться с 20-х годов прошлого века. Легализация преступных доходов является серьезной угрозой для государственной безопасности и экономической стабильности. Это явление влияет на развитие теневой экономики, стимулирует преступную деятельность, финансирует террористические группы и нарушает принципы организованного общества. Несмотря на усилия государственных и международных органов, необходимо внедрение инновационных подходов к борьбе с отмыванием денег. Новые технологии, особенно искусственный интеллект, способны улучшить идентификацию, оценку и снижение рисков отмывания денег.

Ключевые слова: легализация доходов; национальное предупреждение; инновационные методы; трансграничная преступность; финансовые операции.

Легализация преступных доходов стала распространенной с 20-х годов прошлого века. Власти предприняли ряд мер, включая «сухой закон» и лишение свободы лидеров преступных организаций. Однако эти действия не принесли ожидаемых результатов и только способствовали развитию теневого оборота и увеличению преступности. Несмотря на это, правоохранительные органы и законодательство продолжают улучшать методы борьбы с организованной преступностью и отмыванием «грязных» денег для решения этой актуальной проблемы [1, с. 147–148].

Отмывание преступных доходов – одно из опаснейших экономических преступлений, которое угрожает сфере экономики. Преступники, в том числе мужчины и женщины старше 30 лет, стремятся обогатиться быстро, игнорируя уголовную ответственность и используя различные финансовые учреждения.

Причины легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, и условия, способствующие этому, основываются на факторах, которые порождают негативную ситуацию в сфере противодействия легализации. Одним из значимых факторов является недостаточный контроль финансовых и правоохранительных органов за оборотом денежных средств и низкий уровень законодательного регулирования финансовых отношений [2, с. 54].

Сегодня борьба с легализацией ведется как на национальном, так и на международном уровне. Международные конвенции, создание специальных организаций и региональных групп позволяют обеспечить координацию и сотрудничество между правоохранительными органами разных стран. Рекомендации, разработанные ФАТФ и другими организациями, такими как Евразийская группа противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, являются основополагающими принципами в борьбе с легализацией преступных доходов, но каждая страна должна адаптировать их под свою ситуацию и национальную правовую систему.

На национальном уровне также принимаются меры и создаются специальные организации, например, Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля в Республике Беларусь, чтобы предотвращать легализацию доходов, полученных преступным путем, и финансирование террористической деятельности. Все эти усилия направлены на обеспечение безопасности и борьбу с международным преступным деянием.

Несмотря на принимаемые меры со стороны государственных и международных органов, необходимо внедрять и инновационные подходы, которые будут соответствовать современности. Существуют препятствия, мешающие внедрению инновационных и эффективных мер, включая недостаточное понимание угроз и рисков отмыwania денег. Решения, основанные на неполной оценке риска отмыwania, могут быть неточными и неуместными.

Использование новых технологий, особенно искусственного интеллекта, поможет идентифицировать, оценивать и снижать риски отмыwania денег, а также упростит процесс идентификации и проверки банковских клиентов и мониторинга транзакций. Большинство решений по оценке и управлению рисками основаны на автоматизированных и статических анализах, дополненных человеческим суждением. Однако эти традиционные методы оценки рисков редко дают реальное представление о ситуации в реальном времени. Кроме того, они ограничивают возможность анализировать большие объемы данных [3, с. 4].

Неправильная оценка рисков может привести к неправильным решениям по предотвращению легализации. Это может привести к пренебрежению новыми рисками и излишнему использованию мер снижения риска, даже если уровень риска невысок. Использование новых технологий позволяет более гибко и динамично анализировать риски как на индивидуальном, так и на международном уровне. Однако для оптимального использования этих инструментов необходима регулятивная и политическая среда, которая обеспечивает сбор и обмен данными, совместный анализ, а также доступ контролирующих и

правоохранительных органов как на национальном, так и на международном уровне [3, с. 4].

Применение искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет проводить анализ данных в реальном времени более точно и быстро. Такие инструменты могут автоматизировать процесс анализа рисков, учитывая большой объем информации и идентифицируя возникающие угрозы. Активное использование новых технологий контролирующими органами способствует повышению эффективности в предотвращении данного преступления. Среди преимуществ такого подхода можно выделить следующие:

1. Контролировать большое число субъектов;
2. В режиме реального времени контролировать соблюдение предупредительных стандартов и принимать меры в случае нарушений;
3. Обмениваться информацией с другими компетентными органами;
4. Снижать затраты и максимально использовать человеческие ресурсы в более сложных областях предупреждения легализации;
5. Улучшать качество подачи отчетов о подозрительной активности.

Подводя итог, можно сказать, что традиционные меры по предотвращению легализации преступно полученных средств уже недостаточны. Необходимо рассмотреть риск-ориентированный подход с применением искусственного интеллекта для обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь и всего мирового сообщества.

Библиографический список

1. Староверов, А. В. История возникновения и развития законодательства зарубежных государств и международно-правовых норм о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем / А. В. Староверов // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2020. – № 6. – С. 147–153
2. Хлус, А. М. Легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, и ее криминалистическая характеристика / А. М. Хлус // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2018. – № 1. – С. 47–58
3. Буданицкий, А. В. Современные механизмы обеспечения противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: риск-ориентированный подход / А. В. Буданицкий // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 1–12.

Лабоцкая А. А.

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ, ОСТАВЛЯЕМЫЕ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований

Национальной академии наук Беларуси»

ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь,

nastena_labockaya@mail.ru

Исследуются понятие и особенности запаховых следов, оставляемые на месте происшествия. Рассмотрены отличия запаха от запаховых следов, их классификация, а также правила собирания запаховых следов на месте происшествия.

Ключевые слова: криминалистическая одорология; запаховый след; запах; одорография, ольфактроника, одорологический чемодан.

Любое событие преступления всегда оставляет самые разнообразные следы-последствия материального и нематериального характера.

Запаховые следы являются своеобразной категорией микрообъектов. Запах – свойство любых объектов материального мира, т.к. от них непрерывно отделяются во внешнюю среду частицы вещества, образующие запаховый след. Запаховые следы представляют собой материальное образование, находящееся в газообразном состоянии и содержащее качественную информацию об объектах материального мира.

Запаховые следы использовались для раскрытия преступлений еще в глубокой древности, когда собаки применялись не только для охраны жилья и материальных ценностей, но и для преследования злоумышленников по оставленным ими следам. И в последующем, почти во всех полицейских службах различных государств, были специализированные подразделения служебно-розыскных собак, которые работали только по свежим следам, т.е. исключительно на начальном этапе раскрытия преступлений [1, с. 79].

Впервые в 1966 году Р.Х. Райт предпринял попытку системного исследования запаха. В своем труде «Наука о запахах» [2] он рассматривает понятие запаха в двух значениях, но не раскрывает его природу. Его книга посвящена изучению запаха, с одной стороны, как самостоятельного объекта исследования, с другой – как категории биологической.

Прикладной характер, направленный на решение задач раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, дали учению о запахе видные ученые-криминалисты А.И. Винберг, В.В. Безруков, М.Г. Майоров, Р.М. Тодоров [3]. Они являются авторами идеи изъятия и консервирования следов запаха с мест происшествий. Их открытие послужило толчком к зарождению и развитию нового направления в науке

криминалистике – криминалистической одорологии. Значительный вклад в дело использования одорологии в борьбе с преступностью внесли также белорусские ученые Г.В. Федоров, Г.И. Грамович и др.

Для производства одорологических исследований в Республике Беларусь в 1993 году по приказу министра внутренних дел в структуру Государственного экспертно-криминалистического центра (далее – ГЭКЦ) включена одорологическая лаборатория, одной из задач которой является проведение по инициативе оперативных и следственных работников идентификации запаха, полученного у проверяемых лиц. Первые идентификационные исследования запаха в Беларуси были проведены в феврале 1996 года. Их результаты успешно использовались в изобличении лиц, совершивших преступления [4, с. 9].

В декабре 2008 года было создано государственное учреждение «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь», а в 2013 году «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» учредителем которых является Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. 1 июля 2013 года ГЭКЦ был реорганизован и включен в систему Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Основоположником криминалистической одорологии в Беларуси принято считать Геннадия Владимировича Федорова, который в 1999 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Теория и практика использования одорологии в борьбе с преступностью».

Под криминалистической одорологией следует понимать отрасль криминалистической техники, изучающую закономерности образования запаховых следов и разрабатывающую на основе познаний данных закономерностей технические средства, приемы и методы собирания, хранения, исследования и использования запаховой информации в целях раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Объектом криминалистической одорологии служат следы запаха как носители информации о противоправном деянии. Ее предметом являются закономерности, связанные с использованием запаховых следов в борьбе с преступностью.

Основатели криминалистической одорологии предлагали также инструментальное исследование запаховых следов (одорографию) с помощью средств газовой и газожидкостной хроматографии, масс-спектрографии, а также специальных приборов, позволяющих делать тончайший анализ газообразных тел [5].

Инструментальная одорология получила название ольфактроника, в задачи которой входит разработка точных способов определения запахов и создание новых аппаратов для регистрации спектра летучих компонентов запаха и его источника в электронном (цифровом) виде. Ольфактроника

широко используется во всем мире, а в различных отраслях науки давно появились искусственные (электронные) детекторы запаха, которые соперничают с биологическими (обонянием собаки) [5].

В различных странах ученые по-разному подходят к определению терминов «запах» и «обоняние». Нередко эти два понятия сводятся в одну дефиницию. Так, до нынешнего времени под запахом понималось «свойство чего-нибудь, воспринимаемое обонянием». Биологи определяют запах как свойство испаряющегося на воздухе вещества вызывать у живых организмов специфическое раздражение нервных окончаний органов обоняния. Такой же точки зрения придерживается Р.С. Белкин.

По мнению М.В. Салтевского, запаховые следы – это молекулы какого-либо вещества, находящегося в газообразном состоянии или газообразные образования, отличающиеся от традиционных материальных следов своей динамичностью [6, с. 10].

Обратим внимание, что в отличие от запаха запаховые следы представляют собой пахнущие вещества, которые остаются на месте происхождения в результате взаимодействия источника запаха с объектами окружающей среды. Источники – это, с одной стороны, физические тела или живые организмы, продуцирующие запах, с другой – их части (отслоения, выделения). Материальные объекты, адсорбировавшие (впитавшие) запах, называют предметами-запахоносителями. Запаховые следы образуются в процессе испарения, адсорбции, конденсации или других механических и физико-химических процессов и явлений [7, с. 45-46].

Необходимо отметить, что запаховые следы человека представляют собой сложный комплекс запахов:

- 1) местные запахи – запахи отдельных мест тела, обладающие определенными обонятельными признаками, а именно: область кожи, (подошвы ног, ладони рук);
- 2) индивидуальный запах – запах человеческого тела, в который включается сумма всех отдельных местных запахов;
- 3) общий запах – запах человека в одежде, включая профессиональный запах и побочные запахи духов, мыла, зубной пасты, табака и другие [8, с. 79].

Запаховые следы, оставляемые на месте происхождения, можно классифицировать по различным признакам. Например, по механизму образования запаховые следы условно можно разделить на следы-источники запаха и следы-запахи.

Следы-источники запаха – это следы людей, животных, насекомых, растений, предметов и тел органического и неорганического происхождения, т.е. твердых, жидких, сыпучих объектов. Такие следы одновременно являются и следами в трасологическом плане. Например, след обуви человека либо

невидимые следы рук на орудии преступления одновременно несут трасологическую и одорологическую информацию [9, с. 130].

Следы-источники запаха делятся на две подгруппы: следы-источники запаха человека и следы-источники собственного запаха.

В следственной и оперативной практике наиболее распространены следы-источники запаха человека.

Запаховую информацию о человеке могут нести различные материальные объекты:

а) отделившиеся от тела человека твердые и жидкие частицы – кусочки ткани, волосы, кровь, потожировое вещество, слюна и другие выделения, связанные с его физиологической деятельностью;

б) предметы, находящиеся в постоянном контакте с человеком – одежда, обувь, личные вещи, например очки, кошелек, ключи от квартиры и рабочего сейфа, зажигалка, авторучка, спички, портфель, дамская сумочка; предметы туалета – расческа, носовой платок, приколки, вплетенные в косы ленты; сопутствующие предметы – костыль, трость, зонтик и т.п.;

в) объекты временного контакта с телом человека – орудия совершения преступления, предметы труда и инструменты;

г) вещи материальной обстановки и почва, которых касался человек непосредственно либо опосредствованно в процессе совершения преступления. Например, запаховые следы человека образуются при непосредственном касании предмета босой ногой, когда человек идет в обуви [9, с. 130-131].

Следы-источники собственного запаха – это все материальные предметы, которые в той или иной степени обладают свойством летучести и поэтому являются источниками запаха, т.е. пахнут. Нужно иметь в виду, что собственный запах предмета может быть сильнее, чем запах человека, оставленный на нем: иногда такие предметы нельзя использовать для работы розыскной собаки, поскольку собственный запах предмета-носителя сильнее, чем запах, оставленный человеком.

На сохранность запаховых следов и возможность решения с их помощью указанных задач влияют многие причины: свойства объекта-носителя запахового следа, атмосферные факторы, физиологическое состояние человека [9, с. 131].

Следы-запахи представляют собой газообразную смесь воздуха с молекулами пахучего вещества, т.е. сам источник запаха (объект) отсутствует, а запах его остался. Следы-запахи несут качественную информацию об источнике и поэтому сходны со следами-веществами, но отличаются от них тем, что в месте обнаружения запахового следа отсутствует его источник. Следы-запахи очень неустойчивы, они непрерывно рассеиваются в пространстве и практически исчезают. Поэтому

на месте обнаружения их необходимо быстро изымать и консервировать [9, с. 130].

Предлагая свою классификацию, М.В. Салтевский исходит из понимания запахового следа как парогазового облака веществ, испаренных с тела человека. Однако криминалистическое применение запаховых следов, оставленных в воздухе, ограничено непродолжительностью нахождения их в одном месте. Они существуют лишь несколько минут, затем рассеиваются в пространстве и адсорбируются предметами обстановки. Проведенные в свое время опыты и практика кинологической работы подтвердили данный факт. Для криминалистов большое значение имеют запаховые следы, удерживаемые предметами обстановки места происшествия [10, с. 24].

Поэтому с позиции механизма образования целесообразно различать:

1) газообразные следы пахучих веществ, возникающие, как правило, в результате испарения и сопровождающие источник запаха в виде «шлейфа». Зачастую именно они используются служебно-розыскной, собакой при преследовании преступника по «горячим следам»;

2) запаховые следы, удерживаемые предметами окружающей среды. Данные запаховые следы образуются в результате механического контакта источника запаха с предметами обстановки места происшествия или остаются на предметах вследствие конденсации или адсорбции. Носителями таких следов могут служить отпечатки рук, ног, других участков человеческого тела, обуви, одежды, а также волосы, потожировые выделения, мазки и пятна крови, в том числе высохшей.

Как и запах, запаховые следы необходимо подразделять на две группы:

1) монозапаховые следы;

2) индивидуальные запаховые следы единичных целых объектов материального мира.

Монозапаховые следы образуются, как правило, в результате испарения твердых и жидких, а также расширения объемов газообразных веществ. Они представляют собой отделившиеся от указанных объектов молекулы, находящиеся в воздушном пространстве в разряженном виде или адсорбированные объектами окружающей среды. Поскольку монозапаховые следы образуются в результате физических процессов, то они сохраняют в себе информацию о свойствах и химическом составе объекта, от которого они произошли, но не несут его пространственных, морфологических и иных индивидуальных признаков. Поэтому молекулы монозапаховых следов тождественны молекулам образующего их вещества, что является их отличительной чертой [7, с. 47].

Индивидуальные следы происходят от единичных целых объектов, обладающих индивидуальными свойствами, отображающимися в следах запаха. Индивидуальный код этих объектов заключен в физической связи

химических элементов и проявляется в виде запахового букета. Поэтому для этой группы следов важным является не столько идентичность по химическому составу молекул запаха с молекулами веществ, составляющих объект (этого может и не быть, так как запаховые молекулы в данном случае являются окончательным продуктом химических превращений), сколько совпадение по коду запахового букета.

Кроме того, в зависимости от объектов-источников запаха различают запаховые следы:

- 1) подозреваемого лица;
- 2) жертвы преступления;
- 3) орудия преступления;
- 4) предметов преступного посягательства;
- 5) предметов обстановки места происшествия [11, с. 8].

Индивидуальные запаховые следы обнаруживаются как на предметах окружающей обстановки, так и на объектах-источниках запаха.

Помимо предложенных классификаций существуют и другие. Например, А.А. Топорков запаховые следы условно делит на три группы:

- 1) свежие («горячие») запаховые следы, которые обнаруживаются в течение одного часа с момента оставления,
- 2) нормальные запаховые следы, которые обнаруживаются в период от одного часа до трех,
- 3) «холодные» запаховые следы, которые обнаруживаются спустя три часа после оставления запаха [12, с. 246].

Такая классификация может иметь некоторое прикладное значение: в частности, для определения содержания работы с объектами одорологического происхождения на месте происшествия. Например, если запаховые следы преступника свежие, то имеет смысл применить служебно-розыскную собаку для его преследования.

По мнению Г.В. Федорова, индивидуальные запаховые следы единичных целых объектов следует выделить в особую группу микрообъектов. Это позволит правильно определять методику их исследования, возможности их использования для установления обстоятельств расследуемых преступных деяний, оценивать их доказательственное значение.

Обнаружение следов одорологического происхождения производится в ходе осмотра места происшествия. После обнаружения предметов (следов), несущих на себе запаховую информацию, следователь производит изъятие следов запаха, о чем подробно фиксирует в протоколе осмотра места происшествия.

Общие правила собирания запаховых следов аналогичны работе с микрообъектами, но имеются некоторые специфические дополнения. Обнаруженные на месте происшествия запаховые следы обычно изымаются

на адсорбент, который помещается в специально приготовленную стеклянную банку. Для успешного собирания запаховых следов с места происшествия разработан одорологический чемодан, который укомплектован стерильными предметами. Также необходимо обратить внимание на то, что применение розыскной собаки для поиска или преследования преступника по «горячим следам» является не процессуальным действием, а оперативно-розыскным, которое не имеет доказательственного значения.

Необходимо обратить внимание, что разработаны современные системы искусственного обоняния, которые могут отличать взрывчатку и наркотики. В 2000 году калифорнийская компания Cyrano Sciences Inc разработала портативное устройство Cyranose 320 для обнаружения хронической обструктивной болезни легких и других заболеваний, а также для обнаружения загрязнений в окружающей среде [5].

Так, значение одорологических следов при расследовании уголовного дела достаточно велико и обусловлено тем, что при фиксации запахового следа, представляется возможным изобличить преступника, определить траекторию его движения до или после совершения преступления, а также определить местонахождение трупа, объектов или иных искиваемых доказательств по данному делу. Любой запах, в частности запах человека, имеет индивидуальную структуру и особенности, при этом большая часть запахов оседает на одежде и обуви, на теле, в земле и иных объектах в течение нескольких лет, вплоть до десятка, что позволяет следователю раскрыть дело даже в условиях крайней малой информационной обеспеченности или утраты иных доказательств по уголовному делу.

При этом в рамках уголовного дела запахи, исследуемые как следы, являются наиболее сложными для самостоятельного изучения их человеком, в связи с чем для их обнаружения и идентификации применяются различные виды и породы животных, насекомых, а порой и некоторые виды растений, обладающих тонкой системой восприятия запахов. Например, животных нередко используют для обнаружения и распознавания запахов, например, для разведки залежей полезных ископаемых, обнаружения неисправностей в газопроводах по следам утечки газа, отыскания предметов, трупов или живых тел человека или животных, являющихся источниками запаха.

Таким образом, методы исследования запаховых следов совершенствуются. Раскрытие преступления и успех его расследования главным образом зависят от того, насколько полно удалось выявить, зафиксировать, исследовать и эффективно использовать результаты изучения следов преступления на этапе предварительного расследования. Указанные следы сохраняют информацию о криминальном событии, позволяют разобраться в его сути, установить достаточно точно отдельные

его обстоятельства, виновное лицо, степень его вины и ответственность других лиц, причастных к этому событию.

Библиографический список

1. Егоров, Н. Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н. Н. Егоров. – Иркутск, 2005. – 376 л.
2. Хмыров, А. А. Косвенные доказательства / А. А. Хмыров. – М.: Юрид. лит., 1979. – 184 с.
3. Безруков, В. В. Новое в криминалистике / В. В. Безруков, А. И. Винберг, М. Г. Майоров. – Социалистическая законность, 1965. – 75 с.
4. Шиканов, В. И. К вопросу о сущности одорологического эксперимента и его месте в системе криминалистических методов. Вопросы борьбы с преступностью / В. И. Шиканов. – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1970. – С. 140–148.
5. Одорология: наука о запахах // SpellSmell [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spellsmell.ru/articles/10434-odorologiya-nauka-o-zarakhakh/#id-2>. – Дата доступа: 19.09.2024.
6. Салтевский, М. В. Криминалистическая одорология / М. В. Салтевский. – Киев: КВШ МВД СССР, 1976. – 47 с.
7. Федоров, Г. В. Одорология: запаховые следы в криминалистике / Г. В. Федоров. – Минск: Амалфея, 2000. – 144 с.
8. Белкин, Р. С. Проблемы одорологического метода. Курс криминалистики. В 3-х т. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – Т. 3. – 480 с.
9. Балашов, Д.Н. Криминалистика: учебник / Д. Н. Балашов, Н. М. Балашов, С. В. Маликов. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 503 с.
10. Салтевский, М. В. Использование запаховых следов для раскрытия и расследования преступлений / М. В. Салтевский. – Киев: КВШ МВД СССР, 1982. – 52 с.
11. Федоров, Г. В. Теория и практика использования одорологии в борьбе с преступностью / Г. В. Федоров. – Минск: Академия МВД Респ.и Беларусь, 1999. – 20 с.
12. Топорков, А. А. Одорологические объекты как носители криминалистически значимой информации. Криминалистика / А. А. Топорков. – М.: Юристъ, 1997. – 249 с.

Лагун Н. И.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуются вопросы криминалистического анализа преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, выделяются основные структурные элементы преступной деятельности и их взаимосвязи.

Ключевые слова: расследование экономических преступлений, криминалистически значимая информация, криминалистический анализ экономических преступлений.

В криминалистике нет проблем, которые прямо или косвенно не были бы связаны с познанием преступной деятельности, ибо преступная деятельность и деятельность по расследованию тесным образом взаимосвязаны. Поэтому задача криминалистического обеспечения расследования преступлений связана с исследованием и установлением информации о наиболее общих закономерностях преступной деятельности и корреляционными связями между ее элементами. Познавательную сущность такой информации отмечал и основоположник криминалистической науки Г. Гросс в своей работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» [1, с. 68].

Совокупность данных о преступной деятельности, имеющих познавательно-поисковое значение и способствующих раскрытию и расследованию преступлений, в научной литературе определяется по-разному: «криминалистическая характеристика преступления» [2, с. 172-182; 3, с. 19; 4, с. 128-136], «криминалистическая структура преступлений» [5, с. 34; 6, с. 128-136; 7, с. 146], «информационная модель преступлений» [8, с. 201]. Определение и содержание указанных научных категорий носит дискуссионный характер. Основное предназначение информации о криминалистически значимых чертах тех или иных видов преступлений состоит не в теоретической разработке ее понятия, а в применении для целей раскрытия и расследования преступлений.

Криминалистическая информация о преступной деятельности обладает также и прогностической функцией, ибо позволяет прогнозировать появление новых способов совершения преступлений, что особенно важно в процессе выявления, пресечения и раскрытия экономических преступлений, обладающих динамичностью и изменчивостью к определенным условиям экономической деятельности.

Для формирования криминалистической модели преступления необходимо «выявить совокупность объективных факторов, которые обязательно имеются в наличии при совершении данного вида преступления, поскольку без них оно не может быть совершено. Эти взаимосвязанные между собой элементы и будут составлять криминалистическую структуру преступления. При ее построении необходимым условием (обязательной предпосылкой) является использование уголовно-правовой характеристики преступления» [5, с. 34].

Перечень элементов криминалистической характеристики экономических преступлений является предметом научных дискуссий.

Исходя из традиционного представления о понятии и содержании данной научной категории, полагаем, что криминалистическая характеристика преступлений в сфере экономики должна включать описание обстановки преступления; способов подготовки, совершения и сокрытия преступления, типичных следов преступной деятельности; особенностей субъектов преступного посягательства.

Ученые считают: «криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс, имеет практическое значение лишь в том случае, когда установлены корреляционные связи и необходимая зависимость между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях» [9, с. 57].

В этой связи эффективным является применение системно-деятельностного подхода к криминалистическому анализу экономических преступлений. Данный подход позволяет рассматривать преступление в виде системы, которая включает подсистемы, объединенные единой целью, устойчивыми структурными, временными, пространственными и причинно-следственными связями и отношениями. Изучение взаимосвязей элементов в такой системе необходимо для получения информации о каждом из них, а именно, как выбор способа совершения преступления, его подготовки и сокрытия определяется личными свойствами преступника, его знаниями, способностями, преступными целями; какие для этого использованы средства и оставлены следы применения. Только такая информация создаст полновесную криминалистическую характеристику для методической основы расследования преступлений.

Преступная деятельность представляет собой сложную материальную динамическую систему, функционирующую под воздействием определенных факторов во взаимодействии с другими процессами, событиями, явлениями. В реальности – это движения, действия, операции конкретных людей, т.е. определенный тип человеческой деятельности с ее средствами и процедурами, признающихся с позиций уголовного права противозаконными.

Как уже отмечалось, важнейшими составляющими любой деятельности являются цель, субъект и объект деятельности. Цель – это то, на что направлена деятельность, что придает деятельности смысл, что сохраняет ее как вид, ибо, «сменяя цели, субъект сменяет виды деятельности» [10, с. 61-62].

Экономические преступления представляют для криминалистов интерес, прежде всего, как разновидность преступной, предметной деятельности, поскольку она всегда выступает как целеполагающая деятельность, цели и задачи которой определяют ее характер, направляют действия и операции субъектов по выбору и использованию средств и способов достижения соответствующих результатов. То есть она выступает для субъекта преступления, прежде всего, как средство достижения задуманной цели.

Главной и единой целью для всех преступлений рассматриваемого вида является корыстная заинтересованность, выраженная в удовлетворении материальных потребностей, а также иная личная заинтересованность, выражающаяся в завоевании авторитетности в коллективе и иного самовыражения. С этой позиции цель одновременно является и объектом, выступая в виде субъективного образа предмета, ради получения которого преступник планирует и практически реализует свою деятельность.

Разрешение противоречия между желанием удовлетворить потребность и реальным овладением предмета преступного посягательства рождает мотив преступной деятельности, побуждающий достижение желаемого результата.

Цель преступной деятельности, в конечном счете, достигается в ходе воздействия преступника на определенные объекты. В этом процессе действия реализуются различными способами, которые в свою очередь детерминированы такими факторами как условия и средства.

Исследуя механизм экономических преступлений, следует исходить прежде всего, из диалектического понимания содержания и сущности средства как, во-первых, того компонента деятельности, которое отвечает преступным целям; во-вторых, имеет или же материальную форму организации, выступая в качестве орудий и инструментов, или же идеальную, выступая в виде знаний, умений и навыков, реализуемых с помощью системы определенных приемов и движений [11, с. 41].

Под условиями или же обстановкой, в которой совершаются экономические преступления, в криминалистическом аспекте понимается система взаимодействующих между собой различных объектов, процессов, явлений, факторов, как объективных, так и субъективных, анализ которых позволяет сделать логический вывод о том, как обстановка повлияла на выбор преступником способа и средств совершения преступления.

Способ совершения преступления в криминалистическом аспекте представляется как система действий по подготовке и совершению преступлений, которая детерминирована условиями и обстановкой реализации преступного замысла, психофизическими качествами преступника, выбором определенных средств, местом и временем его совершения.

Криминалистический анализ способа совершения преступления является основным источником получения информации о событии преступления и о лице, его совершившем. Это основной метод практической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Библиографический список

1. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики Г. Гросс. – СПб., 1908. – 263 с.
2. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р. С. Белкин. – М., 1997. – Т. 3. – С. 172–182.
3. Колесниченко, А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1976. – С. 19.
4. Селиванов, Н. А. Советская криминалистика. Система понятий / Н. А. Селиванов. – М., 1982. – С. 128–136.
5. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во «Университетское», 1985. – С. 34.
6. Гучок, А. Е. Криминалистическая характеристика или криминалистическая структура преступления? / А. Е. Гучок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 1 (15). – С. 126–130.
7. Маркова, О. В. Теоретико-правовые и прикладные аспекты расследования легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Маркова. – Минск, 2004. – С. 146.
8. Ищенко, Е. П. Криминалистика: краткий курс / Е. П. Ищенко. – М. : Юрид. фирма «КОНТАКТ»; «ИНФРА-М», 2004. – С. 201.
9. Белкин, Р. С. Модное увлечение или новое слово в науке? / Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, А. В. Дулов // Соц. законность. – 1987. – № 9. – С. 57.
10. Никифоров, А. Л. Деятельность, поведение, творчество / А. Л. Никифоров // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М., 1990. – С. 61–62.
11. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т / Р. С. Белкин. – М., 1982. – Т. 1. – С. 41.

Лапина И. А.¹⁾, Поскребко А. Л.²⁾

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ И СУДЕБНОЙ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

²⁾ ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»,
Партизанский проспект, 2/5-3, 220033, г. Минск, Беларусь,
institut@sudexpert.gov.by

В статье исследуются некоторые особенности применения специальных знаний в ходе раскрытия и расследования преступлений, в частности – из области судебного почерковедения. Рассматриваются вопросы генезиса отечественной судебной почерковедческой экспертизы. Делаются авторские выводы из области судебного почерковедения, требующие дополнительных научных исследований и обобщений экспертной практики.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; эксперт; специальные знания; почерковедение; судебная почерковедческая экспертиза.

Использование различных способов и средств совершения преступления всегда связано с конкретным лицом (лицами), его совершающими, их навыками, свойствами и личностными особенностями. Наличие в структуре преступной деятельности т.наз. «человеческого фактора» во многом предопределяет профессиональный интерес правоохранителей к вопросам о человеческих умениях. Одним из таких навыков, которым человечество владеет с давних времен (и не только в позитивном ключе), является навык письма. Выполнение рукописей (их фрагментов) от руки во всех сферах деятельности предопределяет возможность сделать, прежде всего, выводы о принадлежности и целевом назначении рукописного материала. При расследовании преступлений, где в том или ином качестве фигурируют почерковые объекты, несомненно, требуется привлечение специалистов, специализирующихся на вопросах почерковедения.

Судебное почерковедение – традиционная предметная область криминалистики и судебной экспертизы, являющаяся научной основой судебной почерковедческой экспертизы. Вместе с тем, развитие почерковедения шло медленно. Следственные и судебные органы долгое

время сомневались в доказательственном значении результатов исследования почерковых объектов.

Начальный этап в развитии теории советского судебного почерковедения связан с трудами С.М. Потапова, А.И. Винберга и Б.И. Шевченко [2, с. 80 – 86]. Наибольшее развитие данной отрасли специальных знаний в нашей стране приходится на советский период.

Роль сведущего лица на предварительном следствии возрастает с непрерывным ростом науки и техники и с увеличением применения научно-технических средств в процессе расследования преступлений [1, с. 100-101].

К концу 80-х – началу 90-х годов XX столетия советское судебное почерковедение уже представляло собой высокоразвитую область предметных экспертных знаний, занимавшую передовые позиции в мировой криминалистике. Были сформулированы основные научные основы судебного почерковедения в качестве системы знаний о закономерностях почерка как феномена функционально-человеческой природы, а также о закономерностях его судебно-экспертного исследования [5, с. 10–12]. Достаточно интенсивно стало развиваться научно-методическое обеспечение проведения судебно-почерковедческой экспертизы: были созданы типовые и специализированные методики, выработаны методы исследования наиболее типичных объектов данного вида экспертизы, обеспечивающие высокий научный уровень экспертной практики.

Благодаря огромному опыту и участию в разработках советского периода белорусских научных работников и практикующих экспертов системы были подготовлены многочисленные методические материалы и специалисты, готовые эффективно их применять в экспертной практике. Произшедшему способствовало не только наличие серьезной научной школы, но и осознанная необходимость увеличения численности экспертов в области судебных экспертиз, в том числе почерковедческой. Значительный рост преступности в экономической, финансовой, налоговой сферах, споров в области наследственного права и права интеллектуальной собственности, а также увеличение случаев необходимости исследования различных почерковых объектов при расследовании убийств, мошенничества, суицида, привели к необходимости увеличения числа обучаемых специалистов и повышения качества их подготовки. Лишь изучив механизм письма и закономерности его функционирования, можно понять природу признаков почерка, их зависимости от различных факторов, пределы устойчивости и изменчивости [5, с. 11].

Одновременно использование преступным сообществом различных ранее недоступных большинству потребителей технических средств обусловило и дальнейшее развитие, совершенствование специальных знаний судебной почерковедческой экспертизы. Появилась необходимость

исследования почерковых объектов, изображения которых выполнялись при помощи копировально-множительной техники. Участились случаи назначения судебных почерковедческих экспертиз в отношении записей, выполненных на стене необычными орудиями письма, например, баллончиком с краской. Для воспроизведения подписей стали использоваться так называемые плоттеры.

Вместе с тем, возникли новые вопросы, например, каким образом необходимо оценивать эти объекты. Все ли из них могут быть подвержены почерковедческому исследованию, каким образом возможно установить пригодность представленного на экспертизу объекта для проведения исследования по решению идентификационной или диагностической задач.

В постсоветский период возрастающее количество назначаемых экспертиз, в основном – многообъектных, практически не оставляло времени сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел на глубокие научные исследования. В то же время при получении нестандартной задачи имеющаяся научно-практическая подготовка, экспертная интуиция и стремление к установлению истины, позволяли найти решение, а также подготовить ряд методических рекомендаций для тех экспертов, которым еще только предстояло проводить исследование вновь появляющихся почерковых объектов. В системе Министерства юстиции научной деятельности уделялось гораздо больше внимания. Осуществлялись исследования в целях разработки программного обеспечения по сравнению почерков, предпринимались попытки по дифференциации диагностических признаков алкогольного и наркотического опьянения в рукописях и др.

С момента создания в 2013 году Государственного комитета судебных экспертиз научное изучение нестандартных почерковых объектов получило новый импульс. Многие разработанные методические рекомендации приобрели статус утвержденных методик. Получаемые для экспертного исследования нестандартные объекты в обязательном порядке стали изучаться с целью разработки научно-обоснованных методов и методик их исследования. Например, наряду с обычными копиями появились подписи, вносимые в документ, как изображение, получаемые посредством выполнения на планшете [3].

Работа с новыми экспертными почерковыми объектами требует дальнейшей методологической разработки. Очевидно, что в зависимости от задачи, стоящей перед экспертом при проведении экспертиз, и существования соответствующих методик он должен в каждом конкретном случае выбирать метод или комплекс методов экспертного исследования. Научная обоснованность метода гарантирует достоверность результатов его применения, определенных с достаточной точностью и надежностью, при

использовании минимального объема необходимого времени. Соответствие метода этому требованию должно содержаться в базовой науке, где он был испытан первоначально [4, с. 56]. Для судебной почерковедческой экспертизы такими базовыми науками являются криминалистика, психология, анатомия и физиология, в методологическом инструментарии которых следует искать подходы, которые возможно использовать в экспертной практике.

Например, в последние 30 лет определенная часть населения использует левую руку, как привычную к письму. Некоторые умеют писать без заметного нарушения автоматизма движений обеими руками. Практическое изучение рукописей указывает на необходимость создания методики по установлению непривычной пишущей руки (левой или правой) в зависимости от того, какая рука конкретного индивидуума привычная к выполнению рукописи.

Также остаются актуальными проблемы дифференциации конкретного сбивающего фактора болезненного состояния, стресса, приема фармпрепаратов, неудобной позы, помощи при выполнении записей и подписей со стороны другого лица в виде поддержки или ведения руки и др. Изучение влияния этих факторов и приведение понимания к единому знаменателю крайне затруднительно, т.к. связана с индивидуальностью исполнителя, способностью организма каждого человека приспосабливаться к случайным и постоянным сбивающим факторам. Например, при значительных изменениях в позе особая трудность возникает в перестройке механизма письма, что приводит к нарушениям согласованности мелких движений пальцев и кисти руки. В буквах может появиться извилистость, изломы штрихов, угловатость овальных и полуовальных элементов [6, с. 69-71]. Установить степень выработанности письма в таких случаях достаточно затруднительно.

Рукописный навык продолжает сохраняться в качестве одного из признаков современного образованного человека, хоть во многом работа по созданию текстов сейчас переложена на иные (компьютерные) технические средства. Однако рукописи и их фрагменты, надписи и подписи остаются объектами, выполняемыми лицами, нередко вызывающими интерес правоприменителей. Достоверность, а значит – доказательственное значение, результатов исследований таких объектов требуют тщательной подготовки и методической разработанности, что позволяет сделать вывод о закономерном развитии судебного почерковедения и судебной почерковедческой экспертизы, их методологического инструментария и методического обеспечения.

Совершенствование судебно-экспертной деятельности в целом и отдельных родов, видов судебных экспертиз в частности будет способствовать формированию полных, процессуально- и научно-

обоснованных комплексов доказательств по конкретным делам. Это, в свою очередь, будет являться наглядным примером познания и достижения истины в качестве одной из первостепенных задач системы правосудия.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, 1959. – 188 с.
2. Крылов, И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы / И. Ф. Крылов – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1975. – 194 с.
3. Методика почерковедческого исследования цифровой рукописной биометрической подписи / Сост. М. М. Подполухо. – Минск : Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 77 с.
4. Россинская, Е. Р. Основы судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская., А. М. Зинин, Н. В. Милосерлова ; под ред. Е. Р. Россинской. – Москва : Проспект, 2024. – 216 с.
5. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / Под науч. ред. В. Ф. Орловой. – М. : Наука, 2006. – 544 с.
6. Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов / под науч. ред. В. Ф. Орловой; Гос. учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при М-ве юстиции РФ. – М. Наука : 2007. – 341 с.

Лапина И. А.¹⁾, Тагунова К. Д.²⁾

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АСПЕКТЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

А.В. ДУЛОВА

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

²⁾ ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»,
Партизанский проспект, 2/5-3, 220033, г. Минск, Беларусь,
institut@sudexpert.gov.by

В статье анализируется влияние научных идей доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова на становление белорусской юридической науки в целом, а также криминалистики и судебной экспертизы, в частности. Рассматриваются основные научные подходы к исследованиям и практической деятельности, внедренные известным белорусским ученым и продолжаемые его учениками; проанализировано их влияние на современную науку и практику в области судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: криминалистика; механизм преступления; судебная экспертиза; судебная экспертология; научная школа; судебно-экспертная деятельность; следственная деятельность; криминалистическая тактика; тактическая операция.

В современном мире, как и много веков назад, остро стоят вопросы предупреждения и противодействия преступным посягательствам в различных сферах жизнедеятельности человека, общества и государства. С каждым днем злоумышленники расширяют перечень способов и средств преступного посягательства, пытаясь сделать механизм преступления все более сложным и непредсказуемым по последствиям. Сравнительно «молодые» науки криминалистика и теория судебной экспертизы (судебная экспертология) с начал своего существования поставлены на службу практике – делу борьбы с преступностью – во всех ее, в первую очередь, материальных, проявлениях. И всегда движущей силой этих прикладных наук были и остаются конкретные люди – ученые, практики, мыслители и аналитики.

Говоря о том, что сейчас представляет собой современная белорусская криминалистика, теория судебной экспертизы, судебная психология, юридическая этика, и, очевидно, не только в отечественном формате, но и на постсоветском пространстве, невозможно не отметить величину авторитета профессора Андрея Васильевича Дулова. Его вклад в

становление и развитие науки, современной юриспруденции и юридического образования огромен. Ленинградец, фронтовик, получивший тяжелое ранение, с 1958 года связавший свою жизнь с Минском, с юридическим факультетом Белорусского государственного университета, он является знаковой личностью в криминалистической науке и теории судебной экспертизы.

Андрей Васильевич Дулов является основателем кафедры криминалистики на юридическом факультете Белорусского государственного университета, которая была создана благодаря его усилиям в 1972 году. Автор более полутысячи научных работ, он существенно обогатил современную юридическую науку, вырастил учеников, ставших кандидатами и докторами наук, повлиявших на создание и развитие судебно-экспертной деятельности в Беларуси [1, с. 6-9].

Концепции профессора А.В. Дулова были новаторскими и во многом опережали свое время. Так, в изданном в 1959 году научном труде «Вопросы теории судебной экспертизы», даны авторские определения судебной экспертизы, судебного эксперта, заключения эксперта и его корректной процессуальной формы. В монографии проанализирован ряд научно-практических проблем судебной экспертизы того времени, часть из которых актуальны и по сей день. Сущность и этапы проведения судебной экспертизы Андрей Васильевич сопоставляет с обычным научным исследованием, обладающей вместе с тем, особой процессуальной формой и доказательственной силой [2, с. 7-20].

Среди основных задач судебно-экспертной деятельности автор видит в выдвижении экспертных версий по предмету исследования, делается сопоставительный анализ экспертных и следственных версий. Профессор А.В. Дулов указывает на то, что в большинстве случаев основные версии, которые подлежат проверке и исследованию со стороны судебного эксперта, даются в тех задачах и вопросах, которые ставит перед экспертом следствие или суд. Эти вопросы и являются основой для построения различных экспертных версий. Вполне допустимо, что эксперт, как специалист определенной отрасли науки, знающий ее закономерности, может выдвинуть значительно больше версий, чем следователь и суд [2, с. 26-27].

Эта работа примечательна и тем, что Андреем Васильевичем проводится анализ имеющихся на то время трудов советских ученых-процессуалистов, криминалистов, судебных медиков, где он выделяет и оспаривает некоторые, по его мнению, ошибки, неточности, например, апеллируя к мнению судебно-медицинского эксперта, профессора А.М. Гамбург, отмечавшей, что «судом поставлена задача судебно-медицинского эксперта стоять на страже социалистической законности». Аналогичной точки зрения с А. М. Гамбург придерживались профессора М. И. Райский, Ю. С. Сапожникова. Т.е., судебному медику надлежало

выполнять и роль следователя, проводя дополнительные исследования, осмотры, опросы свидетелей [2, с. 129]. Анализируя такие подходы, А.В. Дулов отмечает, что охрана социалистической законности Конституцией СССР, как известно, возложена на органы советской прокуратуры, одним из методов которой и является расследование уголовных дел [2, с. 128] и, соответственно, необходимое точное процессуально-деятельностное распределение полномочий между субъектами, исключая подмену одних другими.

На основе собственных научных концепций и системного обобщения следственно-экспертной и судебной практик профессором А.В. Дуловым был инициирован ряд изменений в Уголовно-процессуальный кодекс БССР, УССР, РСФСР. К примеру, предложения о создании и законодательном закреплении статуса специализированных экспертных учреждений, в целях более качественного проведения разнообразных судебных экспертиз. Одним из важных вопросов, анализируемых А.В. Дуловым, является изучение процесса профессиональной судебно-экспертной подготовки, ее необходимой комплексности [2, с. 159-160].

Профессором А.В. Дуловым была сформирована собственная научная школа. Многие его ученики и по сегодняшний день являются продолжателями идей о прогностической функции криминалистики, о закономерной и научно-обоснованной этапности судебно-экспертной деятельности, о тактических конструкциях, применяемых в различных следственных ситуациях.

Например, именно автором были выделены и научно обоснованы тактические особенности расследования преступлений, совершенных должностными лицами, а именно, «... тактика следствия во многом должна направляться на обнаружение, установление в процессе расследования таких ситуаций, когда подозреваемое лицо вступает в непосредственный контакт с объектами, входящими в структуру преступления» [3, с. 134]. По мнению профессора А.В. Дулова, именно фиксация таких контактов позволяет изобличить преступника, обеспечивая возможность доказать причастность и наличие причинно-следственных связей в системе: преступник – орудия и средства преступления – предмет преступного посягательства.

Кроме того, профессор А.В. Дулов ввел в науку и практику ряд новых тактических средств, в частности – комплексное понятие «тактические операции», взятое на вооружение и его научными учениками, и практическими работниками следствия. Так, разработанная его учеником, кандидатом юридических наук, доцентом А.В. Лапиным модель тактических операций была переосмыслена, адаптирована и внедрена и в научный аппарат криминалистической науки, и в оперативно-следственную практику при расследовании квартирных краж.

Воплощение его научных идей можно найти в трудах многих коллег, уже ставших классиками современных криминалистов и исследователей в области судебной экспертизы. По общему признанию и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации и сейчас используются в учебном процессе материалы, содержащие в себе авторские разработки из экспертной и следственной практики и научной методологии, принадлежащие профессору А.В. Дулову.

Таким образом, можно констатировать неопенимый вклад профессора Андрея Васильевича Дулова в эволюцию белорусской юридической науки в целом и, в особенности, в криминалистику и теорию судебной экспертизы. Многие научные категории и практические понятия, выдвинутые и обоснованные когда А.В. Дуловым и сейчас находят свое продолжение и развитие в трудах ученых и концепциях практической правоохранительной деятельности. Многие из научных разработок, думается еще ожидают своей адаптации к современным реалиям и внедрения в практику, например – частное учение о криминалистической стратегии и прогнозировании, что будет способствовать повышению эффективности практики противодействия и профилактики преступности в различных сферах жизни.

Библиографический список

1. Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019 – 335 с.

2. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1959. – 188 с.

3. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов – Минск: Изд-во «Университетское», 1985. – 168 с.

Лапцевич И. И.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ: ИСПРАВИТЕЛЬНО-РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, lapcevich@center.gov.by

Исследуется государственное воздействие на несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Рассматривается применение основных средств достижения целей уголовной ответственности в отношении подростков, находящихся в исправительных учреждениях. Исправление и ресоциализация представлены как взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. Отмечается первостепенная роль государства в исправлении и ресоциализации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы. Проанализирована сложившаяся на сегодняшний день в Республике Беларусь практика исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении подростков.

Ключевые слова: государственное воздействие; несовершеннолетние осужденные; исправление; ресоциализация.

В Республике Беларусь реализация уголовной ответственности основана на государственном принуждении, что обусловлено, прежде всего, спецификой общественных отношений в данной сфере. Соответственно, построение и функционирование уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) – исключительная прерогатива государства. Именно на государство в лице его уполномоченных органов возложена обязанность привлечь лицо, совершившее преступление, к уголовной ответственности и применить к нему наказание или иные формы уголовной ответственности.

Однако назначение и исполнение наказания или применение иных форм уголовной ответственности не является самоцелью уголовной ответственности. В качестве одной из ее целей выступает исправление лица, совершившего преступление (ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), ч. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК)). Именно на исправление лица, а не на покарание, и направлен потенциал мер уголовно-правового воздействия. Как справедливо отмечает В. И. Селиверстов, «исправление осужденных – это наиболее гарантированный способ достижения цели предупреждения совершения новых преступлений. Страх перед новым уголовным наказанием может исчезнуть, а установка на ведение правопослушного

образа жизни, подкрепленная неразрушенными или вновь созданными во время отбывания уголовного наказания позитивными социальными связями и ценностями, дает более продолжительный и стабильный эффект» [1, с. 43].

Суть исправления заключается в формировании у осужденного готовности вести правопослушный образ жизни (ч. 2 ст. 7 УИК). Исправление связано с изменением сознания и поведения осужденного, преодолением либо нейтрализацией отрицательных качеств личности, которые привели к совершению преступления, направлено на предупреждение совершения преступлений в будущем, ведение правопослушного образа жизни [2, с. 54–55].

Однако только исправления лица недостаточно для снижения уровня рецидивной преступности. Для самого осужденного, а также государства и общества в целом, в качестве конечной цели уголовно-правового воздействия следует рассматривать ресоциализацию. Осужденный может соответствовать всем критериям исправления, предусмотренным уголовно-исполнительным законодательством, однако принятие либо неприятие его обществом является одним из наиболее значимых факторов его дальнейшей законопослушной жизни.

В отличие от исправления, понятие «ресоциализация» не получило закрепления ни в уголовном законе, ни в уголовно-исполнительном законодательстве. В то же время в качестве одной из задач УИК определена социальная адаптация осужденных (ст. 2 УИК), однако дефиниция данного понятия в законодательстве, устанавливающем порядок и условия исполнения и отбывания наказания и применения иных форм уголовной ответственности, отсутствует. Социальная адаптация в общем смысле представляет собой «процесс активного приспособления индивида, группы, общества к условиям новой социальной среды» [3, с. 154]. Понятие «социальная адаптация» тесно взаимосвязано с понятием «ресоциализация», которое, хотя и не упоминается в УИК, но часто используется в научной юридической литературе применительно к процессу и результату встраивания осужденного в общество. Так, ресоциализацию осужденных можно рассматривать как процесс их адаптации к новым условиям существования и усвоение навыков правомерного поведения при целенаправленном формировании субъектами исправительно-профилактического воздействия благоприятных социальных связей и социальной среды обитания, исключая криминогенные факторы.

Исправление и ресоциализация взаимосвязаны и взаимообусловлены, достигаются схожими средствами, и в совокупности закладывают основу для дальнейшего правопослушного поведения осужденного. Можно также констатировать, что исправление является одним из основных компонентов

эффективной ресоциализации осужденного. Оба рассматриваемых понятия являются универсальными и применяются в отношении как взрослых, так и несовершеннолетних. В отношении же несовершеннолетних они приобретают особую значимость в силу нуждаемости подростков в крайне деликатном и бережном отношении при выведении их из сферы уголовной ответственности.

В ч. 3 ст. 7 УИК определены средства достижения целей уголовной ответственности. К основным из них относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие. В то же время указанные средства направлены и на ресоциализацию осужденного.

Исправлению и ресоциализации осужденных, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества, как на практике, так и при проведении научных исследований уделяется больше внимания, чем осужденным к иным видам наказания либо применению иных форм уголовной ответственности. И такой подход, безусловно, оправдан, поскольку лишение свободы назначаются, как правило, наиболее педагогически запущенным подросткам [4, с. 201], требующим к себе более пристального внимания. Кроме того, нахождение лица, особенно длительное время, в исправительном учреждении приводит к его десоциализации. Осужденный привыкает жить по внутренним правилам исправительного учреждения и в большей степени ориентируется на удовлетворение своих личных потребностей. При освобождении из мест лишения свободы человеку приходится заново приучаться нести ответственность за свои действия и поступки, продиктованные уже не режимными требованиями исправительных учреждений, а индивидуальными потребностями, которые необходимо удовлетворять, не нарушая правила поведения в социуме. Поэтому проблема интеграции в общество именно таких осужденных является особо острой [5, с. 114-115].

На сегодняшний день в Республике Беларусь действует единственная исправительная колония для несовершеннолетних – Воспитательная колония № 2 в г. Бобруйске (далее – ВК-2). В ней отбывают наказание лица мужского пола. Несовершеннолетние женского пола лишение свободы отбывают в женской колонии – Исправительной колонии № 4 г. Гомеля.

Одним из основных средств исправления осужденных является соблюдение установленного порядка – режима отбывания наказания, обеспечение которого осуществляется государственным принуждением, реализуемыми администрацией воспитательной колонии. А. А. Раськевич отмечает, что главное значение порядка отбывания наказания как средства исправления состоит «в воспитании у осужденных дисциплины, т.е. подчинению определенному порядку, обязательному для всех...

В воспитательном воздействии дисциплинирующего режима нуждается каждый осужденный, т.к. каждое преступление есть отклонение от установленного в обществе правопорядка, и каждый преступник в процессе исправительного воздействия должен научиться не нарушать его... В результате поведение осужденных упорядочивается и со временем у них вырабатывается привычка придерживаться определенных правил поведения. Этим достигается конечная цель дисциплинарного режима – воспитание сознательной дисциплины поведения человека в обществе» [6, с. 88]. Автор отмечает, что воспитательная функция режима проявляется в том, что он: способен послужить толчком к нравственному совершенствованию личности в результате причинения осужденному переживаний и страданий, связанных с утратой свободы; способствует формированию у осужденного необходимых не только в пенитенциарных учреждениях, но и на свободе полезных навыков, привычек и качеств, поскольку приучает его к систематическому, длительному и строгому соблюдению предписанных правил поведения; содействует в совокупности с другими основными средствами исправления воспитанию у осужденных правосознания; помогает преодолеть негативные черты личности, которые привели его к совершению преступления, осознать ценность утраченных благ, т.е. свободы; способствует воспитанию у осужденного стойкого противодействия совершению преступлений в будущем, что должно основываться не только на страхе вновь быть наказанным, сколько на сознании вредности и бессмысленности ведения преступного образа жизни [6, с. 88–89].

Воспитательный потенциал режима очевиден. Однако пребывание осужденных в строгих режимных условиях лишения свободы порождает проблему, без решения которой ресоциализация будет довольно сложной – возникновение феномена «выученной беспомощности», т.е. формирование у осужденных мышления о неспособности оказывать влияние на происходящие события [7, с. 95]. Так, П. В. Тепляшин и А. С. Сергиенко выученную беспомощность связывают с отсутствием у осужденных положительного опыта разрешения жизненных ситуаций [8, с. 71]. А. А. Тит обращает внимание на крайне негативные последствия проявления рассматриваемого феномена, выражающиеся в неспособности лиц, освободившихся из исправительного учреждения, встроиться в общество. Автор отмечает, что достаточно часто осужденные в период отбывания наказания соответствуют критериям для признания их исправившимися. Однако после освобождения из мест лишения свободы такие лица в связи с утратой социально значимых навыков разрешения жизненных ситуаций не справляются с трудностями пребывания в социуме. Они начинают злоупотреблять алкоголем, потреблять наркотические средства, под воздействием различных жизненных ситуаций (например,

разрыв с семьей, возвращение в социальную группу негативной направленности и др.) совершают преступления [7, с. 96]. Особенно опасно пребывание в таком состоянии для подростков, которые в принципе нуждаются в поддержке и помощи со стороны взрослых в силу психоэмоциональных особенностей, несформированности личности, наличия трудностей при самостоятельном принятии правильных решений в сложных жизненных ситуациях, их зависимости от принимаемых решений взрослыми и т.д.

Для решения данной проблемы поддержание администрацией исправительного учреждения строгой дисциплины при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества, должно сочетаться с активным воздействием на несовершеннолетних иными средствами исправления, направленными на стимулирование осужденных к активному проявлению себя в получении образования, творчестве, саморазвитии.

Эффективность исправления и ресоциализации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы зависит от качества проведенной с ними воспитательной работы. В соответствии со ст.104 УИК воспитательная работа направлена на формирование и укрепление у осужденных стремления к занятию общественно полезной деятельностью, приобретению значимых для социальной адаптации компетенций и преодолению негативных черт личности, добросовестного отношения к труду, соблюдению требований законодательства и принятых в обществе правил поведения, на повышение их культурного уровня. В воспитательной работе среди осужденных в первую очередь принимают участие работники исправительного учреждения. Также могут быть привлечены представители государственных органов и иных организаций.

При проведении воспитательной работы следует учитывать индивидуальные особенности личности несовершеннолетнего осужденного, характер совершенных им преступлений, а также их поведение в период отбывания наказания. В. Г. Стуканов пишет о следующих особенностях проведения воспитательной работы с подростками: «Поскольку несовершеннолетние осужденные негативно воспринимают нравоучения и другие способы прямого воспитательного воздействия, в работе с ними необходимо чаще использовать такие методы и способы косвенного влияния, как совет, пожелание, напоминание. Воспитатели должны уметь преодолевать негативизм и внутреннее сопротивление осужденным воспитательным воздействиям, с одной стороны, а с другой – максимально использовать их активность, эмоциональность и впечатлительность» [4, с. 204-205].

В рамках воспитательной работы проводятся индивидуальные и коллективные беседы с несовершеннолетними, организовываются лекции, диспуты, встречи с интересными людьми (учеными, артистами,

писателями). Особое внимание уделяется физическому воспитанию осужденных подростков, которое помогает укрепить здоровье и позволяет повысить производительность труда. Подростки, посещающие спортивные секции, становятся более дисциплинированными, успевающими в учебе, лучше других способны преодолевать жизненные трудности. Занятие спортом позволяет также успешно сформировать положительные морально-волевые и нравственные качества личности [4, с. 204–205]. Кроме того, правильно организованная воспитательная работа способна оказать влияние на формирование желания у осужденного приобрести знания, навыки и умения, повысить свой образовательный уровень, т.е. исключительно значима для получения образования [9, с. 43].

Особое значение администрацией исправительного учреждения придается проведению психологической работы с подростками. Осужденным оказывается психологическая помощь в части адаптации к порядку и условиям отбывания наказания, преодоления конфликтов, нормализации психического состояния и нейтрализации отрицательных установок личности, подготовки к освобождению (ст. 107 УИК).

Ключевую роль в развитии и становлении личности несовершеннолетнего играет образование. Высокая значимость получения образования для исправления и ресоциализации осужденных к лишению свободы отмечается не только законодателем, но и научным сообществом. Получение осужденными образования значительно облегчает их ресоциализацию, способствует повышению культурного уровня, позволяет быть конкурентоспособным на рынке труда, настраивает на законопослушный образ жизни и т.д. [9, с. 37, 47; 10, с. 245; 11, с. 292, 293].

В соответствии с принципом обязательности получения общего среднего образования организация образовательного процесса осуществляется и исправительных учреждениях. Организация воспитательного процесса осуществляется при тесном взаимодействии Министерства образования Республики Беларусь (ответственно за деятельность учреждений образования на территории воспитательной колонии) и Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (специфика исправительного учреждения предопределяет необходимость обязательного участия администрации исправительной колонии в организации образовательного процесса). Получение подростками образования осуществляется на территории исправительного учреждения и встроено в режим отбывания наказания. Организуется как пребывание педагогических работников на территории воспитательной колонии, так и обучение в дистанционной форме.

В зданиях на территории воспитательной колонии оборудуются классы для получения подростками общеобразовательного,

профессионально-технического обучения и профессиональной подготовки, организуется центр дистанционного доступа к электронной образовательной среде и учебные классы для организации процесса получения осужденными среднего специального и высшего образования в дистанционной форме, в котором размещаются учебные места с подключением к информационным ресурсам официального сайта учреждения образования (п. 14, 26, 263 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174).

Получение профессионального образования осужденными к лишению свободы востребовано как УИС (направлено на реализацию целей уголовной ответственности), так и непосредственно осужденными (способствует удовлетворению потребности в эффективной ресоциализации после освобождения из исправительного учреждения). В то же время необходимо отметить, что с учетом особенностей исполнения наказания в виде лишения свободы невозможно предоставить доступ к тому широкому спектру возможностей в получении осужденными профессионального образования, к которому имеют остальные граждане. Обусловленные объективными причинами, характерными для закрытого исправительного учреждения, ограничения в получении профессионального образования могут привести к существенным проблемам при освобождении лица из мест лишения свободы. Например, Н. А. Крайнова в качестве одного из недостатков образования в исправительных учреждениях России выделяет отсутствие взаимосвязи с объективными жизненными реалиями и учета востребованности на рынке труда тех или иных профессий и специальностей [10, с. 246]. Такая проблема актуальна и для Республики Беларусь. Поскольку профессиональное образование осужденных к лишению свободы во многом обуславливает последующую их трудовую занятость, то при организации такого обучения следует исходить из актуального состояния рынка труда, его потребностей и прогнозов развития. Несомненно, отсутствие востребованной профессии у освобожденного из воспитательной колонии подростка усложнит процесс его ресоциализации.

Одним из действенных средств исправления и ресоциализации несовершеннолетнего осужденного является привлечение его к труду. Труд – важнейший элемент в воспитании человека, материальная основа становления личности. Посредством труда происходит и воспитание осужденного в духе уважения к интересам общества, совершенствование трудовых навыков, развитие таких качеств, как дисциплинированность, добросовестность, уважение к закону [12, с. 97]. Психолог и философ С. Л. Рубинштейн отмечал, что «в процессе труда не только производится тот

или иной продукт трудовой деятельности субъекта, но и сам субъект формируется в труде. В трудовой деятельности развиваются способности человека, формируется его характер, получают закалку и переходят в практические действенные установки его мировоззренческих принципов» [13, с. 474].

В социальном аспекте труду присуща исключительно положительная роль. Эта же роль должна сохраняться и в уголовно-исполнительной сфере. Привлечение несовершеннолетнего осужденного к общественно полезному труду направлено на приобщение его к созидательной трудовой деятельности. Рассматривая труд сквозь призму одного из средств достижения цели уголовной ответственности, В. Г. Стуканов отмечает, что «исправление осужденного – это не только формирование трудовых умений и навыков, привычки трудиться, но и привитие нравственных ценностей. В процессе трудовой деятельности формируются основные нравственные качества личности: трудолюбие, терпеливость, целеустремленность, дисциплинированность, совесть, добросовестность, забота о сохранении результатов труда, уважение к членам трудового коллектива, товарищеская взаимопомощь и т.д. Поэтому сформированные в процессе труда нравственные качества личности определяют поведение осужденного не только во время трудового процесса, но и в других жизненных ситуациях» [4, с. 115].

В воспитательной колонии подростки привлекаются к труду по самообслуживанию, к уборке и благоустройству исправительного учреждения, прилегающей к нему территории, производственных помещений (ст. 98, 101 УИК).

При нахождении в воспитательной колонии связь подростка с внешним миром весьма ограничена. В связи с этим особое внимание администрация уделяет сохранению значимых для подростка социальных связей со своими близкими. Взаимодействие подростков с родственниками свидетельствует о заботе о несовершеннолетнем и его поддержке со стороны семьи, подтверждает, что несмотря на поведение подростка, семья его не оттолкнула и он по-прежнему остается значимым ее членом. Поддержка семьи придает подростку уверенности в его новом оптимистичном будущем, способствует его работе над собой и положительным преобразованиям в его личности. Так, находясь в воспитательной колонии подростки имеют право на краткосрочные и длительные свидания с близкими родственниками и лицами, заменяющими родителей (ч. 3 ст. 59, ст. 126 УИК), на телефонные разговоры с использованием систем видеосвязи (например, ч. 4 ст. 84 УИК). Однако близкие родственники должны оказывать на осужденных исключительно положительное влияние, способствовать его исправлению и ресоциализации. В противном случае

такое общение нецелесообразно и, более того, будет негативно сказываться на несовершеннолетнем.

Сложившаяся на сегодняшний день в Республике Беларусь практика исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних показывает следующее. Данные судебной статистики свидетельствуют о том, что в Республике Беларусь за последние 5 лет к лишению свободы осуждались: в 2019 г. – 90 подростков (12,4 % от общего количества осужденных несовершеннолетних), в 2020 г. – 72 (11,9 %), в 2021 г. – 138 (15,8 %), в 2022 г. – 159 (17,2 %), 2023 г. – 140 (20,2 %) [14]. При этом места отбывания подростками наказания в виде лишения свободы находятся на особом государственном контроле.

Следует отметить, что особое отношение к несовершеннолетним правонарушителям изначально проявляется в общении подростка и представителей администрации воспитательной колонии. Так, с целью предотвращения формирования в сознании несовершеннолетних отношения к ним как к преступникам и правонарушителям, осужденных называют «воспитанниками», а подростки в свою очередь могут обращаться к представителям администрации учреждения по имени и отчеству [2, с. 675].

В ВК-2 созданы условия для получения подростками общего среднего образования с 8 по 11 классы (на территории колонии функционирует филиал ГУО «Средняя школа № 32 г. Бобруйска»). Уроки проводятся даже если в классе всего один ученик, а аттестаты выпускникам вручают в торжественной обстановке в присутствии родных [15]. Кроме того, в колонии можно получить рабочую профессию столяра или слесаря-ремонтника (деятельность осуществляет филиал № 2 учреждения образования «Бобруйский государственный индустриально-строительный колледж»), а также пройти дистанционное обучение в вузе (в Московском институте экономики, политики и права). Например, по состоянию на 17 января 2024 г. семь подростков получали высшее образование по специальностям «менеджмент», «экономика» и «психология». После освобождения они смогут продолжить обучение [16].

Находясь в колонии, подростки развиваются творчески и физически. Для этого созданы различные кружки и секции по интересам, оборудован спортивный и тренажерный залы, организуются различные мероприятия [16]. В колонии есть поля для футбола и пляжного футбола, площадка с современным покрытием для занятий волейболом, спортзал, хоккейная площадка [15]. В дистанционном формате проводятся спортивные соревнования международного уровня. Так, в 2019 г. состоялся онлайн-турнир по шахматам между командой осужденных ВК-2 и сборной воспитательных колоний Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, а также среди команд осужденных пенитенциарных

учреждений Великобритании, Армении, Беларуси, Бразилии, Италии, Испании, России, США [7, с. 128].

Во время рабочего визита 17 января 2024 г. в ВК-2 заместитель главы Администрации Президента Республики Беларусь О. И. Чуприс положительно оценила условия, в которых проходит исправление и ресоциализация осужденных к лишению свободы подростков, и отметила: «Президент всегда говорит: надо во всем видеть человека. Надо быть неравнодушным, ко всему иметь индивидуальный подход. И в системе исполнения наказаний этот подход реализуется: здесь на самом деле видят человека... В вопросе перевоспитания молодых людей, юношей, мы обратили внимание на то, что здесь действительно каждый ребенок найдет себя. Ему создают условия для того, чтобы он не погрузился в себя, а наоборот – раскрылся, обучился, если где-то этого не успел. И дети это подтвердили. Если ребенок хочет играть в хоккей и когда-то имел такую мечту, то здесь ему обязательно создадут условия. Он будет ездить на лыжах, либо, если хочет, рисовать, заниматься иностранным языком – созданы такие возможности» [16]. Положительно была отмечена работа администрации учреждения по сохранению социальных связей подростков. «Как говорит Президент, семья – это крепость нашей страны, – продолжила О. И. Чуприс. – Несмотря на то, что дети находятся здесь, они должны чувствовать связь с семьей. Исходя из этого, изменились подходы к тому, как организовывать краткосрочные свидания. Я сегодня это видела своими глазами: приехали родственники к ребенку, бабушка и мама. Они общаются с ребенком, сидят за столом, привезли ему какие-то продукты питания, разговаривают, могут его обнять. В общем, эти связи сохраняются, и для государства это очень важно». Кроме того, по мнению О. И. Чуприс, такой подход способствует тому, что после освобождения ребенок возвращается к нормальной жизни, и не только не утрачивает социальные связи, а даже приобретает новые. Так, администрация помогает воспитаннику в дальнейшем трудоустроиться, психологически преодолеть определенные рубежи. И эти контакты надо сохранять, ведь если у ребенка что-то произойдет вновь, можно будет подключиться в том числе через систему органов внутренних дел или социальные службы. «Должна быть такая интегрированность», – подчеркнула она [16].

Таким образом, изучение уголовно-исполнительного законодательства и практики осуществления государственного воздействия на несовершеннолетнего осужденного с целью его исправления и ресоциализации при исполнении наказания в виде лишения свободы свидетельствует о главенствующей роли в данной сфере УИС, которая для реализации своих целей привлекает иные государственные органы.

В то же время, несмотря на значимость и масштабность осуществляемого государством исправительного и ресоциализационного

воздействия на несовершеннолетних осужденных, все более возрастает роль привлечения гражданского общества к процессу встраивания подростка в социум, формирования благоприятных социальных связей и социальной среды его обитания, исключая криминогенные факторы.

Библиографический список

1. Селиверстов, В. И. Научно-теоретическая модель Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: новеллы и перспективы / В. И. Селиверстов // Международный пенитенциарный журнал. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 41–46.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2020. – 992 с.
3. Словарь социально-гуманитарных терминов / А. Л. Айзенштадт, В. М. Галкин, Н. А. Котова [и др.]; под общ. ред. А. Л. Айзенштадта. – Минск : Тесей, 1999. – 320 с.
4. Стуканов, В. Г. Исправительная педагогика : учеб. пособие / В. Г. Стуканов ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Академия МВД, 2020. – 358 с.
5. Тит, А. А. Ресоциализация как цель наказания (на примере Республики Беларусь) / А. А. Тит // Вестн. Кузбас. ин-та. – 2020. – № 2. – С. 113–122.
6. Раськевич, А. А. Режим как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы / А. А. Раськевич // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – № 1. – 2010. – С. 87–93.
7. Тит, А. А. Ресоциализация осужденных в Республике Беларусь : моногр. / А. А. Тит, Д. А. Павленко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2023. – 226 с.
8. Тепляшин, П. В. Роль феномена выученной беспомощности в ресоциализации осужденных, изолированных от общества / П. В. Тепляшин, А. С. Сергиенко // Научный компонент. – № 1. – 2020. – С. 68–73.
9. Катцова, Т. М. Образование осужденных к лишению свободы как средство достижения целей уголовной ответственности / Т. М. Катцова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – С. 162.
10. Крайнова, Н. А. Противодействие преступности в контексте ресоциализации: моногр. / Н. А. Крайнова // под ред. А. И. Коробеева. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 320 с.
11. Карчевская, Ю. С. Ресоциализация несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы / Ю. С. Карчевская // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов :

Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 фев. 2019 г. : тезисы докладов / УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Минск, 2019. – С. 292–293.

12. Сутурин, М. А. Особенности наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних / М. А. Сутурин // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 3. – С. 95–104.

13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 713 с.

14. Судимость несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/. – Дата доступа: 12.09.2024.

15. Как живут в колонии и о чем мечтают подростки, осужденные по наркостатье [Электронный ресурс] / Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/kak-zhivut-v-kolonii-i-o-chem-mechtajut-podrostki-osuzhdennye-po-narkostatje-600242-2023/>. – Дата доступа: 22.07.2024.

16. Чуприс о воспитанниках ВК №2 в Бобруйске: даже здесь дети не должны терять связь с семьей [Электронный ресурс] / Белта. Новости. – Режим доступа: <https://www.belta.by/regions/view/chupris-o-vospitannikah-vk-2-v-bobrujske-dazhe-zdes-deti-ne-dolzheny-terjat-svjaz-s-semjej-610321-2024/>. – Дата доступа: 24.07.2024.

Лемешко Е. В.

ЦЕЛОСТНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Институт физиологии НАН Беларуси

ул. Академическая, 28, 220072, г. Минск, Беларусь, *iflemeshko@gmail.com*

В условиях пребывания в учреждениях уголовно-исполнительной системы вопросы анализа психологического состояния являются первостепенными как у больных людей, так и у соматически здоровых. Данное обстоятельство имеет место из-за того, что уже при заключении под стражу нарушается нормальный процесс жизнедеятельности человека. Исключение составляют лишь лица, много лет находящиеся в местах лишения свободы. Поэтому лечение любой патологии в подобных условиях нельзя рассматривать без учета психического состояния человека.

Ключевые слова: лица, содержащиеся под стражей; осужденные; медицинская служба; медико-психологическое обеспечение; психическое состояние; психосоматика; уголовно-исполнительная система.

Интересы национальной безопасности согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, охватывают все сферы жизни человека. Не является исключением и здравоохранение, а, следовательно, и состояние здоровья лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС). Сфера здравоохранения отвечает за демографическую и социальную безопасность. Профессор Ю.М. Антонян еще в 1992 году говорил, что в нашей стране отсутствует «сквозной» учет состояния здоровья лиц, совершивших преступление, на различных этапах уголовно-правового воздействия [1].

Поэтому взаимодействие медицинской службы УИС и органов гражданского здравоохранения абсолютно оправдано, т. к. оно обеспечивает преемственность обследования и лечения пациентов между медицинскими частями и подразделениями УИС и органами здравоохранения.

В целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь одним из приоритетов уголовной и уголовно-исполнительной политики должно являться сохранение и укрепление здоровья лиц, содержащихся в учреждениях УИС, формирование здорового образа жизни и повышение доступности и качества медицинской помощи для их последующей интеграции в общество.

Проблема исправительно-профилактического воздействия в отношении лиц, содержащихся в учреждениях УИС и имеющих проблемы со здоровьем, требует решения целого комплекса вопросов, в том числе связанных с их лечением [2].

Добросовестное лечение должно стать одним из средств исправления. Отношение лиц, содержащихся в учреждениях УИС, к состоянию собственного здоровья говорит о степени их исправления. Соблюдение врачебных предписаний, своевременное обследование, реализация прав, направленных на улучшение (поддержание) состояния здоровья, должны положительно оцениваться администрацией учреждения, а отказ от обследования, уклонение от выполнения врачебных предписаний, приводящие к ухудшению состояния своего здоровья (в том числе членовредительство) – отрицательно. Поскольку болезнь лиц, находящихся в учреждениях УИС, обычно негативно влияет на их поведение и затрудняет применение предусмотренных основных средств исправления (особенно при стационарном лечении), то коррекция состояния здоровья должна стать приоритетным средством исправления пациентов, стимулировать занятие ими более активной позиции в процессе исполнения наказания. Необходимо содержать лиц, отказавшихся от диагностики и лечения, отдельно от остальных [2].

Следует учитывать, что психическое состояние человека может служить причиной совершения общественно опасного деяния. Без соответствующего воздействия на психику такого человека говорить об исправлении лица и предупреждении совершения им новых правонарушений не приходится [2].

Жизнь и здоровье человека – главные, фундаментальные ценности в существовании людей. Длительное время здоровью лица, совершившего преступление, не придавали того значения, которое ему придают сейчас, а оказание такому человеку медицинской помощи не было приоритетным направлением в деятельности соответствующих органов и учреждений [2].

Учреждения УИС должны в максимальной степени учитывать состояние здоровья содержащихся в них лиц и обеспечивать им необходимую медицинскую помощь. Этой теме посвящены различные научные издания [3; 4; 5]. В первую очередь это необходимо для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

Однако, на практике это не всегда возможно по различным причинам.

Для эффективного функционирования здравоохранения в учреждениях УИС необходимы специально подготовленные медицинские кадры, способные полноценно решать поставленные задачи. Однако особенности оказания медицинской помощи (в первую очередь психологические) лицам, содержащимся в учреждениях УИС, не учитывают при подготовке будущих

медработников в медицинских колледжах и вузах, а также при прохождении ими курсов последипломного повышения квалификации.

Медицинскому персоналу хорошо известно, что эффективность лечения пациента во многом зависит от его веры в выздоровление и от доверия к лечащим врачам. Оптимистическое отношение к жизни и позитивный внутренний настрой иногда эффективней лекарственных средств способствуют выздоровлению.

Отрицательные же эмоции, вызываемые, как правило, всевозможными стрессами, способствуют развитию различных заболеваний. В последние десятилетия роль психологических и социальных факторов в происхождении болезней резко выросла. Особенно это касается психосоматических заболеваний, в развитии которых, наряду с биологическими факторами, принимает участие психологический стресс [6]. И наоборот: соматические заболевания влияют на поведение человека через развитие у него психических отклонений. Патология, не подвергаясь соответствующему профилактическому воздействию, влияет на поведение лиц, содержащихся в учреждениях УИС, что влечет совершение ими преступлений и иных правонарушений [2].

Медицинское воздействие на лиц, содержащихся в учреждениях УИС, должно проводиться с учетом его психических и иных особенностей. Кроме того, без коррекции психологического состояния применение уголовного наказания будет бессмысленно и неэффективно [2]. В условиях содержания под стражей вопросы анализа психического состояния являются первостепенными как у больных людей, так и у соматически здоровых. Данное обстоятельство возникает из-за того, что при заключении под стражу нарушается нормальный процесс жизнедеятельности человека, и проявляется дезадаптация [7]. Исключение составляют лица, много лет находящиеся в местах лишения свободы, а также некоторые люди с чрезмерно развитыми адаптационными способностями. Если резерва компенсаторных механизмов человека не хватает, то развиваются психические (депрессии, тревожные расстройства, зависимости от психоактивных веществ и др.), а затем и соматические (болезни внутренних органов) заболевания. Первостепенной задачей врачей в данном случае является не констатация депрессивных проявлений, а распознавание основной патологии, замаскированной психическими расстройствами либо наоборот. Поэтому лечение любых заболеваний в подобных условиях нельзя рассматривать без учета психического состояния человека.

Наиболее ярким примером связи соматической патологии с психическим состоянием пациента является артериальная гипертензия. Состояние длительного и интенсивного психического напряжения, вызываемое различными психогенными и психотравмирующими моментами (ситуациями), приводит к возникновению артериальной

гипертензии. Изменения сосудистого тонуса, которые лежат в основе данного заболевания, обусловлены психогенно возникающими нарушениями высшей нервной деятельности. Если человек длительно находится в состоянии неудовлетворения своих потребностей (пребывание в местах лишения свободы), то возникают психологические конфликты, которые осознаются или не осознаются человеком, но обязательно рождают эмоции, ведущие к стрессу. Последний может носить хронический характер и усиливать действие других факторов, служащих причинами различных заболеваний, в том числе и артериальной гипертензии [8; 9; 10].

Медицинская коррекция любой патологии у лиц, содержащихся под стражей, и осужденных сопровождается различными трудностями на всех этапах, начиная от ее профилактики и заканчивая лечением осложнений. Значительный процент неудовлетворительных исходов лечения обусловлен отсутствием возможности вовремя диагностировать и особенно дифференцировать конкретное заболевание от психосоматозов и другой патологии. Психосоматика предполагает, что больного человека следует рассматривать как существо, живущее и действующее со всеми его межличностными отношениями и взаимодействиями с миром, с его культурными нормами и ценностями [11].

Данный факт обусловлен тем, что уже в условиях заключения под стражу на первый план выходит проблема симуляции (диссимуляции реже) из-за того, что человек хочет положительного участия в своей судьбе или проявляет шантажно-демонстративный тип поведения. У таких лиц очень часто имеет место аггравация (дезаггравация реже), потому что такие люди находятся в необычных для себя условиях: отсутствие личного пространства, постоянное негативное влияние со стороны криминализированного контингента, малоподвижный образ жизни, отсутствие привычной работы, присутствие «рядом» таких заболеваний, как туберкулез, ВИЧ, гепатиты и другие [12]. Поэтому медицинский работник учреждений УИС должен уметь распознавать обман в жалобах своих пациентов.

В то же время до сих пор на каждом этапе уголовно-правового воздействия лицу (в том числе в период нахождения в местах лишения свободы) «выгодно» иметь заболевание, которое обычно не учитывается в будущем [2], но актуально для него в настоящее время (получение права на диетическое питание, освобождение от работы и др.).

Для получения таких льгот данная категория лиц нередко специально способствует приобретению патологии путем совершения членовредительства или необдуманных действий. Целью такого членовредительства могут быть уклонение от исправительного воздействия либо противостояние деятельности администрации учреждения или органа УИС. При совершении членовредительства данные лица наиболее активно

воздействуют на администрацию учреждения, при этом на период получения лечения такие люди фактически оказываются вне надлежащего исправительного воздействия и становятся пациентами, которым необходим уход и лечение.

Одновременно существует возможность досрочного освобождения от отбывания наказания по болезни. Зарубежные специалисты также обращают внимание на то, что данные лица могут симулировать психическое расстройство для освобождения от уголовной ответственности и наказания [13].

Часто человек, содержащийся в учреждениях УИС, просит лекарства, предъявляя при этом соответствующие жалобы, чтобы использовать их вместо наличных денег или для других своих нужд, т. к. часть лиц, содержащихся в учреждениях УИС, не принимает активного участия в исправительном процессе, сознательно не прилагает усилий для личностных позитивных изменений и ведёт правонарушающий образ жизни. Поэтому в современной пенитенциарной медицине медицинский персонал отдаёт предпочтение пролонгированным таблетированным, внутривенным струйным и внутримышечным формам введения препаратов вне зависимости от возраста пациента и тяжести заболевания, так как это наиболее контролируемые методы введения лекарственных средств. В необходимых случаях используют внутривенную капельную форму введения лекарственных средств, но под постоянным контролем со стороны.

Данная ситуация – следствие целого ряда правовых и организационных проблем. Поэтому необходимо усилить стимулирование поддержания своего здоровья лицами, содержащимися под стражей, и осужденными со стороны уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Вместе с тем психические расстройства и другие заболевания, влияющие на поведение и влекущие совершение правонарушений, не подвергают надлежащему профилактическому воздействию [14]. В местах лишения свободы любая патология, если ее не корректировать, прогрессирует и приводит к еще более отрицательной оценке пациентом окружающей действительности.

Болезнь значительно меняет социальный и психологический тип личности лиц, содержащихся в учреждениях УИС (следовательно, и их поведение – возникают психические отклонения) [15]. В этом случае патология данной категории лиц может способствовать развитию негативного отношения к исправительному воздействию (в том числе и к медицинским работникам).

Лица, содержащиеся под стражей, и осужденные испытывают пенитенциарный стресс. Об этом же напоминает и Всемирная организация здравоохранения. Она поясняет, что пенитенциарное учреждение – место

повышенного риска заболеваний, в том числе психических [16]. При развитии стресса определяющим моментом является психологическая оценка факторов, представляющих для человека угрозу.

Кроме того, хронические пациенты испытывают хронический психологический стресс. Их волнуют мысли о том, как будет протекать болезнь, и насколько она опасна для их жизни. Сопутствующие психологическому стрессу отрицательные эмоции, отрешенность или депрессия могут усугубить течение болезни, что нередко встречается у лиц, содержащихся в учреждениях УИС.

Вынужденная изоляция приводит к психическим изменениям личности разной степени выраженности. В учреждениях УИС общими психотравмирующими факторами кроме вынужденной изоляции от общества являются: продолжительность срока лишения свободы, отказ в помиловании и др. В результате растет уровень агрессии и социальной дезадаптации. Кроме того, с увеличением срока пребывания в местах лишения свободы увеличивается риск развития депрессии, невроза, психоза, язвенной болезни, артериальной гипертензии, инфаркта миокарда [17]. Соответственно, при лечении данной патологии необходимо учитывать вышеуказанные факторы. Об этом утверждают авторы, изучавшие резерв сердечно-сосудистой системы при различных расстройствах сознания [18].

Люди, заключенные под стражу, и осужденные используют различные механизмы психологической защиты, что значительно осложняет работу медицинского персонала. Поэтому психология лиц, содержащихся под стражей, и осужденных отличается от психологии обычных соматических пациентов. Следовательно, для выполнения в учреждениях УИС медицинскими работниками своих должностных обязанностей необходимо соблюдать определенные правила поведения и при этом учитывать общепризнанные международные нормы прав человека и медицинской этики [16].

На сегодняшний день необходимо постоянно мотивировать и стимулировать данную категорию лиц на поддержание своего здоровья в удовлетворительном состоянии, а при наличии возможности – и в максимально улучшенном состоянии.

Отдельного внимания заслуживает личная безопасность медицинского персонала. Ею ни в коем случае нельзя пренебрегать. Описаны случаи нападения со стороны лиц, содержащихся в местах лишения свободы, именно на медицинский персонал как в Республике Беларусь [19], так и за рубежом [20].

В связи с вышеизложенным в 2013 году в нашей стране в практическую деятельность органов и учреждений УИС внедрены методические рекомендации «Правила поведения медицинских работников в

учреждениях уголовно-исполнительной системы», учитывающие отношения «врач-пациент» и их нахождение в местах лишения свободы [21]. Также высказывали мнение о целесообразности разработки Этического кодекса врачей УИС в Республике Беларусь [22].

Таким образом, далеко не все инструментальные методы исследования можно использовать в условиях УИС, так как психология человека, содержащегося под стражей либо отбывающего наказание, отличается от психологии обычного соматического пациента. В следственных изоляторах, тюрьмах и колониях ограничено свободное перемещение находящихся в них лиц; не всегда возможно отдавать на руки пациенту какой-либо диагностический прибор, так как он может использовать его не по назначению либо целенаправленно его испортить. Возникают сложности в объективизации жалоб из-за симуляции и аггравации (поэтому многие диагностические подходы надо подтверждать другими методами исследования, но с теми же целями). Необходим постоянный контроль выполнения пациентом врачебных назначений и инструкций.

Необходимо составить алгоритмы ведения пациентов с различной патологией, учитывающие их психическое состояние и условия содержания. Попытки создания такого алгоритма для граждан, проходящих лечение в учреждениях здравоохранения, уже предпринимали [23]. В 2013 году в практическое здравоохранение УИС внедрен алгоритм оказания медицинской помощи пациентам с ишемической болезнью сердца и артериальной гипертензией.

При анализе отечественной и зарубежной литературы установлено большое количество исследований по разным направлениям пенитенциарной медицины (особенно развито психиатрическое и фтизиатрическое направления). В то же время, изучению таких распространенных и значимых заболеваний, как невриты и нейропатии, отиты и гаймориты и др. посвящено очень малое количество работ, и не всегда в них указывают о необходимости учитывания психического состояния пациента при медицинском воздействии. В связи с чем до настоящего времени в данном разделе медицины отсутствует комплекс научно обоснованных диагностических и лечебных мероприятий, посвященных данным патологиям. Данное обстоятельство не позволяет полноценно оценивать состояние соматического пациента в учреждениях УИС.

Библиографический список

1. Наказание и исправление преступников / под ред. проф. Ю. М. Антонына: Пособие. – М.: НИИ МВД РФ. – 1992. – 392 с.
2. Скиба, А. П. Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. П. Скиба. – Рязань, 2012. – 322 л.

3. Кралько, А. А. Совершенствование системы медико-санитарного обеспечения осужденных в исправительных учреждениях Республики Беларусь : дис. ... канд. мед. наук : 14.00.33 / А. А. Кралько. – Минск, 2005. – 198 л.
4. Лапицкий, Д. В. Распространенность, особенности клинического течения и лечения внебольничной пневмонии в учреждениях закрытого типа Республики Беларусь : дис. ... канд. мед. наук : 14.00.43 / Д. В. Лапицкий. – Минск, 2005. – 142 л.
5. Петров, В. И. Медицинская реабилитация осуждённых с расстройствами адаптации в условиях исправительного учреждения : дис. ... канд. мед. наук : 14.00.33, 14.00.18 / В. И. Петоров. – Минск, 2008. – 204 л.
6. Лебедева, В. Ф. Психические расстройства при соматических заболеваниях / В. Ф. Лебедева, В. Я. Семке, Л. П. Якутенюк. – Томск : Иван Федоров, 2010. – 316 с.
7. Семке, В. Я. Психосоциальные и биологические факторы психической дезадаптации (на модели невротических расстройств) / В. Я. Семке, Е. В. Гуткевич, С. А. Иванова. – Томск : Иван Федоров, 2008. – 204 с.
8. Гулякевич, А. Ф. Психотерапевтические приёмы в лечении больных артериальной гипертензией / А. Ф. Гулякевич // Вестник пенитенциарной медицины. – 2006. – № 1 (9). – С. 29-31.
9. Куприянова, И. Психическое здоровье пациентов с артериальной гипертензией / И. Куприянова, К. Галеева. – Saarbruchen, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014. – 147 с.
10. Increased anxiety and depression in Danish cardiac patients with a type D personality: cross-validation of the Type D Scale (DS14) / H. Spindler [et al.] // International journal of behavioral medicine. – 2009. – № 16 (2). – P. 98-107.
11. Байкова, И. А. Психосоматика: учеб.-метод. пособие / И. А. Байкова, Е. И. Терещук. – Минск: БелМАПО, 2009. – 30 с.
12. Петров, В. И. Особенности показателей комплексного медицинского обследования осуждённых тюремного режима / В. И. Петров [и др.] // Вестник пенитенциарной медицины, – 2001. – № 1. – С. 17-24.
13. Карсон, Р., Батчер, Дж., Минека, С. Анормальная психология: Пер. с англ. – 11-е изд. – М. : СПб, 2004. – С. 1131-1138.
14. Сажин, В. Л. Здоровье и болезни заключённых / В. Л. Сажин, В. К. Юрьев. – серия «Мир медицины». – М. : СПб. : Издательство «Лань», 1999. – С. 66.
15. Казак, Б. Б. Источники и угрозы безопасности уголовно-исполнительной системы / Б. Б. Казак // Безопасность уголовно-исполнительной системы, – 2007. – № 1. – С.13-17.

16. Стригалеv, А. «Мадридские рекомендации»: за равенство здравоохранения / А. Стригалеv // На страже. – 2010. – 29 янв. – С. 16.
17. Оленко, Е. С. Личностные акцентуации у заключённых / Е. С. Оленко // Успехи современного естествознания, – 2007. – № 1. – С. 80.
18. Гребенюк, О. В. Функциональный резерв сердечно-сосудистой системы у пациентов с редкими пароксизмальными расстройствами сознания в анамнезе / О. В. Гребенюк, С. А. Рудченко, Т. В. Казенных, В. М. Алифирова, Д. В. Котов, А. В. Поликарпов, Ж. А. Астрейко // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2009. – № 3. – С. 54-57.
19. Стригалеv, А. Захват / А. Стригалеv // Милиция Беларуси. – 2008. – № 6 (28). – С. 2-5.
20. ВИЧ в тюрьмах; практическое пособие для пенитенциарных систем новых независимых государств / П. Боллини [и др.] ; под ред. П. Боллини. – Всемирная организация здравоохранения: Европейское бюро, 2001. – С. 268-269.
21. Правила поведения медицинских работников в учреждениях уголовно-исполнительной системы : метод. рекомендации / В. Б. Шабанов, С. В. Губкин, Е. В. Лемешко, А. П. Трясучева ; под ред. В. Б. Шабанова ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2013. – 14, [2] с.
22. Тарасевич, А. М. Этические нормы врача пенитенциарной медицины / А. М. Тарасевич, О. В. Чечков // Актуальные проблемы пенитенциарной медицины: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 5-6 сентября 2001 г., г. Минск. – Минск: КИН при МВД Республики Беларусь, 2001. – С. 18-20.
23. Алгоритм интегративной медицинской помощи и реабилитации лиц с сочетанной соматической и пограничной психической патологией (на модели заболеваний сердечно-сосудистой системы) : Медицинская технология М. Ф. Белокрылова, Н. П. Гарганеева, В. Ф. Лебедева, Е. М. Епанчинцева, О. А. Редчиц, А. К. Костин, Е. В. Лукьянова. – Томск : «Иван Федоров», 2013. – 28 с.

Леонова М. А., Лапина И. А.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуются особенности применения искусственного интеллекта в ходе проведения судебных экспертиз. Делаются выводы о возможности и необходимости применения искусственного интеллекта для оптимизации работы судебного эксперта.

Ключевые слова: эксперт; судебная экспертиза; искусственный интеллект; нейронная сеть; судебно-экспертная деятельность; заключение эксперта.

В современном мире большое внимание уделяется развитию и созданию электронных технологий. В связи с этим в Республике Беларусь принят Указ Президента Республики Беларусь от 15.09.2021 №348 (ред. от 25.10.2022) «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» (далее – Указ Президента Республики Беларусь № 348), где обозначена одна из основных стратегических целей – достижение Республикой Беларусь уровня инновационного развития стран-лидеров в регионе Восточной Европы на основе реализации интеллектуального потенциала белорусской нации. Такой подход свидетельствует о стремлении Республики Беларусь к широкому внедрению современных технологий в целях оптимизации и развития всех сфер жизни человека, общества и государства.

На данный момент большое внимание уделяется развитию искусственного интеллекта. Постепенно он внедряется во все сферы общественной жизни. Так, в Указе Президента Республики Беларусь № 348 содержится положение о том, что для разработки и широкомасштабного внедрения современных технологий обработки, хранения, поиска и передачи научно-технической информации необходимо обеспечить: разработку и внедрение в систему научно-технической информации технологий обработки больших массивов данных, искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности и других современных технологий работы с информацией.

Понятие «искусственный интеллект» в нормативных правовых актах Республики Беларусь не содержится, однако в литературе имеются различные варианты такого определения. Обобщая научные источники, можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект представляет собой определенную совокупность информационно-технических средств,

позволяющих компьютерной системе на основе поиска, анализа и синтеза полученной ранее и сохраненной на специальных ресурсах информации, формулировать ответы на заданные вопросы.

Считаем возможным и необходимым внедрение искусственного интеллекта в деятельность судебных экспертов, ведь частота обращений к ним увеличилась, а исследуемые объекты и их признаки с каждым днем становятся все более разнообразными и объемными.

При расследовании и рассмотрении дела органы дознания, следствия и суда достаточно часто обращаются к услугам сведущих лиц, испытывая необходимость в использовании специальных знаний при анализе всех обстоятельств дела и вынесении процессуальных решений. Возросшая потребность в проведении той или иной судебной экспертизы, привела к увеличению нагрузки на экспертов, что может негативно повлиять на результат судебно-экспертных исследований. Судебный эксперт должен соблюдать установленные сроки для подготовки и выдачи инициатору заключения по поставленным вопросам. Однако в случае, когда одновременно проводится большое количество экспертиз, он старается максимально быстро провести судебную экспертизу и выдать заключение. Такая интенсификация труда, связанная одновременно с временными, физическими и психолого-интеллектуальными затратами, ведь порой приходится обрабатывать большие объемы данных в одну единицу времени, может снижать качество самого процесса исследования и негативно влиять на точность и корректность результата.

В целях преодоления негативных последствий интенсификации и усложнения различных этапов судебно-экспертной деятельности актуальным является использование автоматизированных систем поиска и обработки данных, а также – внедрение новых информационно-технических технологий в работу судебного эксперта для увеличения точности произведенных выводов, оптимизации рабочих процессов в судебной экспертизе, экономии времени как лиц, обращающихся к эксперту (инициаторов судебных экспертиз), так и самого судебного эксперта.

Если автоматизация уже более двух десятков лет используется в судебной экспертизе (автоматизированное место судебного эксперта-дактилоскописта, например), то возможности использования нейронной сети в судебной экспертизе изучены еще слабо и имеют достаточно много противников. В противовес мнению полезности внедрения в судебно-экспертную деятельность компьютерной системы, созданной по образу и подобию человеческого мозга, выдвигаются различные опасения: от сокращения рабочих мест и общего снижения квалификационных характеристик до потери объективности и беспристрастности (ведь систему все-равно будут контролировать и обслуживать определенные субъекты, возможно – очень далекие от судебной экспертизы). Поэтому в каждом

отдельном случае следует внимательно оценивать и взвешивать все «за» и «против». Вместе с тем, процесс внедрения новых технологий в жизнь и работу необратим, и в настоящее время является уже объективным условием, внешним фактором, влияние которого, считаем, можно использовать с положительными результатами.

На сегодняшний день существуют реальные возможности внедрить искусственный интеллект для проведения отдельных видов экспертиз. Очевидно, что провести полностью искусственным интеллектом судебные экспертизы, при которых необходимо личное присутствие и мнение судебного эксперта как высококвалифицированного специалиста в своей области, со своим профессиональным опытом и весомыми личностными характеристиками просто невозможно. Вместе с тем, такой подход вполне допустим для судебных экспертиз, в которых осуществляются расчеты, анализируются и сопоставляются одновременно несколько больших баз данных, справочных источников и т.п. К примеру, к таким экспертизам можно отнести судебную экономическую экспертизу. Использование при проведении такой экспертизы искусственного интеллекта позволит сэкономить процессуальное время и человеческие трудозатраты, что в свою очередь положительно отразится не только на самих экспертах, но и на судопроизводстве в целом.

В связи с этим возникает вопрос о статусе заключения эксперта при проведении экспертизы искусственным интеллектом. Заключение должно быть заверено полномочным лицом, которое в свою очередь несет ответственность за сделанные выводы, является процессуальным субъектом с полным объемом прав и обязанностей в отличие от искусственного интеллекта. В данном случае считаем целесообразным использование искусственного интеллекта только в качестве одного из методических инструментов судебной экспертизы, при котором участие судебного эксперта-человека является обязательным и необходимым для контроля и окончательной формулировки выводов. При этом считаем обязательным делать отметку о том, что судебная экспертиза произведена с использованием искусственного интеллекта.

Кроме того, искусственный интеллект можно внедрить в процесс исследования и в иных видах судебных экспертиз (особенно — многообъектных). Нейронная сеть может помочь производить анализ дактилоскопических, трасологических данных, помогать в процессе сопоставления исследуемых объектов, их признаков и частей в судебных фототехнической, почерковедческой, баллистической, лингвистической, экологической и др. видов экспертиз. Это ускорит и облегчит работу судебного эксперта, а также будет способствовать получению более точных и достоверных результатов исследования.

Искусственный интеллект также может быть использован как техническое средство подготовки выводов и написания заключения. Судебный эксперт мог бы выбрать все необходимые параметры и указать кратко сделанные выводы, а искусственный интеллект мог бы отразить их более подробно, исходя из заданных параметров. Это помогло бы эксперту сократить время на написание заключения, создав дополнительные временные возможности внутри процессуальных сроков проведения самой судебной экспертизы. Это, в целом, повысит организационно-технический уровень судебных экспертиз.

В качестве вывода можно отметить, что благодаря развитию электронных, информационно-компьютерных технологий можно будет возложить на искусственный интеллект совершение определенных этапов судебно-экспертного исследования, техническую работу при написании и оформлении выводов и заключения эксперта, что позволит оптимально перераспределить временные и человеческие ресурсы, обеспечив современную судебную экспертизу дополнительными возможностями получения своевременных, технически выверенных, достоверных и точных заключений эксперта.

Логвин В. М.
**О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА
АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА**

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, *logw1964@mail.ru*

В статье осуществлен краткий анализ наиболее значимых с точки зрения автора научных работ доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова. Отдавая дань уважения выдающемуся ученому и его творческому наследию, автор приходит к выводу о том, что знание содержания работ ученого, продолжение научных изысканий в этой области является залогом развития не только криминалистики, но и других областей научного знания.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; тактика следственных действий; психологический анализ; тактическая операция; расследование преступлений.

Память об Андрее Васильевиче Дулове не исчезла и будет сохраняться долгие годы...

Мне не довелось работать вместе с Андреем Васильевичем. Также не являюсь его учеником. Вместе с тем, у меня была счастливая возможность общения с этим человеком, ученым, педагогом, патриотом своей страны.

Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, Заслуженный работник БГУ, лауреат премии В.И. Пичеты, лауреат премии «Фемида», участник Великой Отечественной войны, награжденный боевыми и трудовыми орденами и медалями СССР и Республики Беларусь, наградами государственных органов и общественных объединений, медалью Российского отделения ЮНЕСКО «За заслуги в развитии криминалистики» Андрей Васильевич Дулов был выдающимся ученым-правоведом. За многолетнюю творческую жизнь им было подготовлено и издано множество работ по проблемам уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы, организации расследования преступлений, другим направлениям юридической науки, юридической психологии, проблемам педагогики высшей школы. Круг вопросов, рассматриваемых в его трудах, свидетельствует о широте научных интересов, разносторонности научных знаний. Труды профессора А.В. Дулова внесли огромный вклад не только в развитие белорусской правовой науки, но и юридической науки на постсоветском пространстве.

В чем величие фигуры А.В. Дулова? Представляется, что ответ на этот вопрос не требует поиска каких-то особых изысканных аргументов. Он кроется в чертах его характера: трудолюбии, скромности, упорстве в

достижении желаемой цели, любви и преданности любимому делу, принципиальности, уважительном отношении к людям, оппонентам, умении вести научную дискуссию и др. Именно таким остался в моей памяти профессор Андрей Васильевич Дулов.

Особый интерес для всех нас представляет его научное наследие. Идеи и замыслы профессора не утратили своей актуальности и значимости. Отдельные из них получили свое развитие в трудах учеников, другие требуют определенного осмысления и дальнейшей разработки.

Анализируя творческое наследие профессора А.В. Дулова, представляется необходимым все его работы с определенной долей условности разделить на несколько групп:

Работы, подготовленные и изданные в целях решения задач в рамках образовательного процесса;

Работы, подготовленные и изданные в целях решения теоретико-прикладных задач, решаемых криминалистикой и иными учебными дисциплинами.

Научные работы.

К первой группе, на наш взгляд, следует отнести ряд учебных изданий основной целью которых была выработка и формирование навыков и умений у обучающихся по применению средств и методов криминалистики в процессе расследования преступлений. Это работы Томилиной В.П. Упражнения по криминалистической технике [1]¹ и Практикум по следственной тактике [2].

Данные работы отличаются высоким уровнем научной проработки практических заданий, которые в них содержатся. Они позволили в значительной степени повысить эффективность преподавания учебной дисциплины «Криминалистика» за счет индивидуализации практических заданий, обеспечения связи решаемых задач с практикой раскрытия и расследования преступлений (приведенные в учебных пособиях задачи основаны на материалах судебно-следственной и экспертной практики). Указанные издания оказались востребованными не только студентами юридического факультета Белорусского государственного университета, но и обучающимися других вузов СССР. Более того, многие из заданий, включенные в данные пособия являются актуальными и сегодня. Их актуальность объясняется тем, что они позволяют: разобраться в механизме слепообразования; способствовать овладению и выработке умений и навыков в работе с технико-криминалистическими средствами обнаружения, фиксации, изъятия, обеспечении сохранности следов, их исследования; определить возможности судебно-экспертного исследования следов, предметов (объектов); осуществлять анализ исходной информации и

¹ В данном случае А.В. Дулов не является автором этой работы. Вместе с тем им была проведена огромная работа по научному редактированию рукописи.

принимать решения в определенных следственных ситуациях; критически оценивать имеющиеся и полученные данные; формировать у обучающихся криминалистическое мышление.

К второй группе работ, представляется возможным отнести следующие: Судебная фотография [3]; Тактика следственных действий [4]; Судебная психология [5]; Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти [6]; Криминалистика [7].

Перечисленные работы имели и продолжают иметь важнейшее значение по повышению эффективности деятельности органов уголовного преследования. Они были главным образом адресованы практическим работникам правоохранительных органов и обучающимся в вузах страны и можно смело утверждать, что в определенный период времени они являлись настольной книгой для указанной категории читателей.

Не взирая на то, что многие из этих работ были подготовлены в соавторстве, ведущая роль и заслуги профессора А.В. Дулова в их подготовке и издании очевидны.

Дать развернутую характеристику каждой из названных и последующих работ вряд ли возможно в ограниченной по объему публикации, поэтому остановимся более детально, на наш взгляд, на наиболее значимых. Так, в работе, подготовленной совместно с Н.П. Нестеренко «Тактика следственных действий» авторы очень детально рассматривают теоретические вопросы тактики следственных действий: понятие; принципы; стадии (этапы) осуществления следственного действия. Многие из изложенных в работе подходов на текущий момент стали общепринятыми.

Глубоко и детально авторы рукописи отнеслись к разработке вопросов планирования следственных действий. Одним из условий эффективного планирования и проведения следственного действия они справедливо считают метод моделирования. Ими отмечается, что «... создавая в своем воображении модели предстоящих следственных действий, их обстановку, условия, возможные действия участников, следователь определяет, какие тактические приемы, в каком сочетании и в какой последовательности целесообразно применить в каждом конкретном случае» [4, с. 33]. Более того, авторы пошли далее традиционного подхода в этом вопросе и рассматривают особенности планирования группы следственных действий. Немного позже этот вопрос будет исследован более детально профессором А.В. Дуловым в его монографии «Тактические операции при расследовании преступлений» [8].

Заслуживают внимания суждения авторов относительно методов воздействия следователя на участников уголовного процесса в ходе проведения следственных действий. Следует отметить, что в современной криминалистической литературе этот вопрос затрагивается

исследователями очень и очень редко, хотя имеет важнейшее практическое значение.

Только с положительной стороны можно оценить также и рекомендации, изложенные в работе, относительно тактики проведения отдельных следственных действий.

Анализ научных трудов профессора А.В. Дулова показывает, что своими работами он способствовал не только развитию криминалистики, но и других направлений науки. Так, им был подготовлен и издан фундаментальный труд по судебной психологии, по которому обучались и продолжают обучаться многие будущие юристы [5]. Выходу в свет учебного пособия предшествовало издание монографий «Введение в судебную психологию» [9] и «Основы психологического анализа на предварительном следствии» [10]. В данных работах очень глубоко исследуется сущность психологического анализа. Полученные результаты явились основой для изучения структуры следственной деятельности, решения иных задач, лежащих в области юридической психологии [9; 10].

Также очень детально проведен анализ отдельных видов деятельности следователя. Автор показывает, как психологический анализ может и должен использоваться в ходе подготовки, проведения, фиксации хода и результатов следственного действия, при оценке полученных при этом результатов. Основные идеи и положения, сформулированные автором в этой работе, нашли свое отражение и дальнейшее развитие в учебном пособии «Судебная психология». Ю.В. Чуфаровский оценивая данную работу справедливо называет А.В. Дулова одним из основоположников современной юридической психологии [11, с. 11].

А.В. Дуловым был внесен существенный вклад в разработку системы видов деятельности. Он выделяет две их группы: основные и вспомогательные. Основные виды деятельности прямо направлены на достижение целей предварительного расследования и суда (к ним относятся: познавательная, конструктивная, воспитательная деятельность). Вспомогательные виды призваны обеспечивать достижение целей основных (к их числу относятся: коммуникативная, организаторская, удостоверительная) [5, с. 54]. Такой подход способствовал детальному психологическому изучению юридических профессий, что в свою очередь является важнейшим условием научной организации труда следователя, судьи, прокурора, оперативного работника. Иными словами, психологический анализ юридической деятельности способствовал совершенствованию юридических профессиональных должностных лиц правоохранительных органов.

В этой, а также в других работах, внимание А.В. Дулова привлекает проблема изучения личности преступника (преступной деятельности). Автор рекомендует при этом пользоваться вышеназванным методом

психологического анализа. По этому поводу им отмечается, что «... такой анализ позволяет объективно, правильно и полно отражать в материалах дела субъективно воспринятые факты, которые в этом случае будут в наибольшей степени соответствовать действительной сущности и состоянию объектов, взаимосвязей и взаимоотношений. В процессе расследования, судебного рассмотрения следователям, судьям необходимо глубоко анализировать не только высказывания, но и деятельность многих лиц, необходимо анализировать свою собственную деятельность, уметь разбираться во всех действиях и поступках, в их причинах и в соответствии с этим планировать свою дальнейшую деятельность, принимать соответствующие решения. Для всего этого недостаточно пользоваться только методом логического анализа. Во всех случаях необходимо логическое исследование обстоятельств дела дополнять учетом и анализом разнообразных факторов психологического характера, что создает условия для познания большего количества новых причинно-следственных связей, существенно расширяющих информацию и возможности при анализе и синтезе материалов дела в целом. Практические работники обязательно должны быть вооружены методом психологического анализа, постоянно и систематически применять его в своей деятельности» [5, с. 195].

Интерес, прежде всего для должностных лиц органов уголовного преследования, представляют и иные положения рассматриваемой работы. А именно: психологические методы воздействия на личность; психологическая характеристика следственных действий; психические особенности некоторых участников расследования преступлений; психологические особенности судебной деятельности и др. [5].

Профессор А.В. Дулов является основоположником криминалистического учения о тактических операциях, основные положения которого были изложены в монографии «Тактические операции при расследовании преступлений» [8]. Подчеркивая актуальность данной проблемы, ученый говорит о том, что расследование преступлений нуждается в поиске новых форм деятельности должностных лиц органов уголовного преследования. В этой связи актуальным является использование комплексов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых связано единой целью. Решение данной проблемы способствовало повышению уровня взаимодействия различных субъектов процесса раскрытия и расследования преступлений [8, с. 6-7]. Автор справедливо отмечает, что это не насильственное введение нового института в практику расследования. Тактические операции реально существуют, без них не мог бы осуществляться процесс расследования. Задача заключается в необходимости глубокой теоретической разработки этого вопроса. Недостаточно констатировать, что проблема существует, необходимо ее

тщательно исследовать, раскрыть все варианты и возможности практического применения тактических операций [8, с. 11]. Анализ содержания рассматриваемой работы позволяет утверждать, что профессору А.В. Дулову удалось решить данную проблему на основе ее комплексного изучения: с позиций современных достижений науки и техники; необходимости алгоритмизации деятельности следователя; научной организации его труда; криминалистического учения о следственных ситуациях; науки управления; задач, которые решают органы уголовного преследования и др. Такой подход позволил дать четкое определение тактической операции, определить ее место в системе криминалистики, сформулировать теоретические и организационно-тактические основы этого учения, структуру, принципы и этапы тактической операции, а также вскрыть недостатки уголовно-процессуального законодательства в этой части.

Таким образом, была разрешена одна из проблем в теории криминалистики, а практики получили не только теоретическое обоснование необходимости использования тактических операций в процессе расследования, но и определенный алгоритм деятельности в подобных условиях.

Весьма интересной по своему содержанию, новизне, глубине рассматриваемой проблемы является монография «Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами» [12].

Характеризуя данную работу следует отметить, что разработка криминалистами вопросов криминалистической классификации преступлений создала все предпосылки для теоретического исследования совокупности общих вопросов, присущих всем преступлениям, субъектом которых является должностное лицо. Расследование подобных преступлений имеет много общего: по всем делам такой категории, где изучается деятельность должностного лица; выясняется, какие последствия могли наступить в результате его действий (бездействия). Во всех случаях совершения должностным лицом преступления имеется специфическая связь с наступившими последствиями – использование им своих управленческих функций. Это придает механизму совершения преступления свою специфику. А.В. Дулов пишет, что «...именно должностное положение, совокупность приобретаемых в связи с этим прав и обязанностей, способы и методы воздействия на других лиц и на управляемые системы, наличие сходства в следах-отражениях действий – все это создаёт базу для выяснения общих правил расследования подобных уголовных дел» [12, с. 9].

Рассматривая общетеоретические вопросы расследования таких преступлений, автор выделяет три уровня целей (общесоциальные, юридические и тактико-криминалистические), принципы построения

расследования, общую структуру расследования. Справедливо отмечается, что успех расследования этой категории уголовных дел во многом определяется глубоким изучением следователем компетенции должностного лица (его функций, принимаемых им решений) [12, с. 65-81]. Решение названных и иных задач в ходе расследования преступлений, совершенных должностными лицами возможно путем использования определенных методов: матрицирования (выступает как разновидность метода моделирования); криминалистического анализа функций деятельности должностного лица; криминалистического анализа управленческого решения [12, с. 92-109]. Автор в данной работе использует свои разработки, связанные с криминалистическим учением о тактической операции. Так, он подчеркивает, что достижение целей расследования во многом осуществляется за счет разнообразных тактических операций – системы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, объединенных одной целью (сбор информации, фиксация и др.) [12, с. 127-140].

Важнейшим элементом структуры расследования подобных преступлений автор справедливо считает профилактическую деятельность следователя. В этой связи им выделяются основные этапы такой деятельности и даются рекомендации по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений должностными лицами, а также раскрывается суть основных профилактических мероприятий, осуществление которых возможно следователем [12, с. 141-163].

Подводя итоги достаточно поверхностного анализа научного наследия профессора А.В. Дулова, не претендуя на абсолютную истину, представляется необходимым отметить следующие положения, характеризующие его вклад в развитие научного знания:

- исследование методологических основ криминалистики;
- разработка и формулирование основных положений учения о тактической операции;
- обоснование необходимости расширения системы криминалистики за счет дополнения новым разделом – криминалистическая стратегия;
- разработка и формулирование основных положений о криминалистической структуре преступления;
- разработка криминалистической теории доказывания;
- разработка вопросов юридической психологии и др.

Общество меняется. Меняется законодательство. Появляются новые идеи, взгляды на те или иные проблемы криминалистики. Это объективный процесс. Но при этом происходящие изменения не должны вычеркивать из памяти людей, их идеи, взгляды, которые внесли весомый вклад в юридическую науку, их творческое наследие, знание и преумножение которого будут способствовать развитию нашего общества.

Библиографический список

1. Томилина, В. П. Упражнения по криминалистической технике / науч. ред. А. В. Дулов. – Минск, Вышэйшая школа, 1974. – 352 с.
2. Практикум по следственной тактике: учеб. пособие для юрид. фак. вузов / Н. Н. Гапанович, А. В. Дулов, А. И. Костров, И. А. Матусевич; под ред. А. В. Дулова: Вышэйшая школа, 1978. – 159 с.
3. Судебная фотография: учеб. пособие для юрид. факультетов вузов / под ред. А.В. Дулова. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 187 с.
4. Дулов, А.В. Тактика следственных действий / А. В. Дулов, П. Д. Нестеренко. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.
5. Дулов, А. В. Судебная психология: учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 462 с.
6. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти: пособие для следователей / Под ред. А. В. Дулова, Н. И. Порубова. – Минск: НИИ ПКК и СЭ, 1995. – 364 с.;
7. Криминалистика: учеб. пособие для юрид. специальностей вузов // А. В. Дулов [и др.] / под ред. А. В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1996. – 414 с.
8. Дулов, А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.
9. Дулов, А. В. Введение в судебную психологию / А. В. Дулов. – М. : Юрид. лит., 1970. – 159 с.
10. Дулов, А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии / А. В. Дулов. – М.: Юрид. Литература, 1973. – 168 с.
11. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология: учеб. пособие / Ю. В. Чуфаровский. – М.: Право и Закон, 1997. – 320 с.
12. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов. – Минск: Университетское, 1985. – 168 с.

Локтевич О. И.
ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ В ЕГО ПРОИЗВОДСТВЕ
ЗАЩИТНИКА

УО «Институт повышения квалификации и переподготовки
Следственного комитета Республики Беларусь»,
ул. Первомайская, 9, 220034, г. Минск, Беларусь, oll.k@mail.ru

Выявлены неразрешенные вопросы, связанные как с осуществлением расследования с участием в его производстве защитника, так и с научным исследованием данной проблемы, раскрыто их содержание. Определено влияние защитника на ход и результаты расследования, на проведение с его участием следственных (процессуальных) действий. Раскрыта специфика научного исследования расследования преступлений с участием в его производстве защитника, в том числе определено место проблемы в системе криминалистики, обоснована научная специальность, по которой необходимо проводить соответствующие научные изыскания. Сформулированы предложения по устранению существующих проблем в целях расширения научного интереса к обозначенной сфере.

Ключевые слова: деятельность следователя; защитник; криминалистика; расследование; следователь; тактика; участие защитника.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь определяет в качестве одного из основных национальных интересов в политической сфере обеспечение условий для реализации конституционных прав гражданина и человека. В их числе – право на защиту, в т.ч. право пользоваться помощью адвоката. В связи с этим деятельность органов уголовного преследования, направленная на обеспечение права на защиту всех участников уголовного процесса, приобретает все более важный и актуальный характер.

Вместе с тем, на практике продолжают иметь место факты нарушения права на защиту, а в теории проблема расследования преступлений с участием в его производстве защитника, несмотря на свою значимость и актуальность, остается малоизученной.

Указанное в значительной степени обусловлено наличием неразрешенных вопросов, касающихся как самого процесса расследования с участием в его производстве защитника, так и научного исследования данных проблем. В их числе:

влияние участия защитника на ход расследования, результаты проведения отдельных следственных (процессуальных) действий;

специфика научного исследования проблемы расследования преступлений с участием в его производстве защитника, обусловленная неопределенностью места рассматриваемых вопросов в системе криминалистики, а также научной специальности исследования;

неоднозначное отношение правоприменителей к роли защитника в досудебном производстве и др.

Рассмотрим их более подробно.

1. Влияние участия защитника на ход расследования, результаты проведения отдельных следственных (процессуальных) действий.

Деятельность следователя в ходе расследования преступлений с участием в его производстве защитника специфична по отношению к его деятельности в условиях отсутствия данного участника в досудебном производстве. Указанное обусловлено тем, что участие защитника:

создает существенные затруднения при установлении психологического контакта с подозреваемым, обвиняемым, поскольку гораздо сложнее устанавливать доверительные отношения в присутствии «третьего» лица. Защитник выступает как своеобразный внешний фактор, который «мешает» следователю сосредоточиться на своей деятельности для достижения им определенных тактических целей;

ограничивает спектр тактических приемов, которые может применять следователь (например, лишает возможности применить тактические приемы, связанные с предъявлением отдельных доказательств для того, чтобы сохранить в тайне доказательственную базу, имеющуюся на определенный момент расследования, или приемы эмоционального воздействия и др.);

фактически ставит следователя в тактически и психологически невыгодное положение, поскольку за его действиями тщательно наблюдают, оценивают, максимально критикуют и ищут изъяны для последующего оспаривания полученных результатов. При этом наблюдение ведет не просто посторонний человек, а профессионал-юрист;

нередко направлено исключительно на достижение собственных целей, не считаясь при этом с интересами иных участников уголовного процесса;

предоставляет следователю возможность извлечения тактических преимуществ при профессионально грамотном с точки зрения тактики проведении расследования. Так, участие защитника обеспечивает допустимость полученных доказательств и создает благоприятные условия для установления всех обстоятельств уголовного дела; способствует соблюдению прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого); снижает вероятность того, что обвиняемый в суде будет ссылаться на применение в отношении его незаконного воздействия (физического либо психологического) либо угрозу такового, а также, что ему не была предоставлена возможность реализовать свое право на защиту;

предоставляет возможность следователю исправить в ходе предварительного расследования допущенные неточности, что, в свою очередь, снижает вероятность допущения в дальнейшем судебных ошибок; страхует следователя от потенциальной возможности оспаривания в суде результатов проведения следственных действий и др.

Относительно производства следственных (процессуальных) действий стоит отметить, что их проведение с участием защитника, с точки зрения организации и тактики, также существенно отличается от их проведения без участия такового. Причем специфичными будут действия следователя на каждом этапе проведения такого действия. Акцент – на принятии профилактических мер по недопущению со стороны защитника нарушений закона, норм профессиональной этики (вопросы следственной профилактики широко представлены в научной литературе [1–5]).

Так, в связи с участием защитника, на подготовительном этапе следователю, кроме выполнения основных подготовительных мероприятий, дополнительно необходимо:

- заблаговременно согласовывать время проведения следственного действия с защитником;

- заранее планировать грамотную расстановку (рассадку) участников предстоящего следственного действия;

- разъяснять права и обязанности, а также требования, предъявляемые к защитнику, в присутствии подозреваемого (обвиняемого), права которого защищаются;

- предупреждать о недопустимости разглашения данных предварительного расследования;

- в случае неявки защитника – разъяснять подзащитному о недопустимости таких действий защитника и направлять соответствующую информации в территориальную коллегию адвокатов и др.

Рабочий этап проведения следственного действия с участием защитника характеризуется необходимостью осуществления следователем следующих мероприятий:

- обеспечить защитнику возможность непрерывного наблюдения всего хода и результатов следственного действия;

- предоставить возможность задать вопросы с разрешения следователя;

- предоставить возможность реализовать все свои права, которые могут быть вариативны в зависимости от вида следственного действия, в котором защитник принимает участие;

- по окончании следственного действия уточнить у защитника, имеются ли какие-либо вопросы или замечания относительно порядка проведения следственного действия и полученных в ходе его проведения результатов и др.

- по возможности, применять видеозапись и др.;

Заключительный этап осуществления следственного действия связан с необходимостью: обеспечить защитнику возможность внимательно ознакомиться с протоколом следственного действия, по необходимости – с приложениями к нему; предоставить возможность внести свои замечания, дополнения, в протокол, зафиксировать их и т.д.

Участие защитника при проведении процессуальных действий фактически гарантирует для следователя признание доказательственного значения полученных результатов. Например, свое решение при рассмотрении уголовного дела по апелляционному протесту прокурора и апелляционным жалобам обвиняемого судебная коллегия по уголовным делам городского суда обосновала тем, что доводы обвиняемого об оказании на него психологического давления со стороны сотрудников РУВД не обоснованы, поскольку первоначальное объяснение задержанного С. не положено судом в основу обвинительного приговора, а дальнейшие показания в ходе досудебного производства в качестве подозреваемого и обвиняемого С. давал при участии адвоката [6]. Указанные примеры не единичны в правоприменительной практике.

Из изложенного выше следует два промежуточных вывода:

проведение следственных (процессуальных) действий с участием защитника нередко требует от следователя осуществления ряда дополнительных мероприятий, специфичных для каждого этапа такого действия;

участие защитника при проведении следственных (процессуальных) действий фактически гарантирует для следователя признание доказательственного значения полученных результатов, в связи с чем является очевидным тактическим преимуществом для следователя.

Таким образом, участие защитника стоит рассматривать как особое обстоятельство, «внешнее» условие расследования, которое влияет на его ход и результаты, в связи с чем требует от следователя дополнительной организационно-тактической подготовки. В частности, следователь должен четко понимать, как строить свою деятельность в условиях участия защитника, для того чтобы решать свои задачи по всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств уголовного дела, и при этом не допустить нарушения права подозреваемого, обвиняемого на защиту и иных прав.

2. Специфика научного исследования проблемы расследования преступлений с участием в его производстве защитника.

2.1. Определение места проблемы в системе криминалистики.

Вопрос о месте знаний о расследовании преступлений с участием в его производстве защитника в системе криминалистики до настоящего времени не разрешен.

Отдельные вопросы, так или иначе связанные с обеспечением процесса расследования в целом, многие ученые рассматривают в рамках понятия «криминалистическое обеспечение». Стоит отметить, что в теории криминалистики известны различные точки зрения относительно его понятия и содержания (фактически, с момента его введения в криминалистику в 70-х годах прошлого века), а также его места и роли в структуре науки криминалистики.

Что касается деятельности следователя в ходе расследования с участием в его производстве защитника, то, на наш взгляд, данные вопросы должны рассматриваться в разделе криминалистическая тактика. Именно криминалистическая тактика изучает общие закономерности следственной деятельности [7, с. 5]. Она является центральным разделом криминалистики, который связывает теоретические основы, технику и методику в единую систему, обеспечивающую решение задач расследования [8, с. 187].

Конкретное место указанной системы знаний входит, на наш взгляд, в подсистему общих положений криминалистической тактики, которую традиционно образуют учения об организации и планировании расследования, о следственных ситуациях, тактических рекомендациях и т. д. [9, с. 10]. Как справедливо отмечает А. И. Бастрыкин, «В настоящее время криминалистическая тактика превратилась из элементарного учения о планировании в сложную развитую систему криминалистических знаний о назначении, содержании и способах выполнения многообразных действий следователя по расследованию преступлений» [7, с. 4].

Стоит отметить, что отдельные ученые рассматривают вопросы организации расследования преступлений в качестве самостоятельного раздела криминалистики [10, с. 21]. Это очень распространенная точка зрения, однако приведенная выше позиция об отнесении знаний о расследовании преступлений с участием в его производстве защитника к разделу криминалистической тактики основано на нашей приверженности к классическому подходу к системе криминалистики.

2.2. Определение научной специальности исследования.

Одной из частных проблем, касающихся исследования деятельности следователя в ходе расследования с участием в его производстве защитника, является вопрос: «В рамках какой научной специальности должно осуществляться исследование?».

В настоящее время отнесение научной проблемы, связанной с деятельностью следователя в ходе расследования с участием в его производстве защитника, к конкретной научной специальности является дискуссионным.

До разделения научных специальностей в 2012 г., в большинстве случаев исследователи в своих работах затрагивали как процессуальные, так

и криминалистические аспекты обозначенных ими проблем. После разделения научных специальностей указанный подход является проблематичным. Каждый исследователь стремится не допустить выхода за пределы научной специальности. В то же время многие проблемные вопросы требуют рассмотрения их с разных точек зрения, системно, комплексно в рамках межпредметных связей. Указанное во многом касается проблем криминалистики, в частности – криминалистической тактики.

Вместе с тем сложно вести речь о тактике деятельности следователя в ходе расследования с участием в его производстве защитника, не рассмотрев правовые основы деятельности следователя по реализации права подозреваемого (обвиняемого) на защиту, в частности вопросы, регламентирующие обеспечение участия защитника в расследовании: кто такой защитник, кого он защищает, с какого момента участвует в уголовном деле, в каких случаях его участие обязательно и т.д.

О «специфическом» влиянии на уголовный процесс и криминалистику в результате такого деления неоднократно высказывались многие ученые [11–14]. В этой связи представляется допустимым и уместным процитировать мнение В. Т. Томина. Он отмечал, что «... в уголовном судопроизводстве нет проблем чисто уголовно-процессуальных или, скажем там, криминалистических или уголовно-правовых», а современные ученые напоминают ему «огородников, каждый из которых добросовестно обрабатывает свой участок, лишь изредка позволяя себе удовольствие поболтать с соседом через забор» [13, с. 9–10].

В настоящий время, с учетом разделения научных специальностей, представляется возможным проведение исследований по вопросам тактики деятельности следователя в ходе расследования преступлений с участием в его производстве защитника, по специальности 12.00.12 – криминастика; оперативно-розыскная деятельность в том случае, если основной целью таких исследований является разработка научно обоснованных тактических рекомендаций для следователя по его деятельности в таких условиях. Допустимым видится также внесение предложений о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, если такие предложения логично обосновываются в качестве инструментария (способа) разрешения имеющихся тактических проблем в деятельности следователя в условиях участия защитника, а также при условии, что они будут способствовать всестороннему, полному и объективному установлению всех обстоятельств по уголовному делу, обеспечению права на защиту в ходе расследования.

Неоднозначное отношение правоприменителей к роли защитника в досудебном производстве.

Участие защитника в расследовании зачастую воспринимается диаметрально противоположно: как гарантия интересов правосудия, либо как средство уйти от ответственности за вознаграждение.

Здесь следует привести известную цитату В. И. Ленина: «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает...» [15]. Вместе с тем, следует отметить, что сам В. И. Ленин был адвокатом, входил в сословие присяжных поверенных, и исключен из данного сословия был даже не по политическим мотивам. Для правильного толкования указанной выше цитаты необходимо изучить историю ее возникновения. Она приведена в одном из писем, где речь идет о конкретной ситуации, об избрании позиции защиты на предстоящем суде. Далее в письме приводится рассуждение, участвовать или нет в судебном следствии, на что делать акцент в заключительной речи и т.д. К сожалению, указанную цитату наиболее часто интерпретируют в негативную сторону, обобщая в ней мнение об адвокатуре в целом [16; 17].

Относительно практической деятельности стоит отметить, что действительно, следователи нередко односторонне и негативно оценивают ситуацию участия защитника в предварительном расследовании как неблагоприятную. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами анкетирования, в котором приняло участие более 700 следователей и руководителей следственных подразделений, согласно которым такого мнения придерживаются около трети опрошенных лиц. Многие из них абсолютно не задумываются о том, что участие защитника может предоставлять определенные преимущества как для самого следователя, так и для эффективного хода и результатов расследования в целом.

В заключение представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Расследованию преступлений с участием защитника присуща определенная специфика, обусловленная: влиянием участия защитника на ход расследования, на ход и результаты проведения отдельных следственных (процессуальных) действий; неоднозначным отношением правоприменителей к роли защитника в досудебном производстве и др. Специфика научного исследования проблемы расследования преступлений с участием в его производстве защитника, вызвана неопределенностью места знаний о проблеме в системе криминалистики, а также научной специальности в рамках которой необходимо проводить исследование;

Влияние участия защитника на ход и результаты расследования определяется следующими обстоятельствами: присутствие третьего лица затрудняет установление психологического контакта, ограничивает спектр тактических приемов следователя, создает для него психологически невыгодную обстановку осуществления деятельности в условиях постоянного за ней наблюдения; предоставляет возможность извлечения тактических преимуществ от участия третьего лица и др. В этой связи участие защитника при производстве по уголовному делу стоит рассматривать как особое обстоятельство, «внешнее» условие проведения

расследования. В свою очередь влияние участия защитника на ход и результаты проведения отдельных следственных (процессуальных) действий накладывает специфику на деятельность следователя на каждом этапе проведения такого действия.

Определение конкретного места проблемы расследования преступлений, с участием в его производстве защитника, в системе криминалистики будет способствовать развитию науки, в том числе позволит расширить процессы научного исследования проблемы. Отнесение обозначенного вопроса в подсистему общих положений криминалистической тактики будет способствовать использованию разработанных теоретических положений при рассмотрении вопросов тактики проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий с участием защитника, а также позволит учитывать их при разработке частных криминалистических методик расследования преступлений отдельных видов. Совершенствование паспортов научных специальностей будет способствовать развитию как криминалистической, так и уголовно-процессуальной науки.

Неоднозначное отношение к роли защитника в досудебном производстве как фактор, обуславливающий специфику расследования с его участием, требует коренного изменения отношения следователей к проблеме осуществления подозреваемым, обвиняемым права на защиту как лично, так и с помощью защитника в порядке, установленном УПК. Осознание правоприменителем, что деятельность по обеспечению права на защиту, это гарантия не только прав личности, но и интересов правосудия, а также преимуществ, которые можно извлекать из участия защитника – залог успешного разрешения проблемы.

Библиографический список

1. Каменецкий, Ю. Ф. Сущность и значение целей следственной профилактики / Ю. Ф. Каменецкий // Право.by. – 2021. – № 2. – С. 69-74
2. Каменецкий, Ю. Ф. Деятельностный подход в методологии исследования следственной профилактики / Ю. Ф. Каменецкий // Предвар. расследование. – 2020. – № 1. – С. 55–63.
3. Каменецкий, Ю. Ф. Следственная профилактика: актуальность проблемы и перспективы научного исследования в Республике Беларусь / Ю. Ф. Каменецкий // Предвар. расследование. – 2020. – № 2. – С. 29–36.
4. Каменецкий, Ю. Ф. Система задач следственной профилактики / Ю. Ф. Каменецкий // Предвар. расследование. – 2021. – № 1. – С. 37–42.
5. Каменецкий, Ю. Ф. Уголовно-правовая основа следственной профилактики: сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства / Ю. Ф. Каменецкий // Предвар. расследование. – 2021. – № 2. – С. 28–39.

6. Определение судебной коллегии по уголовным делам городского суда от 14.01.2020 (извлечение) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

7. Криминалистика : учебник : в 2 т. Т. II / Под ред. А. И. Бастрыкина. – М., 2023. – 487 с.

8. Криминалистика : пособие / В. Б. Шабанов [и др.] ; под. ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. – Минск : БГУ, 2019. – 551 с.

9. Криминалистика : учеб. пособие / В. Л. Григорович [и др.] ; под. ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. – Минск : БГУ, 2023. – 391 с.

10. Скачек, Р. В. Современные проблемы и тенденции развития теории и практики организации расследования преступлений : учеб. пособие / Р. В. Скачек, Ю. М. Юбко, Т. Л. Щерба ; под общ. ред. Р. В. Скачка ; учреждение образования «Акад. М.-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 202. – 106 с.

11. Логвин, В. М. О некоторых проблемных вопросах развития отечественной криминалистики / В. М. Логвин // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 13. – С. 202–206.

12. Логвин, В. М. Изменение номенклатуры научных специальностей: последствия и перспективы / В. М. Логвин // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г. И. Грамовича : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 дек. 2012 г. / Акад. М.-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 386–387.

13. Томин, В. Т. Очерки теории эффективного уголовного процесса / В. Т. Томин, М. П. Поляков, А. П. Попов ; под ред. В. Т. Томина. – Пятигорск: Нижегор. шк. процессуалистов, 2000. – 239 с.

14. Золотов, М. А. Значение криминалистических теорий для доказывания в уголовном процессе / М. А. Золотов, Е. В. Писарев // Вестн. Волж. ун-та. – 2016. – № 4, т. 1. – С. 30–35.

15. Ленин (Ульянов) Владимир. Полное собрание сочинений. Том 9. Июль 1904 – март 1905. Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com – Режим доступа: https://royallib.com/read/lenin_ulyanov_vladimir/polnoe_sobranie_sochineniy_tom_9_iyul_1904__mart_1905.html#591332. – Дата доступа: 14.06.2024.

16. Ерофеев, К. Б. В. И. Ленин и адвокатура [Электронный ресурс] // Евразийская адвокатура. Международный научно-практический юридический журнал – Режим доступа: <https://www.eurasian-advocacy.ru/istoricheskij-opyt/1512-v-i-lenin-i-advokatura>. – Дата доступа: 14.06.2024.

17. Барановский, А. Упразднение традиционной российской адвокатуры Декретом о суде 1917 г. Создание советской адвокатуры.

Положение об адвокатуре 1922 г. [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/uprazhdenie-traditsionnoy-rossiyskoy-advokatury-dekretom-o-sude-1917-g/> – Дата доступа: 14.06.2024.

Лосева В. Г.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДДЕЛОК В ДОКУМЕНТАХ

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, *viclavrik@gmail.com*

Исследуются вопросы выявления подделок в документах при помощи традиционных методов исследования (в отраженном, косопадющем, проходящем, коаксиальном свете; с увеличением; в ультрафиолетовом и инфракрасном излучении; в высокоинтенсивных источниках излучения видимого диапазона; в когерентном инфракрасном источнике освещения; с использованием электромагнитного поля и т.д.), а также с использованием современных технологий (видеоспектральные компараторы «Регула», позволяющие проводить трехмерное моделирование объекта исследования; мобильные аутентификаторы документов).

Ключевые слова: документы; подделки; методы исследования; современные технологии; мобильные аутентификаторы.

Современный мир невозможен без документов. И несмотря на повсеместную цифровизацию, повлекшую, в том числе, появление электронного документооборота, бумажные документы составляют неотъемлемую часть нашей жизни: от первых документов, удостоверяющих нашу личность, до миллиона листов бумажного делового оборота, включающего заявления, рапорта, декларации, доверенности, накладные и т.д.

Несмотря на то, что большинство документов не обладает комплексом элементов защиты от подделок, почти каждый человек является владельцем таких документов, как паспорт (заграничный или внутренний в виде ID-карты) или водительское удостоверение. Эти сложные с точки зрения выполнения документы содержат большое количество элементов защиты, что помогает минимизировать, но в современном мире не исключает полностью попытки их подделок.

Способов подделок документов, удостоверяющих личность граждан известно значительное множество. Такие подделки, как подчистка или дописка, встречались еще в удостоверительных документах СССР и давно уже описаны криминалистами. Есть и такие, которые появились сравнительно недавно, обусловленные развитием как технологий аутентификации самих документов, так и возможностей их фальсификации. К одному из таких способов, например, можно отнести изменение фотоизображения владельца документа при помощи технологии «Morphing» (когда программное обеспечение позволяет совмещать фотографии двух разных лиц, создавая изображение промежуточного

состояния, содержащее элементы внешности обоих лиц). Полученное в результате примененной технологии совмещенное фотоизображение распечатывается на специальной пленке, затем прозрачный слой с фотоизображением отсоединяется от основного слоя и наклеивается на необходимый документ.

Появление новых способов подделки документов требует от правоохранительных и иных государственных структур, в круг служебных обязанностей которых входит проверка подлинности документов, применения наряду с традиционными, новых технологий и методов исследования документов и выявления в них подделок. Не умаляя практическую значимость традиционных методов исследования документов, позволяющих выявлять подделки, к числу которых относятся:

- исследование в отраженном свете;
- исследование в косопадающем свете;
- исследование в проходящем свете;
- исследование с увеличением;
- исследование в ультрафиолетовом излучении;
- исследование в инфракрасном излучении;
- исследование в коаксиальном свете;
- исследование в высокоинтенсивных источниках излучения видимого диапазона;
- исследование в когерентном инфракрасном источнике освещения;
- исследование с использованием электромагнитного поля и т.д. [1; с. 48];

отметим, что большую часть данных методов на сегодняшний день уже возможно обозначить в качестве современных в связи с уровнем и качеством оснащения тех технических средств, при помощи которых применяются вышеуказанные методы выявления поддельных документов. Речь идет, например, о таких технических средствах проверки и экспертного исследования документов, как видеоспектральные компараторы «Регула» 4306, 4307 или 4308, программное и техническое оснащение которых, наряду с исследованием документов в различных режимах и источниках освещения, позволяет применять такой новейший метод исследования документов, как трехмерное моделирование. Благодаря расширенной функциональности программного обеспечения прибор сканирует рельеф поверхности основы документа, создавая трехмерный образ исследуемого участка (3D модель) для решения таких вопросов, как, например, установление хронологической последовательности выполнения пересекающихся штрихов или выявление слабовидимых (невидимых) вдавленных штрихов [2].

Интересной тенденцией в развитии технологий выявления подделок в документах является направление вектора развития криминалистики в область мобильных аутентификаторов документов.

Среди них можно выделить аутентификатор документов мобильный «Регула» 1120, который подключается к любому мобильному устройству по Bluetooth, используется с мобильным приложением компании «Регула» и осуществляет автоматическое считывание и проверку подлинности паспортов, ID-карт, водительских удостоверений, виз и других документов благодаря возможности чтения бесконтактных (RFID) идентификационных микросхем, а также проверки элементов УФ-защиты документа [3].

Большие возможности для выявления поддельных документов предоставляют разработчики российской научно-исследовательской компании «Smart Engines (SE)», специализирующейся в области создания алгоритмов компьютерного зрения, искусственного интеллекта, распознавания и обработки изображений и образов. Их программно-аппаратный комплекс включает софт Smart Engines и специальный мультиспектральный сканер, что позволяет решать одновременно две ключевые задачи: система мгновенно извлекает данные из документа и проверяет его подлинность и действительность в трех диапазонах – оптическом, ультрафиолетовом (УФ), инфракрасном (ИК). На весь процесс сканирования и проверки уходит всего пара секунд. Встроенный искусственный интеллект проверяет оригинальность и защищенность бланка документа (защитные флуоресцентные волокна, флуоресцентные чернила и т.д.), выявляет механические вмешательства в сам документ (механические исправления данных, переклейки, перепечатки и т.д.). Кроме того, искусственный интеллект в паспортах с чипами сравнивает данные чипа с данными в документе. Программно-аппаратный комплекс позволяет проверять «живость» документа (document liveness): наличие и соответствие голограмм, айдентиграмм, датаграмм и прочих OVD; OVI элементов; признаков съемки документа с экрана (screen re-capture); фотокопий (ксерокопий) документов; признаков подмены сцены; выявлять цифровое вмешательство в изображение документа (проверять метаданные и структуру файла с изображением, осуществлять поиск модификаций в изображении методом вставки (copy-move, copy-paste, splicing), обнаруживать области изображения с затертыми данными, выявлять признаки синтеза документа, в том числе с применением генеративных нейронных сетей (deepfake)); выявлять признаки «компрометации» документов (проверять «валидность» бланка документа (template validation), специальные визуальные элементы дизайна бланка документа, соответствие способа нанесения данных (типы и способы печати реквизитов), наличие признаков переклейки фотографии владельца документа) [4].

Несомненно, вышеописанные современные технологии выявления подделок в документах могут успешно применяться не только в деятельности правоохранительных органов, но и в банковских учреждениях для выявления мошенничеств с использованием документов; в

туристических и транспортных отраслях для предотвращения террористических актов; в пунктах пропуска через государственную границу для повышения безопасности и пропускной способности пункта пропуска. При этом, выбор конкретного метода выявления подделки в документе не должен основываться только на принципе большего технологизма или современности, а должен зависеть от конкретного объекта исследования, быть эффективным средством успешного выявления подделки.

Библиографический список

1. Сорокин, М. Н. Современные подходы к классификации методов исследования документов с применением технических средств проверки документов / М. Н. Сорокин, В. Г. Лосева // Вестник института пограничной службы Республики Беларусь: сб. науч. ст. / Институт пограничной службы Республики Беларусь; гл. ред. В. П. Вишневская. – Минск, 2020. – С. 47-52.
2. Компаратор видеоспектральный «Регула» 4308 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://regula.by/ru/products/advanced_verification/4308. – Дата доступа: 25.07.2024.
3. Аутентификатор документов мобильный «Регула» 1120 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://regula.by/ru/products/machine_verification/1120. – Дата доступа: 25.07.2024.
4. Проверка подлинности документов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://smartengines.ru/smart-document-forensics>. – Дата доступа: 24.07.2024.

Лузгин И. И.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМОГРАФИЯ КАК ОТРАСЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawscrim@bsu.by

В статье рассматривается вопрос о криминалистической термографии как отрасли криминалистической техники. Использование возможностей термографической и термовизионной аппаратуры, функционирующей на основе свойств инфракрасного диапазона электромагнитного излучения, позволяет улучшить качество технико-криминалистического обеспечения следственного, судебно-экспертного и оперативно-розыскного видов деятельности. Изложены основания формирования данной отрасли и перспективные возможности использования термографических технологий в обеспечении расследования преступлений.

Ключевые слова: термограф; тепловизор; термография; термовидение; термические следы; термоспектральные идентификационные системы; технико-криминалистические средства; криминалистическая техника; криминалистически значимая информация.

В современной криминалистике существует техническая проблема, заключающаяся в необходимости разработки универсальных средств и методов, способных эффективно решать широкий спектр криминалистических задач. Эти задачи требуют значительных ресурсов, времени и усилий, при этом возникают они в основном в процессе поисковой деятельности правоохранительных органов, и в частности, на этапе получения первичной криминалистически значимой информации (далее – КЗИ).

К числу таких задач относятся выявление широкого спектра следов (от традиционных до биологических и микрочастиц) как видимых, малозаметных так и невидимых. Поиск пуль, гильз, оружия и сопутствующих его применению следов, предметов, вещей и их частей, оставленных на местах происшествий, обнаружение следов и направлений прихода и ухода с них преступников, выявление следов стоянок и направлений движения автотранспорта, обнаружение вероятных мест захоронения жертв преступлений, пустот в строительных конструкциях, жилых и хозяйственных постройках и автотранспорте, использованных под тайники с оружием и орудиями для совершения преступлений, просмотр внутреннего устройства механизмов из термоконтрастных материалов, обнаружение в воздушном и наземном пространствах используемых в противоправных целях БПЛА, установление на местности в рамках осмотра

мест происшествий (далее – ОМП) точек падения их обломков и частей, а так же ряд иных задач.

В профилактических целях, к таким задачам относится обнаружение и установление лиц, пытающихся проникать на охраняемые или режимные объекты, или территории, выявление попыток проноса запрещенных предметов и веществ на территории ИТУ, предотвращение побегов из них и иные действия установочного и упреждающего характера.

Тем самым, современное состояние структуры и направленности преступлений, как и характера расследования порождает новые направления развития криминалистики в том виде, в котором она эффективно выполняет свою роль [1, с. 3-9]. Это подтверждается и высказыванием профессора А. В. Дулова, обоснованно отметившего: «в жизни закономерное и случайное, цикличное и спонтанное, непредсказуемое и предсказуемое находятся во взаимосвязи, переплетены теснейшим образом, связаны между собой, порождают друг друга» [2, с. 459-463].

Этим объясняется, что ключевым подходом к решению задач в современной криминалистике являются инновационные и интеллектуальные технологии, которые занимают центральное место в системах криминалистического обеспечения расследования [3, с. 166-169].

При этом одной из задач технико-криминалистического обеспечения (далее – ТКО) и технико-криминалистических средств (далее – ТКС) в том числе и электронных является формирование баз данных криминалистически значимой информации (далее – КЗИ) на основе баз специальных знаний силами и средствами, создающими условия эффективного решения на практике профессиональных задач [4, с. 158-163].

Важна разработка приборов, позволяющих изначально осуществлять процесс систематизации различных видов получаемой КЗИ уже на уровне их выявления, обнаружения, фиксации и изъятия [5, с. 173-178]. Что вело бы к унификации ТКС и реализации принципа единовременного получения комплексной и системной КЗИ. Тем не менее, уровень технологического одноаппаратного изъятия всей возможной КЗИ на сегодня недостижим и это скорее является желанной целью, чем реальностью.

Вместе с тем, внедрение в практику криминалистической деятельности инновационных научных методов путем их воплощения в реальные ТКС позволяет если и не в полной мере достичь этой цели, то уже в настоящее время приближаться к ней. Одним из таких перспективных направлений расширяющим возможности следоведения и реализации идеи технологического сочетания и расширения приборных возможностей ТКС по обеспечению получения наиболее целостной и качественной КЗИ является термовидение [6, с. 59-61].

Пирозлектрический радиометр под названием «термограф» или «тепловизор» как прибор, использующий возможности визуализации

термических изображений излучающими объектами в длинноволновом диапазоне электромагнитного спектра, изначально нашел свое применение в медицинской сфере. Он использовался для диагностики заболеваний как животных, так и человека путем обнаружения различий термального контраста их внутренних органов, указывающих на наличие и локализацию патологических процессов [7, с. 685–691].

Сфера применения «термографа» расширилась по мере осознания его возможностей. И на основе приборного использования свойств тепловой радиометрии были созданы научно-технические средства дистанционного установления наличия, состояния и положения термоконтрастных объектов на местности, в помещениях, и определения их координат на фоне окружающей среды, дистанционной фиксации температурных различий в живых объектах (указывающих на скрытые предметы и эмоциональное состояние их «носителей»), а также для определения в конструкционных материалах неоднородностей свидетельствующих о пустотах или повреждениях.

Способность дистанционного выявления наличия и установления термических состояний, излучающих и сохраняющих остаточную тепловую активность объектов (после контактных взаимодействий) имеющих статус доказательств или потенциально, или фактически являющихся носителями КЗИ или непосредственно выступающих в этой роли способно открыть в криминалистической деятельности ряд новых возможностей и тем самым существенно расширить горизонт применения термографии в криминалистике.

Одним из первых исследователей, осуществивших экспериментальное изучение данного научного метода в области криминалистики, стал польский ученый Х. Колецки [8].

Согласно его исследованиям, применение криминалистической техники термовидения можно охарактеризовать с физической точки зрения через несколько ключевых аспектов: выявление температурных различий между объектами, различием в их эмиссионной способности, термической проводимости и измерении различий в их температуре, наличием и температурой термических следов на поверхностях объектов на которых они образованы.

Что в криминалистических целях позволяет использовать в ряде случаев термографию не только для прямого «видения» при ОМП различного вида следов, ускоряя и качественно улучшая процесс обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов, но и выходить как на уровень определения давности их оставления, так и установления характера отраженных ими физических и ситуационных процессов.

В определенных криминалистических и оперативных целях может использоваться способность пассивного и активного видов аппаратных

термографических средств различать в тепловом диапазоне разницу отражательных и поглощающих способностей объектов, представляющих оперативный интерес как дистанционно, так и при непосредственном контакте [9].

Особенностью термографической техники является возможность с высокой точностью регистрировать даже незначительные температурные аномалии материальных объектов, возникающие в результате воздействия человека. Эти температурные отклонения, представляющие собой термические следы, могут быть образованы как непосредственным присутствием человека в определенном месте, так и вследствие использования им предметов или любым иным способом внесения температурных изменений в обстановку и окружающую среду.

Для образования человеком термических следов на объектах достаточно прикосновения к ним. Важным преимуществом термических следов перед традиционными их видами является их уникальная особенность, неизбежного возникновения в результате любой деятельности, в том числе и преступной. Термические следы не поддаются преднамеренному уничтожению и сохраняются в обстановке места преступления изменяя интенсивность проявления на протяжении определенного периода времени, зависящего от условий окружающей среды.

Что указывает на еще одну грань понятия раскрытия преступлений по «горячим следам» и важности заполнения с использованием средств термовидения еще одной ниши возможностей приборного технологически обеспеченного совершенствования условий работы субъектов расследования и повышения качества выявления, обнаружения, фиксации и изъятия современных видов КЗИ, как и изменения временных и ресурсных затрат на данный процесс.

Тем не менее, термовидение далеко не в полной мере его возможностей и значимости для современной криминалистики оценено. В учебниках, учебных пособиях и учебных программах ВУЗов в разделе криминалистической техники как отрасль термовидение отсутствует. В то время как использование ее возможностей, наряду с другими методами и средствами, могло бы существенно дополнить и расширить возможности криминалистики как и изменить характер работы использующей ее знания системы сил и средств и сформировать условия создания программно-аппаратных комплексов исследования ОМП (далее – ПАК ОМП).

Оперативное реагирование на сообщения о преступлениях позволяет не только обеспечивать полноту и качество выявления, но и фиксации тепловых следов с помощью термографа, что ускоряет не только процесс их поиска при ОМП, но и позволяет определять порядок и характер системы противоправных действий преступников с использованием предметов при осуществлении противоправных действий.

Общим преимуществом термических следов по аналогии с запаховыми пусть и имеющими иную природу и иные свойства является непереносимость их образования и отражения в следовой форме в окружающей среде, в том числе и в образе ситуационной картины противоправных действий совершающих их лиц. Все это позволяет, обнаруживая на месте происшествия невидимые следы в тепловом диапазоне оперативно переходить на их изъятие в соответствии с дифференциацией их по видам и выбору способов их изъятия на основе им присущих свойств.

При этом актуальными для предварительного исследования на местах происшествий являются не только свойства тепловых следов, но и аппаратно-программные средства их выявления и анализа, реализующие возможности неразрушающего и не вносящего в них изменений метода их обнаружения, анализа, фиксации и исследования и многоаспектности их качественных результатов. Что позволяет определять давность, относимость, характер следов и даже дифференцировать постадийность образования следовой картины и ее причинно-следственную и опосредованную взаимосвязь с ситуационно-событийной картиной места происшествия, непосредственно влияющей на обоснованность выдвижения следственных и оперативно-розыскных версий, заполнения информационного вакуума начального этапа расследования и процесса квалификации противоправного деяния.

Использование традиционных методов и способов выявления следов на местах происшествий является простым эффективным и экономически обоснованным. Но в большинстве это преследует интересы разработчиков данных методов и используемых на их основе средств, как и является проявлением определенной степени косности мышления в данном направлении решения профессиональных задач. На примере комплектов обеспечения ОМП, очевидно, что рядом с современными ТКС соседствуют действенные, но достаточно давнего времени разработки средства. А разработка комплектов путем их специализации вовсе не указывает на решение проблемы совершенства путем устранения из нее части выполняемых задач.

Сфера криминалистической деятельности требует ответственности и профессионализма, но и в ней присутствует субъективный характер ее осуществления. Так как в отличие от «приборной» системы получения первичной КЗИ используемая в настоящее время версия применения специальных знаний имеет различающийся по силам уровень профессиональной подготовки и нуждается в его совершенствовании по средствам. Если на последующих этапах с различными видами информации и, в частности, КЗИ работают системы их обработки, то очевидна необходимость формирования и аналогичного уровня аппаратно-

программных систем и электронных средств выявления, обнаружения, фиксации изъятия и систематизации первичной КЗИ.

Представители современного поколения сферы практического применения криминалистических знаний предпочли бы работать с более высокотехнологичными средствами выявления и обработки КЗИ обеспечивающими высокий уровень комплексности, целостности и результативности решения современных криминалистических задач.

Следует исходить, из того, что понятие единичных видов следов достаточно условно. Оно присутствует в плане устоявшихся теоретических положений и сложившейся практики системы их изъятия, направления на исследование и действующей по тем же канонам «конвейерной» системы параллельности их исследования (для ускорения процесса обработки КЗИ) в рамках существующей системы применения специальных сил и средств, обеспеченных технологическими и экономическими возможностями каждого отдельно взятого государства.

Фактически, с точки зрения теории, не существовало никогда и не существует обнаруживаемых при ОМП отдельных видов следов. Все они отображаются системно при любых формах контактов и в подавляющем большинстве представляют собой ничто иное как следовые системы. Тем самым вся КЗИ с криминалистической точки зрения должна рассматриваться именно таким образом, как в плане теории, так и практики эффективности ее использования для правоохранительной системы и для объективности решения ее частных задач.

Но очевидно, что в случае построения системы работы с КЗИ по такому принципу это станет принципиальной альтернативой существующей и устоявшейся практике работы с ней, что существенно изменило бы весь порядок системы ее обработки, и структуру подразделений, работающих с ней и использующих криминалистические и специальные знания на основе сформированной системы применяющих их сил и средств. Что реализуемо лишь в перспективе по мере наращивания защитных и вычислительных возможностей работы с конфиденциальной информацией квантовых компьютерных комплексов и систем искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Для работы по выявлению и получению в целом всех видов КЗИ можно применять и традиционные методы и имеющиеся ТКС. Но научно-технический прогресс (далее – НТП) и с его точки зрения оценка существующей системы выявления КЗИ более затратная по времени и полноте ее сбора, а, следовательно, и по соотношению потенциально имеющих место, собираемых доказательств и используемых в последующем для процесса доказывания.

Конечно же, можно используя и иные методы сделать видимыми на месте происшествия биологические следы, микрочастицы, поверхностные

следы обуви и следы рук используя для этого источник экспертного света со светодиодными излучателями соответствующих длин волн. Но в этом случае лишь обеспечивается избирательная визуализация следов, а для идентификационного уровня качества фиксации, в частности, следов рук требуется их последующая обработка порошками или химическими реагентами, вступающими в реакцию с ингредиентами входящими в состав потожирового вещества. В отличие от тепловизионных фиксирующих средств источник экспертного света не способен указать и на обоснованное местонахождение запаховых следов, обозначенных в тепловом диапазоне контактными действиями оставивших их лиц. Так как под источниками излучения «экспертного света» все виды КЗИ будут проявляться, не различаясь по времени их образования, тем самым оставляя широкое поле опосредованного решения данного вопроса с помощью мысленного моделирования, дающего менее приближенный к истинному результат.

Возможно проявление следов рук и с использованием лазерного излучения. Но все эти методы носят инвазивный характер, вносящий изменения в состав следообразующих веществ, которые непосредственно или потенциально являются доказательствами или опосредованно их носителями.

Более простые и дешевые методы, тем не менее, не являются единственно возможными для решения задач обнаружения, выявления, фиксации и изъятия КЗИ. С одной стороны, упрощая и делая более экономически выгодным данный процесс, с другой стороны эти методы, часто усложняют процесс последующего комплексного исследования КЗИ.

Для обнаружения первичной КЗИ при ОМП требуется мысленное моделирование обстановки места происшествия что усложняет характер деятельности задействованных в данном процессе сил и оценки правильности выбора ими для работы имеющихся ТКС.

Использование соответствующей аппаратуры, работающей на принципах термографического исследования места происшествия, позволяет основываться не только на мысленном моделировании характера поисковой деятельности, но и фактически опираться на технологически обусловленную «видимость» (преобразованной из теплового диапазона электромагнитного спектра в его видимую часть) следовой картины места происшествия. Позволяя при ее обработке на основе локального встроенного программного обеспечения получать не только количественную общеследовую картину, но и ее частные элементы качественного характера, в частности, «повременные» или «постадийные» следовые картины места происшествия более объективные, чем опирающуюся на их мысленное моделирование. Что ускоряет как процесс выявления, изъятия и фиксации КЗИ так и объективизирует ситуационно-событийную сторону противоправного деяния сокращая время на

выдвижение следственных версий начального этапа расследования влияя на степень достоверности и полноты информации для решения вопроса о квалификации деяний. Это, в свою очередь, пусть и не во всех случаях позволило бы убрать из процесса первоначального получения КЗИ если не этап, то изменить характер стадии этого процесса затратного по времени, силам и средствам задействованных в нем.

Так как тепловое излучение длинноволновой зоны электромагнитного спектра, излучаемое человеком и остающееся в виде тепловых следов на контактировавших с ним объектах, является активным фактором, это позволяет наблюдать данные следы без инвазионного воздействия на них индикаторными средствами, активирующими данные следы.

При инновационном подходе к разработке аппаратно-программной линии электронных ТКС с выносной периферийной детектирующей системой сетевого доступа получения и обработки КЗИ (по типу «экспертного источника света» с соответствующими параметрами цифровой обработки КЗИ в тепловом диапазоне излучения) возможно на основе комплексного анализа уже в ходе ОМП получать данные служащие основой для принятия решения по выдвигаемым версиям и по характеру решения возникающих в процессе их проверки задач, что при сочетании термографических технологий с электронными (в перспективе с использованием ИИ и систем квантовой обработки и кодирования информации) и возможностью цифровой обработки полученных данных позволит решать не только ряд важных для современной криминалистики, но и для правоохранительной деятельности задач.

Ценность сочетаемости свойств и специфики тепловых следов, оставляемых человеком не только в том, что они образуются помимо его воли и их нельзя намеренно уничтожить или стереть, но и в том, что тело, излучая в тепловом диапазоне, формирует тепловую картину становящихся отчетливо различимыми (с использованием термовидения) особенностей строения отдельных участков его функциональных систем (обладающих идентификационными качествами) в свою очередь, выступая основой создания идентификационных систем (пока еще не криминалистического, а оперативного и социального плана). Данные свойства уже используются на бытовом уровне в биометрических целях для решения задач контроля доступа и формирования и дифференциации транспортных потоков на транспортных системах, требующих повышенного уровня безопасности.

При этом невозможность использования тепловых следов в криминалистически значимых диагностических и идентификационных целях нельзя признавать бесспорным. Отсутствие данных о такой возможности (в отличие от их применения в бытовых и поисковых целях) скорее говорит не о принципиальной невозможности этого, сколько о не разработанности потенциала технологий термографии и термовидения для

специфических условий их применения в целях решения криминалистических задач. Достаточный уровень чувствительности и разрешающей способности современной аппаратуры, использующей эффект теплового контраста в отношении тепловых следов с системами их последующей цифровой и нейросетевой обработки, в перспективе позволит решить и данный вопрос.

На сегодня криминалистические средства, использующие метод фиксации длинноволнового (теплового) излучения, в основном, используется в стационарной исследовательской аппаратуре (в частности, - в видеокомпараторах) для целей технико-криминалистического исследования документов. Ниша же компактных автономных аппаратных средств, функционирующих на основе использования метода фиксации теплового излучения в рамках длинноволнового диапазона электромагнитного спектра, с элементами ИИ (что в ряде случаев, позволило бы повысить эффективность работы и не только при ОМП) не заполнена и не включена в состав криминалистических комплектов для работы на местах происшествий.

Технологически эта задача может быть решена в различных формах и в частности и путем создания компактного электронного комплекса с налобной насадкой и очками, позволяющими в масштабе реального времени осматривать место происшествия, параллельно фиксируя в тепловом диапазоне (когда это возможно) имеющуюся КЗИ и с помощью встроенного программного обеспечения выводить по выявленным объектам и следам на мини-монитор или отображать в фокусе линз оптической части прибора, как их базовые параметры, так и давать их качественные характеристики, в том числе и полученные по результатам их удаленной обработки.

Возможности, которыми можно воспользоваться и которые не дают другие научные методы, и технические средства, но позволяют использовать электронные ТКС, работающие на принципах термовидения, являются конфиденциальная возможность дистанционного и бесконтактного обнаружения и фиксации транспортных средств, которые незадолго до их обнаружения находились в движении, и устанавливать количество перемещавшихся на них лиц. При ОМП с использованием различных видов оружия термографические устройства позволяют устанавливать как места их применения, так и дополнительных следов, сопутствующих им.

При осмотре мест происшествий с применением взрывных устройств с использованием БПЛА и термофиксирующих средств возможны как технологически точная фиксация эпицентра и зон взрыва, так и обнаружение частиц, не прореагировавших иницирующих и взрывчатых веществ и элементов конструкции как штатных, так и самодельных взрывных устройств (далее – СВУ).

Использование стационарных систем контроля общественной безопасности с термографической и термовизионной аппаратурой на трассах и в городах, а на местности в виде беспилотных летающих мини-платформ, камуфлированных под природные объекты, помимо традиционно используемых методов, позволяет, уверенно отслеживать и фиксировать объекты оперативного интереса среди транспортного и пассажиропотока [10]. При этом сочетание термотехнологических систем снятия текущей информации с системами распознавания лиц в реальном масштабе времени и анализа данных социальных систем позволит обеспечить выполнение как оперативных, так и криминалистических задач на качественно новом уровне решения современных криминалистических задач [11, с. 63–71].

Для оптимизации качества процесса контроля объектов оперативного интереса их возможно контактно или дистанционно «помечать» кодированными тепловыми или термоконтрастными метками (жидкие кристаллы, термочувствительная краска, люминофоры, полипропиленовые пленки). Их значимость в низкой стоимости, простоте камуфляжа и невозможности установления со стороны объекта интереса наличия внешнего контроля в силу отсутствия у данных средств демаскирующих их применение свойств.

Данные технологии могут как дополнить арсенал имеющихся ТКС, так и оптимизировать характер решения с их помощью криминалистических задач. Их применение возможно в местности с недостаточным уровнем покрытия сотовой связью, при работе с объектами ее не использующими, для легендирования применения иных специальных средств или в тех случаях, когда применение термомаркерных средств в отношении объектов оперативного интереса является более дешевой альтернативой решения того же круга задач.

Все это указывает на необходимость формирования термографии и термовидения не только как научной отрасли криминалистической техники и включения ее в учебные программы профильных учебных учреждений, но и создания на этой основе линии современных электронных аппаратно-системных технологических комплексов (далее – ЭАСТК) способных на современном уровне комплексно обеспечить процесс решения криминалистических задач. А так как большинством направлений криминалистической деятельности на сегодня используются цифровые методы обработки КЗИ, то данную отрасль можно назвать криминалистической цифровой термографией и термовидением или криминалистическим термоследоведением. При этом не столько важно название отрасли, предлагаемой для ее включения в раздел криминалистической техники, сколько ее необходимость для решения (в

рамках ее возможностей) как текущих, так и перспективных криминалистических задач.

Термографы могут служить эффективным инструментом и для бесконтактного мониторинга эмоционального состояния человека. Уровень тревоги у обыскиваемого возрастает по мере приближения при обыске к местам, где могут находиться улики или украденные предметы. При допросе у лица, дающего ложные показания может происходить внешне не различимое изменение эмоционального состояния, как и при склонности к побегу при проведении следственных действий у ряда лиц могут проявляться внешне неразличимые эмоциональные состояния. Во всех случаях, эмоциональное напряжение приводит к увеличению кровоснабжения головного мозга и, как следствие, к повышению температуры кожи лица, и прежде всего ее областей вокруг носа и в уголках глаз. Но данные температурные изменения фиксируемы лишь аппаратно, но не визуально наблюдающим лицом.

Аналогичное внешнее отражение психологических состояний (при отсутствии их медикаментозной блокировки) может дистанционно фиксироваться в автоматическом режиме и у лиц, пытающихся совершать террористические акты, что потенциально позволит встроить данную технологию в систему их предотвращения.

Использование оперативным сотрудником термографа (стилизованного под очки) может позволить более объективно фиксировать температурные изменения на поверхности кожи лица объекта оперативного интереса. Что, являясь дополнительным фактором оценки получаемой информации, может послужить основанием расширения диапазона ее оперативного анализа, как и использоваться при проведении следственных действий. В частности, при обыске, когда технологически фиксируемая реакция у обыскиваемого лица в отношении конкретных мест упрощают задачу локализации поисковых зон и существенно сокращает время проведения следственного действия, делая его более эффективным и результативным.

Анализируя обоснованность формирования термографии как отрасли раздела криминалистической техники, следует исходить из того, что, по мнению Е. Р. Россинской, любое новое направление криминалистической техники можно считать сформировавшимся, только в том случае если оно отвечает ряду критериев. Она считает, что таковыми должны быть следующие из них:

- наличие задач, не имеющих решений в иных областях человеческой деятельности;
- специфичность объектов исследования и частота их встречаемости в различных отраслях судопроизводства;

– наличие разработанности данного направления на методологическом и методическом уровнях [12, с. 3-8].

Исходя из рассмотрения изложенных положений (в отношении предлагаемой отрасли криминалистической техники), можно сделать вывод о том, что все данные критерии в достаточной мере являются как основаниями для ее формирования, так и обоснованной причиной введения данного понятия в научную, образовательную и практическую сферы деятельности.

В качестве причин, являющихся основаниями для формирования предлагаемой отрасли криминалистической техники, можно определить следующие:

- наличие в криминалистической деятельности специфических задач, в отношении которых ранее не использовались предлагаемые средства;
- массовость подлежащих таким образом криминалистическому исследованию объектов и особенности используемых для этих целей технических средств;
- расширение возможностей с использованием данного метода эффективного решения широкого круга современных и перспективных криминалистических задач;
- востребованность практикой и разработанность методологии, и относительная несложность разработки соответствующих электронных ТКС и методик их использования для обеспечиваемой линии решаемых задач.

Все это позволяет рассматривать термографию не как отдельный метод, а как полноценную отрасль криминалистической техники способную решать ряд современных криминалистических задач на основе возможностей присущих только ей и с использованием специальных видов электронных ТКС.

В совокупности, все это подтверждают необходимость формирования новой отрасли криминалистической техники, изучающей средства цифровой термографии и термовидения в целях расширения возможностей диапазона и спектра современного уровня следоведения.

Областью функционирования данной отрасли должно являться изучение особенностей обнаружения, анализа и использования в доказательственных целях КЗИ как следовых систем, образующихся при взаимодействии с генерирующими тепловые следы объектами на различных видах носителей на основе электронных ТКС обеспечивающих их обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование в целях инновационного уровня решения современных криминалистических задач.

Термография не претендует на решение всех современных криминалистических проблем, как и ни одна из ныне существующих в разделе криминалистической техники его отраслей.

Тем не менее, появление новых возможностей поиска, обнаружения, изъятия, фиксации и систематизации КЗИ и создание идентификационных биометрических систем на принципах дистанционной и контактной визуализации термических изображений функциональных систем личности может позволить не только найти новые подходы для решения современных криминалистических задач, но и выйти на новый уровень их осуществления.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Тенденции развития науки криминалистики / А. В. Дулов // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 окт. 2017 г. / БГУ ; редкол. : В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – 243 с.

2. Дулов, А. В. Задачи криминалистики / А. В. Дулов // Юрыдычная навукa і адукацыя ў Беларускам дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т. М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – 535 с.

3. Лузгин, И. И. Интегративная криминалистика – технологическое отражение практической реализации синтетической природы науки / И. И. Лузгин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – № 1(13). – С. 166–169.

4. Лузгин, И. И. Глобализация криминалистических систем и баз данных как значимый фактор в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь / И. И. Лузгин, А. Е. Середа // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности: тезисы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19 ноября 2021 г.) / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. – Минск: СтройМедиаПроект, 2021. – С. 158-163.

5. Борова, Д. М. Применение современных технологий для систематизации следовой картины применения огнестрельного оружия при совершении террористических актов / Д. М. Борова // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 173–178.

6. Уварова, И. А. Термография в криминалистике: понятие и значение / И. А. Уварова // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки, 2018. – № 3 (17). – С. 59-61.

7. Даценко, А. В. Использование дистанционной инфракрасной термографии в экспериментальной медицине при экстремальных воздействиях / А. В. Даценко // Саратовский научно-медицинский журнал, 2016. – № 12. – С. 685-691.

8. Колецки, Х. Применение термовидения THV (техники AGA Thermovision) в криминалистической практике [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-termovideniya-thv-tehniki-aga-thermovision-v-kriminalisticheskoy-praktike>. – Дата доступа: 08.10.2018.

9. Крылов, И. Ф. Губерт Колецки. Применение термографии в криминалистике. - Варшава, 1979. – 197 с. : [Рецензия] / И. Ф. Крылов, А. А. Эксархопуло // Правоведение. – 1980. – № 6. – С.107–108.

11. О Республиканской системе мониторинга общественной безопасности: Указ Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oac.gov.by/public/content/files/files/law/decrees-rb/2017-187.pdf>. – Дата доступа: 21.08.2024.

12. Середа, А. Е. Понятие, классификация и криминалистическое значение систем распознавания лиц // А. Е. Середа, И. А. Мороз, И. И. Лузгин / Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол.: А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2022. – Вып. 2/52. – С.63–71.

13. Россинская, Е. Р. Система криминалистической техники в свете современных представлений о природе криминалистики / Е. Р. Россинская // Современные проблемы криминалистики: сб. трудов Академии управления МВД РФ. – М., 1998. – С.3–8.

Лукьянович А. Л., Грак Н. Н.
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуется психологический фактор противоправного поведения несовершеннолетних. Делается вывод о важности психологического фактора как ключевого аспекта противоправного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: психология несовершеннолетних; аспекты противоправного поведения; перспективы решения, институт семьи.

Преступность несовершеннолетних – острая социальная проблема, требующая особого внимания и решения. Она является отражением сложных процессов, происходящих в обществе, и указывает на необходимость принятия мер по предупреждению правонарушений среди подростков. Понятие преступности несовершеннолетних включает в себя совокупность преступлений, совершенных лицами в возрасте от 14 до 18 лет [1, с. 35].

По данным судебной статистики, в 1 полугодии 2024 года за совершение различных преступлений осуждены 353 несовершеннолетних, что на 27,9% больше, чем в 1 полугодии 2023 года, в котором осуждены 276 несовершеннолетних [2]. Возникает вопрос о том, что же толкает подростков на противоправные деяния.

Для начала стоит отметить то, что тема подростковой преступности имеет достаточно крепкий социологический базис, что позволяет ей оставаться проблемой из разряда «вечных». Содержание состоит в том, что подростки составляют основу будущего государства и общества и их психологическое и физическое состояние является основным критерием анализа совершенствования будущего. Преступность несовершеннолетних является своеобразным «тревожным сигналом», обозначающим, что не все вопросы касательно лучшего будущего являются решенными.

Многие исследователи данной проблемы называют разные причины совершения преступлений несовершеннолетними. Среди таковых называют социальные расслоения населения, социальную несправедливость, неблагополучие семьи и ряд других факторов. В нашей работе мы хотим обратить внимание на психологическую составляющую противоправного поведения несовершеннолетних.

Подросток в своем становлении как личность проходит много сложных и переломных моментов, которые заставляют посмотреть на мир

совершенно с другими взглядами и убеждениями. И самую важную и основную роль в этом процессе играет семья. Семья обеспечивает первичную социализацию ребенка, усвоение им базовых норм и правил жизни, принятие им системы социальных связей. В социологическом исследовании Е.А. Трухан доказано, что от воспитательных установок матери зависит преимущественно когнитивный компонент (т.е. понимание), а от воспитательных установок отца – эмоциональный компонент (т. е. позитивность – негативность) отношения подростка к тем или иным сферам жизни [3, с.29]. Как указывает А.В. Борбат, «отсутствие собственной семьи у зрелого человека или наличие семьи, ведущей социально неодобряемый образ жизни, облегчает его становление на путь совершения преступлений, в том числе насильственной направленности» [4, с. 37].

Из этого следует вывод о том, что родители играют наиважнейшую роль в становлении личности. И, как показывает практика, материальное благополучие не играет решающей роли: подростки из семей с высоким материальным состоянием совершают преступления так же, как и выходцы из менее обеспеченных семей. Соответственно, психологический фактор семьи играет роль более значительную, чем материальный.

На данный момент воспитание детей в семьях осложнилось с появлением технологических новаций в жизни общества. Соответственно, подростки с меньшей охотой идут на контакт с родителями в пользу социальных сетей или интернет-мессенджеров. Встает проблема доверия в семьях, так как подросток, и так проходящий сложный этап своей жизни, сталкивается с интернет-пространством, которое имеет в себе не только положительные, но и отрицательные стороны. Желая самореализоваться, подросток может совершать ошибки, которые потом сыграют определяющую роль в негативном ключе. Важность самореализации, желание доказать собственную значимость будут иметь слишком высокую цену.

Немаловажно отметить в этом процессе роль правоохранительных органов. Каждый уголовный процесс в отношении несовершеннолетнего – это не только результат рассмотрения юридических вопросов, а решение будущего для молодой личности. Соответственно, воспитание законопослушного гражданина – это одна из основных задач как правоохранительных органов, так и родителей. Так, часть 1 статьи 117 УК Республики Беларусь указывает на то, что, если в процессе судебного разбирательства будет установлено, что исправление несовершеннолетнего, совершившего преступление, не представляющего большой общественной опасности, или впервые осуждаемого за совершение менее тяжкого преступления, возможно без применения уголовного наказания, суд может постановить обвинительный приговор и применить такому лицу вместо наказания принудительные меры воспитательного характера. Кроме того,

часть 1 статьи 118 УК устанавливает, что лицо, впервые совершившее в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей его под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, по их просьбе, если по характеру совершенного преступления, данным о личности и иным обстоятельствам дела исправление несовершеннолетнего возможно без привлечения его к уголовной ответственности. Таким образом, делается вывод о важности как семейно-психологической среды воспитания ребёнка, так и плодотворной воспитательной работы правоохранительных органов касательно предупреждения совершения преступлений несовершеннолетними.

Исходя из всего вышесказанного следует вывод о важности комплексного подхода к профилактике противоправного поведения несовершеннолетних, который включает в себя развитие грамотного института семьи, а также оказание квалифицированной помощи подросткам, оказавшимся в тяжёлом психологическом состоянии. И, конечно, профессиональная работа следователей, прокуроров и, прежде всего, судей, других специалистов, вовлечённых в работу с несовершеннолетними, должна отражать высочайший уровень ответственности за судьбу каждого ребёнка.

Библиографический список

1. Агапов, А. Ф. Криминология: учебник для вузов / А. Ф. Агапов [и др.]; под ред. В. Д. Малкова. – Москва: Юстицинформ, 2006. – 325 с.
2. Данные судебной статистики за 1 полугодие 2024 года об осуждённых несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/a3fcb8eecec74b70.html. – Дата доступа: 29.09.2024.
3. Актуальные проблемы социализации учащейся молодежи [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. / Под общ. ред. И. А. Фурманова. – Минск : БГУ, 2013. – С. 29-41.
4. Борбат, А. В. Неисполнение обязанности по воспитанию детей как элемент антиобщественного образа жизни / А. В. Борбат // Российский следователь. – 2014. – № 22. – С. 37-38.

Матлак А. Н.
СИСТЕМА ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, *gfor85@mail.ru*

В статье рассмотрены вопросы содержания элементов, формирующих систему диагностической судебной баллистической экспертизы. На основе анализа теоретических положений судебной экспертизы и практических аспектов проведения судебно-экспертных исследований огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их действия предлагается авторский подход к формированию структуры диагностической судебной баллистической экспертизы, включающей предмет, перечень подлежащих исследованию объектов, круг решаемых задач и субъекта, обладающего специальными знаниями в области судебной баллистики.

Ключевые слова: судебный эксперт; судебная экспертиза; огнестрельное оружие; судебная баллистическая экспертиза; задачи и объекты судебной баллистической экспертизы.

Создание Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) решило многие существовавшие в сфере судебно-экспертной деятельности правовые и организационные проблемы, позволило существенно улучшить и повысить качество материально-технического обеспечения в том числе для проведения судебных баллистических экспертиз, сформировало условия для высокого уровня межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и т.д. Вместе с тем отдельные вопросы, затрагивающие проблемы теоретического характера, которые, помимо значимости с точки зрения научных изысканий, обеспечивают формирование единообразного подхода к методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности и соответственно к качеству и значимости для органов правосудия выполняемых судебными экспертами экспертиз, требуют внимания и комплексного исследования.

Методика решения задач по отождествлению объектов по следам, опираясь на наиболее разработанную частную криминалистическую теорию – теорию идентификации, представляется одним из успешных примеров того, как научные изыскания и выработанные на их основе теоретические положения, становятся залогом успешного решения практических экспертных задач. При этом диагностические задачи, составляющие подавляющее большинство в общем объеме решаемых судебными экспертами Беларуси, получили значительно меньшую теоретическую и методическую обеспеченность их выполнения.

Вопросам диагностического исследования огнестрельного оружия, патронов и следов их действия в разное время уделялось внимание в работах таких ученых как В.С. Аханов, В.Ю. Владимиров, Б.Н. Ермоленко, А.В. Кокин, Б.М. Комаринец, С.Д. Кустанович, Е.А. Лаппо, И.В. Латышов, В.М. Плескачевский, В.А. Ручкин, Е.И. Тихонов, А.И. Устинов, В.Ф. Черваков и др. Достигнутые в работах ученых результаты во многом определили вид судебной баллистики и судебной баллистической экспертизы на текущем этапе развития и по настоящее время характеризуются высокой научной и практической значимостью, однако отдельные аспекты, касающиеся теоретических и прикладных вопросов диагностического исследования, нуждаются в разработке и актуализации в соответствии с современными потребностями правосудия.

Сущность любой отрасли науки, определяющая ее место в упорядоченной системе представлений о той или иной сфере деятельности, проявляется в первую очередь через устанавливаемый в пределах объектов исследования круг закономерностей, то есть предмет. Предмет теории судебной экспертизы как области научного знания составляет изучение «закономерностей формирования, развития и функционирования экспертной деятельности в целом, т.е. наиболее общие закономерности подобного характера» [1, с.47].

В свою очередь, предмет судебной экспертизы как основополагающего компонента судебно-экспертной деятельности различные ученые определяют по-разному, в том числе рассматривая данное понятие с точки зрения практической деятельности и в научном аспекте [1, с.76]. В научном понимании в предмет судебной экспертизы предлагается включать закономерности формирования свойств объектов и их изменения в связи с совершением преступления [2, с. 8; 3, с. 20], что, на наш взгляд представляется не вполне корректным, поскольку закономерности могут являться предметом изучения в рамках самостоятельной области научного знания, к каковым судебная экспертиза не относится.

Нельзя не отметить, что ряд закономерностей судебной экспертизы, в том числе судебной баллистической, формируется за пределами исключительно уголовного процесса, и предмет судебной экспертизы, исходя из ориентированности судебно-экспертной деятельности на получение практического результата для обеспечения нужд судопроизводства (уголовного, гражданского и т.д.), следует рассматривать как «фактические данные (обстоятельства дела), устанавливаемые на основе специальных знаний в науке, технике, искусстве и ремесле (ст. 226 УПК, ст. 84 КГС, ст. 4.7 ПИКоАП), исследований материалов уголовного, гражданского дела, дела об административном правонарушении, хозяйственного спора» [4, с. 6].

Когда речь идет о конкретной экспертизе, то ее предметом будет являться экспертная задача, которая определена вопросом, сформулированным в постановлении о назначении экспертизы.

В настоящее время под предметом судебной баллистической экспертизы понимаются фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые средствами данной экспертизы на основе специальных знаний в области судебной баллистики [5, с. 27]. Приведенное определение обозначает предмет экспертизы с практической стороны, не определяя его в научном понимании, что объясняется сугубо практикоориентированной направленностью судебной баллистической экспертизы, как и всех прочих судебно-экспертных исследований, «продуктом» которых является выявленная в ходе экспертизы и обоснованная в выводах взаимосвязь объектов и явлений материального мира с событием преступления.

Понимая под экспертной диагностикой практическую деятельность судебного эксперта, заключающуюся в непосредственном применении методов диагностирования для познания природы, состояния, свойств и отношений объекта, определения сущности конкретного явления с помощью известных классификаций объектов и явлений определенного класса, рода, вида, и с учетом содержания предмета судебной баллистической экспертизы, в качестве предмета диагностической судебной баллистической экспертизы предлагаем считать фактические данные об оружии, патронах и следах их действия, а также другие обстоятельства, устанавливаемые путем применения методов диагностирования судебным экспертом на основе специальных знаний в области судебной баллистики.

Под экспертной задачей понимается такая задача, постановка и решение которой направлены на преобразование потенциальной доказательственной информации, содержащейся в представленных на экспертизу в качестве исходных данных объектов и других материалов, в актуальную доказательственную информацию, которая может быть использована для правильного решения уголовного, гражданского дела, дела об административном правонарушении, и определяется предметом экспертизы и возможностями исследования объекта экспертизы [7, с. 34].

Классификация экспертных задач по различным критериям остается предметом научных дискуссий, однако, исходя из практического характера рассматриваемых в настоящей работе вопросов, наиболее корректной представляется деление задач в зависимости от конечной цели исследования на идентификационные и диагностические [6, с. 433; 7, с. 35-36].

Вместе с тем следует понимать, что не всегда, преследуя цель решить, например, идентификационную задачу, эксперт достигает желаемого результата по установлению наличия или отсутствия тождества. К примеру, изучая на этапе раздельного исследования следы от полей нарезов на пуле и убедившись, что имеющиеся особенности микрорельефа канала ствола в

следах отобразились в виде нечетких, прерывистых трасс и не содержат комплекс признаков, позволяющих индивидуализировать конкретный канал ствола, исследование заканчивается установлением общей групповой принадлежности – решением из оружия какой модели могла быть выстрелена пуля. В таком случае возникает логичный вопрос: какая задача решалась экспертом – идентификационная или диагностическая?

Именно в таких ситуациях в полной мере проявляется интегративный и синтезирующий характер научных знаний судебной экспертизы, затрагивающий все аспекты ее проведения, в том числе взаимосвязь, взаимозависимость решаемых задач.

В приведенном примере экспертом изначально решалась идентификационная задача, решить которую, по независящим от него причинам не представилось возможным. С учетом требования, предъявляемого к проведению судебной экспертизы по использованию всех имеющихся возможностей по исследованию объекта экспертизы, решение идентификационной задачи преобразуется экспертом по одному единственно возможному пути – установлению общей групповой принадлежности.

Исходя из ранее приведенного подхода к определению предмета судебной баллистической экспертизы, под задачей судебной баллистической экспертизы мы предлагаем понимать сформулированное инициатором проведения экспертизы в вопросе постановления (определения) о назначении судебной баллистической экспертизы задание, выполнение которого позволит получить фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые средствами данной экспертизы на основе специальных знаний в области судебной баллистики.

С учетом приведенного определения, а также исходя из содержания экспертной диагностики, под задачей диагностической судебной баллистической экспертизы следует понимать сформулированное инициатором проведения экспертизы в вопросе постановления (определения) о назначении экспертизы задание, выполнение которого позволит установить фактические данные, характеризующие природу, состояние, свойства (за исключением идентификационных) и отношения объекта, сущность конкретного явления с помощью известных классификаций объектов и явлений определенного класса, рода, вида и устанавливаемые средствами данной экспертизы на основе специальных знаний в области судебной баллистики.

Таким образом, задачи диагностической судебной баллистической экспертизы в зависимости от характера фактических данных, установление которых составляет конечную цель исследования, разделяются на:

задачи определения природы объекта (отнесение объекта экспертизы к категории огнестрельного (гладкоствольного, нарезного) оружия, к

изделиям, конструктивно сходным с оружием, макетами и т.п.; установление принадлежности объекта экспертизы к категории боеприпасов; определение вида, модели и образца оружия и т.д.);

задачи определения состояния объекта (установление пригодности оружия и патронов для использования по целевому назначению; установление факта производства выстрела из оружия после последней чистки канала ствола и т.д.)

задачи по определению свойств объектов (установление дальности полета снаряда при стрельбе из конкретного экземпляра оружия; определение скорости полета снаряда; определение кинетической энергии снаряда, выстрелянного из оружия; установление возможности производства выстрела из оружия определенными патронами и т.д.);

задачи по определению отношений объектов (определение направления и дистанции выстрела; установление количества и очередности произведенных выстрелов; определение механизма образования повреждения, причиненного в результате стрельбы из оружия; установление местоположения стрелявшего; установление взаимного расположения стрелявшего и пострадавшего в момент выстрела; установление возможности производства выстрела из оружия без нажатия на спусковой крючок и т.д.).

Безусловно, перечень решаемых диагностической судебной баллистической экспертизой задач нельзя считать исчерпывающим, и он может расширяться в зависимости от запросов органов правосудия, конкретной следственной ситуации, а также возможностей судебно-экспертных органов по исследованию вещественных доказательств.

В зависимости от формы объективации объекты диагностической судебной баллистической экспертизы целесообразно дифференцировать на:

группу объектов-предметов (изделий) – огнестрельное оружие и его составные части и компоненты; макеты огнестрельного оружия и изделия, конструктивно сходные с огнестрельным оружием; патроны к ручному стрелковому огнестрельному оружию;

группу материальных следов-отображений – преграды со следами выстрела; пули (дробь, картечь) и гильзы патронов к огнестрельному оружию со следами от его деталей);

группу процессуальных документов и официальных информационных ресурсов (опосредованные документы) – материалы уголовного дела (протоколы осмотра места происшествия, таблицы фотоснимков, схемы, чертежи, протоколы допросов, проверок показаний на месте, следственных экспериментов, заключения эксперта по ранее проведенным по делу судебным экспертизам); справочные материалы, каталоги, официальные сайты изготовителей оружейной продукции и т.д.

Помимо приведенных выше объектов, в зависимости от специфики проводимой диагностической судебной баллистической экспертизы, представляется целесообразным рассматривать в качестве одного из ее объектов часть места происшествия со следами действия огнестрельного оружия и боеприпасов (участок местности, помещение, транспортное средство).

К примеру, многосоставная диагностическая задача по определению местоположения стрелявшего заключается в последовательном решении трех подзадач: определении направления и дальности выстрела, а также траектории полета снаряда. Большая часть манипуляций, проводимых судебным экспертом для решения конечной задачи, осуществляется в условиях совершенного преступления (происшествия), и заключается в обращении ко многим сторонам, характеризующим место происшествия. Например, для определения направления и дистанции не близкого выстрела по пулевым повреждениям, эксперт прибегает к визированию с измерением линейных и угловых величин, азимута и элементов траектории полета пули, фиксации места и положения, которые занимали пораженные объекты в момент их встречи с летевшим снарядом. Помимо действий, связанных с непосредственным изучением обстановки места происшествия, эксперт изучает и проектирует на картину места происшествия данные медико-криминалистических экспертиз, фотоснимки с осмотра места происшествия, знакомится с описанием мест обнаружения объектов других экспертиз (трасологической, криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий и т.п.). При этом место происшествия оценивается как комплекс объектов со своей совокупностью условий, в которых протекало совершение преступления, следов как связанных с действием оружия и боеприпасов, так и явившихся результатом других действий лица (например, выбора оптимальной точки стрельбы, заряжания оружия, производства пристрелочных выстрелов и т.д.).

Создание в Республике Беларусь единого ведомства, осуществляющего централизованную государственную политику в сфере судебно-экспертной деятельности, предопределяет четкое обозначение круга субъектов этой деятельности в рамках функционирования судебно-экспертных организаций, в который входят судебный эксперт, руководитель судебно-экспертной организации, судебно-экспертная организация и специалист, не имеющий квалификации судебного эксперта, но обладающий какими-либо специальными знаниями [8, с. 42].

В свою очередь субъектом всякого, в том числе и экспертного, исследования выступает только непосредственный исполнитель, осуществляющий это исследование, то есть судебный эксперт [1, с. 205].

Таким образом, субъектом любой судебной экспертизы является только эксперт, которому поручено проведение экспертизы, а с учетом вида

судебно-экспертного исследования – судебный эксперт, обладающий специальными знаниями в рамках соответствующей экспертной специальности.

Специфика специальных знаний в области судебной баллистики заключается в компетентном владении судебным экспертом информацией о закономерностях конструирования и функционирования оружия и боеприпасов, процессах и явлениях, сопровождающих выстрел, механизме образования следов от оружия на снарядах, гильзах и преградах.

С учетом осуществленной в Республике Беларусь реформы судебно-экспертной системы, с 2016 года право на самостоятельное проведение всех видов судебных экспертиз присваивается по результатам аттестации экспертно-квалификационной комиссией ГКСЭ [9, с. 207], поэтому лишь работник судебно-экспертной-организации либо индивидуальный предприниматель, в установленном порядке получившие право на проведение судебной экспертизы, могут считаться профессиональным судебным экспертом [8, с. 43].

Процессуальное законодательство предусматривает возможность проведения экспертизы вне экспертного учреждения любым экспертом (организацией) (ст. 231 УПК, ст. 223, 225 ГПК, ст. 93 ХПК; норма предусмотрена также ст. 226 КГС, вступающем в законную силу в 2026 г.), в том числе имеющим лицензию на проведение судебных экспертиз, однако в связи со спецификой проведения экспертных экспериментов с оружием, сопряженных с необходимостью соблюдения ряда требований личной безопасности при проведении стрельбы, особых условий для помещений, в которых могут осуществляться отстрелы оружия, лишь лицо, являющееся работником органа ГКСЭ (с учетом обеспеченности лишь центрального аппарата, областных управлений и управления по г. Минску экспертного ведомства специальными тирами), может быть допущенным к манипуляциям с огнестрельным оружием в полном объеме.

Таким образом, с учетом законодательного определения эксперта, характера и содержания специальных знаний в области судебной баллистической экспертизы, а также спецификой проведения экспертных экспериментов с оружием под субъектом диагностической судебной баллистической экспертизы предлагаем понимать судебного эксперта, получившего в установленном порядке право на самостоятельное проведение судебной баллистической экспертизы, обладающего специальными знаниями о закономерностях конструирования и функционирования оружия и боеприпасов, процессах и явлениях, сопровождающих выстрел, механизме образования следов от оружия на снарядах, гильзах и преградах, которому поручено проведение судебной баллистической экспертизы или принявшего такую экспертизу к своему производству.

Изложенное в настоящей работе позволяет сделать вывод, что диагностическая судебная баллистическая экспертиза, основываясь на положении теории диагностики, представляет собой упорядоченную систему, состоящую из элементов, каждый из которых находится во взаимосвязи и взаимозависимости друг с другом. Представленный подход может способствовать успешной реализации дальнейших научных исследований по разработке теоретических положений как в рамках общей теории судебной экспертизы, так и по отдельным видам судебных экспертиз.

Библиографический список

1. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М. : Норма, 2009. – 480 с.
2. Зинин, А. М. Введение в судебную экспертизу / А. М. Зинин, Г. Г. Омелянюк, А. В. Пахомов. – М. : Изд-во Московского психолого-социального института, 2002. – 240 с.
3. Зинин, А.М. Судебная экспертиза: учебник / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. – М. : Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. – 320 с.
4. Рубис, А. С. Подготовка и назначение судебных экспертиз : пособие для следователей, судей и экспертов / А. С. Рубис, Ю. В. Пономаренко, И. А. Мороз [и др.]. – Минск : Харвест, 2006. – 320 с.
5. Кокин, А. В. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза : учеб. для студентов вузов / А. В. Кокин, К. В. Ярмач. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. – 350 с.
6. Криминалистика: учебник для вузов / Под. ред. Р. С. Белкина. – М.: Норма, 2006. – 992 с.
7. Россинская, Е. Р. Экспертиза в судопроизводстве : учебник для бакалавров / Под ред. Е.Р. Россинской. – М. : Проспект, 2021. – 336 с.
8. Швед, А. И. Судебная экспертиза : пособие / А. И. Швед. – Минск : Форум, 2022. – 296 с.
9. Швед, А. И. Централизованная государственная политика Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности: предпосылки формирования и перспективы развития : моногр. / А. И. Швед. – Минск : НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 2020. – 272 с.

Миленкевич В. И.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

Управление Следственного комитета Республики Беларусь
по Гродненской области, ул. Горького, 121, 230005, г. Гродно, Беларусь,
gr@sk.gov.by

Рассматриваются особенности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенные организованной группой с учетом практики правоохранительных органов Республики Беларусь.

Ключевые слова: расследование; оперативно-розыскные мероприятия; незаконный оборот; наркотические средства; психотропные вещества; организованная группа.

На протяжении последних десятилетий человечество неуклонно движется в сторону глобальной цифровизации большинства аспектов повседневной деятельности. Жизнь современного человека сложно представить без постоянного взаимодействия с глобальной сетью Интернет (далее – сеть Интернет), которая, безусловно, облегчила коммуникацию между людьми.

Взаимодействие людей через сеть Интернет невозможно представить без использования интернет-мессенджеров (далее – мессенджер). Популярность мессенджеров обусловлена тем, что они позволяют быстро и удобно обмениваться текстовыми сообщениями, файлами и другим медиаконтентом без личного взаимодействия.

В процессе использования мессенджеров у пользователей возник запрос на приватность общения, что привнесло изменения в данную сферу. Современный мессенджер сложно представить без все более совершенных алгоритмов шифрования, внедрение которых дает конкурентное преимущество разработчику и, в свою очередь, ведет к увеличению пользовательской базы.

Упор на приватность позволил пользователям фактически обезличивать себя, что не осталось без внимания со стороны преступного элемента, в том числе в сфере незаконного оборота наркотиков. Использование анонимных мессенджеров предоставило возможность определенным лицам формировать на их базе организованные группы для реализации наркотических средств и психотропных веществ.

Также следует отметить площадки по продаже указанных веществ, расположенные в теневом сегменте сети Интернет (далее – даркнет), которые начали свою деятельность в 2006 году и функционируют через сеть Tor. В июне 2011 года появился первый теневой рынок «Шелковый Путь» (Silk Road), использующий сеть Tor и принимающий оплату за товары в криптовалюте Bitcoin, деятельность которого пресечена в октябре 2013 года.

Крупнейшей площадкой по торговле наркотиками в даркнете, осуществлявшей свою деятельность как на территории Республики Беларусь, так и на территории стран Содружества Независимых Государств, являлась «Hydra», которая начала свою работу в 2015 году. Как и ее предшественники, «Hydra» функционировала через сеть Tor и принимала оплату в криптовалюте Bitcoin. Несмотря на предпринимаемые ее создателями меры конспирации, деятельность «Hydra» была пресечена в апреле 2022 года [1].

Несмотря на ликвидацию крупнейшей площадки, наркомаркеты не прекратили свое существование, а перенесли свою деятельность в мессенджеры, одним из которых является «Telegram». Простота интерфейса, используемые алгоритмы шифрования информации и политика конфиденциальности сделали «Telegram» удобной площадкой для появления и развития большого числа наркомаркетов, пресечение деятельности которых представляет сложность для правоохранительных органов.

Тем не менее, в современной правоприменительной практике Республики Беларусь имеются положительные примеры выявления и пресечения деятельности «наркошопов», один из которых рассмотрим ниже.

В производстве управления Следственного комитета Республики Беларусь находилось уголовное дело по ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в отношении гражданина Л. по факту незаконного без цели сбыта приобретения наркотического средства – марихуаны. Будучи допрошенным в качестве подозреваемого, последний пояснил, что приобрел наркотическое средство в магазине «К», расположенном на даркнет-рынке «Гидра», который специализируется на реализации наркотических средств и психотропных веществ как в розницу, так и мелким оптом. Оплата производилась в криптовалюте Bitcoin, что осложняло идентификацию продавца.

С целью установления лица, сбывшего наркотическое средство гражданину Л., были изъяты и изучены записи с камер видеонаблюдения, установленных на фасадах зданий, находящихся в непосредственной близости от тайника, где гражданин Л. изъясил приобретенное вещество. При просмотре записей установлено, что в ночь, предшествующую дню приобретения наркотика, к тайнику подходил мужчина, который достал

предмет из кармана и поместил его в водосточную трубу, после чего сфотографировал это место на мобильный телефон. Однако, ввиду темного времени суток и низкого качества записи, идентифицировать личность мужчины не удалось. Несмотря на это, было принято решение продолжить изучение маршрута движения указанного лица, действия которого давали основания подозревать его в сбыте наркотического средства гражданину Л.

При изучении маршрута установлено, что, пройдя несколько улиц от оборудованного им тайника, гражданин снял наличные средства через банкомат одного из банковских учреждений Республики Беларусь. После истребования сведений о держателе банковской платежной карты (далее – БПК) было установлено, что снятие наличных осуществлялось с БПК гражданина Б.

Изучив личность гражданина Б., установлено, что он недавно освобожден из исправительной колонии по отбытии наказания за совершение преступления, предусмотренного частью 3 статьи 328 УК. С целью проверки его причастности к сбыту наркотических средств органу дознания было поручено провести оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в отношении гражданина Б.

По результатам проведенных ОРМ установлено, что гражданин Б., совместно со своей сожительницей С., снимает квартиру в городе Гродно, систематически передвигается по лесным массивам и городам Гродненской и Брестской областей, оборудуя тайники и фиксируя их местоположение посредством фотосъемки. Получив от органа дознания вышеуказанную информацию, принято решение о задержании граждан Б. и С.

После очередной поездки указанные граждане прибыли к месту своего проживания в городе Гродно, где были задержаны сотрудниками правоохранительных органов по подозрению в незаконном обороте наркотиков. При осмотре автомобиля, на котором передвигались граждане Б. и С., а также в арендуемой ими квартире, обнаружено и изъято значительное количество наркотических средств и психотропных веществ, а также различные приспособления для их фасовки.

Благодаря своевременным и слаженным действиям, был получен доступ к мобильным устройствам задержанных, в результате чего обнаружены фотоизображения мест оборудованных тайников с наркотиками, в том числе и того, в котором гражданин Л. изъясил наркотическое средство.

Таким образом, орган предварительного расследования до первого допроса задержанных располагал достаточным количеством доказательств, уличающих этих лиц в незаконном обороте наркотиков. В результате допроса гражданин Б. полностью признал вину, выразил желание сотрудничать со следствием и заключить досудебное соглашение о сотрудничестве. Вместе с тем, он отрицал причастность гражданки С. к

незаконному обороту наркотиков, аналогичную позицию заняла и она. Учитывая сложившуюся ситуацию, было принято решение об освобождении гражданки С. ввиду отсутствия на данном этапе дополнительных доказательств, указывающих на ее причастность, а гражданину Б. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 328 УК, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и в тот же день заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

При повторном допросе обвиняемого Б., состоявшемся в день его задержания, благодаря найденному следователем подходу, последний сообщил, что работает «закладчиком» в интересах магазина «К», расположенного на площадке «Hydra», и имеет доверительные отношения с владельцем магазина, так как является самым эффективным работником. Учитывая полученную информацию, принято решение о проведении ОРМ с участием обвиняемого Б., направленного на изобличение владельца магазина «К».

Учитывая факт задержания обвиняемого Б. и отсутствие общения с владельцем магазина, в течение нескольких дней осуществлялось подконтрольное общение с ним, направленное на восстановление доверительных отношений. Установив устойчивое общение, была предпринята попытка реализации легенды о том, что обвиняемый Б. решил закончить свою деятельность в качестве закладчика, так как переезжает в другую страну, и остаток психотропных веществ может продать владельцу магазина по цене значительно ниже рыночной.

Спустя некоторое время была достигнута договоренность о передаче психотропного вещества, помещенного в тайник в лесном массиве Гродненского района, где владелец должен был оставить денежные средства в качестве оплаты.

С целью фиксации обстановки и задержания владельца магазина в заданном лесном массиве было организовано наблюдение за местом расположения тайника, в котором вместо оговоренного психотропного вещества находился муляж. Несмотря на предпринятые меры, задержать владельца магазина не удалось, он изъял муляж и оставил денежные средства в качестве оплаты.

Исходя из сложившейся ситуации, с целью установления личности лица, оставившего денежные средства, по изъятым денежным средствам назначена судебно-биологическая экспертиза с целью обнаружения и установления принадлежности следов биологического происхождения, которые могли остаться на купюрах при взаимодействии с ними. Согласно заключению эксперта, на внешней поверхности одной из изъятых купюр обнаружены биологические следы, принадлежащие лицу мужского пола, однако информация о нем в банке данных отсутствовала.

Учитывая, что у владельца магазина находился муляж, а также факт того, что задержать его не удалось, было решено сообщить ему о том, что при фасовке психотропного вещества произошла ошибка и вместо оговоренного вещества в тайник помещена мука. В качестве извинения за инцидент предложено сделать новый тайник и вернуть полученные деньги, фактически бесплатно реализовав психотропное вещество. Несмотря на изначально низкий шанс успеха, владелец согласился на повторное размещение тайника, что и было сделано.

На основании достигнутой договоренности вблизи места расположения тайника организовано наблюдение. Спустя некоторое время к месту тайника прибыл гражданин М., где был задержан сотрудниками правоохранительных органов. При задержании М. выронил телефон, который он держал в руках по пути к тайнику. Сотрудники, производившие задержание, оперативно обнаружили телефон, который не успел заблокироваться. На экране отображалась панель администрирования магазина «К» на даркнет-рынке «Гидра». Указанный факт являлся одним из ключевых моментов состязательности в деле с задержанным М., что позволило получить от него признательные показания, а также полный доступ к панели администрирования магазина «К». После получения от задержанного М. образцов буккального эпителия была назначена сравнительная судебно-биологическая экспертиза, согласно которой биологические следы, обнаруженные на внешней поверхности одной из изъятых купюр, были идентифицированы как принадлежащие задержанному М. На основании имеющихся доказательств гражданину М. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 328 УК, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Получив доступ к панели администрирования магазина «К» на даркнет-рынке «Гидра» были проанализированы имеющиеся в аккаунте переписки, в результате чего обнаружен диалог с пользователем, который являлся действующим закладчиком и работал на магазин «К». Изучив содержимое переписки с данным пользователем установлено, что выплаты денежных средств в качестве заработной платы осуществлялись на определенную банковскую платежную карту, эмитированную одним из банковских учреждений Республики Беларусь. Истребовав соответствующую информацию из данного банковского учреждения, была установлена личность держателя БПК: гражданин П, который впоследствии также был задержан. При проведении следственных действий с участием задержанного П., факт осуществления им деятельности в качестве закладчика не подтвердился. В ходе допроса стало известно о том, что выпущенной на его имя БПК пользуется его знакомый Н., который попросил у него карту, так как свою утратил. Следует отметить, что при

проведении обыска по месту жительства П. обнаружено и изъято наркотическое средство – марихуана, а также приспособления для его употребления, которое ему сбыл все тот же знакомый Н. Таким образом, не возникало никаких сомнений в том, что гражданина Н. необходимо задержать. Будучи допрошенным в качестве подозреваемого гражданин Н. полностью признал свою вину, подтвердил факт работы в качестве закладчика в интересах магазина «К», а также по месту его жительства обнаружены наркотические средства и психотропные вещества, которые были выданы ему владельцем магазина для фасовки в разовые дозы и последующего размещения в тайники на территории г. Гродно и Гродненского района. На основании имеющихся доказательств гражданину Н. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 328 УК, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Продолжая изучение диалогов, находящихся в аккаунте владельца магазина «К», полученных в результате доступа к панели администрирования, обнаружена переписка с обвиняемым Б. Сопоставив переписки из устройств обвиняемого Б. и обвиняемого М., было установлено, что переписка обвиняемого М. охватывает более широкий период времени, что потребовало ее дополнительного анализа.

Изучив указанную переписку, было установлено, что с учетной записи обвиняемого Б. в некоторых случаях переписка велась от женского лица, что подтверждалось использованием феминитивов. Учитывая, что обвиняемый Б. сожительствовал с подозреваемой С., возникли дополнительные основания подозревать ее в причастности к незаконному обороту наркотиков, что требовало дальнейшей проверки.

Изучение материалов уголовного дела и оперативно-розыскной деятельности показало, что перед задержанием обвиняемый Б. и подозреваемая С. находились в городе Брест. Они несколько дней проживали в арендованной квартире. С целью обнаружения дополнительных доказательств и следов преступления в арендованной квартире был проведен обыск, в ходе которого обнаружены и изъяты наркотические средства, психотропные вещества, а также приспособления для их фасовки. Обнаруженные предметы направлены на экспертные исследования для проведения комплексных экспертиз. Согласно заключению эксперта на внешней поверхности резиновой перчатки выявлены следовые количества особо опасных психотропных веществ, а на внутренней ее поверхности выявлены биологические следы, принадлежащие подозреваемой С. Данный факт позволил сделать вывод о том, что она надевала перчатку и фасовала указанные вещества.

Также в ходе предварительного следствия установлено, что автомобиль, использованный для перевозки наркотиков обвиняемым Б. и

подозреваемой С., принадлежал компании, предоставляющей автомобили в аренду. Представитель компании сообщил, что договор аренды был заключен на имя подозреваемой С. Установлено, что в автомобиле находился GPS-трекер, данные которого также были проанализированы. Согласно данной информации, автомобиль находился в непосредственной близости от мест изъятия наркотических средств и психотропных веществ на территории Гродненской и Брестской областей. Эти факты также подтверждаются фотоизображениями, обнаруженными в памяти мобильного телефона обвиняемого Б., и данными о телефонных соединениях подозреваемой С.

С целью обеспечения полноты, объективности и всесторонности исследования обстоятельств уголовного дела из территориальных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь были запрошены уголовные дела по частям 1 и 3 статьи 328 УК, в которых фигурировал магазин «К». По результатам изучения поступивших уголовных дел установлено, что в материалах одного из них содержится фотоизображение следа обуви на пласту снега, в непосредственной близости от места оборудованного тайника с наркотическим средством. Проанализировав размерные характеристики данного следа, был сделан вывод о том, что, скорее всего, след оставлен женщиной, так как он был небольшого размера и мог принадлежать подозреваемой С.

Для проверки этой теории был осуществлен выезд по месту жительства С. и проведен обыск с целью обнаружения обуви, которой мог быть оставлен вышеуказанный след. В результате обыска была обнаружена и изъята пара обуви, которая по визуальным параметрам наиболее близка к имеющимся данным. Согласно заключению трассологической экспертизы, след, зафиксированный на фото, мог быть оставлен обувью, изъятой по месту жительства подозреваемой С.

На основании собранных доказательств было принято решение предъявить гражданке М. обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 328 УК, а также избрать в отношении нее меру пресечения в виде заключения под стражу.

По результатам предварительного следствия обвиняемым Б., С. и Н. предъявлены обвинения в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 328 УК. Обвиняемому М., который являлся организатором преступной группы, предъявлено обвинение по части 5 статьи 328 УК, поскольку установлен факт сбыта магазином «К» особо опасного психотропного вещества гражданину города Гродно, скончавшемуся в результате его употребления. Уголовные дела в отношении граждан Л. и П. были выделены в отдельное производство и направлены прокурору для последующего направления в суд.

Согласно приговору суда Ленинского района города Гродно, организатор М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 5 статьи 328 УК, и приговорен к 18 годам лишения свободы. Участники организованной группы Б., С. и Н. также были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 328 УК и получили наказание в виде лишения свободы сроком от 12 до 14 лет [2].

Библиографический список

1. Россия под наркотиками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: darknark.lenta.ru/article/part1-the-war. – Дата доступа: 12.09.2024.
2. В Гродно создатель интернет-магазина по продаже запрещенных веществ может сесть на 18 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: minsknews.by/v-grodno-sozdatel-internet-magazina-po-prodazhe-zapreshhennyh-veshhestv-mozhet-sest-na-18-let. – Дата доступа: 12.09.2024.

Моисеева И. А.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, *mail@grsu.by*

Раскрытие и расследование преступления предполагает, прежде всего, установление и поиск лица, его совершившего. Только при наличии такого лица процесс расследования и, в частности, получение доказательств, может быть целенаправленным. Исследуются методы и способы изучения личности преступника в ходе предварительного расследования. Предлагаются меры по совершенствованию учетно-регистрационной деятельности в Республике Беларусь и систематизации источников криминалистической информации о преступных навыках и привычках преступника.

Ключевые слова: личность преступника; предварительное расследование; следователь; преступление; допрос; криминалистически значимая информация; криминалистический учет.

Раскрытие и расследование преступлений связано с выявлением личностных характеристик преступника и жертвы, влияние которых на развитие противоправного события неоднозначно. Одни из них, взаимодействуя с окружающей средой, образуют источники доказательственной информации в виде различных следов, другие определяют вид, способ и мотив совершенных преступлений.

В силу особенностей условий жизни у человека вырабатываются специфические навыки и привычки, которые проявляются в поведении, речи и т.д. Многие аспекты поведения и деятельности человека, в том числе противоправной, определяются выработанными навыками и привычками, которые нередко выступают в качестве обстоятельств, подлежащих исследованию в ходе расследования преступления. Установление в процессе расследования профессиональных, преступных и иных навыков и привычек преступника позволяет правильно строить следственные версии, быстро и объективно проверять их, получать необходимые доказательства.

Современные знания о личности преступника основаны на скрупулезном изучении личности и поведения преступников, отдельных статистических данных, примерах из судебной практики. Широко используются различные тестовые методики и социологические опросники, психиатрическая информация, непосредственные беседы с преступниками и лицами, склонными к совершению преступлений.

В настоящее время в Республике Беларусь сбор информации о противоправных деяниях осуществляется путем заполнения регистрационных карточек следователями (лицами, производящими дознание) в рамках единой государственной системы учета и регистрации правонарушений [1, с. 107]. Анализ этих карточек позволяет утверждать, что рассматриваемая система ориентирована, в первую очередь, на решение задач криминологического характера. В то же время имеющиеся данные в ней содержат мало криминалистически значимой информации, поэтому ее использование не всегда эффективно при организации работы по раскрытию преступлений [1, с. 101].

Не собирается и не обрабатывается информация о внешности потерпевшего, стиле его одежды, причинах нахождения на месте происшествия, индивидуальных привычках, наклонностях, наличии семьи, детей, психической или иной патологии, цвете волос, глаз и т.д., что может играть существенную роль при отборе жертв насильственных преступлений. Не фиксируется информация о наличии и характеристиках телесных повреждений у потерпевшего, не характеризуется место преступления с точки зрения транспортных коммуникаций, его посещаемости в определенное время суток (на момент совершения преступления), расстояния до ближайших населенных пунктов. И, самое главное, не предусмотрена фиксация сведений, характеризующих личность неустановленного преступника (показания потерпевших и свидетелей о его биологических, социальных и психических свойствах). Из всей совокупности обстоятельств, подлежащих фиксированию на пути совершения преступления, в единой государственной системе регистрации и учета преступлений учитываются лишь некоторые элементы. Поэтому эффективность такого криминалистического учета, к сожалению, невысока [2, с. 101].

Многие исследователи указывают на создание различных информационно-поисковых систем, содержащих подробную информацию о раскрытых и нераскрытых преступлениях, как на необходимое условие для эффективного раскрытия и расследования преступлений [3; 4; 5]. Таким образом, существует потребность в новой информационно-поисковой базе данных, которая способствовала бы эффективному предоставлению информации органам уголовного преследования для выявления связей между отдельными преступлениями, установления личности преступника, оптимизации розыскных мероприятий и процесса расследования.

Тактика, направленная на изобличение лиц, совершивших преступления, требует, чтобы уголовное судопроизводство в полной мере отражало механизмы преступного поведения человека, психологические особенности его действий и поступков, связанных с совершением и расследованием преступлений. Учет психологических особенностей

личности, в свою очередь, позволяет прогнозировать поведение человека в конкретных ситуациях, например, как он будет реагировать на вопросы и какую тактику следует к нему применить [6].

Расследование преступлений – это один из самых сложных видов социальной деятельности. Его специфика во многом определяется тем, что в нем участвуют лица с различными интересами, в том числе не совпадающими с интересами следователя в установлении истины. Следовательно, в процессе личного контакта следователя с преступником способы воздействия на него должны определяться на основе индивидуального подхода к каждому конкретному человеку, обращая внимание на следующие факторы:

- индивидуально-психологические особенности допрашиваемого;
- установление психологического контакта с ним;
- детали конкретной следственной ситуации;
- необходимые профессиональные и личностные качества следователя (тактико-психологическая компетентность).

В теории криминалистики называются различные виды способов, с помощью которых следователь может получить необходимую информацию о личности преступника. Среди наиболее распространенных можно выделить: наблюдение, речевое общение (беседа), метод независимых характеристик, анализ следов преступления, изучение жизненного пути допрашиваемого, использование специальных познаний, метод автобиографии [7].

Беседа и непосредственное наблюдение за обвиняемым имеют определенные опережающие преимущества: следователь непосредственно воспринимает объект исследования, информация, полученная напрямую, объективна и беспристрастна. Следователь внимательно следит за его реакцией на предъявленные доказательства, подчеркивая возможность искреннего раскаяния и недопустимость «глухой защиты». Важно проверить информацию, полученную от допрашиваемого.

Поскольку цель допроса – получение достоверных доказательств, тактика допроса определяется рядом тактических и психологических факторов. Иногда бывает важно расположить к себе человека, установив с ним психологический контакт (например, свидетеля). Как справедливо отмечал А. В. Дулов, которого безусловно можно назвать «классиком криминалистики», «ожидаемое противодействие должно побуждать следователя к предварительной выработке в себе осторожности, предельной внимательности к действиям, поведению определенного участника. Никакие действия последнего не должны застать врасплох следователя, хорошо подготовившегося к любой возможной конфликтной ситуации» [8, с. 137].

Следовательно, личность преступника должна быть исследована в целях раскрытия преступления; установления лица, его совершившего; избрания меры пресечения; выбора тактики проведения следственных действий (в том числе тактики допроса); правильной оценки и проверки доказательств; воспитательного воздействия на преступника; избрания судом вида и размера наказания; установления причин преступлений и предложений по их предупреждению.

Особую сложность с психологической точки зрения представляет допрос потерпевшего. А. В. Дулов и И. Р. Веречиков верно указали, что «лица, осуществляющие дознание, расследование, прокуроры очень часто первыми сталкиваются с потерпевшими и они первые должны принимать меры для восстановления их травмированной психики. Разработка способов и путей восстановления травмированной психики необходима как для осуществления непосредственно задач осуществления правосудия (для получения доброкачественных показаний свидетелей, потерпевших), так и для общих целей психического оздоровления общества в целом» [9].

В этой связи целесообразно отметить необходимость совершенствования учетно-регистрационной деятельности в Республике Беларусь в направлении развития системы учета преступлений по методу MOS (Modus operandi system – система оперативного управления). Действующая система регистрации преступлений, как мы уже отмечали, направлена в большей степени на сбор и систематизацию криминологической и процессуальной информации. MOS, в свою очередь, позволяет решить следующие задачи: 1) установить факт совершения нескольких нераскрытых преступлений одним и тем же лицом или группой лиц; 2) выявить ряд преступлений, совершенных одним и тем же лицом, привлеченным к уголовной ответственности; 3) установить круг подозреваемых в совершении нераскрытых преступлений.

Учитывая, что основная информация по уголовным делам представляется в текстовом виде в документальной форме, П. П. Ищенко, например, предлагает использовать дескрипторы информационно-поисковых языков, с помощью которых содержание документа может быть передано с необходимой степенью точности по списку ключевых слов, содержащихся в тексте [10, с. 43]. Результатом такого подхода станет электронное уголовное дело, содержащее все основные результаты расследования, представленные в виде совокупности кратких формализованных данных, свободного изложения исследуемого деяния на естественном языке и семантической сети, отражающей содержание и структуру связей между элементами преступного события [10, с. 131].

Таким образом, хотя некоторые факты криминалистического исследования навыков и привычек и их репрезентаций уже существуют, они в значительной степени носят фрагментарный, бессистемный, часто

интуитивный, эмпирический характер. Такая ситуация негативно сказывается на использовании данных о навыках и привычках человека в расследовании преступлений.

Источники криминалистической информации о преступных навыках и привычках преступника, возникающие в результате отражения этих признаков до, во время и после совершения преступления, должны быть организованы в систему. Такими источниками являются, например, способ совершения преступления; объект преступного посягательства; показания обвиняемого (подозреваемого) и его знакомых; результаты наблюдения за поведением обвиняемого (подозреваемого) и проведения оперативно-розыскных мероприятий; документация биографического характера; медицинская документация; архивные и находящиеся в производстве уголовные дела; протоколы следственных действий; заключения экспертов; криминалистические учеты.

Предлагается дальнейшее совершенствование информационного обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. На наш взгляд, такие аналитические информационные системы должны быть направлены на проведение выборки схожих деяний по каким-либо признакам, а также на проведение вероятностного моделирования личности неустановленного преступника. Такая информационная система должна иметь возможность взаимодействовать с другими учетными данными правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Каразей, О. Г. Теория и практика моделирования личности неустановленного преступника (на примере расследования серийных изнасилований и насильственных действий сексуального характера) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. Г. Каразей. – Минск, 2008. – 142 л.
2. Гончар, В. В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. В. Гончар. – М., 2007. – 188 с.
3. Егоров, В. П. Роль и значение предварительного исследования при проведении осмотра места происшествия / В. П. Егоров // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 5 апр. 2019 г. / Могилевский ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Могилев, 2019. – С. 337–340.
4. Зорин, Р. Г. Осмотр места происшествия и «экспертная инициатива» / Р. Г. Зорин, Н. С. Талецкий // Эксперт-криминалист. – 2020. – № 3. – С. 24–26.
5. Корчагин, А. А. Проблемы формирования криминалистической методики предварительного расследования и судебного разбирательства

уголовных дел об убийствах / А. А. Корчагин // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2–1 (66). – С. 89–92.

6. Каменецкий, Ю. Ф. Сущность и значение целей следственной профилактики / Ю. Ф. Каменецкий // Право. by. – 2021. – №. 2. – С. 69–75.

7. Комиссарова, Я. В. Перспективы развития криминалистической теории изучения личности / Я. В. Комиссарова, Е. Н. Холопова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19). – С. 261–268.

8. Дулов, А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии / А. В. Дулов. – М.: Юрид. лит., 1973. – 167 с.

9. Дулов, А. В. Профилактическая функция юридической психологии [Электронный ресурс] / А. В. Дулов, И. Р. Веренчиков // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream.pdf>. – Дата доступа: 05.09.2024.

10. Ищенко, П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности / П. П. Ищенко. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 162 с.

Муратова Н. Г.

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТАКТИЧЕСКИХ
ОПЕРАЦИЙ: ИДЕИ ПРОФЕССОРА А.В.ДУЛОВА**

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия, *muratowan@mail.ru*

В исследовании актуализируются тактико-криминалистические проблемы выполнения задач следствия по выявлению, расследованию преступлений, изобличению виновных и обеспечению активных мер к возмещению ущерба потерпевшим. Эти идеи, воплощенные в монографических трудах профессора А.В. Дулова современны и востребованы. Им была разработана теория тактических операций, обосновывающая алгоритмизацию процесса расследования, позволяющая выделить в едином процессе расследования четкие этапы процессуальных действий следователя. Это создавало основу для совокупности тактических средств, способных решить типизованные тактические задачи. Профессор А.В. Дулов, таким образом, обосновал необходимость применения комплекса тактических средств при повторяющихся (алгоритмизированных) процессах расследования. Вопросы теории тактических операций раскрываются профессором с позиций общих проблем криминалистики и потребностей практики. Тактические категории и этапы расследования преступлений определяются следующим образом: «логическая основа тактических операций», «психологическая основа тактических операций», «психологическая структура противодействия», «этические основы тактических операций», «процессуальные проблемы производства тактических операций» (А.В. Дулов «Тактические операции при расследовании преступлений», Минск, 1979г.) Идеи профессора А.В. Дулова позволили современным авторам продолжить идеи и обосновать концептуальные подходы к тактическим ситуациям, тактическим задачам, тактическому прогнозированию, тактическому решению, тактическому планированию, тактическому потенциалу, тактическому риску, тактическому средству, тактико-криминалистической рекомендации, тактическому приему, тактической комбинации, тактической ошибке, тактическому этапу расследования. (С.Ю. Якушин «Тактические задачи и средства их решения при расследовании преступлений», Казань, 2015 г.).

Ключевые слова: криминалистическая тактика; идеи профессора А.В. Дулова; теория тактических операций; процессуальная деятельность; этапы тактических операций.

Единство и дифференциация взглядов и идей профессора А.В. Дулова последовательно прослеживается в уникальных монографических работах, которые бережно хранятся и в архивах Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Изученные мной семь бесценных монографических работ профессора А.В. Дулова и его коллег убеждают в научном предвидении многих современных явлений в криминалистике: принципы взаимодействия, информационная модель, модернизация методов, алгоритмизация процесса расследования, усиление процессуального контроля и др. Передо мной в этих работах открылась эпоха становления современных позиций криминалистической науки, которая обеспечила эффективность раскрытия, расследования преступлений и борьбы с противодействием раскрытию преступлений.

Исторический обзор эволюции криминалистики на примере криминалистической экспертизы документов содержит уникальные сведения о химическом методе исследования и о фотографическом методе, которые применяли известные ученые Ю.Ф. Фрицше, Н.Н. Зинин, Ю.К. Трапп, Е.В. Пеликан, Д.И. Менделеев, Е.Ф. Буринский, А.А. Поповицкий. [1, с. 38-77].

Концептуальный труд о процессуальных проблемах участников судебной экспертизы затрагивает глубинные проблемы уголовного процесса при назначении, производстве, оценке результатов экспертной деятельности в заключениях. Примечательно, что к каждой из пяти глав монографии профессор А.В. Дулов формирует Примечания, где даются понятия, разъяснения практики и мнений авторов. Это делает работу увлекательным познавательным путеводителем по наиболее интересному следственному действию – судебная экспертиза [2, с. 326-396].

Техническими, криминалистическими и научно-практическими знаниями проникнута коллективная монография о судебной фотографии. В эпоху цифровой фотографии, цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта данный труд читается с ощущением значения мира техники, искусства познания объективной реальности следователем, возможностей исследования материальных следов преступления на вещественных доказательствах [3, с. 133-155].

Тактика следственных действий, исследованная как комплексная научная проблема, изложенная впервые и базирующаяся на «регламентированных законом действиях по изобличению преступника и установлению истины» погружает нас в «динамические модели следственных действий», основанных на «предвосхищении» и «предвидении будущих действий» от применения тактических приемов следователем, который должен обладать глубокими и обширными знаниями [4, с. 108-148].

Монография о расследовании преступлений, совершенных должностными лицами, представляется, что даже по прошествии сорока лет после издания труда, весьма актуальным и своевременным исследованием. А.В. Дулов, обосновал философско-познавательный подход при применении оптимальных методов при расследовании преступлений данной категории. Позиции данной работы профессора охватывают широкий спектр проблем и научных позиций: об основах разработки расследования преступлений, об особенностях элементов структуры преступлений, совершенных должностными лицами, о тактических операциях и о профилактической деятельности следователя при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами [5, с. 59-110].

«Психологический анализ и своеобразные алгоритмы для решения задач содержатся в уголовно-процессуальных нормах» - пишет А.В. Дулов. Последовательность процессуальных действий, их обоснованность происходит из психологического анализа следователем фактов, сведений, ошибок. Необходим и психологический эксперимент для количественного и качественного психологического анализа как научный инструмент. Убедительно сформулирована система видов следственной деятельности: познавательная, конструктивная, воспитательная, коммуникативная, организаторская, удостоверительная. [6, с. 20-21; 35-42]

Уголовно-процессуальные проблемы теории и практики тактической операции логически подтверждают основной последовательный тезис А.В. Дулова о значении уголовно-процессуального законодательства, о принципе законности и совокупности принципов уголовного процесса при расследовании преступлений. Но только при помощи одних только уголовно-процессуальных норм все возникающие в ходе тактических операций вопросы не могут быть решены: необходимо предусмотреть особую процессуальную форму, в которую могут облекаться их результаты – пишет профессор. Это, прежде всего, - более точное регулирование прав и обязанностей всех участников процесса, привлечение к расследованию представителей общественности, увеличить объективность, точность и полноту собираемых доказательств. Профессор А.В. Дулов говорил о прямом закреплении в процессуальном законе наличия общих правил проведения тактических операций, о необходимости разработки форм процессуального закрепления тактических операций. Предлагал формы: взаимодействие органов при выявлении преступлений, усиление прокурорского надзора в виде санкционирования прокурором ряда тактических операций, связанных с человеком, исследование и закрепление особенностей тактических операций по отдельным видам преступлений [7, с. 122-127].

Выводы: научно-практические, законодательные и эвристические идеи профессора А.В. Дулова развиваются и продолжают в исследованиях

ученых, имплементируются в действующее законодательство. Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь установили четкое правовое регулирование прав и обязанностей участников уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Законодательно регламентированы полномочия суда в досудебном производстве при осуществлении судебного контроля за законностью применения мер принуждения и при производстве следственных действий. Законодательные формы приобрели и оперативно-розыскные мероприятия и их результаты. Возможные направления в исследовании и продолжении идей профессора А.В. Дулова могут быть следующие:

- 1) разработка тактики следственных действий, производимых с участием адвоката-защитника или адвоката-представителя потерпевшего;
- 2) разработка цифрового сопровождения тактических операций;
- 3) разработка этических правил и норм проведения тактических операций.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Из истории криминалистической экспертизы в России / А. В. Дулов, И. Ф. Крылов. – М.: Госюриздат, 1960. – 166 с.
2. Дулов, А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / А. В. Дулов; под ред. Д. С. Карева. – Мн.: ИМВССиПО БССР, 1962. – 408 с.
3. Судебная фотография / Под общ. ред. А. В. Дулова – Минск: Выш. школа, 1971. – 272 с.
4. Дулов, А. В. Тактика следственных действий / А. В. Дулов, П. Д. Нестеренко. – Минск: Выш. школа, 1971. – 272 с.
5. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов. – Минск: Университетское, 1985. – 168 с.
6. Дулов, А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии / А. В. Дулов. – М.: Юрид. лит., 1973 – 168 с.
7. Дулов, А. В. Тактические операции при расследовании преступлений – Минск: изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1979. – 128 с.

Набатова А. Э.

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, nabatova@gsu.by

Предлагается авторское видение понятия и содержания цифровой экосистемы криминалистики. В статье сформировано понятие, структура и содержание данной категории.

Ключевые слова: цифровизация; экосистема; цифровая экосистема криминалистики; цифровая связь; технологическая платформа.

Современный период развития науки и практики характеризуется сменой парадигм функционирования политических, экономических, социальных систем, когда на место традиционно устоявшимся взаимодействиям между этими системами приходят цифровые экосистемы со своей инфраструктурой, компонентным составом, технологиями. Указанные тенденции обусловлены проникновением в деятельность различных коммуницирующих субъектов взаимодействия цифровых технологий, сервисов, инструментов, основанных на внедрении технологических новшеств, развитии цифровизации и инноваций.

Понятие «экосистема» многоаспектно, имеет биологическую природу, и впервые было предложено английским ботаником А. Тенсли. Итак, экосистема – это любая пространственно определенная совокупность организмов разных видов и неорганических компонентов, в которой возможно осуществление круговорота веществ и превращения энергии [1, с. 299]. Экосистемы могут быть разнообразны по размерам, существовать на различных пространствах. Например, под камнями, в небольших водоемах или охватывать огромные территории – леса, пустыни, степи. Следует указать, что Земля представляет единую экосистему для всех проживающих на ней существ. В экосистемах формируются различные взаимодействия, они обладают определенными свойствами, многообразием. Однако, экосистема уже давно вышла за пределы биологической науки в плоскость философии, теории систем и экономической теории, став эффективным инструментом приращения научного знания.

В настоящее время, понятие «экосистема» включено в научный оборот для обозначения сложных эволюционирующих многоагентных систем, действующих одновременно в логике автономности и взаимосвязи. Не вдаваясь в серьезную методологическую дискуссию, рассмотрим некоторые определения. Так, Л. Берталанфи представляет экосистему как открытую, сложную, самоорганизующуюся, саморегулирующуюся и

саморазвивающуюся систему с входными и выходными потоками вещества и энергии [2, с. 33].

Заслуживает внимания парадигма экосистемного анализа экономики. Д. Мур, понимает под экосистемой сообщество, поддерживаемое базисом из взаимодействующих организаций и отдельных лиц [3]. Российский экономист Г.Б. Клейнер, считает, что экосистема – это локализованный в пространстве комплекс неконтролируемых иерархически организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, взаимодействующих между собой в ходе создания и обращения материальных и символических благ и ценностей, способных длительно и самостоятельно функционировать за счет кругооборота указанных благ и систем. По его мнению, «...понятие экосистемы носит синтетический характер и объединяет два различных смысла понятия системы. С точки зрения онтологии система представляет собой часть реальности, выделяемую исследователем (наблюдателем) для изучения или улучшения. С точки зрения гносеологии система представляет собой умозрительную модельную конструкцию, сформированную исследователем (наблюдателем) вне материальной онтологии, а именно в рамках мира идей, образов, концепций.». Как отмечает исследователь, в этом термине можно найти дуальность: объединение в корне «эко» как экологических, так и экономических аспектов социальной жизни [4, с. 6].

В последнее время экосистемный подход преобразовался в междисциплинарную категорию, которая используется в различных сферах. Через его призму рассматриваются не только биологические, экономические процессы, но и технологические циклы, управленческая и правоохранительная деятельность. Характерной особенностью перечисленных процессов и видов деятельности является насыщение их цифровыми технологиями, что неизбежно влечет активизацию исследований по построению цифровых экосистем в различных сферах научной и практической деятельности, которым посвящен широкий диапазон исследований. В научной литературе распространены публикации о цифровых экосистемах в различных сферах социальных и экономических отношений. Некоторые из них исследуют цифровую экосистему как инструмент научного познания [5, с. 20-36], разрабатывают цифровые экосистемы предприятий [6, с. 300-305], формируют цифровую экосистему Республики Беларусь [7, с. 14-17], предлагают цифровую экосистему адвокатуры [с. 8, с. 44-53].

Аналогичные тенденции наблюдаются в криминалистике. Широкий диапазон исследований посвящен цифровизации предварительного расследования и судебно-экспертной деятельности. Так, Ю.Н. Соколов в докторской диссертации рассматривает информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике (Екатеринбург, 2023 г.) [9],

Д.В. Бахтеев предлагает теорию криминалистического мышления и использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений (Екатеринбург, 2024 г.) [10], А.С. Яковлева исследует современные цифровые технологии в дактилоскопической регистрации (Москва, 2019 г.) [11], Ю.Л. Дяблова определяет тенденции по формированию цифровой криминалистики [12], А.Б. Смушкин рассматривает в своих публикациях вопросы цифровой трансформации криминалистики и ее разделов [13, 14], построению экосистемы предварительного расследования [15], А.В. Сухов, В.В. Конюшев прогнозируют построение цифровой экосистемы полиции [16], П.С. Пастухов исследует цифровые платформы как основу электронного документооборота в уголовном судопроизводстве [17].

Анализ научных исследований, посвященных цифровизации различных областей криминалистической науки и практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений свидетельствует о наличии предпосылок по формированию цифровой экосистемы криминалистики. Проведение подобных изысканий представляется весьма актуальным и своевременным. Во-первых, осмысление понятия и компонентного состава цифровой экосистемы криминалистики будет способствовать упорядочению научного знания и прикладного опыта в данной области. Во-вторых, проведение подобных исследований может стать началом для разработки частной криминалистической теории.

В рамках данной статьи представляется необходимым определить перспективные направления по построению цифровой экосистемы криминалистики. Таким образом, объектом исследования выступают закономерности поисково-познавательной деятельности в области проектирования и описания цифровой экосистемы криминалистики. Цель заключается в определении понятия и содержания цифровой экосистемы криминалистики на современном этапе. Для достижения поставленной цели предстоит решить следующие задачи:

- 1) сформировать понятие цифровой экосистемы криминалистики;
- 2) предложить элементы данной системы.

В качестве методов определим системный подход, анализ, синтез, логический метод, наблюдение, сравнение.

Итак, в научной литературе встречаются различные формулировки цифровой экосистемы. Определяя цифровую экосистему Республики Беларусь, исследователи считают, что это партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Республики Беларусь и граждан. По мнению других авторов, цифровая экосистема представляет собой:

1) свободные сети взаимодействующих организаций, которые имеют цифровую связь и поддерживаются модульностью, влияют и зависят от предложений друг друга;

2) совокупность взаимосвязанных и дополняющих друг друга цифровых сервисов, объединенных технологической платформой.

Как утверждают ученые, в качестве положительных сторон подобных экосистем можно назвать следующие: доступ к большому массиву возможностей; масштабирование информации и технологических процессов с большой скоростью; достаточная гибкость и устойчивость. Из проведенного анализа научной литературы можно вывести некоторые характеристики цифровых экосистем:

1) они различны по своему типу и приобретают специфику в зависимости от среды, в которой они выстраиваются (например, цифровая экосистема предприятия, цифровая экосистема адвокатуры, цифровая экосистема государства и др.) и задач, которым они служат;

2) могут быть незначительными по размерам и большими, причем небольшие экосистемы могут выступать частью больших, некоторые из них частично совпадают по достижению задач, для решения которых они проектируются;

3) могут являться глобальными (например, функционировать в масштабах всей страны – цифровая экосистема Республики Беларусь) и локальными (например, цифровая экосистема конкретного предприятия), функционирующими в конкретных сферах или занимать конкретную нишу (например, цифровая экосистема полиции).

Как отметил А.А. Карцхия, «...технологические платформы на принципах распределенного реестра (blockchain и др.), интернет вещей (Internet of things), искусственный интеллект и машинное обучение (artificial intelligence), облачные сервисы и вычисления (cloud computing), «умные» комплексы и устройства (smart everything), аналитические базы больших данных (big data), виртуальная и дополненная реальность (augmented & additive reality), условия кибербезопасности (cybersecurity), а также социальные сети и платформы (Telegram, Facebook, VK.), электронные сервисы, которые применяются в самых разнообразных областях человеческой деятельности, все – это создало новые условия, новый «технологический базис» для изменения традиционных правовых институтов и их адаптации к новым реалиям новой технологической «среды обитания» человечества – цифровой экосистемы.». [18, с. 25].

Таким образом, принимая во внимание существующие подходы к формированию цифровых экосистем, можно правомерно утверждать, что в современных условиях развития криминалистики есть все основания говорить о наметившихся контурах ее цифровой экосистемы. В качестве

предпосылок для научных исследований в данном направлении можно отметить следующие:

во-первых, большое количество разработок по использованию экосистемного подхода и цифровых технологий в различных сферах науки и практики;

во-вторых, нацеленность ученых-криминалистов на внедрение цифровой парадигмы в предмет криминалистики, о чем свидетельствуют научные публикации и диссертационные исследования последних лет;

в-третьих, все выше названное создает условия для определения понятия и содержания цифровой экосистемы криминалистики.

По нашему мнению, цифровую экосистему криминалистики можно представить как систему взаимодействующих между собой теоретико-правовых, прикладных, технологических элементов, имеющих между собой цифровую связь и объединенных в технологическую платформу.

Представленное нами понятие цифровой экосистемы криминалистики требует некоторых уточнений. Во-первых, оно носит перспективный характер, так как формирование устойчивых цифровых связей между ее элементами, создание цифровой платформы еще предстоит в будущем, по мере внедрения цифровых технологий в криминалистическую науку и практику по расследованию преступлений. Некоторые цифровые связи и платформы уже существуют (например, автоматизированные банки данных, информационные системы, которые используют органы уголовного преследования в своей деятельности) однако в большинстве своем они носят локальный характер и направлены на решение конкретных задач.

Во-вторых, определяя теоретико-правовой элемент, можно отметить наличие большого количества научных исследований, посвященных процессам цифровизации в различных сферах криминалистического знания, формирование частных теорий и отраслей (например, цифровая криминалистика). С точки зрения права в республике принято обширное законодательство (Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, Государственная программа ««Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», Указ Президента Республики Беларусь «О кибербезопасности» и др.), из чего неизбежно следует вывод о том, что процесс цифровизации необратим и далее будет набирать обороты.

В-третьих, прикладной элемент – это, прежде всего, деятельность уполномоченных субъектов по раскрытию и расследованию преступлений, основанную на криминалистических знаниях и применении законодательства. В настоящее время, данная деятельность насыщена цифровыми технологиями – от цифровой фотографии и видеозаписи до

использования специализированных программных продуктов, беспилотных летательных аппаратов, роботов.

Таким образом, технологический элемент цифровой экосистемы криминалистики можно представить как совокупность продуктов и технологий цифрового мира, научно-технических средств, которые используются в раскрытии и расследовании преступлений, повышают эффективность оперативно-розыскной, следственной и экспертной деятельности. Учитывая тот факт, что цифровые технологии уже активно используются в криминалистике, мы наблюдаем цифровую трансформацию ее предмета, что неизбежно влечет качественные изменения практической деятельности. Иными словами, реализуется диалектический принцип перехода количества изменений в качество явления.

Подытоживая сказанное, представляется логичным уточнить содержательный аспект цифровой экосистемы криминалистики. Итак, она представляет собой систему открытого типа, так как находится во взаимодействии с иными системами, обогащающими ее и позволяющими развиваться. Это, прежде всего, системы: близкие для криминалистики как науки и прикладной дисциплины (право в целом, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность и т.д.); преобразующие криминалистику в цифровую экосистему (IT-технологии, физика, математика, биология, химия, материаловедение, механика, экономическая теория и т.д.). Таким образом, данная система обладает всеми признаками междисциплинарности и может рассматриваться как межнаучная система, возникшая в результате взаимного проникновения гуманитарных и естественных наук.

Цифровая экосистема криминалистики представлена нами триадической структурой, состоящей из теоретико-правового, прикладного, технологического элементов, которые могут рассматриваться как самостоятельные подсистемы. Системообразующим фактором для них является криминалистика, так как именно для совершенствования ее предмета возникла необходимость осмысления данных научных категорий.

Теоретико-прикладное взаимодействие указанных элементов будет осуществляться посредством использования уже существующих и формирования новых цифровых связей, которые, впоследствии, будут объединены в технологические платформы, основанные на цифровых технологиях (например, распределенный реестр (blockchain и др.), искусственный интеллект и машинное обучение (artificial intelligence), облачные сервисы и вычисления (cloud computing), «умные» комплексы и устройства (smart everything), аналитические базы больших данных (big data), виртуальная и дополненная реальность (augmented & additive reality), условия кибербезопасности (cybersecurity) и др.), использование которых позволит усовершенствовать знания, навыки, умения уполномоченных

субъектов, облегчит аналитическую работу и принятие ими управленческих решений, преобразует аналоговые носители в цифровые, существенно упростит проведение оперативно-розыскных, следственных и процессуальных действий.

Таким образом, синтезируя изложенные положения, представляется необходимым сделать некоторые выводы:

1. Концептуальное обогащение для криминалистической науки имеет предложенное нами определение цифровой экосистемы криминалистики, под которой следует понимать систему взаимодействующих между собой теоретико-правовых, прикладных, технологических элементов, имеющих между собой цифровую связь и объединенных в технологическую платформу.

2. Кроме того, исходными характеристиками цифровой экосистемы криминалистики являются следующие: это междисциплинарная, межнаучная система открытого типа, возникшая из взаимодействия гуманитарных и естественных наук благодаря процессам цифровизации; системаобразующим фактором для нее является криминалистика; она имеет триадическую структуру, состоящую из теоретико-правового, прикладного, технологического элементов; ключевыми категориями для системы являются цифровая связь, технологическая платформа.

3. Особо обратим внимание на то, что в статье предложен авторский подход к определению понятия и содержания цифровой экосистемы криминалистики. Безусловно, он не лишен дискуссионных моментов, однако, при должной последующей разработке может вполне стать новым научным направлением для проведения исследований на уровне кандидатских и докторских диссертаций, активизировать прикладные разработки по формированию технологических платформ.

Библиографический список

1. Tansley, A. G. The use and abuse of vegetational concepts and terms / A. G. Tansley // *Ecology*. 1935. – Vol. 16. – № 3. – P. 284–307.

2. Берталанфи Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. Берталанфи // *Системные исследования*. – М.: Наука, 1969. – С. 30–54.

3. Moore, J. F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition, *Harvard business review* / J. F. Moore. – Mode of access: available at: https://www.researchgate.net/publication/13172133_Predators_and_Prey_A_New_Ecology_of_Competition. – Date of access: 06.09.2024.

4. Клейнер, Г. Б. Социально-экономические экосистемы в контексте дуального пространственно-временного анализа / Г. Б. Клейнер // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2018. – № 5. – Том 5. – С. 5-13.

5. Попов, Е. В. Тория экосистемного анализа / Е. В. Попов, Р. А. Долженко, В. Л. Симонова // Вопросы управления. – 2021. – № 6 (73). – С. 20-36.
6. Сердюков, Р. Д. сущность и структурные компоненты цифровой экосистемы промышленного предприятия / Р. Д. Сердюков // Международный журнал. Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – №29 (3). – С. 300-305.
7. Кондратенко, С. А. Цифровая экосистема Республики Беларусь / С. А. Кондратенко, Т. Р. Узденов // Банки и финансы в условиях цифровизации экономики: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 1 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] / редкол.: В. М. Пашкевич (гл. ред.) [и др.]. – Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2019. – С. 14-17.
8. Гаврилов, С. Н. Формирование понятийно-терминологической основы информационной (цифровой) экосистемы адвокатуры / С. Н. Гаврилов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина.– 2020. – № 11 (75). – С. 44-53.
9. Соколов, Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук / Ю. Н. Соколов. – Екатеринбург, 2023. – 440 с.
10. Бахтеев, Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... докт. юрид. наук / Д. В. Бахтеев. – Екатеринбург, 2022. – 504 с.
11. Яковлева, А. С. Современные информационные технологии в дактилоскопической регистрации: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. С. Яковлева. – М., 2019. – 203 с.
12. Дяблова, Ю. Л. Цифровая криминалистика – будущее науки или тренд современности? / Ю. Л. Дяблова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 85-93.
13. Смушкин, А. Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность / А. Б. Смушкин // Вестник СПбГУ. Право. – 2023. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 90-107.
14. Смушкин, А. Б. Цифровая трансформация криминалистики. Часть 2 (цифровая трансформация организации расследования преступлений, криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений) / А. Б. Смушкин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2 (151). – С. 272-278.
15. Смушкин, А. Б. Экосистема предварительного расследования / А. Б. Смушкин //Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 7. (152) – С. 143-158.

16. Сухов, А. В. Цифровая полиция как эргатическая система, функционирующая в цифровой экосистеме / А. В. Сухов, В. В. Конюшев // Правовая информатика. – 2021. – № 2. – С. 28-39.

17. Пастухов, П. С. Цифровые платформы как основа электронного документооборота в уголовном судопроизводстве / П. С. Пастухов // Пермский юридический альманах. – 2023. – №6. – С. 521-540.

18. Карцхия, А. А. Цифровая трансформация права / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2019. – №1 (30). – С. 25-29.

Олейник В. В.

**РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ
И В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ (ПО ОПЫТУ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ)**

УО «Военная академия Республики Беларусь»,
пр-т Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь,
vadzim.alejnik@gmail.com

Исследуются особенности расследования преступлений органами военной юстиции, действовавшими на территории Беларуси в конце XIX – начале XX вв., в военное время и в боевой обстановке.

Ключевые слова: органы военной юстиции; военное время; боевая обстановка; преступления военнослужащих.

Совершение лицами, на которых распространяется статус военнослужащих, преступлений в военное время и в боевой обстановке сопровождает любой военный конфликт практически на всем протяжении нашей тысячелетней истории. По территории современной Республики Беларусь в течение последних полутора веков прокатились две мировых войны, а также ряд других вооруженных конфликтов, как внутренних, так и международных. Помимо этого, правовой режим военного положения на белорусских землях объявлялся и в мирное время, в том числе в ходе революционных выступлений 1905–1907 годов [1, с. 97].

Кроме того, военнослужащие воинских частей и соединений, дислоцировавшихся в белорусских губерниях в XIX в. и начале XX в., принимали участие и в других войнах, которые вела Российская империя. Некоторые из этих солдат и офицеров совершали преступления в период фактического нахождения государства в состоянии войны (т.е. в военное время), либо при нахождении воинской части или подразделения в момент непосредственного соприкосновения с противником (т.е. в боевой обстановке).

Складывающаяся сегодня вокруг Беларуси сложная военно-политическая обстановка, которая, как указано в утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 г. № 6 Военной доктрине Республики Беларусь, повышает вероятность прямого военного столкновения между субъектами международных отношений, что может привести к развязыванию войны с участием большинства государств планеты, в том числе с применением оружия массового уничтожения, требует приведения всей системы органов военной юстиции нашей страны в состояние высокой готовности к выполнению задач по предназначению в военное время.

Однако, в связи с ликвидацией в 2014 году военных судов и военных прокуратур, а также военно-следственных подразделений, остается не решенной проблема уголовного преследования военнослужащих Республики Беларусь в период вооруженных конфликтов, в первую очередь в аспектах разделения подследственности и подсудности уголовных дел в отношении указанных лиц, и надлежащего расследования и рассмотрения таких дел с учетом ограниченных сроков, обусловленных реалиями военного времени.

Вместе с тем, в белорусской юридической науке до настоящего времени не только не разработан вопрос об особенностях расследования преступлений в боевой обстановке, но и отсутствует правовая база по организации деятельности органов военной юстиции в военное время. Обобщение опыта работы военной юристов в годы Великой Отечественной войны, производившееся в советское время [2], к сожалению, не имеет продолжения в современных научных исследованиях отечественных ученых, а разработки российских юристов в области военно-полевой криминалистики почти не известны широкому кругу практических работников нашей страны.

Как указывает российский военный юрист С. В. Маликов, «боевая обстановка выступает как совокупность условий, складывающихся в районе боевых действий, в которых в данный момент осуществляется расследование преступлений, т.е. та фактическая (объективная) обстановка, в которой протекает процесс доказывания» [3, с. 22]. В свою очередь, военное время определяется С. В. Маликовым как «период фактического нахождения государства в состоянии войны с другим государством или группой государств, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, а в случае их продолжения после объявленного срока – не ранее их фактического прекращения» [3, с. 17].

Уголовная ответственность за совершение преступлений против воинской службы (ранее назывались воинскими преступлениями) предусматривалась нормами законодательства, действовавшего на территории Беларуси, начиная со Статутов Великого княжества Литовского и Устава военно-уголовного 1839 года, а затем от Устава военно-судебного 1867 г. до Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Расследованием соответствующих преступлений вплоть до середины XIX века в Русской императорской армии занимались полковые аудиторы, на которых возлагались обязанности следователей, либо военно-следственные комиссии [4, с. 36]. Вместе с тем, российский исследователь Я. Н. Ермолович считает, что до середины XIX века «предварительного следствия как стадии уголовного процесса практически не существовало» [4, с. 39].

Поскольку охватить весь 150-летний отрезок времени в краткой публикации не представляется возможным, остановимся на интересующих нас аспектах деятельности органов военной юстиции в пореформенный период. После проведения военно-судебной реформы 1867 года, с созданием на землях белорусских губерний профессиональных органов военной юстиции, представленных Виленским военно-окружным судом (далее – ВОС), в состав которого входили военные следователи, на последних было возложено осуществление предварительного расследования по уголовным делам в отношении военнослужащих.

Также, дознание в воинских частях в этот период производилось специально назначенными командованием строевыми офицерами, которые, однако, не имели, как правило, юридического образования и необходимого опыта в данном виде деятельности. В связи с этим, стадия дознания имела свои процессуальные особенности, регламентированные соответствующими правовыми нормами, о которых будет сказано ниже.

В отличие от следователей судебных, учрежденных в Российской империи на основании именного указа Александра II от 8 июня 1860 г. [5, с. 20], военные следователи в своей повседневной деятельности руководствовались требованиями утвержденного 15 мая 1867 г. Устава военно-судебного (далее – УВС), который позже был включен в книгу XXIV части шестой Свода военных постановлений 1869 года. К началу XX века порядок предварительного следствия определялся отделением третьей главы третьей (о предварительном производстве) второго раздела (о порядке производства дел в военных судах) книги второй (порядок производства в судах военного ведомства) УВС (статьи 335–561) [6, с. 153–182]. Дознание по уголовным делам, в свою очередь, регламентировалось отделением вторым третьей главы второго раздела книги второй УВС (статьи 312–334) [6, с. 148–153].

Как указывал дореволюционный исследователь В. А. Соболевский, «о делах подсудных полковому суду следствия никогда не производятся, ограничиваются простым дознанием, эти последние преступления по важности своей те же, что и посудные мировому суду, а известно, что дела, разрешаемые мировыми судьями, предварительных следствий не требуют» [7, с. 271].

Анализ архивных уголовных дел позволил нам выявить следующие основные особенности расследования органами военной юстиции уголовных дел в исследуемый период: подследственность определялась УВС; дознание производилось по предписанию полкового командира, путем устных опросов, осмотров и личного наблюдения, а его результаты оформлялись рапортом (актом), который подписывался лицом, проводившим дознание. В некоторых установленных законом случаях предварительное следствие по уголовным делам военными следователями

не производилось, и по окончании дознания военнослужащие предавались суду (полковому или военно-окружному).

Помимо этого, основным следственным действием являлись допросы, в протоколах которых могли содержаться показания нескольких допрошенных лиц (свидетелей, обвиняемых). В уголовном процессе применялись специальные познания, однако криминалистические экспертизы не назначались и не проводились. В качестве меры пресечения к военнослужащим применялась, в основном, отдача под надзор военного начальства, что часто способствовало допущению фактов дезертирства обвиняемых. Квалификация преступления осуществлялась чинами военно-прокурорского надзора, а не военными следователями; обязанности следователей могли при необходимости выполнять кандидаты на данные должности [8, с. 96-97].

Кроме того, отделение третье (о предварительном следствии) раздела четвертого (о суде в военное время) УВС (статьи 1335–1352) устанавливало особенности расследования уголовных дел в военное время [6, с. 285–287]. Положениями данных статей УВС определялись отдельные изъятия из общих оснований производства предварительного следствия «в районе театра войны». Основные из них касались ускорения процесса расследования преступлений, а также передачи полномочий военного следователя в строго оговоренных случаях военной полиции или военному начальству, что было обусловлено физической невозможностью выполнения всех возложенных на военного юриста функций на обширном пространстве расположения воинских частей в ходе боевых действий.

Так, например, примечанием к статье 1338 УВС предусматривалось, что военный следователь лично выезжает для производства осмотра, освидетельствования, обыска и выемки только в места, находящиеся на расстоянии не более 100 верст (или 106 км) по железным и 30 верст (или 32 км) по всем прочим дорогам, «на более же далекие расстояния – лишь в случае безусловной в том надобности, о чем должно быть составлено им мотивированное постановление» [6, с. 285–286]. Также, в статье 1341 УВС указывалось, что «акт осмотра, или свидетельство (ст. 413), передается от врача военному следователю немедленно по освидетельствованию и никак не позже следующего дня» [6, с. 286], вместо трех суток в мирное время.

В свою очередь, статьи 1345 и 1346 УВС устанавливали, что «к допросу вызываются только те свидетели, которые имеют пребывание в месте производства следствия. Свидетели, не находящиеся в месте производства следствия, допрашиваются в местах их пребывания или непосредственно производящим следствие, или по сообщаемым от него вопросным пунктам: военнослужащие – через их начальство, а прочие – через военную полицию или местное начальство» [6, с. 286–287].

Что касается производства дознания в военное время, то статьями 1332–1334 отделения второго раздела четвертого УВС определялось, что к законным поводам для возбуждения уголовного дела относятся дополнительно донесения чинов военной полиции, на которых военными начальниками также может возлагаться производство дознания. Кроме того, в случае отсутствия оснований для производства предварительного расследования, по окончании дознания военный начальник должен был своим приказом предать обвиняемого соответствующему суду, либо представить дознание тому начальнику, от которого это решение зависело [6, с. 285].

Вышеизложенные нормы законодательства применялись не сами по себе, а конкретными людьми. На момент начала Первой мировой войны в органах военной юстиции на территории современной Беларуси проходили службу военные следователи полковники С. А. Акулов (на военно-следственном участке в г. Минске с 1908 года, позже был военным следователем Двинского военного округа), Г. А. Бориславский (переведен с должности помощника военного прокурора Виленского ВОС в 1912 году, позже был военным следователем 3-го армейского корпуса) и В. И. Энглер (в должности с 16 апреля 1912 г.); подполковники С. В. Лахтионов (в должности с 1913 года, позже был военным следователем Двинского военного округа; участник Первой мировой войны, умер в г. Витебске 16 февраля 1916 г.), И. И. Сниткин (в должности на 2-м военно-следственном участке с 1913 года) и барон Ф. Г. Энгельгардт (в должности с 1913 года; участник Первой мировой войны, выбыл по болезни из военно-судебного ведомства 22 февраля 1916 г.), а также капитан Л. Дукшт-Дукшинский (в должности с 1913 года, участник Первой мировой войны; кавалер орденов Святой Анны 2 и 3-й степеней, Святого Станислава 2-й степени) [9, с. 107].

После упразднения в июле 1914 года Виленского военного округа, преобразованного в Двинский военный округ со штабом в современном г. Даугавпилс (Латвия), а также в связи с передислокацией штаба упраздненного тогда же Варшавского военного округа в г. Минск и созданием Минского военного округа на театре военных действий, вышеназванные военнослужащие, а также другие военные юристы, в том числе призванные по мобилизации из запаса в действующую армию, осуществляли на белорусских землях предварительное расследование по уголовным делам не только в отношении офицеров, нижних чинов и военных чиновников, но и в отношении гражданских лиц, совершавших преступления в прифронтовой полосе.

Об этом свидетельствуют документы Национального исторического архива Беларуси (далее – НИАБ), находящиеся на хранении в фондах: «Военный следователь 3-го участка Минского военного округа на театре

военных действий, город Минск Минского уезда Минской губернии», «Минский военно-окружной суд при главном начальнике Минского военного округа, город Минск, с 1915 года Смоленск Смоленского уезда Смоленской губернии» и «Витебский военный прокурор соединенного суда корпусов 5-й армии Военного министерства, город Витебск Витебского уезда Витебской губернии».

Проведенным нами исследованием указанных архивных фондов установлено, что расследование преступлений в военное время и в боевой обстановке в исследуемый период имело свои особенности, касающиеся как кадрового состава органов военной юстиции, так и условий, при которых им приходилось осуществлять свою деятельность. Так, в период Первой мировой войны, особенно на завершающем ее этапе, обязанности военных следователей, должности которых в мирное время занимали старшие офицеры, прошедшие обучение в Военно-юридической академии, в действующей армии нередко исполняли лица, получившие в военное время первое воинское звание офицерского состава «прапорщик» и не имевшие опыта военно-юридической службы.

К примеру, предварительное следствие по уголовным делам «о пропаже винтовки и двух шашек с интендантской двуколки драгуна 16-го драгунского Тверского полка, прикомандированного к Штабу Кавказской кавалерийской дивизии Якова Баранова» [10] и «о краже 4-х винтовок в 1-м эскадроне стрелкового полка Кавказской кавалерийской дивизии рядовым того же полка Микужесем» [11] производилось в августе 1917 года исполняющим должность военного следователя 3-го участка Минского военного округа на театре военных действий прапорщиком Русановым.

В то же время, по некоторым изученным нами уголовным делам предварительное расследование не проводилось вовсе, и по окончании дознания они на основании статьи 1334 УВС по предложению военного прокурора передавались в военный суд. Таковы, например, уголовные дела «о рядовом 152-го пехотного Владикавказского полка Августе Юраке» [12], «о рядовом 212-го пехотного Романовского полка Осипе Желтове» [13] и «о младшем унтер-офицере 69-го пехотного Рязанского полка Василии Капралове и старшем унтер-офицере автомобильной части штаба 5-й армии Афанасии Архипове» [14], рассмотренные Общим (Соединенным) Судом корпусов 5-й армии в 1915–1917 годах.

Поскольку «по дознаниям о преступлениях и проступках, относящихся до нарушения обязанностей военной службы, совершенных военными служащими без участия лиц гражданского ведомства и подсудных военно-окружному суду, в тех случаях, когда дело разъяснено с достаточной полнотой и преступление является настолько очевидным, что нет надобности в производстве предварительного следствия» [6, с. 152],

согласно статье 334 УВС, военный начальник по рассмотрению дознания должен был предавать обвиняемого суду, в связи с чем, например, военным следователем 3-го армейского корпуса полковником Бориславским поступившее к нему для расследования уголовное дело «о рядовом 292-го пехотного Малоархангельского полка Александре Ставовском» [15] по обвинению последнего в дезертирстве к своему производству принято не было, а дознание возвращено командиру полка для направления в военный суд.

Необходимо добавить, что, несмотря на применение к обвиняемому по данному уголовному делу «меры пресечения способов уклоняться от следствия и суда» в виде ареста с содержанием на гауптвахте, «фактическое отбытие наказания» по приговору Общего Суда корпусов 5-й армии в отношении указанного военнослужащего откладывалось «до окончания войны» [15, л.д. 20], что характерно для большинства изученных нами дел, расследованных в период Первой мировой войны.

В целом же, расследование уголовных дел в военное время и в боевой обстановке в исследуемый период характеризовалось достаточно высокой оперативностью, без упрощения процессуальных гарантий законности, чему способствовало также принятие соответствующих руководящих документов, к примеру, постановления Временного Правительства о производстве дел в корпусных и военно-окружных судах, объявленного в приказе по Военному Ведомству 1917 года № 336 [11, л.д. 5]. Это было и остается тем более важно, что, как указывал советский военный юрист П. Ф. Пашкевич, «быстрота в любых условиях играет первостепенную роль в обеспечении эффективности судопроизводства, неотвратимости и справедливости наказания. Что же касается военного времени, то ее роль неизмеримо возрастает. В условиях войны медлительность и волокита совершенно нетерпимы» [2, с. 146].

Таким образом, опыт работы дореволюционных органов военной юстиции на белорусских землях в конце XIX – начале XX веков, успешно осуществляемой ими как в мирное, так и в военное время, был в дальнейшем плодотворно применен уже в советский период, в том числе и в ходе Великой Отечественной войны, 80-летие Победы в которой наша страна будет отмечать в следующем году. Это наследие, как нам представляется, можно и нужно использовать на современном этапе развития отечественного следствия, для совершенствования деятельности должностных лиц по предупреждению и пресечению правонарушений в Вооруженных Силах и других войсках и воинских формированиях, а также дальнейшего укрепления правопорядка и поддержания высокой воинской дисциплины в воинских частях и соединениях армии независимой Беларуси.

Библиографический список

1. Голунский, С. А. Военные суды и военная прокуратура : учебник по специальной части курса судоустройства / С. А. Голунский, Д. С. Карев. – М.: Типография ВЮА Красной Армии, 1940. – 220 с.
2. Опыт работы органов военной юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время: Методические рекомендации. – М., 1975. – 155 с.
3. Маликов, С. В. Военно-полевая криминалистика / С. В. Маликов. – М.: «За права военнослужащих», 2008. – Вып. 86. – 512 с.
4. Ермолович, Я. Н. Развитие военного уголовно-процессуального законодательства в Российской империи (1716–1917 годы) / Я. Н. Ермолович // Вестник военного права. – 2017. – № 2. – С. 35–46.
5. Лавдаренко, Л. И. Учреждение органа предварительного следствия в результате судебной реформы 1860–1864 гг. / Л. И. Лавдаренко // Глаголь правосудия. – 2014. – № 2 (8). – С. 17–24.
6. Свод Военных Постановлений 1869 года. Часть шестая: офиц. текст. – 3-е изд. – С.-Пб., 1900. – 312 с.
7. Соболевский, В. А. Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование / В. А. Соболевский. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1882. – 627 с.
8. Олейник, В. В. Особенности расследования уголовных дел в отношении военнослужащих Русской императорской армии в начале XX века / В. В. Олейник // Предварительное расследование. – 2021. – № 1 (9). – С. 92–97.
9. Памятная книжка Виленской губернии. 1914 год. Издание Виленского Губернского Статистического Комитета, под редакцией Секретаря Комитета П. А. фон-Вонгааза. – Вильна: Губернская типография, 1914. – 239 с.
10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1366. – Оп. 1. – Д. 1.
11. НИАБ. – Фонд 1366. – Оп. 1. – Д. 2.
12. НИАБ. – Фонд 2525. – Оп. 1. – Д. 12.
13. НИАБ. – Фонд 2525. – Оп. 1. – Д. 81.
14. НИАБ. – Фонд 2525. – Оп. 1. – Д. 97.
15. НИАБ. – Фонд 2525. – Оп. 1. – Д. 3.

Орехова Е. П., Клишевич Е. А.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ: ПО СТРАНИЦАМ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Рассматривается история развития судебного почерковедения на протяжении второй половины XIX века через призму научных трудов профессора А.В. Дулова. Упоминается вклад в историю судебного почерковедения Е.Ф. Буринского, который активно исследовался А.В. Дуловым, совместно с И.Ф. Крыловым.

Ключевые слова: судебное почерковедение; история судебной экспертизы; экспертиза документов.

Профессор Андрей Васильевич Дулов значительную часть своей жизни посвятил развитию криминалистической науки, судебной экспертизы, юридической этики и психологии. Он обладал неординарным складом ума – умел предугадывать развитие научной мысли на несколько лет, а то и десятилетий вперед. Еще в середине XX столетия он предложил новые подходы к анализу и правовому регулированию судебной экспертизы, которые актуальны и по сей день. [1, с. 197].

По судебной экспертизе в 1955 году Андрей Васильевич успешно защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук по теме «Экспертиза на предварительном следствии» [2], а в 1963 г. – диссертацию на соискание степени доктора юридических наук на тему «Процессуальные проблемы судебной экспертизы» [3]. Кроме диссертаций А.В. Дуловым проведены два крупных монографических исследования, по результатам которых изданы монографии «Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе» (1959 г.) [4] и «Права и обязанности участников судебной экспертизы» (1962 г.) [5]. Он определял судебную экспертизу как деятельность специалистов различных отраслей науки, протекающую в определенных процессуальных границах, по исследованию конкретных обстоятельств дела с целью получения от них заключения, содержащего новые доказательственные факты, расширяющие познания следствия и суда об этих обстоятельствах и доказывающие их [5, с. 4-5].

Несмотря на то, что основное внимание он уделял глобальным проблемам судебной экспертизы, он также занимался исследованием более узких направлений судебно-экспертной деятельности, в том числе и судебной почерковедческой экспертизой, рассмотрев историю ее развития в 19 веке. Совместно с И.Ф. Крыловым Андрей Васильевич подготовил и

опубликовал значительный научный труд «Из истории криминалистической экспертизы в России» (1960 г.) [6], в котором было уделено внимание и развитию почерковедческой экспертизы, а именно этапу становления судебного почерковедения в России.

А.В. Дулов и И.Ф. Крылов указывали, что исследование почерка осуществлялось в рамках проведения экспертизы документов, то есть экспертиза почерка была подвидом экспертизы документов. Экспертизы почерка проводились секретарями присутственных мест, учителями чистописания, рисования и черчения [6, с. 30].

Со вступление в силу Устава уголовного судопроизводства 1864 г. поменялась форма судебной экспертизы. Если раньше суд получал заключения эксперта от различных учреждений и в большинстве случаев не знал, кто именно проводил исследование, то теперь эксперт должен был давать заключение лично, в гласном процессе, не только перед судом, но и перед сторонами. В соответствии с этим значительно расширился круг лиц, привлекаемых к проведению экспертизы (это могли быть как работники учреждений, так и частные лица, обладающие специальными знаниями, необходимыми для проведения исследования) [6, с. 30-31]. Циркуляр Министерства юстиции от 23 ноября 1878 г. № 19559 предписывал, что при необходимости сличения подписей и почерков судебные следователи могут обращаться к учителями чистописания, рисования и черчения, должностным и частным лицам, как то: делопроизводителям, секретарям, столоначальникам, содержащим типографий и литографий, чинам полицейского управления, которые в силу долговременных занятий своим предметом, с одной стороны, могут считаться вполне сведущими в деле сличения почерков лицами, а с другой, по самой численности представляемого ими контингента в состоянии являться в суд без чувствительного ущерба к прямым своим обязанностям и занятиям [6, с. 32].

Однако преступники расширяли способы подлога документов, в том числе и подделки почерка. При подделке подписей начали употреблять предварительную обводку карандашом, смазывание изнанки копируемого документа углем, стали использовать литографию и фотографию. Это вызвало необходимость развития научных знаний в судебной почерковедческой экспертизе.

Огромный вклад в развитие почерковедения внес российский ученый криминалист Е.Ф. Буринский. В единственной в России монографии по судебной экспертизе документов, изданной в 1903 году, он писал «если такая уверенность не есть исконное заблуждение, но, действительно, каждый из нас неразрывно связан со своим почерком, то уже одно это должно служить достаточным основанием для включения науки о

почерках в круг знаний, имеющих предметом исследования природу человека» [7, с. 177].

Е.Ф. Буринский заложил основы судебного почерковедения в России и именно ему принадлежит наименование данной отрасли знания – «судебное почерковедение». В своих исследованиях он опирался в первую очередь на другие науки, анализируя и систематизируя их, такие как медицина, психология, психиатрия, анатомия, физиология. Обращал внимание на врачебно-диагностическое значение почерка. «Почерковедение, – по мнению Е.Ф. Буринского, – имеет все данные, чтобы сделаться точной наукой, потому что материал, с которым она оперирует, поддается измерению, а исследуемые ею явления – правильному наблюдению и эксперименту». Он надеялся, «что и в области почерковедения измерение и математика откроют нам постоянные законы и поставят эту отрасль знания в ряд точных наук» [7, с. 207-208].

А.В. Дулов и И.Ф. Крылов приводят пример заключения Е.Ф. Буринского по подделке почерка обвиняемого Богомолова, которое составлено по результатам проведения исследования почерка с помощью фотографирования и увеличения букв [6, с. 138-140].

Таким образом, можно сказать, что в трудах Е.Ф. Буринского была заложена та научная основа судебного почерковедения, которая позволяет прогнозировать дальнейшее его развитие. Однако стоит заметить, что в царской России взгляды Е.В. Буринского в области судебного почерковедения не получили дальнейшего развития, так как в качестве экспертов по-прежнему приглашались учителя чистописания, а также секретари различных учреждений.

В целом стоит отметить, что многогранная деятельность профессора А. В. Дулова была проникнута заботой о развитии криминалистической науки и подготовкой мыслящих и всесторонне развитых специалистов в области права. Он создал новые направления в криминалистике, развил передовые теории и концепции, чем заслуженно приобрел научный авторитет и всеобщее признание как новатор, реформатор криминалистической науки [8].

На основании изложенного можно сделать вывод, что А.В. Дулов в соавторстве с И.Ф. Крыловым описали первый этап в истории становления и развития судебного почерковедения, обосновав необходимость научных обоснований в этой сложной, но столь необходимой для установления объективной истины по делу экспертизы.

Библиографический список

1. Мороз, И. А. Вклад профессора Андрея Васильевича Дулова в становление и развитие теории судебной экспертизы / И. А. Мороз, Е. П. Орехова // Концептуальные основы современной криминалистики:

теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 197-200.

2. Дулов, А. В. Экспертиза на предварительном следствии в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Дулов ; Ленингр. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1955. – 15 с.

3. Дулов А. В. Процессуальные проблемы судебной экспертизы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Дулов. – М., 1963. – 24 с.

4. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск: изд-во БГУ, 1959. – 188 с.

5. Дулов, А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / А. В. Дулов; под ред. Д. С. Карева. – Минск: ИМВССиПО БССР, 1962. – 408 с.

6. Дулов, А. В. Из истории криминалистической экспертизы в России / А. В. Дулов, И. Ф. Крылов. – М.: Госюриздат, 1960. – 166 с.

7. Буринский, Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею : пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов / Е. Ф. Буринский. – СПб : тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. – VI. – 352 с.

8. Шумак, Г. А. Светлой памяти профессора Андрея Васильевича Дулова / Г. А. Шумак, Е. П. Орехова, В. Л. Григорович / Вестник криминалистики. – 2019. – № 1 (69). – С. 105-116.

Орехова Е. П., Кухарьков Ю. В.

**ВКЛАД ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА
В МЕТОДОЛОГИЮ ПРЕПОДАВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ**

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

Рассмотрены основные положения трудов ученого, доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова, касающиеся методологии обучения криминалистике. Подчеркнуто, что Андрей Васильевич не только создал научную школу криминалистики, но также сформировал методы преподавания, которые являются залогом эффективного обучения студентов.

Ключевые слова: криминалистическая наука; криминалистика; образование; методы обучения.

21 октября 2024 г. свое 100-летие отметил бы выдающий ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь Андрей Васильевич Дулов.

А.В. Дулов является основателем кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета. Его труды посвящены многим направлениям по юридическим наукам, в том числе это были исследования изыскания по научным проблемам криминалистики. При этом значительное внимание уделялось вопросам преподавания этой науки при получении юридического образования, приемам и способам, которые возможно использовать для подготовки высококвалифицированных юристов.

В 1955 г. А.В. Дулов совместно с И.Ф. Крыловым разработали рекомендации подготовки дипломных работ для студентов, которые распределялись как эксперты-криминалисты для последующей трудовой деятельности в судебно-экспертных учреждениях (так называемое «целевое распределение») [1]. В статье был описан опыт выбора и утверждения тем дипломных работ, связанных с местом прохождения преддипломной практики. Помимо прочего, был сделан вывод о том, что такой подход может оказать серьезную помощь в обобщении практического опыта по вопросам криминалистических экспертиз для научных исследований.

В 1967 г. вышла в свет статья профессора А.В. Дулова, в которой обсуждались вопросы повышения качества преподавания криминалистики. Ученый отмечал, что применение технических средств программирования может решить задачу при необходимости передачи большей информации в более короткое время [2, с. 1]. Именно поэтому в Белорусском государственном университете было принято решение издать сборник

научных трудов «Опыт применения технических средств программированного обучения на занятиях по криминалистике», в которых излагались основные направления применения технических средств программированного обучения с учетом имеющегося опыта.

Вместе с тем, оценивая возможности применения средств программированного обучения, профессор А.В. Дулов отмечал, что применение таких средств «... совершенно не означает, что весь процесс обучения уже должен проводиться только при помощи этих технических средств. Они не только не отменяют, но и обязательно предполагают сохранение и других традиционных средств обучения»; а также «Технические средства программированного обучения очень умело должны совмещаться при преподавании криминалистики с практическими занятиями по овладению практическими навыками применения технических и тактических средств криминалистики» [2, с. 3].

По факту, А.В. Дуловым почти 50 лет назад был заложен фундамент применения компьютерно-технических средств при преподавании криминалистики и их сочетания с традиционными методами обучения. Несмотря на то, что в то время технические средства были не столь развиты, как в современных условиях, однако уже тогда было предложено, каким образом и в каких направлениях могут использоваться компьютерные программы в образовании в целом.

Следует отметить, что в процессе развития разработок А.В. Дулова, к настоящему времени спектр применения программных комплексов значительно расширился и активно применяется на занятиях по криминалистике. С помощью компьютерного моделирования студентами изучаются некоторые криминалистические объекты, познаются особенности применения тех или иных криминалистических приемов, способов и средств. Однако компьютер не может, да и не должен заменять преподавателя и традиционные методы преподавания, поскольку человеческое общение в аудитории (т.е. непосредственный диалог между преподавателем и студентами) позволяет лучше понимать, усваивать и запоминать информацию. Компьютеры являются лишь хорошими помощниками педагога при транслировании необходимых для студентов знаний по криминалистике и не заменяют преподавателя. И вместе с тем, как правильно предсказал профессор А.В. Дулов, «технические средства программированного обучения станут действительно непременным условием обучения высококвалифицированных, опытных, тренированных следственных работников» [2, с. 5].

В 1975 году на научно-методической конференции, посвященной вопросам организации учебного процесса и самостоятельной работы студентов, А.В. Дулов сделал доклад о роли эксперимента при проведении занятий по криминалистике [3]. Необходимость использования метода

эксперимента в преподавании криминалистики обосновывалась тем, что практическая деятельность будущих оперативных работников и следователей в значительной степени будет складываться из решения проблемных ситуаций в ходе дознания, и предварительного расследования. Как указывал профессор, «разработке практического применения системы экспериментов должен предшествовать процесс выявления:

- 1) всей суммы знаний, которые должны быть усвоены;
- 2) полного комплекса тех задач, которые необходимо будет решать в процессе практической деятельности;
- 3) прогнозирование вопросов, которые должны возникнуть у студентов при усвоении теоретического курса» [3, с. 133].

Для чтения лекций эксперимент должен использоваться для воспроизведения творческих процессов становления науки и развития практической деятельности [3, с. 134]. А.В. Дулов отмечал, что на лекции могут демонстрироваться эксперименты непосредственные и записанные на киноплёнку.

Следует отметить, что в настоящее время активное внедрение компьютерных комплексов в образование позволяет снимать видео (в том числе, самими студентами при проведении занятия) и демонстрировать его на занятиях по криминалистике с последующим разбором увиденного на экране. Как показывает практика использования такого подхода в преподавании криминалистики, студенты лучше усваивают материал и гораздо более конструктивно отвечают на вопросы на зачетах и экзамене, по которым на занятиях демонстрировался эксперимент. С учетом этого считаем, что профессор А.В. Дулов в отношении технических средств обучения сформулировал абсолютно верные положения, которые актуальны через много лет, несмотря на значительный научно-технический прогресс, произошедших за это время.

Применение деловых игр получило развитие как способ интенсификации учебного процесса. Так А.В. Дулов и А.В. Лапин определяли игру как ситуативно адаптированную стратегию получения информации и приобретения знаний. Авторы указывали, что «игре присуще любопытство со своими компонентами поиска, ориентирования и ознакомления. Функция наблюдательности при игре в два раза выше, чем вне игровой ситуации» [4, с. 71]. В игре «интенсивное стимуляторное возбуждение и мотивация обуславливают эффективность переработки информации и ее накопления. На познавательном уровне мотивационно обусловленное эвристическое мышление (игра воображения) может привести к выработке конструктивных моделей мышления» [4, с. 72]. По мнению А.В. Дулов и А.В. Лапин, игры, используемые в преподавании криминалистики, можно называть криминалистическими играми.

В развитие положений А.В. Дулова, необходимо отметить, что применение метода эксперимента на практических занятиях по криминалистике могут составлять основу проведения со студентами деловой игры. При таком подходе с помощью игр закрепляются теоретические знания, формируются коммуникативные навыки, осуществляется обучение работы в команде, обеспечивается выработка некоторых профессиональных навыков, в большей степени возникает вовлеченность участников игры в процесс обучения [5, с. 447].

Таким образом, профессор А.В. Дулов, предлагая методы преподавания криминалистики, несколько опередил свое время и, как показало будущее, указал путь развития системы методов обучения студентов криминалистической науке.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Изменить порядок защиты дипломных работ в юридических вузах / А. В. Дулов, И. Ф. Крылов // Совет. юстиция. – 1957. – № 8. – С. 41.
2. Дулов, А. В. Применение технических средств программированного обучения – непереносимое условие повышения качества преподавания криминалистики / А. В. Дулов / Опыт применения технических средств программированного обучения на занятиях по криминалистике / Белорус. ордена Трудового Крас. Знамени гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1967. – С. 1-5.
3. Дулов, А. В. Роль эксперимента при чтении лекций по криминалистике / А. В. Дулов // Научная организация учебного процесса и самостоятельной работы студентов : тезисы докладов науч.-метод. конф. ; ред. сов.: М. Е. Тикоцкий (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1975. – С. 133-134.
4. Дулов, А. В. Криминалистические игры как способ интенсификации учебного процесса / А. В. Дулов, А. В. Лапин // Актуальные проблемы организации учебного процесса: тезисы докладов универ. науч.-практ. конф.; редкол. В.Г. Ивашин [и др.]. – Минск, 1987. – С. 71-72.
5. Орехова, Е. П. Деловая игра как технология активного обучения в преподавании криминалистики / Е. П. Орехова // Следственная деятельность: наука, образование, практика: тезисы докладов IV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 6 сент. 2024 г.) / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. – Минск: Строй МедиаПроект, 2024. – С. 447-451.

Орехова Е. П., Терешкевич В. А.
ВКЛАД ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА В РАЗВИТИЕ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

В статье отражаются ключевые аспекты научных трудов профессора А.В. Дулова, посвященные юридической этике. Подчеркивается значимость его вклада в развитие юридической этики. Выявлены основные идеи профессора относительно формирования и развития юридической этики.

Ключевые слова: юридическая этика; мораль; право; юридическая деятельность; профессиональная этика юриста.

Профессор Андрей Васильевич Дулов внес значительный вклад в развитие юридической этики. Его работы, посвященные этическим принципам в деятельности юристов, оказали глубокое влияние на правовую систему и профессиональное сообщество.

А.В. Дулов – заслуженный деятель науки Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, основатель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, лауреат премии имени В.И. Пичеты, лауреат высшей юридической премии «Фемида», обладатель значительного количества наград государственных органов и общественных объединений за заслуги в развитии криминалистики, судебной экспертизы и юридической этики.

Профессор А.В. Дулов уделял большое внимание этической стороне криминалистической деятельности, подчеркивая важность сохранения профессиональной честности и ответственности. Чтобы определить, как взаимодействует мораль и право, нужна новая наука – юридическая этика. Это наука более высокого ранга, у которой есть возможность и необходимость оперировать более общими научными категориями.

Рассмотрим некоторые ключевые аспекты научного наследия А.В. Дулова, релевантные для развития юридической этики.

Системный подход к юридической этике. А.В. Дулов предлагал рассматривать юридическую этику как систему норм, принципов и ценностей, которые регулируют поведение юристов. Он подчеркивал необходимость учета как общечеловеческих этических принципов, так и специфических требований юридической профессии.

Профессор отмечал, что юридическая этика – это не часть науки этики, не часть науки права, а это качественно новая наука, сочетающая этические и правовые знания. И этика, и право имеют целью обеспечить нравственное развитие общества и отдельной личности, но эта цель может быть полнее

достигнута, если науки действуют совместно. Предмет юридической этики – исследование взаимосвязей и взаимовлияния морали и права в целях расширения теоретической и практической базы для нравственного развития общества. Переход к III тысячелетию означает общий переход в науке к изучению, формированию, развитию человека нравственного.

Взаимосвязь между правом и моралью определяется тем, что право является отражением морали; а для познания истины нужно исследовать отражение этого явления. Право для юридической этики ценно тем, что отражает моральные процессы, в результате которых возникло; право обязательно фиксируется в письменных нормах; право отражается в письменно закреплённых процессах его применения.

Изучение научных трудов профессора А.В. Дулова позволяет выделить следующие ключевые идеи развития юридической этики.

1. Применение системного подхода в юридической этике:

- реализует новейший научный подход к исследованию;
- позволяет определять действительный объём исследований в данной науке;

- любое явление следует представить в виде системы, которая имеет элементы как внутри системы, так и вне системы. В юридической этике основными такими элементами являются мораль и право, воздействие морали и права друг на друга, деятельность юриста.

Предмет юридической этики включает изучение закономерностей, взаимных связей между моралью, правом, социальными явлениями, которые влияют на их развитие и которые, в свою очередь, регулируются моралью и правом.

Юридическая этика в своей теоретической части призвана разрешать следующие основные задачи:

- в чем именно и почему мораль нуждается в праве;
- каким образом право, призвано обеспечивать общественную мораль;
- каким образом мораль влияет на содержание права и чем именно.
- каким образом моральное содержание права обеспечивает воздействие на общественные отношения.

- каким образом правовая деятельность обеспечивается моральным воздействием.

Для решения названных задач профессор определил последовательность:

- 1) изучение закономерности развития морали;
- 2) изучение процессов развития права;
- 3) изучение взаимодействия морали и права:
 - исследование воздействия морали на право;
 - выявление средств, которые используются моралью для воздействия на право;

- исследование воздействия права на мораль;
- выявление средств, при помощи которых право воздействует на мораль;

4) изучение юридической деятельности, которая складывается в процессе реализации взаимодействия морали и права;

5) разработка системы нравственных качеств и принципов, которыми должен обладать юрист.

Профессор выделил основные пути влияния морали на право:

- создание моральных предпосылок для создания правовых систем;
- формирование теории права;
- влияние морали на правовую систему;
- формирование структур, которые организуют воздействие морали на право (средства массовой информации, системы самоуправления и др.).

Изучение нравственной ценности права является необходимым прежде всего для правильного применения законов. Для это следует применять метод этического анализа, который может иметь следующие формы:

- применение общего метода анализа к анализу этических явлений, то есть в данном случае объектом анализа выступают объекты собственно этические;

- анализ конкретных объектов с точки зрения его соответствия нравственным категориям, принципам, нравственному или общественному идеалу;

- выявление и анализ того нравственного содержания, носителем которого является исследуемый объект [1, с. 120].

Профессор уделял внимание нравственным функциям права, отмечая, что правовые механизмы призваны обеспечивать реализацию с каждым субъектом своих нравственных прав и обязанностей, защиту этих прав и обязанностей, включая деятельность человека, правоохранительных органов, суда, организаций [2, с. 88].

2. Разработка концепции профессиональной этики юриста. А.В. Дулов разработал концепцию профессиональной этики юриста, в которой он выделил ключевые принципы профессионального поведения юриста: независимость, добросовестность, конфиденциальность, честность, объективность, компетентность. Профессор отмечал, что деятельность юриста характерна тем, что он не только знает и применяет законы, но он знает факторы, которые влияют на происхождение права, и как право влияет на эти факторы.

3. Акцент на деонтологии юридической профессии. А.В. Дулов уделял особое внимание деонтологии юридической профессии, т.е. совокупности моральных обязанностей и правил поведения юриста. Он считал, что юрист должен быть не только знатоком закона, но и человеком с высокими моральными качествами. Так, например, отмечалось, что подлинное

правосудие немыслимо без высокой судебной культуры, которая, переплетаясь с этическими требованиями, предполагает не только безупречное поведение его участников, точное и неукоснительное соблюдение ими предписаний закона, но и служит показателем их деловой квалификации [3, с. 82; 4, с. 14].

4. Исследование роли юридической этики в формировании правового сознания. Профессор исследовал роль юридической этики в формировании правового сознания людей. Он подчеркивал, что этические нормы юридической профессии влияют на уровень доверия к правовой системе и способствуют укреплению законности. По мнению профессора, правовое сознание общества отражается в Конституции, однако в то же время Конституция оказывает влияние на формирование правового сознания общества [5; 6].

5. Разработка методических рекомендаций по преподаванию юридической этики. А.В. Дулов сформировал методические рекомендации по преподаванию юридической этики, которые помогают студентам и юристам лучше понять и применить этические нормы в своей профессиональной деятельности. Он подчеркивал, что введение курса «Основы юридической деятельности» окажут существенное положительное воздействие на повышение качества подготовки специалистов юридических специальностей [7, с. 13].

Научное наследие профессора А.В. Дулова имеет значительное влияние на развитие юридической этики [8], а именно на:

повышение уровня этической культуры юристов. Его научные труды способствовали повышению уровня этической культуры юристов, формированию у них чувства ответственности за свои действия и за результаты их деятельности;

создание моральных оснований для правовой реформы. Идеи А.В. Дулова о необходимости сочетания закона и морали способствовали созданию моральных оснований для правовой реформы в 90-х гг. прошлого столетия и укреплению правового сознания в обществе;

развитие научных исследований в области юридической этики. А.В. Дулов является основоположником юридической этике в Беларуси. Его работы послужили толчком к развитию научных исследований в области юридической этики, что способствует более глубокому пониманию этических проблем юридической профессии;

усиление роли этики в юридической профессии; усиление внимания к этической ответственности юристов. Современное общество требует от юристов не только профессионализма, но и высокого уровня этической ответственности.

Таким образом, научное наследие профессора А.В. Дулова играет важную роль в развитии юридической этики и формировании моральных

основ правового государства. Его научные труды способствуют повышению уровня этической культуры юристов, укреплению правового сознания в обществе и развитию научных исследований в области юридической этики.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. К разработке метода этико-правового анализа / А. В. Дулов, Е. И. Купчина // Проблемы совершенствования правовой основы государственной и общественной жизни : сб. мат. науч.-практ. конф.; редкол.: В. Г. Тихиня [и др.]. – Минск: Бел. гос. ун-т, 1986. – С. 119–122.

2. Дулов, А. В. Нравственные функции права / А. В. Дулов // Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и региональной интеграции: постсоветский опыт и перспективы устойчивого развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 октября 2011 г. / БГУ, юрид. ф-т ; под ред. С. А. Балашенко [и др.]. – Минск, 2011. – С. 87–88.

3. Дулов, А. В. Этические основы судебных прений / А. В. Дулов, Е. А. Матвиенко / Весн. БДУ. Сер. 3 : Гісторыя, філасофія, псіхалогія, паліталогія, права. – 1973. – № 2. – С. 76-82.

4. Дулов, А. В. Нравственные основы культуры судебной деятельности / А. В. Дулов // Юстыцыя Беларусі. – 2000. – № 1. – С. 12–14.

5. Дулов, А. В. Нравственное содержание конституции Республики Беларусь нуждается в развитии / А. В. Дулов // Канстытуцыйны працэс у Рэспубліцы Беларусь : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Гродна, 26-27 крас. 1996 г. / Гродз. дзярж. ўн-т. ; адк. рэд.: М. У. Сільчанка. – Гродна, 1996. – С. 13–14.

6. Дулов, А. В. Этико-правовой анализ Конституции / А. В. Дулов // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 марта 2000 г. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – С. 28–30.

7. Дулов, А. В. Изучение юридической деятельности – самостоятельный элемент юридического образования / А. В. Дулов // Научно-методические и организационно-практические проблемы совершенствования образования в системе «ССУЗ-ВУЗ»: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 дек. 2003 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: И. Р. Веренчиков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2003. – С. 9–13.

8. Шабанов, В. Б. Выдающемуся ученому, профессору Андрею Васильевичу Дулову посвящается... / В. Б. Шабанов, Г. А. Шумак, И. Р. Веренчиков, Е. П. Орехова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НППЦ Гос. комитета суд. экспертиз

Респ. Беларусь; редкол.: А.С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2019. – Вып. 2 (46). – С. 196-202.

Павлинов А. В.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена государственно-патриотическому воспитанию как направлению деятельности образовательных организаций.

Ключевые слова: воспитание; образовательные организации; патриотизм.

Неподдельная заинтересованность, озабоченность, равнодушие отличает всех, кто обращается к теме государственно-патриотического воспитания, кто отдавал и отдает себя этой работе и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь [1]. Равнодушие – это главное.

По справедливому замечанию А.А. Проханова Великую Отечественную Войну выиграл советский учитель, который учил не только математике и правописанию, но и любви к Родине, учил жертвовать своим ради всеобщего, жизнью ради Родины [2].

Тем не менее воспитание патриотизма должно стать, как и в советский период заботой не только семьи и школы, учителей, но и всей системы органов власти и их учреждений. Отсюда и изменение концептуальных подходов, масштабов такой деятельности, что находит отражение в ее наименовании: государственно-патриотическое воспитание, с приставкой государственное.

Останавливаясь на аспекте нормативного закрепления данной работы отметим, что основные направления уголовной политики России сегодня выстраиваются с опорой на Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей от 9 ноября 2022 г., на Стратегию реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года от 17 августа 2024 г., на Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 - 2028 годы от 30 декабря 2023 г., на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г., т.е. на официальные документы стратегического планирования, содержащие важный воспитательный компонент.

В Белоруссии современная государственная политика борьбы с преступностью также строится исходя из содержания в т.ч.: Закона «О недопущении реабилитации нацизма», направленного на противодействие всем формам и проявлениям нацизма, оправдания его доктрины, героизации нацистских преступников и их пособников, Закона «О геноциде белорусского народа», предусматривающего юридическое

признание геноцида белорусского народа и одновременно устанавливающего уголовную ответственность за его отрицание, Конституции Республики Беларусь, закрепляющей сохранение государством исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (с учетом изменений на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.).

В тоже время на федеральном уровне в России легальное отражение разновидность именно государственно-патриотического воспитания не получила: патриотическое, военно-патриотическое воспитание закреплено в ст. 14 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», правовое просвещение, воспитание в ст. 2 Федерального закона «Об образовании», в ст. 2, 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Безусловной заслугой, достижением в этой связи является ведомственный акт – приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2022 г. №510 «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации», введший в оборот, закрепивший легальную дефиницию «государственно-патриотическое воспитание» (п.1.2 Концепции).

Государственно-патриотическое воспитание смыкается с правовым, антикриминальным воспитанием, строится во –многом на основе примеров подвига советского народа в годы Великой Отечественной Войны, но не только: еще и на великих свершениях, достижениях нашей страны – Российской империи, Советского Союза и современной России.

Считаем, что нужен конструктивный, взвешенный подход ко всей исторической траектории развития нашего государства, поддерживаем мнения о минимизации критики любого исторического периода. Но, 90-е гг. XX века в России, как и события предреволюционные начала XX века не могут анализироваться нейтрально, положительно – ведь это периоды отрыва от традиционных ценностей, увлечения либеральными ценностями, упоением свободой, отказа от признаваемой большинством граждан идеологии, возобладание и навязывание позиции неприятия собственной страны. И, как следствие, - социальные потрясения, обвал преступности. Нужен анализ таких отечественных событий, трагедий, извлечение уроков.

Среди наиболее важных форм государственно-патриотического воспитания выделим следующие:

- инициирование мероприятий, связанных с активизацией роли прессы, ТВ, соцсетей, всех СМИ в деле государственно-патриотического воспитания;

- вовлечение студентов юридических факультетов во главе с педагогами, с действующими сотрудниками правоохранительных органов, органов исполнительной власти в работу по профилактике правонарушений, экстремизма среди молодежи, исходя из отечественного регионального опыта [3], зарубежного, прежде всего, белорусского и казахстанского опыта.

О методах и критериях качества государственно-патриотического воспитания заметим следующее. Основным критерием качества данной работы должны стать ориентированность на реализацию принципов государственно-патриотического воспитания (отраженных в Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации): системности, непрерывности, научной обоснованности, адресности, а также неписанных - правдивости, убеждения без навязывания.

Приоритетом индикаторов качества деятельности по государственно-патриотическому воспитанию, на наш взгляд, должно стать ее содержание, а не процедура (в сфере медицины нормативно закрепленным критерием качества врачебной помощи является не только количество вылеченных – спасенных людей, но и следование работниками медицинским стандартам) или формирование среды (в образовании ориентация правого регулирования на такие индикаторы как открытость, доступность, комфортная среда и др.).

Только одновременное задействование всех направлений деятельности в воспитании (профессионального, историко-патриотического, культурно-нравственного, физкультурно-спортивного, и психологического), как и значительное количество и широкий круг вовлеченных в соответствующий процесс лиц, не может выступать единственным надежным гарантом качества.

Таковыми, помимо «освещения в средствах массовой информации», по нашему мнению, должны выступать:

- постоянный мониторинг воспитательной среды (предварительное изучение настроений аудитории, коллектива и т.д.);

- не столько сбалансированное использование, сколько умелое сочетание, синтез традиционных и современных взаимосвязанных, взаимодополняющих средств, форм и методов государственно-патриотического воспитания;

- профессиональная готовность убежденных и высококвалифицированных сотрудников (прежде всего, педагогов-психологов) к такой работе, в т.ч. способность ими применять различные технологии воспитания;

- профессиональные, служебные успехи и достижения;

- позитивная оценка профессиональной деятельности сотрудников со стороны населения и др.

Акцент в большей степени должен делаться на профессиональных, служебных достижениях, но необходимо учитывать и просчёты, недостатки в данной работе.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Нам не надо доказывать право на Победу / А. В. Дулов // Юстыцыя Беларусі. – 2015. – № 4.

2. Она выдержит. Писатель Александр Проханов – о том, как учителя выигрывают войны // Известия. – 2016. – 29 авг.

3. Павлинов, А. В. Правовая школа по профилактике экстремизма среди молодежи. Владимирский опыт: вопросы и ответы / А. В. Павлинов, А. И. Быба; под общ. ред. В. Ю. Картухина. – Владимир, 2010. – 92 с.

Павлють О. В.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, olga.pavlyut@yandex.ru

Исследуются некоторые особенности цифровизации в судебно-экспертной деятельности на современном этапе развития Республики Беларусь. Отмечается, что сегодня нейросети способны не только автоматизировать многие рутинные задачи, но и увеличивать точность и скорость анализа различных данных. Применение искусственного интеллекта существенно облегчает работу как судебных экспертов, минимизируя человеческий фактор, так и повышает эффективность расследований в целом. Возможности нейросетей постоянно расширяются, и их адаптация под специфические задачи судебно-экспертной деятельности будет играть ключевую роль в будущем.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность; цифровизация; нейросеть; искусственный интеллект.

В настоящее время одним из важных факторов развития Республики Беларусь становится ее цифровизация. Относительно правоохранительной системы ученые выделяют три основных этапа в ее становлении [1, 117]. Первый этап (1970–1990 гг.) - началось внедрение компьютеризированных систем для автоматизации учета правонарушений и иной криминалистически важной информации, что позволило повысить эффективность использования, хранения и доступа к данным.

Второй этап (1990–2009 гг.) – начали использоваться ресурсы аналитических и геоинформационных систем, что позволило анализировать преступные тенденции в пространстве и времени.

Третий этап (2010-2020) – активно стали применять масштабируемые системы обработки и анализа огромных объемов информации (Big Data). В этот период развитие получило машинное обучение, а также прогностическое моделирование.

Сегодня уже речь идет о четвертом этапе, который довольно резко набирает свои возможности с каждым годом. Цифровые платформы и технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) постепенно охватывают все сферы жизнедеятельности. В условиях глобальной борьбы за технологическое лидерство Индустрия 4.0 (четвертая промышленная революция) выступает в качестве определяющей стратегии экономического развития и включает облачные технологии,

искусственный интеллект, виртуальную и дополненную реальность, блокчейн и т. п. Главный признак всех этих технологий то, что они соединяют устройства между собой, с целью обмена данными и решения поставленных задач без участия человека [2].

Благодаря всем этим процессам растут масштабы цифровизации в здравоохранении, образовании, государственном управлении, правоохранительной деятельности и иных сферах. По оценкам специалистов, потенциальный экономический эффект от цифровизации достигнет 19-34 процентов общего прироста ВВП к 2025 году [3].

Риском широкой цифровизации является обострение вероятности кибератак и киберугроз, и с каждым днем все больше требуется принятие адекватных мер и соответственно дополнительных расходов по обеспечению кибербезопасности в обозначенных сферах. Несмотря на это, с активным внедрением технологии ИИ в правоохранительную деятельность, открываются новые перспективы для профилактики преступности и повышения эффективности работы как правоохранительных органов в целом, так и в сфере судебно-экспертной деятельности, в частности.

В настоящее время в научном сообществе юристов все чаще изучаются различные аспекты применения возможностей цифровизации для повышения эффективности правоохранительной деятельности. Довольно глубоко были исследованы данные вопросы такими учеными, как Шульгиным Е.П., Ахметжановой Н.Н. [4], Ополониной К.Ю. [5], Сарсенбаевой Б.Б. [6], Воропаевым Д.А., Гридюшко П.В. [7] и многими другими. Однако проблематике внедрения потенциалов искусственного интеллекта для нужд именно судебно-экспертной деятельности, как одной из важнейшей составляющей правоохранительной системы, уделено недостаточно внимания.

Рассмотрим некоторые инновационные технологии исследования объектов судебно-экспертной деятельности, а именно возможности и перспективы использования при этом нейросетей.

В Республике Беларусь в последние годы происходят довольно динамичные и комплексные изменения внешних и внутренних условий работы судебных экспертов. Научные теоретические предложения по их реализации должны соответствовать запросам практики и обязательно учитывать стремительно развивающиеся технологии искусственного интеллекта, что может значительно улучшить процессы анализа и интерпретации доказательств в будущем.

Сегодня в работе судебных экспертов нейронные сети позволяют:

1. *Анализировать видео и фотоматериалы:* нейросети способны автоматически исследовать видеозаписи с места происшествия, выявлять и классифицировать действия, объекты и лица. Также можно обучить модель

находить и описывать следы, предоставлять предварительную оценку, распознавать рукописный текст, решать разнообразные задачи экспертизы.

Эту функциональность также применяют в беспилотных летательных аппаратах (далее – БПЛА). Использование ИИ в БПЛА может значительно повысить их эффективность при осмотре места происшествия. Технологии ИИ превращают беспилотники из простых дронов в интеллектуальные автономные устройства, способные выполнять сложные задачи. Нейронная сеть на борту дронов помогает обнаруживать различные объекты, такие как транспортные средства, здания, предметы на поверхности или у водоема и разнообразный ландшафт. Технология компьютерного зрения также помогает точно определять людей и животных.

2. *Распознавание устной речи*: технология искусственного интеллекта способна превращать аудиозаписи в текст, что облегчает процесс анализа и поиска необходимой информации. Нейронные сети могут быть обучены распознаванию лиц по голосовым данным, например, при проведении судебной фоноскопической экспертизы.

3. *Выявление фальшивых документов*: алгоритмы искусственного интеллекта способны выявлять подделки в различных документах и цифровых файлах, что, несомненно, облегчает решение задач судебной технической экспертизы документов (реквизитов документов).

4. *Прогностический анализ*: применение искусственного интеллекта для анализа данных позволяет прогнозировать возможные преступные действия и предотвращать их заранее.

Нейронные сети могут быть настроены и изменены для выполнения множества других задач, поэтому перечисленный выше список не является окончательным.

Общепризнанного определения понятия «искусственный интеллект» в настоящее время не существует. Отдельными государствами с целью регулирования и устранения возникших пробелов постепенно принимаются программные документы и законы [8]. А.В. Чигилейчик отмечает, что первым законом в сфере робототехники и искусственного интеллекта явился принятый в 2008 г. в Корее Закон «О развитии и распространении умных роботов» [9].

Искусственный интеллект – это область науки и технологии, которая занимается созданием интеллектуальных машин и компьютерных программ, способных выполнять функции, традиционно считающиеся прерогативой человека.

Следует отличать ИИ и нейросеть. Отчасти справедливо, что эти два понятия часто путают. Нейросети – это один из подходов к созданию ИИ, который вдохновлён системой нейронов в мозге. Вместо того, чтобы писать сложные алгоритмы для решения задач, нейросети обучаются на основе большого количества данных и находят в них закономерности [10].

Важно отметить, что системы, основанные на искусственном интеллекте, не требуют заранее заданного программирования. Вместо этого они используют алгоритмы, способные действовать так, как если бы у них был свой собственный интеллект, аналогичный человеческому. Именно поэтому методы машинного обучения, включая нейронные сети, применяются для разработки систем.

Таким образом, с развитием цифровизации в судебно-экспертной деятельности открываются новые возможности. Нейросети способны не только автоматизировать многие рутинные задачи, но и увеличивать точность и скорость анализа данных. Применение ИИ может существенно облегчить работу как судебных экспертов, минимизировав человеческий фактор, так и повысить эффективность расследований в дальнейшем. Возможности нейросетей постоянно расширяются, и их адаптация под специфические задачи судебно-экспертной деятельности будет играть ключевую роль в будущем.

Библиографический список

1. Губич, М. В. Возможности использования BIG DATA в правоохранительной деятельности / М. В. Губич // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2024. – № 1 (47). – С. 117–121.
2. О реализации проекта Стимулирование потенциала технологий Индустрии 4.0 в Беларуси [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: https://economy.gov.by/ru/industry4_0-ru/. – Дата доступа: 10.07.2024.
3. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 07.07.2024.
4. Ахметжанова, Н. Н. О принципах деятельности органов досудебного производства в эпоху цифровизации / Н. Н. Ахметжанова, Е. П. Шульгин // «Хабаршы – Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2024. – № 1 (83). – С. 37–42.
5. Ополонина, К. Ю. Особенности повышения квалификации действующих сотрудников органов внутренних дел Республики Казахстан в сфере раскрытия и расследования киберпреступлений / К. Ю. Ополонина // «Хабаршы – Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2024. – № 1 (83). – С. 182–186.
6. Сарсенбаева, Б. Б. Искусственный интеллект в доказывании по уголовному делу / Б. Б. Сарсенбаева // «Хабаршы – Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2024. – № 1 (83). – С. 128–133.

7. Гридюшко, П. В. Некоторые перспективы и проблемы использования ChatGPT в деятельности правоохранительных органов / П. В. Гридюшко, Д. А. Воропаев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18-19 апр. 2024 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2024. – С. 104–105.

8. Сакомская, Г. С. Подходы в правовом регулировании технологий с искусственным интеллектом [Электронный ресурс] / Г. С. Сакомская. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/podkhody-v-pravovom-regulirovanii-tekhnologiy-s-iskusstvennym-intellektom/>. – Дата доступа: 15.09.2024.

9. Чигилейчик, А. В. Робототехника и системы искусственного интеллекта – субъекты или объекты гражданских прав? / А. В. Чигилейчик // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 1 (15). – С. 114-128.

10. AI versus machine learning versus deep learning versus neural networks: What's the difference? [Электронный ресурс]. – <https://www.ibm.com/think/topics/ai-vs-machine-learning-vs-deep-learning-vs-neural-networks> . – Дата доступа: 15.09.2024.

Панченя Д. Н.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ВОЛОКНИСТОЙ ПРИРОДЫ И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь,
центральный аппарат, ул. Кальварийская, 43, 220073, г. Минск, Беларусь,
fibers@sudexpert.gov.by

С позиции профильного эксперта освещаются отдельные возможности использования результатов судебной экспертизы объектов волокнистой природы и изделий из них в процессе расследования преступлений.

Ключевые слова: объекты волокнистой природы; волокнистые материалы и изделия; текстильные волокна; доказательственное значение; расследование преступлений.

Привлечение объектов волокнистой природы и изделий из них (далее – ОВПИ, волокнистые материалы и изделия из них) в качестве доказательств по уголовному делу, выявление и правильное использование полученной в ходе экспертного исследования криминалистической информации могут оказать существенную помощь в раскрытии целого ряда преступлений. О целесообразности и необходимости рационального использования специальных знаний о материалах, веществах и изделиях, полностью или частично изготовленных из текстильных волокон, ранее указывали многие ученые [1, с. 70; 2, с. 76; 3, с. 76; 4, с. 112; 5, с. 192; 6, с. 39-40]. И в настоящее время указанные подходы не потеряли свою актуальность. Посредством исследования ОВПИ в рамках судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них (далее – СЭВМИ, волоконведческая экспертиза) обнаруживают новые факты, ранее по делу не известные, достоверно устанавливают предполагаемые или неточные данные, имеющие значение для дела [7; 8].

Доказательственная значимость СЭВМИ определяется формой выводов (общая родовая, групповая и индивидуальная принадлежность). Выводы об общей родовой принадлежности свидетельствуют об отнесении объектов к одному множеству, объединенному совпадающими родовыми признаками. Например, имеющиеся на клинке ножа наслоения микрочастиц и волокна в составе майки потерпевшего принадлежат к одному роду зеленых хлопковых волокон, окрашенных одинаковыми красителями. К криминалистическому роду принято относить ОВПИ на основании признаков технического характера, отраженных в технических или специальных классификациях, ГОСТ, ТУ, иных нормативных документах.

Каждый конкретный род объектов (волокна, пряжа, предметы одежды, шнуры и т. д.) подразделяется на группы, отличающиеся между собой по

групповым признакам. Основаниями для разграничения родов объектов на группы служат: признаки, отражающие технологические особенности изготовления, не регламентированные нормативной технической документацией; признаки, отражающие условия существования объектов до, во время и после события преступления.

Выявленные в ходе экспертного исследования родовые и групповые признаки позволяют определить общую родовую или групповую принадлежность объекта соответственно. Причем, чем больше количество выявленных признаков и меньше их распространенность, тем меньше искомое множество, к которому относится исследуемое изделие.

При решении идентификационных задач о принадлежности единичных волокон волокнистому материалу или изделию происхождение и цвет волокон, классы красителей (технологические и химические), характер крашения и свойства красителей относятся к родовым признакам. Марка и смесовой состав красителей, составляющие цветовую гамму, не регламентированы нормативной технической документацией. Данный признак является случайным в технологии крашения текстильных волокон, при которой получение определенного цвета достигается различными марками. Именно поэтому марка красителя относится к групповому признаку.

Информационная значимость микрочастиц текстильных волокон и изделий из них в расследовании преступлений определяется комплексом факторов и в первую очередь зависит от обстоятельств самого преступления. При этом необходимо учитывать, что источником волокон на месте происшествия в большинстве случаев являются предметы массового производства или кустарные изделия, которые изготавливаются из промышленно выпускаемых волокнистых материалов. В связи с этим, например, в результате сравнения волокон, изъятых в ходе осмотра места происшествия, и предметов одежды проверяемого лица возможно установление тождества исключительно по родовым или групповым признакам.

В настоящее время при расследовании преступлений наиболее востребованным является отождествление (идентификация) конкретных ОВПИ по следам, оставленным ими на месте происшествия. Однако установление индивидуально-конкретного тождества возможно при наличии на объекте-носителе (одежда, кузов транспортного средства, орудие преступления) достаточного количества разнообразных по цвету и природе волокон, а также при выявлении на волокнах комплекса частных признаков: механических, термических, микробиологических, химических, эксплуатационных повреждений, редко встречающихся загрязнений, наслоений инородных микрообъектов. По этой причине идентификация

конкретного текстильного изделия по единичным волокнам затруднительна и на практике встречается довольно редко.

Возможности СЭВМИ существенно снижаются по отношению к широко распространенным группам волокон, так как частота их встречаемости достаточно велика. К их числу относятся белые и неокрашенные (бесцветные) хлопковые волокна. Они присутствуют на теле, одежде человека и предметах вещной обстановки в виде постоянных наслоений как результат длительного взаимодействия с постельным, столовым и нательным бельем, предметами индивидуального пользования и средствами гигиены. Сегодня идентификация бесцветных единичных волокон сводится к установлению лишь их общей либо разной родовой принадлежности. Выделенный род, как известно, характеризует широкое множество однородных объектов и имеет более низкое идентификационное значение по сравнению с группой.

Определение цвета изделия по оставленным на предмете-носителе единичным волокнам также практически невозможно, за исключением предметов, в состав которых входят одноцветные волокна, поскольку общий цвет конкретного текстильного изделия определяется одноцветными или разноцветными волокнами. При этом цвет изделия в целом более насыщен по сравнению с цветом отдельных волокон, исследуемых судебным экспертом в поле зрения микроскопа, что необходимо учитывать в процессе интерпретации выводов [3, с. 98].

Тем не менее привлечение ОВПИ в качестве доказательств по уголовному делу с экспертной точки зрения вполне оправдано. Так, при расследовании отдельных категорий преступлений (убийство, причинение тяжких телесных повреждений, грабеж, изнасилование и т. п.), совершение которых связано с физическим контактом, большое значение имеет обследование участков тела, подногтевого содержимого, предметов одежды и обуви как потерпевших, так и преступников, а также орудий преступления с целью обнаружения на их поверхности микроследов – наслоений текстильных волокон. Обнаруживаемые на поверхности перечисленных объектов волокна являются следами контактного взаимодействия соответствующих элементов вещной обстановки, их наличие связывают с пребыванием лиц на месте происшествия, взаимодействием этих лиц между собой, а также с материальной обстановкой преступления. Например, при расследовании уголовного дела по факту совершения насильственных действий сексуального характера в отношении К. был задержан Н., который свою причастность к данному преступлению всячески отрицал. Одежда и нижнее белье потерпевшей К. в период после преступления были ей тщательно выстираны, одежду подозреваемого Н. обнаружить не представилось возможным. Для проведения волоконно-экспертной экспертизы были изъяты срезы ногтевых пластин Н. и предметы одежды К. в качестве

образцов сравнения. Согласно заключению эксперта в подногтевом содержимом подозреваемого Н. обнаружены красные хлопковые волокна, совпадающие по групповым признакам с волокнами в составе юбки потерпевшей К., в которой она находилась в момент нападения.

Особое значение при расследовании преступлений имеют сведения, указывающие не только на наличие, но и на расположение (локализацию) наслоений текстильных волокон на поверхности проверяемых объектов. Наличие совпадающих волокон на определенных участках предмета указывает на конкретные обстоятельства произошедшего события (например, на зону контакта), а их наличие (отсутствие) ведет к подтверждению (опровержению) существующих следственных версий.

В ходе проведения следственных и иных процессуальных действий по фактам угонов, краж из автомобильных транспортных средств, при расследовании обстоятельств дорожно-транспортных происшествий, на обивке салона автомобиля, чехлах сидений, ремнях и подушке безопасности, иных предметах часто обнаруживают микроскопические следы от одежды водителя или пассажиров, на наружных узлах и деталях кузова – от одежды пешехода. Их наличие подтверждает факт контакта ОВПИ с предметом, указывает на его местоположение.

В отдельных случаях решение реставрационных задач в ходе исследования ОВПИ позволяет устанавливать иные интересующие обстоятельства расследуемого преступления (происшествия). Так, при отсутствии возможностей опознания трупа материаловедческое исследование предметов его одежды, находящихся в видоизмененном состоянии, может способствовать установлению личности. Например, во время зимней рыбалки Н. провалился под лед и утонул, мероприятия по поиску тела мужчины оказались безрезультатными. В весеннее время найти труп также не представилось возможным, однако в водоеме было обнаружено и изъято множество фрагментов мехового изделия. Проведенная комплексная волоковедческая и трасологическая экспертиза позволила восстановить первоначальный вид, установить наименование (шуба из искусственного трикотажного меха), целевое назначение, размерные характеристики, наличие следов ручного ремонта, а также принадлежность фрагментов одному изделию. Близкие родственники подтвердили, что обнаруженное изделие принадлежало погибшему Н.

Благодаря полученным в ходе СЭВМИ результатам возможно подтверждение связи материальных объектов с теми явлениями, которые имели место при совершении преступления. Так, выявление причин и механизма термического разрушения предметов одежды трупа способствовали установлению конкретных обстоятельства события преступления (какое изделие подверглось сожжению, в каком положении находился труп).

Обнаружение в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий фрагментов текстильных материалов (в том числе с фурнитурой), целых предметов, принадлежащих одному текстильному изделию (пояс, съемный капюшон) или комплекту (перчатки, носки) позволяет отнести их к роду (группе), а также идентифицировать конкретное изделие или его комплект: по фрагменту ткани – брюки, по перчатке – пару перчаток.

Ковровые изделия, текстильные мешки, постельные принадлежности зачастую используются преступниками в качестве упаковочных средств, крученые и плетеные изделия (веревки, шпагаты, шнуры) – как орудия совершения преступлений или вспомогательные средства для связывания или удержания жертвы. Исследование таких ОВПИ позволяет получить достоверную информацию о действиях преступников на месте происшествия, установить факт приготовления к совершению преступления [9, с. 8].

Экспертное исследование остатков сожженных текстильных изделий, принадлежащих преступнику или жертве и обнаруженных в печи либо кострище, позволяет определить первоначальный вид и целевое назначение изделия, подтверждает наличие действий по сокрытию следов преступления.

При расследовании поджогов в ходе осмотра места происшествия нередко обнаруживают остатки волокнистых материалов (фрагменты ткани, трикотажа, пакля), используемые преступником при изготовлении самодельных зажигательных устройств. Сравнительное исследование таких объектов с аналогичными текстильными материалами, изъятыми у подозреваемого, способствует установлению существенных обстоятельств преступления. Например, при осмотре предполагаемого очага возгорания был обнаружен обгоревший фрагмент швейного изделия с характерным запахом горючей жидкости и следами лакокрасочных материалов. В ходе выемки из дома подозреваемого была изъята часть мужской сорочки. Следователем назначен комплекс экспертиз (СЭВМИ; трасологическая; нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов; полимерных материалов и изделий из них; лакокрасочных материалов и покрытий). Несмотря на отсутствие общей линии разделения и многочисленные разрушения текстильных материалов изделия, выводы экспертов гласили: исследуемые объекты ранее составляли единое целое.

Установление целевого назначения ОВПИ (в особенности, если оно специальное), выявление технологических параметров изготовления, характерных признаков эксплуатации, комплектность и фасон исследуемой одежды дает определенную информацию о преступнике, его профессии и навыках, тем самым облегчая розыск лиц, причастных к совершению преступления.

Значительная часть волокнистых материалов и изделий из них (до 76 % от поступивших на исследование объектов) изымается в ходе расследования краж из жилищ, хозяйственных и складских помещений в местах преодоления преступником преград (забор, ограда) и с мест проникновения (оконный проем, пролом в стене). По результатам СЭВМИ удастся получить информацию о месте и способе проникновения в помещение, некоторых анатомических особенностях преступника, маршруте его передвижения и последовательности действий в момент совершения преступления.

Криминалистическую значимость могут иметь волокна-наслоения, обнаруженные, на орудиях преступления, если эти волокна совпадают по совокупности признаков с волокнами, входящими в состав предметов одежды жертвы в месте контакта орудия с текстильным материалом. Это особенно важно при решении вопроса, каким именно орудием были причинены телесные повреждения. Например, во время совместного распития спиртных напитков на почве неприязненных отношений между хозяином дома П. и потерпевшей К. возникла ссора, в результате которой П. причинил ножевое ранение К. На момент осмотра места происшествия все ножи, находящиеся в доме, были вымыты, помещение убрано. Следователем было принято решение об изъятии всех имеющихся в доме колюще-режущих предметов. В ходе проведения СЭВМИ было установлено, что на клинке одного из хозяйственных ножей имелось три вида текстильных волокон, совпадающих с волокнами в составе джемпера и майки потерпевшей. Результаты трасологического исследования идентифицируемого ножа и повреждений на одежде потерпевшей были положительными, что полностью подтвердило выводы эксперта-волокововеда.

Приведенный выше перечень фактов использования результатов волоковедческих экспертиз в целях расследования преступлений не является исчерпывающим. Практика показывает наличие множества иных обстоятельств, которые возможно установить в ходе проведения СЭВМИ. Например, исследование одежды из места захоронения неустановленного трупа позволило установить, что она представляет собой комплект немецкой полевой униформы (китель и брюки) образца 1942 г. и исключить криминальный характер проверяемого события; сведения о природе и физических свойствах углеродных волокон, наслоения которых были выявлены экспертом на внутренних деталях системного блока ПЭВМ, помогли определить причину возгорания дорогостоящего оборудования на предприятии; установление материала удочки и основных физических свойств волокон, из которых она была изготовлена, позволили установить обстоятельства гибели рыбака от воздействия электрического тока и т. д.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что экспертное исследование ОВПИ позволяет установить: факт контактного

взаимодействия; факт инсценировки каких-либо действий; факт пребывания лица на месте происшествия; наличие подготовительных действий, предшествующих совершению преступления; факт сокрытия следов преступления; место и способ проникновения; маршрут передвижения; орудие преступления, вспомогательное средство и предмет преступного посягательства, иные предметы; отдельные элементы механизма преступления, связанные с функциональными действиями его участников; личность преступника, его физические особенности и профессиональные навыки; личность неопознанного трупа и др. [10, с. 264].

В этой связи несостоятельными следует признать отдельные мнения о нецелесообразности вовлечения ОВПИ в процесс доказывания по причине их низкой идентификационной значимости. Приведенные яркие положительные примеры из экспертной и следственной практики свидетельствуют о противоположном. По нашему мнению, в современных условиях требуется изменение подходов в использовании специальных знаний об ОВПИ, с учетом соблюдения принципа рациональности. Очевидно, что в данном вопросе требуется соблюдение баланса между количеством и качеством собираемых доказательств. При расследовании тяжких и особо тяжких преступлений их поиск и изъятие является вполне оправданным и необходимым. Если же речь идет о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, в особенности совершенных в условиях очевидности, то привлечение ОВПИ в качестве вещественных доказательств стоит осуществлять, исходя из объективной оценки обстоятельств конкретного дела.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

ОВПИ довольно часто выступают носителями криминалистически значимой информации, что должно учитываться заинтересованными лицами на всех этапах расследования преступления: при изучении материальной обстановки места преступления, выборе методов и средств поиска и изъятия вещественных доказательств, определении вида судебных экспертиз и круга решаемых задач, постановке вопросов на разрешение эксперту, анализе выводов СЭВМИ, дальнейшем использовании результатов волоконведческой экспертизы.

Доказательственная значимость результатов СЭВМИ определяется формой ее выводов. Наиболее значимыми в процессе расследования преступлений принято считать установление общей родовой принадлежности, общей групповой принадлежности, установление единого целого объекта волокнистой природы по его отделившимся частям. Кроме того, посредством проведения СЭВМИ возможно решение важнейших диагностических, классификационных, пространственно-временных и ситуационных задач: установление наличия на поверхности объекта текстильных волокон, их локализации и природы, определение основных

свойств волокнистых материалов и изделий, установление наличия и характера повреждений текстильных изделий. Востребованными в следственной практике являются определение первоначального вида сожженных текстильных изделий, установление факта контактного взаимодействия.

Основываясь на практике проведения СЭВМИ, нами выделен основной перечень обстоятельств, устанавливаемых в ходе экспертного исследования ОВПИ: факт контактного взаимодействия; факт инсценировки; факт пребывания лица на месте происшествия; наличие подготовительных действий; факт сокрытия следов преступления; место и способ проникновения; орудие преступления, вспомогательное средство и предмет преступного посягательства, иные предметы; отдельные элементы механизма преступления; личность преступника, его физические особенности и профессиональные навыки; личность неопознанного трупа и др. Устанавливаемые фактические данные могут варьироваться в зависимости от вида преступления и имеющейся следственной информации.

Библиографический список

1. Вандер, М. Б. Понятие и значение микрочастиц в криминалистике / М. Б. Вандер // Изв. вузов. Правоведение. – 1978. – № 2. – С. 70–80.
2. Вершицкая, Г. В. Особенности использования микрообъектов в ходе расследования преступлений / Г. В. Вершицкая // Вестн. Поволж. ин-та упр. – 2016. – № 2. – С. 76–81.
3. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий : учеб. пособие / Г. А. Мельникова [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Мельниковой. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2018. – 331 с.
4. Малинок, Ж. В. Использование закономерностей отображения микроволокон при расследовании организованных преступлений / Ж. В. Малинок, Г. В. Федоров // Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых организованными группами: сб. науч. тр. – Минск: Акад. МВД, 2000. – С. 112–116.
5. Малинок, Ж. В. Исследование текстильных волокон, обнаруженных на ногтевых срезах, как средство установления обстоятельств расследуемых преступлений / Малинок Ж.В., Ахрамович И.П. Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НИИ ПККиСЭ Министерства юстиции Республики Беларусь; редкол.: О. М. Дятлов [и др.]. – Минск: НИИ ПКК и СЭ, 1998. – Вып. 13. – С. 192–195.
6. Федянина, Н. В. Особенности назначения и производства криминалистической экспертизы волокнистых материалов (методические рекомендации для следователей) / Теория и практика судебной экспертизы:

науч.-практ. журн. № 1(33), ФБУ РФЦСЭ при Министерстве юстиции РФ, 2014. – С. 39–44.

7. Панченя, Д. Н. Доказательственное значение объектов волокнистой природы и изделий из них в расследовании преступлений / Д. Н. Панченя // Актуальні питання та перспективи розвитку судової експертизи та криміналістики : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (м. Одеса, 3 вересня 2021 року) / відп. ред. А. І. Черемнова. – Одеса : Видавничий дім «Гельветика», 2021. – С. 215–219.

8. Панченя, Д. Н. Общая характеристика и значение объектов волокнистой природы и изделий из них, изымаемых в ходе осмотра автомобильных транспортных средств / Д. Н. Панченя // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности: тезисы докладов II Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18 ноября 2022 г.) / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. – Минск : СтройМедиаПроект, 2022. – С. 261–267.

9. Использование в раскрытии преступлений микрообъектов, происходящих от канатов, веревок, шпагатов, шнуров (тактика и методика экспертного обеспечения) : учебное пособие / Ю. И. Паршиков, С. Н. Князенков // М. : ЭКЦ МВД России, 1994. – 24 с.

10. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. – М. : Норма : Инфра-М, 2000. – 990 с.

Паутов А. М.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК И ОПЕРАЦИЙ С КРИПТОВАЛЮТОЙ

Судья Верховного Суда Республики Беларусь,
ул. Орловская, 76, 220020, г. Минск, Беларусь, supreme@court.by

В статье рассматриваются особенности привлечения физических лиц к ответственности за нарушение порядка совершения сделок и операций с криптовалютой.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровая экономика; токеты; административная ответственность.

Широкое распространение криптовалют по всему миру, их использование в качестве средства платежа, выступающего в роли альтернативы контролируемым государствами платежным системам, ставит острый вопрос о необходимости правового регулирования сферы оборота криптовалют и введения ответственности за нарушения установленных правил.

Использование криптовалют по сравнению с государственными платежными системами предоставляет ряд преимуществ в виде быстроты осуществления переводов, низких комиссий, анонимности. Однако это явление имеет и негативные стороны, создавая угрозу отдельным гражданам, рискующим потерять вложенные в криптовалюту средства вследствие падения курса или действий злоумышленников. Также небезопасен бесконтрольный оборот криптовалют и для государств, так как способствует выводу капитала из экономики, легализации средств, добытых преступным путем, использованию финансовых активов в иных противоправных целях.

В Республики Беларусь вопросы оборота криптовалют впервые были урегулированы Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет №8). В документе достаточно четко регламентировано, какие сделки, операции и действия разрешается осуществлять с криптовалютой. Однако ввиду широкого спектра дозволенного, такое нормативное регулирование дало не только импульс для развития криптоиндустрии в нашей стране, но и позволило использовать криптовалюту в криминальных интересах. Это обусловило необходимость внесения изменений в Декрет № 8 в целях введения дополнительных правил в сфере оборота криптовалют, а также выработку механизма ответственности за их нарушение.

18 марта 2021 года в Декрет № 8 внесены изменения. Пункт 2 Декрета № 8 дополнен подпунктом 2.6, устанавливающим запрет на предпринимательскую деятельность по оказанию содействия иным лицам в совершении или исполнении сделок с токенами, а также по приобретению, отчуждению, в том числе обмену, токенов, кроме случаев, предусмотренных Декретом.

Новые нормы вступили в силу 21 марта 2021 года. С этого момента стало возможным привлечение к ответственности лиц, нарушающих порядок оборота криптовалют, по части 3 статьи 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающей наложение административного взыскания за осуществление предпринимательской деятельности, когда в соответствии с законодательными актами такая деятельность является незаконной и (или) запрещается.

Дела об административных правонарушениях, совершенных в сфере оборота криптовалют, начали поступать в экономические суды с 2022 года. Вместе с тем практика рассмотрения этих дел выявила ряд сложностей в привлечении к ответственности виновных.

Абзацем вторым подпункта 2.2 Декрета № 8 установлено, что деятельность по майнингу, приобретению, отчуждению токенов, осуществляемая физическими лицами самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, не является предпринимательской деятельностью. Эта норма коррелирует с положением статьи 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь, которая также данную деятельность не относит к предпринимательской.

Первоначально для органов, ведущих административный процесс, не представляло особой сложности доказать факты совершения сделок по приобретению либо отчуждению криптовалют в интересах иных лиц, не являющихся сторонами таких сделок. Однако в дальнейшем процесс собирания таких доказательств стал все более и более затруднительным ввиду совершенствования методов сокрытия следов административного правонарушения. В результате этого на практике стало все сложнее отграничивать факты совершения незаконной предпринимательской деятельности, от осуществляемых систематически действий по приобретению, отчуждению токенов, которые в соответствии с законодательством не запрещены.

Для решения указанной проблемы потребовалось дальнейшее совершенствование, норм, регулирующих порядок оборота криптовалют. Указом Президента Республики Беларусь от 17.09.2024 № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» (далее – Указ № 367) установлен новый порядок приобретения и отчуждения токенов за

белорусские рубли, иностранную валюту и электронные деньги. С момента вступления в силу Указа № 367 физическим лицам разрешено перечислять денежные средства в целях приобретения токенов исключительно операторам криптоплатформ, операторам обмена криптовалют, иным резидентам Парка высоких технологий, осуществляющим соответствующий вид деятельности. И только от этих субъектов физические лица вправе получать денежные средства от совершения сделок (операций) по отчуждению токенов.

Из совокупного анализа положений статьи 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь, Декрета №8 и Указа № 367 можно сделать выводы о том, какие действия вправе совершать с криптовалютой физические лица. Во-первых, физические лица вправе владеть криптовалютой. Во-вторых, они наделены правом совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги (с учетом требований Указа № 367 платежи должны осуществляться исключительно через соответствующих резидентов Парка высоких технологий), дарить и завещать токены. В-третьих, физические лица могут осуществлять самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от по майнинга, приобретения, отчуждения токенов. Такая деятельность не относится к предпринимательской деятельности. Для ее осуществления не требуется государственной регистрации в качестве субъекта хозяйствования.

Следует иметь в виду, что криптовалюта не является платежным средством. Ее нельзя использовать, например, для оплаты товаров, работ, услуг или получать в качестве заработной платы.

В то же время для привлечения физического лица к административной ответственности по части 3 статьи 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях недостаточно установления факта нарушения установленных законодательством правил. Ответственность по данной статье может наступать при наличии двух обязательных условий.

Первым обязательным условием привлечения к ответственности физического лица за нарушения законодательства в сфере оборота криптовалют является установление признаков осуществления им на регулярной основе сделок или операций с криптовалютой в целях систематического получения прибыли от их совершения. В отсутствие этих признаков ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность наступать не может.

Вторым обязательным условием привлечения к ответственности физического лица за нарушения законодательства в сфере оборота

криптовалют является совершение сделок или операций с криптовалютой с нарушением установленных в Декрете № 8 или Указе № 367 правил. Основными такими нарушениями являются:

- майнинг, приобретение, отчуждение токенов с привлечением иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам;
- оказание содействия в совершении и (или) исполнении сделок (операций) с токенами иным лицам, то есть лицам, не являющимся стороной сделки;
- перечисление денежных средств в целях приобретения токенов субъектам, не являющимся операторами криптоплатформ, операторами обмена криптовалют, иными резидентам Парка высоких технологий, осуществляющим соответствующий вид деятельности;
- получение денежных средств от совершения сделок (операций) по отчуждению токенов от субъектов, не являющихся операторами криптоплатформ, операторами обмена криптовалют, иными резидентам Парка высоких технологий, осуществляющим соответствующий вид деятельности.

Действия физических лиц, совершенные с нарушением установленных в Декрете № 8 или Указе № 367 правил, но не направленные на систематическое получение прибыли от сделок или операций с токенами, не образуют состав правонарушения, предусмотренного части 3 статьи 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. На сегодняшний день ответственность за такие деяния в законодательстве Республики Беларусь отсутствует.

Принимая во внимание высокие риски наступления негативных последствий от широкого распространения криптовалюты, данный пробел нуждается в устранении. Это можно сделать путем введения в Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях специальной нормы, предусматривающей ответственность за нарушения правил совершения сделок или операций с криптовалютой. Предпосылки для такого варианта уже заложены в тексте Указа № 367, содержащим указание на разработку предложения по установлению административной ответственности за нарушение требований данного. Вместе с тем представляется, что для комплексного решения рассматриваемой проблемы административная ответственность должна быть установлена не только за нарушение требований Указа № 367, но и за нарушения всех, предусмотренных в законодательстве правил совершения сделок или операций с криптовалютой.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 07 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр.

Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. № 197-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 22.09.2024).

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 06 января 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. № 365-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 22.09.2024).

3. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 : в ред. от 18 марта 2021 г. № 1 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 22.09.2024).

4. Об обращении цифровых знаков (токенов) : Указ Президента Респ. Беларусь от 17 сент. 2004 г. № 367 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 22.09.2024).

Пацкевич А. П.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ЛИЦА

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуются тактические особенности задержания подозреваемого лица. Предлагается при планируемом задержании производство тактической операции по установлению местонахождения и последующего задержания подозреваемого, включающей алгоритм действий на подготовительном, рабочем и заключительном этапах ее проведения.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; тактические приемы; тактическая операция; следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

Результативное и целенаправленное противодействие преступности, в том числе и уголовно-процессуальная деятельность, связанная с установлением обстоятельств уголовного дела, привлечением лица к уголовной ответственности, невозможна без применения мер принуждения, к числу которых относится и задержание подозреваемого. Гарантими законности применения этой меры принуждения в уголовном процессе является правовая регламентация оснований, процессуальной формы, пределов применения этих мер

При этом, одной из острых проблем для правоохранительных органов остается преодоление противодействия лица, подозреваемого в совершении преступления, законным и обоснованным мерам уголовно-процессуального воздействия к нему со стороны органа уголовного преследования.

В системе правовых средств борьбы с преступностью задержание всегда занимало достаточно значимое место. И вместе с тем это особая мера процессуального принуждения, применяемая при наличии указанных в законодательстве условий и оснований и заключающаяся в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и кратковременном содержании под стражей в местах и в условиях, определенных законом. Основным предназначением задержания является обеспечение посредством пресечения преступной деятельности лица, подозреваемого в совершении преступления, решение вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, предупреждение побега правонарушителя и обеспечение его участия в уголовном процессе.

Многие авторы, в частности С. Б. Россинский [1, с. 118], А. С. Волков [2, с. 49-55], Л. В. Галанова [3, с. 68-69], А. В. Маркс [4, с. 70-75],

Н.Е. Марецкий [5, с. 71-78], А.Б. Смушкин [6], А.М. Хлус [7, с. 59-63] в своих работах делали попытки рассмотрения задержания в рамках тактической операции, но, как правило, они ограничивались конкретными тактическими операциями применительно к определенной категории преступлений, либо не были достаточно подробными.

Необходимо отметить, что для эффективного проведения тактической операции по задержанию подозреваемого, уже на стадии подготовки следует выполнить ряд организационных мероприятий, к ним в первую очередь следует отнести сбор информации и изучение личности задерживаемого преступника.

Данные о личности подозреваемого охватывают следующие группы признаков:

- социально-демографические (социальное положение, образование, семейное положение, состав семьи, данные о членах семьи, взаимоотношения в семье, материальное положение, ближайшее бытовое окружение, связи и др.);

- социально-биологические (пол, возраст, состояние здоровья, физические недостатки). Например, крепкий физически человек может оборудовать тайное хранилище в труднодоступных местах леса, используя бурелом, густые заросли кустарников, вывороченные деревья и т.д.;

- этико-психологические (моральные взгляды, стремления, жизненные ожидания, уровень умственного и интеллектуального развития, образ жизни, привычки, увлечения (шахматы, компьютер, музыкальные инструменты и т.д.), жизненный опыт, подвижность нервных процессов, темп реакций на раздражители, целеустремленность и др.);

- важно знать и профессиональные навыки подозреваемого, стаж его работы, поскольку, как показывает практика, преступник в ряде случаев, оборудуя тайники, пользуется привычными производственными навыками и профессиональными качествами.

Кроме этого, досконально изучается жизненный уклад преступников, где и кем работают, какой обладают специальностью; «привычки; обычные маршруты передвижения; факты личной жизни; преступные связи; наличие родственников, друзей, сослуживцев; характер взаимоотношений с сослуживцами и знакомыми» [5, с. 47].

Порядок получения данных об их образе жизни предполагает визуальное наблюдение за преступниками и использования различных технических средств, в зависимости от условий наблюдения (например, использование биноклей, приборов ночного видения; прослушивания телефонных и иных переговоров, снятие информации с технических каналов связи (например, сканирование технических каналов связи, копирование разнообразных данных об абонентах, радиоперехват и т.д.).

Указанные сведения предоставляют возможность использовать особенности личности подозреваемого с тактической целью.

Немаловажным при поиске и анализе информации о местонахождении подозреваемого является сбор данных о предполагаемом месте его пребывания, сюда в первую очередь включаются сведения о ближайших и дальних родственниках, друзьях, приятелях, сослуживцах, одноклассниках, соседях, коллегах по работе или учебе и т.д. Так, примером, может послужить задержание гр-на К. за совершение преступления, предусмотренного ст. 143 ч. 2 УК Республики Беларусь. По полученным сведениям из оперативных источников сотрудниками криминальной милиции УВД Минского облисполкома, К. поддерживал дружеские отношения с бывшим сослуживцем по работе на Минском автомобильном заводе гр-ном В, у которого возле дер. П. имеется на правах личной собственности дачный домик. Предполагая, что подозреваемый К. мог скрываться именно там, был проведён осмотр дачи В, в процессе которого скрывавшийся в ней подозреваемый был задержан [6].

В ходе этого изучения личности «собирается информация о совершенном им преступлении, действиях во время и после совершения преступления, количестве преступников, степени дерзости и опасности преступного деяния, наличии оружия» [5, с. 5].

Совместно с сотрудниками милиции общественной безопасности и оперативных подразделений внимательно исследуются материалы оперативно-розыскной деятельности в отношении прошлого преступников. Их отношения к воинской службе, служили ли в армии, если да, то в каких войсках, какая военная учетная специальность, какими навыками и приемами владеют (например, войска специального назначения, ВДВ, разведывательные мотострелковые подразделения, пограничные и внутренние войска и т.д.). Изучение этих данных позволяет уже на стадии подготовки к проведению тактической операции прогнозировать возможные ситуации, связанные с поведением задерживаемых (например, оказания ими физического сопротивления, в том числе с использованием приемов рукопашного боя, применения с их стороны холодного и огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, использование автотранспорта, попыток скрыться от преследования и т.д.).

По нашему мнению, благодаря детальному исследованию собранной информации можно «минимизировать опасность для оперативной группы и окружающих, разработать тактику действий сотрудников группы захвата, в том числе и алгоритм предполагаемых действий во время задержания преступников, подобрать численный и субъектный состав группы захвата, обеспечить группу необходимыми техническими средствами и

транспортом, выбрать тактически выгодное место и время задержания, оптимально спланировать операцию по захвату» [7, с. 12].

Интересная информация для проведения задержания подозреваемого может содержаться в объяснениях, рапортах, сообщениях тех или иных должностных лиц, в которых отражены обстоятельства совершенного преступления.[8, с. 59-63] Используются материалы, полученные в ходе «зашифрованных опросов должностных лиц, родственников, знакомых и других граждан; использования оперативно-розыскных и криминалистических учетов; привлечения негласных сотрудников» [9, с. 147].

Кроме этого, необходимые сведения можно получить в ходе проведенных процессуальных действий, оперативно розыскных мероприятий, анализа материалов уголовного дела, архивных уголовных дел, ориентировок о розыске, не процессуальных данных от сотрудников милиции общественной безопасности.

Сотрудники, задействованные в подготовке и проведении тактической операции по задержанию, должны обратить внимание на сведения, касающиеся обстановки преступления, орудий и средств его совершения, особенностей преступного события.

Весьма важно при этом соблюдать конфиденциальность и конспиративность, что даст возможность скрывать информацию о времени и месте проведения тактической операции, а это в свою очередь позволит основательно подготовиться к оказанию активного противодействия со стороны преступников, и заранее принять меры к преодолению этого противодействия, приняв активные контрмеры.

В том числе используя фактор внезапности при задержании подозреваемого, что достигается: остановкой и укрытием автотранспорта, на котором прибыла группа задержания, в заранее намеченной точке, находящейся от места задержания на удалении; определением оптимального времени производства задержания; скрытым прибытием членов следственно-оперативной группы к месту его производства; быстрым проникновением в помещение или на участок местности.

При проведении физического захвата подозреваемого должна гарантироваться безопасность участников в процессе производства данного следственного действия, которая достигается: наблюдением за подходами к месту нахождения подозреваемого, за окнами и входами в помещение, и, если есть основания полагать, что группе захвата будет оказано сопротивление, обеспечение скрытного появления группы на данном объекте; охраной места задержания; четким инструктажем каждого члена следственно-оперативной группы, участвующей в тактической операции по задержанию подозреваемого; правильным порядком действий на месте задержания его участников; правильным использованием технико-

криминалистических средств и знаний специалистов (взрывотехника, кинолога со служебно-розыскной собакой);

Кроме этого, к важным элементам в подготовке проведения тактической операции по задержанию преступников относятся: тщательное изучение места задержания; выбор времени и способов задержания; проведение необходимых мероприятий на месте задержания; формирование группы; подбор технических средств; составление плана; инструктаж участников и, по возможности, репетиционные действия.

Место задержания должно быть максимально безопасным для сотрудников, осуществляющих задержание, и окружающих лиц; обеспечивать возможность применения специальных и технических средств во время операции; предоставлять возможность сотрудникам осуществлять контроль (визуальный и слуховой) за действиями преступников.

При выборе места задержания необходимо учитывать как его преимущества, так и недостатки. При задержании по месту работы имеется возможность с помощью сослуживцев или руководства вызвать задерживаемого в отдельный кабинет, но велика и опасность причинения вреда работникам организации и риск их вмешательства.

При задержании на оживленной улице имеется возможность скрытно приблизиться к преступнику, но нельзя применять оружие и сложно обеспечить безопасность случайных прохожих.

Задержание преступника в безлюдном месте не создает опасности для посторонних, у преступника меньше возможности скрыться, но и затруднено скрытое сближение с ним.

Предварительное изучение обстановки предполагаемого места задержания проводится с целью правильной его организации: возможности свободной ориентации на месте; планирования расстановки участников задержания, определения пунктов предварительного наблюдения; разработки маршрутов движения и мест стоянки транспортных средств. В зависимости от избранного места задержания изучаются различные его элементы.

При планировании задержания во дворе дома уточняется количество подъездов в доме, наличие на них кодовых замков, наличие второго выхода из подъезда, возможность выхода из двора другим маршрутом, оживленность двора в определенное время суток. Составляется примерный план места задержания.

При задержании в помещении в первую очередь следует знать о нем следующее: его адрес, расположение строения, назначение и конструктивные особенности, номер корпуса, подъезда, этажа, где находится вход в подъезд, есть ли балкон, не соединен ли он с балконом другой квартиры, пути подхода к дому, располагать архитектурным планом помещения, выясняется количество входов, окон, внутренняя планировка

помещения, наличие чердаков, подвалов, подсобных и хозяйственных помещений и выходов из них, оцениваются возможные места сокрытия преступников, при задержании на транспорте уточняется время и маршруты движения транспорта, его конструктивные особенности [10, с. 45-52].

На подготовительном этапе проведения тактической операции по задержанию подозреваемого все члены следственно-оперативной группы знакомятся с планом проведения этой тактической операции.

Заключительной фазой этой стадии подготовки к задержанию подозреваемого выступает планирование, которое всегда предполагает осуществление прогностической функции. К составлению плана задержания подозреваемого необходимо подходить дифференцированно. Он составляется на основе анализа и оценки всей совокупности материалов, имеющихся и дополнительно собранных процессуальным и непроцессуальным путем. В этом плане, независимо от особенностей предстоящего задержания, как правило, должны найти отражение следующие моменты:

- лица, подозреваемые в совершении преступления и подлежащие задержанию, и их реальное местонахождение;
- установление дня и часа начала проведения тактической операции по задержанию подозреваемого и ее окончания;
- способ проникновения в помещение и меры, предупреждающие вооруженное сопротивление задерживаемого лица;
- способы обеспечения внезапности физического захвата для подозреваемого;
- меры по охране места задержания подозреваемого лица;
- меры, исключающие связь задерживаемого с иными лицами;
- состав и количество участников тактической операции по задержанию подозреваемого с учетом предполагаемых условий;
- требующиеся специалисты и технические помощники, а также технико-криминалистические и иные средства;
- распределение обязанностей между ними и детальный инструктаж;
- предполагаемые действия участников задержания подозреваемого при осложнении обстановки;
- тактические приемы, которые целесообразно применить при личном обыске задержанного подозреваемого лица;
- способы легализации данных оперативно-розыскной деятельности, используемых в ходе задержания;
- меры по предотвращению возможного сокрытия подозреваемого в процессе физического захвата;
- форма связи с органами внутренних дел и иными правоохранительными органами и др.;

- способ связи и транспортные средства.

Все эти вопросы подлежат обдумыванию и решению и в случаях, когда на подготовку к проведению тактической операции по задержанию подозреваемого лица остается мало времени.

В зависимости от уровня сложности предстоящего задержания, его ситуационной обусловленности, реальных возможностей членов следственно-оперативной группы план может быть устным или письменным, кратким или развернутым [11, с. 211-215] План проведения тактической операции может сопровождаться соответствующим графическим материалом (схемы помещения, где скрывается подозреваемый, планы входов и выходов из него, зарисовки местности и др.).

Полагаем, что противодействие преступности в современных условиях требует мобилизации всех сил правоохранительной системы государства, оптимизации имеющихся, а также разработки новых средств и методов расследования преступлений.

Важным инструментом в решении задач правоприменительной практики являются различного рода тактические операции. Проведение задержания в форме тактической операции, а также иных криминалистических комплексов, связанных с задержанием, позволяет не просто захватить преступника, а получить при этом значительный объем информации, которая в дальнейшем может быть положена в основу доказывания в суде. Дальнейшая разработка основных положений теории тактических операций, а также роли в них задержания, имеет важное не только научное, но в первую очередь, практическое значение.

Библиографический список

1. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого как тактическая операция / С. Б. Россинский // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3-2. – С. 118-124.
2. Волков, А. С. Особенности тактической операции «Задержание подозреваемого (подозреваемых) и освобождение похищенного человека» / А. С. Волков // Вестник криминалистики. – Вып. 1 (9). – 2004. – С. 49-55.
3. Галанова, Л. В. Тактическая операция «Задержание с поличным» на начальном этапе расследования вымогательства / Л. В. Галанова // Проблемы борьбы с групповой и организованной преступностью Мат. межрег. науч. практ. конф., 5-6 дек. 1991 г. – Иркутск. 1992. – С. 68-69.
4. Маркс, А. В. Разработка тактических операций, связанных с задержанием / А. В. Маркс // Актуальные проблемы следственной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: Свердл. юр. ин-т. 1990. – С. 70-75.

5. Лобунец, Е. С. Оперативно-тактические комбинации, реализуемые на этапах расследования преступлений / Е. С. Лобунец, Н. Е. Мерецкий // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 12 нояб. 2016 г.) / под ред. С. Е. Туркулец. – Хабаровск: Дальневосточ. гос. ун-т путей сообщения, 2016. – С. 71–78.
6. Архив суда Минского района за 2021 год.
7. Смушкин, А. Б. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений : автореф. дисс. канд. юрид. наук : 12.00.09 А. Б. Смушкин. – Саратов, 2005. – 15 с.
8. Хлус, А. М. Тактическая операция «задержание с поличным» и ее особенности при раскрытии и расследовании взяточничества /А. М. Хлус // Законность и правопорядок. – 2018. – № 1. – С. 59-63.
9. Смушкин, А.Б. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений : дис..... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Б. Смушкин, СГА. – Саратов, 2005. – 243 л.
10. Марочкин, Н. А. Понятие тактической операции и ее структура / Н. А. Марочкин // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Проблемы следственной тактики: межвуз. науч. сб. – Вып.7. – Саратов, 1989. – С. 45-52.
11. Логвин, В. М. Подготовительный этап следственного действия как залог достижения его цели и решения задач в ходе его проведения / В. М. Логвин // Следственная деятельность: наука образование, практика : тезисы докладов IV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 6 сент. 2024 г.) / ред. кол. С.Я. Аземша (пред.) и др. – Минск : СтройМедиаПроект, 2024. – С. 211-215.

Петрова О. В.

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО)

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, machkova@bsu.by

Исследуются этико-правовые основы допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого). Дается анализ этической основы нормативных требований, подчеркивается важность выбора тактических приемов допроса.

Ключевые слова: допрос; допрос обвиняемого; допрос подозреваемого; допрос несовершеннолетнего; допрос несовершеннолетнего обвиняемого; тактика допроса; этика допроса.

Допрос как следственное действие предполагает получение показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля в устной или по желанию допрашиваемого также и в письменной форме, об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

Без производства допроса не осуществляется ни одно расследование преступлений. Порядок проведения допроса регулируется нормами ст.ст. 215–221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

Допрос обвиняемого (подозреваемого) по предъявленному обвинению (при подозрении – об обстоятельствах задержания) является не просто важным способом получения доказательств, но и прямым требованием закона (ч. 1 ст. 244, ч. 4 ст. 110 УПК)

Главной тактической задачей следователя при допросе указанных участников процесса является получить достоверные, изобличающие допрашиваемого показания путем допустимого психологического воздействия. Следует обратить внимание на тот факт, что давать показания – это право, закрепленное п. 9 ч. 1 ст. 41, п. 8 ч. 2 ст. 43 УПК, но не обязанность обвиняемого или подозреваемого. Принуждение подозреваемого или обвиняемого к даче показаний влечет уголовную ответственность по ст. 394 УК. Однако это не означает, что следователь не должен предпринимать никаких мер, чтобы побудить лицо давать показания. Вместе с тем такие меры могут и должны находиться в рамках этико-правовых границ.

В отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) необходимость соблюдения таких требований является особенно чувствительным вопросом. Подростки в силу психологических особенностей развития не могут правильно оценивать ситуацию, в которой

оказались, принимать разумные решения, понимать юридическое значение сказанному. Они подвержены внушению и манипулированию.

Недостаточная развитость психических процессов в подростковом возрасте позволяет как вовлекать несовершеннолетних в преступную деятельность, так и создает опасность получения на допросе от несовершеннолетних информации, не соответствующей действительности. В этой связи сложностью допроса несовершеннолетних можно назвать формирование особых этико-правовых основ проведения допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого).

Нормативные ограничения к проведению следственных действий уголовно-процессуальный закон устанавливает как в рамках норм принципов, так и конкретных предписаний закона. Можно признать верными слова А.В. Дулова, что особое значение имеет четкое исполнение всех принципов процессуального права, которые отражают, реализуют нравственные принципы судебной деятельности [1, с. 14].

На уровне принципов уголовного процесса в частности закреплено, что никто из участвующих в уголовном процессе лиц не должен подвергаться насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, а также без его согласия подвергаться медицинским и иным опытам (ч. 3 ст. 11 УПК); а также запрещаются действия и решения, унижающие честь и умаляющие достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса (ч. 1 ст. 12 УПК) и др.

В рамках конкретных норм права соблюдению нравственных требований призвана установленная законом продолжительность допроса не более четырех часов непрерывно, не более восьми часов в течение дня (ч. 2 ст. 215 УПК). Для несовершеннолетних такое время уменьшено вдвое и составляет два часа и четыре часа соответственно (ч. 1 ст. 434 УПК). Длительный допрос – это один из способа психологического воздействия. Закон однозначно определяет границы применения такого приема.

В начале допроса обвиняемого следователь должен выяснить у допрашиваемого, желает ли он сообщить свое отношение к предъявленному обвинению, признает ли его полностью или частично либо отрицает свою вину в предъявленном ему обвинении, о чем делается запись в протоколе допроса.

Вместе с тем, согласно п. 12 ч. 2 ст. 43 УПК, заявлять о своей виновности или невиновности – это право обвиняемого, а не обязанность. Следовательно, он может воздержаться от высказывания своего отношения к предъявленному обвинению. Для подростка может быть непонятна суть обвинения. Дать пояснения может как следователь, так и присутствующий защитник.

Нормативное предписание присутствия законного представителя (ст. 436 УПК) на допросе позволяет несовершеннолетнему обвиняемому

(подозреваемому) получить своего рода психологическую поддержку при производстве следственного действия и гарантировать помощь в оценке ситуации. Еще более конструктивной атмосфере способствует обязательное участие защитника при производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних (п. 2 ч. 1 ст. 45 УПК).

В теории и практике уголовного процессе ведутся споры о роли и задачах обязательного участия педагога (психолога) при допросе (ч. 1 ст. 435 УПК). Представляется, что одной из задач участия педагога или психолога является как раз помощь следователю в том, чтобы избрать такие тактические приемы, которые бы позволили получить достоверную информацию и учитывали особенности психологии подростка.

Однако уголовно-процессуальные требования очерчивают лишь границы тактических приемов. Следует согласиться с мнением А.В. Дулова, что культура судебной деятельности имеет ту особенность, что ее нельзя обеспечить только предписаниями, нормативной регуляцией [1, с. 13].

Задачей криминалистики представляется вооружить следователя такими рекомендациями, которые позволяли бы получать достоверные показания несовершеннолетнего с учетом чувствительности психики подростка и его уязвимого положения. В некоторой степени компенсировать недостаток знаний у допрашивающего призвано участие педагога (психолога), однако последний не может заменить наличие специальных компетенций у следователя или лица, производящего дознание.

Важным этико-правовым требованием допроса является обязательность свободного рассказа и недопустимость наводящих вопросов (ч. 3 ст. 217 УПК). Соблюдение требования свободного рассказа для подростка крайне важно. Допрос начинается с предложения рассказать об известных допрашиваемому лицу обстоятельствах уголовного дела. Если допрашиваемый говорит об обстоятельствах, явно не относящихся к уголовному делу, на это должно быть указано.

Для подростка не всегда может быть доступно четко и точно рассказать о случившемся. Важно для следователя владеть приемами, позволяющими стимулировать развитие свободного рассказа. По окончании свободного рассказа допрашиваемому могут быть заданы вопросы, направленные на уточнение и дополнение показаний. Педагог или психолог может помочь следователю правильно с точки зрения психологии развития сформулировать такие вопросы.

Ход и результаты допроса отражаются в протоколе, составляемом с соблюдением требований ст. 193, 194 УПК. Для следователя важно убедиться, что несовершеннолетний достаточно грамотный и внимательно прочитал подписываемый протокол.

При производстве допроса может быть использована звуко- и видеозапись (ст. 219 УПК). Применение такой записи – это не только дополнительная гарантия законности при производстве следственного действия, но и эффективный способ фиксации показаний, позволяющий оценить их в дальнейшем. В ситуации применения молодежного слэнга, неразвитости у многих, особенно у депривированных подростков, умения коммуницировать информация, полученная от подростка, может быть неверно трактована. В этой связи представляется возможным рекомендовать законодательно закрепить обязательность фиксации допроса несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) с применением звуко- видеозаписи.

Указанные выше примеры показывают, что производство допроса в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) предполагает не только соблюдение отдельных дополнительных законодательных гарантий, но и в целом его адаптацию возрасту несовершеннолетнего. Тактические приемы допроса несовершеннолетних обвиняемого (подозреваемого) должны базироваться на комплексе этических правовых основ. Следует признать, что соблюдение этических принципов в тактических приемах допроса несовершеннолетнего – основа законности получения показаний и соблюдения процессуальных гарантий.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Нравственные основы культуры судебной деятельности / А. В. Дулов // Юстиция Беларуси. – 2000. – № 1. – С. 12-14.

Путейко В. В., Пацкевич А. П.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И ЕГО ВИДЫ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуются способы совершения акта терроризма, виды терроризма и причины, способствующие его появлению, и обозначаются профилактические меры во избежание совершения терактов.

Ключевые слова: терроризм; угроза; кибертерроризм; национальная безопасность; профилактика; расследование преступлений.

Террористический акт не знает заранее своих конкретных жертв, ибо направлен прежде всего против государства. Его основная задача – подчинить государство, его органы, всю общественность, заставить их выполнять требования террористов и стоящих за ними лиц и организаций.

Беларусь признали одной из самых безопасных стран по результатам международного исследования «Глобальный индекс терроризма» [1].

Наша страна оказалась на 138-м месте из 138 возможных. Эту позицию Беларусь разделила с 26 государствами, среди которых Словения, Того, Коста-Рика, Сингапур, Северная Корея и другие. Из стран СНГ 138-е место занял также Туркменистан.

Что касается стран-соседей, Украина занимает наиболее высокое место – 17-е, Россия – 35-е, Польша – 114-е, Литва – 115-е, Латвия – 118-е.

«Глобальный индекс терроризма» – исследование уровня террористической угрозы в мире. Для его определения учитываются четыре критерия: количество террористических инцидентов, количество погибших в результате подобных ситуаций, количество пострадавших, уровень материального ущерба.

Акт терроризма регламентирован статьей 289 Уголовного кодекса Республики Беларусь и подразумевает под собой совершение взрыва, поджога, затопления, иных деяний общеопасным способом, либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо устрашения населения, либо дестабилизации общественного порядка.

В современной террористической деятельности, экспертами – террологами выделяют около 200 видов. Основными из этих видов терроризма являются: политический, националистический, религиозный, криминальный терроризм [2, с. 34].

Политический терроризм – это разновидность тактики политической борьбы, когда отдельными субъектами политики используется организованное насилие в отношении населения страны в целях коренного или частичного изменения конституционного строя либо экономических порядков в стране. Этот вид терроризма может существовать только при опоре хотя бы на минимум поддержки и сочувствия со стороны общественного мнения. В условиях полной социально-политической изоляции он обречен на скорое поражение. При этом террористы основную ставку делают на прессу.

Субъектами политического терроризма, как правило, выступают радикальные политические партии, отдельные группировки внутри партий или общественных объединений, экстремистские организации, отрицающие легальные формы политической борьбы и делающие ставку на силовое давление.

Религиозный терроризм проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо непримиримом противоборстве в рамках одной конфессии. Зачастую используется в политических целях, в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение власти представителей одного из вероучений. Наиболее ярые экстремисты ставят своей целью создание отдельного государства, правовые нормы которого будут заменены нормами одной, общей для всего населения, религии.

Националистический терроризм выражается в утверждении превосходства определенной нации или расы, направлен на разжигание национальной нетерпимости, дискриминацию представителей иных народов и преследует цель путем устрашения вытеснить другую нацию, избавиться от ее власти.

Наиболее опасен технологический терроризм, заключающийся в применении или угрозе применения ядерного, химического и бактериологического оружия, радиоактивных и высокотоксичных химических, биологических веществ, а также угрозе захвата ядерных и иных промышленных объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей. Как правило, технологический терроризм имеет под собой политические цели.

По степени разрушительности выделяется ядерный терроризм, состоящий в умышленных действиях отдельных лиц, групп или организаций и даже некоторых государств, направленных на создание чувства страха у людей, появление недовольства властями или другими субъектами, связанными с использованием (угрозой использования) сверхопасных свойств ядерного оружия, ядерных материалов, радиоактивных веществ.

Отмечается рост опасности кибертерроризма – действий по дезорганизации автоматизированных информационных систем, создающих опасность гибели людей, причинения значительного материального ущерба или наступления иных общественно опасных последствий. Основной формой кибертерроризма является информационная атака на компьютерную информацию, вычислительные системы, аппаратуру передачи данных, иные составляющие информационной структуры, что позволяет проникать в атакуемую систему, перехватывать управление или подавлять средства сетевого информационного обмена, осуществлять другие деструктивные воздействия. Наиболее опасны атаки на объекты энергетики, телекоммуникации, авиационные диспетчерские системы, финансовые электронные системы, правительственные информационные системы, а также автоматизированные системы управления войсками и стратегическим оружием. Кибертерроризм представляет серьезную угрозу для человечества, сравнимую с ядерным, бактериологическим и химическим оружием, причем степень этой угрозы в силу своей новизны до конца еще не осознана и не изучена.

Криминальный терроризм заключается в использовании уголовными преступниками методов насилия и устрашения, заимствованными из практики террористических организаций. Основными субъектами криминального терроризма являются организованные преступные сообщества национального характера, которые используют устрашение и насилие как главное средство воздействия на представителей власти, на своих конкурентов по бизнесу с целью перераспределения сфер влияния, собственности и финансовых потоков. Формы проявления: заказные умышленные убийства, разборки между основными конкурирующими группировками, насильственное вымогательство и т.п.

Новой тенденцией стало сращивание уголовного терроризма с политическим, националистическим и религиозным. Как правило, руководители всех современных террористических группировок, помимо достижения национальных, религиозных, территориальных, политических целей, стремятся к получению материальных выгод или обеспечению доступа к власти [3, с. 11].

В последнее время происходит политизация криминального терроризма, что проявляется в стремлении преступных авторитетов влиять на принятие государственных решений в целях ослабления деятельности правоохранительных органов, торможения законодательных инициатив, которые не выгодны преступной среде, и даже в действиях, направленных на вхождение преступных авторитетов или их покровителей в органы законодательной и исполнительной власти.

Для криминалистической характеристики терроризма важно иметь представление о способах его совершения.

Объективная сторона данного преступления выражена в двух формах: 1) совершение террористических действий; 2) угроза совершения таких действий. Следовательно, способы совершения данного преступления могут быть разделены на две группы: 1) способы совершения терроризма; 2) способы высказывания угрозы совершения действий, подпадающих под понятие терроризма.

Существует 2 группы способов совершения терроризма:

1) воздействия, которые сами по себе создают опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

2) воздействия, которые создают условия для возникновения опасности гибели людей и т. д.

К первой группе мы относим взрыв, поджог или иные действия, создающие опасность гибели людей, устройство обвалов, затоплений, камнепадов; блокирование транспортных коммуникаций, заражение источников воды или запасов продовольствия; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию.

Ко второй группе относятся нападение на объекты, требующие особых мер безопасности (например, атомные электростанции, химические заводы и иные); создание аварийных ситуаций на объектах обеспечения населения водой, топливом, электроэнергией и иные [4, с. 9-13].

Угроза, как способ совершения терроризма, передается непосредственно тому лицу или органу, которому она адресована, либо же преступник использует технические средства (телефон, радио, телевидение и т.п.), письменную форму (письма, записки) и третьих лиц (преступник передает угрозу через постороннего человека). При этом под третьими лицами должны пониматься лица, не имеющие отношения к тем лицам или организациям (учреждениям), которым адресована угроза.

В постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых должно быть не просто указано, какой способ был использован преступниками, но и раскрыто его содержание, т. е. перечислены действия виновных, указано, какую именно опасность они создавали (опасность чего?) и обоснован вывод об опасности именно этого вида. Если такой информации нет в материалах уголовного дела, государственный обвинитель должен запланировать исследование этого вопроса и сформулировать свои выводы.

Для характеристики способа совершения терроризма имеет значение не только содержание террористических действий, но и их публичный характер. Непременным условием является то, что об их совершении должен быть извещен широкий круг лиц: представители власти, общественные или политические деятели, какая-то часть населения.

Если совершенные действия не имеют публичного характера, то не будут достигнуты и цели совершения данного преступления. Поэтому и при

подготовке к участию в судебном разбирательстве, и особенно при подготовке к выступлению в прениях государственный обвинитель должен продумать, какими обстоятельствами он будет обосновывать публичный характер действий террористов.

Когда речь идет о террористических действиях, то органами уголовного преследования может рассматриваться деятельность террористов в двух направлениях:

- единичный акт терроризма (взрыв жилого дома ночью) или несколько единичных актов, объединенных общим умыслом (взрывы в нескольких местах одновременно либо в разное время);

- серия действий, которые в своей совокупности позволяют достичь террористических целей (организация аварии на атомной электростанции, для чего выполняется ряд последовательных действий, которые и приводят к аварии).

Первый из названных вариантов несколько проще для организации деятельности государственного обвинителя.

При совершении серии действий структура способа будет существенно сложнее, поскольку будет включать целую цепь последовательных логически и причинно-следственно связанных действий, исследование каждого из которых имеет самостоятельное криминалистическое значение и должно составлять значимую часть исследования способа совершения терроризма как системы.

Терроризм направлен на запугивание или принуждение населения и правительств за счет угроз и насилия, таким образом можно выделить основные цели терроризма:

- а) нарушение общественной безопасности;
- б) устрашение населения;
- в) оказание воздействия на принятие решений органами власти.

Преследование иных целей преступниками также возможно, но только в качестве дополнительных. Наличие основных целей обязательно, поскольку именно с наличием этих целей законодатель связывает наступление ответственности за совершение терроризма.

При этом цели могут быть глобальными или локальными. Терроризм может быть ориентирован на изменение политического курса, свержение руководства страны или отдельного региона, нарушение территориальной целостности, навязывание определенных религиозных, этнических стандартов, запугивание общества, отдельных групп населения и т.п. [5, с. 71-73].

Достижение любой из перечисленных в диспозиции статьи целей будет достаточным условием для признания характера совершенных действий именно террористическими. Вместе с тем вполне вероятной представляется

ситуация, когда преступники преследуют и достигают две или даже все три из названных целей.

В Беларуси теракты происходили в Минске и областях. Некоторые из терактов происходили в виде взрывов остановок, посольств других стран, во время массовых мероприятий [6].

Крупный теракт в истории Беларуси произошел 11 апреля 2011 года в Минском метрополитене. 15 человек погибло, 203 пострадали. 12 апреля были найдены и схвачены уроженцы Витебска 25-летние Дмитрий Коновалов и Владислав Ковалёв. Помимо взрыва в метро оба арестованных были признаны виновными во взрывах в Минске в 2008 и в Витебске в 2005. 30 ноября оба были приговорены к смертной казни и в марте 2012 года расстреляны [7].

19 апреля 2012 – взрыв в одном из магазинов в центре Гомеля. Серьезно никто не пострадал, незначительные травмы получил 1 мужчина.

25 апреля 2012 – взрыв гранаты в Кобрине. Вечером 25 апреля в Кобрине в результате взрыва гранаты погибли два человека — мужчина и его сын .

24 мая 2012 – террорист в Жлобине пытался взорвать отделение милиции с помощью подрыва бомбы. 8 ноября 2012 суд признал его психически нездоровым и направил на принудительное лечение.

4 ноября 2012 – сработало взрывное устройство на одном из участков белорусско-польской границы. Нарушителей границы удалось задержать в Польше. Это семеро граждан Вьетнама и Пакистана.

6 ноября 2012 – двое забросали бутылками с «коктейлем Молотова» литовское посольство в Минске.

11 ноября 2012 – в 18:48 по местному времени произошёл взрыв у здания КГБ в Витебске. Задержаны три человека.

В августе 2023 года двое граждан Республики Беларусь В. и З. планировали активные террористические действия, получили от кураторов из Службы безопасности Украины (далее по тексту – СБУ) координаты с тайниками в Лоевском и Хойникском районах Гомельской области, в которых была спрятана взрывчатка. Часть взрывчатого вещества В. и З. перевезли в Червенский район Минской области. Остальное собирались использовать для подрыва железнодорожного пути Столбцы – Барановичи. Задуманное выполнить не удалось, в ночь с 26 на 27 августа 2023 года они были задержаны сотрудниками группы «Алмаз» КГБ Беларуси.

В этом же году гражданин Украины Иван Л., 1992 года рождения, уроженец Хмельницкой области планировал акт терроризма на территории нашей страны. Помочь с подготовкой теракта Иван Л. уговорил двух жителей Гродно – Ивана Б. и Бориса П., которые обладали профессиональными навыками минно-взрывного дела. Ранее П. связывался с СБУ и хотел воевать на стороне Украины. Однако получил отказ, так как

его навыки подрывника СБУ планировали использовать для террористических акций на территории Беларуси. Изначально трое мужчин собирали информацию о передвижениях военной техники, наличии российских военных подразделений на территории белорусских частей. За эту работу они получили 500 евро и 600 долларов [8].

Рассматривая информацию о следах этих преступлений, прежде всего, необходимо рассмотреть материальные следы. [9, с. 18-20]

К ним в первую очередь следует отнести: традиционные для криминалистики следы; следы горения; следы преступных действий по инициированию горения. Так к основным следам взрыва относятся: воронка – область наиболее интенсивных разрушений, окопчений, оплавлений, деформации предметов, которые укажут место расположения центра взрыва; повреждения в предметах окружающей обстановки, которые свидетельствуют о наличии или отсутствии осколочного действия взрыва; разрушения, причиненные ударной волной (например, разбитые стекла, сломанные дверные коробки, деревья и т. п.; части деформированных или неповрежденных механизмов, электропроводов, огнепроводного шнура, изолянты, частей электробатарей, аккумуляторов, пластиковых пробок электродетонаторов, капсуль-детонаторов и т. д.; разбросанные предметы обстановки на месте взрыва). К основным следам взрыва относятся: телесные повреждения, полученные пострадавшими; повреждения одежды и вещей, принадлежащих пострадавшим [10, с. 65].

В последнее время особенно обострилась проблема совершения терактов в странах-соседях, например, в России, в марте 2024 года произошел крупный теракт в одном из торговых центров. И данный факт, свидетельствует о том, что необходимо предпринимать еще более надежные меры для устранения и минимизации в отдельных государствах терактов.

Для этого уже ведется борьба с терроризмом на международном уровне, где выделены основные стратегии по борьбе с терроризмом, например, предупреждение и пресечение финансирования терроризма; противодействие использованию Интернета в террористических целях и иные.

Террористам свойственны стойкая преступная готовность, отказ от общечеловеческих ценностей, нарциссизм, высокий уровень агрессивности и жестокости, убежденность в своей правоте и отсутствие сопереживания жертвам.

Необходимо так же изучать личность преступника, для дальнейшего предотвращения совершения этих преступлений, усиливать охрану общественных мест во время торжественных мероприятий, праздников, фестивалей, дней города.

По нашему мнению, правильное использование сведений о криминалистической характеристике терроризма позволят более эффективно расследовать эти преступления.

Библиографический список

1. Беларусь признана одной из самых безопасных стран мира [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.polymia.by/2019/11/belarus-priznana-odnoj-iz-samyx-bezopasnyx-stran-mira/>. – Дата доступа: 17.09.2024.
2. Расследование терроризма: учеб. пособие / В. И. Иванов [и др.]; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. – СПб., 2001. – 132 с.
3. Международно-правовые нормы противодействия терроризму в зарубежных странах: аналитический обзор. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 24 с.
4. Терроризм и организованная преступность: монография / С. А. Солодовников. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 173 с.
5. Ильяшенко, А. Н. Совершенствование деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом: моногр. / А. Н. Ильяшенко, А. В. Маслов, Е. А. Игнатов. – М.: ВНИИ МВД России, 2007. – 130 с.
6. Теракты в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теракты_в_Белоруссии. – Дата доступа: 17.09.2024.
7. Исповедь после казни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2012/04/01/687797-ispoved-posle-kazni.html>. – Дата доступа: 17.09.2024.
8. Теракты в Беларуси готовили пособники спецслужб .. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mlyn.by/11092023/terakty-v-belarusi-gotovili-posobniki-speczsluzhb-ukrainy-v-kgb-rasskazali-podrobnosti/>. – Дата доступа: 17.09.2024.
9. Артамонов, И. И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : моногр. / И. И. Артамонов. – Москва : Изд. Шумилова И. И., 2002. – 332 с.
10. Будаева, С. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия : учеб. пособие / С. В. Будаева, П. В. Сапунова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2013. – 116 с.

Ропот Р. М.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр-т Машерова, 6а, 220005, г. Минск, Беларусь, *r.r.m.86@mail.ru*

Исследуются проблемы первичной диагностики и установления признаков полового сношения у малолетних. Подробно рассматриваются ряд положений (признаки полового сношения; определение развратных действий; получение сведений, свидетельствующих о сексуальном насилии), знание которых детерминирует успешность выявления подобного рода преступлений, оперативность реагирования и эффективность последующих действий правоохранительных органов.

Ключевые слова: малолетние; признаки преступления; развратные действия; сексуальное насилие.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь к малолетним детям относятся лица в возрасте до 14 лет. Права ребенка строго охраняются государством, а преступления, совершенные в отношении детей, особенно в части их половой неприкосновенности, всегда имеют высокий общественный резонанс и влекут тяжелые последствия. Доступность информации о различного рода сексуальных свободах, повсеместное распространение интернет-коммуникации в совокупности с отсутствием у малолетних жизненного опыта и несформированной системой ценностей, детерминируют наличие достаточно высоких рисков сексуального насилия. При этом такие факты характеризуются значительным уровнем латентности, а первичная диагностика и установление признаков полового сношения у малолетних имеет определяющее значение в процессе выявления подобного рода преступлений. В этой связи представляется необходимым сформулировать ряд положений, знание которых необходимо, прежде всего, взрослым, которые непосредственно участвуют в постоянном общении, воспитании и обучении детей, – родителям, педагогам, тренерам спортивных секций, врачам-педиатрам и т.п. Именно от внимательности данной категории лиц, их осведомленности по рассматриваемому вопросу зависит оперативность реагирования и эффективность последующих действий правоохранительных органов.

Одним из существенных элементов в решении обозначенной проблемы является четкое уяснение следующих положений: знание признаков полового сношения; диагностика развратных действий; порядок получения

сведений, свидетельствующих о сексуальном насилии. Рассмотрим подробнее данные аспекты.

Факт совершенного полового сношения устанавливается на основании анализа совокупности показателей:

признаков недавнего лишения половой неприкосновенности (девственности);

телесных повреждений, возникающих при половом сношении;

возможных нежелательных последствий полового акта (беременность, заражение заболеванием, передающимся половым путем, и т.д.);

обнаружения спермы и других объектов [1, с. 72].

В рамках данной работы мы сознательно не будем подробно рассматривать признаки и последствия полового сношения, которые могут быть установлены специалистами в области гинекологии, венерологии и (или) судебной медицины, а также криминалистические аспекты обнаружения, изъятия и исследования характерных следов и объектов. Данная информация детально изложена в соответствующей специальной литературе. Сосредоточим внимание на более явных и при этом неоднозначных, на первый взгляд, особенностях.

Одним из важных признаков лишения половой неприкосновенности принято считать нарушение целостности девственной плевы. Вместе с тем, при половом акте, даже грубом и насильственном, девственная плева, по ряду причин (физиологические особенности половых органов девочки, преждевременная эякуляция или слабая эрекция у насильника) может сохранить свою структуру и целостность. Поэтому отсутствие данного признака не может являться основанием для категорического отрицания имевшего место полового акта, в том числе насильственного.

Повреждения, возникающие при насильственном половом акте, принято разделять на две группы: в области половых органов (генитальные) и вне половых органов (экстрагенитальные) [1, с. 73].

И если генитальные телесные повреждения (ссадины половых губ, внутренней поверхности бедер, рваные раны промежности и пр.) в рамках повседневной деятельности можно скрыть, то экстрагенитальные телесные повреждения, механизм образования которых обусловлен подавлением сопротивления жертвы, борьбой при насильственном раздевании, избиением, являются достаточно заметными. К таким повреждениям могут относиться ссадины и кровоподтеки на руках (особенно запястьях), шее, лице, груди. Следует обращать внимание на следы укусов, точечные внутрикожные кровоизлияния от сильных поцелуев (так называемые «засосы»), обломы ногтей, ожоги (в том числе от сигарет). Могут иметь место и более тяжкие повреждения: переломы костей лицевого скелета (нос, скуловая кость, нижняя челюсть), ребер, конечностей, вывихи суставов, черепно-мозговые травмы различной тяжести. Кроме того, следует

обращать внимание на следы, которые могли быть образованы травматическим действием окружающих предметов и поверхностей (следы скольжения по шероховатой поверхности на спине, коленях, локтях и т.п.).

Следует отметить, что указанные выше телесные повреждения изолированно, сами по себе, могут и не свидетельствовать об имевшем место половом акте либо другом характере сексуального насилия. Только совокупность всех повреждений (на половых органах и других частях тела) отражает особенности и характер возможных криминальных событий. Однако обращение внимание на те или иные характерные признаки, определение источника их происхождения являются обязательным условием установления (или исключения) противоправности случившегося.

Телесные повреждения на открытых (видимых) участках тела ребенка (кровоподтеки, ссадины на лице, шее, груди, конечностях и др.) могут быть выявлены взрослым в ходе повседневного общения. При этом необходимо обращать внимание на изменения в манере одеваться и появляться на виду в открытой одежде, что может указывать на попытки скрыть телесные повреждения (например, шарфы, предметы одежды с высоким воротником, длинными рукавами и т.п.). Для выяснения таких обстоятельств в процессе общения могут быть применены тактические приемы, направленные на создание условий, способствующих снятию ребенком верхней или закрытой одежды с обнажением видимых участков тела (предложение поговорить в комнате с предварительным созданием в помещении повышенной температуры и последующим предложением снять шарф, байку; приглашение на беседу с рекомендацией оставить одежду в гардеробе и т.п.).

Сопутствующим признаком практически любого полового акта является семяизвержение и образование иных биологических следов. Семенная жидкость (сперма), подсыхая, образует на одежде участки белесоватого или белесовато-желтовато цвета, имеющие крахмальную плотность. Помимо спермы на одежде и теле девочки могут быть замечены посторонние волосы, текстильные волокна, следы крови и слюны насильника. Со временем пятна крови приобретают темно-коричневый, а затем зеленый окрас. Все вышеуказанные следы и объекты сохраняются длительное время и содержат важную идентификационную информацию. Поэтому крайне важно сохранить одежду с такими следами, не подвергая ее стирке и чистке, для последующей передачи правоохранительным органам.

Не менее важным аспектом является понимание определенных психологических особенностей малолетних. Потому, при выявлении и диагностике имевших место развратных действий, необходимо достаточно критично относиться к их рассказам. Дети отличаются повышенной внушаемостью, склонны к фантазированию, у них незначителен или совсем отсутствует жизненный опыт, что нередко приводит к неправильной оценке ими тех или иных событий. Иногда, являясь свидетелями половых актов

взрослых (например, подглядывая за родителями), дети экстраполируют события на себя и излагают порой весьма правдоподобные истории, где они являются участниками и в которых нередко фигурируют условия их жизни и знакомые им лица. При общении на подобные темы важно все: правильный выбор места опроса, его продолжительность, сам тон опрашиваемого. Учитывая быструю утомляемость несовершеннолетнего, его неспособность сосредоточивать долгое время внимание на одном и том же объекте, не следует такую беседу затягивать [2, с. 216-217].

Кроме того, в процессе беседы у ребенка могут быть выявлены признаки, которые сами по себе не являются безусловным подтверждением сексуального насилия, однако требуют со стороны взрослых повышенного внимания, комплексной оценки в совокупности с ранее указанными, а также с учетом следующих обстоятельств:

- демонстрация сексуализированного поведения;
- имитация полового акта с игрушками, другими детьми;
- внезапное появление ночных кошмаров, страхов;
- отказ от общения с кем-то из взрослых или детей, с которыми ранее ребенок охотно общался;
- страх перед мужчинами определенного типажа (цвет волос, фигура и др.);
- использование аллегорий или рассказов от третьего лица («Вот что было с моим другом»);
- появление новых друзей, которых он скрывает;
- появление взрослого друга;
- появление новых «взрослых» слов;
- внезапное появление либо усиление эмоциональной лабильности, страха перед определенными людьми или местами;
- побеги из дома;
- откат в психоэмоциональном развитии, снижение успеваемости.

Психологическое взаимодействие с несовершеннолетним при опросе сопряжено с особыми трудностями, обусловленными в первую очередь его возрастными особенностями, связанными со специфичной динамикой протекания психических процессов (сенсорных, перцептивных, анемических, интеллектуальных), эмоциональным и поведенческим реагированием несовершеннолетнего в сложных ситуациях. В зависимости от возрастного периода и индивидуальных характеристик несовершеннолетнего сама процедура опроса может восприниматься им как изначально конфликтная ситуация. Кроме того, участие в опросе несовершеннолетнего третьих лиц (родителя, родственника, попечителя и др.) в определенных ситуациях может препятствовать установлению позитивного психологического контакта с ним, существенно осложняя весь коммуникативный процесс. Поэтому опрос должен, по возможности, производиться наедине, в форме доверительной беседы.

Необходимо иметь в виду, что если в процессе беседы ребенок начнет делиться определенной информацией об имевшем место сексуальном насилии, то взрослому не следует прерывать (откладывать, переносить) этот рассказ. При этом ни в коем случае не следует озвучивать намерения обратиться в правоохранительные органы или сообщить иным лицам (родителям, учителям) данную информацию, что может повлечь замыкание малолетнего в себе, отказ в дальнейшем разговаривать о произошедшем с ним неприятном инциденте с иными лицами. В ситуациях общения, когда несовершеннолетний начинает откровенничать и рассказывать о совершенном в отношении него сексуальном насилии, важно убедить его, что от полноты и точности полученных сведений зависит успешность последующего розыска, изобличения и наказания преступника.

Возможными обстоятельствами, которые при этом необходимо выяснить, являются следующие:

где и при каких условиях произошла встреча с насильником (время, место, обстановка и др.), как ребенок оказался на месте преступления, не была ли эта встреча заранее обусловленной;

в чем выразились насильственные действия, какие конкретно меры физического воздействия применял насильник, чем угрожал (если он имел оружие, то какое именно и как его использовал);

условия знакомства с насильником, характер отношений;

в каком состоянии находилась жертва (если она была в момент насилия в беспомощном состоянии, то в связи с чем это произошло, а если была приведена в такое состояние насильником, то с помощью каких средств);

приметы одежды, особенности внешности подозреваемого (голос, акцент, походка, татуировки и т.д.), особенности его нательного белья и скрытые под одеждой индивидуальные признаки;

имена и клички насильников, если их было несколько и они обращались друг к другу;

не осталось ли на теле или одежде жертвы каких-либо следов, свидетельствующих о примененном насилии;

как жертва реагировала на действия насильника, какое сопротивление она ему оказала;

могли ли остаться на теле или одежде насильника следы сопротивления жертвы (царапины, следы укусов и другие повреждения);

звала ли жертва на помощь, если нет, то почему;

кто наблюдал состояние и внешний вид жертвы, а также следы насилия на ней после происшедшего преступления;

где, при каких обстоятельствах, кому и что именно жертва рассказывала о происшедшем;

обращалась ли она за медицинской помощью и куда, какая помощь ей была оказана;

сообщала ли жертва насильнику о своем возрасте, месте учебы, друзьях, была ли на нем одежда или вещи, которые свидетельствовали бы о его возрасте;

возможно, преступник видел, как жертва выходила из школы, детской поликлиники и т. д.;

известно ли опрашиваемому о других детях, подвергшихся сексуальному насилию.

Весьма ценными могут оказаться сведения, которые преступник сам сообщает о себе (месте проживания, роде деятельности, месте работы, увлечениях, наличии какой-либо недвижимости: квартиры, частного дома, дачи, автомобиля и т.п.) при разговоре с малолетним до момента посягательства либо после него.

Таким образом, можно заключить, что факты сексуального насилия в отношении малолетних представляют собой достаточно сложный массив специальных (судебно-медицинских, криминалистических), социальных и психологических аспектов, знание и умелое определение которых является обязательным условием эффективного установления всех обстоятельств противоправного деяния и верной квалификации содеянного. Кроме того, использование приведенных положений со стороны взрослых, непосредственно участвующих в постоянном общении, воспитании и обучении детей, позволит снизить уровень латентности подобного рода преступлений, повысить оперативность реагирования на них и эффективность последующих действий правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Гусенцов, А. О. Судебная медицина и судебная психиатрия : учебник / А. О. Гусенцов, М. Ю. Кашинский, Ю. В. Кухарьков; УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2021. – 584 с.

2. Криминалистическая тактика : учеб. пособие / Г. Б. Дергай [и др.] ; под общ. ред. В.М. Логвина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2021. – 324 с.

Руденко Е. О., Пацкевич А. П.

СПОСОБЫ МОШЕННИЧЕСТВА В ИНТЕРНЕТЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЭТИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawscrim@bsu.by

Исследуются способы мошенничества в сети Интернет, проблемные аспекты в области раскрытия данного рода преступлений и обозначаются профилактические меры по работе с населением во избежание увеличения количества противоправных действий.

Ключевые слова: мошенничество; Интернет; профилактика; расследование преступлений; фишинг; Интернет-ресурс.

С активным развитием информационных технологий некоторые категории преступлений также переходят в Интернет-пространство. Данный феномен касается не только компьютерной информации, но и экономической составляющей, а именно денежных средств граждан.

Показательным примером является мошенничество в сети Интернет. Согласно статистики МВД Республики Беларусь, в 2024 году количество этих преступлений увеличилось в 4 раза по сравнению с прошлым годом [1]. Наиболее распространенными видами являются мошенничества с использованием информационно-компьютерных технологий, они составляют более половины преступлений этого вида. Вслед за ними по количеству выделяются хищения путем модификации компьютерной информации [2]. Исходя из данной статистики можно сделать вывод о том, что данная проблема только набирает обороты и борьба с киберпреступностью является актуальной задачей на текущий момент.

Мошенничество с использованием информационно-компьютерных технологий приравнивается к ст. 209 УК Республики Беларусь и предполагает, что потерпевший либо иное лицо, которому имущество вверено или под охраной которого оно находится, сами добровольно передают имущество или право на имущество виновному под влиянием обмана или злоупотребления доверием. При этом отдельного акцента на том, что были использованы информационно-компьютерные технологии кодекс не содержит.

Хищение имущества путем модификации компьютерной информации закреплено в ст. 212 УК Республики Беларусь и предлагает умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью посредством противоправного изменения компьютерной информации, либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации.

Мы согласны с мнением российского юриста Д.А. Зыкова, предлагающего ввести в Уголовный кодекс России специальную статью 159-1 УК РФ «Компьютерное мошенничество», под которой им понимается «завладение чужим имуществом путем обмана, злоупотребления доверием, присвоения, растраты либо причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» [3, с. 37–39]. Однако введение такого рода статьи на данный момент не предвидится ни в УК Российской Федерации, ни в УК Республики Беларусь.

При этом в роли альтернативного варианта обозначения мошенничества в Интернете в законодательной базе может выступать соответствующее дополнение в дефиницию определенных признаков, поскольку хищения с помощью сети Интернет не всегда вписываются в рамки привычного состава мошенничества.

Если обращаться к способам совершения мошенничества в Интернете, то образуется достаточно большой список. В числе ключевых выделяются фишинг, вишинг, нигерийские письма, создание фальшивых аккаунтов с продажей товаров, схемы заработка, взломы аккаунтов в социальных сетях [4].

Фишинг это получение конфиденциальных данных, в том числе и номера банковской карты путем отправления ссылок от имени банков, отделений почты, брендов и прочих организаций [5, с. 11]. Суть состоит в том, что переходя по ссылке, гражданин вводит персональные данные, после чего эта информация оказывается в руках преступников. Подобные махинации также производятся и на площадках по продаже товаров по типу Куфара. В личные сообщения пользователю поступает письмо о том, что продавец просит внести предоплату только за доставку, после чего отправляется фишинговая ссылка. Предлог может быть абсолютно любой, но итог один – после перехода по ссылке и ввода данных средства на банковской карте безвозвратно исчезают.

Вишинг – это способ мошенничества, в получении конфиденциальных данных, представляясь компетентным лицом (сотрудником банка или милиции, например) [6, с. 25–31]. В этом случае придумывается определенная легенда, которая рассказывается потерпевшему, после которой он переводит или отдает деньги злоумышленникам.

Достаточно часто встречается ситуация, когда мошенники говорят потерпевшему, что на него оформлен кредит или произошло списание суммы с банковского счета. Тогда жертву просят назвать данные своей карты, после чего происходит хищение денежных средств. Также поскольку некоторые банковские приложения для входа используют биометрические данные, мошенники могут попросить включить камеру на звонке, после чего получают доступ ко входу в мобильный банкинг.

В случае, когда они представляются сотрудниками милиции, обычно применяется следующая преступная схема: при телефонном звонке описывается ситуация, что близкий человек потерпевшего совершил преступление и чтобы уголовное дело не было возбуждено, следует отдать определенную сумму. В такой ситуации уже в дело вступают курьеры телефонных мошенников, которым и передаются денежные средства. Данный способ образует целую преступную цепочку и квалифицируется как преступление, совершенное группой лиц.

Нигерийские письма подразумевают, что после финансовой операции, потерпевшему полагается солидное вознаграждение [7, с. 122-124]. Частым примером являются лотереи, когда мошенники внушают жертве, что она выиграла в конкурсе и для получения выигрыша необходимо оплатить лишь комиссию за перед.

Создание фальшивых аккаунтов с продажей товаров обычно происходит в различных социальных сетях. Сутью данного мошеннического действия является завлечение пользователей в своеобразный Интернет-магазин, где обычно цены значительно ниже привычных и склонение к покупке товаров. После оплаты указанной суммы товар не приходит к покупателю, а через определенное время магазин и вовсе исчезает.

Схемы заработка являются достаточно новым видом мошенничества и предполагают размещение в социальных сетях видео о том, как быстро заработать деньги с минимальными вложениями. Потерпевший отправляет денежные средства мошенникам, а взамен обретает схему по обману таких же заинтересованных в работе лиц, как он, или вовсе теряет свои финансы. В итоге образуется целый круговорот с размещением в сети Интернет рекламы быстрых заработков, которые под собой имеют лишь финансовые потери.

При ситуации, когда аккаунт оказывается в руках злоумышленников, преступники обычно действуют по двум сценариям: либо начинают от имени потерпевшего просить деньги у его контактов, либо просить заплатить для восстановления доступа к социальной сети.

Для криминалистической характеристики мошеннических действий в сети Интернет важно иметь представление о способах совершения данных преступлений, о месте, времени, условиях, способствовавших совершению преступления. Данные знания, несмотря на их вероятностный характер, способны существенно снизить информационную неопределенность, в особенности на начальном этапе расследования преступления [8, с. 614-626].

Важную роль в расследовании дел о мошенничестве играют криминалистические рекомендации, применение которых позволяет

собрать наибольшее количество информации и не допустить ее потерю из-за несвоевременного фиксирования.

В первую очередь важно получить сведения об Интернет-ресурсе, на котором и были совершены противоправные действия. В качестве ресурса может выступать торговая площадка, электронная почта, социальная сеть, сайт. Данные должны быть отмечены в протоколе допроса потерпевшего со всеми необходимыми реквизитами (ссылка, идентификатор и прочее). При условии, что данный ресурс все еще функционирует, необходимо связаться с лицом, администрирующим ресурс, и запросить сведения об IP адресах его посещающих. По данным адресам становятся известными сведения о провайдере, который располагает данными абонентов и имеет информацию о физическом адресе подключения.

Однако в случае шифрования IP адреса или нахождения его в иностранном государстве возникают проблемы с получением сведений о физическом адресе. В такой ситуации необходимо действовать в соответствии с нормами международных договоров. При этом запрос сведений у зарубежных стран обычно либо игнорируется, либо существенно затягивается ввиду недостаточно грамотно сформулированной правовой базы по содействию в раскрытии данных преступлений. А поскольку случаи мошенничества в Интернете являются достаточно частыми, такая ситуация значительно тормозит процесс раскрытия дел, ввиду того что преступники обычно находятся за пределами Республики Беларусь.

В случае шифрования IP адреса с помощью специальных программ проблемы возникают уже с техническим оснащением органов уголовного преследования, которое существенно отстаёт от технологий, задействованных в преступных схемах.

Если мошеннические действия были совершены при помощи аккаунта в социальной сети или электронной почты через администрацию ресурса есть возможность узнать и номер, на который они привязаны. Но в большинстве случаев используются незаконно приобретенные анонимные SIM-карты или виртуальные номера, существующие лишь для приема звонков либо СМС для регистрации. Даже если данная информация и будет получена, то существенно не повлияет на раскрытие преступления ввиду невозможности таким образом установить личность мошенника.

Также в ходе расследования дела от потерпевшего получается и платежная информация в виде реквизитов счета или карты. По данным сведениям можно установить их держателя, однако в основном карты приобретаются незаконным путем и установить лицо, которое действительно получили незаконно добытые денежные средства, не представляется возможным.

Указанные трудности в изобличении Интернет-мошенников говорят о том, что в настоящее время имеется существенная необходимость в

повышении уровня компетенции в рамках современных технологий, выработке и модернизации норм международного сотрудничества в области киберпреступности, борьбе с анонимностью в сети Интернет и банковской сфере.

Важным аспектом в противодействии киберпреступности является применение профилактических мер среди населения. Существует необходимость в просвещении граждан о новых видах мошенничеств, создание специализированных ознакомительных ресурсов с данной тематикой. Внимательность и бдительность на просторах сети Интернет также окажет существенное влияние на борьбу с мошенничеством. Для этого необходимо тщательно проверять ссылки, под различным предлогом отправленные по электронной почте и СМС и в случае сомнения в их достоверности не переходить по ним, в случаях звонков от имени компетентных лиц следует удостовериться в их подлинности, самостоятельно связавшись с организацией, от имени которой ведется диалог, необходимо доверять только проверенным сайтам с продажей товаров, продавцам, информации, а также устанавливать двухфакторную аутентификацию на социальные сети.

Таким образом, проблема мошенничества остро стоит в нашем государстве и только набирает обороты. Для борьбы с данным видом преступности необходимо задействовать не только государство, но и граждан. Основными тенденциями в области профилактики киберпреступности должны стать модернизация законодательства, усиленный контроль за деятельностью пользователей с сети Интернет, информированность населения о новых видах мошенничества, усовершенствование систем безопасности банковских приложений и личных аккаунтов граждан. Данные меры профилактического характера помогут сузить сферы преступных посягательств и позволят выявить многие из них на начальных этапах.

Библиографический список

1. В Беларуси в 4 раза выросло количество тяжких киберпреступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/v-belarusi-v-4-raza-vyroslo-kolichestvo-tyazhkih-kiberprestupleniy/>. – Дата доступа: 15.09.2024.
2. За два месяца 2024 г. в Минске зарегистрировано 850 киберпреступлений. Какие методы обмана в топе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minsknews.by/za-dva-mesyacza-2024-g-v-minske-zaregistrirovano-850-kiberprestuplenij-kakie-metody-obmana-v-tope/#:~:text=%B9>. – Дата доступа: 15.09.2024.
3. Минин, А. Я. О специфике противодействия киберпреступности / А. Я. Минин // Российский следователь. – 2013. – № 8. – С. 37–39.

4. Старостенко, О. А. Природа и способы совершения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / О. А. Старостенко // Вестник Удмуртского университета. – Экономика и право. – 2020. – Т. 3.

5. Ларичев В. Д. Как уберечься от мошенничества в сфере бизнеса / В. Д. Ларичев // М.: Юристъ. – 1996. – С. 11.

6. Гладких, В. И. Компьютерное мошенничество: а были ли основания его криминализации? / В. И. Гладких // Российский следователь. – 2014. – № 22. – С. 25–31.

7. Никитина, И. А. Финансовое мошенничество в сети Интернет / И. А. Никитина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 337. – С. 122-124.

8. Тимофеева, В. В. Криминалистическое обеспечение расследования мошенничеств в сети Интернет / В. В. Тимофеева // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 614-626.

Рудкевич Е. В.¹⁾, Хлус А. М.²⁾

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В УСТАНОВЛЕНИИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ**

¹⁾ УСК Республики Беларусь по г. Минску,
ул. Саперов, 7, 220035, г. Минск, Беларусь, *evgesha070290@yandex.by*

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *hlus.home@mail.ru*

Рассмотрены обстоятельства, подлежащие установлению в процессе расследования злоупотреблений властью или служебными полномочиями. Выявление подлежащих доказыванию обстоятельств, закрепленных в УПК Республики Беларусь, не обеспечивает полное раскрытие данного вида преступлений, но составляет основу процесса его предварительного расследования. Проведенный анализ обстоятельств, подлежащих установлению, позволил их представить в качестве системы взаимосвязанных элементов, обеспечивающих объективное раскрытие данного вида преступлений против интересов службы. Выявление обстоятельств совершения злоупотреблений властью или служебными полномочиями основывается на криминалистических знаниях, способствующих конкретизации этих обстоятельств, устанавливаемых в каждом конкретном случае расследования. Авторы пришли к выводу, что в процессе расследования злоупотреблений полномочиями наиболее эффективной является реализация метода криминалистического анализа деятельности должностного лица и организации, в которой проходит его служба.

Ключевые слова: злоупотребление; власть; служебные полномочия; расследование; криминалистика; обстоятельства; предмет доказывания.

Расследуя любое уголовное дело, в том числе и рассматриваемое нами, следователь решает ряд задач, относящихся к преступлению и его участникам. Одной из них является установление совокупности обстоятельств, которые обеспечат доказывание факта совершения конкретным лицом преступного деяния. Эти обстоятельства в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее УПК) обозначаются как «обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу» [1].

По уголовному делу подлежит доказыванию: 1) наличие общественно опасного деяния (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения); 2) виновность обвиняемого; 3) обстоятельства смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого;

4) характер и размер причиненного вреда; 5) обстоятельства, подтверждающие, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества (ст. 89 УПК). Эти обстоятельства наиболее типичны, составляют общий предмет доказывания по каждому уголовному делу, т. е. данный перечень является универсальным для любой категории преступлений. Они образуют общую модель предмета доказывания первого уровня [2, с. 120]. К этому уровню относятся обстоятельства, регламентированные нормами Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК) в 6 главе которого перечислены обстоятельства, исключающие преступность деяния [3]. К ним относятся: необходимая оборона (ст. 34 УК), причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. 35 УК), крайняя необходимость (ст. 36 УК) и др. При наличии оснований указанные и иные обстоятельства подлежат доказыванию, т. е. составляют предмет доказывания.

Для реализации модели предмета доказывания первого уровня необходимы знания обстоятельств, конкретизирующих преступное деяние. Эти обстоятельства второго уровня отражают признаки состава преступления, указывают на причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 90 УПК).

В ходе расследования отдельного криминального деяния подлежат выявлению и доказыванию его индивидуальные обстоятельства, которые составляют предмет криминалистического исследования. Эти обстоятельства, дополнительные по своему характеру, составляют нижестоящий уровень предмета доказывания.

Рассмотрение структуры предмета доказывания предполагает определение роли криминалистической науки в решении проблемы конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению в процессе расследования злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

В структуре предмета доказывания выделяются основные и дополнительные обстоятельства (факты), подлежащие установлению. Условное деление на основные и дополнительные обстоятельства не влияет на их существенную значимость для расследования уголовного дела, а определенное количество указывает на пределы доказывания.

Основу предмета доказывания по каждому уголовному делу о злоупотреблении властью или служебными полномочиями (далее злоупотребление полномочиями) составляют «нормы материального уголовного закона, процессуального закона и конкретные обстоятельства» [4, с. 98].

В нормах УК и УПК не представляется возможным упомянуть весь спектр обстоятельств, значимых для объективного разрешения конкретного уголовного дела о злоупотреблениях полномочиями. Это предполагает

необходимым установление иных значимых обстоятельств, которые можно именовать дополнительными.

Различие обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, повлекло за собой необходимость выделения тех, которые определяют основную цель доказывания и решают вопрос об уголовной ответственности. В уголовно-процессуальной науке появилось понятие «главный факт», к которому относятся все элементы состава преступления, из которых складывается уголовное деяние [5, с. 122]. Наполнение содержанием «главного факта» заслуга уголовного и уголовно-процессуального права. Но следует отметить, что данные науки ограничены в аспекте определения всей совокупности значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании конкретного уголовного дела. Дело в том, что указанные науки оперируют абстрактной моделью преступления. Выделение всей совокупности значимых обстоятельств представляется возможным в ходе расследования совершенного деяния.

Установление всех обстоятельств совершения преступления, как основных, составляющих «главный факт», так и дополнительных основывается на криминалистических знаниях. Именно криминалистике предстоит исследовать «реальности уголовного права» (Г. Гросс).

В криминалистике круг обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании злоупотреблений полномочиями, значительно шире, чем уголовно-процессуальный предмет доказывания. В процессе расследования следователям предстоит устанавливать и те обстоятельства, которые выходят за пределы ст. 89 УПК, но в своей совокупности они обеспечивают полное раскрытие преступления.

Рассмотрим обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании злоупотреблений полномочиями.

1. Устанавливается время, место, способа и иных обстоятельств совершения криминального деяния. Злоупотребления полномочиями часто совершаются неоднократно, сочетаются с иными криминальными деяниями, что предполагает проведение анализа деятельности подозреваемого должностного лица с целью выявления всех фактов преступлений и установления обстоятельств их совершения.

2. Устанавливаются властные (служебные) полномочия должностного лица, его права и обязанности, предусмотренные различными нормативными актами. С этой целью выявляется весь перечень относящихся к данному делу нормативных правовых актов.

3. Подлежит установлению наименование организации (учреждения), структурного подразделения (главное управление, управление, отдел и т.д.), в штате которого состоит должностное лицо, а также наименование занимаемой должности. Для этого изучаются устав организации,

положения, должностные и иные инструкции, приказы о назначении на должность привлекаемого к ответственности.

4. Обстоятельства, характеризующие личность должностного лица, одновременно могут иметь значение для установления иных составляющих предмета доказывания. Например, изучение образа жизни обвиняемого и членов его семьи может указать на причины, подтолкнувшие его к совершению преступления.

5. Компетенция должностного лица, определяющая круг вопросов, решаемых должностным лицом в процессе своей деятельности. Для этого изучается перечень прав и обязанностей, предусмотренных нормативно правовыми актами и локальными документами (положениями, инструкциями).

6. Обстоятельством, подлежащим установлению, может являться компетентность должностного лица, под которой понимается его качественная характеристика, состоящая в готовности и способности использовать на основании приобретенных знаний предоставленные права и обязанности в практической деятельности.

7. Фактическая служебная деятельность должностного лица. Сведения об этом могут быть получены в результате изучения заключенного с ним контракта (трудового договора), документов, содержащих приказы, распоряжения, указания.

8. Содержание конкретных действий при совершении злоупотреблений полномочиями. В чем они проявились и как были восприняты иными лицами, в отношении которых были совершены.

9. Содержание злоупотреблений полномочиями. Какие связи были задействованы, каким образом были оформлены противоправные действия.

10. Определяются нормы законодательства, нарушенные должностным лицом.

11. Наличие иных лиц, причастных к совершению преступления. Расследование злоупотреблений полномочиями подлежит установлению круг их участников, характер взаимоотношений между ними, форма вины, роль каждого в совершении деяния.

12. Мотивы и цели совершения злоупотреблений полномочиями. Содержание выгоды должностного лица, совершившего деяние.

13. Выявляется имущество, приобретенное должностным лицом либо его родственниками или иными лицами, состоящими с ним в отношениях, после совершенных действий, связанных со злоупотреблением полномочиями.

14. Вред, причиненный в результате злоупотреблений полномочиями. В зависимости о доказанности характера и размера вреда находится «решение вопросов, касающихся квалификации деяния; определения стадии реализации преступного умысла; меры наказания; наличия

смягчающих или отягчающих обстоятельств; возможности прекращения уголовного дела или уголовного преследования» [6, с. 110].

15. Устанавливаются причины и условия совершения злоупотреблений властью или служебными полномочиями.

Приведенный перечень обстоятельств не является исчерпывающим. При расследовании конкретных злоупотреблений полномочиями он может быть дополнен иными обстоятельствами, подлежащими установлению.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие установлению в процессе расследования злоупотреблений должностными полномочиями, представляют собой систему взаимосвязанных элементов, обеспечивающих объективное раскрытие данного вида коррупционных преступлений. Их выявление в процессе расследования обеспечивается средствами криминалистической тактики. Они устанавливаются путем производства следственных действий (допросов, обысков, выемки документов и т. д.). Представляется эффективной реализация на практике метода криминалистического анализа деятельности должностного лица и организации, в которой проходит его служба.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295>. – Дата доступа: 12.09.2024.
2. Смирнова, И. С. Предмет доказывания по сложному уголовному делу / И. С. Смирнова // Вестник Омской юридической академии. – 2013. – № 2 (21). – С. 119–122.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 12.09.2024.
4. Брянская, Е. В. Предмет доказывания в квалификации преступного деяния / Е. В. Брянская // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 4 (75). – С. 95–100.
5. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. / В. А. Лазарева. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 359 с.
6. Енина, Е. И. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования / Е. И. Енина // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 4 (15). – С. 109–113.

Середа А. Е.

**О КОРРЕКТНОСТИ ПОНЯТИЯ «РАСПОЗНАВАНИЕ ЛИЦ»
В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ПО БИОМЕТРИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА**

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *seredae@bsu.by*

В статье рассматриваются понятие «распознавание лиц» в контексте криминалистической идентификации по биометрическим признакам лица человека. Делается вывод о том, что использование понятия «распознавание лиц» в значительной степени не соответствует актуальной действительности в рамках применения автоматических систем. Приводятся доводы в пользу уточнения терминологии, что будет способствовать более глубокому пониманию процессов идентификации и повысит эффективность применения методов криминалистики.

Ключевые слова: распознавание лиц; криминалистическая идентификация; биометрические признаки; компьютерное зрение; криминалистика; терминология.

Зрительная система человека демонстрирует выдающиеся способности в распознавании лиц, позволяя большинству, по мнению исследователей, идентифицировать «около 5000 различных лиц за примерно 0,2 секунды». Однако лишь небольшая группа людей обладает исключительными навыками запоминания лиц (т.е. не только распознавания) – эти индивидуумы способны запомнить до 80% лиц, с которыми они сталкиваются, в отличие от 20% у большинства людей [1, с. 7]. Человеческие способности в распознавании лиц, пусть и относительно высоки, ограничены – однако, они имеют характерные особенности, которые не удастся воспроизвести компьютеру.

Пятидесятилетняя история развития технологий автоматического распознавания лиц по биометрическим характеристикам лица человека отражает ограниченное понимание автоматизированными системами сущности лица и их способности к распознаванию. Данные системы демонстрируют специфический подход к идентификации лиц, основанный на алгоритмах обработки изображений и машинного обучения, однако их возможности все еще существенно уступают когнитивным способностям человека в данной области.

Анализ и теоретико-практическое исследование применения технологий распознавания лиц в криминалистике демонстрирует, что данные системы не обладают когнитивными способностями, необходимыми для распознавания лиц в том смысле, в котором это понятие

используется людьми. Автоматизированные системы основаны на алгоритмах машинного обучения, которые осуществляют идентификацию на основе сопоставления визуальных признаков, однако они, по состоянию на 2024 год, не способны к осознанию социального контекста, эмоций, невербальных сигналов и др., что является неотъемлемой частью человеческого восприятия и распознавания лиц [1, с. 14].

С точки зрения информатики, распознавание лиц входит в область компьютерного зрения и машинного зрения, которые направлены на разработку компьютеров для анализа изображений аналогично человеческой зрительной системе – «компьютерное зрение» ориентировано на программирование компьютеров для:

- 1) идентификации объектов;
- 2) определения расстояний;
- 3) анализа движения;
- 4) распознавания образов [1, с.15].

В контексте распознавания лиц значительная часть технологического прогресса связана с такими областями компьютерного зрения, как обнаружение объектов и распознавание объектов. В рамках этих подходов человеческие лица рассматриваются как один из множества объектов, которые компьютеры обучаются распознавать, наравне с другими объектами окружающей среды, такими как красные светофоры или коробки на складе. Данная парадигма основана на методах машинного обучения, в частности, на глубоких нейронных сетях, которые способны извлекать визуальные признаки и шаблоны из больших объемов данных [2, с. 98].

Однако такое обезличенное восприятие лиц как объектов среди прочих не учитывает уникальную роль лица в социальном взаимодействии и когнитивных процессах человека. Лицо является не просто объектом, а сложным носителем информации, включающим в себя эмоции, идентичность и невербальные сигналы, которые не могут быть полностью декодированы автоматизированными системами.

Исследования, проведенные В. Бледсо, Л. Сировичем и другими пионерами в данной области, показали, что совпадения, полученные с помощью технологий распознавания лиц, имеют вероятностный характер, что существенно отличается от процесса идентификации, осуществляемого людьми: автоматизированные системы распознавания лиц работают на основе алгоритмов, которые анализируют визуальные характеристики и сопоставляют их с базами данных, однако этот процесс не включает в себя когнитивные аспекты, присущие человеческому восприятию [1, с. 14].

Например, Г. Боллмер, опираясь на работы Э. Левинаса, выдвигает тезис о том, что выражение лица служит иллюстрацией относительности, всеобъемлющего и коллективного характера субъективности. Восприятие лица другого человека и его идентификация как такового представляют

собой фундаментальный акт, который формирует индивидуальность и социальную сущность человека [1, с. 190].

Существует распространенное, но явно ошибочное предположение, что при наличии достаточного объема данных и вычислительных мощностей возможно извлечение скрытых состояний и характеристик из поверхностных выражений лиц людей. Это мнение игнорирует сложность человеческой психологии и многогранность эмоциональных состояний, которые не всегда могут быть адекватно отражены в мимике.

Развитие области «распознавания эмоций», которая объединяет компьютерные науки, когнитивные науки и психологию, обусловило стремительный прогресс в сфере распознавания мимики, что привело к появлению программных продуктов, направленных на определение эмоционального состояния, уровень удовлетворенности или агрессивность распознаваемых лиц. Например, такие технологии, как «Faception», заявляют о возможности создания моделей, способных классифицировать черты лиц по различным категориям без предварительного знания о субъектах [1, с. 40].

По мнению Н. Селвина, реальная способность подобных систем заключается не в измерении внутренних психических состояний, а в сопоставлении биометрических данных с другими результатами. Таким образом, их цель состоит в поверхностном прогнозировании, что ставит под сомнение эффективность использования таких технологий в качестве инструмента для глубокого понимания человеческого поведения и эмоций [1, с. 44].

В отличие от людей, которые используют контекстуальную информацию, эмоциональные сигналы и личный опыт для распознавания лиц, автоматизированные системы полагаются на статистические модели, что делает их уязвимыми к ошибкам и предвзятостям.

Таким образом, существует разрыв между техническими возможностями автоматизированных систем и истинным пониманием сущности лица как неотъемлемой части человеческой идентичности и коммуникации:

в отличие от автоматизированных систем, человеческое восприятие и распознавание не основано на вероятностных оценках или генерации списков возможных совпадений;

человек не производит расчетов вероятности совпадения при визуальной идентификации. Более того, человеческое распознавание лиц не ограничено допустимыми уровнями ошибок или отрицательных результатов, как это происходит в технических системах;

автоматизированные системы не способны к истинному распознаванию и узнаванию людей, они могут лишь вычислять вероятность

совпадения обнаруженного набора признаков с сохраненными данными, при этом такая вероятность никогда не достигает 100% достоверности.

Понятие «распознавание лиц», широко используемое для обозначения биометрической идентификации человека с целью его идентификации, аутентификации и верификации в технической сфере, не является специфичным для криминалистики. Это связано с тем, что «распознавание лиц» может осуществляться и с помощью других методов идентификации, таких как дактилоскопия, антропометрия, судебно-портретная экспертиза и процедура опознания. Обозначенные методы также направлены на подтверждение личности, однако они основываются на различных физических характеристиках и подходах, что подчеркивает разнообразие инструментов, доступных в криминалистике.

Также, анализируя юридическую литературу, понятие «лицо» можно с уверенностью назвать одним из часто встречающихся. Наиболее частый контекст употребления в юриспруденции наглядно демонстрируется определениями, которые встречаются в законодательных актах и юридических словарях: «физическое лицо – граждане Республики Беларусь, а также иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь»; «юридическое лицо – организация, которая имеет обособленное имущество в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении» [3].

Например, можно рассмотреть ст. 4.9. КОАП РБ, название которой указывает на данный факт: «Срок, по истечении которого физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию». Иным примером будет п.1 ст. 83 УК РБ «Лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности». Не в последнюю очередь, УПК РБ также придерживается данной позиции, как продемонстрировано в п.1 ст. 223 «С целью установления тождества или различия с ранее наблюдавшимися лицом или объектом следователь, лицо, производящее дознание, могут...».

В данной связи, логично было бы предположить, что под «распознаванием лиц» мы понимаем распознавание человека, что не было бы далеко от правды. Однако, криминалистика разработала спектр методов и приемов в идентификации личности, которые, по данной логике, также могут быть определены как «распознавание лиц» – антропометрия, дактилоскопия, одонтология, серология и др. Примечательно, что понятие «распознавание» в русском языке определяется как «узнать по каким-либо признакам»; это вполне соответствует нашему предположению, что, в таком случае, значительное количество методов идентификации допускается именовать в криминалистике как «распознавание лиц».

Исходя из этого, использование понятия «распознавание лиц» в контексте криминалистической идентификации (а также оперативного

отождествления) личности с помощью автоматизированных систем биометрического распознавания лиц является потенциально опасным, поскольку оно маскирует фундаментальное различие между человеческим восприятием и техническими методами идентификации.

Данный термин предполагает возможность того, что компьютер способен к истинному знанию или идентификации личности, в то время как на самом деле автоматизированные системы могут лишь генерировать наборы вероятностных оценок совпадения признаков. Использование этого термина может ввести в заблуждение относительно реальных возможностей и ограничений технологии распознавания лиц, создавая ложное впечатление о ее способности к подлинному узнаванию личности.

В криминалистическом контексте неопределенность в терминологии, возникающая в связи с распознаванием лиц, представляет собой значительное упущение, которое создает путаницу как в теоретических исследованиях, так и в практическом применении. Процесс сбора, фиксации и анализа биометрической информации о лице, включая исследование его индивидуальных характеристик и сопутствующих признаков, а также последующее сопоставление и идентификация личности, не должен обозначаться общим термином «распознавание лиц». Это понятие слишком обширно и не соответствует требованиям к четкости и однозначности, необходимым для криминалистической науки.

В заключение, процесс получения информации о строении лица человека, исследование индивидуальных особенностей его элементов и анализ биометрических характеристик представляется возможным назвать «криминалистическим проспекпированием» («проспо» – лицо, «скопия» – смотреть, греч.). В процессе криминалистического проспекпирования происходит изучение лицевых особенностей человека; производится регистрация и анализ таких биометрических данных как форма скулы, геометрические параметры губ, геометрия подбородка, расстояние между глазами, характеристики линии волос, веснушки, родинки, шрамы и другие явные и неявные биометрические признаки; осуществляется пополнение соответствующих баз данных с последующим сравнением с имеющейся в них информацией [5, с. 28].

С точки зрения научных аспектов, важно учитывать, что точная терминология способствует более глубокому пониманию процессов идентификации и повышает эффективность применения методов криминалистики. Уточнение понятийного аппарата в данной области может также способствовать разработке более специализированных и адаптированных технологий, что, в свою очередь, повысит надежность и точность криминалистических исследований.

Библиографический список

1. Andrejevic, M. Facial Recognition / M. Andrejevic, N. Selwyn. – Polity Press, Cambridge, 2022. – 217 p.
2. Веренчиков, И. Р. Разграничение классических методов автоматического распознавания лиц и основанных на глубоком обучении / И. Р. Веренчиков, А. Е. Середа // Судебная экспертиза: теория и практика в современных условиях : материалы III междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2023 г. / Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: А. А. Волков [и др.]. – Минск, 2023. – С. 97 – 100.
3. Юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://multilang.pravo.by/ru/term/index/2180?langname=ru&page=1&type=3&etalon=0>. – Дата доступа: 09.09.2024
4. Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов»; обзор основных изменений в главу 4 Гражданского кодекса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/january/32159/>. – Дата доступа: 09.09.2024.
5. Середа, А. Е. К вопросу об обозначении понятия биометрического изображения лица человека в расследовании преступлений / А. Е. Середа, А. П. Пацкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол.: А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2023. – Вып. 2 (54). – С.23–30.

Сидоренко Д. О.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАТА

ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
ул. Захарова, 76, 220088, г. Минск, Беларусь, aksamit1@yandex.by

В статье рассмотрены особенности криминалистического обеспечения деятельности нотариата. Уделено внимание возможностям установления подделки документов при осуществлении нотариальной деятельности.

Ключевые слова: нотариальная деятельность; криминалистическое обеспечение; подделка документов.

Согласно Закону Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Закон) нотариат в Республике Беларусь включает нотариусов, уполномоченных должностных лиц местных исполнительных и распорядительных органов, дипломатических агентов дипломатических представительств Республики Беларусь и консульских должностных лиц консульских учреждений Республики Беларусь, которые обеспечивают защиту государственных интересов, прав и законных интересов граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц путем осуществления от имени Республики Беларусь нотариальных действий (далее – нотариус).

Задачами нотариальной деятельности являются: обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путем совершения нотариальных действий; нотариальное удостоверение сделок, бесспорных прав и фактов в целях придания им юридической достоверности и обеспечения стабильности гражданского оборота; оказание юридической помощи в порядке, установленном законодательством; формирование уважительного отношения к закону.

В соответствии со статьей 10 Закона нотариусом может быть гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее трех лет, прошедший в случаях, установленных настоящим Законом, профессиональную стажировку в качестве стажера, сдавший квалификационный экзамен, получивший свидетельство на осуществление нотариальной деятельности, отвечающий иным требованиям законодательства. Местом осуществления нотариальной деятельности нотариусами являются помещения нотариальных контор, нотариальных бюро (статья 13 Закона). В нотариальных конторах, нотариальных бюро должны быть созданы все необходимые условия для надлежащего

нотариального обслуживания граждан и юридических лиц, соблюдения нотариальной тайны, а также обеспечения сохранности документов, образовавшихся в результате деятельности нотариусов, до передачи таких документов на хранение в нотариальный архив. Эффективность деятельности нотариата повышается за счет использования единых информационных систем (единой информационной системы нотариата, регистра населения, сервиса поиска информации о доверенностях и открытых наследственных делах и др.). Поскольку деятельность нотариуса неотъемлемо связана с документами, важным аспектом является их подлинность для совершения нотариальных действий. Законодательством Республики Беларусь установлен ряд требований к документам, представляемым для совершения нотариальных действий, с тем чтобы обеспечить должный уровень достоверности информации, содержащейся в них. Так, в соответствии со статьей 66 Закона для совершения нотариальных действий не принимаются документы имеющие подчистки, приписки, зачеркнутые слова, неоговоренные исправления.

С точки зрения криминалистики, нотариальная деятельность представляет собой одну из форм социального отражения гражданско-правовых отношений. Важность проведения криминалистических исследований всего многообразия процессов социального отражения всегда подчеркивалась в работах отечественных криминалистов [1, с. 60]. В связи с развитием рыночных экономических отношений, многообразием форм собственности роль нотариата как системы охраны гражданских правоотношений возрастает. Нотариальная деятельность призвана способствовать обеспечению законности в сфере гражданско-правовых отношений. Гражданские правоотношения характеризуются тем, что их участники (субъекты) становятся носителями имущественных, а также личных неимущественных прав, которые предусмотрены или допускаются гражданско-правовыми нормами, и соответственно требуют обеспечения их защиты.

В связи с тем, что на нотариат возложено удостоверение бесспорных прав, свидетельствование документов, выписок из них, придание документам исполнительной силы и выполнения других нотариальных действий в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц [2, с. 7], статус нотариуса налагает на него серьезные обязательства перед государством и обществом. Нотариусом не только удостоверяется сделка – он обязательно проверяет ее законность. Также совершаются нотариальные действия только при условии предоставления в подтверждение фактов, лежащих в его основании, не вызывающих сомнения письменных доказательств [3, с. 18]. В случае, если бумаги вызывают подозрение, возникает необходимость тщательного изучения документов. В обязанности нотариуса входит правовая экспертиза сделки,

он убеждается в дееспособности сторон и в том, что сделка совершается по доброй воле, удостоверяется, что стороны понимают все правовые последствия сделки.

Для выявления подделки документов (подчистки, приписки и др.) нотариус должен обладать комплексом технико-криминалистических познаний и в том числе о наиболее типичных способах полной и частичной подделки документов, а также способах ее выявления. В случаях, когда необходимо осуществить исследование документов, и на это требуется соответствующий временной промежуток, нотариус вправе отложить совершение нотариальных действий для истребования дополнительных сведений либо направления документа на экспертизу.

С целью выявления возможных подделок осмотр документа необходимо проводить при хорошем прямом рассеянном освещении (желательно дневном). Также могут использоваться осветительные приборы прямого, рассеянного или иного освещения, источники ультрафиолетовых и инфракрасных лучей. При наличии возможности, целесообразно в случае обнаружения документа, вызывающего сомнение, ознакомиться с образцом аналогичного документа. Наличие образца документа позволяет провести сравнительный осмотр и выявить расхождения, свидетельствующие о возможной подделке. К числу наиболее эффективных методов, необходимых для обеспечения нотариата, относятся метод криминалистического сравнения, включающий в себя сопоставление признаков одного или нескольких объектов и определение на этой основе степени их сходства или различия. Качественное исследование документов в процессе нотариальной деятельности возможно лишь при наличии тщательно отработанной методики изучения документов нотариусом.

Вначале изучается содержание документа на предмет обнаружения возможных противоречий. Для этого сопоставляются различные реквизиты: бланк, оттиски печатей и штампов, указанные даты и т.п. Затем документ изучается с целью выявления признаков, свидетельствующих об изменении его содержания. Необходимо изучить общее состояние как лицевой, так и оборотной сторон, а также краев документа. Такое исследование целесообразно проводить с применением простейших технических средств (поскольку нет риска повредить документ): увеличительных стекол, линеек с миллиметровыми делениями, прозрачного транспортира, небольшого набора светофильтров, портативной ультрафиолетовой лампы или другими приборами контроля подлинности документов «Регула».

В процессе работы с документами нотариусом изучаются материалы документа (бумага, красители и т.д.), способ нанесения текста. Далее определяется наименование, вид, назначение документа, производится ознакомление с его содержанием, устанавливается соответствие содержания другим реквизитам документа. Необходимо обратить внимание

на форму краев документа, его обратную сторону (на ней может отобразиться первоначальный текст). Анализируется вид печати штампа, текст документа, подпись исполнителя с целью определения несоответствия порядку оформления соответствующих документов. Выявляются признаки материального подлога: подчистки, травления, дописки и т.д. [4, с. 70-71]. Также нотариусу во время изучения документов следует обратить внимание на противоречивость содержания, орфографические ошибки, использование нестандартных шрифтов, вышедших из употребления бланков, несоответствие формы, цвета и реквизитов бланка существующим требованиям. Следы травления или смывания текста документа являются изменения структуры бумаги в этих местах, ее желтоватый оттенок, образование трещин, обесцвечивание вследствие воздействия (кислоты, щелочи, окислителя). Следы дописки или внесения записи на месте удаленного текста (когда первоначальное содержание документа меняется путем внесения на свободные места новых букв, цифр, слов, словосочетаний) являются различия штрихов по цвету и интенсивности окраски, почерке, которым выполнены записи, расстоянии между буквами, различия в размещении записей по отношению друг к другу, линиям граф, строк, краям документа. При частичной замене фотокарточки можно обнаружить линию разреза при монтаже из двух фотоснимков, несовпадение частей оттиска печати на фотографии. Признаками подчистки (удаления записи механическим путем) будут являться истончение слоя бумаги, взъерошенность волокон бумаги, расплывы чернил на участках, подвергшихся подчистке, остатки частиц красителя, штрихов или знаков удаленных записей, повреждения защитной сетки, линовки, печатного текста.

Поддельные бланки документов изготавливаются при помощи средств оперативной полиграфии (копировальной техники), компьютеров путем сканирования или подбора соответствующего шрифта. Поддельная подпись может воспроизводиться по памяти, т.е. на основе запоминания ранее увиденной, либо с использованием образца подлинной подписи, либо путем копирования (на просвет, с помощью копировальной бумаги, передавливанием штрихов заостренным предметом с последующей обводкой, фотопроекционным способом, при помощи сканера). Частичной подделкой документа также является замена отдельных листов. В данном случае необходимо обращать внимание на единую фактуру бумаги (цвет, плотность, размер), форму и цвет защитной сетки, нумерацию страниц, содержание текста, место брошюровки (наличие новых отверстий либо следы клея).

Криминалистика относится к числу юридических учебных дисциплин, от которых зависит уровень и содержание профессиональной подготовки специалистов нотариальной деятельности. В ходе обучения студентов целесообразным видится акцентировать внимание на криминалистической

составляющей (углубленного изучения современных методов, приемов подделки документов и эффективных технических средств по их выявлению). Также при прохождении профессиональной стажировки для получения свидетельства на осуществление нотариальной деятельности необходимо уделить внимание изучению методик выявления подделки документов.

Исследование деятельности нотариата, на который возложено удостоверение бесспорных прав в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, показывает необходимость создания системы криминалистического обеспечения нотариальной деятельности, которое может включать в себя три направления: криминалистические знания, преимущественно сферы криминалистической документалистики; криминалистической техники – совокупности технико-криминалистических средств обеспечивающую организацию функционирования нотариата, а также возможность своевременного выявления всех возможных видов подделок; системы криминалистического обучения. Криминалистическое обеспечение нотариальной деятельности должно включать в себя направление, занимающиеся разработкой специальных методик, программ (алгоритмов) изучения документов нотариусом.

Слаженная система обучения нотариусов навыкам использования специальных криминалистических познаний позволит обеспечить безопасное функционирование нотариата в условиях интенсивного развития технических средств и методов, а также компьютерных технологий, используемых преступниками с целью осуществления подделок, и создаст возможность усовершенствовать систему профилактики подделки документов и разработку принципиально новых систем их защиты.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Криминалистика: учеб. пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин и др.; под ред. А. В. Дулова. – Минск, 1998. – 415 с.
2. Глущенко, П. П. Основы нотариальной деятельности: учеб. пособие / П. П. Глущенко, А. М. Седов. СПб.:2000. –368 с.
3. Белова, Т. А. Нотариальное право : курс лекций для студентов юрид. фак. спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / Т. А. Белова. – Минск : БГУ, 2013. – 66 с.
4. Савельева, М. В. Криминалистика : учеб. пособие / М. В. Савельева, А. Б. Смушкин. – Москва. – 2020. – 233 с.

Скаков А. Б.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики
Казахстан имени Ш. Кабылбаева, пр. Абая, 11, 110005, г. Костанай,
Республика Казахстан, odo@kostacademy.edu.kz

В данной статье автор провел сравнительное исследование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Казахстана и России, регулирующих систему наказаний и порядок их исполнения, а также процесс ресоциализации лиц, вовлеченных в орбиту уголовного правосудия. Сравнительный анализ позволил сформулировать предложения и меры по дальнейшему снижению уровня повторной преступности, снижению количества «тюремного контингента» посредством широкого использования прогрессивной системы, как эффективного подхода исполнения всех видов наказаний (в том числе наказаний, не связанных с лишением свободы) и процесса социальной адаптации правонарушителей.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-исполнительная политика; прогрессивная система исполнения наказаний; ресоциализация; уголовно-исполнительная (пенитенциарная) система; наказания без изоляции от общества; социальная адаптация и реабилитация лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Как известно, уголовная политика, реализуемая в правовом государстве, представляет собой способ обеспечения защиты личности, общества и государства от противоправной деятельности. В свою очередь она включает три основных аспекта: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику. Следует помнить, что результативность и эффективность государственных органов при осуществлении правоприменительной деятельности необходимо оценивать, по итоговому результату, т.е. через призму уголовно-исполнительной политики. Данное положение нами основывается на том, что чем ниже уровень рецидивной преступности, тем качественнее осуществляется предупредительная деятельность правоохранительных и иных государственных органов, и институтов гражданского общества, а также эффективнее проводится воспитательный и пробационный процессы с осужденными.

Выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что, например, сокращение численности спецконтингента в уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системе следует считать качественной правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Но так

было не всегда. Ранее эффективность работы органов правопорядка определялась числом осужденных, в первую очередь, к лишению свободы. Чем больше преступников окажутся в исправительных учреждениях, тем безопаснее социальная жизнь. На сегодняшний день в современной рыночной экономике отсутствует потребность в значительном количестве осужденных к лишению свободы. Правда не везде. Так, в самой высокоразвитой стране мира – США, «тюремное население» самое большое в мире, и оно хищнически эксплуатируется частным капиталом. Но это исключение из правил. В целом, во многих странах труд осужденных применяется ограниченно. В частности, в Республике Казахстан только около 35% спецконтингента трудоустроены. Большинство осужденных не имеют профессии, никогда не работали, имеется доля неграмотных. Наряду с этим в целях улучшения производственных результатов, работодателям все чаще требуются подготовленные и квалифицированные специалисты для решения усложняющихся задач и технологий, с учетом растущей автоматизации и роботизации производственного процесса. В этой связи, частные предприниматели, как правило, не идут в уголовно-исполнительную систему для организации производства товаров народного потребления, не создают рабочие места. Вместе с тем, известно, что общественно полезный труд является одним из важнейших средств воздействия на осужденных, их ресоциализации.

Одним из весомых доводов в поддержку позиции о снижении численности «тюремного населения» является существенные денежные расходы, которые правительствам Казахстана и России необходимо нести на обеспечение надлежащего исполнения наказания, что представляет собой тяжелое бремя для государственного бюджета.

Обсуждая формирование новой, современной уголовной политики Казахстана и России, следует подчеркнуть, что катализаторами указанного процесса, помимо ранее упомянутых факторов, являются коренные преобразования в жизнедеятельности человека, общества и государства такие как формирование рыночных отношений, закрепление частной собственности на землю и основные средства производства. Экономический базис капиталистического общества непосредственно вызвал необходимость изменений в надстройке, а также адаптации к предыдущим социалистическим коллективным отношениям.

В целях повышения эффективности правового регулирования общественных отношений, связанных с противодействием преступной деятельности, в действующее законодательство был внесен значительный ряд поправок и дополнений. Следует отметить, что с 1 января 2015 года в силу вступили новые редакции Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Казахстан. При этом, учитывая масштаб и количество внесенных изменений, указанные кодексы

следует рассматривать как принципиально новые правовые акты, а не как пересмотр прежних нормативно-правовых документов.

С учетом ограничений объема данной статьи, сосредоточим внимание на анализе Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Казахстан, с акцентом на рассмотрение и выявление их недостатков.

При рассмотрении Уголовного Кодекса Казахстана следует обратить внимание на проблемах, которые, на наш взгляд, существенно снижают его правоприменительный потенциал. Ошибочным представляется введение нового правового института – уголовного проступка, который сместил вектор развития уголовной политики государства в сторону гуманизации (стоит отметить, что в советском уголовном законодательстве данного института не было. Уголовный проступок существовал в дореволюционном, царском законодательстве). В противовес реализации поставленных задач осуществляемой государством уголовной политики, мы наблюдаем противоположный процесс, когда административные правонарушения переходят в категорию уголовных проступков, при этом общественная опасность последних выше. В результате мы наблюдаем расширение применения уголовно-правового законодательства. И хотя казахстанский законодатель ввел в действие норму, предусматривающего отсутствие судимости за совершение уголовного проступка, она существенно не влияет на правовое положение исследуемой категории лиц. Указанная категория осужденных попадает в судебную статистику уголовного судопроизводства. Навряд ли данное обстоятельство положительно отразится на их ресоциализации, например, на трудоустройстве и т.д.

Мы убеждены, что ранее декриминализированные уголовные деяния следует оставить в сфере административной юрисдикции. Уголовные проступки должны трактоваться исключительно как уголовные деяния в виде действия или бездействия, относящихся к преступлениям небольшой тяжести. При сохранении ранее декриминализированных уголовных правонарушений в рамках административного законодательства следует расширить перечень деяний, относящихся к преступлениям небольшой тяжести. Это можно достичь путем разграничения некоторых преступлений, относящихся к тяжким и особо тяжким, и перевода их в категорию средней тяжести или даже небольшой тяжести. Резюмируя, хотелось бы обратить внимание российского законодателя на существующий казахстанский опыт введения в правовое поле новой категории - уголовных проступков.

С нашей точки зрения, другой важной проблемой, ограничивающей эффективное регулирование уголовно-правовых отношений, является наличие правовых норм, унаследованных из ранее действовавшего уголовного законодательства. Так, при анализе Уголовного кодекса, установлено, что сохраняется перечень видов наказаний. Кроме того,

Кодекс регулирует механизм исполнения наказания в том числе, альтернативных лишению свободы (штраф, общественные работы, исправительные работы и т.д.), В Кодексе также присутствуют правовые институты, относящиеся к институтам уголовно-исполнительного права такие как условное осуждение, условно-досрочное освобождение, которые подлежат регулированию уголовно-исполнительным законодательством. Мы полагаем, что если данный юридический казус останется нерешенным, то законодатель в конечном итоге вернется к этой проблеме снова. Иначе реализация УК будет малоэффективной ввиду наличия противоречий, коллизий и несоответствий с другими правовыми актами, особенно с Уголовно-процессуальным и Уголовно-исполнительным кодексами.

Все изложенное позволяет уверенно утверждать, что наступило время разрешить имеющуюся проблему. Правовое значение многих новелл уголовного законодательства раскрываются при их назначении и исполнении.

К примеру, п. 2 ст. 44 УК РК устанавливает определенный объем обязанностей у подучетных лиц при пробационном контроле только по решению суда. Кроме того, в юридической практике отмечаются случаи, когда при назначении пробационного контроля, судом не назначаются перечень обязанностей и требований определенному лицу с учетом его личностных особенностей и совершенного уголовного правонарушения. В указанных обстоятельствах, осужденный фактически выпадает из сферы пробационного контроля, так как служба пробации не обладает правом самостоятельно определить круг обязанностей для лица, находящегося под контролем. В таком случае, полагаем, что в целях устранения правовых противоречий необходимо наделить службу пробации правом самостоятельного назначения пробационного контроля (стоит отметить, что при существовании СССР администрация исправительных колоний и территориального подразделения органов внутренних дел (райотделы, горотделы и т.д.) имели право устанавливать административный надзор за злостными нарушителями режима содержания в колонии, за рецидивистами и т.д. на срок до 2 лет) и перечня обязанностей испытуемого, учитывая его характеристики: уголовно-правовую и криминологическую и иные обстоятельства.

Обобщая вышеизложенное, предлагаем перенести правовые институты, содержащиеся в Уголовном кодексе и имеющие уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный характер, в соответствующие Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы. Для примера, в Уголовно-исполнительный кодекс следует включить правовые институты, такие как система наказаний, виды пенитенциарных учреждений, свободы, порядок исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, арест, институты условного осуждения и условно-

досрочного освобождения, и другие. В случае реализации нашей инициативы существенно сократится количество бланкетных норм, снизятся противоречия между указанными законодательствами, а также возрастет эффективность уголовного законодательства за счет освобождения от правового регулирования функций, не характерной для него, с целью сосредоточения на выполнении основной задачи - квалификации преступлений.

Кроме того, законодателю необходимо решить вопрос материального обеспечения исполнения некоторых видов наказания. Например, до настоящего времени не регламентирован механизм исполнения ареста. Где именно будет осуществлять указанное наказание? Кроме того, имеются ли достаточные денежные средства для исполнения? Предложение о размещении арестованных в следственных изоляторах или в специальных приемниках-распределителях является спорным решением.

Здесь уместно отметить о проблеме, возникшей в результате внесенных изменений в уголовное законодательство. Мы подразумеваем отмену смертной казни. Полагаем, что отмена смертной казни в условиях острой экономической нестабильности, высокой безработицы, распространения глобальных инфекционных заболеваний и других критических вызовов является преждевременной. По нашему глубокому убеждению, именно смертная казнь, будучи исключительной мерой наказания, обладает наивысшим карательным потенциалом в предотвращении преступлений. Страх перед смертной казнью удерживает преступников от совершения особо тяжких преступлений. В контексте специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией, целесообразно рассмотреть вопрос о снятии моратория на смертную казнь в условиях военного времени.

Относительно системы наказаний в целом следует отметить, что некоторые из них имеют схожую правовую природу исполнения. В частности, это касается исправительных работ и ограничения свободы. Ученые предполагали ограничение свободы будет исполняться в исправительных центрах. Однако из-за недостатка финансирования на строительство центров было внесено изменение в законодательство, позволяющее исполнять ограничение свободы по месту жительства, что в полной мере соответствует отбыванию исправительных работ. С нашей точки зрения, если государство не способно обеспечить надлежащее исполнение рассматриваемого наказания, то следует от него отказаться.

Продолжая исследование норм уголовного законодательства, следует подчеркнуть наличие в нем правовых институтов, нуждающихся в реформировании в связи с несоответствием современным требованиям и запросам, выдвигаемым политикой Казахстаном и России. В данном контексте мы подразумеваем такие правовые институты, как рецидив преступлений, пределы необходимой обороны, педофилия, коррупция и т.д.

Полагаем, что рецидив преступлений необходимо принимать во внимание не на этапе назначения наказания, а в процессе его исполнения. Рецидив следует считать, как недостаток в воспитательной деятельности пенитенциарных учреждений и иных органов, осуществляющих процесс ресоциализации осужденных. Что касается пределов необходимой обороны то мы полагаем, что требуется исключение данного положения из законодательства. Это обусловлено тем, что указанный институт затрудняет законопослушному лицу выразить свою общественную позицию, решительно противостоять и предотвращать преступные действия.

В современных условиях педофилию следует рассматривать как серьезную угрозу здоровью населения, при этом уголовная ответственность для виновного лица должны быть наиболее строгой - в виде смертной казни. Химическая кастрация и длительные сроки лишения свободы не гарантируют должной защиты детей от посягательств на половую свободу личности. Более того, согласно научным исследованиям, многие педофилы также сами в раннем возрасте становились жертвами сексуального насилия. Зло порождает зло.

Затрагивая вопрос коррупционных проявлений, в целях формирования эффективных мер противодействия следует внести в уголовно-правовую базу новое определение, регламентирующее уголовную ответственность всех не должностных, физических и юридических лиц. В связи с этим мы предлагаем следующее определение для понятия коррупции: «Коррупция – это одна из форм организованной преступности, проявляющейся в злоупотреблении государственной властью лицами, выполняющими государственные функции, лицами, приравненными к ним, а также в нарушении своих обязанностей лицами, занятыми в негосударственном секторе предпринимательства, представителями неправительственных и международных организаций, и иными лицами, состоящими в иного рода отношениях, для незаконного получения имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера, либо предоставление названными лицами, а также юридическими лицами таких имуществ, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера».

Следующим вопросом, который настоятельно требует законодательного урегулирования, является внесение в норму, устанавливающую уголовную ответственность за изнасилование, путем исключения из текста слова «женщины». В таком случае потерпевшими могут быть признаны и мужчины. Учитывая проблемы распространения педофилии и нанесение телесных повреждений сексуального характера лицам мужского пола, положительное решение данного правового казуса актуально и своевременно.

Обращаясь к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан, следует подчеркнуть, что он также содержит определенные недостатки и изъяны.

Например, в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Казахстан установлено законодательное регулирование механизма реализации прогрессивной системы исполнения лишения свободы. Ранее в Уголовно-исполнительном кодексе 1997 года присутствовали практически все элементы прогрессивной системы. К ним относились: изменение условий содержания внутри одного пенитенциарного учреждения (строгие, обычные, облегченные и льготные условия содержания); изменение вида учреждения; замена вида наказания и условно-досрочное освобождение. Однако, отсутствовал правовой механизм их осуществления. Новый Закон, в целом, устранил пробелы в широком реализации прогрессивной системы поэтапного содержания правонарушителей. В перспективе направлением мы считаем распространения указанного института и на исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы (штраф, общественные работы, исправительные работы и т.д.), а также пробацию. Прогрессивная система является наиболее действенным подходом исполнения наказаний и ресоциализации так как она способствует стимулированию правомерного поведения лиц, вовлеченных в сферу уголовного правосудия.

Говоря о российском законодательстве, необходимо отметить, что оно содержит практически те же проблемы, как и анализируемые Законы Республики Казахстан. И это не удивительно. Ранее наши страны были в составе единого государства – СССР. В настоящее время законодательство, в частности – уголовно-исполнительное, формируется на основе Модельного уголовно-исполнительного кодекса стран СНГ с внесением отдельных изменений, связанных с финансовыми возможностями республик.

В настоящее время в Российской Федерации наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, уделяется повышенное внимание. Целесообразность более обширного применения наказаний без изоляции осужденного от общества бесспорна.

Эффективное применение наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, должно обеспечивать защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы.

В настоящее время политика России в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний проводится по двум направлениям. Во-первых, расширяется круг преступлений, за которые предусмотрены альтернативные

наказания. Во-вторых, вводятся новые виды наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Здесь следует отметить, что при широком использовании принудительных работ у правоприменителей возникнет ряд проблем, как при назначении, так и при исполнении данного наказания.

Другими словами, в уголовно-правовом и уголовно-исполнительном законодательстве существуют ряд проблем экономического, организационного и правового характера, как в сфере назначения, так и в сфере исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ, без разрешения которых нормальное функционирование данного института не представляется возможным.

Важным нормативным правовым актом, действие которого несомненно положительно отразится в целом на уголовно-исполнительной политике России – это Федеральный Закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ. Думается, широкомасштабное внедрение указанного Закона в правоприменительную деятельность пенитенциарной системы положительно отразится на дисциплинарной практике, на социальной ресоциализации, адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства (за исключением лиц, осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам) (п. 2) ч. 1 ст. 5 Федерального Закона «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ).

Вместе с тем, в п. 1) ч. 1 ст. 5 указанного Закона закреплено определение пробации, которое несколько отличается от международного понимания, согласно которому пробация (от англ. probation – испытание) – это вид условного осуждения, при котором осужденный помещается на время испытательного срока, установленного судом, под надзор специальных органов; возможен и ряд дополнительных ограничений (не посещать определенных мест, воздерживаться от общения с определенными лицами и т.п.). Таким образом, согласно содержания указанного понятия оказание социально-правовой помощи испытуемому не является ее основной задачей.

Еще одно важное положение Закона, которое нельзя не указать, это наличие 3 видов пробации: исполнительная пробация, пенитенциарная пробация и постпенитенциарная пробация. Другими словами, процесс пробации реализуется в отношении лиц, осужденных к различным видам наказания. Здесь отсутствует еще один вид, который применяется к подозреваемым и обвиняемым. То есть никоим образом не регламентируется ранняя профилактика преступности, что, на наш взгляд, не соответствует основным направлениям проводимой Россией Уголовной политике. Что же касается реализации уголовно-исполнительной политике Казахстана, то следует отметить, что Уголовно-исполнительный кодекс и

Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30 декабря 2016 № 38-VI приняты недавно. Однако уже сейчас можно сделать конкретные выводы об итогах их применения в практической деятельности государственных органов, их исполняющих (в том числе, правоприменительная деятельность учреждений и службы пробации уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы).

И последнее, на что автор данной статьи хотел обратить внимание ученых, это то, что следует отличать воспитательный процесс с осужденными от процесса их ресоциализации. Именно не понимание, на наш взгляд, отличия привело к тому, что воспитательных аппарат исправительных учреждений (начальники отрядов) проводят как воспитательную работу, так и пробацию. Хотя они и реализуются путем применения основных средств воздействия, но выполняемые ими функции различны.

Таким образом, изменяя условия содержания в зависимости от линии поведения осужденного, мы тем самым стимулируем у него правопослушные действия. Иными словами, испытуемый воспринимает то, что он сам является хозяином своей жизни.

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Необходимо создать самостоятельное Агентство исполнения наказаний и пробации, куда организационно должны входить учреждения и служба пробации. Все виды наказаний, предусмотренных ст. 40 УК РК должны исполняться данным Агентством;

2. Все виды пробации должны исполняться только службой пробации;

3. Исполнение всех уголовных наказаний осуществляется по прогрессивной системе.

Осуществление указанных в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Казахстан новелл решительно требует создания самостоятельного государственного органа – Агентства исполнения наказаний и службы пробации.

Высказанные нами предложения не бесспорны, но они направлены на совершенствование законодательства и развитие уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, а потому имеют право на существование.

Библиографический список

1. Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. /под общ. ред. Ю. И. Калинина; под науч. ред. В. И. Селиверстова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

Скобелев В. П.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Skobelev@bsu.by

В статье обращено внимание на отдельные проблемы правового обеспечения судебно-экспертной деятельности. В частности, проанализированы вопросы о том, допустимо ли в гражданском процессе назначение экспертизы по инициативе суда, имеют ли заинтересованные лица возможность оказывать влияние на выбор судебно-экспертной организации или (если экспертиза проводится вне судебно-экспертной организации) судебного эксперта по гражданским и экономическим делам, с какими сложностями сопряжена в гражданском и хозяйственном процессах реализация судебным экспертом права на ознакомление со звуко- или видеозаписью, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания и принесением замечаний на них. Отмеченные проблемы проанализированы в контексте норм Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, который вступит в силу 1 января 2026 г. По итогам исследования сделаны предложения по совершенствованию процессуального законодательства.

Ключевые слова: гражданский процесс; хозяйственный процесс; уголовный процесс; судебная экспертиза; судебно-экспертное учреждение; судебный эксперт.

Судебная экспертиза является важнейшим средством установления истины по гражданским, экономическим, уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Вместе с тем правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности, особенно в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК), пока еще далеко от своего совершенства. При этом в отечественной науке данной проблематике, к сожалению, уделяется недостаточно внимания: судебной экспертизе по гражданским и экономическим делам посвящены лишь единичные специальные исследования [1; 2; 3], в основном же соответствующие вопросы освещаются на уровне общеучебной литературы [4, с. 228-233; 5]. Однако указанные проблемы приобретают особую актуальность и значимость в связи с принятием Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), который с 1 января 2026 г. вступит в силу и заменит собой действующие ГПК и ХПК.

1. Одним из дискуссионных вопросов, связанных с проведением экспертизы по делам гражданского профиля, является вопрос о допустимости назначения экспертизы по инициативе суда. Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. №281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон о СЭД) регулирования данного вопроса не осуществляет. Так, в определении термина «судебная экспертиза» в абз. 4 ст. 1 Закона о СЭД подчеркивается, что судебная экспертиза назначается «в порядке, установленном процессуальным законодательством», а ст. 31 Закона о СЭД гласит, что «основанием проведения судебной экспертизы является постановление (определение) о назначении судебной экспертизы», не расшифровывая при этом, кто может выступать инициатором вынесения данного постановления (определения).

Обращение к отраслевому процессуальному законодательству показывает, что применительно к хозяйственному судопроизводству полномочие суда самостоятельно инициировать проведение судебной экспертизы прямо закреплено в ч.1 ст. 92 ХПК: «Для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе суд, рассматривающий экономические дела, назначает экспертизу». Однако в ГПК подобной нормы нет, что вызывает у практических и научных работников сомнения относительно права суда назначать в ходе рассмотрения гражданского дела экспертизу по собственной инициативе. Например, в одном из авторитетных отечественных учебников была высказана точка зрения, что «экспертиза может быть назначена ... по инициативе суда в случаях, вытекающих из законодательства» [4, с. 230], т.е. по общему правилу назначить экспертизу по своей инициативе суд не уполномочен, это допустимо лишь в прямо предусмотренных законодательством случаях.

Однако мы уже подробно обосновывали [6], и в подобном мнении мы не одиноки [7, с. 138; 8, с. 167], что в гражданском процессе право инициировать проведение судебной экспертизы по собственной инициативе у органов правосудия есть. На этот момент в целом ряде своих постановлений нормативного характера обращает внимание и высшая судебная инстанция страны. Например, в ч.4 п.9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. № 7 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции» предусмотрено, что «во всех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимо выяснить психическое состояние лица в момент совершения им определенного действия, судьей независимо от заявленного ходатайства должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза». Согласно ч. 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 июня 2009 г. № 4

«О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» «судья вправе с учетом мнения юридически заинтересованных в исходе дела лиц назначить при подготовке дела к судебному разбирательству экспертизу». Правило ч. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2010 г. № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей» гласит: «Суд не связан заключением экспертизы, проведенной до предъявления иска и при рассмотрении дела, признав проведение экспертизы необходимым, назначает экспертизу в порядке, предусмотренном ст.ст. 221, 222 ГПК».

Предписания о праве суда назначать проведение экспертизы по собственной инициативе можно встретить и в других постановлениях высшей судебной инстанции, в частности, п.14 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 10 декабря 1993 г. № 12 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел об освобождении имущества от ареста (исключении из описи)»; ч. 1 п. 3, п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 2 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения»; ч. 2 п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2004 г. № 9 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного транспортными средствами»; ч. 1 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2011 г. № 9 «О практике рассмотрения судами земельных споров»; ч. 4 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. №1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке»; ч. 4 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

В этой связи отрадно заметить, что в КГС нашел отражение именно отстаиваемый нами подход. Согласно первому предложению ст. 218 КГС «экспертиза назначается судом для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности по ходатайству лиц, участвующих в деле, либо по своей инициативе».

2. Следующий проблемный вопрос касается наличия у заинтересованных лиц возможности влиять на выбор судебно-экспертной организации или (если экспертиза проводится вне судебно-экспертной организации) судебного эксперта. В литературе отмечается, что «определенную сложность для судей представляет решение вопроса о

выборе экспертного учреждения (эксперта), которому поручается производство экспертиз ... Так, уголовно-процессуальным законом определены лишь особенности производства дополнительной и повторной экспертиз. Критерии же определения конкретной экспертной организации (эксперта), которым может быть поручено производство первичной экспертизы, процессуальным законодательством не установлены. Согласно ч. 2 ст. 227 УПК экспертиза проводится специалистами экспертных учреждений, иных государственных или негосударственных организаций либо другими сведущими лицами, назначенными органом, ведущим уголовный процесс. Однако правил определения конкретного экспертного учреждения (эксперта) не содержится ни в этой, ни в других нормах УПК. Следовательно, экспертное учреждение (эксперт) должно определяться по усмотрению суда с учетом всех обстоятельств по делу» [9, с. 17].

Вместе с тем, по нашему мнению, определенные правила выбора судом судебно-экспертной организации или эксперта в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) все-таки закреплены. Согласно ч. 2 ст. 334 УПК в ходе судебного производства экспертиза проводится в соответствии с правилами главы 26 УПК. А в правилах главы 26 УПК оговорено, что при назначении и проведении экспертизы подозреваемый, обвиняемый, их законные представители и защитник имеют в том числе право «просить о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или специалистов конкретных судебно-экспертных организаций» (п. 3 ч. 1 ст. 229 УПК); такое же право имеют подвергаемые экспертизе потерпевший и свидетель (ч.2 ст. 229 УПК).

Недостатки приведенных правил заключаются только в том, что, во-первых, они позволяют потерпевшему участвовать в выборе судебно-экспертной организации или эксперта только в том случае, когда экспертиза проводится в отношении его, хотя, как нам представляется, таким правом потерпевший должен обладать и при проведении экспертизы в отношении подозреваемого или обвиняемого.

Во-вторых, из общего контекста ст. 227, 229 УПК следует, что возможность оказывать влияние на выбор судебно-экспертной организации или эксперта у соответствующих лиц появляется только после того, как такой выбор уже был сделан субъектом, ведущим уголовный процесс, и оформлен процессуальным актом. Как сказано в ч. 4 ст. 229 УПК, «в случае удовлетворения ходатайства, заявленного лицом, указанным в частях 1 и 2 настоящей статьи, следователь, лицо, производящее дознание, соответственно изменяют или дополняют свое постановление о назначении экспертизы. В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, лицо, производящее дознание, выносят мотивированное постановление, которое объявляется под расписку лицу, заявившему это ходатайство». Но очевидно, что шансы повлиять на

содержание уже вынесенного постановления о назначении экспертизы у участников уголовного процесса очень малы. Поэтому в ч.1 ст. 227 УПК было бы целесообразно предусмотреть, что следователь, лицо, производящее дознание, признав необходимым назначение экспертизы, должны не сразу выносить об этом постановление (как это имеет место сейчас), а в первую очередь разъяснять участникам уголовного процесса их права, предусмотренные ст. 229 УПК, и только после реализации ими данных прав выносить постановление о назначении экспертизы. По аналогичному алгоритму должна назначаться экспертиза и в ходе рассмотрения уголовного дела судом.

Таким образом, указание (конечно, не голословное, а подкрепленное необходимой аргументацией) участников процесса о проведении экспертизы в определенной судебно-экспертной организации или определенным экспертом (если экспертиза проводится вне судебно-экспертной организации) должно являться одним из важнейших критериев выбора субъектом, ведущим уголовный процесс, конкретной судебно-экспертной организации или конкретного эксперта для проведения экспертизы. Обусловлено это следующими причинами.

Во-первых, суд (следователь, лицо, производящее дознание) не всегда может располагать точной информацией о том, какому субъекту следует поручить проведение экспертизы, особенно в тех случаях, когда соответствующая экспертиза не проводится судебно-экспертными организациями, а также индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на осуществление экспертной деятельности (мы имеем в виду лингвистические, искусствоведческие, компьютерные и тому подобные экспертизы). Во-вторых, разные судебно-экспертные организации (индивидуальные предприниматели) могут иметь разный авторитет в области судебной экспертной деятельности (обусловленный качеством проводимых экспертиз и иными моментами, о которых субъект, ведущий уголовный процесс, не всегда может знать). В-третьих, в разных судебно-экспертных организациях (у индивидуальных предпринимателей) ввиду неравномерной загруженности их работой может быть разной продолжительности очередь на проведение экспертиз. Наконец, в-четвертых, в разных судебно-экспертных организациях (у индивидуальных предпринимателей) стоимость проведения судебных экспертиз может быть различной (данный момент имеет немаловажное значение с точки зрения распределения процессуальных издержек, которые, как указано в ч.1 ст. 163 УПК, по общему правилу подлежат взысканию с осужденных, обвиняемых или подозреваемых).

Не случайно поэтому право оказывать влияние на выбор судебно-экспертных организаций (экспертов) закреплено за участниками иных типов процесса (судопроизводства). Так, п. 3 ч. 1 ст. 11.16 Процессуально-

исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) тоже закрепляет право участников административного процесса «просить о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или специалистов конкретных судебно-экспертных организаций» (идентичная норма содержалась и в п. 3 ч. 1 ст. 10.19 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2006 г.). Норма подп. 1.5 п. 1 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. №124-З «О конституционном судопроизводстве» предоставляет сторонам и их представителям право «предлагать кандидатуры экспертов при назначении экспертизы» (безусловно, речь здесь идет о «неклассической» экспертизе – экспертизе по вопросам права, а не факта, однако наличие у сторон и их представителей подобного правомочия уже само по себе весьма показательно).

И в этом плане особняком стоят отечественные гражданский и хозяйственный процессы. Дело в том, что ни ГПК, ни ХПК прямо не закрепляют права сторон и иных участников судопроизводства ходатайствовать перед судом о проведении судебной экспертизы в конкретной судебно-экспертной организации или конкретным судебным экспертом (в лучшем случае, подобное право может быть «выведено» из общего права заинтересованных лиц заявлять ходатайства в рамках судебного дела – см. ч.1 ст. 56 ГПК, ч.1 ст. 55 ХПК), хотя предоставление им такого правомочия, как следует из всего сказанного выше, имело бы большое значение.

В контексте изложенного нужно обратить внимание на то, что отмеченной проблемы нет в цивилистическом процессе Российской Федерации. Согласно абз. 2 ч. 2 ст. 79 Гражданского процессуального кодекса РФ «стороны, другие лица, участвующие в деле, имеют право просить суд назначить проведение экспертизы в конкретном судебно-экспертном учреждении или поручить ее конкретному эксперту». Такая же норма закреплена и в ч.3 ст. 82 Арбитражного процессуального кодекса РФ: «Лица, участвующие в деле, вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении».

Более того, возможность оказывать влияние на выбор эксперта имеют участники даже непроцессуальных отношений. Мы имеем в виду предписания абз. 9 п. 7 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (проверяемые субъекты, их представители, участники контрольного обмера вправе просить о назначении эксперта из числа указанных ими лиц); абз. 9 п. 6 Положения о

порядке осуществления общественного контроля профессиональными союзами, их организационными структурами, объединениями таких союзов и их организационными структурами в форме проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 6 мая 2010 г. № 240 «Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами» (представители контролируемого субъекта вправе просить о назначении эксперта из числа указанных ими лиц); абз. 3 п. 7 ст. 77 Налогового кодекса Республики Беларусь (плательщик, в отношении которого проводится проверка, имеет право просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц).

В свете изложенного, думается, нет никаких сомнений в том, что право участвовать в выборе судебно-экспертного учреждения (судебного эксперта) должно быть предоставлено и участникам гражданского процесса. Поэтому не случайно в судебной практике подобное право за участниками гражданских [10, с. 179-180, 182-183; 11, с. 238-242] и экономических [2, с. 33] дел фактически признается. Казалось бы, в этом направлении должно идти и дальнейшее развитие процессуального законодательства. Мы имеем в вступающий в силу с 1 января 2026 г. КГС.

Однако обращение к КГС показывает, что никаких подвижек в обозначенном направлении нет. Статья 221 «Права лиц, участвующих в деле, в связи с экспертизой» КГС почти дословно воспроизводит положения ст. 220 ГПК, а в ст. 220 ГПК, как уже отмечалось выше, никаких предписаний относительно права заинтересованных лиц ходатайствовать о проведении экспертизы в конкретном судебно-экспертном учреждении (у конкретного судебного эксперта) нет. Так, согласно ст. 221 КГС лицам, участвующим в деле, в связи с экспертизой предоставляются только следующие права: ходатайствовать о назначении экспертизы; заявлять отводы экспертам; представлять вопросы для постановки их перед экспертом; представлять для экспертного исследования дополнительные документы и иные материалы; знакомиться с определением суда о назначении экспертизы и заключением эксперта; с разрешения суда присутствовать при проведении экспертизы и давать пояснения экспертам, за исключением случаев, когда такое присутствие вне судебного заседания может помешать нормальной работе экспертов.

Думается, что после вступления КГС в силу его необходимо будет дополнить нормами, аналогичными п. 3 ч. 1 ст. 229 УПК, п. 3 ч. 1 ст. 11.16 ПИКоАП, подп. 1.5 п. 1 ст. 20 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. №124-З «О конституционном судопроизводстве».

3. В результате изложения заключительными положениями Закона о СЭД в новой редакции ст. 97 ГПК и ст. 70 ХПК эксперту было предоставлено новое процессуальное право: «знакомиться с протоколом судебного заседания, в котором он участвовал, и делать подлежащие

внесению в протокол замечания относительно полноты и правильности записи его действий и заключения эксперта» (п. 5 ч. 1 ст. 97 ГПК, абз. 6 ч. 2 ст. 70 ХПК). Благодаря Закону Республики Беларусь от 17 июля 2020 г. №45-З «Об изменении кодексов», которым было введено сплошное фиксирование судебных процессов с помощью средств звуко- или видеозаписи, указанное право приобрело следующий вид: «знакомиться со звуко- или видеозаписью, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания, в котором он участвовал, и делать подлежащие внесению в краткий протокол, протокол замечания относительно полноты и правильности записи его действий и заключения эксперта». Такое же полномочие эксперта зафиксировано и п.5 ч.1 ст. 85 КГС.

Вместе с тем отмеченная новелла не согласована с нормами ГПК, ХПК и КГС, регламентирующими общий порядок ознакомления со звуко- или видеозаписью, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания (отдельного процессуального действия), принесения на них замечаний и рассмотрения этих замечаний судом. Так, ст. 176 ГПК, ст. 189-3 ХПК, ст. 107 КГС упоминают только о лицах, имеющих заинтересованность в исходе дела, к которым эксперт, разумеется, не относится. Это уже само по себе ставит под сомнение право эксперта знакомиться со звуко- или видеозаписью, с кратким протоколом, протоколом судебного заседания (отдельного процессуального действия) и приносить замечания на них, причем эти сомнения усиливает также то, что о звуко- или видеозаписи, кратком протоколе, протоколе отдельного процессуального действия п. 5 ч. 1 ст. 97 ГПК, абз. 6 ч. 2 ст. 70 ХПК, п. 5 ч. 1 ст. 85 КГС даже не упоминают, хотя участие эксперта в отдельном процессуальном действии (а не в судебном заседании) отнюдь не исключено. Кроме того, возникают вопросы, в какой форме и в какой срок экспертом могут быть поданы замечания, каковы порядок и последствия их рассмотрения судом. Нельзя не заметить также и то, что по смыслу п. 5 ч. 1 ст. 97 ГПК, абз. 6 ч. 2 ст. 70 ХПК, п. 5 ч. 1 ст. 85 КГС замечания эксперта во всех случаях подлежат внесению в краткий протокол, протокол, между тем ст. 176 ГПК, ст. 189-3 ХПК, ст. 107 КГС позволяют суду отклонять замечания, а в случае согласия с ними замечания приобщаются к краткому протоколу, протоколу, а не вносятся в них.

Думается, что вариантом решения обозначенных проблем может быть дополнение ст. 176 ГПК, ст. 189-3 ХПК, ст. 107 КГС положением о том, что действие соответствующей статьи распространяется на иных участников судопроизводства, имеющих согласно законодательным актам право знакомиться со звуко- или видеозаписью, кратким протоколом, протоколом. К таким иным участникам судопроизводства можно отнести, помимо эксперта, также переводчика (п. 3 ч. 3 ст. 102 ГПК, ч. 5 ст. 74 ХПК, ч. 5 ст. 89 КГС).

Библиографический список

1. Габрияничик, А. Б. Проблемы и перспективы использования независимой экспертной оценки в цивилистическом процессе Республики Беларусь / А. Б. Габрияничик // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Вып. 7. – Гродно: ГрГУ, 2022. – С. 257-262.
2. Мадудин, Н. Некоторые вопросы назначения и проведения судебных экспертиз в хозяйственном судопроизводстве / Н. Мадудин // Судовы веснік. – 2014. – № 4. – С. 30-35.
3. Таранова, Т. С. Экспертиза в гражданском судопроизводстве / Т. С. Таранова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр Гос. комитета судеб. экспертиз Респ. Беларусь». – 2005. – № 1. – С. 7-13.
4. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Изд. центр БГУ, 2020. – 379 с.
5. Швед, А. И. Судебная экспертиза: пособие / А. И. Швед. – Минск : Форум, 2022. – 296 с.
6. Скобелев, В. П. Назначение экспертизы по инициативе суда – важнейшая гарантия установления истины в гражданском судопроизводстве / В. П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 3. – С. 24-28; № 4. – С. 18-22.
7. Таранова, Т. С. Гражданский процесс. Общая часть: курс лекций / Т. С. Таранова. – Минск: БГЭУ, 2005. – 198 с.
8. Тихиня, В. Г. Гражданский процесс: учебник / В. Г. Тихиня. – 2-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 496 с.
9. Кривая, В. О некоторых вопросах назначения и проведения судебных экспертиз по уголовным делам (по материалам обзора) / В. Кривая // Судовы веснік. – 2016. – №2. – С. 13-25.
10. Подготовка к судебному разбирательству некоторых категорий гражданских дел. Образцы судебных документов: практ. пособие / Л. И. Бакиновская [и др.]; под общ. ред. И. А. Мирониченко. – Минск: Маст. літ., 2003. – 286 с.
11. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству. Судебные документы: практ. пособие / под общ. ред. А. А. Забары. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь 2014. – 336 с.

Слащинин О. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ (НЕЙРОСЕТЕЙ) В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Следственный комитет Республики Беларусь,
ул. Фрунзе, 19, 220034, г. Минск, Беларусь, a.slashchynin@sledcom.by

Рассматриваются практические аспекты использования искусственных нейронных сетей (нейросетей) в следственной деятельности. Описываются основные направления их применения для решения задач, связанных с производством предварительного расследования по уголовному делу и осуществлением иной служебной деятельности. Приведенные аспекты и направления основаны на практическом опыте белорусских киберследователей.

Ключевые слова: большие данные; доказательства; искусственный интеллект; компьютерная информация; компьютерная криминалистика; нейронные сети; нейросети; следователь; следственная деятельность; чат-бот.

Искусственные нейронные сети (далее – нейросети) являются ключевым элементом технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). За более чем полувековую историю своего развития они прошли путь от теоретической модели нейронов до высокоэффективных систем с миллиардами параметров. Современные нейросети способны решать широкий круг прикладных задач, включая генерацию и анализ информации, прогнозирование и автономное управление сложными системами. Их применение особенно эффективно в условиях, когда традиционные методы обработки информации подвержены рискам, связанным с человеческим фактором. В аналогичных условиях автоматизированные системы способны оперативно, точно и непрерывно обрабатывать большие объемы данных.

Нейросети активно используются и в современной следственной деятельности, где наблюдаются тенденции цифровизации преступлений, методов их раскрытия и расследования. Правовая основа их использования при производстве предварительного расследования по уголовным делам закреплена в статьях 192, 193, 204 и 204-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. В рамках следственных действий могут использоваться научно-технические средства обнаружения и закрепления следов преступления, которыми, по своей сущности, могут признаваться и нейросети. Научная обоснованность их использования в следственной деятельности основана на фундаментальных математических концепциях, таких как линейная алгебра, математический анализ и методы оптимизации [1]. Универсальность математических моделей нейросетей

позволяет их использовать и вне контекста производства следственных действий.

Порядок использования нейросетей в следственной деятельности определяется поставленными задачами, установленным режимом секретности и доступными аппаратно-программными ресурсами. В зависимости от этих условий проводятся следующие организационно-подготовительные мероприятия: 1) выбор готовой или разработка собственной модели нейросети; 2) определение места ее развертывания; 3) выбор способа взаимодействия с оператором. Существуют коммерческие и условно-бесплатные сервисы, предоставляющие доступ к предобученным моделям нейросетей, а также к фреймворкам для их создания, обучения, дообучения и развертывания. Помимо них имеются программные проекты с открытым исходным кодом, позволяющие создавать собственные модели нейросетей и при этом не зависеть от конкретных сервисов разработчика или поставщиков серверных услуг. В данном случае представляется возможным развертывать нейросеть на локальном компьютере (сервере) без доступа к сети Интернет или на облачной платформе, подконтрольной следователю. Указанная возможность особенно актуальна при необходимости обеспечить защиту государственных секретов, иной охраняемой законом тайны или «критически важных» данных предварительного расследования. Дальнейшее взаимодействие между настроенной моделью и оператором может быть организовано следующими способами: 1) чат-бот; 2) голосовой помощник; 3) программный интерфейс приложения (англ. – API); 4) командная строка на уровне хоста или удаленного контролируемого сервера; 5) веб-интерфейс или мобильное приложение. Независимо от вышеуказанных условий, следователь должен принимать все возможные меры по обеспечению информационной безопасности данных, загружаемых в нейросеть (например, их обезличивание, обфускация, методы гомоморфного шифрования).

Если систематизировать имеющийся практический опыт белорусских киберследователей по взаимодействию с нейросетями в рамках решения задач следственной и иной служебной деятельности, можно выделить следующие актуальные направления их использования и совершенствования:

1. Анализ компьютерной информации. Данное направление охватывает множество решений для выполнения задач, связанных с обработкой оцифрованной информации. Анализируемые данные могут иметь следующие формы и возможности обработки их содержимого:

1.1. Текстовые файлы (данные). Простой текст или исходный код содержатся в офисных документах, лог-файлах, веб-страницах, электронных письмах (публикациях и комментариях), программном обеспечении и других формах компьютерной информации,

представляющей интерес для анализа. Текстовые данные отличаются простой структурой и гибкостью в обработке, что открывает широкие возможности для разностороннего анализа. Обобщив способы обработки текстовой информации, можно выделить следующие самостоятельные или вытекающие друг из друга методы ее анализа:

- классификация текста (присвоение текстовым сущностям меток для их систематизации по следующим категориям: тема и жанр, тип и вид документа, авторы и адресаты, используемые языки и их сочетания, наличие прямой речи или цитат, расширение файлов и кодировка текста, наличие вложений или особенностей форматирования текста, наличие конкретных семантических полей или ранее упомянутых «текстовых сущностей»);

- анализ кодировки текста (определение зашифрованных или нестандартных кодировок, распознавание скрытого исходного текста);

- идентификация языка, его перевод на основе функционального стиля адаптации с учетом контекста и без потери первоначального смысла (например, разговорный, юридический, научно-технический);

- выделение релевантной информации согласно заданному контексту;

- анализ метаданных (например, извлечение информации о создании, изменении, открытии файла, его авторах, географических данных, модели устройства и истории изменений);

- обобщение текста (его краткое изложение, составленное на основе ключевых положений исходного текста, выбор различных способов его резюмирования);

- анализ тональности текста и психолингвистических характеристик его авторов (интерпретация текста для измерения его эмоциональной окраски, а также определение контекста, возможных скрытых смыслов и назначения текста, определение высказанных в нем мнений или призывов);

- поиск и аннотирование текстовых сущностей (например, фамилии и имена, идентификаторы документов и регистрационные знаки автомобилей, географические названия и координаты, почтовые адреса, даты и время, адреса электронной почты, абонентские номера, денежные суммы, наименования юридических лиц и результатов их деятельности (проекты, продукты и бренды), элементы сленга или жаргона, IP-адреса и иные сетевые идентификаторы (например, доменные имена, сетевые имена, MAC-адреса, User-Agent-ы, URL-ссылки), логины и пароли, адреса кошельков криптовалюты и хеш транзакций, обценная лексика, фрагменты исходного кода, иные цифровые, буквенные и цифро-буквенные идентификаторы);

- определение возможного авторства текста на основе сравнения с уже имеющимися свободными и условно-свободными цифровыми массивами рукописей потенциальных авторов (например, личные дневники, публикации и научные труды, сообщения и комментарии в сети Интернет);

- обнаружение заимствованных текстовых фрагментов, в том числе с указанием источников исходных данных, а также их предыдущих версий;
- составление хронологии событий на основе дат и временных маркеров;
- обнаружение возможного использования скрытых сообщений, замаскированных с помощью методов стеганографии;
- статический и динамический анализ программного обеспечения (например, выявление вредоносного поведения, анализ сетевой активности, распознавание шаблонов использования);
- оценка иных текстовых характеристик (например, избыточность текста, наличие дубликатов, ошибки в языке, индекс удобочитаемости, частота используемых слов или фраз, количество знаков, наличие гиперссылок).

1.2. Базы данных (таблицы). Наличие строгой структуры компьютерной информации (отображение ее массива в форме полей, возможность сортировки и фильтрации, составления форм и запросов, установления связей между информационными элементами) предполагает возможность оперативно и точно обрабатывать огромные массивы данных. Можно выделить следующие методы автоматизированного анализа компьютерной информации, сведенной в организованные коллекции структурированных и полуструктурированных данных, а именно:

- классификация размеченных и кластеризация неразмеченных данных на категории и сегменты;
- выполнение арифметических и логических операций с большими диапазонами данных, их представление в различном форматировании;
- агрегация данных (сведение огромных массивов данных к компактным показателям для их обобщения и выявления ключевых статистических показателей), а также их нормализация (приведение данных к заданному диапазону) и стандартизация (приведение данных к нормальному распределению с определенными параметрами);
- интеграция разрозненных данных с различными форматами;
- редукция размерности данных (уменьшение числа их параметров при сохранении ключевой информации для упрощения анализа и визуализации больших массивов данных);
- обнаружение явных и скрытых паттернов (регулярностей и повторяющихся структур);
- поиск аномалий или нетипичных записей из всей структуры данных (подозрительные транзакции, вызовы или сигналы, элементы сетевого трафика, сеансы авторизации или удаленные подключения);
- проверка целостности данных (обнаружение нетипичных изменений, манипуляций или повреждений данных);

- анализ ассоциаций (выявление частых закономерностей и связей между элементами категориальных, транзакционных, в том числе криптовалютных, и иных данных);

- корреляционный анализ (определение степени линейной зависимости между двумя переменными количественных данных);

- временной анализ (изучение изменений данных во времени, выявление временных закономерностей, последовательности событий и задержек между ними, а также анализ временных рядов);

- пространственный анализ (обработка данных с пространственной привязкой для выявления географических закономерностей, анализа плотности данных в пространстве);

- прогнозирование будущих значений и моделирование сценариев на основе непрерывных исторических данных, а также выявление сезонности, циклов, трендов и случайных колебаний;

- исторический анализ (восстановление и анализ предыдущих состояний баз данных для обнаружения удаленных или измененных данных);

- семантический анализ (исследование возможных связей между объектами данных, построение графов, а также выявление зависимостей и ключевых узлов).

1.3. Изображения и кадры видеозаписей. Визуальная компьютерная информация содержится в изображениях, видеозаписях, веб-страницах и других мультимедийных файлах. Традиционный анализ указанных данных предполагает их физический просмотр, результаты которого также подвержены рискам, связанным с человеческим фактором. Обобщив способы автоматизированной обработки визуальной компьютерной информации, можно выделить следующие самостоятельные или вытекающие друг из друга методы ее анализа:

- распознавание конкретных объектов (например, человек, здание, животное, автомобиль, оружие, деньги, свертки-закладки) и их сегментация (графическое выделение на общем фоне изображения);

- категоризация данных на основе изображенных объектов или записанных действий (например, снимки экрана устройства, светокония документа, обнаруженная нагота или сексуальные действия, сцены насилия);

- распознавание лиц, идентификация конкретных или похожих людей (сопоставление обнаруженных биометрических черт человека с уже имеющимися в базе данных);

- распознавание иных физических характеристик человека (например, возраст, пол, раса, эмоция и мимика лица, телосложение, жесты);

- оптическое распознавание символов (англ. – OCR) на изображении (например, рукописный или полиграфический текст на фотографии

документа, государственного регистрационного знака автомобиля, дорожного указателя, вывески организации);

- улучшение качества изображения (например, уменьшение шума, исправление искажений, увеличение разрешения, повышение резкости);

- обнаружение следов модификации (выявление цифровых манипуляций и использование графических редакторов);

- составление тепловых карт (выделение зон повышенной активности или сосредоточения визуального внимания);

- 3D-реконструкция и анализ модельных результатов (извлечение трехмерной информации из двухмерных изображений для определения размеров объектов или местоположения камеры);

- временной анализ (например, определение поры года, погоды, времени суток с учетом освещения и отбрасывания объектом тени);

- пространственный анализ (обнаружение местоположения осуществленного снимка или записи по конкретным достопримечательностям или уникальным объектам).

1.4. Аудиозаписи и аудиодорожки видеозаписей. Звуковая компьютерная информация содержится в аудиофайлах, видеозаписях, веб-страницах и других мультимедийных файлах. Традиционный анализ указанных данных предполагает их физическое прослушивание, результаты которого также подвержены рискам, связанным с человеческим фактором. Обобщив способы автоматизированной обработки звуковой компьютерной информации, можно выделить следующие самостоятельные или вытекающие друг из друга методы ее анализа:

- распознавание речи, определение используемого языка, наречия, диалекта, говора, а также их преобразование в текст;

- идентификация конкретного или похожего по голосу человека на основе имеющихся образцов голоса и речи предполагаемых говорящих;

- разделение источников звука, определение используемых аудиодорожек и диаризация записей переговоров (сегментирование записи по каждому говорящему);

- анализ частотных спектров (спектральный анализ для поиска скрытых звуков, аудиометок, необычных аудиосигналов или шумов);

- анализ фона и определение окружающей обстановки (например, звук движения автомобиля, шагов), распознавание музыкальных элементов;

- фонетический анализ речи (например, интерпретация интонации, определение эмоций говорящего или имеющихся дефектов речи);

- улучшение качества звука (например, уменьшение шума или регулировка уровня отдельных источников звука, увеличение четкости произношения говорящего);

- обнаружение изменений и следов монтажа (выявление вставок, резких переходов или наложения сторонних аудиодорожек);

- обнаружение акустических аномалий (например, необычных звуков, появление уникальных звуков окружения на фоне продолжавшейся тишины);

- акустическая реконструкция (восстановление акустических аномалий для понимания взаимодействия источников звука).

2. Генерация контента. Данное направление предоставляет следователю возможность оперативно получать различные формы данных (например, текстовые, табличные, графические и аудиовизуальные) по сформированному промпту (запросу). В случае необходимости, для получения точного результата имеется возможность загрузки следователем дополнительных исходных данных. Процесс генерации может принимать следующие формы:

2.1. Автоматизированное составление процессуальных и иных служебных документов. Нейросети значительно ускоряют составление служебных документов (протоколов, постановлений, рапортов, справок, сопроводительных писем, актов, запросов), одновременно снижая вероятность ошибок. Среди методов автоматизированного создания вышеуказанных документов можно выделить следующие:

- автоматическое создание документов на основе шаблонов с заполнением заранее установленных реквизитов и генерацией стандартных юридических формулировок;

- проверка соответствия оригинальному тексту цитируемых положений нормативных правовых актов и подзаконных актов;

- генерация описательно-мотивировочной части документа с использованием точных понятий, аргументированных суждений и логичных умозаключений, а также одновременным соблюдением правовых и языковых норм;

- формулирование точных и лаконичных вопросов для предстоящего допроса, в том числе на основе ранее данных показаний и объяснений участников уголовного процесса;

- автоматическое составление описи документов по уголовному делу или материалу проверки.

2.2. Визуализация данных и синтез звука. Нейросети, интерпретируя и визуализируя зафиксированные данные предварительного расследования, позволяют создавать наглядные и структурированные мультимедийные приложения, облегчающие для участников уголовного процесса восприятие сложной информации и ориентацию в обстоятельствах дела. На основе исходных данных по уголовному делу могут быть созданы: 1) планы осмотренных объектов и модели мест происшествий; 2) хронологическая инфографика преступной деятельности; 3) карта преступной деятельности или движения объектов; 4) графики, диаграммы и гистограммы; 5) схемы связей криминалистических элементов; 6) иллюстрации к описанию

исследуемых обстоятельств; 7) фотокомбинированные или фотокомпозиционные портреты; 8) синтезированный видеоряд; 9) синтезированные голосовые или фоновые аудиодорожки.

2.3. Написание исходного кода. Для автоматизации повторяющихся операционных задач (например, поиска упоминаний конкретных реквизитов, переименования файлов или каталогов по шаблонам), нейросеть может генерировать исходный код для создания скриптов или утилит, выполняющих необходимые для следователя операции.

2.4. Планирование. Использование нейросетей может существенно облегчить ежедневную служебную деятельность следователя в форме технического сопровождения следующих мероприятий: 1) планирование производства следственных и иных процессуальных действий; 2) распределение задач с учетом загруженности и приоритетности дел; 3) анализ данных по имеющимся в производстве уголовным делам и материалам проверок; 4) предложение возможных направлений расследования или проверки; 5) генерирование советов по имеющимся возможностям собирания и проверки доказательств согласно заданной следственной ситуации.

Описанные направления применения нейросетей для решения задач, стоящих перед следователем, демонстрирует огромный потенциал для автоматизации рутинных процессов, повышения точности и скорости анализа данных, а также минимизации ошибок, связанных с человеческим фактором. Однако, их использование сопровождается рядом серьезных вызовов, особенно в контексте проверки и оценки доказательств, полученных с помощью нейросети.

Во-первых, результаты работы нейросети напрямую зависят от качества загруженных данных. Недостаточно точные или предвзятые данные могут привести к искаженным результатам, что ставит под сомнение достоверность полученных доказательств. Проблема предвзятости может также возникать не только из-за качества данных, но и вследствие особенностей работы алгоритмов.

Во-вторых, интерпретация отдельных результатов работы нейросети может быть затруднена из-за феномена «черного ящика». Так, следователь не всегда сможет понять или запросить у модели отчет о цепочке проведенных манипуляций и каким образом ей был достигнут полученный результат. Отсутствие прозрачности в выдаче нейросетью конечных данных может вызвать сомнения о допустимости подобных доказательств.

В-третьих, риски информационной безопасности остаются существенным вызовом при использовании нейросетей. Невозможность гарантировать полную защиту загружаемых данных может привести к утечкам информации, включая возможное разглашение данных предварительного расследования и иных охраняемых законом сведений.

В-четвертых, существует риск противопоставления следователями результатов работы нейросетей и заключению экспертов, которые способны предоставлять ответы на схожие вопросы. Нейросеть способна оперативно выдавать интересующие следователя результаты, а достоверность выводов экспертизы гарантирована ответственностью эксперта. Выбор способа получения необходимых данных будет зависеть от складывающейся следственной ситуации, позиций начальника следственного подразделения, суда и надзирающего прокурора.

Таким образом, в ближайшей перспективе использование нейросетей или ИИ в целом следует рассматривать как дополнительный инструмент повышения эффективности следователя, а не как его замену. Приведенный вывод подкрепляется наличием следующих нерешенных проблем:

- 1) ограниченность ИИ в понимании сложных контекстов и человеческих аспектов преступлений;
- 2) недостаточное развитие робототехники и компьютерного зрения, а также высокая стоимость указанных технологий;
- 3) этические аспекты взаимодействия человека с ИИ, включая важную роль человеческого фактора в расследовании;
- 4) отсутствие интуитивного мышления у ИИ, что ограничивает его способность эффективно работать с неполной или неоднозначной информацией.

В свою очередь, результативное использование нейросетей требует от следователя глубоких знаний, умений и навыков в сфере высоких технологий.

Библиографический список

1. Гудфеллоу, Я. Глубокое обучение (перевод с англ. А. А. Слинкина) / Я. Гудфеллоу, И. Бенджио, А. Курвилль. – М.: ДМК Пресс, 2018. – 652 с.

Соркин В. С., Козел В. М.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, *kaf_krimproc@grsu.by*

В настоящей статье, приуроченной к 100-летию дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова, анализируется смысловое и терминологическое значение оперативно-розыскной информации в ходе производства по уголовному делу. Презюмируется мысль о том, что на протяжении значительного периода времени вносятся изменения в уголовно-процессуальное законодательство и нормативно-правовую базу, связанную с проведением оперативно-розыскной деятельности, а также излагаются факторы, которые об этом свидетельствуют. Приводятся трактовки определения оперативно-розыскная информация и источников ее получения. Кроме того, констатируется, что признаки и требования, предъявляемые к оперативно-розыскной информации, в своей совокупности направлены на реализацию задач уголовного процесса в части раскрытия преступлений и изобличения виновных. Исследуется нормотворческая деятельность в части формирования правового обеспечения оперативно-розыскного законодательства на постсоветском пространстве. При этом подчеркиваются особенности ее регламентации, которые заключаются в том, что она определяет правовое значение оперативно-розыскной информации как в косвенной, так и прямой форме. Приводятся обоснования данных утверждений. В заключении резюмируется вывод о том, что оперативно-розыскная информация является основанием для осуществления оперативно-розыскной деятельности и одновременно целью проведения оперативно-розыскных мероприятий для получения доказательств в уголовном процессе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскная информация; правоприменение; доказательства; уголовный процесс; уголовное дело.

Научное наследие и научный вклад профессора А.В. Дулова в развитие криминалистической и уголовно-процессуальной науки неоценимы. У одного из авторов данной статьи (В.С. Соркина) А.В. Дулов был официальным оппонентом при защите кандидатской диссертации по специальности 12.00.09. Его наполненный глубоким научным содержанием отзыв по диссертации является примером анализа научной проблематики. Следует отметить, что в своих трудах А.В. Дулов уделял значительное

внимание вопросам судебной экспертизы, а также правовому обеспечению оперативно-розыскной деятельности. В этой связи представляется целесообразным, проанализировать ряд законодательных предписаний в части смыслового и терминологического значения определения «оперативно-розыскная информация» в уголовном процессе».

Необходимость противодействия преступным проявлениям требует от субъектов правоохранительной системы постоянного поиска новых форм и методов по повышению эффективности осуществляемой ими деятельности. Как показывает практика успешное расследование уголовных дел невозможно без четкого взаимодействия следственных органов с оперативными подразделениями в части использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в процессе доказывания, что обуславливает актуальность исследования, объектом которого является оперативно-розыскная информация как основание для осуществления ОРД и получения доказательств в уголовном процессе.

С конца XX столетия и до настоящего времени продолжается внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство и нормативную основу проведения ОРД.

Поддерживаем мнение А.Е. Вытовтова и С.Б. Россинского, что это связано с двумя факторами:

во-первых, с «невозможностью дальнейшего правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий исключительно на подзаконном (ведомственном) уровне, преимущественно посредством секретных нормативных актов, ...стремление придать работе правоохранительных органов более гласный, открытый характер и т. д.»;

во-вторых, «...детерминирован кардинальным пересмотром прежней уголовно-процессуальной политики, тенденциями к усилению состязательных начал уголовного судопроизводства и возрастанию роли допустимости как необходимого формального свойства любых сведений, положенных в обоснование приговоров (иных правоприменительных решений)» [1, с. 21].

По мнению В.О. Давыдова: «Сам процесс оперирования доказательственной информацией есть процесс логический, подчиняющийся закономерностям рационального мышления субъекта расследования и предполагающий:

предъявление доказательственной информации в качестве основания для признания обстоятельств, установленных по делу, доказанными;

демонстрацию (предъявление) доказательственной информации в целях получения новой доказательственной информации;

сопоставление доказательственной информации с новой доказательственной информацией в целях ее исследования;

- передачу доказательственной информации адресату доказывания» [2, с. 107].

В настоящее время в теории ОРД применяется ряд традиционных трактовок данного понятия. Например, А.Ю. Шумилов определяет оперативную информацию как информацию, полученную в результате оперативно-розыскной деятельности [3, с. 34].

В современных исследованиях, по мнению С.С. Овчинского оперативно-розыскная информация – это «знания о явлениях, которые свидетельствуют о преступной деятельности конкретных лиц и раскрывают не только механизм преступлений, но и механизм возникновения информации о них, содержит знания о причинной связи между событиями и фактами, цепь которых ведет к установлению обстоятельств преступления, круга его участников» [4, с. 63].

Для нас с точки зрения использования в уголовном процессе представляет интерес суждение В.П. Хомколова, который полагает, что оперативно-розыскная информация – это «сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, могущие стать доказательствами или способствующие их получению, а также иные данные, используемые в организации и тактике деятельности оперативно-розыскных аппаратов» [5, с. 91]. Развивая данную мысль, С.В. Зуев полагает, что оперативная информация есть «форма выражения материальных объектов и явлений, возникшая как результат произошедших процессов отражения готовящегося, совершаемого или уже совершенного преступления, полученная в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, подлежащая документированию использованию для решения задач оперативно-розыскной деятельности и принятия решений в уголовном процессе» [6, с. 24].

Исследуя данное понятие, нельзя не согласиться с мнением А.С. Овчинского, который выделяет два принципиальных направления работы с оперативно-розыскной информацией. «Первое – это деятельность по ее добыванию, обработке и анализу. Второе – это ее реализация, предусматривающая как процессуальное, так и непроцессуальное использование оперативно-розыскной информации с целью воздействия и управления криминальной ситуацией» [7, с. 33].

В рамках исследования остановимся на основных источниках, оперативно-розыскной информации которыми являются:

результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ);

сведения, полученные от лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД на конфиденциальной основе;

результаты личного сыска;

данные оперативных учетов;

справки, меморандумы и иные аналитические документы, подготовленные должностными лицами оперативных аппаратов на основе результатов ОРД [8, с. 58–59].

В ходе нашего исследования остановимся на некоторых актуальных вопросах.

Во-первых, мы можем выделить ряд требований, предъявляемых к оперативно-розыскной информации:

- систематизированность и комплексность, что подразумевает сочетание в себе различных сведений, полученных от различных источников и логически увязанных;
- адекватность уровня поступления оперативно-розыскной информации, компетенции оперативных работников, принимающих решения;
- оптимальность, полнота и точность информации [9, с. 39].

Во-вторых, оперативно-розыскная информация должна содержать ряд признаков:

- информация собирается в процессе выполнения ОРД;
- длящийся характер;
- информация может быть получена на различных этапах оперативно-розыскного процесса и должна быть приобретена только на законных основаниях;
- оперативно-розыскная информация имеет конфиденциальный характер, в связи с чем доступ к ней ограничивается в соответствии с законодательством и устанавливается порядок ее использования в рамках уголовного процесса и иных видах правоохранительной деятельности;
- анализируемая информация подлежит фиксации на материальных носителях, в частности должна отражаться в оперативно-служебных документах;
- оперативно-розыскная информация предназначена для решения не только задач ОРД, но и для решения задач уголовного процесса [10, с. 634–635].

В-третьих, оперативно-розыскная информация в результате проведения ОРД может:

- являться поводом и основанием для возбуждения уголовного дела (использование допускается в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего собирание, проверку и оценку доказательств);

выступать источником получения доказательств и соответственно способствовать реализации целей и задач уголовного процесса (выступать не как «основа формирования доказательств», а лишь в качестве основы для формирования доказательств в уголовном процессе) [11];

– использоваться для подготовки и определения тактики проведения отдельных процессуальных действий;

– служить основанием для выдвижения криминалистических версий и планирования расследования уголовного дела.

Представляется целесообразным подчеркнуть, что параллельно процессу формирования белорусского оперативно-розыскного законодательства протекала и аналогичная нормотворческая деятельность в ряде других стран постсоветского пространства.

Анализируя Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), а также оперативно-розыскное законодательство Российской Федерации, мы отмечаем наличие в них правовых норм, касающихся оперативно-розыскной информации, особенность регламентации которой заключается в том, что она определяет правовое значение оперативно-розыскной информации как в косвенной, так и прямой форме.

В косвенной форме упоминание об оперативно-розыскной информации отмечается в связи различными аспектами оперативно-розыскной деятельности. Например, при определении основных терминов, используемых в настоящем Законе, а также в ходе подготовки и проведения различных оперативно-розыскных мероприятий.

В прямой форме отдельная статья Закона об ОРД обозначается словосочетанием, указывающим на правовое значение оперативно-розыскной информации для выполнения задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию противоправных деяний, обнаружению разыскиваемых лиц различных категории.

Так в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон РФ об ОРД) при определении задач прямо указывается на «... добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации» [12].

Оперативно-розыскное законодательство России направляет деятельность государственных правоохранительных органов по двум направлениям:

– во-первых, на поиск (получение) оперативно значимой информации криминального характера;

– во-вторых, на проверку и использование материалов оперативно-розыскной деятельности в целях выполнения задач ОРД.

Таким образом, на правовой статус оперативно-розыскной информации указывают три группы норм оперативно-розыскных законов исследуемых правовых актов:

положения, определяющие задачи и обязанности органов, осуществляющих ОРД;

нормы, регламентирующие виды и правовое содержание ОРМ;

положения, оговаривающие основания и условия проведения ОРМ [10, с. 622].

Анализируя нормы оперативно-розыскных законов, непосредственно определяющих статус оперативно-розыскной информации, мы можем обратить внимание на фиксацию результатов ОРД и различные варианты ее использования:

во-первых, правовая природа оперативно-розыскной информации указывает на необходимость ее приоритетного использования в сфере ОРД для осуществления ОРМ и нуждается в дополнительной проверке, в том числе процессуального характера;

во-вторых, законодатель предусматривает целый ряд возможностей для применения оперативно-розыскных данных в уголовном процессе; материалы ОРД могут послужить основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела как начальником органа дознания, так и непосредственно следователем после соответствующего ознакомления (ст. 49 и 50 Закона об ОРД, ст. 11 Закона РФ об ОРД).

Порядок предоставления материалов ОРД (путем их легализации) в процессе доказательственной деятельности мы можем разделить на два этапа:

- проверка законности ОРД, в результате проведения которых получены предоставленные материалы:

- введение предоставленных материалов ОРД в уголовный процесс в качестве источника доказательств [13, с. 262].

Вместе с тем, не является решенным в полной мере вопрос обеспечения тайны непосредственного источника информации и конкретных обстоятельств ее получения.

Так, в ст. 50 Закона об ОРД предусматривается возможность и условия не предоставления материалов ОРД, если их использование создает «... угрозу сохранению в тайне сведений о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» [14, с. 160].

В заключение нельзя не согласиться с мнением ряда ученых, что «результаты ОРД можно и нужно использовать в доказывании. Более того, обычно они приносят именно истинные знания. Однако их нельзя принимать за истину по определению, а необходимо проверять и оценивать наравне с другими процессуальными доказательствами» [15, с. 353], поэтому мы можем сделать вывод, что оперативно-розыскная информация является основанием для осуществления оперативно-розыскной

деятельности и одновременно целью проведения оперативно-розыскных мероприятий для получения доказательств в уголовном процессе.

Библиографический список

1. Вытовтов, А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве : монография / А. Е. Вытовтов, С. Б. Российский. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 168 с.
2. Давыдов, В. О. Информация в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений : теория, практика, инновации : моногр. / В. О. Давыдов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 248 с.
3. Новый оперативно-розыскной закон России : учеб.-практ. пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М., 1997. – 187 с.
4. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация : теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / С. С. Овчинский ; под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2022. – 415 с.
5. Хомколов, В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью : системный подход / В. П. Хомколов. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 1999. – 191 с.
6. Зуев, С. В. Использование электронной оперативно-розыскной информации в уголовном процессе / С. В. Зуев // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Право». – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 24–29.
7. Овчинский, А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность: моногр. / А. С. Овчинский. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 97 с.
8. Алферов, В. Ю. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / В. Ю. Алферов, А. И. Гришин, Н. И. Ильин ; под общ. ред. В. В. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов : Саратов. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. – 296 с.
9. Основы оперативно-розыскной деятельности : пособие / В. В. Бачила [и др.] ; под ред. В. В. Бачилы, В. С. Соркина. – Гродно : ГрГУ, 2001. – 170 с.
10. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. В. Б. Рушайло. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – СПб : Лань, 2000. – 717 с.
11. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие [Электронный ресурс] / Е. А. Доля. – М., 2015. – 376 с.
12. Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/. – Дата доступа: 12.09.2024.

13. Оперативно-розыскная деятельность : пособие / И. И. Бранчель – [и др.] ; под ред. А. И. Шведа. – Минск : Тетралит, 2014. – 352 с.
14. Соркин, В. С. Учение об общей части теории доказательств в науке уголовного процесса (вторая половина XX – начала XXI века) : моногр. / В. С. Соркин, В. М. Козел. – Гродно : ГрГУ, 2022. – 195 с.
15. Захарцев, С. И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, В. П. Сальников. – М. : Норма, 2022. – 400 с.

Стрижевич Е. В., Петрова О. В.
ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *law@bsu.by*

Исследуется понятие «специальные знания», а также формы их использования в уголовном процессе. Приводятся различные подходы к классификации форм использования специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания; специалист; экспертиза; формы использования специальных знаний в уголовном процессе.

В настоящее время в силу динамичного развития информационных технологий, а также появления новых способов совершения преступлений, все чаще прибегают к использованию специальных знаний в раскрытии и расследовании общественно опасных деяний, на основе которых выдвигаются версии происшедшего, составляется план расследования, обнаруживаются, изымаются, фиксируются и проверяются доказательства по делу, избирается тактика проведения отдельных следственных действий, реализуется методика расследования.

Следует отметить, что вопрос об определении понятия «специальные знания» до сих пор остается актуальным в юридической научной сфере, также как и классификация форм их использования.

Термин «специальные знания» одним из первых сформулировал А.В. Дулов (1959 г.), назвав их «знаниями, которыми недостаточно владеют судьи» [1, с. 4]. Такой акцент позволяет обратить внимание, что профиль таких знаний отличен от знаний правовых.

По мнению Р.С. Белкина под специальными знаниями понимаются «профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникших при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел» [2, с. 242].

На наш взгляд, наиболее широкое определение специальных знаний в уголовно-процессуальном значении высказывал профессор Г.И. Грамович определяя их, как: «систематизированные научные знания, умения и навыки в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), полученные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания доказательственной и ориентирующей информации о преступном деянии, а также способствуют разработке технических средств и приемов работы с доказательствами и установления существенных обстоятельств, имеющих значение для дела» [3, с. 18].

Исследования сути специальных знаний важно для определения случаев их использования как непосредственно в процессе собирания доказательств, так и для получения ориентирующей информации о преступлении. В связи с этим выделяют две формы использования специальных знаний: процессуальную и непроцессуальную.

Порядок применения процессуальной формы регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), и результаты использования этих знаний имеют доказательственное значение [4, с. 292].

Так, по мнению А.И. Шведа к процессуальным формам использования специальных знаний следует относить следующие:

- экспертиза;
- участие специалиста в процессуальных действиях;
- допрос (опрос) свидетеля;
- разъяснение заключения эксперта. [5, с. 16-17].

Назначение и проведение экспертизы – это основная форма использования специальных знаний в уголовном процессе.

В УПК Республики Беларусь употребляется термин «экспертиза», однако законодательно не закреплено его отличие от экспертизы в иных сферах деятельности, что порождает определенные разночтения в теории и практике.

Экспертиза как форма использования специальных знаний в судопроизводстве предусматривает порядок взаимодействия эксперта и иных участников процесса в связи с назначением и проведением исследования экспертом по поставленным перед ним вопросам. Данная группа экспертиз объединяется в правовую форму судебной экспертизы, предусмотренную Законом Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности». Сфера ее применения ограничена правоохранительной деятельностью и судопроизводством [5, с. 14].

Принимая во внимание научные и практические подходы, а также зарубежный опыт представляется важным дать определение понятию экспертиза в уголовно-процессуальном законе.

Следует отметить, что общность подходов к определению понятия судебной экспертизы на территории постсоветского пространства обусловлена наличием модельного закона «О судебно-экспертной деятельности», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 11 апреля 2013 г. № 15-6, в котором согласно ст. 1 предлагается определять судебную экспертизу как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые поставлены перед экспертом, судом, судьей, органом дознания,

лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Кроме того, 19 апреля 2019 г. в Санкт-Петербурге постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств №49-8 принят модельный закон «О судебно-экспертной деятельности», на основе которых постсоветскими странами приняты отраслевые законы о судебной экспертизе или о судебно-экспертной деятельности.

Судебная экспертиза – это исследование, проводимое судебным экспертом (судебными экспертами) по постановлению (определению) органа (лица), уполномоченного процессуальным законодательством, в целях установления фактических данных и (или) обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовных дел, по результатам которого составляется заключение эксперта [4, с. 293].

На практике используются специальные знания и в непроцессуальной форме, когда их получение не регламентируется УПК Республики Беларусь. Соответственно они чаще всего представляют собой вспомогательную, ориентирующую информацию в раскрытии и расследовании преступлений. К ним следует относить следующие специальные знания:

1. Запрос мнения специалистов адвокатом (защитником) (ст. 17 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», ст. 103 УПК Республики Беларусь). Такое право предусмотрено нормами уголовно-процессуального законодательства, вместе с тем порядок привлечения специалистов процессуальным законодательством не определен;

2. Проведение проверки финансово-хозяйственной деятельности предусмотрено ст. 173 УПК Республики Беларусь, однако сам порядок проведения такой проверки определен отраслевым законодательством и законодательством о контрольной и надзорной деятельности;

3. Консультации со специалистами (письменные и устные), которые могут быть даны должностным лицам органа, ведущего уголовный процесс, и суду, а также консультативная помощь может быть оказана любому участнику процесса на основе гражданско-правового договора об оказании услуг. В результате проведения такой консультации специалистом может быть составлена справка, смета, акт и др.;

4. Проведение исследований и экспертиз во внесудебном порядке (в связи с подготовкой искового заявления или жалобы, заявления о совершенном правонарушении, при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и др.) [5, с. 14].

В широком понимании к непроцессуальным формам использования специальных знаний можно отнести также применение криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений;

предварительное исследование следов и других вещественных доказательств сведущим лицом для получения ориентирующей информации; составление субъективного портрета (фоторобота); проведение опроса с использованием полиграфа и пр.

Г.И. Грамович выделял классификацию форм использования специальных знаний, основанную на регламентации уголовно-процессуальным законодательством: 1) указанные и регламентированные законодательством (процессуальные); 2) указанные в законодательстве, но не регламентированные им; 3) не указанные в законодательстве и не регламентированные им (непроцессуальные) [3, с. 57]. В результате проведенного анализа существующих форм использования специальных знаний следует признать данную точку зрения состоятельной.

Вместе с тем, В.В. Циркаль и В.К. Лисиченко утверждают, что «не может быть непроцессуальных форм применения специальных знаний в уголовном процессе, это равнозначно их незаконности» [6, с. 62]. В том случае, если требуется использование специальных знаний, а таковое не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством или не регламентировано им, то должно проводиться в соответствии с ведомственными или нормативными положениями, актами [7, с. 442].

Следует не согласиться с такой позицией. Не все действия, проводимые в ходе расследования преступлений, относятся к процессуальным. Процессуальная форма использования специальных знаний предполагает непосредственное использование ее результатов в доказывании по уголовному делу. Однако дальнейшего толкования и детальной законодательной регламентации требуют непроцессуальные формы. Вышесказанное говорит о том, что использование специальных знаний осуществляется для процессуальных целей и является уголовно-процессуальным институтом. Вместе с тем классификация форм использования специальных знаний осуществляется на основании признака регулирования уголовно-процессуальным законодательством.

Исходя из приведенных выше примеров, касающихся форм использования специальных знаний, можно сделать вывод, что часть из них регулируется уголовно-процессуальным законодательством (экспертиза, участие специалиста в следственных действиях), а часть — нет (использование криминалистических учетов, предварительное исследование следов и иных вещественных доказательств, составление субъективного портрета (фоторобота) и др.).

Таким образом, формы использования специальных знаний по степени регулирования уголовно-процессуальными нормами, можно разделить на два вида: регулируемые нормами уголовно-процессуального законодательства и не регулируемые данными нормами. Дальнейшее совершенствование правового регулирования различных форм

использования специальных знаний, имеющих значение для расследуемого преступления, расширяет возможности их использования, что в свою очередь требует поиска новых правовых средств и способов вовлечения в доказательственную деятельность различных видов специальных знаний.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск: Изд-во БГУ, 1959. – 188 с.
2. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
3. Грамович, Г. И. Криминалистическая техника (научные, правовые, методологические, организационные основы) / Г. И. Грамович. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 215 с.
4. Орехова, Е. П. О формах специальных знаний в процессе расследования преступлений [Электронный ресурс] / Е. П. Орехова // I Минские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, (Минск, 20 дек. 2018 г.): в 2 ч. / УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Минск, 2018. – Ч. 2. – С.292-296.
5. Швед, А. И. Судебная экспертиза: пособие / А. И. Швед. – Минск: Форум, 2022. – 296 с.
6. Лисиченко, В. К. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике/ В. К. Лисиченко, В. В. Циркаль. – Киев: КГУ, 1987. – 100 с.
7. Бишманов, Б. М. Использование специальных знаний в процессуальной и служебной деятельности / Б. М. Бишманов // Черные дыры в Российском Законодательстве. – 2002. – № 4. – С. 440-446.

Суртаев Д. А.¹⁾, Скаков А. Б.²⁾

КОРРУПЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

¹⁾ УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, *mail@grsu.by*

²⁾ Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики
Казахстан имени Ш. Кабылбаева, пр. Абая, 11, 110005, г. Костанай,
Республика Казахстан, *odo@kostacademy.edu.kz*

В статье излагаются научные к понятию «коррупция». Дается уголовно-правовая характеристика коррупции по законодательству Республики Казахстан.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; уголовное право; уголовная ответственность.

Коррупция наряду со сращиванием государственных органов с криминальными, террористическими и экстремистскими структурами, покровительством должностных лиц незаконному обороту капитала, незаконным оборотом оружия и наркотических средств, способствующие снижению степени защищенности национальных интересов определена в качестве основной угрозы национальной безопасности Республики Казахстан [1].

«Коррупция» происходит от латинского слова «corruptio» («портить, повреждать, разлагать, растлевать»), подразумевает под собой принесение общественных интересов в жертву личной жизни или корпоративной выгоде.

В базовом Законе Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года [2], регулируются общественные отношения в сфере противодействия коррупции и дается понятие этого социального зла (см. п.п. 6) ст. 1).

Особая роль в сфере законодательного регулирования противодействия коррупции принадлежит Уголовному кодексу Республики Казахстан от 3 июля 2014 года [3] (далее – УК Республики Казахстан), определяющему перечень коррупционных преступлений, уголовную ответственность и наказание за их совершение.

Отличительной особенностью коррупционных преступлений от общеуголовных является высокая латентность, которая оказывает негативное влияние на состояние экономики, а также снижение уровня жизни граждан государства.

В уголовном законе определено понятие коррупционных преступлений, сформулированное по принципу перечисления конкретных

противоправных деяний, в которых выражается коррупция (пп. 29) ст. 3 УК Республики Казахстан).

К коррупционным преступлениям уголовным законодательством отнесены следующие преступные посягательства:

1) присвоение или растрата вверенного чужого имущества (п. 2) ч. 3, ч. 4 в случае наличия признаков, предусмотренных п. 2) ч. 3 ст. 189 УК РК);

2) мошенничество (п. 2 ч. 3, ч. 4 в случае наличия признаков, предусмотренных п. 2) ч. 3 ст. 190 УК РК);

3) легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (п. 1) ч. 3 ст. 218 УК РК);

4) сокрытие незаконно приобретенных активов от обращения в доход государства, а также их легализация (отмывание) (п. 1) ч. 4 ст. 218-1 УК РК);

5) экономическая контрабанда (п. 1) ч. 3 ст. 234 УК РК);

6) рейдерство (п. 2) ч. 3 ст. 249 УК РК);

7) злоупотребление должностными полномочиями (ст. 361 УК РК);

8) превышение власти или должностных полномочий (п. 3) ч. 4 ст. 362 УК РК);

9) незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 364 УК РК);

10) воспрепятствование занятию законной предпринимательской деятельностью (ст. 365 УК РК);

11) получение взятки (ст. 366 УК РК);

12) дача взятки (ст. 367 УК РК);

13) посредничество во взяточничестве (ст. 368 УК РК);

14) служебный подлог (ст. 369 УК РК);

15) бездействие по службе (ст. 370 УК РК);

16) злоупотребление властью (ст. 450 УК РК);

17) превышение власти (п. 2) ч. 2 ст. 451 УК РК);

18) бездействие власти (ст. 452 УК РК).

Объективными признаками коррупционных преступлений являются совокупность признаков, составляющих объект и объективную сторону данных противоправных деяний.

Точное определение объекта деяния способствует установлению сущности и социально-правовой природы, степени общественной опасности преступного посягательства, его правильную юридическую квалификацию и уголовно-правовую характеристику иных элементов состава преступления. При этом следует особо отметить значение общего определение объекта деяния для установления пределов преступного, для ограничения деяния от других правонарушений, а также явлений, безразличных для права [4].

Без объективной стороны деяния не может быть посягательства на объект преступления, нет и субъективной стороны как определенного

отражения объективных признаков деяния в сознании субъекта, и, наконец, отсутствует субъект преступления. Совместно с другими элементами преступления объективная сторона определяет степень общественной опасности совершенного деяния, степень вины преступника и влияет на характер назначаемой ему меры наказания [5, с. 22].

В соответствии с уголовным законодательством выделяются два вида субъектов коррупционных преступлений: общий и специальный. Общим субъектом является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, совершившее такие преступления как дача взятки (ст. 367 УК РК) и посредничество во взяточничестве (ст. 368 УК РК).

В иных коррупционных преступлениях предусмотрен только специальный субъект.

Субъективной стороной большинства составов коррупционных преступлений является прямой умысел. При этом, наряду с прямым умыслом при совершении таких коррупционных преступлений как злоупотребление властью (ст. 450 УК РК) и бездействие власти (ст. 452 УК РК) возможно совершение и с косвенным умыслом, при котором субъект преступления не желает, но сознательно допускает такие последствия или относиться к ним безразлично.

Большинство коррупционных преступлений по конструкции составов материальные: присвоение или растрата вверенного чужого имущества (п. 2) ч. 3, ч. 4 в случае наличия признаков, предусмотренных п. 2) ч. 3 ст. 189 УК РК), мошенничество (п. 2 ч. 3, ч. 4 в случае наличия признаков, предусмотренных п. 2) ч. 3 ст. 190 УК РК); легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (п. 1) ч. 3 ст. 218 УК РК); сокрытие незаконно приобретенных активов от обращения в доход государства, а также их легализация (отмывание) (п. 1) ч. 4 ст. 218-1 УК РК); экономическая контрабанда (п. 1) ч. 3 ст. 234 УК РК); рейдерство (п. 2) ч. 3 ст. 249 УК РК); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 361 УК РК); превышение власти или должностных полномочий (п. 3) ч. 4 ст. 362 УК РК); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 364 УК РК); воспрепятствование занятию законной предпринимательской деятельностью (ст. 365 УК РК);

К коррупционным преступлениям с формальным составом относятся такие преступные деяния как дача взятки (ст. 367 УК РК), посредничество во взяточничестве (ст. 368 УК РК), служебный подлог (ст. 369 УК РК).

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

Коррупционные правонарушения наносят существенный вред интересам государственной власти и подрывают экономику государства. Для повышения эффективности борьбы с коррупцией следует значительно расширить круг субъектов данных преступлений.

Библиографический список

1. Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527>. – Дата доступа: 21.09.2024.
2. Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410>. – Дата доступа: 21.09.2024.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>. – Дата доступа: 21.09.2024.
4. Карипова, А.И. Уголовно-правовая характеристика и основные признаки коррупционных правонарушений / А. И. Карипова, Р. А. Барсукова, Н. У. Егизбаев // Международный журнал экспериментального образования. – 2019. – № 6. – С. 120.
5. Кемали, Е. С. Юридический анализ составов коррупционных преступлений по уголовному законодательству Республики Казахстан / Е. С. Кемали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academy-rep.kz/uploads/334cad4a765c6156591ef345bb9abde7.pdf>/ – Дата доступа: 21.09.2024.
6. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000008S>. – Дата доступа: 21.09.2024.

Ткаченко Д. Г.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Общество с ограниченной ответственностью «Союз электронной торговли», ул. Корнейчука, 48, 127543, г. Москва, Россия,
tkachenko.dmitriy1@yandex.ru

Исследуются особенности внедрения цифровых технологий, включая искусственный интеллект, блокчейн. Качество цифровых технологий в криминалистике и организация цифровой криминалистической экспертизы определяют результаты установления объектов и субъектов правонарушения. Необходимость обрабатывать огромные объемы данных приводит к машинному обучению искусственного интеллекта и целенаправленному совершенствованию криминалистических программ искусственного интеллекта. Практическое применение в качестве инновации в криминалистике искусственного интеллекта подразумевает быструю и эффективную работу с большими данными, проработку огромных массивов информации. Блокчейн-криминалистика будет способствовать установлению финансовой дисциплины в транзакциях. Благодаря блокчейн-криминалистике повысится раскрываемость финансовых правонарушений.

Ключевые слова: криминалистика; уголовное право; искусственный интеллект; цифровые технологии; блокчейн; цифровая криминалистика.

Влияние искусственного интеллекта на многочисленные секторы нашего общества и его успехи на протяжении многих лет указывают на то, что он может помочь в решении множества сложных проблем расследования цифровой криминалистики [1, с. 565]. Анализ криминалистики может использовать возможности обнаружения и распознавания образов моделей машинного обучения для обнаружения скрытых доказательств в цифровых артефактах, которые были бы пропущены, если бы проводились вручную. Многочисленные работы предлагали способы применения искусственного интеллекта в цифровой криминалистике. Тем не менее, скептицизм относительно непрозрачности искусственного интеллекта препятствовал адекватной формализации и стандартизации этой области.

Развитие исследований и разработок методологий для интеллектуального анализа больших данных на основе искусственного интеллекта (ИИ), который стремится обнаружить значимые и поддающиеся исследованию закономерности в данных, сделало возможным, мотивировало его применение в расследовании цифровой криминалистики (ЦК). Цифровые артефакты представляют собой наборы цифровых данных,

которые часто являются большими, сложными и неоднородными. Несмотря на опасения относительно способности моделей «черного ящика» искусственного интеллекта генерировать надежные и проверяемые цифровые доказательства, предположение о том, что когнитивные методологии, используемые в анализе больших данных, будут успешными при применении к анализу цифровой криминалистики, подпитывало десятилетний всплеск исследований в области применения искусственного интеллекта в цифровой криминалистике.

Для начала существует недопонимание относительно разговорного использования терминов «Forensics AI» и «AI Forensics» в сообществе криминалистов (и за его пределами). При этом некоторые используют эти фразы взаимозаменяемо, как относящиеся к применению искусственного интеллекта в цифровой криминалистике. Хотя обе фразы не требуют пояснений, крайне важно прояснить распространенные заблуждения и различать эти два понятия. С одной стороны, согласно, слово, предшествующее «forensics» в домене DF (цифровая криминалистика), обозначает цель (инструмент или устройство), подлежащую анализу (например, облачная криминалистика, сетевая криминалистика, криминалистика памяти и т. д.). В результате автор называет «AI Forensics» криминалистическим анализом инструментов или методов искусственного интеллекта, а не криминалистическим расследованием с применением методов искусственного интеллекта. В том же ключе авторы называют AI Forensics «научными и юридическими инструментами, методами и протоколами для извлечения, сбора, анализа и представления цифровых доказательств, относящихся к сбоям в системах с поддержкой искусственного интеллекта». Подводя итог их определения, можно сказать, что криминалистика искусственного интеллекта – это анализ последовательности событий и обстоятельств, которые привели к сбою интеллектуальной системы, включая оценку того, был ли сбой вызван вредоносной деятельностью, и выявление ответственных лиц в таком сценарии.

В отличие от ранее описанной концепции, всесторонний обзор исследовательских баз данных таки, как Google Scholar, IEEE Explore и Scopus, на предмет терминов «ИИ-криминалистика» или «ИИ-цифровая криминалистика» показывает, что большинство ресурсов основаны на методах анализа DF с использованием методов искусственного интеллекта.

Существует множество текущих следственных задач, которые с помощью изобретательности и применения можно решить с использованием искусственного интеллекта, особенно в сфере цифровой криминалистики и киберпреступности [2, с. 89]. За последнее десятилетие использование искусственного интеллекта стало обычным явлением во многих областях, и сейчас самое время рассмотреть различные способы

интеграции искусственного интеллекта в судебные, судебно-медицинские и уголовные дела для лучшего сбора и анализа доказательств, тем самым улучшая результаты.

При использовании искусственного интеллекта для борьбы с преступностью важно заботиться и уважать частную жизнь. Прогностическая аналитика на основе искусственного интеллекта может помочь правоохранительным органам эффективно распределять ресурсы, выявляя очаги преступности и прогнозируя закономерности преступлений. Только путем развития сотрудничества между заинтересованными сторонами, исследователями, политиками, разработчиками технологий, следственными органами и судебной системой мы сможем использовать положительный потенциал искусственного интеллекта, обеспечивая при этом его ответственное и этическое внедрение в целях обеспечения общественной безопасности.

От автоматизированного анализа журналов и обнаружения вредоносных программ до анализа сетевого трафика и судебной экспертизы, искусственный интеллект может играть решающую роль в нескольких видах цифровой криминалистики и оказывать преобразующее влияние на расследования [3, с. 104].

Вот шесть способов, которыми искусственный интеллект может произвести революцию в цифровой криминалистике.

1. Автоматизированный анализ журналов. Отделы безопасности часто имеют дело с огромным объемом файлов журналов, созданных различными системами, приложениями и сетевыми устройствами, но ручной анализ этих журналов может занять много времени и привести к ошибкам. Вот где вступает в дело автоматизированный анализ журналов.

Алгоритмы искусственного интеллекта отлично справляются с обработкой огромных объемов файлов журналов и их анализом на наличие шаблонов и аномалий. Благодаря анализу журналов на основе искусственного интеллекта следователи могут быстро выявлять подозрительные действия, потенциальные инциденты безопасности и области, требующие дальнейшего расследования. Искусственный интеллект повышает скорость и точность анализа журналов, позволяя следователям сосредоточить свои усилия на соответствующих областях интереса и избежать траты времени и ресурсов на ручную проверку.

2. Обнаружение вредоносных программ. Быстрая эволюция вредоносных программ требует передовых методов обнаружения. Системы обнаружения вредоносных программ на базе искусственного интеллекта используют машинное обучение для просмотра и сканирования кода и изучения моделей поведения пользователей, более эффективно обнаруживая вредоносное программное обеспечение и помогая

следователям удалять вредоносное программное обеспечение из скомпрометированных систем для защиты от дальнейших атак.

Например, компании по безопасности используют алгоритмы искусственного интеллекта для постоянного обучения на известных образцах вредоносного программного обеспечения и их характеристиках. Обучая эти алгоритмы на больших наборах данных, они могут обнаруживать и классифицировать новые и ранее неизвестные штаммы вредоносного программного обеспечения на основе сходства с ранее выявленными угрозами и отмечать потенциальную атаку до того, как она произойдет.

3. Анализ изображений и видео. Анализ цифровых изображений и видео является важнейшим компонентом цифровой криминалистики. Например, алгоритмы искусственного интеллекта могут просеивать большие объемы мультимедийного контента – быстро идентифицировать лица, объекты или текст на изображениях и видео, тем самым значительно ускоряя процесс поиска и извлечения важных доказательств – и поддерживать широкий спектр сценариев расследования.

Возможен случай, когда следователям необходимо идентифицировать подозреваемого, запечатленного на кадрах видеонаблюдения в многолюдном месте. Просмотр видеоматериалов часто утомителен и может занять несколько часов. Технология распознавания лиц на основе искусственного интеллекта может быстро сканировать огромные объемы видеоданных, выявляя интересующие лица и значительно сокращая требуемые ручные усилия. Эта технология ускоряет процесс идентификации, позволяя следователям сосредоточить свои усилия на наиболее важных зацепках и ускорить ход расследования.

4. Обработка естественного языка. Технологии искусственного интеллекта, такие как обработка естественного языка (NLP), позволяют анализировать соответствующую информацию из больших объемов текстовых данных. Например, текстовые данные, включая электронные письма, журналы чатов и документы, часто содержат ценные доказательства в цифровых расследованиях. Использование извлекающего искусственного интеллекта может быть более эффективным и точным для выявления связей, обнаружения закономерностей и идентификации ключевых лиц во время текстовых расследований.

Возможен сценарий, в котором следователи изучают огромную коллекцию журналов чатов, чтобы выявить потенциальных соучастников киберпреступления. Алгоритмы обработки естественного языка (NLP) на основе искусственного интеллекта могут быстро обрабатывать и анализировать текстовые данные, выявляя повторяющиеся фразы, подозрительные закономерности и связи между людьми. Это позволяет следователям точно определять ключевых лиц, представляющих интерес,

и раскрывать скрытые сети, ускоряя процесс расследования и обеспечивая своевременное вмешательство.

5. Анализ сетевого трафика. Мониторинг и анализ шаблонов сетевого трафика имеют важное значение для обнаружения и реагирования на кибератаки. Вместо того чтобы проводить ручной аудит и анализировать шаблоны сетевого трафика с заранее определенными интервалами, группы экспертов-криминалистов могут обучать алгоритмы искусственного интеллекта для автоматического анализа сетевых пакетов, выявления отклонений от обычных шаблонов трафика и выдачи оповещений, когда аномалия требует дальнейшего расследования. Искусственный интеллект также может помочь в сопоставлении сетевых событий с известными шаблонами атак, предоставляя ценную информацию группам реагирования на инциденты.

6. Криминалистическая сортировка. Цифровые расследования включают в себя огромные объемы данных, требующие от следователей быстрого просеивания и расстановки приоритетов соответствующих доказательств. Искусственный интеллект в криминалистической сортировке часто включает в себя использование алгоритмов машинного обучения для классификации и категоризации большого количества цифровых файлов на основе их релевантности расследованию. Эти инструменты анализируют метаданные файлов, содержимое и другие атрибуты, чтобы расставить приоритеты для более тщательного изучения файлов, постоянно «учась» идентифицировать соответствующий материал с возрастающей точностью по мере добавления новых данных в расследование. Команды криминалистов могут быстро идентифицировать и сосредоточиться на самых важных доказательствах раньше, что приводит к более быстрым и эффективным расследованиям при оптимизации распределения ресурсов.

Растущий уровень сложных преступлений увеличил возможности и потребность в судебной экспертизе в изучении различных новых технологий для противодействия преступникам, и искусственный интеллект не является исключением. Важно отметить, что, несмотря на точность и точность большинства алгоритмов искусственного интеллекта, из-за многочисленных исследовательских фокусов и ресурсов, посвященных им в последнее время, их применение в цифровой криминалистике требует значительной осторожности и учета специфических для данной области тонкостей. Очевидно, что результаты бизнес-ориентированной задачи искусственного интеллекта будут оцениваться иначе, чем результаты судебного расследования. Большая часть алгоритмов искусственного интеллекта основана на статистических вероятностях, что обычно приводит к недетерминированным результатам. Таким образом, задача будет заключаться в том, чтобы установить

правильность результатов и сообщить вероятностное заключение судебной экспертизы максимально простым и понятным способом, чтобы оно было допустимо в судебном разбирательстве.

Цифровая криминалистика включает в себя идентификацию, получение и анализ электронных доказательств, играя решающую роль в современных уголовных расследованиях. Она используется в судебных разбирательствах и помогает в изучении кибератак и реагировании на инциденты. Сбор электронных доказательств из различных источников, таких как компьютеры, мобильные устройства и т.д., является ключевым аспектом цифровой криминалистики.

В сложном и быстро меняющемся мире блокчейна и криптовалюты понимание деталей транзакций и движения цифровых активов может быть сложной задачей. Каждая транзакция оставляет цифровой след, и в этих следах лежат сложные детали, которые могут иметь решающее значение в юридических спорах, усилиях по возврату активов и расследованиях безопасности.

Неизменная и прозрачная природа блокчейна обеспечивает полную запись транзакций, но расшифровка этой информации требует специальных навыков и инструментов. Сложность возникает из-за децентрализованной структуры блокчейна, где транзакции являются псевдонимами и распространяются по сети узлов. Отслеживание потока активов, выявление мошеннических действий и связывание цифровых транзакций с реальными сущностями требуют сложного понимания различных протоколов блокчейна и криптографических принципов. Глобальный и безграничный характер блокчейна добавляет уровни юрисдикционных и нормативных проблем [4, с. 840].

Несмотря на эти сложности, криминалистика блокчейна жизненно важна для борьбы с незаконной деятельностью, такой как мошенничество, отмывание денег и киберпреступность.

Сегодня блокчейн-криминалистика так же сложна, как и транзакции, которые она отслеживает. Chainalysis и CipherTrace остаются лидерами отрасли. Но целый ряд интернет-сыщиков, небольших консалтинговых компаний и инструментов DIY доступен для помощи следователям в отслеживании цифровых денег. Финансовые следователи и блокчейн-криминалистика вскоре могут оказаться в таком же положении, как и другие следователи с цифровой криминалистикой.

Блокчейн продолжает развиваться. Криптовалюты, такие как Zcash и Monero, были созданы с приоритетом конфиденциальности. Другие формы доказательств с нулевым разглашением – проверка транзакций без раскрытия посторонней информации остальной части блокчейна – еще больше усложнят криминалистические усилия. Но многие вещи кажутся неотслеживаемыми, пока внезапно они таковыми не становятся.

Блокчейн-криминалистика будет играть все большее значение в противодействии отмыванию финансовых средств и финансирования терроризма, способствуя укреплению национальной безопасности. Блокчейн-криминалистика станет орудием для осуществления финансовой дисциплины. Поддержка финансовой дисциплины является важным условием для стабильности внутри государства как социальной организации [5, с. 479].

Вероятно, в будущем развитие цифровых технологий приведет к синтезу использования методов блокчейн-криминалистики и криминалистики искусственного интеллекта [6, с. 76]. Инновационные технологии искусственного интеллекта и блокчейна в криминалистике способствуют более оперативному раскрытию преступлений.

Библиографический список

1. Бабаханова, И. А. Искусственный интеллект в криминалистике / И. А. Бабаханова // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: м-лы междунар. науч.-практ. конф. – СПб, 2024. – С. 564-568.
2. Бахтеев, Д. В. О связи криминалистики и технологии искусственного интеллекта / Д. В. Бахтеев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1 (35). – С. 88-93.
3. Неретина, Н. С. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе / Н. С. Неретина // Судебная экспертиза и исследования. – 2022. – № 1. – С. 103-106.
4. Скрыпникова, А. В. Применение искусственного интеллекта в криминалистике, возможности и перспективы / А. В. Скрыпникова, А. М. Яковенко // Криминалистика наука без границ: традиции и новации. Материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб, 2024. – С. 839-843.
5. Ткаченко, Д. Г. Совершенствование правового регулирования при внедрении технологии блокчейн для осуществления финансового контроля и надзора / Д. Г. Ткаченко // Трансформация национальной социально-экономической системы России. Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2020. – С. 478-482.
6. Тучков, Я. В. Искусственный интеллект: перспективы использования в криминалистике / Я. В. Тучков // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка и иных служб ОВД. Материалы вузовской науч.-практ. конф. – Москва, 2022. – С. 75-78.

Третьяков Г. М.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СФЕРЕ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, tretiakov@grsu.by

В статье рассматриваются основные направления использования специальных знаний в сфере информационных технологий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Актуальность рассматриваемой темы определяется тем, что как в Республике Беларусь, так и в большинстве других стран мира преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, относятся к постоянно развивающейся сфере преступной деятельности. Это обуславливает необходимость совершенствования криминалистических средств и методов противодействия данному виду преступности.

Ключевые слова: информационные технологии; наркотические средства; судебные экспертизы; специальные знания, расследование.

Анализ динамики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов показывает, что данные преступления представляют прямую угрозу безопасности государства и общества.

Согласно официальной статистической информации за 2023 год в Республике Беларусь было зарегистрировано 85 374 преступления. Из их числа 4 139 составляют преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотических средств). По сравнению с 2022 годом их число уменьшилось на 9,1 %, а по сравнению с 2021 – на 12,1 %, однако, если провести анализ статистики за прошедшее десятилетие, то можно увидеть, что динамика данных преступлений носит циклический характер, характеризуясь существенным увеличением числа совершенных преступлений в отдельные годы [1]. Несмотря на положительную динамику, за совершение преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении наркотических средств в 2023 г. в Республике Беларусь было осуждено 2 230 лиц, в том числе 74 несовершеннолетних [2]. В 1 полугодии 2024 года по ст.ст. 327-332 УК за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, осуждены 1 061 лиц, или 6,6% в общем объеме правосудия [3]. Отмечается, что субъектный состав данных преступлений молодеет [4, с. 103].

Исследованию различных аспектов проблемы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств в разные годы было посвящено значительное количество работ. Однако, вследствие динамического развития рассматриваемого вида преступности, на сегодняшний день в Республике Беларусь и за рубежом наблюдается необходимость совершенствования научных разработок, посвященных криминалистическому обеспечению расследования данной категории преступлений.

Для решения задач, связанных с противодействием преступлениям, в сфере незаконного оборота наркотических средств, сотрудники органов уголовного преследования обладать не только профессиональными знаниями в области юриспруденции, но и владеть специальными техническими знаниями, необходимыми для их эффективного раскрытия, расследования и предупреждения.

Специальные знания в ходе расследования преступлений используются в различных формах, которые зависят от складывающейся следственной ситуации, вида проводимого следственного действия и результатов, которые намереваются получить органы уголовного преследования.

Необходимость широкого использования специальных знаний при выявлении и расследовании данной категории преступлений определяется как спецификой предмета преступления, без установления которого невозможно осуществление дальнейшего расследования, так и современными особенностями способа совершения данной категории преступлений. Необходимость применения специальных знаний возникает уже в ходе проверки первичной информации, в целях определения предмета преступного посягательства.

К числу достаточно востребованных отраслей специальных знаний, применяемых при расследовании, относятся так же знания в области компьютерной техники. Характеризуя способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следует отметить, что в течение последнего десятилетия в подавляющем большинстве случаев в преступной деятельности используются бесконтактные способы действий, основанные на использовании информационных технологий. Бесконтактные способы подразумевают, во-первых, опосредованную передачу наркотических средств на всех этапах от момента производства до передачи конечному потребителю, а, во-вторых, отсутствие непосредственных контактов между отдельными участниками организованных преступных групп. Таким образом обеспечивается конспирация и устойчивость группы в случае задержания или иного выбытия отдельного ее члена. Использование данного способа позволяет существенно расширить пространственные пределы преступной деятельности. Данное обстоятельство также предполагает широкое

использование специальных знаний, начиная с первых этапов расследования.

Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений отражают практическую потребность их применения. Согласно общепризнанной классификации формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве делятся на процессуальные – предусмотренные и регламентированные уголовно-процессуальным законодательством и непроцессуальные, т.е. не указанные и не регламентированные, но не противоречащие уголовно-процессуальному закону.

В ходе выявления и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств следователь имеет возможность применять специальные знания в следующих процессуальных и непроцессуальных формах:

- собственные знания в области компьютерной техники и информационных технологий;

- консультации специалистов, использование справочных, информационных систем;

- требование производства проверок (ст. 103 УПК Республики Беларусь);

- проведение экспертизы (ст. 226 УПК Республики Беларусь);

- участие специалиста в производстве следственных действий (ст. 200 УПК Республики Беларусь).

Выбор следователем конкретной из перечисленных форм зависит от складывающейся следственной ситуации, специфики и сложности исследуемых обстоятельств, имеющихся доказательств и источников доказательственной информации, наличия и качества собственных знаний в области компьютерной техники и информационных технологий.

Использование компьютерной техники и информационных технологий при совершении незаконного оборота наркотических средств уже является типичным явлением. Возможности сети Интернет обеспечивают безопасную связь, являются инструментами для поиска возможных преступных посягательств и платформой для покупки и продажи криминальных товаров и услуг. Соответственно, по мере того, как традиционная преступность все более осваивает возможности информационных технологий, следует ожидать все большего развития преступной деятельности в рассматриваемой сфере. Это обуславливает необходимость разработки и совершенствования соответствующих мер правового и технического противодействия.

Использование информационных технологий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, может осуществляться в следующих направлениях:

– обнаружение и изучение технических средств – получение доступа и осмотр компьютеров и иной техники, изучение технических данных, изучение учетных записей, списков контактов и истории соединений, данных браузеров, истории посещаемых интернет-ресурсов, электронной почты, средств синхронизации, используемых социальных сетей, мессенджеров и переписки в них, сохраненных логинов и паролей, фотоснимков, видеофайлов, средств анонимизации, шифрования и удаления данных и др.;

– установление организаций, обеспечивающих доступ в интернет для конкретных устройств, определение IP-адресов при интернет-соединениях, установление лиц и адресов, на которых зарегистрированы услуги провайдера, физических адресов и видов используемого оборудования, установление через провайдера фактов, времени и мест интернет-соединений и посещения конкретных сайтов;

– получение сведений от мобильных операторов о номерах телефонов и лицах, на которые они зарегистрированы. Установление лиц, на которых зарегистрированы обнаруженные сим-карты. Установление мобильного оборудования и используемых ими номеров и данных о лицах, на которых они зарегистрированы, получение истории всех типов соединений, в том числе определение местонахождения абонента в определенные периоды времени, идентификация абонентов, с которыми происходило соединение;

– изучение личности подозреваемого, его интересов, в том числе в социальных сетях, специализированных форумах и других ресурсах, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, со средствами обеспечения анонимности, легализацией денежных средств, подтверждение владения компьютерными технологиями, определение окружения и возможных соучастников;

– получение сведений из банковских организаций – наличие банковских счетов, движение средств по ним, информации о лицах, на которые зарегистрированы обнаруженные банковские карты и виртуальные счета. Изучение операций интернетбанкинга; получение данных об использовании электронных платежных систем, а также криптовалют и связанных с ними сервисов [5, с. 100-101].

Судебная компьютерно-техническая экспертиза как форма реализации специальных знаний имеет большое значение для характеристики обстоятельств, уже установленных по делу, выявления новых обстоятельств, принятия обоснованных решений.

Судебная компьютерно-техническая экспертиза (СКТЭ) включает следующие роды:

– «судебная аппаратно-компьютерная экспертиза – исследование технических (аппаратных) средств компьютерной системы. Предметом данного вида СКТЭ являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на

основе исследования закономерностей эксплуатации аппаратных средств компьютерной системы – материальных носителей информации о факте или событии дела;

– судебная программно-компьютерная экспертиза – исследование программного обеспечения, ее целью является изучение функционального предназначения, характеристик и реализуемых требований, алгоритма и структурных особенностей, текущего состояния, представленного на исследование программного обеспечения компьютерной системы;

– судебная информационно-компьютерная экспертиза (данных), целью которой являются поиск, обнаружение, анализ и оценка информации, подготовленной пользователем или порожденной (созданной) программами для организации информационных процессов в компьютерной системе;

– судебная компьютерно-сетевая экспертиза, которая в отличие от предыдущих основывается прежде всего на функциональном предназначении компьютерных средств, реализующих какую-либо сетевую информационную технологию. Она выделена в отдельный вид в связи с тем, что лишь использование специальных знаний в области сетевых технологий позволяет собрать воедино полученные объекты, сведения о них и эффективно решить поставленные экспертные задачи» [6, с. 37-38].

Таким образом, учитывая постоянное развитие способов совершения незаконного оборота наркотических средств, необходимо постоянное совершенствование криминалистических средств и способов работы с доказательственной и иной информацией, развитие методик проведения оперативно-розыскных мероприятий с учетом внедрения информационных технологий в преступную деятельность.

Необходимость эффективного противодействия преступности предполагает соответствующую подготовку специалистов, повышение их профессиональной компетенции на основе применения современных технологий с учетом тенденций развития преступности в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Численность лиц, совершивших преступления [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190966>. – Дата доступа: 05.06.2024.

2. Данные за 2023 год о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.court.gov.by/ru/statistika/5f2f3c4b646d4819.html>. – Дата доступа: 12.06.2024.

3. Данные за 1 полугодие 2024 года о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/d91e6fc9899440c4.html. – Дата доступа: 15.09.2024.

4. Ключко, Р. Н. Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере незаконного наркооборота, осуществляемого с использованием информационнокоммуникационных сетей / Р. Н. Ключко, А. А. Горенчук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – Том 11. – № 1. – 2023. – С. 101 -109.

5. Третьяков, Г. М. Информационные технологии в структуре способа совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / Г. М. Третьяков // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 96-103.

6. Россинская, Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е. Р. Россинская // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 5 (57). – С. 31-44.

Харевич Д. Л.

РОЛЬ ГЛАСНЫХ МЕР В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6а, 220005, г. Минск, Республика Беларусь,
dmitryharevich@mail.ru

Рассмотрена проблема отнесения к оперативно-розыскной профилактике некоторых гласных мер предупреждения, принимаемых оперативными подразделениями государственных органов. На основании анализа признаков оперативно-розыскной профилактики, выделенных в специальной литературе, а также норм законодательства автор приходит к выводу о том, что рассматриваемые меры не могут быть отнесены к оперативно-розыскным, хотя и являются составной частью мер комплексной профилактики.

Ключевые слова: гласные меры предупреждения; комплексная профилактика; оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскная профилактика; предотвращение преступлений; предупреждение преступлений; пресечение преступлений.

Вопросы предупреждения преступлений оперативными подразделениями государственных органов являются актуальным предметом научных исследований [1; 2; 3]. В то же время существует ряд дискуссионных аспектов данного института, требующих своего разрешения.

Одним из таких аспектов является отнесение к оперативно-розыскной профилактике некоторых гласных мер. В специальной литературе высказано мнение о том, что в рамках общего предупреждения преступлений в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) вносятся представления и предложения об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений [4, с. 22], предоставляется информация соответствующим государственным органам для принятия надлежащих предупредительных мер. В качестве примера оперативно-розыскной профилактики приводится такая мера, как проведение бесед должностными лицами оперативных органов с заподозренными в совершении преступлений [5, с. 13], проведение оперативно-розыскными органами различных комплексных оперативно-профилактических операций, внезапных инвентаризаций по оперативным данным [6, с. 41–42; 7, с. 55–57].

На наш взгляд, в изложенных утверждениях имеется определенная непоследовательность в части разделения мер различных видов профилактики.

Анализ взглядов на оперативно-розыскную профилактику, приведенных в специальной литературе, позволяет выделить такие признаки данной деятельности как оперативно-розыскной характер принимаемых мер и ограничение субъектов такой профилактики лишь наделенными правом осуществления ОРД [3, с. 43; 8, с. 141; 9, с. 85; 10, с. 208; 11, с. 94-95]. Данные признаки отличают ее в качестве отдельной разновидности специальной профилактики. При этом на оперативного сотрудника при осуществлении профилактической деятельности помимо оперативно-розыскных возложены полномочия субъекта административно-процессуальной, уголовно-процессуальной и иных видов специальной профилактики. В связи с этим лишь принадлежность к должностным лицам оперативного подразделения не может являться критерием отнесения тех или иных мер к оперативно-розыскной профилактике. Ее важной отличительной чертой выступает применение специальных (преимущественно негласных) методов. Использование в приведенных выше примерах методов, не относящихся к оперативно-розыскным, не позволяет отнести соответствующие действия к оперативно-розыскной профилактике.

Правовым основанием, препятствующим рассмотрению вышеперечисленных гласных мер в качестве способов оперативно-розыскной профилактики, является их отсутствие в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Законе об ОРД).

В контексте их отраслевой принадлежности можно отметить административное право (Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»), в ст. 10 которого предусмотрены такие меры общей профилактики правонарушений как проведение профилактических мероприятий, внесение представлений, вынесение предписаний, а также такие меры индивидуальной профилактики, как профилактическая беседа, официальное предупреждение, профилактический учет и др. (ст. 23). Субъектами применения данных мер выступают все органы, наделенные правом осуществления ОРД (за исключением оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь).

Большинство данных органов наделены правом осуществления государственного контроля (надзора) согласно Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь». К формам такого контроля (надзора) отнесены: проведение проверок, мониторинг,

направление рекомендаций по устранению и недопущению недостатков, выявленных в результате его проведения; мероприятия технического (технологического, поверочного) характера.

Ряд рассматриваемых мер регламентирован уголовно-процессуальным правом. Выступая в роли органа уголовного преследования, руководитель органа, осуществляющего ОРД, при производстве по материалам проверки или уголовному делу вправе внести в организации или должностному лицу представление о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 Уголовно-процессуального кодекса).

В соответствии с частью четвертой ст. 49 Закона об ОРД предусмотрена возможность использования сведений, полученных в ходе осуществления ОРД и направленных в целях профилактики правонарушений. Порядок использования таких сведений предусмотрен Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 апреля 2021 г. № 241 «О порядке использования сведений, содержащихся в материалах оперативно-розыскной деятельности». Отметим, что этот порядок предполагает наличие двух разных субъектов – субъекта ОРД, получившего материалы, и субъекта, который принимает меры профилактики. Поскольку меры профилактики принимаются в этом случае не субъектом ОРД, то нет оснований рассматривать данную меру в контексте оперативно-розыскной профилактики.

При соблюдении определенных условий не противоречит законодательству использование материалов ОРД для привлечения лица к административной ответственности [12], что также можно рассматривать как меру предупреждения преступлений. В то же время полагаем, что данные действия не могут рассматриваться как способ оперативно-розыскной профилактики, поскольку не выполняется другой из вышеуказанных признаков: принимаемые меры не относятся к оперативно-розыскным.

Таким образом, предупреждение преступлений сотрудниками оперативных подразделений предполагает принятие широкого спектра гласных мер, относящихся к административному и уголовно-процессуальному праву: внесение представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений, и предписаний об устранении нарушений законодательства, проведение должностными лицами гласных бесед с профилактируемым, различных гласных комплексных профилактических операций, внезапных проверок субъектов хозяйствования, предоставление информации соответствующим государственным органам для принятия надлежащих предупредительных мер. Данные меры не являются оперативно-розыскными, поскольку они не предполагают применения соответствующих методов ОРД, а также не

предусмотрены оперативно-розыскным законом, хотя и осуществляются должностными лицами оперативных подразделений государственных органов. В этой связи подход, согласно которому оперативно-розыскная профилактика может осуществляться перечисленными гласными мерами, стирает грани между различными видами предупреждения, необоснованно расширяет пределы оперативно-розыскной профилактики.

В этой связи возникает вопрос о том, к какой разновидности следует отнести вышеприведенные примеры применения мер, относящихся к различным видам профилактики? Рассмотрим две крайние ситуации: объекты профилактического воздействия выявлены оперативно-розыскным путем, по результатам чего приняты меры, не относящиеся к оперативно-розыскным, и наоборот выявление произошло в ходе действий, не имеющих оперативно-розыскного характера, а предупредительный эффект достигнут оперативно-розыскными мерами.

В соответствии с вышеуказанным признаком отраслевой принадлежности принимаемых мер, в приведенных случаях оперативно-розыскная профилактика имеет место лишь в последнем, а первый является примером использования данных, полученных в ходе оперативного поиска, для решения задач предупреждения с помощью иных видов профилактики.

Такой подход не отрицает необходимости применения всего спектра предупредительных мер и не означает искусственного ограничения допустимых методов профилактики принадлежностью к одному виду. Более того, их можно дополнять мерами социальной реинтеграции, медицинской профилактики, восстановления общественно полезных связей, семейных отношений, трудовых навыков, что приносит наилучший эффект.

Это также не противоречит взглядам ученых, указывающих на сложность отраслевой идентификации различных видов предупредительной деятельности на практике [1, с. 38].

Примерами неизбежного сочетания предупредительных мер различного характера являются предотвращение и пресечение преступлений. При этом могут использоваться уголовно-процессуальные, административные меры, которые не относятся к оперативно-розыскным. В данном случае сочетание разнородных мер является примером комплексной профилактики. Однако при этом подготовительная работа, занимающая существенный объем, ведется с применением оперативно-розыскных сил, методов (получение и использование информации от конфиденентов, наблюдение за фигурантом, проведение оперативных комбинаций, оперативно-розыскных мероприятий и т.д.), что указывает на относимость данной деятельности к ОРД. При этом принятие гласных мер, не являющихся оперативно-розыскными, является «верхушкой айсберга», видимой частью проведенной негласно подготовки.

Таким образом, оперативно-розыскная профилактика характеризуется одновременным выполнением двух условий: инициатором принимаемых мер является субъект ОРД; они носят оперативно-розыскную природу. Применение на основании оперативно-розыскной информации мер административного, уголовно-процессуального характера следует рассматривать как ее использование для решения задач предупреждения с помощью иных видов профилактики. Такой подход не отрицает необходимости применения всего спектра предупредительных мер и не означает искусственного ограничения допустимых методов профилактики принадлежностью к одному виду.

Вместе с тем, в научных целях выделение и исследование оперативно-розыскной профилактики в качестве самостоятельного предмета изучения необходимо, поскольку позволяет более глубоко познать ее особенности и вести целенаправленные изыскания по совершенствованию данного института.

Библиографический список

1. Шабанов, В. Б. Противодействие преступности: проблемы предупреждения и профилактики / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков // Судебная экспертиза Беларуси. – 2018. – № 1. – С. 36–43.
2. Яскевич, А. В. Особенности осуществления оперативно-розыскной профилактики органами внутренних дел / А. В. Яскевич, Д. Н. Лахтиков // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 83–86.
3. Лахтиков, Д. Н. Оперативно-розыскная профилактика отдельных видов преступлений / Д. Н. Лахтиков // Проблемы предупреждения отдельных видов преступности: моногр. / В. А. Ананич [и др.]; под общ. ред. В. А. Ананича. – Минск: Академия МВД, 2017. – С. 41–46.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М.: Инфра-М, 2006. – 832 с.
5. Халиков, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / А. Н. Халиков. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 324 с.
6. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / И. А. Климов [и др.]; под ред. И. А. Климова. – 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 407 с.
7. Дубоносов, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Е. С. Дубоносов. – М.: Юрайт, 2017. – 477 с.
8. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / В. В. Алексеев [и др.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 175 с.

9. Галахов, С. С. Проблемы и перспективы оперативно-розыскной профилактики / С. С. Галахов, Х. М. Ибрагимов // Научный портал МВД России. – 2010. – № 2. – С. 82–88.

10. Кудрявцев, А. В. Оперативно-розыскная профилактика как форма предупреждения преступности / А. В. Кудрявцев // Актуальные вопросы криминологии, исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности : тезисы докладов междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19 апреля 2019 г.) / Академия МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – С. 207-210.

11. Правовые основы организации оперативно-розыскной деятельности: курс лекций / В. М. Аتماжитов [и др.] ; Академия управления МВД России. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 102 с.

12. Харевич, Д. Л. Использование материалов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе / Д. Л. Харевич // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023 – № 3. – С. 64-74.

Хлус А. М.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, hkus.home@mail.ru

Результативность расследования находится в прямой зависимости от разработки процесса его организации. Началом организации расследования принято считать определение и конкретизацию его целей. Целевая направленность расследования связана с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. Основу их конкретизации составляют теоретические знания, личный опыт следователя и фактические данные о расследуемом преступлении. Теоретические знания о расследуемом преступлении содержит его криминалистическая характеристика. Учитывая несовершенство криминалистической характеристики преступлений, автор предлагает её трансформацию, основываясь на учении о материальной структуре преступления. Это позволяет в процессе организации расследования более точно определять его цели, т. е. обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу.

Ключевые слова: расследование; организация расследования; криминалистическая характеристика; материальная структура преступления.

Расследование преступлений является социально значимой деятельностью, осуществляемой в соответствии с нормами уголовно-процессуального кодекса [1].

Для обеспечения результативности этой деятельности необходима разработка процесса её организации. Эта практическая потребность способствовала появлению криминалистической теории организации расследования преступлений, разработке которой особое внимание уделил В. Д. Зеленский [2].

Общее понятие «организация» представлено как процесс создания, развития и качественного совершенствования структуры системы деятельности, т. е. «организация – это деятельность по созданию структурной упорядоченности объекта» [3, с. 38–45].

Рассматривая «организацию расследования» Р. С. Белкин представил её как «умственную деятельность следователя», итогом которой «становится письменный план по делу» [4, с. 214]. Такой взгляд лишь частично отражает содержание процесса организации расследования, не акцентируя внимания на составляющих структуры процесса расследования.

Структурирование – важнейший аспект организационного процесса, сохраняющийся до окончания расследования, т. е. организация постоянно действующий фактор, присущий следственной деятельности [5, с. 31].

Началом процесса организации расследования является определение его целей. Основываясь на этой концепции, А. В. Дулов определил организацию расследования как «процесс упорядочения и оптимизации расследования путем определения и конкретизации его целей, определения сил, средств и планирования их использования, создания условий для качественного производства следственных и иных действий» [6, с. 273].

Упорядочение расследования, как мыслительный процесс, предполагает не только установление его структурных элементов, но также выявление связей между ними и порядка их функционирования. Для этого следователь анализирует теоретическую информацию, т. е. те профессиональные знания, которыми располагает, учитывая личный опыт расследования преступлений, фактические данные и ориентирующую информацию по делу.

Для организации расследования, по мнению В. Д. Зеленского, «важны знания криминалистической характеристики преступления» [7, с. 55–56]. Только остается не ясным, какие знания, содержащиеся в криминалистической характеристике, «важны» для организации расследования преступления.

В нашем представлении организационную значимость имеют знания, определяющие целевую направленность деятельности по расследованию конкретного преступления. В наибольшей степени, к ним относятся сведения о типичных обстоятельствах, подлежащих установлению, знания о которых важны для организации расследования.

Обозначенная точка зрения В. Д. Зеленского не утратила своей актуальности, но с момента появления учения о материальной структуре преступления [8], требует корректировки и внесения определенных изменений в систему общих положений о криминалистической характеристике преступлений.

Неразрешенность проблем криминалистической характеристики позволяет понимать необходимость поиска других путей для криминалистического познания преступлений. Было предложено осуществлять исследование преступлений, основываясь на выделении и криминалистическом анализе материальных составляющих их структуры.

Основные положения учения о материальной структуре преступления состоят в следующем. Центральным элементом конкретного преступления, т. е. субъектом его совершения всегда является конкретный человек (группа людей), а не абстрактное физическое лицо. Отличительная особенность субъекта совершения преступления в том, что он оставляет следы

преступных действий в окружающей среде и на других элементах, составляющих преступную структуру.

Совершая преступные действия субъект (человек) оказывает воздействие на определенную материальную систему, в ряде случаев причиняя ей вред (физический, материальный и др.). В преступной структуре эта материальная система играет роль объекта посягательства. В зависимости от вида преступления в качестве объекта преступного посягательства выступают люди, недвижимое имущество, природная среда, компьютерная система и т. д.

Действия субъекта, совершающего преступление, направлены на достижение определенной конечной цели деяния. Если цель совершаемых действий связана с приобретением, присвоением какой-либо материальной вещи, то в преступной структуре появляется такой элемент как предмет преступного посягательства. То есть, наличие такого предмета определяется корыстной целевой направленностью совершаемых субъектом действий на завладение им.

Для воздействия на объект и достижения конечной цели преступного деяния, субъект использует материальные предметы, которые отличаются многообразием и рассматриваются в преступной структуре как средства совершения преступления. Перечень возможных средств совершения преступлений не ограничен. Их можно разделить на следующие группы: 1) орудия; 2) оружие; 3) транспортные и иные технические средства, механизмы; 4) документы; 5) вещества; 6) животные; 7) предприятия (учреждения и фирмы) и т. д. [9, с. 29].

В учении о материальной структуре преступления, в отличие от теории уголовного права, проводится различие между предметом преступного посягательства и предметом преступления.

Наличие предмета преступления в его структуре специфично. Он не определяет целевую направленность совершаемого субъектом преступного деяния. Не влияет он и на формирование умысла, направленного на завладение этим предметом. Его наличие в преступной структуре обязательно, т. к. он сам по себе указывает на преступность деяния и, соответственно, влияет на уголовно-правовую квалификацию преступления.

Например, способы незаконного оборота наркотических средств без цели их сбыта: изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка. Субъект совершает преступные действия в собственных интересах, являясь, как правило, потребителем наркотиков, которые в данном случае выступают в качестве предмета преступления.

Учение о материальной структуре преступления представлено А. Е. Гучком как самостоятельное направление криминалистических

научных исследований без рассмотрения связей с криминалистической характеристикой преступлений.

Учения о криминалистической характеристике и материальной структуре преступления являются определенными способами его понимания и трактовки. Они рассматриваются учеными как концептуальные основы криминалистического познания преступления, и, следует заметить, имеют равное право на существование. По нашему мнению, требуется их развитие и совершенствование в сочетании друг с другом [10]. В связи с этим, мы считаем, целесообразной трансформацию указанных учений и формирование на этой основе новой научной категории «криминалистическая характеристика материальной структуры преступления».

Знания о криминалистической характеристике материальной структуры преступления являются важным аспектом в организации расследования и могут служить её теоретической основой. Как вид социально значимой деятельности, расследование направлено на познание реального события прошедшего времени. В процессе расследования реальность совершенного преступления познается путем выявления и изучения его материальных составляющих, что определяет целевую направленность этой деятельности, т. е. составляет совокупность обстоятельств, подлежащих установлению (доказыванию).

В нашем представлении криминалистическая характеристика материальной структуры преступления – это совокупность наиболее значимых сведений о материальных элементах преступного деяния, знание о которых в условиях конкретной следственной ситуации определяет направление и содержание практической деятельности, систему тактических средств (приемов и методов) раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

В процессе организации расследования конкретного преступления интерес представляет первичная информация о нём, в частности данные о следах, оставляемых каждым материальным элементом преступления в окружающей обстановке и на других элементах преступной структуры, учитывая особенности их образования при использовании субъектом определенных способов преступного деяния. Знание типичных источников доказательств позволяет определить пути их собирания. Первичная информация о совершенном деянии, её соотношение с данными о материальной структуре вида или группы преступлений имеют значение для определения целей следственной деятельности, её организации и построения криминалистических версий в условиях расследования конкретного уголовного дела.

На основе изложенного для обсуждения предлагаются следующие выводы:

1. Определение и конкретизация целей расследования служит отправной точкой, началом его организационного процесса.

2. Важнейшим направлением расследования преступлений является выявление и анализ материальных составляющих его структуры.

3. Криминалистическая характеристика материальной структуры преступления представляет собой описание его материальных составляющих.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-3 (ред. от 17.07.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295>. – Дата доступа: 21.09.2024.

2. Зеленский, В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты / В. Д. Зеленский. – Ростов-на-Дону, 1989. – 148 с.; Он же: Теоретические вопросы организации расследования преступлений: моногр. / В. Д. Зеленский. – Краснодар : КубГАУ, 2011. – 156 с. и др.

3. Туманов, Г. А. Организация как функция государственного управления / Г. А. Туманов // Советское государство и право. – 1986. – № 1. – С. 38–45.

4. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории / Р. С. Белкин. – М.: Юрид. лит., 1987. – 272 с.

5. Можаяева, И. П. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений / И. П. Можаяева, В. В. Степанов. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 152 с.

6. Криминалистика : учеб. пособие / Под ред. А. В. Дулова. – Минск, 1996. – 415 с.

7. Зеленский, В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений: моногр. / В. Д. Зеленский. – Краснодар : КубГАУ, 2011. – 156 с.

8. Гучок, А. Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления : дис. ... докт. юрид. наук / А. Е. Гучок. – Минск, 2014. – 254 л.

9. Хлус, А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры / А. М. Хлус // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 1. – С. 24–32.

10. Хлус, А. М. Криминалистическая характеристика и материальная структура преступления в частной методике расследования. [Электронный ресурс] / А. М. Хлус. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/234447>. – Дата доступа: 21.09.2024.

Хлус А. М., Кравцова Е. С.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *hlus.home@mail.ru*

Рассматривается искусственный интеллект как современная технология. Выделены общие направления развития технологий искусственного интеллекта. С одной стороны его развитие обеспечивает решение отдельных, производственных или технических задач определенных сфер человеческой деятельности. С другой стороны, развитие искусственного интеллекта высшего уровня имеет тенденцию к замещению человека как социального индивидуума, превосходя его мыслительные способности и скорость обработки разноплановой информации. Проанализировано состояние правовой регламентации использования искусственного интеллекта в Республике Беларусь. Сделан вывод о необходимости более глубокого и детального регулирования вопросов разработки и применения искусственного интеллекта. С позиции криминалистики искусственный интеллект представлен как дополнительный источник сведений о готовящихся, совершаемых и совершенных преступлениях и как средство, интегрируемое в работу следственных органов для организации процесса расследования и поиска доказательств.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросетевые технологии; криминалистика; расследование; преступление.

Криминалистика воспринимает и заимствует из различных научных и технических систем все позитивное, что можно использовать в процессе предупреждения, выявления и расследования преступлений. Не являются исключением системы искусственного интеллекта (далее ИИ), получившие в последние годы широкое распространение в различных сферах человеческой деятельности: в промышленности, на транспорте, в образовании, военном деле и т. д.

Развитие ИИ осуществляется по нескольким направлениям или уровням (плоскостям). Решение отдельных, производственных, технических и т. п. узкоспециализированных одной или нескольких задач определенной сферы деятельности осуществляется интеллектуальными системами нижнего (горизонтального) уровня. Разработка ИИ высшего, вертикального уровня предполагает создание таких систем, которые, учитывая специфику криминалистики, рассматриваются как технические средства [1, с. 30]. По своим возможностям они приближаются

«к полноценному мышлению человека» [2, с. 43], т. е. такие системы способны оценивать входящую информацию и принимать на её основе решения, в том числе и при условии неполноты полученных данных.

С позиции современности ИИ представляется как передовая технология. Её внедрение способно повлиять на общественные отношения, изменить многие социальные структуры, в части внесения корректив в содержание их деятельности. В полной мере это касается и правоохранительных органов.

В практической деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений, где значение имеют мельчайшие детали, ИИ предоставляются новые возможности.

В связи с этим возникает потребность в изучении тенденций применения ИИ в криминалистической сфере для совершенствования правоохранительной деятельности в процессе противодействия преступности. Подлежат анализу возможности влияния ИИ на оптимизацию процедур сбора, обработки и использования информации, а также необходимо рассмотреть нравственные и правовые аспекты, связанных с его практическим применением.

Развитие нейросетевых технологий [3] и машинного обучения превратило ИИ в инструмент анализа различных данных. В процессе расследования преступлений это обеспечивает возможность использования ИИ в качестве своеобразного помощника следователя, обладающего способностью проводить криминалистический анализ и самостоятельно формулировать выводы. Представляется, что ИИ может ускорить процесс расследования, обеспечить его полноту и результативность.

Наряду с позитивными перспективами существуют определенные риски и вызовы, связанные, в первую очередь, с защитой прав человека и конфиденциальностью информации о нём. В связи с этим, внедрение технологий ИИ должно сопровождаться правовым регулированием.

В практике нередко складываются ситуации, когда сначала создается определенный объект, а затем следует его правовая регламентация. Стремительное развитие ИИ затрудняет своевременное оперативное принятие соответствующих ему нормативно правовых актов.

Первым нормативным актом в области робототехники и ИИ стал закон, принятый в Южной Корее в 2008 году, под названием «О развитии и распространении умных роботов». В США в 2011 году было разработано несколько программных документов: «Национальная робототехническая инициатива» и «Дорожная карта развития робототехники». В Японии принята «Новая стратегия роботов» (2015), а в Китае утвержден «План развития технологий искусственного интеллекта» (2017) [4, с. 116]. Для стимулирования прогресса ИИ в России, Указом Президента Российской

Федерации от 10 октября 2019 года № 490 была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта» до 2030 года [5].

С целью создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в России был принят специальный закон. В нём ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-коммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и серверы по обработке данных и поиску решений» [6].

В Республике Беларусь актуализирована тематика цифровизации в контексте стратегического планирования государственных инициатив. В частности, в соответствии с принятой Стратегией развития информационных технологий в Республике Беларусь на период 2016-2022 годов, утвержденной Президиумом Совета Министров (протокол от 3 ноября 2015 года № 26), и в рамках определенных приоритетов социально-экономического развития до 2025 года, была разработана и принята государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы. В этом документе предполагается интеграция информационно-коммуникационных технологий и передовых производственных решений в ключевые сектора экономики и социальной сферы.

В соответствии с Декретом Президента от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», резидентам Парка высоких технологий предоставлены полномочия для занятия деятельностью в области искусственного интеллекта и разработки систем автономного управления транспортными средствами.

С целью защиты персональных данных и гарантирования прав и свобод граждан в процессе обработки их персональных данных был принят Закон «О защите персональных данных». Несмотря на очевидный прогресс в законодательной сфере, вопросы разработки, интеграции и применения искусственного интеллекта, по мнению ученых, требуют более глубокого и детального регулирования [7, с. 92].

Законодательно определение ИИ в Беларуси закреплено в пункте 3 приложения 2 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь 21.04.2023 № 280, в котором искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать

когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [8].

В рамках Концепции правовой политики Республики Беларусь выделены ключевые области для дальнейшего развития законодательства, связанного с новыми технологиями. Основной задачей является регулирование использования искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем и автономных транспортных средств. Также предполагается комплексный пересмотр нормативных актов в контексте уголовной ответственности, включая адаптацию уголовного процесса к требованиям цифровизации.

Исследуя проблемы ИИ белорусские ученые рассматривают его развитие в направлении от узкого к общему [9, с. 26–31].

Для концепции узкого направления характерны три ключевых компонента: мощные вычислительные ресурсы, обширные наборы данных и продвинутые алгоритмы. В связи с тем, что доступ к этим ресурсам значительно увеличился, ИИ в настоящее время испытывает бурный рост. ИИ приобретает знания и навыки отличным от человека способом. Его обучение пока ограничивается определенной сферой, заданной разработчиками, и он не способен самостоятельно осваивать новые области: робот, созданный для передвижения, не начнет читать без вмешательства человека, который его обслуживает. ИИ облегчает автоматизацию рутинных процессов обучения и поиска с помощью данных. Тем не менее, его основная цель – это не замена ручного труда, а эффективное и бесперебойное выполнение обширных компьютерных операций, что требует человеческого вмешательства для начальной настройки системы и корректной формулировки задач.

Концепция общего направления искусственного интеллекта воспринимается как система, работающая на основе коллективного и распределенного подхода, в отличие от классического понимания индивидуального и централизованного интеллекта. При его создании он быстро превратится в суперинтеллект, превосходящий человеческие способности мышления и скорости обработки информации. Такой искусственный интеллект будет способен выполнять множество разнообразных задач, переносить знания между различными доменами, критически мыслить и сотрудничать как с другими системами ИИ, так и с людьми для достижения общих целей. Это потребует от человечества построения новых форм взаимодействия с искусственным интеллектом. Несмотря на то, что разработка такой технологии остается под вопросом, ее

появление может кардинально изменить мир. Однако, одной из главных преград на этом пути является недостаточное понимание сущности человеческого разума.

С позиции криминалистики искусственный интеллект можно рассмотреть с двух сторон как:

дополнительный источник сведений о готовящихся, совершаемых и уже совершенных преступлениях (ИИ может анализировать большие массивы данных и выявлять закономерности и связи, которые могут помочь в расследовании);

средство, интегрируемое в работу следственных органов для организации процесса расследования и поиска доказательств (ИИ может применяться для автоматизации задач, обработки данных, моделирования и прогнозирования преступлений на основе имеющейся информации).

В исследованиях криминалистики представляется перспективным применение специализированного искусственного интеллекта, который взаимодействует с аналитическими способностями человека и обрабатывает вводимые данные. Это позволяет ИИ анализировать большие объемы информации, выявлять закономерности и предоставлять предварительные выводы, которые затем могут быть дополнительно интерпретированы и верифицированы специалистами. Это содействует повышению точности криминалистических исследований и ускорению процесса расследования. В дополнение к этому, развитие технологий ИИ может способствовать созданию интегрированных систем, способных самостоятельно адаптироваться к новым типам данных и усложняющимся сценариям преступлений, что значительно расширяет потенциал криминалистической науки.

Библиографический список

1. Кокин, А. В. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости / А. В. Кокин, Ю. Д. Денисов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 30–37.

2. Бахтеев, Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Д. В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 43–47.

3. См. напр.: Головкин, В. А. Нейросетевые технологии обработки данных : учебное пособие / А. В. Головкин, В. В. Краснопрошин. – Минск : БГУ, 2017. – 263 с.; Головатая, Е. А. Нейросетевые технологии в обработке и защите данных : учеб. пособие / Е. А. Головатая, А. В. Курочкин. – Минск, БГУ. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu/handle/123456789/294980>. – Дата доступа: 03.09.2024.

4. Чигилейчик, А. В. Робототехника и системы искусственного интеллекта – субъекты или объекты гражданских прав? / А. В. Чигилейчик // Актуальные проблемы гражданского права: научный журнал. – 2020. – № 1 (15). – С. 114–128.

5. Сакомская, Г. С. Подходы в правовом регулировании технологий с искусственным интеллектом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/podkhody-v-pravovom-regulirovanii-tekhnologiy-s-iskusstvennym-intellektom/>. – Дата доступа: 03.09.2024.

6. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе Федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/. – Дата доступа: 03.09.2024.

7. Краско, Н. Ю. Дефиниция «искусственный интеллект» в науке и законодательстве / Н. Ю. Краско // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. Могилев : Могилев. институт МВД, 2023. – С. 89–93.

8. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21.04.2023 г. № 280. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300280>. – Дата доступа: 03.09.2024.

9. Абламейко, С. В. Искусственный интеллект в Беларуси – история и перспективы / С. В. Абламейко // Наука и инновации. – 2022. – № 5. – С. 26–31.

Ходасевич А. В.

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *koval_law@mail.ru*

Проведен анализ форм использования специальных знаний при расследовании хищений имущества путем модификации. Рассмотрен вопрос об участии специалиста при проведении отдельных следственных действий – обыска, осмотра, допроса. Определен перечень обстоятельств, при которых участие специалиста при проведении следственного действия обязательно.

Ключевые слова: допрос; консультация специалиста; модификация компьютерной информации; назначение судебных экспертиз; обыск; осмотр; участие специалиста; хищение имущества.

Современный уровень полученного следователями, лицами, производящими дознание, образования предполагает наличие у последних определенных знаний в сфере компьютерной информации, позволяющих производить ряд следственных и иных процессуальных действий без участия специалиста. Однако в некоторых случаях знаний следователя, лица, производящего дознание, недостаточно, поэтому при проведении следственных действий, а также для предварительной консультации перед проведением следственных действий или перед назначением судебных экспертиз возникает необходимость обратиться за помощью к специалисту. Привлекаемыми лицами, обладающими специальными познаниями в сфере информационных технологий, могут быть: сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, сотрудники отдела по борьбе с киберпреступностью (далее – ОПК), сотрудники банков, сотрудники Парка высоких технологий, а также сотрудники различных соответствующих организаций, которые, как правило, специализируются на оказании услуг в сфере компьютерной информации.

Выделяют процессуальные (регламентируемые уголовно-процессуальными нормами) и непроцессуальные формы использования специальных знаний. К первой форме относится участие специалистов при производстве следственных и иных процессуальных действий, производство судебных экспертиз. Во вторую группу входят: предварительные консультации со специалистами при назначении экспертиз, перед проведением следственных действий [1, с. 211].

Вопрос об участии специалиста в проведении отдельных следственных действий (главным образом в допросе, обыске, осмотре) должен решаться в каждом случае индивидуально.

Так, например, в случае допроса подозреваемого, который имеет профильное образование в сфере IT-технологий, привлечение специалиста обязательно. Следователь в данной ситуации будет обладать меньшим объемом специальных знаний, при этом специалист, присутствуя при допросе, с разрешения следователя сможет задать конкретизирующие вопросы с целью установления точного механизма совершения преступления. В случае, если при совершении преступления имели место многочисленные денежные переводы как подозреваемыми, так и потерпевшими, несанкционированные входы в аккаунты интернет-банкинга, в качестве специалиста можно привлечь сотрудника банка. Сотрудник банка, обладая специальными знаниями, по полученной в ходе допроса информации и по информации, запрошенной из отделения банка, сможет соотнести определенный перевод денежных средств с лицом, его осуществлявшим.

Отметим, что присутствие третьего лица при проведении допроса может негативно сказаться на порядке проведения следственного действия, что будет преградой для установления психологического контакта с допрашиваемым. В связи с этим к участию специалиста в допросе необходимо подходить взвешенно.

В случае, если пригласить специалиста для участия в следственном действии не представляется возможным, считаем целесообразным провести допрос с использованием видеозаписи. Это позволит максимально полно и объективно изучить информацию, полученную в процессе следственного действия, а также при возникновении потребности в получении специальных знаний в той или иной области обратиться за разъяснениями к специалисту, предъявив существующую запись следственного действия [2].

В соответствии с ч. 4 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), в необходимых случаях при обыске участвует специалист [3].

В случае, если техническое устройство выключено, следователю, лицу, производящему дознание, не вызовет трудностей изъять данное устройство и в последующем произвести его осмотр. При изъятии включенного устройства с доступом к сети Интернет ситуация иная.

Так, например, в производстве Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь находилось уголовное дело № 22121081265, возбужденное по ч. 1 ст. 212 УК Республики Беларусь [4]. В рамках возбужденного уголовного дела в ходе проведения обыска сотрудником органа внутренних дел был изъят планшет подозреваемого И. с активным сеансом интернет-соединения, а затем

передан следователю. При этом, как впоследствии выяснилось, на планшете представляла интерес информация, содержащаяся в аккаунте И. в мессенджере «Телеграм». К осмотру планшета следователь преступил через некоторое время и при проведении следственного действия обнаружил, что аккаунт удален, то есть информация, имеющая значение для расследования уголовного дела, утрачена. В ходе допроса подозреваемый И. сообщил, что в настройках его аккаунта мессенджера «Телеграм» он установил автоматическое удаление аккаунта при его неиспользовании на протяжении определенного времени.

Считаем, что не только в рассматриваемой ситуации, но и в каждом случае при проведении обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации необходимо привлекать специалиста.

Данная необходимость выявлена следующими причинами: во-первых, перед началом следственного действия следователь, лицо, производящее дознание, не могут обладать информацией о состоянии технических устройств, подлежащих изъятию и имеющих значение для расследования уголовного дела; во-вторых, у специалиста имеются необходимые принадлежности – наборы отверток, нужные упаковочные материалы, устройства для предотвращения внесения непреднамеренных изменений на жесткий диск; в-третьих, если в ходе обыска возникнет ситуация, при которой следователь, лицо, производящее дознание, выяснят, что не могут самостоятельно изъять либо копировать необходимую информацию, обыск придется окончить, так как приостановление обыска уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено [5, с. 195–196].

В соответствии с ч. 5 ст. 204 УПК, к участию в осмотре следователь, лицо, производящее дознание, вправе привлечь специалиста [3]. Отметим, что не во всех случаях проведения осмотра при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации целесообразно прибегать к помощи специалиста. Так, в случае необходимости осмотра общедоступной информации, незашифрованных файлов и программ, информации, содержащейся в сети Интернет (переписки в социальных сетях, аккаунты на различных площадках, личный кабинет интернет-банкинга, сайты), устройств с известными логином и паролем, на которых нет угрозы утери данных при его включении следователь может самостоятельно произвести следственное действие без привлечения специалиста. В случае возникновения необходимости безопасного изъятия, имеющего значение для расследования уголовного дела информации при загруженных на устройстве программ удаленного доступа, в случае отсутствия логинов и паролей к определенным программам, при наличии на осматриваемом устройстве зашифрованных программ к участию в осмотре следует привлечь специалиста.

По делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации с целью исследования компьютерной информации и технических устройств назначаются экспертиза радиоэлектронных устройств и судебная компьютерно-техническая экспертиза. Для назначения вышеуказанных экспертиз следователь, лицо, производящее дознание, выносят постановление о назначении экспертизы. В постановлении о назначении экспертизы следователь, лицо, производящее дознание, указывают перечень вопросов, на которые необходимо ответить эксперту по направляемому на исследование объекту. Однако при назначении экспертизы радиоэлектронных устройств и судебной компьютерно-технической экспертизы возникают следующие проблемы: некорректная постановка вопросов либо постановка вопросов, не имеющих отношения к объекту исследования; направление на исследование объектов, которые могут быть изучены не экспертным путем.

Как правило, перед назначением экспертизы радиоэлектронных устройств и судебной компьютерно-технической экспертизы с целью обеспечения сохранности данных и безопасности копирования информации следователь, лицо, производящее дознание, не производят осмотр изъятого устройства. По этой причине поставленные эксперту вопросы обширны, шаблонны и, как следствие, расширяется предмет экспертного исследования, эксперт извлекает информацию, не имеющую отношение к расследуемому преступлению, на проведение экспертизы затрачивается большое количество времени.

Кроме того, неверное использование специальной терминологии при назначении экспертизы приводит к тому, что эксперт не может дать ответ на некорректно поставленный вопрос, а изменить самостоятельно формулировку вопроса эксперт не вправе. Изменение формулировки вопроса возможно только после отзыва инициатором первоначального постановления о назначении экспертизы и назначении новой, что значительно увеличивает сроки получения криминалистически значимой информации по расследуемому уголовному делу.

Полагаем, что получение консультации специалиста перед назначением экспертизы радиоэлектронных устройств и судебной компьютерно-технической экспертизы может предотвратить необоснованное расширение предмета экспертного исследования и исключить необходимость повторного вынесения постановления о назначении экспертизы по одним и тем же исследуемым объектам.

Отметим, что проведение экспертизы радиоэлектронных устройств и судебной компьютерно-технической экспертизы зачастую сводится к извлечению информации из памяти устройства. Аппаратно-программные средства для извлечения цифровой информации имеются в пользовании у сотрудников криминалистических отделов Следственного комитета, а

также у сотрудников ОПК. В связи с чем полагаем целесообразным привлекать сотрудников указанных подразделений в качестве специалистов с целью осуществления действий по поиску и извлечению необходимой информации (за исключением случаев, если необходимая к получению информация не зашифрована, если не удалось получить доступ к скрытым файлам и папкам, неизвестны функциональные возможности обнаруженных на устройстве программ).

На основании изложенного отметим, что, в ходе расследования хищений имущества путем модификации компьютерной информации специалист может привлекаться как при производстве следственных и иных процессуальных действий, при производстве судебных экспертиз, так и с целью получения консультации перед проведением следственных действий, перед назначением судебных экспертиз.

При допросе подозреваемого, который имеет профильное образование в сфере IT-технологий, привлечение специалиста обязательно. Следователь в данной ситуации будет обладать меньшим объемом специальных знаний, при этом специалист, присутствуя при допросе, с разрешения следователя сможет задать конкретизирующие вопросы с целью установления точного механизма совершения преступления. В случае, если пригласить специалиста для участия в следственном действии не представляется возможным, считаем целесообразным провести допрос с использованием видеозаписи с последующим ее предъявлением специалисту.

Не во всех случаях проведения осмотра при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации целесообразно прибегать к помощи специалиста. Так, в случае необходимости осмотра общедоступной информации, незашифрованных файлов и программ, информации, содержащейся в сети Интернет, устройств, на которых нет угрозы утери данных при его включении следователь может самостоятельно произвести следственное действие без привлечения специалиста. В случае возникновения необходимости безопасного изъятия, имеющего значение для расследования уголовного дела информации при загруженных на устройстве программ удаленного доступа, в случае отсутствия логинов и паролей к определенным программам, при наличии на осматриваемом устройстве зашифрованных программ к участию в осмотре следует привлечь специалиста.

При проведении обыска по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации во всех случаях необходимо привлекать специалиста. Это позволит надлежащим образом изъять обнаруженные технические устройства, а также не утратить информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела.

Полагаем, что получение консультации специалиста перед назначением экспертизы радиоэлектронных устройств и судебной

компьютерно-технической экспертизы может предотвратить необоснованное расширение предмета экспертного исследования и исключить необходимость повторного вынесения постановления о назначении экспертизы по одним и тем же исследуемым объектам.

С целью извлечения цифровой информации из памяти устройств полагаем целесообразным привлекать сотрудников криминалистических отделов Следственного комитета Республики Беларусь, а также сотрудников ОПК в качестве специалистов.

Библиографический список

1. Зеленский, В. Д. О процессуальных и организационных формах использования специальных знаний в расследовании // Общество и право. 2012. – № 1 (38). – С. 211.

2. Олиндер, Н. В. Некоторые особенности тактики допроса при расследовании преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем [Электронный ресурс] / Н. В. Олиндер // Вестн. Волж. ун-та, 2019. – Т. 2. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-taktiki-doprosa-pri-rassledovanii-prestupleniy-sovershennyh-s-ispolzovaniem-elektronnyh-platezhnyh-sredstv-i/viewer>. – Дата доступа: 17.09.2024.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

4. Архив Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь за 2022 г. – Уголовное дело № 22121081265.

5. Григорович, В. Л. Проведение обыска при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации [Электронный ресурс] / В. Л. Григорович, А. В. Ходасевич // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XII Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 19 апр. 2024 года) / МВД Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Лубенков (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2024. – С. 194–197.

Храмов С. М.

**УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МЕТОДОМ ВЫЯВЛЕНИЯ
ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ С ПОМОЩЬЮ
ЛИПОЛЬНОГО АНАЛИЗА**

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»,
бульвар Космонавтов 21, 224016, г. Брест, Беларусь,
khramausiarhei@gmail.com

В статье исследуются особенности установления обстоятельств методом выявления причинно-следственных связей с помощью авторской методики липольного анализа. Приводятся и анализируются примеры из правоприменительной практики. Рассматриваются типовые ошибки, которые могут допускаться при использовании эмпирического принципа «сухого остатка», на основе которого выявляются мотивы действия и их последствия. Делается вывод о том, что при установлении обстоятельств общественно опасных деяний, совершенных в условиях неочевидности, ключевое значение имеет установление логической пары «действие – следствие».

Ключевые слова: липольный анализ; сухой остаток; установление обстоятельств; использование информации.

Липольный анализ – методика автора статьи, заключающаяся в модельной визуализации исследуемого события и построении липольной системы. «Неологизм образован путем объединения терминов «лицо» и «поле» и кратко обозначается аббревиатурой «ЛП». При этом под полем понимается сконцентрированное выражение противоправных действий. Там же находится предмет преступления. Если последствия таких действий находятся за пределами условного поля, то речь идет о материальных составах преступления» [1, с. 297].

Один из методов, который может быть использован для анализа липольной системы – установление и вариативная интерпретация причинно-следственной связи. Затем выдвигаются и проверяются версии произошедшего. В конечном счете выдвижения и проверка версий имеет целью установления того, что произошло на самом деле. Речь идет об установлении истины по делу.

Обязательный элемент доказывания – установление причинно-следственных связей – позволил сформулировать эмпирический принцип «сухого остатка», который основан на анализе внутренних мотивов лица совершить то или иное деяние.

Принцип «сухой остаток» входит в перечень приемов установления обстоятельств (методическая разработка автора). Для применения «сухого

остатка» при анализе исходной ситуации необходимо обладать навыком извлекать крупинки полезной информации из доступных на первоначальном этапе расследования источников.

А. В. Дулов и другие авторы по этому поводу отмечают: «Одной из особенностей расследования является невозможность в начале его предвидеть всю совокупность действий, которые надо будет произвести для достижения цели – полного раскрытия преступления и изобличения лиц, виновных в его совершении. Указанная особенность расследования приводит к необходимости осуществлять организационные действия постоянно по мере получения новой информации» [2, с. 273].

Практическая реализация принципа «сухого остатка» может идти по следующему алгоритму.

I. Разделить установленные по делу обстоятельства на мелкие эпизоды и проанализировать их по схеме «До – Во-время – После».

II. Усилить степень дробления установленных по делу обстоятельств по этой же схеме.

III. Установить пару «действие-следствие». При этом «следствие» должно быть сконцентрировано в «сухом остатке».

IV. Предположить мотив действия.

V. Выдвинуть и проверить версию о виновном лице.

Предварительно должна быть построена минимальная липольная схема расследуемого события.

Например, при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации, повлекшей уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование такой информации, липольная схема изображается с использованием условных обозначений. Условные обозначения: «Л» – лицо, совершившее неправомерный доступ, «П» – поле, где сконцентрировано криминальное воздействие на охраняемые общественные отношения.

Рассмотрим применение алгоритма на нескольких примерах. За основу взяты реальные случаи из правоприменительной практики.

Пример 1. Неустановленное лицо проникло в дом гр-на К. и похитило шуруповерт.

Согласно п. I алгоритма необходимо разделить установленные по делу обстоятельства на мелкие эпизоды и проанализировать их по схеме «До – Во-время – После».

До того, как произошло проникновение в дом, хозяин ушел. Дома никого не было. Дверь была закрыта.

Проникновение в дом было осуществлено путем вырывания дужки навесного замка, который запирает входную дверь.

Неустановленное лицо после совершения кражи незаметно вышло из дома и покинуло домовладение.

На втором шаге алгоритма степень дробления установленных по делу обстоятельств усиливается по этой же схеме.

Дом потерпевшего К. находится на одном из переулков недалеко от автовокзала.

Во двор дома неустановленное лицо проникло путем отжима досок деревянного забора с тыльной стороны дома.

Для проникновения в дом неизвестное лицо использовало металлическую завесу, которая находилась во дворе.

Кроме шуруповерта другое имущество, находящееся в доме, осталось нетронутым.

Пункт 3 алгоритма по анализируемой ситуации типовой – кражу совершило лицо, имеющее сильную криминогенно-корыстную мотивацию и, возможно, стойкий навык девиантного поведения.

Следствие кражи – у неустановленного лица появилась возможность каким-то образом использовать либо реализовать похищенное имущество.

Учитывая стоимость имущества (потерпевшему был причинен ущерб на сумму 40 руб.) и несопоставимо более высокие риски, связанные с неблагоприятными последствиями, злоумышленник имел определенный криминальный опыт.

Пара «действие – следствие» в данном примере может быть определена следующим образом: проникновение в дом с целью кражи – использование по своему усмотрению, в том числе дальнейшая продажа по меньшей стоимости, похищенного имущества.

Пункт IV предполагает определение предположительного мотива действия. Мотив в приведенном примере также типовой – корысть.

Исходя из описанных обстоятельств, можно предположить, что проникновение в дом было ситуативным. Возможно, злоумышленник ранее не был в данной местности, а выбор места кражи был обусловлен исключительно видимыми признаками временного отсутствия во дворе и в доме проживающих там людей.

Исходя из имеющейся информации о находящемся вблизи автовокзала, можно предположить, что кражу совершило лицо криминальной направленности (ранее судимое), которое не проживает в данной местности.

После совершения кражи оно могло уехать на рейсовом автобусе с автовокзала либо воспользоваться попутным транспортом.

Иная версии – кражу совершило лицо, злоупотребляющее спиртными напитками, проживающее в этом же районе.

В пользу первой версии говорит то, что для взлома навесного замка был использован подручные средства, а не подготовленный заранее инструмент.

Как было установлено впоследствии, кражу шуруповерта совершил ранее неоднократно судимый Я., который действительно проживал в другой

местности. В город он приехал в гости к своему знакомому. Когда он собирался вернуться домой с автовокзала, оказалось, что «до отправления автобуса времени еще было много, он решил пройти по близлежащим улицам г.п. К.» [3].

Совершив кражу шуруповерта, гр-н Я. «на попутном транспорте доехал до г. Ч., где на автовокзале продал незнакомому ему ранее таксисту украденный им шуруповерт за 10 руб., после чего пошел в дер. С. Ч. р-на» [3].

На момент совершения кражи судимость за прошлые преступления у Я. погашена не была. Его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 205 УК Республики Беларусь как тайное похищение имущества (кража), совершенное повторно, с проникновением в жилище.

Пример 2. Неустановленное лицо по телефону сообщило, что в аэропорту воздушное судно, готовящееся к взлету, заминировано.

Установленные обстоятельства:

В аэропорт поступил анонимный звонок. Мужчина сообщил о минировании готовящегося к вылету самолета. Вылет самолета задержан. В результате незамедлительно проведенной проверки сообщение о минировании не подтвердилось.

Разделение установленных обстоятельств: неустановленный мужчина позвонил в аэропорт и сообщил о минировании самолета; самолет, по поводу которого сообщило сообщение, готовился к вылету; в результате пришлось задержать вылет самолета на время проверки сообщения о минировании; сообщение о минировании не подтвердилось.

Усиление степени дробления установленных по делу обстоятельств на основе логических выводов: звонил неустановленный мужчина; цель звонка, как минимум, проверка самолета компетентными специалистами; любая проверка сообщения о минировании занимает значительное время; если бы звонка о минировании не было, самолет улетел бы вовремя; сообщение о минировании оказалось заведомо ложным; рейс был задержан на время проверки сообщения о минировании; этого времени достаточно, чтобы успеть на самолет опоздавшему по каким-либо причинам пассажиру.

Установление пары «действие – следствие».

«Звонок о минировании» – «задержка рейса»

«Сухой остаток» или следствие в примере с телефонным звонком в аэропорт– «задержка рейса», а не эвакуация пассажиров и т.д.

Предположение о мотиве действия.

Звонивший заинтересован в задержке рейса.

Версия – звонок о минировании произвел опаздывающий на рейс пассажир.

При этом под криминалистической версией традиционно понимается вероятностное суждение «о происходящих или произошедших» [4, с. 310] событиях. В целом версия представляет собой гипотезу, логическое

обоснованное предположение, основанное на имеющихся данных, которое подлежит проверке в процессе расследования. Выявление приоритетной версии и ее отработка является основой для дальнейшего расследования, сбора и анализа доказательств, изобличения виновного лица.

В правоприменительной практике версии могут быть как исходными, так и рабочими. Исходные версии формируются на начальном этапе расследования, а рабочие возникают в ходе анализа полученной информации.

Очевидные первоочередные мероприятия по отработке выдвинутой версии в рассматриваемом случае таковы: сравнить список пассажиров, купивших билеты на данный рейс, с зарегистрированными и фактически находящимися на борту пассажирами («принцип сравнения»); проверить на причастность к заведомо ложному сообщению о минировании отсутствующих пассажиров-мужчин.

В использованном примере из правоприменительной практики звонившим оказался опоздавший на рейс пассажир. Таким образом он пытался задержать своевременный вылет самолета. В итоге задержка рейса составила 3 часа. Был произведен повторный досмотр воздушного судна, пассажиров и багажа. Обстоятельства произошедшего были установлены своевременно. Вместо самолета звонившего правонарушителя доставили в орган правопорядка.

К сожалению, периодически подобные инциденты повторяются. Например, в 2023 году житель Полоцка был «задержан за ложное сообщение о минировании самолета» [5]. Похожий инцидент произошел в 2024 году Екатеринбурге, где опоздавший на посадку пассажир рейса в Пензу «сообщил об угрозе целостности воздушного судна и угрозе здоровья пассажиров. В связи с этим пассажиры были высажены для дополнительного досмотра воздушного судна и багажа» [6].

Исходя из изложенного по подобного рода случаям в качестве одной из версий может проверяться причастность кого-либо из опаздывающих на рейс. Для этого может быть использован выявленный автором на основе изучения правоприменительной практики прием «Сверить списки». Например, могут быть сверены списки зарегистрировавшихся на рейс пассажиров и тех, кто по каким-то причинам не прошел регистрацию.

Прием «Сверить списки» применим для большого количества событий, произошедших в условиях неочевидности. Например, если бы им воспользовались в 1911 году при раскрытии кражи картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза» (иногда это преступление называют «кражей века»), то преступник был бы установлен еще на первоначальном этапе. Расследование кражи «Мона Лизы» также пример зарождавшейся в начале XX века дактилоскопической регистрации, поскольку на месте преступления (в Лувре) были найдены отпечатки пальцев вора.

Некоторые обстоятельства кражи картины Леонардо да Винчи преступления были описаны спустя два года в издании «Старые годы» (1913 г., октябрь). Лицом, совершившим кражу, оказался итальянский столяр-рамочник Винченцо Перуджа) [7]. Интересно, что в 1913 года считалось, что «обретением Джоконды мы обязаны только счастливой случайности» [7, с. 60]. Раскрытие преступления и возврат похищенного произведения в картинную галерею был назван как «праздник для искусства» [7, с. 60].

Примеры, которые иллюстрируют возможности использования принципа «сухой остаток», имеются в классическом труде основателя криминалистики Ганса Гросса [8]. В частности, при расследовании дела о «задушении» пожилого мужчины и проверке на причастность к произошедшему двух слуг потерпевшего – лакея и кухарки. На месте происшествия, где обычный порядок вещей практически не был нарушен, Ганс Гросс обратил внимание на то, что «труп висел посреди комнаты на крюке для люстры, причем ноги его не касались пола почти на полметра, и около трупа ни одного стула или ему подобного предмета» [8, с. 800].

Данное обстоятельство указывало на то, что потерпевший самостоятельно не мог совершить указанные действия.

Также было установлено, что в ночь, предшествующей обнаружению тела потерпевшего, слуги отсутствовали в доме. Оказалось, что лакей и кухарка «без позволения отлучились на какой-то бал [8, с. 801].

Тщательным осмотром было установлено, что наступлению смерти потерпевшего предшествовал апоплексический припадок.

Проникновения каких-либо посторонних лиц в дом не было.

В связи с этим была выдвинута обоснованная версия, что потерпевшему почувствовал себя плохо и, в отсутствии помощи, скончался.

Слуги, когда вернулись с бала, обнаружили это.

Но каков был мотив действий? И это обстоятельство удалось выяснить, анализируя причинно-следственные связи. «Чтобы избежать упрека в неисполнении своих обязанностей, прислуга (лакей и кухарка) придумала придать трупу вид самоубийцы, с помощью веревки от метлы укрепили на крюке для люстры петлю, затем лакей поднял труп, и кухарка надела ему на шею петлю. Поставить же стул около трупа они забыли, так как поторопились обокрасть письменный стол покойного» [8, с. 801].

При применении принципа «сухого остатка» следует избегать следующих типовых ошибок. Перечислим некоторые из них: недостаточное дробление установленных по делу обстоятельств; неверные умозаключения из недостаточно проверенных посылок; некорректные выводы из достоверно установленных по делу обстоятельств.

Таким образом, при установлении обстоятельств общественно опасных деяний, совершенных в условиях неочевидности, ключевое значение имеет установление логической пары «действие – следствие».

Использование принципа «сухой остаток» для установления обстоятельств ранее произошедших событий в условиях дефицита первоначальной информации повышает вероятность стоящих на первоначальном этапе расследования задач. Предложенный алгоритм применения принципа «сухой остаток» состоит из пяти основных частей позволяют более эффективно организовывать данные и принимать обоснованные решения, что в конечном итоге может привести к более успешным результатам по установлению истины.

Библиографический список

1. Храмов, С. М. Использование липольного анализа для установления обстоятельств совершения киберпреступлений / С. М. Храмов // Высотехнологичное право: современные вызовы [Электронный ресурс] : материалы IV Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (17-20 февр. 2023 г., Москва) / НИУ МИЭТ; КГАУ. Ч. 1. – Красноярск, 2023. – С. 296-302.

2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов, [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. – Минск : ИП «Экоперспектива», 1998. – 415 с.

3. Приговор суда Краснопольского района Могилевской области от 9 апр. 2021 г. в отношении гр-на Я. по ч. 2 ст. 205 УК Республики Беларусь [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

4. Криминалистика : учебник / Под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, С. В. Дубровина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – 799 с.

5. Опаздывал на рейс и «заминировал» самолет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belta.by/incident/view/opazdyval-na-rejs-i-zaminiroval-samolet-zhitel-polotska-zaderzhan-za-zavedomo-lozhnoe-soobschenie-ob-553357-2023/>. – Дата доступа: 29.09.2024.

6. Рубайко, Е. Опоздавший на рейс из Екатеринбурга в Пензу пассажир «заминировал» самолёт [Электронный ресурс] / Е. Рубайко. – Режим доступа: <https://forpost-sz.ru/a/2024-07-03/opozdavshij-na-rejs-iz-ekaterinburga-v-penzu-passazhir-zaminiroval-samolyot>. – Дата доступа: 06.09.2024.

7. Галасси, Г. Письмо из Италии / Г. Галасси // Старые годы. – 1913. – Октябрь. – С. 59–60.

8. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.

Цветкова А. Д.

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ,
НАПРАВЛЕННОЙ НА УСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ
НАПЕЧАТАННОГО ТЕКСТА**

ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева», ул. Комсомольская, 21,
640044, г. Екатеринбург, Россия, at@crimlib.info

В статье рассматриваются теоретические подходы к определению тактической операции, проводится ее разграничение со смежными категориями – тактическим приемом и тактической комбинацией. На основе краткого теоретического обзора делается вывод о незаменимой роли тактической операции при возникновении сложных следственных ситуаций, часть из которых на современном этапе развития общества может быть связана с определением исполнителя напечатанного текста преступного содержания. Для решения этой задачи предлагается обобщенный алгоритм тактической операции, объединяющей в себе оперативно-розыскное мероприятие – получение компьютерной информации, следственное действие – получение образцов клавиатурного почерка для сравнительного исследования и компьютерно-техническую экспертизу клавиатурного почерка.

Ключевые слова: клавиатурный почерк; получение компьютерной информации; получение образцов; сравнительное исследование; компьютерно-техническая экспертиза; тактические комплексы.

Сложный характер деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а также тот факт, что использование различных систем нередко способствует повышению эффективности при решении самых разнообразных задач, привели к формированию у представителей криминалистической науки интереса к феномену тактической операции, под которой понимается комплекс следственных, оперативно-розыскных, ревизионных и иных действий, проводимых по единому плану и направленных на решение общей задачи расследования [1, с. 44; 2, с. 54]. Несмотря на то, что ставшее уже традиционным определение содержит конкретное целевое ограничение тактических операций, мы разделяем позицию И. М. Комарова, который считает, что последние «призваны повысить количество и качество уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информации» [3, с. 93].

Таким образом, тактическая операция применима в любых криминалистических ситуациях, когда следователь считает это целесообразным с точки зрения соотношения затрат и потенциальных

полезных результатов. На наш взгляд, указанная целесообразность, в первую очередь, связана с невозможностью уменьшить степень информационной неопределенности иными тактическими средствами: отдельными приемами, комбинациями. Для обоснования данного тезиса коротко раскроем упомянутые категории.

Так, тактический прием предназначен для оптимальной организации поведения следователя, обеспечивающего максимальную результативность отдельного следственного действия [4, с. 19]. В свою очередь следственное действие – уголовно-процессуальная категория, которая строго регламентирована соответствующим законом. Таким образом, тактический прием существует в рамках установленного порядка, способствует достижению целей конкретного единичного действия и реализуется только в пределах сроков производства этого действия. В отличие от этого, тактическая операция объединяет в себе несколько следственных и иных действий, то есть может включать большое число различных тактических приемов.

Переходя к описанию тактических комбинаций, отметим, что они не однозначно трактуются в криминалистике [5; 6, с. 138; 1, с. 44], однако сегодня в России превалирует позиция, согласно которой тактические комбинации – более узкая, нежели тактические операции категория [7; 8, с. 21]. В таком случае тактическая комбинация понимается как совокупность тактических приемов, осуществляемых в рамках отдельного следственного действия и направленных на более эффективное решение его задач. То есть она ограничена отдельным следственным действием и деятельностью его непосредственных участников, тогда как тактическая операция может проходить сквозь различные этапы расследования, задействовать ресурсы не только следователя (дознателя), но и оперативных сотрудников, судебных экспертов. В этой связи, при возникновении сложных следственных ситуаций видится более целесообразным реализовывать тактическую операцию, отличающуюся комплексным, системным и многокомпонентным характером.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и их задействования для увеличения негативного эффекта противоправной деятельности, сложные следственные ситуации часто складываются при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных устройств, в том числе тех, где криминалистическое значение имеет точное установление исполнителя напечатанного документа. Во многом это связано с отсутствием тактических рекомендаций в части решения указанной задачи. Мы считаем, что здесь возможно реализовывать тактическую операцию, направленную на определение исполнителя напечатанного текста. Эта операция должна строиться вокруг следующих центральных компонентов:

1) оперативно-розыскного мероприятия – получения компьютерной информации;

2) следственного действия – получения образцов клавиатурного почерка для сравнительного исследования;

3) компьютерно-технической экспертизы клавиатурного почерка.

Опишем кратко алгоритм реализации указанных действий:

1. Следователь сталкивается с ситуацией, в которой для раскрытия и расследования преступления необходимо установить личность исполнителя напечатанного текста (экстремистского материала, размещенного в сети «Интернет», объявления о продаже нелегального оружия в группе в социальной сети и т. д.).

2. У следователя имеются обоснованные основания предполагать причастность к созданию конкретного текста определенного лица, однако отсутствуют материальные свидетельства его преступной деятельности.

3. Следователь направляет поручение в орган, уполномоченный на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

4. Оперативный сотрудник направляет предполагаемому преступнику на компьютерное устройство скрытую систему-кейлоггер, которая будет фиксировать все события клавиатуры, записывая, что и как человек печатает.

5. С помощью указанной системы фиксируется факт криминальной активности разрабатываемого лица, сведения о чем в надлежащей форме направляются следователю.

6. Следователь вызывает подозреваемого для получения от него образцов клавиатурного почерка и просит его напечатать на компьютерном устройстве, где предустановлен кейлоггер, текст, похожий на материал преступного характера, находящийся в следственной обработке.

7. Полученные в рамках описанных оперативно-розыскного мероприятия и следственного действия сведения направляются на компьютерно-техническую экспертизу.

8. Эксперт проводит сравнительное исследование двух почерковых материалов, записанных в форме числовых показателей характеристик печати, формируя в процессе два динамических стереотипа и сопоставляя их между собой.

9. Эксперт формирует вывод: одному или разным лицам принадлежат образцы клавиатурного почерка, представленные на экспертизу, закрепляет их в своем заключении, которое направляет следователю для дальнейшего использования в доказывании.

Безусловно, данный алгоритм носит весьма обобщенный характер, не учитывает различные следственные ситуации, а также оставляет без внимания организационно-управленческие и иные сопутствующие действия следователя и иных задействованных лиц, однако он позволяет

представить потенциальную модель комплексных действий, нацеленных на то, чтобы установить исполнителя преступного текста. Считаем, что в условиях всевозрастающего числа электронной документации совершенствование и практическая апробация данного алгоритма уже сегодня становятся актуальными задачами криминалистики, разрешение которых способно повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011/>

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Минск, 1979. – 128 с.
2. Драпкин, Л. Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия / Л. Я. Драпкин // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. – 1976. – С. 52–55.
3. Комаров, И. М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук / И. М. Комаров. – Барнаул, 2003. – 437 с.
4. Малютин, М. П. Тактические приемы, их допустимость и использование для достижения тактических целей допроса: дис. ... канд. юрид. наук / М. П. Малютин. – Краснодар, 2001. – 194 с.
5. Каторгина, Н. П. Основы частной теории тактических операций (комбинаций) в расследовании преступлений: историко-криминалистические аспекты / Н. П. Каторгина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 14 (109). – С. 80–86.
6. Луценко, О. А. Тактический прием. Критерии допустимости использования на предварительном следствии / О. А. Луценко // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : Сборник научных трудов Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 07 июня 2018 г. – Ростов-на-Дону, 2018. – С. 138–141.
7. Рогава, И. Г. Тактическая комбинация и тактическая операция как категории криминалистической тактики: вопросы соотношения / И. Г. Рогава // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 4 (41). – С. 53–57.
8. Криминалистическая тактика: учебное пособие для вузов / Л. Я. Драпкин [и др.]; под редакцией Л. Я. Драпкина. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 228 с.

Чжу Вэнь

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ,
СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

В статье дается понятие и определяется система криминалистических средств и методов предупреждения общественно опасных деяний, собирания и исследования доказательств. Рассматривается система криминалистических средств, основанная на источниках их происхождения, включающая в себя технико-криминалистические, тактико-криминалистические и методико-криминалистические средства. Целевой направленностью таких средств является криминалистическое обеспечение противодействию преступности, все они могут быть использованы в той или иной мере для решения задач, как криминалистической техники, так и тактики или методики.

Ключевые слова: криминалистическая техника; криминалистические средства; криминалистические методы; собирание доказательств; исследование доказательств; научно-технические средства; научно-технический прогресс.

Противодействие преступности в современных условиях требует совершенствования криминалистических средств и методов предупреждения общественно опасных деяний, собирания и исследования доказательств. Успешное решение этих задач видится в постоянном преобразовании достижений научно-технического прогресса (НТП) для нужд криминалистики. Использование достижений НТП, как отмечал Р.С. Белкин, способствует ускорению развития криминалистики, в частности возрастанию объема фундаментальных и прикладных исследований, повышению научного потенциала криминалистики и ее общественной значимости в связи с растущей актуальностью борьбы с преступностью [1, с. 98].

Внедрение НТП в криминалистику происходит в различных направлениях, во-первых, это применение новых научно-технических средств в практике предупреждения, раскрытия и расследования общественно опасных деяний, во-вторых, в криминалистике возникают синтетические отрасли знания, в-третьих, происходит интеграция криминалистики с другими науками – физикой, химией, математикой, биологией, которая проявляется, прежде всего, в использовании методов этих наук для решения задач борьбы с преступностью. Т.В. Аверьянова называет следующие формы интеграции знаний: а) перенос идей и

представлений из одной области знаний в другую; б) использование понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств других областей науки; в) формирование комплексных проблем и направлений исследования; г) усиление взаимосвязи наук, различающихся своими предметными областями; д) сближение наук различных типов – фундаментальных и прикладных, эмпирических и теоретических, высоко формализованных и описательных; е) универсализация средств языка науки; ж) выработка региональных и общенаучных форм и средств познания; з) усиление интегративной роли философии и др. [2, с. 9-15]. Такое разнонаправленное использование достижений НТП в криминалистике обуславливает создание различных криминалистических средств противодействия преступности.

В русском языке термин «средство» означает «прием, способ действия для достижения чего-нибудь» [3, с. 93]. С точки зрения комплексного подхода к противодействию преступности криминалистические средства должны включать в себя весь спектр научно обоснованных приемов, способов, рекомендаций и технического оборудования, применяемых для раскрытия, расследования и предотвращения общественно опасных деяний. Именно комплексный подход к криминалистическим средствам и их использованию в противодействии преступности способен обеспечить эффективность деятельности правоохранительных органов в этой сфере.

Р.С. Белкин рассматривал криминалистические средства неразрывно с методами и определял их как «разрабатываемые криминалистикой специальные аппаратура, материалы, инструменты, способы действия, рекомендации и пр. по осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений» [4, с. 91]. Очевидно, что к криминалистическим средствам он относил аппаратуру, материалы и инструменты, то есть собственно технико-криминалистические средства, к методам же – способы действия, рекомендации и прочее, а также «способы изучения, исследования, применяемые в криминалистике для познания предмета криминалистики и объектов реальной действительности» [4, с. 100].

В.Е. Корноухов рассматривает методы науки криминалистики как «систему познавательных процедур, которая в любой науке имеет свои особенности, обусловленные объектом познания, его свойствами» [1, с. 22]. И.Ф. Крылов определял метод в наиболее общем значении этого слова как «путь (способ) исследования явлений в природе и общественной жизни, применяемый для достижения определенной цели» и подразделял их на «методы криминалистики как науки (криминалистических научных исследований) и как практики (практической криминалистической деятельности)» [5, с. 27]. Словарь русского языка трактует термин «метод» как «способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь» [3, с. 352].

В криминалистике для устранения противоречий, размывающих теоретические основы науки, и упорядочения языка этой юридической отрасли знания целесообразно разграничить понятия «криминалистические методы» и «криминалистические средства». Под криминалистическими методами, по нашему мнению, следует понимать систему способов теоретического исследования или познавательных процедур (методы науки) и практического исследования (например, вещественных доказательств при проведении экспертизы).

Криминалистические средства – это комплекс разработанных на основе научных положений специальной аппаратуры, материалов, инструментов, методических и тактических рекомендаций, приемов и способов действия, применяемых для выявления, раскрытия, расследования и предотвращения общественно опасных деяний.

Систему криминалистических средств лучше всего определять, основываясь на их разновидностях. Разнообразие видов криминалистических средств напрямую связано с основаниями, используемыми учеными для их классификации. Так, Р.С. Белкин различал криминалистические средства по источникам происхождения либо содержанию: технические, тактические, методические; по целям: для работы с доказательствами, для предотвращения преступлений; по субъектам: предназначенные для следователя, дознавателя и оперативного работника, для суда, для эксперта [4, с. 91].

Анализ двух последних оснований показывает, что избранный подход является спорным, ибо, во-первых, одно и то же средство может быть использовано как для работы с доказательствами, так и для предотвращения преступлений (например, средства видеонаблюдения и записи), во-вторых, – как следователем или оперативным работником, так и экспертом (например, фотоаппарат). Первое же основание больше всего подходит для определения трехзвенной системы криминалистических средств.

А.Ф. Волынский, рассматривая криминалистические средства в контексте криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, выделяет две группы средств: технические и организационно-тактические. Средства организационного и научно-методического обеспечения он связывает с созданием оптимальной организационной структуры экспертно-криминалистических подразделений и судебно-экспертных учреждений, улучшением форм и методов их работы, а также разработкой и совершенствованием методик экспертного исследования [6, с. 67-68, 227, 321]. Такой подход частично раскрывает систему криминалистических средств.

Большинство авторов, исследуя проблему использования достижений науки и техники в борьбе с преступностью, акцентировали свое внимание лишь на научно-технических средствах. Вопросам применения таких

средств в противодействии преступности и их видам посвящены работы Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, В.А. Волынского, В.И. Гончаренко, Г.И. Грамовича, В.Л. Григоровича, М.Е. Джакишев, А.В. Золотаря, Г.Г. Зуйкова, Р.М. Ланцмана, В.К. Лисиченко, Н.С. Полевого, Н.А. Селиванова, С.Н. Трегубова, В.И. Шиканова, А.А. Эксархопуло и др. Так, Г.Г. Зуйков, в частности, писал, что все научно-технические средства, используемые в криминалистике, относятся либо к средствам оперативного характера, специально предназначенным для предотвращения преступлений, либо к средствам следственно-оперативного и исследовательского характера, применяемым для обнаружения, фиксации, изъятия следов преступлений и исследования вещественных доказательств. Средства, применяемые для предотвращения, по его мнению, используются для: выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений; устранения возможности осуществления общественно опасных посягательств или затруднения совершения уголовно наказуемых деяний; своевременного пресечения совершаемого преступления; создания условий, обеспечивающих быстрое обнаружение виновных, объектов преступного посягательства и раскрытие преступления [7]. Криминалистический характер им придает то, что их разработка, применение и усовершенствование в значительной мере основаны на обобщении следственной практики и данных науки криминалистики, которая, изучая способы совершения и сокрытия преступлений, дает свои рекомендации о времени и месте применения таких средств [8].

На необходимость выделения технико-криминалистических средств предупреждения преступлений указывали также в своих трудах И.А. Алиев, В.П. Колмаков, И.Я. Фридман и др. В частности, В.А. Волынский отмечает, что значение решения проблем разработки средств криминалистической техники на опережение весьма велико. Особенно это важно в части разработки средств предотвращения преступлений [9, с. 17-20].

Все эти рассуждения, обосновывающие разнообразие видов технических средств, используемых для выявления, расследования и предотвращения преступлений, доказывают необходимость их включения в систему криминалистических средств, и что они носят полицелевой характер.

Таким образом, наиболее удачна, по нашему мнению, система криминалистических средств, основанная на источниках их происхождения, включающая в себя технико-криминалистические, тактико-криминалистические и методико-криминалистические средства. При этом следует иметь в виду, что целевой направленностью таких средств является криминалистическое обеспечение противодействию преступности. Поэтому, хотя они и имеют разные источники происхождения, все они могут быть использованы в той или иной мере для

решения задач, как криминалистической техники, так и тактики или методики.

Прежде чем определить понятие «техничко-криминалистические средства», необходимо выяснить содержание и соотношение того терминов с «криминалистической техникой» и «научно-техническими средствами» (НТС). Нередко термины «научно-технические средства» и «криминалистическая техника» отождествляются. Последний термин употребляется в двух значениях: как раздел науки криминалистики и как совокупность технических средств, специально разрабатываемых криминалистикой, приспособляемых ею для решения своих задач либо заимствующих из других отраслей знания. Термин «криминалистическая техника» следует понимать в первом значении, которое должно быть единственным. Наиболее полное определение криминалистической техники сформулировал Г.И. Грамович, который понимает под этим термином «систему научно обоснованных положений, сведений и знаний, полученных в результате обобщения передового опыта правоохранительных органов, исследовательской работы, всестороннего использования данных естественных наук, направленных на дальнейшее изучение и совершенствование уже имеющихся технических средств и методов, а также на разработку и внедрения новых с целью их эффективного применения при строжайшем соблюдении законности для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений» [10, с. 30].

Во втором значении термин «криминалистическая техника» целесообразно заменить термином «научно-технические средства, разрабатываемые, приспособляемые либо используемые для решения задач криминалистики». Это позволит избежать путаницы, наполнить язык криминалистики четким и однозначным содержанием и обеспечить правильное понимание основных положений данной науки. Под «научно-техническими средствами, разрабатываемыми, приспособляемыми либо используемыми для решения задач криминалистики» следует понимать приборы, инструменты, приспособления, материалы, а также приемы и способы их применения, специально разработанные, приспособленные или взятые без изменения из других областей человеческой деятельности и используемые для выявления, расследования и предотвращения преступлений [10, с. 112].

Нередко в литературе «научно-технические средства, разрабатываемые, приспособляемые либо используемые для решения задач криминалистики» определяют термином «научно-технические средства». Так, В.В. Трухачев под научно-техническими средствами понимает «любые технические устройства, приспособления, материалы,

предназначенные или приспособленные для поиска, обнаружения, фиксации и исследования доказательственной информации» [11, с. 88]. Очевидно, что эти понятия не тождественны, ибо НТС включает в себя не только средства, разрабатываемые криминалистикой, приспособляемые либо используемые для решения ее задач, но также общетехнические средства, которые созданы не для целей противодействия преступности. «Термин «научно-техническое средство», – отмечал Р.С. Белкин, – а) не отражает специфических, то есть криминалистических целей применения средств и б) излишне претенциозен, ибо ряд технико-криминалистических средств не может быть назван научными (например, щуп, молоток для простукивания, валик для раскатки краски при дактилоскопировании, дактилоскопическая игла)» [1, с. 205].

Следовательно, понятие «научно-технические средства, разрабатываемые, приспособляемые либо используемые для решения задач криминалистики» является подсистемой одновременно понятий «научно-технические средства» и «криминалистическая техника» и полностью входит в них. Соотношение понятий «научно-технические средства» и «криминалистическая техника» основывается лишь на пересечении их объемов, относящихся к той предметной области, которая определяется использованием некоторой части НТС в противодействии преступности. Утверждать в данном случае, что понятие одного термина шире другого не совсем корректно, ибо непересекающиеся содержательные части их понятий трудно соотносимы. Поэтому термин «научно-технические средства» следует из криминалистического языка исключить, заменив его полностью соответствующим по смыслу и содержанием термином «научно-технические средства, разрабатываемые, приспособляемые либо используемые для решения задач криминалистики». Содержание этого термина очерчено границами пересечения понятий «научно-технические средства» и «криминалистическая техника» [12, с. 109–113].

Таким образом, криминалистические средства представляют собой комплекс разработанных криминалистической наукой технических средств, рекомендаций, приемов и способов противодействия преступности, и состоят из технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических средств.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. – 3-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАТА, Закон и право, 2001. – С. 98.
2. Аверьянова, Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источник и основы новых методов судебной экспертизы / Т. В. Аверьянова. – М.: Наука, 1994. – С. 9–15.

3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 758.
4. Криминалистика: учебник /Под ред. Р. С. Белкина. – М.: Юристъ, 1999. – 999 с.
5. Криминалистика: учеб. для образоват. учреждений М-ва юстиции Рос. Федерации / Г. А. Абдумажидов [и др.]; под ред. И. Ф. Крылова, А. И. Бастрыкина. – М.: Дело, 2001. – 768 с.
6. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. А. Ф. Волынского. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 498 с.
7. Зуйков, Г. Г. Понятие, классификация и основные направления использования научно-технических средств криминалистики для предотвращения преступлений / Г. Г. Зуйков // Вопросы судебной экспертизы: сб. ст. / Всесоюз. НИИ судеб. экспертизы, Азерб. НИИ судеб. экспертизы. – Баку, 1966. – С. 12–13.
8. Зуев, Е. И. Организационно-тактические и процессуальные проблемы использования научно-технических средств при расследовании преступлений / Е. И. Зуев // Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел: тр. / Акад. МВД СССР. – М., 1984. – С. 68–70;
9. Волынский, В. А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. А. Волынский. – М., 2001. – 224 л.
10. Грамович, Г. И. Криминалистическая техника (научные, правовые, методологические, организационные основы): моногр. / Г. И. Грамович. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – С. 30.
11. Трухачев, В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации / В. В. Трухачев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. – С. 88.
12. Григорович, В. Л. Система криминалистических средств и методов противодействия преступности / В. Л. Григорович // Вестник Казанского юридического института МВД России: научно-теоретический журнал. – Казань: Казанский юрид. институт МВД России, 2017. – № 2 (28). – С. 109–113.

Шабанов В. Б.¹⁾, Ян Цзунхуей²⁾

ВИДЫ САМООГОВОРА И ФОРМЫ ИНСЦЕНИРОВКИ

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

²⁾ Чжуннаньский университет экономики и права, Ухань, КНР

В статье рассматриваются виды самооговора. Авторы рассматривают ряд мероприятий, направленных на раскрытие инсценировки. Установлено, что чтобы раскрыть инсценировку и скрытую за ней истину, надо сделать первый шаг – построить модель инсценировки и реальной преступной ситуации. Обозначено предположение, что при анализе механизма преступного поведения важно уделять внимание не только определению личностного фактора, но и самой ситуации совершения преступления.

Ключевые слова: инсценировка; самооговор; истина; расследование; преступное поведение; модель инсценировки; криминалистика.

Виды самооговора схематично можно представить таким образом. В зависимости от того, касается ли инсценировка только самого обвиняемого или одновременно содержит обвинение иных лиц, различаются:

- простая инсценировка, содержащая маскировку только своей вины;
- сложная инсценировка, содержащая кроме сокрытия своей вины еще и обвинение других лиц.

По признаку причастности подследственного к инкриминируемому ему деянию:

- инсценировка может быть полной – при абсолютной непричастности инсценировщика к совершению преступления;
- частичным – в случае оговора себя действительным виновником по ряду несовершенных действий и отягчающих обстоятельств.

По отношению к тому, касается ли ложное признание действительно совершенного либо вымышленного или мнимого преступления:

- инсценировка в отношении преступления, которое на самом деле было кем-то совершено;
- инсценировка в отношении вымышленного преступления, т.е., события, которого вообще не было;
- инсценировка в отношении мнимого преступления, т.е., события, имевшего место, но ненаказуемого.

По признаку преувеличения, усугубления характера преступления и вины по сравнению с подлинным деянием и действительной виной субъекта:

– допрашиваемый считает более значительной, чем в действительности, объективную сторону преступления.

– допрашиваемый преувеличивает по сравнению с действительностью и систему мотивов преступления.

По признаку преувеличения, усугубления характера преступления и вины по сравнению с подлинным деянием и действительной виной субъекта:

– допрашиваемый считает более значительной, чем в действительности, объективную сторону преступления;

– допрашиваемый преувеличивает по сравнению с действительностью и систему мотивов преступления.

По признаку уменьшения, смягчения характера преступления и вины по сравнению с подлинным деянием:

– допрашиваемый, будучи невиновен, признает обстоятельства, относящиеся к объективной стороне преступления, смягчая их по сравнению с подлинным событием;

– допрашиваемый, будучи невиновен, признает обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне преступления, смягчая их по сравнению с подлинным событием;

– допрашиваемый, будучи невиновен, смягчает по сравнению с действительно совершенным деянием и объективную, и субъективную стороны.

Стиль инсценировки, ее содержание и форма зависят от типа преступника. И здесь может представлять практический интерес выделение следующих четырех типов преступного поведения несовершеннолетних преступников и ее основания.

При первом типе преступное поведение вытекает из прежнего, аналогичного ему по обстоятельствам и мотивам, негативного до преступного поведения личности, что, как правило, является следствием длительного нахождения ее в ситуации неблагоприятного социального развития. При этом преступное поведение выступает как обычный путь удовлетворения потребностей, интересов, в том числе антиобщественных, устранения виновным лицом на пути своих желаний препятствий, привычный способ разрешения конфликтов, самоутверждения и т.п. Этот тип поведения характерен для злостных преступников (последовательно-криминогенного типа личности) – рецидивистов, существенно деморализованных лиц, совершающих различные правонарушения. Ситуация совершения преступления ими не просто используется, а активно создается.

Второй тип преступного поведения характерен для неустойчивого ситуативно-криминогенного типа личности. Он охватывает случаи, когда преступное деяние, так же, как и в первом рассмотренном варианте,

соответствует антиобщественной направленности личности (ее потребностям, интересам, прежним противоправным и аморальным поступкам, негативным взглядам, мотивам), но оно бывает обусловлено и дополнительными обстоятельствами, существующими в момент совершения преступления (неправильное поведение потерпевшего и т.п.). Поэтому здесь при анализе механизма преступного поведения важно уделять внимание не только определению личностного фактора, но и самой ситуации совершения преступления.

При третьем типе совершенное преступление не соответствует прежнему поведению личности, находится в определенной связи с ее взглядами, представлениями, установками. В этом случае даже при констатации по уголовному делу положительного поведения виновного в сфере быта, труда (учебы) у него имеет место искажение определенных взглядов, убеждений. Например, кто-то, формируясь и действуя в противоречивой среде, может быть убежден, что ситуацию, аналогичную той, которая имела место при совершении преступления, требует разрешать всегда так, как он и лица из его микросреды привыкли делать.

Четвертый тип преступного поведения встречается у случайных преступников, которые совершили преступление под решающим влиянием преимущественно или исключительно конфликтной ситуации, возникшей не по их вине. Желание достичь цели в минимальное время и с максимальной результативностью промежуточных действий вызывает особое отношение к цели. В связи с этим следователю уместно выполнить ряд мероприятий, направленных на поиск цели и ее четкую формулировку:

1. Сформулировать все цели, которых желает достичь следователь, определить последовательность их достижения, т.е., выделить промежуточные и конечные цели.

2. Проверить непротиворечивость целей, т.е., каждую из промежуточных целей проверить на «совместимость».

3. Определить социальную и доказательственную ценность достижения системы целей всего дела и каждой из целей в отдельности.

4. Установить степень риска при достижении поставленных целей и допустимость тактического проигрыша при не достижении цели. Необходимо знать, насколько допустимым является не достижение цели, укладывается ли результат проблемной деятельности следователя в нормы морали, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов.

5. Вычленить все условия, оптимизирующие достижение поставленных целей.

6. Определить систему взаимозависимостей условий:

- оптимизирующих выполнение задачи;
- препятствующих выполнению задачи.

7. Установить приоритет условий, т.е., определить те из них, которые особенно положительно или особенно отрицательно влияют на достижение поставленных целей.

8. Преобразовать отрицательные условия до полной их нейтрализации или же использовать в положительном отношении.

9. Сформулировать конечный желаемый результат с учетом цели или системы целей.

10. Смоделировать возможные недостатки предстоящего результата, т.е. определить часть доказательственной информации, которая будет устанавливаться как потенциально ложная.

В данной ситуации следователь может использовать следующий настрой: «Человечество доверило мне выслушивать его печали. Я – защитник ПРАВОСУДИЯ. Мое видение мира не затуманится трусостью. Правда на моей стороне» (Т. Лау).

Таким образом, чтобы раскрыть инсценировку и скрытую за ней истину, надо сделать первый шаг – построить модель инсценировки и реальной преступной ситуации.

Если следователь в обозначенной ситуации не может построить модель инсценировки, надо остановиться в размышлениях, вернуться на исходную позицию и построить систему задач и решать их, как правило, последовательно.

Библиографический список

1. Долгова, А. И. Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступления А. И. Долгова. – М., 1979. – С. 52.

2. Шабанов, В. Б. Организационные и правовые проблемы предупреждения и раскрытия преступлений в исправительных учреждениях / В. Б. Шабанов. – Минск, 2001. – 222 с.

3. Бриллиантов, А. В. Дифференциация наказания и степень исправления осужденных к лишению свободы: моногр. / А. В. Бриллиантов; ВНИИ МВД СССР. – М., 1997. – 130 с.

4. Аванесов, Г. А. Прогрессивная система отбывания лишения свободы / Г. А. Аванесов; под ред. Н. А. Стручкова; МООП СССР, Всесоюз. науч. исслед. ин-т охраны обществ. порядка. – М., 1970. – 87 с.

5. Криминалистика: учеб. пособие / В. Л. Григорович [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. – Минск : БГУ, 2023. – 391 с.

6. Криминалистика : пособие / В. Б. Шабанов [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. – Минск : БГУ, 2019. – 551 с.

Шруб М. П.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

УО «Институт повышения квалификации и переподготовки
Следственного комитета Республики Беларусь», ул. Первомайская, 9,
220034, г. Минск, Беларусь, m.shrub@sledcom.by

На основе анализа данных международных организаций, зарубежных и белорусских монографических исследований освещены масштабы и тенденции развития явления сексуальной эксплуатации в мире и в Беларуси. Приведены традиционные процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний. Отмечена необходимость комплексного использования специальных знаний при расследовании сексуальной эксплуатации с акцентом на проведение различных видов экспертиз. Отдельное внимание уделено экспертизе продукции, имеющей признаки порнографии. Определены перспективные направления исследования обозначенной проблемы.

Ключевые слова: сексуальная эксплуатация; специальные знания; процессуальная форма; судебная экспертиза; порнография; деятельностный подход.

Специальными знаниями в юридической практике называют знания, которыми не может обладать юрист в силу общего и специального образования, но которые необходимы для правовой оценки тех или иных обстоятельств. Их использование в процессе расследования преступлений реализуется в процессуальной (экспертиза; участие специалиста в процессуальном действии; допрос (опрос) свидетеля; разъяснение заключения эксперта) и непроцессуальной форме (запрос мнения специалистов адвокатом (защитником); проведение проверки финансово-хозяйственной деятельности; консультации со специалистами (письменные или устные); проведение исследований и экспертиз во внесудебном порядке) [1, с. 11–18].

Расследование преступлений на современном этапе — в условиях активного увеличения объемов разносторонней информации, требующей своевременного собирания, исследования, оценки и реализации в доказывании, без использования следователем специальных знаний в принципе является затруднительным, а по отдельным категориям дел — практически невозможным. К их числу с уверенностью можно отнести дела о преступлениях в сфере сексуальной эксплуатации, под которыми в криминалистике понимаются уголовно наказуемые деяния, направленные на использование сексуальных способностей человека в проституции и

(или) порнографии в целях присвоения результатов его деятельности в форме извлечения прибыли третьим лицом на регулярной основе с применением определенных средств воздействия [2, с. 69]. По оценкам Международной организации труда в 2024 году незаконная прибыль от коммерческой сексуальной эксплуатации в мировом масштабе составила более 172 млрд долларов в год [3].

На сегодняшний день преступная деятельность в данной сфере в нашей стране характеризуется определенными тенденциями, позволяющими в некоторой степени оценить особенности использования специальных знаний следователем по делам соответствующей категории. Так, в Беларуси в 2023 году идентифицирован 381 пострадавший от сексуальной эксплуатации (+81,4 %, 2022 г. – 210), в том числе 269 несовершеннолетних. По оценкам МВД Беларуси, существенный рост их числа обусловлен установлением значительного количества детей, использованных для изготовления порнографии. Так, в 2023 году установлено 260 детей, вовлеченных в изготовление порнографии (рост в 2,2 раза, 2022 г. – 117). С использованием сети Интернет совершено 428 или 87% выявленных фактов оборота порнографии (2022 г. – 400 или 93%) [4]. Из приведенных данных видно, что за последний год среди преступлений в сфере сексуальной эксплуатации превалирует эксплуатация несовершеннолетних, осуществляемая в форме вовлечения их в изготовление порнографии, оборот которой осуществляется преимущественно посредством цифровых технологий.

Анализ правоприменительной практики показывает, что специфика группы преступлений, объединенных понятием сексуальной эксплуатации, обуславливает определенные особенности использования специальных знаний в процессе их расследования. В рамках научной гипотезы ранее мы акцентировали внимание на том, что в целом при расследовании сексуальной эксплуатации существует объективная необходимость комплексного использования специальных знаний, в первую очередь, в процессуальной форме. Так, по делам данной категории могут назначаться различные виды судебных экспертиз: судебная медицинская экспертиза физического лица, судебная психиатрическая экспертиза, судебная психологическая экспертиза, судебная сексологическая экспертиза и др. [5]. При этом мы исходили из личностного подхода, т.е. оценивали, в первую очередь, необходимость использования специальных знаний в работе с ключевыми участниками уголовного процесса – потерпевшими и подозреваемыми (обвиняемыми), а также значимости результатов такового использования в доказывании (очевидно, что экспертиза в этом плане является приоритетной). Принимая этот перечень областей специальных знаний и форму их использования (экспертизу) в качестве «базового»,

оценим иные особенности – области и направления использования специальных знаний по делам о сексуальной эксплуатации.

Для полноты картины полагаем целесообразным использовать деятельностный подход, т.е. оценить основные направления использования специальных знаний с точки зрения необходимости анализа деятельности. Впрочем, именно деятельность (преступная, и деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений) является объектом криминалистики как науки. Особенно продуктивным такой подход может быть в случаях, когда криминальная деятельность имеет профессиональные черты, осуществляется на регулярной основе (что характерно для сексуальной эксплуатации). Не случайно ученые-криминалисты отмечают, что криминалистическое моделирование именно преступной деятельности является более емким и подробным средством изучения преступлений, совершаемых систематически, в первую очередь, профессиональными преступниками [6, с. 115].

Перечень форм использования специальных знаний, исходя из формы сексуальной эксплуатации и других обстоятельств расследуемого события, может варьироваться. Кроме того, указанная выше тенденция активного вовлечения несовершеннолетних в порнографию, сопряженного с превалирующим использованием IT-технологий, позволяет выявить иные востребованные сферы специальных знаний и определить направления их применения.

В частности, по делам о сексуальной эксплуатации в форме использования человека в порнографии возникает необходимость использования специальных знаний для определения предмета преступного посягательства – порнографических материалов или предметов порнографического характера (порнографической продукции), о чем справедливо указывают как белорусские, так и российские авторы.

По результатам изучения материалов уголовных дел о преступлениях, связанных с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних С.М. Бадоян отмечает, что «на практике в указанных целях назначаются следующие виды судебных экспертиз: искусствоведческие, культурологические, сексологические, медицинские, психологические, а также разнообразные комплексные экспертизы (например, «сексолого-психолого-психиатрическая стационарная экспертиза», «психолого-искусствоведческая экспертиза» и пр.)» [7, с. 147].

П.Л. Боровиком на основе комплексного анализа различных подходов к экспертизе продукции на предмет ее отнесения к порнографическим материалам или предметам порнографического характера было высказано мнение об обоснованности использования комплексного подхода к разрешению рассматриваемой проблемы, поскольку это позволит

экспертам разных специальностей сформулировать наиболее объективный вывод, связанный с отнесением исследуемых объектов к предметам порнографии [8, л. 90–91].

Идея комплексного подхода в исследовании продукции с признаками порнографии поддержана и представителями научного экспертного сообщества. Так, И.Г. Дода и Г.В. Михайленко пишут, что «решение широкого спектра экспертных задач в рамках данного рода судебной экспертизы требует интеграционного и комплексного подхода с применением специальных знаний, относящихся к разным экспертным компетенциям. Для создания в республике нового рода судебной экспертизы необходимо опытным специалистам в области искусствоведения, кинематографии, культуроведения, средств массовой информации и печати, медицины, психологии, психиатрии, лингвистики, педагогики, в том числе и традиционных видов судебных экспертиз, разработать комплекс специальных методов исследования, при применении которых возможно решение поставленных актуальных экспертных задач» [9, с. 159].

Указанный подход разделяют и российские ученые – специалисты в области криминалистики и судебной экспертизы. Так, Н.Н. Ильин отмечает, что для исследования материалов или предметов с изображениями порнографического характера возникает необходимость в применении специальных знаний в области искусства, психологии, сексологии, судебной медицины [10, с. 98]. По результатам анализа правоприменительной практики ученый обоснованно высказывается о необходимости создания методики комплексной экспертизы по исследованию материалов или предметов порнографического характера [11, с. 154].

Схожей позиции придерживается и автор одного из последних монографических исследований в рассматриваемой области С.М. Бадоян, который отмечает, что в целях «установления ключевых обстоятельств, подлежащих доказыванию по рассматриваемой категории уголовных дел целесообразно назначать именно комплексную судебную экспертизу» [7, с. 148].

Сегодня в Беларуси для отнесения объектов к порнографическим материалам и предметам порнографического характера проводится судебная культурологическая экспертиза [12]. Очевидно, что такой подход не в полной мере согласуется с мнениями ученых, изложенными выше. С одной стороны, культурологическая экспертиза как класс включает искусствоведческие экспертизы, о которых говорят И.Г. Дода, Г.В. Михайленко и Н.Н. Ильин в контексте отнесения исследуемых объектов к порнографии [9; 10]. С другой – данная экспертиза, как показывает пилотное исследование правоприменительной практики [13; 14], проводится единолично специалистом в одной определенной области – культурологии,

за пределы компетенции которого выходит решение ряда возможных вопросов (например, определение биологического возраста изображенного лица относится к компетенции специалиста в области медицины).

Как показывает ретроспективный анализ, появление подразделения, специализирующегося на проведении данных экспертиз, в структуре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в 2018 году было продиктовано потребностями правоохранительной практики [15, с. 228–229] и обоснованно поддерживалось учеными [8, с. 114]. Бесспорно, такое событие является конструктивной и своевременной мерой борьбы с одной из получающих все большее распространение в Беларуси форм сексуальной эксплуатации. Вместе с тем, полагаем, с учетом приведенных позиций ученых по рассматриваемому вопросу, практика назначения и проведения данных судебных экспертиз требует дополнительного изучения.

Таким образом, обозначенные нами «базовые» для расследования сексуальной эксплуатации судебно-экспертные исследования с учетом активно развивающегося сектора порно-бизнеса можно дополнить экспертизой продукции, имеющей признаки порнографии, на текущий момент реализуемой на практике в виде судебной культурологической экспертизы. Вместе с тем, с учетом обозначенной ранее тенденции, полагаем, сегодня данный перечень процессуальных форм использования специальных знаний по делам о сексуальной эксплуатации можно дополнить и иными видами экспертиз.

Так, например, О.Ю. Антонов по результатам изучения российской практики отмечает, что «порно-сексуальные киберпреступления» зачастую сопряжены со смежными криминальными деяниями, связанными с посягательствами на половую неприкосновенность или половую свободу несовершеннолетних [16, с. 74] (это подтверждается и проведенным нами анализом уголовных дел [13; 14]). Преступники при этом зачастую ведут интернет-переписку с потенциальными жертвами. Она, как справедливо отмечает О.Ю. Антонов, не всегда приводит к вовлечению в порнографию, может являться самоцелью удовлетворения сексуальных потребностей. Вместе с тем, как показывают результаты проведенных нами ранее исследований, эксплуатации всегда предшествует этап вовлечения [17, с. 30–43]. В этом смысле указанную переписку в тех случаях, когда впоследствии человек подвергается эксплуатации, следует рассматривать как способ его вовлечения в данную сферу, требующий соответствующего исследования и доказывания в процессе расследования.

Таким образом, по делам данной категории возникает необходимость использования знаний в двух областях – лингвистики и IT – причем в последнем случае речь идет об анализе интернет-коммуникаций преступника с жертвой (второе направление – анализ каналов

распространения порнографии). При этом, если работа с компьютерной информацией возможна как посредством самостоятельного использования следователем специальных знаний (например, в ходе проведения такого следственного действия, как осмотр компьютерной информации), так и посредством назначения судебной компьютерно-технической экспертизы (когда возникает необходимость исследования закономерностей разработки и эксплуатации компьютерных средств и систем), то исследование содержания переписки (в целях установления смыслового содержания текста, выявления содержащейся в тексте криминалистически значимой информации), как правило, требует специальных знаний в области лингвистики посредством проведения судебной экспертизы.

В настоящей работе в контексте анализа особенностей использования специальных знаний применительно к расследованию сексуальной эксплуатации мы определили ее основную процессуальную форму – проведение экспертизы, уделив основное внимание экспертизе продукции, имеющей признаки порнографии, с учетом современных тенденций развития преступности в рассматриваемой сфере в нашей стране. Нами установлено, что по делам о сексуальной эксплуатации важное значение имеют и другие, как процессуальные, так и непроцессуальные формы использования специальных знаний в различных областях, требующие дальнейшего изучения. Проведенное в рамках настоящей публикации исследование показывает также необходимость дальнейшего более глубокого и системного изучения практики назначения и проведения обозначенного круга экспертиз, в особенности, с учетом консолидированного мнения ученых о целесообразности реализации комплексного подхода в исследовании продукции с признаками порнографии.

Библиографический список

1. Швед, А. И. Судебная экспертиза: пособие / А. И. Швед. – Минск: Форум, 2022. – 296 с.
2. Шруб, М. П. Понятие, структура и содержание криминалистической характеристики преступлений в сфере сексуальной эксплуатации / М. П. Шруб // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 1 (67). – С. 68–77.
3. МОТ: прибыль от использования принудительного труда достигает 236 млрд долларов в год // Новости ООН. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450511>. – Дата доступа: 04.09.2024.
4. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию торговле людьми. Статистика в сфере идентификации жертв торговли людьми // Главное управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Республики Беларусь. – Режим доступа:

<https://mvd.gov.by/ru/page/guniptl/ptl/statistika-v-sfere-identifikacii-zhertv-torgovli-lyud-mi>. – Дата доступа: 05.09.2024.

6. Шруб, М. П. Назначение отдельных видов судебных экспертиз при расследовании преступлений в сфере сексуальной эксплуатации М. П. Шруб // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 окт. 2023 г. – Минск, БелНИИТ "Транстехника", 2023. – С. 319–322.

7. Антонов, О. Ю. К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступлений и преступной деятельности / О. Ю. Антонов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2011. – № 2. – С. 111–118.

8. Бадоян, С. М. Методика расследования изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / С. М. Бадоян. – Тула., 2023. – 286 л.

9. Боровик, П. Л. Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П. Л. Боровик; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – 212 л.

10. Дода, И. Г. Основы комплексной судебной искусствоведческой экспертизы материалов порнографического характера / И. Г. Дода, Г. В. Михайленко // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 1 (41). – С. 150–159.

11. Ильин, Н. Н. Судебная искусствоведческая экспертиза по исследованию материалов или предметов с изображениями порнографического характера / Н. Н. Ильин // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика. Материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. – Москва, 2024. – С. 98–102.

12. Ильин, Н. Н. К вопросу о создании методики комплексной экспертизы материалов или предметов с изображениями порнографического характера/ Н. Н. Ильин // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее. Материалы междунар. науч.-практ. конф.. 2018. – С. 152–154.

13. Культурологическая экспертиза / Экспертизы и исследования / Экспертная деятельность // Государственный комитет судебных экспертиз Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://sudexpert.gov.by/ru/kult_exp.html. – Дата доступа: 05.09.2024.

14. Архив суда Октябрьского района г. Минска за 2022 г. – Уголовное дело № 22121040990.

15. Архив суда Октябрьского района г. Минска за 2023 г. – Уголовное дело № 22121041632.

16. Гурина, Н. А. Проведение судебной культурологической экспертизы порнографических материалов и предметов порнографического характера в Республике Беларусь / Н. А. Гурина // Мир культуры: искусство, наука, образование : Сборник научных статей / Сост. С.С. Наседкина, общ. ред. Е.А. Куштым. – Вып. 11. – Челябинск : Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, 2022. – С. 227–232.

17. Антонов, О. Ю. Криминалистическая модель преступной деятельности, связанной с изготовлением и оборотом порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / О. Ю. Антонов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2017. – Т. 27. – № 1. – С. 73–79.

18. Шруб, М. П. Противодействие торговле людьми: современное состояние и возможности взаимодействия органов предварительного следствия и негосударственных организаций : моногр. / М. П Шруб, Л. Н. Истомова ; под общ. ред. М. П. Шруба. – Брест, 2013. – 176 с.

Яроцкая Ю. А.

**СИМВОЛИКА КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ НОВОЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФОЛОГИИ**

ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных
экспертиз Республики Беларусь»,
ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь, iarockaia@mail.ru

В 2024 году Республика Беларусь отпраздновала 80-летие со дня освобождения страны от немецкой оккупации. В прошлом и настоящем государственная политика страны направлена на сохранение исторической и культурной памяти о Великой отечественной войне, недопущение реабилитации нацизма и героизации нацистских пособников. Однако в настоящее время наблюдается рост в сети Интернет сообщений, содержащих символику коллаборационистских организаций, и репрезентирующих их деятельность как борьбу с большевизмом за создание национальных и независимых государств. Таким образом, создается новая политическая мифология, основой которой являются идеи о коллаборационистах как о национальных героях, боровшихся исключительно за национальные интересы народа, а применительно к символике их организаций – как о символах исконных и национальных. В данной статье приводится исторический экскурс деятельности коллаборационистских организаций на оккупированных территориях, а также анализируется историческое и современное использование их символики.

Ключевые слова: коллаборационизм; нацизм; Белорусская центральная рада; Белорусская Краевая Оборона; Русская освободительная армия.

Термин коллаборационист не использовался во время Великой отечественной войны, а возник значительно позднее, вытеснив такие традиционные определения как «изменник Родины», «предатель», «пособник» и т. д. В настоящее время данным термином обозначается «лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939-1945)» [1, с. 8] и количество таких лиц велико. Феномен коллаборационизма территориально не ограничивается границами СССР, а простирается на Западную Европу и Азию.

В данной статье нами будут рассмотрены деятельность и символика трех коллаборационистских организаций: Белорусской центральной рады (БЦР), Белорусской Краевой Обороны (БКА) и Русской

освободительной армии (РОА), поскольку их символика наиболее часто встречается в белорусском культурном пространстве.

Белорусская центральная рада – организация, созданная 21 декабря 1943 года под руководством Радослава Островского (1887–1976) на территории Генерального округа «Белорутения» Рейхскомиссариата Остланд (г. Минск). Провозглашение БЦР состоялось 22 января 1944 года в г. Минске. Президентом был назначен Р. Островский, вице-президентами – Николай Шкелёнок и Юрий Соболевский. Никаких выборов членов БЦР не было, они назначались оккупационными властями и утверждались администрацией командующего СС Генерального округа «Белорутения» Курта фон Готтберга [2, с. 27]. На начало 1944 года состав БЦР насчитывал – 75 человек [2, с. 27].

Р. Островскому были предоставлены полномочия в области организации школьного образования, культуры, социального обеспечения и снабжения эвакуированных с востока [3, с. 129]. Однако основной задачей, определенной К. фон Готтбергом, являлась мобилизация сил белорусского народа для борьбы с Красной Армией и партизанским движением [4]. Во исполнение данной задачи 6 марта 1944 года Р. Островским был издан приказ следующего содержания: «Для окончательной ликвидации большевистского бандитизма, который грабит и разрушает наш край, убивает невинных людей и грабит их имущество, на основании статьи II Устава Белорусской Центральной Рады приказываю:

1. Создать для защиты Родины Белорусскую Краёвую Оборону.
2. Провести дня 7 марта 1944 года призыв всех офицеров и подофицеров бывших армий: царской, польской, советской 1918-1920 годов и прочих в округах: Минском, Слуцком, Барановичском, Слонимском, Вилейском, Глубокском и Новогрудском. Призыву подлежат все офицеры в возрасте до 57 лет включительно и все подофицеры в возрасте до 55 лет включительно.
3. Призвать одновременно на службу в Белорусскую Краёвую Оборону всех мужчин, родившихся в годах 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1921, 1922, 1923 и 1924, назначив призыв в указанных округах на 10 марта 1944 года» [5].

Оккупационные власти полностью контролировали деятельность БЦР. Под их контролем 27 июня 1944 года состоялся 2-ой Всебелорусский конгресс (все вносимые в него доклады и выступления направлялись на согласование в Генеральный Комиссариат; докладчики также назначались немцами). Во вступительном слове на открытии конгресса Р. Островским проводилась параллель с Белорусским съездом 1917 года, правительство БССР обвинялось в несчастьях белорусского народа, немецкие оккупационные власти восхвалялись, поскольку они, по мнению президента БЦР, оказывают помощь белорусам в становлении государственности [2, с. 46].

На следующий день после проведения конгресса 28 июня 1944 года Р. Островским было отдано распоряжение аппарату БЦР и делегатам конгресса эвакуироваться в Германию. Лидеры БЦР Р. Островский и Ф. Кушель сбежали в г. Лодзь [2, с. 48-61]. БЦР практически перестала существовать. Реанимация организации осуществлена в Берлине, где немцами БЦР была провозглашена «исключительным и единственным представителем белорусского народа» [2, с. 63].

Министерством восточных территорий и спецслужбами Германии перед организацией были поставлены новые задачи: создание воинских формирований из белорусов (из числа Белорусской Краевой Обороны), осуществление политического контроля над белорусами, насильно вывезенными из страны. Под покровительством Германии Р. Островским и членами рады был заявлен протест СССР по поводу освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков.

В целом БЦР использовалась немцами в дальнейшем в их пропаганде, а также в диверсионной деятельности на территории Беларуси (например, в деятельности специального разведывательно-диверсионного батальона Абвера «Дальвиц»).

Основной эмблемой БЦР являлась ее печать, которая представляет собой круг, в центре которого изображен всадник с мечом и щитом, на котором изображен шестиконечный Ягеллонов крест. По кругу центрального изображения расположена надпись: «Беларуская цэнтральная рада».

Белорусская Краевая Оборона являлась коллаборационистским формированием, образованным Белорусской центральной радой согласно постановлению генерального комиссара К. фон Готтберга от 23 февраля 1944 года. По замыслу немецких оккупантов основное назначение БКА сводилось к их использованию против партизан, кроме того, «мобилизируя мужской контингент населения в батальоны БКА, гитлеровцы готовили вывод боеспособного населения при отступлении немецких войск из Беларуси» [2, с. 31]. Поэтому формирование организации проводилось от имени Белорусской центральной рады.

Приказом К. фон Готтберга были образованы окружные и волостные отделы БКА, которые подчинялись главному управлению БКА при Белорусской центральной раде. Начальником управления был назначен майор БКА Франц Кушель (1895-1968) [2, с. 32], который в годы оккупации Беларуси руководил корпусом Белорусской самообороны, был редактором газеты «Беларус на варце», членом БЦР, а также командиром 13-го батальона при СД и 30-ой гренадерской дивизии войск СС [6, с. 20].

Начальниками отделов БКА по округам были назначены капитан Михаил Пугачев (Минский округ), старший лейтенант Григорий Зыбайло (Глубокский район), старший лейтенант Борис Рогуля (Новогрудский

округ), капитан Степан Шнек (Слуцкий округ), старший лейтенант Владимир Русак (Барановичский округ), старший лейтенант Иосиф (Язеп) Докиневич (Слонимский округ), лейтенант Якуб Бабич (Вилейский округ) [2, с. 33].

Материальное снабжение войск БКА ложилось на местное население, которое облагалось поборами в пользу формирования [2, с. 33]. Согласно приказу Р. Островского (см. «Белорусская центральная рада») мобилизации подлежали не менее 500 стрелков от каждого уезда Беларуси. Официально призыв закончился 15 апреля 1944 года [2, с. 34].

Материальное снабжение войск БКА ложилось на местное население, которое облагалось поборами в пользу формирования [2, с. 33]. Мобилизованные солдаты по 7 округам были сведены в 34 батальона (21 629 человек). Восемь батальонов было сформировано в г. Барановичи, шесть в г. Минске, пять в г. Слуцке, по четыре батальона в г. Новогрудке, г. Глубоком, г. Вилейке, три в г. Слониме [5].

26 марта 1944 года части БКА приняли присягу; в этот же день в Минске в присутствии К. фон Готтберга, Р. Островского и командного состава БКА также принесли присягу курсанты первой офицерской школы БКА [2, с. 34-35].

Оккупационные власти в Беларуси использовали батальоны БКА в борьбе с партизанами, которые подчинялись немецкому военному командованию, а их личный состав являлся частью карательных подразделений СС, а затем использовался в боях против частей Красной армии (при отступлении с территории Беларуси).

Одним из лидеров БКА являлся Михаил Витушко (1915-?), в настоящее время самый популярный представитель данной организации среди белорусских неонацистов и крайних националистов. Майор БКА. С 1941 года оказывал помощь Р. Островскому в Минском, Брянском, Смоленском и Могилевском округах в формировании полицейской службы. С октября 1941 – март 1942 года являлся заместителем начальника окружной полиции в Брянском округе [2, с. 146]. В 1942 году в Смоленском округе занимался созданием полицейского батальона, руководил окружной полицией в звании батальонфюрера, принимал участие в боевых операциях против партизан [2, с. 149]. В 1943 году занимался формированием батальона полиции в Могилевском округе. С 1943 года – инспектор полиции тыловой зоны армий вермахта «Центр» [2, с. 149].

17 ноября 1944 года во главе группы немецких диверсантов заброшен в Беларусь районе городов Лида и Барановичи. Ядром группы являлись бывшие солдаты 68-го батальона БКА, сформированного из учащихся Новогрудской учительской семинарии. К выполнению задач Абвера группа не успела приступить, поскольку ее члены были арестованы белорусской контрразведкой [2, с. 85].

Эмблема БКА представляет собой щит немецкого типа с красным контуром, по центру которого расположена вариация двойного Ягеллонового креста. Сверху эмблемы расположена надпись «Weissruthenien». Петлицы солдат БКА также представляли собой разновидность Ягеллонового креста.

Сторонники БЦР и БКА активно использовали бело-красно-белый флаг в качестве традиционного и национального, герб «Погоня», а также устаревший вариант белорусской грамматики (т. наз. тарашкевицу). В настоящее время символика данных организаций используется современными нацистами, неонацистами и националистами, в качестве популяризации идей крайнего национализма, деятельности белорусских коллаборационистских организаций, героизации ее членов. Так, например, в настоящее время «героизируется» образ М. Витушко в качестве «борца за национальную и независимую Беларусь». Его изображения в нацистской униформе используются белорусскими националистическими движениями и организациями, признанными решениями судов экстремистскими (например, на логотипе экстремистского формирования «Беларускі супраціў», для которого характерно также цветовое решение в виде бело-красно-белого фона). Также современными националистами «увековечивается» и почитается дата создания БКА (23 февраля) в качестве альтернативы Дню защитника Отечества. Таким образом, наблюдается создание своеобразного мифа вокруг БКА как белорусского, национального и героического формирования, отстаивавшего интересы белорусского народа.

Русская освободительная армия является одним из наиболее крупных вооруженных формирований, созданных германским руководством из числа изменивших присяге советских военнопленных в 1942–1944 гг., а также совокупностью большинства русских антисоветских частей и подразделений, преимущественно использовавшихся на уровне отдельных батальонов и рот.

3 августа 1942 года бывший советский генерал-лейтенант А.А. Власов совместно с бывшим командиром 41-й стрелковой дивизии полковником В.И. Боярским подписали меморандум, адресованный германскому командованию, в котором предлагалось создать РОА из советских военнопленных [7, с. 108].

27 декабря 1942 года Власов подписал манифест, известный как Смоленская декларация, в которой излагались цели создания «Русского комитета», а также содержалось обращение к командирам и бойцам Красной армии, русскому и советскому народу. В частности, в декларации говорилось, что целью комитета является свержение Сталина, уничтожение большевизма, заключение мира с Германией и др. [7, с. 110].

12 января 1943 года данная декларация была распространена в прифронтовой полосе, на оккупированных территориях и в тылу Красной армии. Началась активная пропаганда в лагерях военнопленных и на оккупированных территориях. Были организованы две поездки Власова по тыловым районам групп армий «Центр» и «Север», во время которых озвучивалась мысль о нежелании быть немецкой колонией [7, с. 111]. Соответственно, после вышеуказанных выступлений немецкое руководство свело деятельность Власова к минимуму, используя только его имя для своей пропаганды.

6 мая 1943 года немецкое командование провело операцию «Серебряный просвет», в результате которой количество перешедших на сторону вермахта советских солдат выросло с 2424 (май) до 6574 человек (июнь) [7, с. 114].

В сентябре 1944 года Власов встретился с Г. Гиммлером. В результате встречи Власову было разрешено создать боевые части. 14 ноября 1944 года в Праге был зачитан Пражский манифест перед только созданным Комитетом по освобождению народов России (КОНР), провозгласивший объединение всех находившихся на территории Германии антисоветских сил, включая эмигрантские организации, национальные комитеты и восточные формирования, для борьбы «за новую свободную Россию против большевиков и эксплуататоров» [8, с. 4].

На съезде было также объявлено о создании Вооруженных сил КОНР во главе с генералом Власовым. Два с половиной месяца спустя РОА получила статус армии союзной державы, а 28 января 1945 года Гитлер утвердил Власова главнокомандующим русскими формированиями со всеми необходимыми полномочиями, включая назначение на офицерские должности и присвоение воинских званий до полковника включительно [8, с. 41].

21 ноября 1944 года в Германии началось формирование 1-й дивизии РОА (командир С.К. Буняченко), 17 января 1945 года была создана 2-я дивизия (командир Г.А. Зверев), а затем 3-я дивизия (командир М.М. Шаповалов). Военную авиацию РОА в составе четырех эскадрилий возглавил В.И. Мальцев. В вермахте вышеуказанные дивизии числились как 600-я и 650-я пехотные, 700-я народно-гренадерская дивизии. В феврале 1945 года всем трем командирам дивизий и командующему ВВС РОА были присвоены генеральские звания германской армии [9].

9 февраля 1945 года состоялось первое сражение РОА против Красной армии в районе города Франкфурт-на-Одере, затем 13 апреля состоялся бой на левом берегу реки Одер (плацдарм Эрленгоф, так называемая операция РОА «Апрельская погода»). Оба сражения РОА проиграла и понесла тяжелые потери.

1 августа 1946 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к смертной казни через повешение высшее командование РОА (12 человек во главе с Власовым) за измену Родине и сотрудничество с врагом. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Эмблема РОА представляет собой герб (щит), в центре которого размещен синий Андреевский крест. Вверху имеется аббревиатура «РОА». Солдаты РОА помещали на нарукавную нашивку щит с тонкой красной каймой с Андреевским крестом внутри. Кокарда состояла из красного (в центре) и синего концентрических овалов.

В настоящее время символика РОА активно используется нацистами, неонацистами, националистами в качестве популяризации идей крайнего национализма, деятельности русских коллаборационистских организаций, героизации ее членов. Символика РОА и образ ее бойцов как истинных патриотов России активно используется в мемах, демотиваторах, а также в компьютерных играх, ориентированных в том числе и на несовершеннолетних, в которых предлагается сыграть на стороне бойцов РОА против Красной армии.

Все рассмотренные нами организации были созданы на оккупированных территориях с разрешения руководства нацистской Германии с одной целью – борьбы с Красной армией. Лидеры организаций находились в полном подчинении руководству нацистской Германии, имели офицерские звания. Таким образом, о создании самостоятельного национального государства данными персоналиями не может идти и речи. Однако современными крайними националистами деятельность данных организаций и ее лидеров преподносится как героическая, национальная, что, соответственно, приводит к созданию новой политической мифологии в современном культурном пространстве, транслируемой посредством использования коллаборационистской символики.

Библиографический список

1. Ковалев, Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы / Б. Н. Ковалев. – НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – 372 с.
2. Соловьев, А. К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах / А. К. Соловьев. – Мн : Навука і тэхніка, 1995. – 176 с.
3. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.
4. Сообщение НКГБ Белорусской ССР № 4/61 в НКГБ СССР, ЦК КП(б)Б и СНК БССР о создании «Белорусской Центральной Рады». 20 января 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/179876-soobschenie-nkgb-belorusskoy-ssr-locale-nil-4-61-v-nkgb-sssr-tsk-kp-b-b-i-snk-bssr-o-sozdanii-locale-nil-belorusskoy-tsentralnoy-rady-locale-nil-20-yanvarya-1944-g#mode/inspect/page/2/zoom/4>. – Дата доступа: 09.09.2024.

5. Приказ Президента Белорусской Центральной Рады Р. К. Островского о всеобщей мобилизации в Белорусскую Краевую Оборону. 6 марта 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/180070-prikaz-prezidenta-belorusskoy-tsentralnoy-rady-r-k-ostrovskogo-o-vseobschey-mobilizatsii-v-belorusskuyu-kraevuyu-oboronu-6-marta-1944-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>. – Дата доступа: 09.09.2024.

6. Мороз, И. Донесение Франца Кушеля от 6 августа 1943 года как одно из доказательств соучастия в геноциде белорусского народа / И. Мороз // Законность и правопорядок. – № 1 (69). – 2024. – С. 20–25.

7. Дробязко, С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945 гг. / С. И. Дробязко. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 608 с.

8. Дробязко, С. Вторая мировая война 1939-1945. Русская освободительная армия / С. Дробязко, А. Каращук. – М. : АСТ, 1999. – 40 с.

9. Русская освободительная армия, РОА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/russkaya-osvoboditelnaya-armiya-roa/>. – Дата доступа: 16.09.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асаёнок Борис Валерьевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат юридических наук, доцент.

Бахтеев Дмитрий Валерьевич – профессор ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», доктор юридических наук, доцент.

Бачиева Альбина Владимировна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин АО УВО Ленинградской области «Государственный институт экономики, финансов, права и технологий», кандидат юридических наук, доцент.

Берестень Владимир Ильич – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин УО Федерации профсоюзов Беларуси "Международный университет "МИТСО", доктор юридических наук, профессор.

Боярина Анна Александровна – заместитель начальника управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Буданова Людмила Юрьевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковского филиала Университета ФСИИ России, кандидат юридических наук, доцент.

Варавко Юрий Валерьевич – начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Васильева Мария Александровна – ученый секретарь Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, доктор юридических наук.

Вашкевич Надежда Александровна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационных технологий ЧУВО «Международный институт управления и предпринимательства».

Веренчиков Игорь Романович – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Вишневская Валентина Петровна – главный научный сотрудник ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор.

Горошко Елена Юрьевна – доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения ГУО «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Грак Наталья Николаевна – студентка юридического факультета Белорусского государственного университета.

Григорович Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Дедковский Андрей Александрович – заведующий кафедрой адвокатуры юридического факультета УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат юридических наук, доцент.

Джуманбетова Алтынай Алиевна – доцент кафедры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент.

Дьяконова Оксана Геннадьевна – профессор кафедры судебных экспертиз ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук, доцент.

Ермолович Владимир Федорович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», доктор юридических наук, профессор.

Зорин Роман Георгиевич – начальник научно-исследовательской части УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат юридических наук, доцент.

Иванов Дмитрий Валерьевич – декан факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте, ФГБОУ УВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет», кандидат юридических наук, доцент

Иванова Елена Сергеевна – заместитель декана по учебной работе, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте ФГБОУ УВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет».

Иванова Татьяна Петровна – доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета "МИТСО", кандидат исторических наук, доцент.

Кабачевский Алексей Анатольевич – магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета.

Карнаухова Оксана Геннадьевна – доцент кафедры судебных экспертиз ФГБОУ УВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Карпенко Дарья Дмитриевна – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет "МИТСО"».

Кашинский Михаил Юльевич – начальник научно-исследовательского отдела УО «Институт повышения квалификации и переподготовки

Следственного комитета Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Кирвель Виталий Казимирович – доцент кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Клишевич Егор Александрович – магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета.

Ковалик Борис Владимирович – адъюнкт УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Козел Валерий Михайлович, – старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Кравцова Елизавета Сергеевна – студент юридического факультета Белорусского государственного университета.

Красиков Владимир Сергеевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кузбагарова Елена Викторовна – доцент кафедры судебных экспертиз ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Кузьмин Вадим Петрович – студент УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова».

Кухарьков Юрий Владимирович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Лабоцкая Анастасия Андреевна – научный сотрудник ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси».

Лагун Надежда Ивановна – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Лазутина Людмила Фёдоровна – доцент кафедры юриспруденции УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова», кандидат юридических наук.

Лапина Ирена Александровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Лапцевич Ирина Игоревна – начальник отдела исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Лемешко Егор Владимирович – заведующий лабораторией медико-биологических технологий и медицинской реабилитации ГНУ «Институт физиологии Национальной академии наук Беларуси», кандидат медицинских наук, доцент.

Леонова Марина Александровна – помощник судьи – секретарь судебного заседания Экономического суда города Минска.

Логвин Вячеслав Михайлович – профессор кафедры криминалистики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Локтевич Ольга Игоревна – доцент кафедры организации предварительного расследования УО «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь».

Лосева Виктория Геннадьевна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Лузгин Иван Иванович – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Лукиянович Анатолий Леонидович – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Матлак Антон Николаевич – заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Метелица Анастасия Викторовна – магистрант Витебского филиала Международного университета "МИТСО".

Миленкевич Владислав Иванович – следователь по особо важным делам следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гродненской области.

Моисеева Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Муратова Надежда Георгиевна – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

Набатова Анна Эдуардовна – доцент кафедры теории и истории государства и права ГУО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

Олейник Вадим Владимирович – начальник цикла правовых дисциплин кафедры идеологической работы и социальных наук УО «Военная академия Республики Беларусь».

Орехова Екатерина Петровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Павлинов Андрей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия.

Павлють Ольга Вячеславовна – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Панченя Дмитрий Николаевич – начальник отдела исследования и учетов объектов животного происхождения и волокнистой природы управления экспертиз объектов животного и растительного происхождения, запаховых следов и волокнистых материалов главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Паутов Александр Михайлович – судья Верховного Суда Республики Беларусь.

Пацевич Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Поскребка Андрей Львович – старший преподаватель кафедры судебных технических и специальных экспертиз ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Путейко Валерия Витальевна – студентка юридического факультета Белорусского государственного университета.

Ропот Руслан Михайлович – начальник кафедры криминалистики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Руденко Евгения Олеговна – студентка юридического факультета Белорусского государственного университета.

Рудкевич Евгения Васильевна – старший следователь Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Середа Александр Евгеньевич – ведущий специалист учебной лаборатории криминалистической техники и судебных экспертиз кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Сидоренко Дарья Олеговна – главный специалист отдела криминалистического мониторинга законодательства и совершенствования

правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Скаков Айдаркан Байдекович – профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказания Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, доктор юридических наук, профессор.

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета.

Слащинин Олег Андреевич – следователь по особо важным делам Главного управления цифрового развития предварительного следствия центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Соркин Владимир Семёнович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Стрижевич Елена Владимировна – начальник штаба отдела внутренних дел Смолевичского районного исполнительного комитета.

Суртаев Дархан Арсланбекович – магистрант УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»

Тагунова Ксения Дмитриевна – старший преподаватель кафедры судебных криминалистических экспертиз ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Терешкевич Виктория Александровна – студентка юридического факультета Белорусского государственного университета.

Ткаченко Дмитрий Геннадьевич – эксперт ООО «Союз электронной торговли» (г. Москва).

Третьяков Григорий Михайлович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Харевич Дмитрий Людвигович – доцент оперативно-розыскной деятельности факультета милиции УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ходасевич Анна Вячеславовна – старший следователь Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Храмов Сергей Михайлович – доцент кафедры теории и истории государства и права УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент.

Цветкова Анна Денисовна – младший научный сотрудник АНО «Центр содействия развитию криминалистики "КримЛиБ"», Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

Чжу Вэнь – аспирантка юридического факультета Белорусского государственного университета.

Шабанов Вячеслав Борисович – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Шруб Максим Павлович – главный научный сотрудник УО «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Ян Цзунхуей – Чжуннаньский университет экономики и права, Ухань, КНР.

Яроцкая Юлия Александровна – заведующий лабораторией искусствоведческих и культурологических исследований ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат культурологии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АСАЁНОК Б. В. ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ	4
БАХТЕЕВ Д. В. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ	11
БАЧИЕВА А. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФАЙЛИНГА В СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	14
БЕРЕСТЕНЬ В. И. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ	19
БОЯРИНА А. А. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	26
БУДАНОВА Л. Ю., ШАБАНОВ В. Б. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПДД	30
ВАРАВКО Ю. В. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	33
ВАСИЛЬЕВА М. А. ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА НА РАЗВИТИЕ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ В РОССИИ	38
ВАШКЕВИЧ Н. А. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ. КЛАССИФИКАЦИЯ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ	43
ВЕРЕНЧИКОВ И. Р., СЕРЕДА А. Е. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛИЦА В КНР И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ	52
ВИШНЕВСКАЯ В. П. НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	64
ГОРОШКО Е. Ю. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	71
ГРИГОРОВИЧ В. Л., ХОДАСЕВИЧ А. В. ПРОВЕДЕНИЕ ОСМОТРА И ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	76
ДЕДКОВСКИЙ А. А. КРИПТОПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ	84
ДЖУМАНБЕТОВА А. А. ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДИКИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ «ЗАКАЗНЫХ» УБИЙСТВ	92
ДЬЯКОНОВА О. Г. ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	97
ЕРМОЛОВИЧ В. Ф. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ПОСТРОЕНИЯ И ПРОВЕРКИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБЩИХ ВЕРСИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	104
ЗОРИН Р. Г. ОТПРАВЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОННЫХ РАСПОРЯЖЕНИЙ ОРГАНА ВЕДУЩЕГО УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	109
ИВАНОВА Е. С. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	115
ИВАНОВА Т. П., МЕТЕЛИЦА А. В. ПРОФЕССОР А.В. ДУЛОВ И НОВАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	124
КАБАЧЕВСКИЙ А. А., КРАСИКОВ В. С. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПСИХОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ	129
КАРНАУХОВА О. Г., ИВАНОВ Д. В. ТАКТИКА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА В СУДЕ	134

КАРПЕНКО Д. Д. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	137
КАШИНСКИЙ М. Ю. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ	142
КИРВЕЛЬ В. К. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА – НАУЧНАЯ ШКОЛА КРИМИНАЛИСТИКИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1963-2021).....	154
КОВАЛИК Б. В. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОСМОТР»	162
КРАСИКОВ В. С. ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ.....	165
КУЗБАГАРОВА Е. В. МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ	169
КУЗЬМИН В. П., ЛАЗУТИНА Л. Ф. ИННОВАЦИОННЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ	177
ЛАБОЦКАЯ А. А. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ, ОСТАВЛЯЕМЫЕ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ	180
ЛАГУН Н. И. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	188
ЛАПИНА И. А., ПОСКРЕБКО А. Л. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ И СУДЕБНОЙ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	192
ЛАПИНА И. А., ТАГУНОВА К. Д. СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АСПЕКТЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.В. ДУЛОВА.....	197
ЛАПЦЕВИЧ И. И. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ: ИСПРАВИТЕЛЬНО-РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД.....	201
ЛЕМЕШКО Е. В. ЦЕЛОСТНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....	213
ЛЕОНОВА М. А., ЛАПИНА И. А. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ.....	222
ЛОГВИН В. М. О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА	226
ЛОКТЕВИЧ О. И. ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ В ЕГО ПРОИЗВОДСТВЕ ЗАЩИТНИКА.....	234
ЛОСЕВА В. Г. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДДЕЛОК В ДОКУМЕНТАХ.....	244
ЛУЗГИН И. И. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМОГРАФИЯ КАК ОТРАСЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ.....	248
ЛУКЬЯНОВИЧ А. Л., ГРАК Н. Н. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	262
МАТЛАК А. Н. СИСТЕМА ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	265
МИЛЕНКЕВИЧ В. И. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ.....	273
МОИСЕЕВА И. А. ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	281

МУРАТОВА Н. Г. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ: ИДЕИ ПРОФЕССОРА А.В.ДУЛОВА.....	287
НАБАТОВА А. Э. К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ.....	291
ОЛЕЙНИК В. В. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ И В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ (ПО ОПЫТУ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ).....	300
ОРЕХОВА Е. П., КЛИШЕВИЧ Е. А. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ: ПО СТРАНИЦАМ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА	308
ОРЕХОВА Е. П., КУХАРЬКОВ Ю. В. ВКЛАД ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА В МЕТОДОЛОГИЮ ПРЕПОДАВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ.....	312
ОРЕХОВА Е. П., ТЕРЕШКЕВИЧ В. А. ВКЛАД ПРОФЕССОРА А.В. ДУЛОВА В РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭТИКИ.....	316
ПАВЛИНОВ А. В. ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	322
ПАВЛЮТЬ О. В. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	326
ПАНЧЕНЯ Д. Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ВОЛОКНИСТОЙ ПРИРОДЫ И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	331
ПАУТОВ А. М. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК И ОПЕРАЦИЙ С КРИПТОВАЛЮТОЙ.....	340
ПАЦКЕВИЧ А. П. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ЛИЦА.....	345
ПЕТРОВА О. В. ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО)	353
ПУТЕЙКО В. В., ПАЦКЕВИЧ А. П. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И ЕГО ВИДЫ.....	357
РОПОТ Р. М. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ.....	365
РУДЕНКО Е. О., ПАЦКЕВИЧ А. П. СПОСОБЫ МОШЕННИЧЕСТВА В ИНТЕРНЕТЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЭТИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	371
РУДКЕВИЧ Е. В., ХЛУС А. М. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ	377
СЕРЕДА А. Е. О КОРРЕКТНОСТИ ПОНЯТИЯ «РАСПОЗНАВАНИЕ ЛИЦ» В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПО БИОМЕТРИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА.....	382
СИДОРЕНКО Д. О. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАТА.....	388
СКАКОВ А. Б. СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАЗАХСТАНА И РОССИИ	393
СКОБЕЛЕВ В. П. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	402
СЛАЩИН О. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ (НЕЙРОСЕТЕЙ) В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	411
СОРКИН В. С., КОЗЕЛ В. М. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	420

СТРИЖЕВИЧ Е. В., ПЕТРОВА О. В. ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	428
СУРТАЕВ Д. А., СКАКОВ А. Б. КОРРУПЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	433
ТКАЧЕНКО Д. Г. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	437
ТРЕТЬЯКОВ Г. М. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.....	444
ХАРЕВИЧ Д. Л. РОЛЬ ГЛАСНЫХ МЕР В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ.....	450
ХЛУС А. М. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	456
ХЛУС А. М., КРАВЦОВА Е. С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ.....	461
ХОДАСЕВИЧ А. В. УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	467
ХРАМОВ С. М. УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МЕТОДОМ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ С ПОМОЩЬЮ ЛИПОЛЬНОГО АНАЛИЗА.....	473
ЦВЕТКОВА А. Д. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА УСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ НАПЕЧАТАННОГО ТЕКСТА.....	480
ЧЖУ ВЭНЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	484
ШАБАНОВ В. Б., ЯН ЦЗУНХУЕЙ. ВИДЫ САМООГОВОРА И ФОРМЫ ИНСЦЕНИРОВКИ.....	491
ШРУБ М. П. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ.....	495
ЯРОЦКАЯ Ю. А. СИМВОЛИКА КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ	503
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	511